

VOLUME XIX

TRANSACTIONS OF THE ASSOCIATION OF RUSSIAN-AMERICAN SCHOLARS IN THE U.S.A.

ЗАПИСКИ

РУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ
ГРУППЫ В США

ТОМ XIX

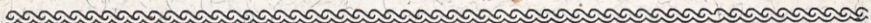
НА
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ТЕМЫ

VOLUME XIX

TRANSACTIONS
OF THE ASSOCIATION OF RUSSIAN-
AMERICAN SCHOLARS IN THE U.S.A.

NEW YORK

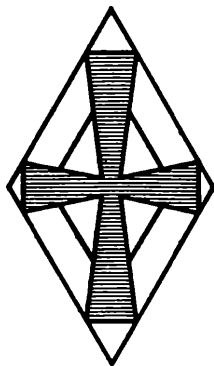
1986

ЗАПИСКИ

РУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ
ГРУППЫ В США

ТОМ XIX

VOLUME XIX

TRANSACTIONS
OF THE ASSOCIATION OF RUSSIAN-
AMERICAN SCHOLARS IN THE U.S.A.

NEW YORK

1986

EDITOR
Nadja Jernakoff
Union College

ASSOCIATE EDITOR
A.E. Klimoff
Vassar College

ASSOCIATE EDITOR
E.L. Magerovsky
Georgetown University

EDITORIAL ADVISORY COMMITTEE for volume XIX

O. P. Ilyinsky, New York University
A. P. Scherbatov, Farleigh Dickinson College
S. A. Zenkovsky, Vanderbilt University

Past or present institutional affiliation
given for identification purposes only.

Library of Congress Catalog Card No. 67-29613

ISSN: 0066-9717

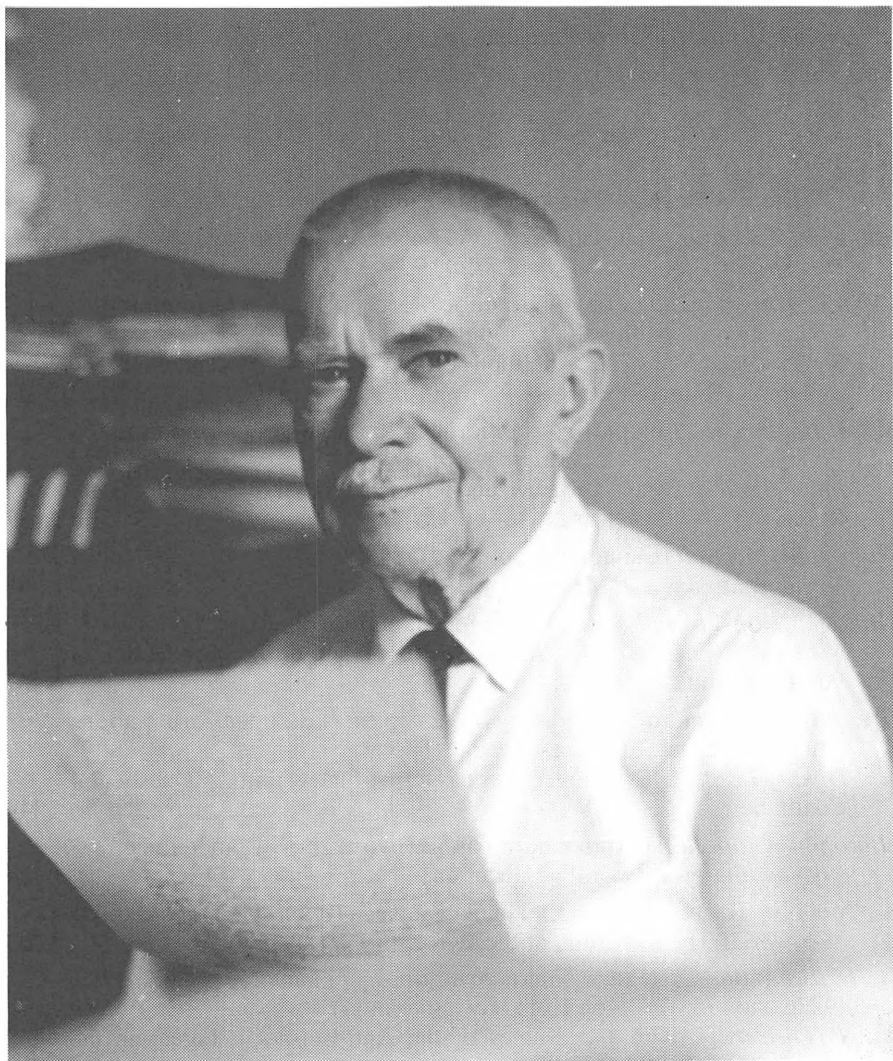
ISBN: 0-943303-19-2

TRANSACTIONS is published by the ASSOCIATION OF RUSSIAN-AMERICAN SCHOLARS
IN THE U.S.A., INC.
85-20 114th Street
Richmond Hill, N. Y. 11418

©Copyright 1986 by the Association of Russian-American
Scholars in the U.S.A.

Association logo by Vladimir Shatalov

IN MEMORIAM

**Проф.
С. Г. ПУШКАРЕВ
1888-1984**

The Association of Russian-American Scholars wishes to thank its members, the Tolstoy Foundation, and the I.V. Koulaieff Educational Fund for their generous financial support.

The transcription of Russian names and titles of works follows the Library of Congress system of transliteration in all bibliographical references. In the text of the articles, however, the transcription is generally simplified to reflect common English usage.

The editors assume no responsibility for statements either of fact or opinion made by contributors.

TABLE OF CONTENTS

<i>Надежда Жернакова</i> . Сергей Германович Пушкирев <i>Nadja Jernakoff</i> . Sergei Germanovich Pushkarev	3
<i>Евгений Магеровский</i> . Пророк, обернутый вспять: С. Г. Пушкирев, 1888-1984 <i>Eugene L. Magerovsky</i> . A Prophet Turned About: S. G. Pushkarev, 1888-1984	6
<i>Boris Pushkarev</i> . Sergei Germanovich Pushkarev: A Bibliography	14
<i>Ralph T. Fisher, Jr.</i> Translation of "A Wager on the Strong." by S. G. Pushkarev	23
<i>Сергей Зеньковский</i> . Отмена крепостного права Александром II и крестьянские реформы Столыпина <i>Serge Zenkovsky</i> . The Abolition of Serfdom by Alexander II and Stolypin's Agrarian Reforms	37
<i>Марк Шефтель</i> . Очерки государства и права в дореволюционной России <i>Marc Szeftel</i> . Essays on Law and Government in Pre-Revolutionary Russia	57
<i>Николай Лосский</i> . Смысл истории <i>Nicholas Lossky</i> . The Meaning of History	95
<i>Николай Кормилев</i> . Русская почта домарочного периода <i>Nicholas Kormilev</i> . Postal Service in Russia before the Introduction of Postage Stamps	107
<i>Димитрий Левицкий</i> . К вопросу об исторической преемственности университетов в Дерпте-Юрьеве-Тарту <i>Dimitry Levitsky</i> . The Universities of Dorpat-Iur'ev-Tartu: A Question of Continuity	149
<i>Николай Андреев</i> . Гоголь как историк (публ. Дж. Андреевой) <i>Nikolay Andreyev</i> . Gogol' as Historian	189
<i>А. Федоров</i> . Казнь террориста Ивана Каляева (публ. Н. Моравского) <i>A. Fedorov</i> . The Execution of the Terrorist Ivan Kaliaev	203
<i>П. В. Пашков</i> . Ордена и знаки отличия Гражданской войны 1917-1922 годов (публ. д-ра Г. Н. Будзиловича) <i>P. Pashkov</i> . Orders and Badges of the Anti-Bolshevik Forces in the Russian Civil War (1917-1922)	209
<i>Николай Полторацкий</i> . И. А. Ильин и П. Б. Струве <i>Nikolai P. Poltoratzky</i> . I. A. Il'in and P. B. Struve	271
Переписка И. А. Ильина и П. Б. Струве — 1925-1927 (публ. Н. Полторацкого) Letters of I. A. Il'in to P. B. Struve (1925-1927)	305

На разные темы

- Олег Ильинский*. Основные принципы поэзии Гумилева. К столетию со дня рождения
Oleg Il'insky. The Poetry of Nikolai Gumilev: Basic Principles. One Hundred Years since His Birth 373
- Темира Пахмусс*. Зинаида Гиппиус о В. В. Розанове
Temira Pachmuss. Zinaida Hippus on V. V. Rozanov 399
- George Krugovoy*. Epiphany of Evil in the Apocalyptic City (Mikhail Bulgakov's *The Master and Margarita*) 409

Рецензии

- Nickolas Lupinin. *Religious Revolt in the XVIIth Century: The Schism of the Russian Church* (Anton S. Beliajeff) 425
- Nicholas V. Riasanovsky. *The Image of Peter the Great in Russian History and Thought* (Serge Zenkovsky) 426
- Vladimir E. Alexandrov. *Andrei Bely: The Major Symbolist Fiction* (Зоя Юрьева) 429
- Валентина Синкевич. *Цветенье трав* (Олег Ильинский) 431
- Казимеж Вежинский. *Избранное*. Перевод Зои Юрьевой (Иоаким Бэр) 434

Из жизни Русской Академической Группы

- Николай Полторацкий и Алексей Щербатов*. Н. С. Тимашев. К столетию со дня рождения
Nikolai P. Poltoratzky and Alexis Scherbatov. N. S. Timasheff. On the Centennial of His Birth 439

Памяти ушедших

- С. А. Панин (Н. В. Первушин) 452
- Марк Шефтель (Н. Ж.) 452
- Юрий Павлович Иваск (В. Сечкарев) 453
- Роман Борисович Гуль (Е. Л. Магеровский) 455
- Лев Флорианович Магеровский (В. Б. Лембер) 461

Сергей Германович Пушкарев

Надежда Жернакова

Научный сотрудник Йельского университета Сергей Германович Пушкарев, проживший последние 35 лет своей долгой жизни в США, был выдающийся и широко известный русский историк, который сумел привлечь к себе не только многочисленных почитателей среди русской эмиграции, но и заслужить признание и благодарность целого ряда американских студентов и профессоров. Он был долголетним членом Русской Академической Группы в США, редактором исторического отдела ее *Записок* и автором нескольких ценных работ, напечатанных в них в 1967-1978 гг.

С. Г. Пушкарев родился в 1888 г. в Старооскольском уезде Курской губернии. Окончив Курскую гимназию с золотой медалью, он в 1907 г. поступил на историко-филологический факультет Харьковского университета. Окончив его, после нескольких перерывов в обучении, в 1918 г., он был оставлен при кафедре русской истории для подготовки к профессуре.

Перерывы в университетской карьере С. Г. объясняются сперва его связями, в те молодые годы, с социал-демократами, за что он был исключен из университета в 1910 г. Выехав за границу, С. Г. в 1911-1914 гг. слушал лекции в университетах Гейдельберга и Лейпцига. Возвратившись в Харьковский университет в 1916 г., он, однако, решил вступить добровольцем в армию в середине 1917 года и пробыл в ней до конца того же года. Вернувшись снова в университет, он наконец закончил свое университетское образование в 1918 г.

В июне 1919 г., отказавшись от своих левых взглядов, С. Г. вступает рядовым в один из пехотных полков Белой армии, участвует в боях, терпит тяжелое ранение и в 1920 г., в составе

армии ген. Врангеля, эвакуируется в Турцию. Оттуда, в 1921 г., он переезжает в Прагу, где получает стипендию через Русскую Учебную Коллегию для продолжения приготовления к профессорскому званию.

В Праге, в 1924 г. под руководством проф. И. И. Лаппо, С. Г. выдерживает магистерские экзамены при Русской Академической Группе и получает звание приват-доцента. Он становится членом Русской Учебной Коллегии, преподает в Русском Свободном Университете, входит в состав ученого совета Русского Заграничного Исторического Архива в Праге и получает приглашение стать членом Славянского института при Чешской Академии Наук.

Эта бурная и плодотворная академическая жизнь прерывается во время Второй Мировой войны. Весной 1945 г., когда советская армия уже подходила к Праге, Пушкареву с семьей удалось перебраться в Западную Германию, оккупированную американскими войсками, где он провел 4 года в разных лагерях для «перемещенных лиц». По приглашению своего близкого друга, историка проф. Г. В. Вернадского, С. Г. в 1949 г. переехал в США, где стал преподавать русский язык в Йельском университете и продолжал свою научную работу, пользуясь богатейшей библиотекой Йельского университета. Помимо преподавания в Йельском университете, в 50-х годах С. Г. читал лекции по русской истории в Фордхэмском и Колумбийском университетах.

Из под пера С. Г. Пушкарева вышли многочисленные статьи и несколько книг. Все они основаны на тщательной подготовке материала и на глубоком знании источников и научной литературы.¹ В этих работах читателя особенно поражает широта тематического диапазона. В своих «Очерках по истории науки в России» (часть I), проф. Вернадский так определяет «главные темы разработанные [С. Г. Пушкаревым — Н. Ж.] в течение его неустанной плодотворной деятельности:

- 1) История русского крестьянства; происхождение поземельной общины; крестьянское самоуправление.
- 2) Государство-город в северной Руси (Псков).
- 3) Народная основа Московского царства.
- 4) Донское казачество и его взаимоотношения с Москвой.
- 5) Значение церкви в истории России.

¹ См. библиографию трудов С. Г. Пушкарева на стр.14-22 настоящего сборника.

- 6) Петр Великий.
- 7) Ленин.
- 8) Россия и Запад.»²

Далее, Вернадский указывает, что основным интересом С. Г. всегда был социально-политический строй русского народа и внутренняя политика России.

Пожалуй самыми известными трудами С. Г. Пушкарева на русском языке являются его *Обзор русской истории* (Нью-Йорк: изд. имени Чехова, 1953) и *Россия в XIX веке* (Нью-Йорк: изд. имени Чехова, 1956). Обе книги написаны на уровне университетских курсов. Однако их живой язык, множество цитат из источников и предельная ясность изложения делают их доступными для широких кругов читателей.

Из работ, вышедших только на английском языке, нужно выделить два издания, опубликованных в начале 1970-х годов в Yale University Press: *A Source Book of Russian History* (3 vols.) и вытекающий из него *Dictionary of Russian Historical Terms from the Eleventh Century to 1917*. Составитель обоих трудов был С. Г. Пушкарев. Первый труд вышел в 1972 г. под главной редакцией проф. Г. В. Вернадского, при участии проф. Ралф Фишера, американского историка и близкого друга С. Г. Этот хрестоматийный труд стал необходимой «книгой источников» не только для студентов-американцев, изучающих русскую историю, но и для каждого, серьезно интересующегося ею. Что касается словаря русских исторических терминов, то он представляет собой уникальный справочник.

Сергей Германович Пушкарев умер 22-го января 1984 г. на 96-м году жизни. Последние годы он провел в Нью-Джерси в семье сына и невестки, продолжая работать и писать до самого последнего времени.

Русская Академическая Группа в США, добрым другом и участником которой С. Г. был в течение долгих лет, посвящает этот исторический сборник *Записок* его светлой памяти.

Да будет легка ему американская земля!

² См. *Записки Русской Академической Группы в США*, т. VIII (Нью-Йорк, 1974), стр. 194-200.

Пророк, обернутый вспять: С. Г. Пушкарев, 1888-1984

*Евгений Магеровский**

Фридрих Шлегель, германский романтик эпохи «Бури и натиска», говорил, что «историк — это пророк, обернутый вспять». Его классическая задача — делать прошлое понятным последующим поколениям и вить из его нитей складное, гармонизирующее и назидательное повествование. Эта задача уже сложна и тяжела сама по себе даже в самых благоприятных условиях. Но ее выполнение становится заданием почти совсем невозможным, когда историк, вместо того, чтобы проводить время в уютных кабинетах и хранилищах, неторопливо разбирая и изучая матерьялы, выброшен круговоротом событий злобы дня в самый эпицентр волнений и потрясений поистине титанического характера. Он вынужден тогда не только участвовать, но и принимать стороны в радикальных общественных спорах, где прошлое рассматривается как оружие для изменения настоящего, где историческая наука в одно и то же время становится и догматикой, и апологетикой нового, псевдо-религиозного материалистического учения. Хуже того, он вынужден участвовать в окружающем его кризисе не только интеллектуально и морально, но и физически, на фронтах гражданской войны, и потом, после ее окончания, в тяжких, для русского ученого — трагических, условиях эмиграции.

Таким образом, наряду с добровольно взваленной себе на

* Prof. Eugene L. Magerovsky, Ph.D. (Columbia); Colonel, GS (AUS-Ret); served as Associate Director, Russian Area Studies Program, Graduate School, Georgetown University, Washington, D.C., and DDI at U.S.A. Russian Institute, Garmisch-Partenkirchen, W. Germany.

плечи тяжелой ношей честного, объективного специалиста по истории России, Сергей Германович Пушкарев получил от им же столь удачно охарактеризованной «злой мачехи Истории» еще две добавочных нагрузки: быть историком России в самые судьбоносные и трагические для нее годы, а затем — быть русским историком в эмиграции.

В первом случае, в виду того, что ранняя часть зрелой жизни Сергея Германовича совпала с непосредственно предреволюционной и собственно-революционной эпохами истории России, то ему трижды пришлось принять сознательное решение пожертвовать окончанием своего профессионального образования ради выполнения своего долга как русского интеллигента перед своим народом и своим государством.

Будучи в студенческие годы вовлечен в пропагандно-просветительную революционную работу, С. Г. Пушкарев сознательно жертвует 5-6 годами своей жизни и навлекает на себя арест и исключение из университета за участие в социал-демократической революционной организации. Тут следует отметить, что многие русские мыслители, некоторые — на целое поколение, а то и более, старше С. Г., прошли через подобное «искушение марксизмом» и вышли из него стойкими анти-большевиками. Среди них можно вспомнить П. Б. Струве, Н. А. Бердяева, о. С. Булгакова, С. Л. Франка и многих других, для которых привлекательный своей интеллектуальной стройностью и псевдорационализмом марксизм послужил своего рода первым умственным обольщением в юношеские годы, когда вера в возможности человеческого разума и его способность перестроить действительность бывает безгранична. В конце XIX в. трудно было найти более многообещающее учение для русского молодого интеллигента, жаждавшего осчастливить свой народ, передав ему самые совершенные и самые научные формы организации его жизни. Но юношеское стремление к конкретному совершенству, как и очарование первой любовью, постепенно уступают умственной зрелости.

В общем, С. Г. не промотал эти годы на митингах и сходках, а полезно провел их в Гейдельбергском и Лейпцигском университетах, правда — под пристальным оком заграничной службы Охранного отделения, прилежно снимавшей копии с его частной переписки (один из наших коллег, недавно работавший в Гуверовском архиве, случайно набрел на пример этого в коллекции матерьялов российского посольства в Париже). Но опять-таки сторонние события, в этот раз — начало войны с Германией,

заставляют С. Г. вернуться в Россию, где он вновь поступает в университет, но затем, при Временном Правительстве снова решает пожертвовать продолжением своего образования и идет на войну, участвовать в которой по состоянию здоровья он совсем не должен. Свое образование он кончает только в 1918 г., уже сильно отстав от своих сверстников, которые предпочитали более спокойные виды общественного служения, как в военной форме, так и без нее.

Тем не менее, даже оставление его при университете для подготовки к профессорскому званию, не останавливает С. Г. перед еще одним глубоко принципиальным решением — включиться в антибольшевистскую борьбу и уйти добровольцем на гражданскую войну. И тут он опять жертвует собой и прямо, и косвенно: не только он вновь откладывает завершение своего профессионального образования, но и получает тяжелое ранение. На этом кончается российская и начинается первая эмигрантская фаза его жизни.

Выдержав магистерские экзамены и получив свой «веня доценти» уже за границей при Русской Академической Группе в Праге, на 36-м году жизни, С. Г. вступает на тяжелый эмигрантский жизненный путь, принеся свою молодость на жертвенник своих альтруистических идеалов — и не просто каких-то абстракций, а идеалов, подтвержденных конкретными добровольными личными жертвами.

Если условия, связанные с первой, российской фазой его жизни были у С. Г. результатом его собственного свободного выбора, то пребывание в эмиграции подвело его под действие сил, от него никак не зависящих. Конечно, если бы он получил свой «веня доценти» еще в России, как, скажем, Г. В. Вернадский, А. В. Флоровский и другие его сверстники, то его жизнь сложилась бы, м.б., немногим легче, но не намного, т.к. в эмиграции, более чем где-либо, для карьеры любого интеллигента имело большое значение просто счастливое стечение обстоятельств. Например, М. М. Карпович, еще один коллега и сверстник Сергея Германовича, по другим обстоятельствам тоже сильно задержавший свое приготовление к профессорскому званию, попал в значительно лучшее положение благодаря своим связям с послом Временного Правительства в США Борисом Бахметьевым и нахождению в США, где в 20-х гг. специалистов по русской истории почти не было. В Праге же, где случилось жить Сергею Германовичу, русских историков — как старшего поколения и с установившейся уже европейской репутацией, так и самого младшего, только начинающего, — было очень много.

Были и другие причины затруднительного положения русских эмигрантов-историков. Во-первых, при переезде на чужбину политическим эмигрантам-специалистам по общественно-гуманитарным наукам всегда приходится труднее, нежели их коллегам в точных, естественных и экспериментальных областях. На них бывает меньше всего спрос и среди них многие обладают специальностями как, например, право, которые почти неприменимы за границей. Более того, в этих областях эмигранты больше всего конкурируют с местными специалистами. Наконец, они не всегда достаточно хорошо владеют местным языком, а для специалиста по гуманитарным наукам превосходное знание местного языка есть требование самое элементарное.

Во-вторых, что касается специально русских историков-эмигрантов, попавших за границу вследствие революции в России, то тут действует целый ряд особых отягчающих обстоятельств. Начнем с объективных условий: русский историк-эмигрант оказался совершенно оторванным от жизненно необходимых ему коллекций первоисточников и литературы. Хотя и то и другое в какой-то мере можно было найти в заграничных хранилищах, такое положение требовало очень тщательного выбора тем для работ, чтобы имеющиеся за границей матерьялы могли привести к написанию качественного исторического труда. Таким образом, исключались темы и исследования, работа над которыми требовала доступа к матерьялам, находящимся только в России. В этом смысле местным историкам — не-эмигрантам приходилось значительно легче: они часто могли ездить в СССР и иметь там доступ — правда, не всегда неограниченный — к историческим матерьялам. Прекрасной иллюстрацией этому положению может служить капитальный труд Пьера Паскаля о Расколе и протопопе Аввакуме.

Наконец, многих — особенно в 20-х и начале 30-х гг. — томило острое чувство дезориентации ввиду исчезновения у них прежней культурной почвы, когда вследствие марксистских псевдо-научных установок М. Покровского и др. историческая наука, ранее хотя бы претендовавшая на объективность, была объявлена политикой, нацеленной в прошлое.

Были также отягчающие условия и субъективного характера. Самым острым из них было отношение к своему, российскому непосредственному прошлому, начиная, скажем, с эпохи Смутного времени, а то и раньше. Особенно же больно этот вопрос вставал в связи с трактованием причин российской революции. К сожалению, подход к этому вопросу со стороны индивидуального русского эмигранта-историка часто определял, в свою

очередь, отношение к нему и его трудам со стороны местных и других не-русских специалистов по истории России.

В этом вопросе можно различить три момента. Прежде всего, в виду захвата власти большевиками, создалось положение, при котором спектр русских политических группировок, к которым принадлежали и историки-эмигранты, резко разделился на две неравные части: с одной стороны — большевики (и все сокращающееся число их попутчиков) и все остальные, от монархистов-легитимистов и до социалистов небольшевистских толков, — с другой. Поскольку принадлежащих к первой группе было очень мало, то почти все споры происходили во второй, где мнения расходились по двум основным линиям.

Одни — назовем их «критиками» — считали, что революция была вызвана неудачной политикой властей, их ошибками, нерадением и подчас даже злой волей. Приверженцы такого подхода склонны искать причины российского безвременья в действиях или бездействии властей и власть имущих, или, наконец, в безличных исторических процессах и институтах, вызвавших падение империи. Другие — «апологеты» — видели причины трагической судьбы, постигшей Россию, в нелояльных, оппозиционных и попросту крамольных действиях частных лиц и всяких их группировок, равно как и тех влиятельных лиц и чиновников, которые-де были в состоянии положительно повлиять на события, но в нужный момент не оказали власти должной и обязательной для всех россиян поддержки. Таким образом, на манер германской теории «удара в спину» (*Dolchstoss*), популярной после поражения в Первой мировой войне, в трудную для них минуту, законные власти, вдруг и по никак необъяснимым причинам — кроме злой воли их действительных или мнимых противников — оказались совершенно одинокими и никем не поддержанными. Список таких врагов у «апологетов» охватывает довольно обширную группу лиц: от интеллигенции и откровенных оппозиционеров и революционеров до членов некоторых национальных меньшинств, и вплоть до бывшего начальника штаба Ставки, а затем — Верховного Главнокомандующего и зачинателя Белой борьбы, ген. М. В. Алексева.

К чести большинства историков-эмигрантов надо сказать, что несмотря на сильную тенденцию отталкивания от позиций «критиков», по причине некоторого внешнего сходства последних с отъявленно отрицательным взглядом на русское прошлое со стороны большевиков, а также ввиду того, что многие усматривали в любой критике старого строя своего рода оправдание

революции, которая не только лишила их отечества, но и была подчас связана с болезненными воспоминаниями о недавних личных и семейных трагедиях, — среди историков в эмиграции преобладала, в общем, центристская позиция, возможно с некоторым, часто даже произвольным, уклоном в сторону «критиков».

Сергей Германович как раз стал на такую центристскую позицию и с нее занялся изучением народных масс и институтов, их организующих. Его интересовали отношения между обществом и властью, организациями и организуемыми. Он старался проследить возникновение и развитие социальных, политических и экономических процессов, способствовавших созданию различных видов общественных образований. Народ и общество, с одной стороны, формы организации их жизни и управления, с другой, — вот основная тематика его научных трудов.

Тут надо заметить, что такой научный интерес С. Г. вполне гармонирует с его системой основных моральных ценностей и темпераментом. Как представитель служилого сословия империи и молодой член «ордена» русской интеллигенции, он считает своим долгом служить своему народу и своей культуре. Таким образом, те же мотивы, которые побудили С. Г. избрать столь специфическую тематику для своих научных работ, также ранее привели его в марксистский студенческий кружок, а потом — в ряды Добровольческой армии.

Поскольку приведенная ниже библиография произведений С. Г. дает исчерпывающую картину его трудов, отметим лишь некоторые главные моменты. Принято считать, что апогей профессиональной жизни зрелого историка наступает тогда, когда он, научившись на трудах монографических и эпизодических, переходит к трудам обобщающим и энциклопедическим. С. Г. Пушкарев достиг этой вершины в своей профессии уже во второй фазе своей жизни в эмиграции, находясь в США, где он опубликовал два ценнейших обобщающих труда: *Обзор русской истории* (1953) и *Россия в XIX веке* (1956). Последний был несколько расширен и переведен на английский язык. Наряду с аналогичными учебниками М. Т. Флоринского (2-ой том)¹ и Хью Ситона-Ватсона², он широко используется в американских университетах. Что же касается их русских изданий, то они служат действительно уникальными, т.к. по сей день они являются единственными не-советскими учебниками по русской дореволю-

¹ Michael T. Florinsky, *Russia: A History and an Interpretation*, 2 vols.

² Hugh Seton-Watson, *The Russian Empire, 1801-1917*.

ционной истории на русском языке, которые не устарели, как, скажем, труды С. Ф. Платонова (*Учебник русской истории и Лекции по русской истории*) или В. В. Корнилова (*История России в XIX веке*).

В этих трудах Сергей Германович одним из первых русских историков полностью разрушает миф о «земельном голоде» дореволюционного русского крестьянина, который бытовал и отчасти еще продолжает бытовать в советской и западной историографии России. Пушкарев показал, что средняя величина крестьянского надела в Европейской России в несколько раз превосходила размер среднего крестьянского участка в странах Европы и что русское сельское хозяйство нуждалось не в мерах экстенсивных, а интенсивных. В другом контексте С. Г. остро подмечает заметное изменение — в сторону снижения — в качестве образования, знаний и, вообще, культурного уровня революционно настроенного русского интеллигента на рубеже веков, работающего на мелких должностях в земских и городских учреждениях, и позже связывает эту «полу-интеллигенцию» с ранним составом советского революционного бюрократического аппарата. Насколько известно пишущему эти строки, Пушкарев — первый, высказывающий эту мысль. Жаль, что он не развивает ее дальше.

Если жизнь С. Г. в Праге была нелегкой, то переезд и первые шаги в США были для него несравненно труднее. Продолав свою вторую эмиграцию — из Чехословакии, через оккупированную Германию, в США — уже в преклонном возрасте, ему, как и многим другим, пришлось начинать тут новую жизнь снова без языка и на 62-м году жизни. Хотя стремиться к преподаванию русской истории в американских университетах было уже поздно, С. Г. читал по приглашениям на русском языке эпизодические лекции о русской истории в ряде университетов и преподавал русский язык в Йельском университете. Снова столкнувшись с условиями, не разрешающими ему преподавать свою дисциплину в университете, С. Г. не сдался, а с головой ушел в исследовательскую работу.

Наряду с уже упомянутыми двумя обзорами, он создает два капитальных источниковедческих и историографических труда: трехтомную хрестоматию источников по русской истории (*Source Book of Russian History*) и словарь русских исторических терминов (*Dictionary of Russian Historical Terms From the XI Century to 1917*). Последний, будучи единственным в своем роде источниковедческим пособием при изучении русской истории в Америке, сразу же

исчезает с рынка и становится библиографической редкостью. То же, примерно, происходит и с другими его монографиями. Поэтому, чрезвычайно отраднo, что недавно сын Сергея Германовича, Борис, участвующий в издательстве «Посев», приступил к переизданию некоторых трудов своего отца.

Долгая, нелегкая жизнь Сергея Германовича дает всем нам незабываемый пример жертвенности, служения идеалу и обществу, стойкости духа, скромности, необычайной работоспособности и трудолюбия, любви к своей профессии и способности продуктивно работать несмотря ни на какие внешние преграды. Как эмигрант-историк, он встретил и превозмог затруднения, вытекающие из его состояния эмигранта, и предельно использовал те узкие возможности, которые открывались перед русским эмигрантом — специалистом по русской истории.

Пользуясь термином дипломатического протокола, Сергей Германович, как последний абитуриент российских императорских университетов, оставленный при одном из них для приготовления к профессорскому званию, был в последние годы несомненным «дуайеном» всех зарубежных специалистов по истории России русского происхождения, связуя нас с эпохой, учреждениями и традициями, к преемственной связи с которыми мы стремимся, но которых больше нет. И лучшего такого «старосту» мы себе и желать не могли. Действительно, с уходом от нас Сергея Германовича не только перелистывается последняя страница одной из дорогих нам летописей, но и захлопывается весь увесистый ее том.

Sergei Germanovich Pushkarev: A Bibliography

Compiled by Boris Pushkarev

Abbreviations used:

NRS – *Novoye Russkoye Slovo* (New York)

NZh – *Novyi Zhurnal* (New York)

RR – *The Russian Review* (USA)

SEEJ – *Slavic and East European Journal* (USA)

SR – *Slavic Review* (USA)

ZRAG – *Zapiski russkoi akademicheskoi gruppy v S.Sh.A. / Transactions of the Association of Russian-American Scholars in the U.S.A.*

BOOKS AND BROCHURES

1. Pushkarev, S. G. *Ocherk istorii krest'ianskogo samoupravlenia v Rossii*. Prague: "Khutor," 1924 (41 p.).
2. ———. *Sviato-Troitskaia Sergieva Lavra*. Prague: Bratstvo o. Ioanna Kronshadtского, 1928 (50 p.).
3. ———. *Rol' Pravoslavnoi Tserkvi v istorii russkoi kul'tury i gosudarstvennosti*. Vladimirova: Knigopечатnia pr. Iova Pochaevskogo, 1938 (60 p.).
4. ———. *Městský stav a městské zřízení v Čechách v 14 a 15 stoletích* [Town structure and town organization in Bohemia in the 14th and 15th centuries]. Rozpravy vědecké společnosti badatelské při Ruské svobodné universitě, No. 57. Prague, 1938 (40 p.).
5. ———. *Proiskhozhdenie krest'ianskoi pozemel'no-peredel'noi obshchiny v Rossii*.
 - I. "Vvedenie. Krest'ianskoe zemlevladienie i zemlepol'zovanie v Moskovskom gosudarstve v XVI-XVII vv." *Zapiski Russkogo nauchno-issledovatel'skogo ob"edineniia*, No. 67. Prague, 1939 (66 p.).
 - II. "XVIII vek." *Zapiski Russkogo nauchno-issledovatel'skogo ob"edineniia*, No. 77. Prague, 1941 (43 p.).
6. ———. *Obzor russkoi istorii*. New York: Izd-vo imeni Chekhova, 1953 (509 p.).
7. ———. *Rossia v XIX veke, 1801-1914*. New York: Izd-vo imeni Chekhova, 1956 (509 p.).

8. _____ . *The Emergence of Modern Russia, 1801-1917*. Trans. Robert H. McNeal and Tova Yedlin. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1963. Second edition. Edmonton: Pica Pica Press, 1985 (512 p.).
[An expanded and revised translation of item 7].
9. _____ , compiler. *Dictionary of Russian Historical Terms from the Eleventh Century to 1917*. Eds. George Vernadsky and Ralph T. Fisher, Jr. New Haven: Yale University Press, 1970 (199 p.).
10. _____ , compiler. *A Source Book for Russian History from Early Times to 1917*. Vol. 1. *Early Times to Late Seventeenth Century*. Vol. 2. *Peter the Great to Nicholas I*. Vol. 3. *Alexander II to the February Revolution*. Sen. ed. George Vernadsky. New Haven: Yale University Press, 1972.
11. _____ . *Krest'ianskaia pozemel'no-peredel'naia obshchina v Rossii*. With a new introduction by Marc Raeff and a new bibliography by David A. J. Macey. Newtonville: Oriental Research Partners, 1976 (165 p.).
[Includes reprint of item 5 above]
12. _____ . *Lenin i Rossiia: sbornik statei*. Frankfurt/Main: "Possev," 1978 (193 p.).
13. _____ . *Samoupravlenie i svoboda v Rossii*. Frankfurt/Main: "Possev," 1985 (174 p.).
14. _____ . *Rol' Pravoslavnoi Tserkvi v istorii Rossii*. New York: "Possev-USA," 1985 (125 p.).
[A reprint of items 2 and 3 above with an introduction by the Rev. John Meyendorff]

WORKS EDITED BY S. G. PUSHKAREV

15. S. P. Mel'gunov. *The Bolshevik Seizure of Power*, trans. James S. Beaver. Santa Barbara: ABC-Clio Press, 1972 (260 p.).
16. The Russian original of: George Vernadsky. *Russian Historiography: A History*, trans. Nicholas Lupinin. Belmont, Mass.: Nordland Publishing, 1978 (575 p.) [in ZRAG, vols. 5-9].

ARTICLES IN COLLECTIONS AND JOURNALS

17. [Pushkarev, S.G.], S. Germanov, *pseud.* "Saltykov-Shchedrin i sovremennaia rossiiskaia deistvitel'nost'." *Sovremennik* [St. Petersburg], 1914.
18. _____ . "Vnitřní zřízení a vnější postavení pskovského státu ve XIV-XV stoletích" [Internal organization and external position of the Pskov state in the 14th and 15th centuries]. *Sborník věd právních a státních* [Prague], vol. XXV (1925).
19. _____ . "Zásady obchodní a průmyslové politiky Petra Velikého" [Foundations of trade and industrial policy of Peter the Great]. *Ibid.*, vol. XXVI (1926).
20. _____ . "Rossiia i Evropa v ikh istoricheskom proshlom." *Evraziiskii Vremennik* [Prague], vol. 5 (1927).
21. _____ . "I. T. Pososhkov i ego znachenie v istorii russkoi kultury." *Zapiski Russkogo Istoricheskogo Obshchestva* [Prague], vol. I (1927).

22. _____ . "The Political Movements and Political Organization of the Russian Peasantry in the Twentieth Century." *A Systematic Source Book of Rural Sociology*, vol. II. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1931.
23. _____ . "Tseloval'niki v sude i upravlenii Moskovskoi Rusi." *Zapiski Russkogo Nauchnogo Instituta v Belgrade*, No. 9 (1933).
24. _____ . "Tseloval'niki v gosudarstvennom khoziaistve Moskovskoi Rusi." *Ibid.*, No. 13 (1935).
25. _____ . "Dr. K. Kramář a Rusko." *Karel Kramář a Slovanstvo* (S.G. Pushkarev and V.P. Shapilovsky, eds.). Prague: Ruský spolek válečných invalidů, 1937.
26. _____ . "Znachenie pravoslavnoi tserkvi v istorii russkoi kul'tury i gosudarstvennosti." *Svet istinnyi: pravoslavnyi sbornik*. Geneva: Russkoe Trudovoe Khristianskoe Dvizhenie, 1939.
27. _____ . "Boris Alekseevich Evreinov: biograficheskii ocherk i bibliografiia pechatnykh rabot." *Zapiski Russkogo Istoricheskogo Obshchestva* [Prague], vol. 3 (1938).
28. [_____] , S. Germanov, *pseud.* "Teoriia marksizma i fakty russkoi istorii." *Novye Vekhi*. [Publication data unavailable — 1944-1945?]
29. [_____] , S. Germanov, *pseud.* "18-e Briumera Lui Bonaparta." *Ibid.*
30. [_____] , S. Germanov, *pseud.* "Istoricheskie trudy S.P. Mel'gunova; k ego 75-letiiu." *Mysl'* [Frankfurt/Main], No. 5 (1954).
31. [_____] , S. Germanov, *pseud.* "Stavka na sil'nykh." *Grani* [Frankfurt/Main], No. 33 (1957).
32. _____ . "Soiuz Lenina s Vil'gel'mom II v 1915-1918 gg." *Nashi Dni* [Frankfurt/Main] No. 2(30) (1962).
[Reprinted in item 12 above]
33. _____ . "Russia and the West: Ideological and personal contacts before 1917." *RR*, Vol. 24, No. 2 (1965).
34. _____ . "Rossia i S.Sh. A.: istoricheskii ocherk ikh vzaimootnoshenii s kontsa XVIII veka do 1917 goda." *NZh* No. 88 (1967).
35. _____ . "Oktiabr'skii perevorot 1917 goda bez legend." *NZh*, No. 89 (1967).
[Reprinted in item 12 above]
36. _____ . "Russkaia zemlia v bezgosudarnoe vremia: 1606-1613." *ZRAG*, Vol. I (1967).
37. _____ . "The Russian Pesants' Reaction to the Emancipation of 1861." *RR*, Vol. 27, No. 2 (1968).
38. _____ . "Donskoe Kazachestvo i Moskovskoe gosudarstvo v XVII veke." *ZRAG*, Vol. II (1968).
39. _____ . "Lenin i S.Sh. A." *NZh*, No. 100 (1970).
[Reprinted in item 12 above]
40. _____ . "Vneshniaia politika Lenina: 1914-1923." *ZRAG*, Vol. IV. (1970).
[Reprinted in item 12 above]
41. _____ . "Pamiati ushedshikh: G.V. Vernadskii." *NZh*, Vol. 113 (1973).
42. _____ . "Pamiati professora Georgiia Vladimirovicha Vernadskogo." *ZRAG*, Vol. VII (1973).
43. _____ . "Petr Velikii." *Ibid.*
44. _____ . "Istoriografiia russkoi pravoslavnoi tserkvi." *ZRAG*, Vol. VIII (1974).

45. ——— . “Akademiiia Nauk, 1725-1975.” *ZRAG*, Vol. IX (1975).
46. ——— . “Elementy politicheskoi svobody i obshchestvennogo samoupravleniia v do-petrovskoi Rusi.” *ZRAG*, Vol. X (1976).
47. ——— . “Vypiski iz dnevnikov L. N. Tolstogo.” *ZRAG*, Vol. XI (1978).
48. ——— . “Luch sveta v temnom tsarstve: iz epokhi Smutnogo vremeni.” *Russkoe Vozrozhdenie* [New York], No. 4 (1978).
49. ——— . “Krest’iane v revoliutsii; dokumentirovannyi ocherk.” *NZh*, No. 139 (1980).
50. ——— . “O svobode i samoupravlenii v Rossii.” *Grani*, No. 126 (1982) and No. 127 (1983).
[Reprinted in item 13 above.]

NEWSPAPER ARTICLES AND LETTERS TO THE EDITOR

51. ——— . “Kak russkii narod zaseliia Sibir’.” *Khoziain* [Prague], Nos. 9, 11, 15 (1925).
52. ——— . “Kolonizatsiia Sibiri russkim narodom.” *Rodnoe Slovo* [Warsaw], No. 13 (1926).
53. ——— . “Ocherk istorii donskogo kazachestva.” *Khoziain*, Nos. 51, 52 (1926) and No. 1 (1927).
54. ——— . “Krest’ianskii mir na severe Rossii v XVI-XVII vv.” *Khoziain*, Nos. 12, 13, 38, 39, 40 (1928).
55. ——— . “Sto let tomu nazad: Russko-turetskaia voina 1828-9 gg. i adriianopol’skii mir.” *Rossii i Slavianstvo* [Paris], No. 93 (1930).
56. ——— . “Otnosheniia tserkvi i gosudarstva v drevnei Rusi.” *Den’ Russkoi Slavy* [Belgrad—annual publication, irregular], 1933.
57. ——— . “Sviatoi Mitropolit Aleksii.” *Den’ Russkoi Slavy*. . . , 1935.
58. ——— . “Mir i monastyr’ v drevnei Rusi XIV-XVII vv.” *Den’ Russkoi Slavy*. . . , 1936.
59. ——— . “Sv. Sergii v istorii Rossii.” *Den’ Russkoi Slavy*. . . , 1937.
60. ——— . “Natsional’no-gosudarstvennaia rol’ pravoslavnoi tserkvi v smutnoe vremia.” *Den’ Russkoi Slavy*. . . , 1939.
61. ——— . Letter to the editor [On the use of terms “Russians” vs. “Communists”]. *The New York Times Magazine*, 16 July 1950.
62. ——— . “O demokraticheskoi blagodati.” *NRS*, 23 April 1951.
63. ——— . “Gospodin Velikii Novgorod.” *NRS*, 9 Aug. 1953.
64. ——— . “Gospodin Pskov.” *NRS*, 16 Aug. 1953.
65. ——— . “Smutnoe Vremia.” *NRS*, 25 Aug. 1953.
66. ——— . “Donskoe Kazachestvo i Moskovskoe gosudarstvo. Kolonizatsiia Sibiri russkim narodom.” *NRS*, 30 Aug. 1953.
67. ——— . “Zemskie sobory.” *NRS*, 8 Sept. 1953.
68. ——— . “Istoricheskaia spravka [Ob otidache studentov v soldaty].” *NRS*, 13 Aug. 1954.
69. ——— . “Lenin o sosushchestvovanii.” *NRS*, 22 Jan. 1956.

70. ———. “Uprek ne po adresu [O promyshlennom pod’eme v dorevoliutsionnoi Rossii].” *NRS*, 7 Oct. 1956.
71. ———. “Stavka na sil’nykh [K piatidesiatiletiiu ukaza 9 noiabria 1906 goda].” *NRS*, 6 Dec. 1956.
72. ———. “Stolypin, uspokoenie i reformy; istoricheskaia spravka.” *NRS*, 3 March. 1957.
73. ———. “Professor Georgii Vladimirovich Vernadskii (K ego 70-letiiu).” *NRS*, 8 Aug. 1957.
74. ———. “Narodnoe predstavitel’stvo v Rossii, istoricheskaia spravka [vozrazhenie Marku Vishniaku].” *NRS*, 30 March 1958.
75. ———. “Eshche o zemskikh soborakh i gosudarstvennoi Dume.” *NRS*, 8 June 1958.
[Reprinted in *Russkaia Mysl’* (Paris), 31 Aug. 1958].
76. ———. “Russians and Americans.” *The New Leader*, 1 Sept. 1958.
77. ———. “Iakov Ivanovich Rostovtsev (K stoletiiu so dnia smerti).” *NRS*, 19 Feb. 1960.
78. ———. “Podgotovka krest’ianskoi reformy 19 fevralia 1861: k stoletiiu so dnia okonchaniia deiatelnosti redaktsionnykh komissii.” *NRS*, 8 Jan. 1961.
79. ———. “Krest’ianskaia reforma 19 fevralia 1861.” *NRS*, 26 Feb. 1961.
80. ———. “Posle 19 fevralia.” *NRS*, 13 March 1961.
81. ———. “Strannyi ekskurs v oblast’ russkoi istorii [O narodnom obrazovanii v do-revoliutsionnoi Rossii].” *NRS*, 15 Oct. 1961.
82. ———. “Soiuz Lenina s Vil’gel’mom II v 1915-1918 gg.” *NRS*, 21, 24 Jan. 1962.
[Reprinted in *Nashi Dni* (Frankfurt/Main), No. 2(30), 1962].
83. ———. “Lenin i Marks [Otvet D. Shubu].” *NRS*, 8 July 1962.
84. ———. “Istoricheskii oblik russkogo krest’ianstva [Po povodu knigi P.N. Vakara *The Taproot of Soviet Society*].” *NRS*, 10, 15, 16, 17 Aug. 1962.
85. ———. “Stolypinskoe agrarnoe zakonodatel’stvo.” *NRS*, 27 Oct. 1963.
86. ———. “Po povodu pamiatniaka Shevchenko v S.Sh.A. i po povodu pis’ma V. Shostaka.” *NRS*, 15 Jan. 1964.
87. ———. “Ob istoricheskikh terminakh i titulakh [Ukraina].” *NRS*, 16 Feb. 1964.
88. ———. “Eshche neskol’ko slov ob istoricheskikh terminakh i titulakh.” *NRS*, 19 April 1964.
89. ———. Letter to the Editor [On Lenin and Hitler]. *The New York Times Book Review*, 26 July 1964.
90. ———. “Nepriemlymy kandidat.” *NRS*, 7 Oct. 1964.
91. ———. “Eshche o Gol’dvotere i gol’dvoterizme.” *NRS*, 23 Oct. 1964.
92. ———. “Otvet na upreki M. Koriakova.” *NRS*, 28 Nov. 1964.
93. ———. “Pamiati E. F. Maksimovicha.” *NRS*, 11 Sept. 1965.
94. ———. “O russkoi armii letom 1917 goda [Otvet na stat’iu Vladasa Stanki].” *NRS*, 21 Feb. 1966.
95. [———], Nabliudatel’, *pseud.* “Iz razmyshlenii starogo nabliudatel’ia.” *NRS*, 19 March 1967.

96. _____ . "Professor G. V. Vernadskii (K ego 80-letiiu)." *NRS*, 15 Aug. 1967.
97. _____ . "Leninskaia revoliutsiia 25 oktiabria 1917 g.." *NRS*, 5 Nov. 1967.
98. _____ . "Belaia bor'ba." *NRS*, 31 March 1968.
99. _____ . "Po povodu starogo voprosa [O rabskoi psikhologii russkogo naroda]." *NRS*, 10 Jan. 1970.
100. _____ . "Vopros o kazatskom narode i o granitsakh predpolagaemogo kazakiiskogo gosudarstva." *NRS*, 22 Aug. 1970.
101. _____ . "Stolypin, uspokoenie i reformy." *NRS*, 3 Sept. 1970.
102. _____ . "Kto pomog bol'shevikam uderzhat'sia u vlasti v 1917-1919 gg.?" *NRS*, 27 Aug. 1972.
[Reprinted in *Chasovoi*, [Bruxelles], No. 562 (April 1973), and in item 12 above.]
103. _____ . "Pozornyi plan pozornogo mira." *NRS*, 20 Oct. 1972.
104. _____ . "Mneniia istorikov o Petre Velikom." *NRS*, 20 May 1973.
105. _____ . "O rossiiskikh dvorianakh." *NRS*, 31 May 1973.
106. _____ . "Pamiati professora G. V. Vernadskogo." *NRS*, 11 May 1973.
107. _____ . "Fakty i tsify protiv emotsii i fantazii [O stolypinskoi zemel'noi reforme]." *NRS*, 11 May 1975.
108. _____ . "Istoricheskaia spravka [Otvat na stat'iu S. Rafal'skogo]." *NRS*, 29 July 1975.
109. _____ . "Russko-amerikanskaia družhba v proshlom veke." *NRS*, 27 June 1976.
110. _____ . Letter to the editor [Protesting Iran's pending extradition of Soviet airman Zasimov]. *NRS*, 26 Oct. 1976.
111. _____ . "Pamiati K. G. Belousova." *NRS*, 11 Sept. 1977.
112. _____ . "Russkii Arkhiv im. B. A. Bakhmet'eva pri Kolumbiiskom Universitete." *NRS*, 20 Nov. 1977.
113. _____ . "Predotvratit' predatel'stvo [Otnositel'no Taivana]." *NRS*, 12 July 1978.
[reprinted in *NZh*, No. 132 (1978), pp. 240-41]
114. _____ . "Prinia li russkii narod kommunizm dobrovol'no? [Vozrazhenie Andreiu Amal'riku]." *NRS*, 3 Apr. 1979.
115. _____ . "Pochemu pobedil Lenin?" *Possev*, No. 3 (1262), March 1979.
116. _____ . "O zakhvate i delezhe pomeshchich'ikh imenii v 1918 godu." *Possev*, No. 8 (1267), Aug. 1979.
117. _____ . "O krainostiakh v suzhdeniakh [otnositel'no Radishcheva]." *NRS*, 31 Sept. 1979.
118. _____ . "Agrarnyi vopros i Stolypin." *NRS*, 25 Nov. 1979.

BOOK REVIEWS

119. N. A. Klepinin. *Sviatoi i blagovernnyi velikii kniaz' Alexandr Nevskii (Evrzaiiskaia Khronika, IX, 1927)*.
120. M. V. Shakhmatov. *Opyty po istorii drevne-russkikh politicheskikh idei (Evrzaiiskaia Khronika, IX, 1927)*.

121. D. I. Mendeleev. *K poznaniiu Rossii*. Munich, 1924 (*Česko-ruská budoucnost*, Prague, 1929).
122. Oswald P. Backus. *Motives of West Russian Nobles in Deserting Lithuania for Moscow, 1377-1514*. Lawrence: U. of Kansas Press, 1957 (*SEEJ*, Spring 1959).
123. Jules Koslow. *The Kremlin: Eight Centuries of Tyranny and Terror*. New York: Thomas Nelson, 1958 (*SEEJ*, Fall 1959).
124. N. Rutykh. *KPSS u vlasti*. Frankfurt/Main: Possev, 1960 (*NRS*, 27 Aug. 1961).
125. S. P. Mel'gunov. *Martovskie dni 1917 goda*. Paris, 1961 (*NRS*, 18 March 1962).
126. Konstantin F. Shtepa. *Russian Historians and the Soviet State*. New Brunswick: Rutgers Univ. Press, 1962 (*SR*, Dec. 1962).
127. Peter K. Christoff. *An Introduction to 19th Century Russian Slavophilism*. Vol. I. A. S. Xomjakov. The Hague: Mouton, 1961 (*RR*, Jan. 1963).
128. S. M. Dubrovskii. *Stolypinskaia agrarnaia reforma*. Moscow: Akademiia Nauk SSSR, 1963 (*NRS*, 26 Jan. 1964).
129. ———. (*SR*, Sept. 1964).
130. S. P. Mel'gunov. *Vospominaniia i dnevniki*. Paris, 1964 (*NRS*, 3 May 1964).
131. George A. Lensen. *Russia's Eastward Expansion*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1964 (*NRS*, 2 Aug. 1964).
132. I. G. Tsereteli. *Vospominaniia o fevral'skoi revoliutsii*. The Hague: Mouton, 1963 (*RR*, Jan. 1965).
133. P. D. Dolgorukov. *Velikaia razrukha: vospominaniia*. Madrid, 1964 (*NRS*, 10 Jan. 1965).
134. Herbert Ellison. *History of Russia*. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1964 (*SR*, June 1965).
135. A. F. Kerensky. *Russia and History's Turning Point*. New York: Duell, Sloan and Pearce, 1965 (*NRS*, 26 Dec. 1965).
136. N. P. Poltoratzky, ed. *Na temy russkie i obshchie: sbornik statei i materialov v chest' prof. N. S. Timasheva*. New York, 1965 (*RR*, April 1966).
137. Ernest M. Satow. *Korea and Manchuria between Russia and Japan*, ed. by George A. Lensen. Tallahassee: Diplomatic Press, 1966 (*NRS*, 3 April 1966).
138. James H. Billington. *The Icon and the Axe*. New York: Knopf, 1966 (*NRS*, 14 Aug. 1966).
139. Edward C. Thaden. *Russia and the Balkan Alliance*. University Park: Pennsylvania State Univ. Press, 1966 (*NRS*, 30 Oct. 1967).
140. Philip L. Barbour. *Dimitry called the Pretender*. Boston: Houghton Mifflin, 1966 (*NRS*, 15 Jan. 1967).
141. Gregory Aronson. *Rossia v epokhu revoliutsii*. New York, 1966 (*RR*, Jan. 1967).
142. George Katkov. *Russia 1917: the February Revolution*. New York: Harper & Row, 1967 (*NRS*, 21 May 1967).
143. Hugh Seton-Watson. *The Russian Empire 1801-1917*. London: Oxford University Press, 1967 (*NRS*, 1 Oct. 1967).
144. George A. Lensen. *The Russo-Chinese War 1900*. Tallahassee: Diplomatic Press, 1967 (*NRS*, 7 Jan. 1968).
145. *Zapiski Russkoi Akademicheskoi Gruppy v S.Sh.A.* Vol. I. New York, 1967 (*NZh*, No. 90, 1968).

146. P. N. Miliukov. *Political Memoirs 1905-17*. Arthur P. Mendel, ed. Carl Goldberg, tr. Ann Arbor: The Univ. of Michigan Press, 1967 (RR, July 1968).
147. Robert K. Massie. *Nicholas and Alexandra*. New York: Atheneum, 1967 (NZh, No. 93, 1968).
148. Wayne S. Vucinich, ed. *The Peasant in 19th Century Russia*. Stanford: Stanford Univ. Press, 1968 (RR, Jan. 1969).
149. Robert F. Burnes. *Pobedonostsev, His Life and Thought*. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1968 (NZh, No. 97, 1969).
150. Noah Zhordania. *Moia Zhizn'*. Stanford: Hoover Institution, 1968.
Gregory Uratadze. *Vospominaniia gruzinskogo sotsial-demokrata*. Stanford: Hoover Institution, 1968
Boris Dvinov. *Ot legal'nosti k podpol'iu*. Stanford: Hoover Institution, 1968 (RR, July 1969).
151. George A. Brinkley. *The Volunteer Army and Allied Intervention in South Russia*. University of Notre Dame Press, 1966.
John Bradley. *Allied Intervention in Russia*. New York: Basic Books, 1968 (SR, Dec. 1969).
152. George Vernadsky. *A History of Russia. Vol. V. The Tsardom of Moscow 1547-1682*. New Haven: Yale University Press, 1969 (NRS, 28 Dec. 1969; 4 Jan. 1970).
153. *Zapiski Russkoi Akademicheskoi Gruppy v S.Sh.A.*, Vol. III. New York, 1969 (NZh, No. 100, 1970).
154. V. Maevsky. *Sud'ba Afona*. New York, 1969 (NRS, 19 July 1970).
155. A. I. Spreslis. *Latyshskie strelki na strazhe zavoevanii oktiabria, 1917-1918 gg.* Riga, 1967 (NZh, No. 104, 1971).
156. Alexandr Tarsaidze. *Chetyre mifa*. New York, 1969 (RR, July 1971).
157. George F. Kennan. *The Marquis de Custine and His Russia in 1893*. Princeton: Princeton University Press, 1971 (NZh, No. 106, 1972).
158. D. P. Konchalovsky. *Ot gumanizma ko Khristu*. Paris: Librarie des Cinq Continents, 1971 (SR, June 1972).
159. Howard D. Mehlinger, John M. Thompson. *Count Witte and the Tsarist Government in the 1905 Revolution*. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1972 (SR, June 1973).
160. Nicholas Zernov. *Russkie pisateli emigratsii: biograficheskie svedeniia i bibliografiia ikh knig po bogosloviiu, religioznoi filosofii, tserkovnoi istorii i pravoslavnoi kul'ture*. Boston, 1973 (NZh, No. 116, 1974).
161. K. A. Krivoshein. *A. V. Krivoshein (1857-1921): ego znachenie v istorii Rossii nachala XX veka*. Paris, 1973 (NZh, No. 117, 1974).
162. Marc Szeftel. *The Russian Constitution of April 23, 1906: Political Institutions of the Duma Monarchy*. Bruxelles, 1976 (Possev, Feb. 1979).

REMINISCENCES

163. S. G. Pushkarev. "1917. A Memoir" RR, Jan. 1967.
[Reprinted in: Dimitri von Mohrenschildt, ed. *Russian Revolution of 1917: Contemporary Accounts*. London: Oxford University Press, 1971, pp. 117-128].

164. _____ . "Stranitsy iz vospominanii." (1) "Kurskie gimnazisty pomogaiut svergat' 'prokliatyi tsarism'." *NRS*, 20 and 27 Sept. 1980. (2) "Khar'kovskii universitet. Moe zabolevanie marksizmom." *NRS*, 27 Sept. 1980. (3) "Moe porazhenie na partiinom fronte." *NRS*, 4 Oct. 1980. (4) "Nasha sem'ia. Brat Nikolai." *NRS*, 11 and 14 Oct. 1980. (5) "Posadite menia, pozhaluista, v tiur'mu." *NRS*, 18 and 21 Oct. 1980. (6) "V Belgorodskoi tiur'me." *NRS*, 28 Oct. 1980. (7) "Glasnyi nadzor. Moi printsessy. Germaniia 1911-12." *NRS*, 1 and 8 Nov. 1980.. (8) "1912-14. Vozvrashchenie. Snova arest i glasnyi nadzor. Snova Germaniia. Voina." *NRS*, 15 Nov. 1980. (9) "Snova v Khar'kovskom universitete 1916-19. Podgotovka k professure. Povest' o moei kvartirnoi khoziaike i o tiazheloi korzine." *NRS*, 22 and 29 Nov. 1980. (10) "1917 god." *NRS*, 6 and 13 Dec. 1980.
165. _____ . "Odnokii barchuk sredi klassovykh vragov." *NZh*, No. 139 (1980).
166. _____ . "Iz vospominanii o grazhdanskoi voine." *NZh*, No. 140 (1980).
167. _____ . "Praga 1921-1945; begstvo iz Pragi." *NZh*, No. 147 (1982).
168. _____ . "Iz vospominanii o russkoi emigratsii v Prage." *NZh*, No. 149 (1982).
169. _____ . "O russkoi emigratsii v Prage." *NZh*, No. 151 (1983).

MISCELLANEOUS

Enciclopedia Italiana: 28 articles ca. 1930-1940.

Ottův Slovník naučný nové doby: 4 articles ca. 1930.

Encyclopedia Britannica: 20 articles ca. 1960.

"Istoricheskii oblik russkogo krestianstva" [unedited and unpublished manuscript].

The Wager on the Strong*

Sergei Pushkarev

*Translated by Ralph T. Fisher, Jr.***

Last year — 1956 — marked fifty years since the promulgation of Stolypin's agrarian reform law (embodied in the Decree of November 9, 1906) that later came to be known as "the wager on the strong." Stolypin's political opponents were instrumental in spreading the fanciful view (still current today) that "the strong" referred to the bourgeois upper crust of the peasantry, the so-called kulaks, whom Stolypin had supposedly favored at the expense of the interests and needs of the majority of the middle peasantry.

This interpretation, as will be seen below, is based on a complete distortion of the actual meaning of the speech delivered by Stolypin in the Third Duma on December 5, 1908. In reality, the Stolypin agrarian reform had as its basic aim the granting of the status of "free rural dwellers with full rights" to the broad mass of the Russian peasantry. This had been promised but not completely attained by the Emancipation Statute of February 19, 1861, which had abolished serfdom.

Although he had been freed from the authority of the landlord, the peasant remained legally under the authority and guardianship of the peasant *mir*, which after 1889 was further subordinated to the firm and solicitous

* This piece was published originally as "Stavka na sil'nykh," in *Grani*, No. 33 (Jan.-March 1957), pp. 204-214. As the reader will note, it was intended for a general audience. S.G. Pushkarev signed this article with the same pseudonym [S. Germanov] he had used for various publications since World War I. Late in life he expressed the hope that this article could be republished; hence this English translation.

**Ralph T. Fisher, Jr. is professor of history and director of the Russian and East European Center at the University of Illinois at Urbana-Champaign.

authority of the “rural superintendent” or “land captain” [*zemskii nachal'nik*]. In the economic sphere, the spontaneity and initiative of the peasant was inhibited at every turn by communal ownership of land with its redistribution, its obligatory three-field rotation, its scattering of non-contiguous small and narrow strips of land — all this resulting in terribly low productivity. The average yield of peasant allotment land in 1891-1900 was 39 puds per desiatina,¹ dropping in some provinces to 21 puds and nowhere rising above 57 puds; it was 15-20 percent below the productivity of neighboring private farmland and only one-third or one-quarter of the productivity in various European countries.

In the period between the emancipation of the serfs (1861) and the beginning of the twentieth century, the economic situation of the Russian peasantry as a whole did not improve, but got worse. The population engaged in agriculture in the 50 provinces of European Russia numbered about 50 million in the 1860s; this had grown by 1900 to 86 million. Consequently, the land allotments of the peasants, which in the 1860s had averaged 4.8 desiatinas [about 13 acres] per male peasant, had dropped by the end of the century to an average of 2.8 desiatinas. Meanwhile the average productivity of peasant allotment land had increased only insignificantly during this period, from 30 to 39 puds per desiatina. Thus, the growth in the productivity of the peasant economy lagged far behind the growth in the peasant population. The natural result of this disparity was a fall in the average harvest of grain per head of the farm population and a decline in the general level of peasant well-being. To this were added repeated crop failures, which caused outright famine in the affected regions.

By the end of the nineteenth century the miserable situation of the peasantry, especially in the central regions (people spoke of the “impoverishment of the center”), had become obvious and was increasingly attracting the alarmed attention of the public and the government. The government established various commissions on the peasant question and convened “special conferences,” the most comprehensive being the Special Conference on the Needs of the Agricultural Economy, organized in 1902 under the chairmanship of the minister of finance, Sergei Iul'evich Witte. All these commissions, committees, and special conferences collected valuable data about the legal and economic situation of the peasantry, but had few practical results in improving peasant well-being.

According to the conventional wisdom current in Russia in the late nineteenth and early twentieth centuries, the underlying cause of peasant poverty was a shortage of land, although the alleged “rural crowding” of the

¹ With bushels in the range of 50 to 60 pounds, this would have been roughly 8.7 to 9.5 bushels per acre. *Tr.*

Russian peasantry — a continuing topic for Russian as well as foreign historians and journalists — is one of those historical *myths* that survive despite being utterly at odds with the *facts* of Russian economic history. In the first place, the notion of “rural crowding” in Russia conflicts with the incontrovertible fact that Russia at the beginning of the twentieth century was the most sparsely populated country in Europe. Even if one disregards approximately one-third of Russian territory (mainly in the north and the northeast) which was unsuited to farming, it still remains true that Russia had more land per person than the other European countries. The amount of *arable* land at the turn of the century came to 2.1 desiatinas [or 5.67 acres] per head of population in European Russia, while in France it was 0.82 desiatinas, in Germany 0.62 desiatinas, and in Great Britain 0.43 desiatinas.

Already before the Revolution, the overwhelming majority of Russia's immense land expanses belonged to the Russian “toiling peasantry,” and only an insignificant share was the property of “land owners and capitalists.” In 1905, the 50 provinces of European Russia (that is, excluding Poland, the Caucasus, and Finland) contained a total of 395 million desiatinas of land. Of them, about 150 million desiatinas belonged to the government, but these included huge stretches of northern and northeastern forests and arctic tundra (almost all of the government land suited for farming had been allotted to the state peasants in the 1860s). The remaining land, about 240 million desiatinas, consisted of two categories: (1) 139 million desiatinas of “allotment” lands (including 124.1 million desiatinas of peasant lands and 14.7 million desiatinas of Cossack lands), and (2) 101.7 million desiatinas of privately-owned land. However, of the latter category only about half, or 53.2 million desiatinas, belonged to nobles. The remaining privately-owned lands were distributed as follows: to peasants and peasant associations — 24.6 million desiatinas; to merchants and trading or industrial companies — 16.7 million desiatinas; and to small tradesmen, craftsmen, and others — 6.5 million desiatinas; in other words, as of 1905 *peasants* held 164 million desiatinas and *nobles* held 53 million desiatinas, of which a significant part were forests. Thus, in regard to land ownership, Russia was already before the Revolution a “peasant kingdom,” a country in which peasant landholding predominated over large private landholding to a much greater degree than in other European countries.

Even with regard to the size of peasant land allotments, one can speak of “land shortage” only in a very limited sense. In 1905, out of the total of 12 million peasant households, those holding less than 5 desiatinas [13.5 acres] per household numbered 2,857,000 (23.8 percent of the total number of households); those holding from 5 to 10 desiatinas per household numbered 5,072,000 (42.3 percent); and those holding more than 10 desiatinas per household numbered 4,070,000 (33.9 percent). Thus at the

start of the twentieth century the number of peasants who were really short of land constituted less than one-fourth of the Russian peasantry as a whole. In any case, the poverty-stricken Russian peasants were much more liberally provided with land than their flourishing and prosperous European brethren.

The main cause of this paradoxical phenomenon was an agricultural system under which the Russian peasant, while possessing incalculable natural resources, struggled along in poverty and occasional starvation. Above all, this was the result of the antiquated ancestral tradition of the "three-field-system," under which one-third of the arable land lay fallow; given the shortage of meadows and pastures, the fallow fields, to be sure, could be used as pasture, but such inadequate feed as the animals could find there did not, of course, compensate for the loss of one-third of the arable land. Second, the peasant land did not belong to its cultivator as personal property; it belonged to the commune, the *mir*, which distributed it by "souls," by "eaters," by "workers," or some such method. (Of the 138 million desiatinas of allotment lands, about 115 million desiatinas were communal property; only in the western regions were peasant lands owned by the individual household, and it is noteworthy that these regions did not experience famines, and that the crop yields here were higher than in the central regions of the country.) Communal ownership characteristically and, in fact, inescapably involved the cultivation of scattered strips, as well as the obligatory (three-field) crop rotation. The fields were first divided into several large sections according to their distance from the village and the varying quality of the soil. Then, in each of these large sections, strips were allotted to various separate heads of households, who in that way received sometimes several dozen scattered and narrow strips. Clearly, such a method of land use was a powerful brake on agricultural progress and an almost insuperable force for routine and stagnation in agriculture.

Despite the obvious economic deficiencies of communal landownership, the peasant commune was long regarded as one of the unshakable and inviolable "cornerstones" of the Russian state. Everyone, from the Slavophiles and Chernyshevskii to Pobedonostsev and Alexander III, supported, defended, and protected the system. The Narodniks saw in the commune the embryo or basic cell of the future socialist structure. The "defenders of tradition" considered it a basic pillar of the patriarchal-conservative way of life. Right up to the Revolution of 1905 the government considered the existing peasant landholding system to be sacrosanct. The mortgaging of allotment land to individuals was forbidden by law in 1893, and ten years later the manifesto of February 26, 1903, "Concerning Designs for the Improvement of the Organization of the State," recalled the tsar's vow "to preserve reverently the age-old foundations of the Russian state," and prescribed a reexamination of the legislation about the peasants,

however “basing these efforts on the inviolability of the communal system of peasant landholding” (and the preservation of the class system). The same instructions were contained in the imperial ukase to the Senate, dated January 8, 1904, directing it to review the existing peasant legislation. And, finally, the inviolability of these principles was upheld in a circular from the minister of internal affairs to the chief provincial administrators on December 31, 1904, i.e., on the very eve of the 1905 Revolution.

The revolutionary events of the year 1905 revealed the illusory nature of the government’s hopes that the peasantry would prove to be conservative. At the same time, Petr Arkad’evich Stolypin, who came to power in 1906 and who was an attentive and well-informed observer of rural life, had already come to the conclusion, long before he was called to serve as prime minister, that the peasant land commune was a source of stagnation and routine, a brake on economic development and social progress in the village.

An extremely important step undertaken by Stolypin’s government in the cause of peasant liberation was the decree of October 5, 1906, which removed the distinctions between peasants and persons of other classes in regard to their civil rights. The aim of this decree was the completion of the emancipation reform of February 19, 1861 founded “on the principles of civil liberty and equality before the law of all citizens of the Russian Empire.” Peasants could now change their place of residence as they wished, freely choose their occupation, and enter government service or enroll in educational institutions without asking permission of the *mir*. At the same time, the land captains were stripped of the right to subject peasants to administrative arrest or fines “for not carrying out the orders of designated officials.”

The famous decree on the right of each peasant to leave the commune and at the same time to receive a land allotment was published on November 9, 1906.² Citing the manifesto of November 3, 1905, which canceled, effective January 1, 1907, any further redemption payments for the land allotted to the peasants at the time of their emancipation, the decree of November 9 stipulated that

From this date onward the designated lands will be freed of the limitations imposed by the redemption debt, and the peasants will acquire the right of free withdrawal from the commune, while those individual heads of households who make the transfer to personal ownership will have the right to gain possession of plots of land from the communal allotment.

Article 1 of the decree stipulated that “Each head of household who

² This was a “temporary” measure, issued under Article 87 of the Fundamental Laws of April 23, 1906, which provided for emergency enactments when the Duma was not in session; in order to become “permanent,” it needed the subsequent approval of the Duma. *Tr.*

possesses allotment lands as a communal right may at any time demand that his proper share of the aforementioned lands be transferred to him as personal property.” In separating his own land allotment from the common land allotted to the *mir*, a peasant preserved the right to use the common resources such as hayfields, pastures, woods, and so on. Heads of households who left the commune could demand that the community give them, insofar as possible, contiguous plots (the so-called *otruba* or otrubs). By a decision of two-thirds of the heads of households in a commune, all its members would shift over to personal possession of individual otrubs.

The Stolypin agrarian law provoked bitter opposition not only from the Left but also from the Right. The left and liberal parties (Socialists and Kadets) regarded it as an impermissible violation of the rights of the peasant *mir*, a violent intrusion of the government into the social and economic structure of peasant life. The rightists feared that the collapse of the commune would lead to the loss of land by a significant portion of the peasantry and to the growth of the proletariat with its dangerous revolutionary tendencies.

Stolypin introduced his agrarian law into the Second State Duma, where it was subjected to harsh criticism. The parties of the Left that predominated in the Duma of course believed that the only way to solve Russia's agrarian problem was to confiscate privately-owned lands forcibly and divide them up among the peasants, even though, as shown above, only 53 million *desiatinas* belonged to nobles in 1905 as against 164 million *desiatinas* in peasant hands. Thus the division of the nobles' lands would not have significantly increased the area of peasant land holdings and would not have done away with peasant poverty unless there had been a general increase in the productivity of peasant labor and in the yields of peasant fields.

In his speech on the agrarian question on May 10, 1907, Stolypin strove to convince the deputies that “by redistributing the land the State as a whole would not acquire even one additional ear of grain. The most productive farms would be destroyed. Peasant allotments would be temporarily enlarged, but with the growth in population they would soon turn to dust. . .” Stolypin acknowledged that the peasantry was in a difficult situation and that it needed help, but said that the leftist proposal was “a simple, completely automatic, completely mechanical means of confiscating and dividing up all 130,000 of the existing landed estates. Is this statesmanlike? Does it not recall the story of Trishka's caftan — shortening the coat to make the sleeves?” Instead of this, Stolypin proposed a whole system of measures for solving the agrarian problem and raising the level of peasant well-being, among which the most essential was “the liberation of the peasant from the jaws of the vise in which he now finds himself” and the

establishment of “stable individual property.” It was necessary, he said, to make the Russian peasant a private landowner, “to give him the possibility of acquiring the fruits of his own labor and disposing of them as inalienable property” (See *Stenographic Report [Stenograficheskii otchet] of the Sessions of the Second State Duma*, pp. 433-445).

In the Third State Duma Stolypin was able to get his agrarian law enacted with the support of a majority made up of the Octobrist and Nationalist (or moderate-right) factions. But here too the law was sharply assailed not only by the leftist factions (Social Democrats and “Trudoviks”) and the Kadets, but also by a significant portion of the rightists.

The Land Commission of the Third State Duma (chaired by M.M. Rodzianko and with the Octobrist deputy Shidlovskii serving as floor manager [*dokladchik*]) not only approved the agrarian bill introduced by the government, but went farther in the direction of “tearing down the commune” (in the words of the bill’s opponents), specifically by proposing that all communes in which there had been no general reapportionment of land during the past 24 years be considered automatically to have gone over to household ownership.³

At the Duma session of October 23, 1908, the floor manager of the Land Commission, Shidlovskii, gave a major speech in defense of the law of November 9. He said:

A state based on law, gentlemen, depends on free, energetic, and independent individuals. Such individuals cannot exist without being granted the right, inherent in all persons, to private property; and I think that if one seriously wishes to transform our state into one governed by law, one cannot oppose the private ownership of land.

(*Stenographic Report [of the Third Duma]*, p. 171)

Shidlovskii pointed out the very substantial economic shortcomings of the peasant commune and went on to criticize “the completely erroneous government policies in regard to the peasants and agriculture during the past 40 years,” for, he observed, the government had “in 1861 created a class of free rural dwellers and then for over forty years imagined that the population could endlessly multiply and feed itself on a fixed amount of land without improving the methods of cultivating this land” (*ibid.*, p. 176).

At the session of October 24, 1908, a speaker from the Kadet Party, Deputy Shingarev, harshly criticized the Land Commission’s project and asserted that the departures of peasants from the commune were occurring under pressure of government officials and introducing discord into the

³ The government took a more moderate position in this matter, and in the final version of the law it was only those communes and villages “in which there were no general reapportionments since they received their allotment land” that were considered to have “gone over to hereditary ownership by parcel or by household.” (Author’s note. *Tr.*)

village community and even into the peasant family itself, “where father turns against son, and son will turn against father” (*ibid.*, p. 269-270).

One of Stolypin’s main collaborators in carrying out the agrarian reform, Deputy Minister of Internal Affairs Lykoshin, pointed to the huge number of applications of peasants wishing to leave the commune and tried to convince the deputies

that the land captains could not have been able to force 700,000 peasant heads of households to apply for individual allotments against their will. This must mean that there is some inner stimulus for individual allotments; it must mean that among the peasants there is a striving toward personal property. . . . It would be naïve to think that some external measures could compel the peasant to fall into line with the land-organizing undertakings of the government.

(*Ibid.*, pp. 289-290)

At the same session of the Duma, a Social-Democratic deputy, Gegechkori, while objecting to the coercive character of the village commune (“a coercive commune and coercive communism — such are the bitter privileges of the Russian peasantry” [*ibid.*, p. 322]), nevertheless criticized the government’s bill and demanded doing away with the peasantry’s land shortage “by furnishing the peasants with land through the uncompensated confiscation of all non-peasant lands” (*ibid.*, p. 321).

At the session of October 27, 1908, the rightist deputy Shechkov declared that although the village commune (“this basic form of peasant landholding”) emerged severely shaken by modern crises, “it does not follow from this that we must shout ‘Down with the commune’.” He stated that “collective ownership is also inviolable ownership” (*ibid.*, p. 401-405).

At the sessions of October 29 and 31, a “Trudovik,” Petrov 3d, declared that “the decree of November 9 gives people the possibility of plundering not only their fellow commune members, but also their relatives, even their children; in fact, anyone can be robbed except the landlords. . . .” (*ibid.*, p. 525).

The decree of November 9 is creating first of all, enmity among neighbors; furthermore, this decree is creating enmity within families. . . . The decree of November 9 will create and already is creating bloody clashes among the peaceful peasantry. The decree of November 9 will create a huge number of hungry and landless proletarians and will wipe out that scarcely bearable situation in which peasants in the commune now find themselves. Hunger, cold, and destitution — that will be the legacy of the decree of November 9.

(*Ibid.*, pp. 565-566)

At the session of November 7, Deputy Minister of Internal Affairs Lykoshin tried to convince the deputies that the law of November 9 did not present any danger of *forcible* destruction of the commune; that the

commune would be preserved where it was strong and vital, but that where it was already in a stage of disintegration it would be useless and harmful to prop it up artificially. He argued that now the commune did not eliminate but only masked the landlessness of a part of the peasant population (*ibid.*, pp. 910-912).

At the session of November 10, the chief administrator of land-tenure regulations and agriculture, Krivoshein, argued that the transition to private property in land was necessary for increasing the productivity of labor and raising the general level of peasant well-being; that the decree of November 9 “is the second emancipation of peasant agricultural labor” (*ibid.*, p. 1031), and that the government’s agrarian policies “must lead and will lead to a shift from the elemental domination of land over the Russian peasantry to the rational dominance of the Russian peasant over his land” (*ibid.*, p. 1044).

At the session of November 22, after the defeat of the proposals of the Social Democrats, the “Labor Group,” and the “People’s Freedom Faction” (Kadets) to reject the draft of the Land Commission without point-by-point discussion, the State Duma accepted the formula proposed by the “Union of October 17” faction to proceed to a point-by-point reading.

Prolonged and heated disputes arose over the question of whether the plots detached from the commune should belong to the individual peasant head-of-household or to the peasant family as a whole. Some rightist deputies feared that peasants who received land unreservedly as private property might drink or squander it away, leaving their families without any means of subsistence.

At the session of December 1, Shidlovskii, floor manager of the Land Commission, again defended the principle of personal ownership of land, asserting that the institution of family ownership destroyed the initiative and enterprise of the head-of-household, and at the same time did not strengthen but actually undermined the authority of parents and the foundations of the family (*ibid.*, p. 1998).

At the same session, Obraztsov, a rightist deputy, argued with emotion that the law of November 9 “contains hidden within itself enough explosive gas to blow up all Russia,” and that turning the land over to individual ownership would be an illegal expropriation of other people’s property which, according to him, would lead to perilous consequences. Formerly the Russian peasant “drank away things that were not of great value: his rickety wagon, his clothing, his boots; . . . now he will drink away his land” (at this point the stenographic record notes “applause from the Left and the Right”),

now he will drink away the destiny of his own children and grandchildren and the destiny of his fatherland. Now is the time the alarm must be sounded. . . . An inescapable

result of the forcible conversion of communal land into private property will be a terrible buying up of land by the kulaks . . . This land will flow in a frightening torrent into the hands of the kulaks, and in a few years, maybe in two or three years, we will have a completely landless rural proletariat numbering no fewer than 20,000,000.

(*Ibid.*, pp. 2005, 2006)

At the same session the rightist deputy Shechkov objected just as firmly to Article 2 of the bill (about converting the land to private property) and declared that this “disgraceful article” would signal “the destruction of the peasant family.” He went on to say:

I do not see why taking away the shares of property belonging to all members of the family and giving them to the head of the household should promote better cultivation and fertilization of the fields, . . . [and] however important economic interests may be, one cannot for their sake sacrifice the demands of family justice — the interests of manure cannot prevail over the demands of family justice.

(*Ibid.*, pp. 2015-2016)

The Kadet speaker Shingarev exclaimed that “one must not play with the people’s view of the world, the people’s way of life, the age-old structure of the peasant family . . . as one would with a toy; one must not break it according to one’s whim, for such play is playing with fire” (*ibid.*, p. 2033).

Deputy Minister of Internal Affairs Lykoshin pointed out to the deputies that at present the traditional patriarchal structure was gradually disappearing from the peasant way of life; that already now “principles common to the whole society are penetrating the peasant environment,” and that fixing into the law the institution of family ownership “would turn all the adult peasant population into wards of their own children” (*ibid.*, p. 2040). He firmly rejected “the fear that all fathers, like some kind of brutes, would act to the detriment of their own children” (*ibid.*, p. 2045). He protested “as a Russian” that “to suggest that the peasants, if given control over their own allotments, would virtually all become drunkards and sell their allotments for a song, for a half-bottle of vodka — that, gentlemen, is a slander on the Russian people” (*ibid.*, p. 2040).

But Lykoshin’s address did not persuade the defenders of family ownership, and the leader of the extreme Right, the Kursk deputy Markov 2d in particular, continued to insist that “it is unjust to take away from the family that which belongs to it and to give it to the head of the household alone” (*ibid.*, p. 2055).

Finally, at the session of December 5, 1908, the chairman of the Council of Ministers himself, P.A. Stolypin, delivered an energetic speech in defense of the principle of individual ownership as against family ownership. He insisted that the peasants had to be granted economic initiative and the freedom to dispose of their own property and labor. The

individual property-owner is “in the full sense of the word the builder of his own happiness,” while under family ownership the landowner “is inhibited in all his actions”; “the small family commune” will without doubt

paralyze both the personal will and the personal initiative of the peasant. In the name of what would all this be done? Do you intend this as a way to protect the property of the children of those fathers who are drunken or spendthrift? . . . A general law must not be created because of exceptional, abnormal cases. . . . For the abnormal, exceptional cases one must create exceptional laws; one must develop the institution of guardianship to protect against extravagance. . . . But most importantly, when writing a law for the whole country, we must have in mind the judicious and the strong, and not the drunken and the weak.” . . . The government has assumed a great responsibility; by using Article 87 [of the Fundamental Laws] to enact the law of November 9, 1906, it placed a wager not on the wretched and the drunk but on the sturdy and the strong. . . . Do remember, when you are legislating, that such strong people are the majority in Russia. . . . Is it not absolutely clear that the yoke of the commune and the oppressive nature of family ownership constitutes a bitter captivity for 90,000,000 of our people? Has it possibly been forgotten that this road has already been tried, that the colossal experiment of guardianship over a huge part of our population has already suffered a huge failure?”
(*Ibid.*, p. 2281-2282)

From the text and the direct sense of Stolypin’s speech, it is quite obvious that by “sturdy and strong” he meant the whole mass of average, normal peasants and not the small group of rich kulaks.

The agrarian bill was discussed in the Duma for several more months during which time the opposition subjected almost every article of the bill to sharp criticism. At the session of April 21, 1909, Shidlovskii, the floor manager of the Land Commission, defending the basic principles of the law of November 9, expressed the conviction that gloomy prophecies about its disastrous consequences would not come to pass: “I am not afraid of the judgement of history and, speaking both for myself and for those who agree with me, I defend with complete confidence the basic points of this bill. I am deeply convinced that history will vindicate us and not those who oppose the principles on which this bill is based” (*ibid.*, p. 2762).

At the session of April 24, 1909, the “Stolypin” law was finally approved by a majority of the State Duma. Opposing it were the Social Democrats, the Trudoviks, the Kadets, and some of the rightists.

The floor manager of the Land Commission, Shidlovskii, expressed the conviction that “in the opinion of the majority voting for this bill, we have accomplished a major public task for the good of the nation” (*ibid.*, p. 2949).

The rightist deputy Shechkov introduced a resolution for moving on to the next item of business, a resolution signed by 21 persons, expressing the wish that the law granting individual members of a commune the right to leave it freely would not destroy “the inviolability of the communal

structure of peasant landholding” and that it “must not promote the growth of a rural proletariat” (*ibid.*, pp. 2951-2).

The Kadet leader Miliukov declared:

I regret to say that the Faction of People's Freedom will be obliged to vote against this resolution, for, “having taken off a man's head, one doesn't cry over his hair.” . . . We think that the State Duma cannot approve such a resolution, for otherwise it would cover up the crime that it has just committed against the people.

(*Ibid.*, pp. 2952-3)

The resolution proposed by Shechkov was defeated.

In the State Council, as in the Duma, the Stolypin bill encountered criticism and opposition from both the Right and the Left. At the session of March 15, 1910, Stolypin, now full of calm assurance about the correctness of his agrarian policies, made a speech in the State Council. “This law,” he declared, “has not only been tested in theoretical discussions of specialists, but is now in its fourth year of being tested by life itself” (*Stenographic Report of the State Council for 1910*, p. 1136). “This law lays a foundation and a basis for a new social and economic order for the peasantry” (*ibid.*, p. 1138). In the three years in which the law had been in operation, “up to February 1, 1910, more than 1,700,000 heads of households had declared their desire to convert their plots into private property. That is about 17 percent of all communal heads of households” (*ibid.*, p. 1140). “I respect the intelligence of the people too much to believe that the Russian peasantry is restructuring its agrarian way of life on command and not in line with its inner conviction” (*ibid.*, p. 1145).

At the session of March 24, Deputy Minister of Internal Affairs Lykoshin tried to explain to the legislators the actual meaning of the expression “the wager on the strong”:

There has been a great deal of discussion here on, among other things, the expression “the wager on the strong,” and it has been interpreted in the sense that the strong are the kulaks, the new bourgeoisie, and so on. My understanding is different. “The wager on the strong” is a wager in general on the spiritual and material strengths of the Russian people.

(*Ibid.*, p. 1547)

After the agrarian bill had been approved by the State Duma and the State Council, it was approved by the Tsar and became law on June 14, 1910. The Stolypin agrarian law answered a growing need and aroused a considerable response among the mass of the peasantry. In the course of the first five years that the law was in operation (1907-1911), more than two-and-one-half million peasant heads of households, about one-quarter of the communal total, applied to leave the commune. By the end of 1914, the number of heads of households who had completed the transition to private

ownership was about two million. In addition, about 500,000 heads of households in communes where there had been no reapportionment received "certifying deeds" confirming their ownership of their plots. Thus more than one-quarter of all communal peasants left the commune and secured their land in personal ownership.

The widespread and energetic reorganization of peasant fields, the growth of the cooperative movement and especially the development of rural credit co-operatives, the all-encompassing technical improvements in agriculture — all of these promoted an upsurge in the peasant economy during the "Stolypin" period, an upsurge that expressed itself in a marked rise in yields and in the consumption of agricultural products, including a significant rise in their export.⁴ The Stolypin epoch really did bring to the poverty-stricken and drab mass of the communal peasantry a basis and a potential for "a new social and economic agrarian structure."

The correctness of the basic principle of the Stolypin agrarian policies, that is, the granting to the peasant of the right to dispose freely of his landed property, was put to a tragic test during the revolution. After their seizure of power, the Bolsheviks, in league with the Socialist Revolutionaries, tried zealously to carry out the Socialist Revolutionaries' program of the so-called socialization of land. The decree entitled "On the Socialization of Land," published February 19 (March 4) 1918 and signed by the chairman of the Council of People's Commissars, Ul'ianov-Lenin, and the People's Commissar of Agriculture, the Left-SR Kolegaev, declared that "All personal ownership of land, mineral resources, water, forests, and the productive living forces of nature within the boundaries of the Russian Federated Socialist Republic is annulled forever"; the land "is now to be used by all who toil on it" and is distributed among them on "the principles of equality and toil," with prohibitions against the renting of land and the use of hired labor. State farms were to play the role of "model farms or experimental and demonstration fields" only. In this connection, among the tasks assigned to rural units was "the development of collective agriculture, looking ahead to the transition to a socialist economy."

It is well known that Lenin's initial attempt at an accelerated transition to a "socialist economy" in the countryside was an utter failure. It stirred up fierce civil strife between the bulk of the peasants and Leninist *kombedy*, or "Committees of the Poor." It completely disrupted agricultural production and caused a severe famine in the towns.

Alarmed by the results of so-called War Communism, Lenin in 1921 (after the Kronstadt uprising) proclaimed his notorious "New Economic

⁴. The average harvest in the five years 1908-1913 was, instead of the former 39-40 puds per desiatina, 52.7 puds for rye, 61 puds for winter wheat, 59 puds for barley, and 54.5 puds for oats. (Author's note. *Tr.*)

Policy” (NEP). In the countryside the NEP meant, to a significant degree, a return to the principles of Stolypin’s agrarian policies. In 1922, “with the aim of creating a proper, stable system of land use adapted to the toilers’ economic and social conditions and promoting the necessary restoration and development of agriculture,” a new “Law on the Use of Land by Toilers” was promulgated. It completely renounced the former principles of “socialization.” The new law turned over to the peasantry the right to choose for itself the type of land use. It could be: (a) the [traditional] communal system (with equalizing repartitions of land), (b) “the parcel system (with the household having a right to scattered strips, consolidated plots away from the village, or separate farms [khutors] of unchanging size),” or (c) the collective [*tovarishcheskii*] system, comprising artels and communes.

At the time of complete repartition and apportionment of land in a community, any number of economic units, as well as separate households, have the right to pull out of the community without its consent and to demand allotments of land in one place of such size as they would have been entitled to under the current re-allotment.

Giving up the idea of a general “equalization” of landholding, the new law prescribed that “from here on any further attempt at equal distribution of land among *volosti* and settlements on an obligatory basis is to cease.” Further on, the law permitted “renting of land by toilers” for a period of from three to six years (soon lengthened to twelve years) and the use of “auxiliary hired labor on the farms of toilers.” The new provisions of agrarian legislation were further detailed in the Land Code of 1923.

Having received a certain freedom of economic activity, the Russian peasants quickly recovered from great devastation and began to produce enough agricultural products not only for their own consumption but also for the urban market. Several million farms by dint of hard labor and enterprise attained a relatively high level of prosperity. But this rise of a new peasant “bourgeoisie” constituted a political danger for the Communist dictatorship, and for this reason, Stalin, upon coming to power, carried out in 1929-1930 the brutal “liquidation of the kulaks as a class” and forced the rest of the peasantry into collective farms.

One might say that Stolypin was preparing for the Russian peasants an economic future like that of American farmers, but instead, the wicked stepmother, History, brought them kolkhoz slavery.⁵

⁵. This last sentence was added by the author on his personal copy at a later date. *Tr.*

Отмена крепостного права Александром II и крестьянские реформы Столыпина

Сергей Зеньковский*

В этом году исполняются две важных годовщины: сто двадцать пять лет со времени отмены крепостного права и восемьдесят лет со времени проведения реформ П. А. Столыпина, давших крестьянам право выходить из общины и делаться самостоятельными земледельцами-предпринимателями.

Манифест императора Александра II от 19 февраля 1861 г. имел исключительное историческое значение: этим манифестом двадцать три миллиона крестьян, т.е. больше трети населения России (37,6 процента)¹ получило свободу, избавившись от крепостной зависимости от своих господ и от часто тяжелой, а иногда и жестокой, произвольной власти помещиков. При этом, в отличие от Запада, крестьяне получали одновременно со свободой и часть той земли, на которой они до тех пор работали.

Освобождение от крепостной зависимости такого громадного числа людей было крупнейшим социально-политическим событием мирового масштаба. Ни в одной стране, кроме России и Соединенных Штатов, освобождение зависимых людей, работавших на землях своих владельцев-помещиков, не было проведено так

* Dr. Serge A. Zenkovsky, Professor Emeritus, Vanderbilt University, is the author of *Russian Policies in Sinkiang* (1942), *Pan-Turkism and Islam in Russia* (1960; Turkish edition — 1971), *Russia's Old Believers* (1970). He is the translator, editor and commentator of *Medieval Russia's Epics, Chronicles and Tales* (1963; enlarged and revised edition — 1974, German editions — 1968 and 1973) and translator (with Betty Jean Zenkovsky), editor and commentator of *The Nikonian Chronicle*, volumes I-V (1984 —).

¹ А. Троицкий, *Крепостное население России по 10-ой народной переписи* (Москва, 1861), сс. 49 и 83.

решительно, одним законодательным актом. Следует отметить, что в Соединенных Штатах это произошло по совсем другим причинам, чем в России, и при этом — на два года позже. Хотя в странах Западной Европы освобождение крестьян от власти дворян-помещиков и состоялось раньше, чем в России, сам процесс раскрепощения проходил очень медленно, и законодательные акты европейских правительств большей частью только узаконивали результаты весьма продолжительных процессов.

Русские и иностранные историки левых убеждений любят указывать на то, что раскрепощение крестьянства в России произошло значительно позже, чем на Западе. Такое мнение верно только отчасти. Действительно, в Англии крепостное право фактически прекратилось уже в XV веке, но земли крестьяне при этом не получили, оставаясь арендаторами ферм у помещиков. В результате этого, когда к XVIII в. английские помещики пришли к заключению, что скотоводство экономически более выгодно, чем земледелие, они в большинстве случаев повыгоняли фермеров-арендаторов с земли и превратили свои имения в пастбища. Более того, на шахтах наследственная зависимость рабочих от «копихольдеров» сохранилась почти до начала XIX века. Шахтеры даже должны были носить медные ошейники с именами их владельцев. Во Франции выкуп из крепостного состояния начался в то же время, как и в Англии, но окончательная ликвидация «крепости» закончилась только в 1789 г., когда последние полтора миллиона французских крестьян освободились от «серважа».

В Соединенных Штатах, освобождение негров от рабства произошло во время Войны между Севером и Югом. Мнение о том, что главной целью Севера было уничтожение рабства, теперь начисто опровержено. Первой целью политики президента Линкольна было сохранение единства Соединенных Штатов, о чем он ясно и откровенно писал Г. Грили 22 августа 1862 г.:

В этой борьбе моя главная цель — сохранение Союза, а не сохранение или уничтожение рабства. Если бы я мог сохранить Союз (единство Соединенных Штатов) без освобождения хотя бы одного раба, я бы это сделал; если бы я смог этого добиться, освободив негров, то я так бы и поступил; а если бы я смог добиться единства Штатов, освободив лишь часть негров и оставив в рабстве остальных, то я и это бы сделал.

Действительно, провозглашая освобождение негров 1 января 1864 г., Линкольн видимо думал не столько о неграх, сколько об ослаблении южан и привлечении бывших рабов на сторону Севера

и федерального правительства. Лучшим примером этому служит то явление, что негры штата Мэриленд, который оставался лояльным Северу, еще считались рабами в течение всего 1864 года, почти целый год после провозглашения «Прокламации об эмансипации»². По примеру освобождения крестьян в западных европейских странах, эмансипация негров в США вовсе не привела к передаче им хотя бы части той земли, на которой они работали у своих хозяев-плантаторов.³

Можно сказать, что освобождение крестьян от крепостной зависимости шло по мере вхождения их стран в рыночную экономику: чем дальше от международной торговли, океана и портов находилось государство, тем медленнее отмирало в нем крепостное право. Так, например, в западной Австрии император Иосиф II освободил крестьян только в 1781 г.; в Пруссии они были освобождены в 1807 г. с сохранением очень многих обязанностей в отношении помещиков; в Гессене и Ганновере — в 1830 г., а в австрийской Галиции — в 1848 г.

Несколько запоздалое по сравнению с западно-европейскими странами освобождение русских крепостных отражало столь же запоздалое экономическое развитие русского государства. Поскольку в России XV-XVII вв., отрезанной от Запада Польшей, Швецией и Турцией, ввиду бедности средств и недоступности ее природных богатств не было денег для оплаты армии, то государство вознаграждало «служилых людей» — дворян — землей, населенной обрабатывающими ее крестьянами. Так как дворянин служил государству почти бесплатно (в XVII в. дворяне получали за свою службу около 4 рублей в год), то крестьяне должны были работать на него, снабжая его и его семью всем необходимым, чтобы он мог быть в постоянной готовности нести «государеву службу». Крепостное право окончательно сложилось в России только после Уложения 1649 г., отменившего все сроки, после которых помещик не имел права разыскивать ушедшего или сбежавшего от него крепостного и после которых крепостной раньше автоматически делался свободным человеком. Крепостное право пало только через 212 лет. Оно было введено на столетия позже, чем оно появилось в Западной Европе, но было

² *Freedom: A Documentary History of Emancipation 1861-1867. Series I, vol. 1: The Destruction of Slavery*, ed. Ira Berlin et al. (N.Y., 1986).

³ Процент негров в Южных штатах был приблизительно равен проценту крепостных в России, но общее число негров во всех штатах было значительно ниже, около 15 процентов всего населения. См. *Historical Statistics of United States* (Washington, D.C., 1960) pp. 4-10.

отменено всего лишь на 30-80 лет позже, чем в Средней Европе.

Обвинять русских государей в том, что они не отменили крепостного права раньше, т.е. до 1861 г., было бы крайне несправедливо, поскольку эти обвинения не принимают во внимание экономические и географические особенности России того времени. Уложение 1649 г., окончательно узаконившее крепостное право, было написано после дворянских бунтов 1648 г. и являлось уступкой именно дворянам-помещикам. Вскоре после этого, Петр I ввел обязательную *пожизненную* государственную службу для всех дворян, чем внес в существование крепостного права некоторую логику: дворяне всю жизнь служат государству, за что государство вознаграждает их таким же трудом крепостных.

Преемники Петра I слишком зависели от дворянской гвардии, чтобы посметь что-либо сделать для облегчения участи крепостных. Четыре монарха — Екатерина I, Анна Иоанновна, Елизавета и Екатерина II — были возведены на престол дворянской гвардией, и два — Иоанн VI и Петр III — были ею же низложены. Екатерина II пыталась облегчить положение крепостных крестьян, но оппозиция в Законодательной Комиссии и Пугачевский бунт, подавленный дворянами руководимой армией, этому помешали. Павел I старался установить минимальный надел земли для крепостных и ограничить время их обязательной работы на помещиков. В значительной мере, за это, а не только за его причуды, он и поплатился своей жизнью.

В XIX в. и Александр I, и Николай I были серьезно озабочены положением крепостных и сознавали всю анахроничность крепостного права, которое тормозило экономическое, особенно — промышленное, развитие России. Но помня об участии своего отца, они ограничились полумерами. Александр I прекратил раздачу казенных земель, населенных крестьянами, своим придворным, а в 1803 г. издал закон, позволявший помещикам отпускать крепостных на волю с земельными наделами (закон о «вольных хлебопашцах»). В 1818 г. он дал инструкцию такому неподходящему для социальных реформ лицу, как Аракчееву, выработать законодательство об освобождении крепостных с тем, чтобы помещики при этом не понесли никакого ущерба. Проект Аракчеева ограничился предложением скупать в казну — по соглашению с помещиками — дворовых и крепостных крестьян и никогда не был осуществлен.

«Свободолюбивые» декабристы, столь настойчиво кричавшие о «ниспровержении царской тирании», конституции и свободе, ничего не сделали ради освобождения своих собственных

крестьян, хотя закон о вольных хлебопашцах, изданный в начале царствования Александра I, давал им на это полное право. Казалось бы, этот закон подсказывал этим «любителям вольностей», что они прежде всего — до всяких заговоров и помышлений о перевороте и цареубийстве — должны дать свободу своим собственным «подданным».

Николай I гораздо больше и серьезнее думал о судьбах крепостных. 30 марта 1842 г., в своей речи в Государственном Совете он решительно заявил, что «крепостное право ... есть зло и [что] ... теперешнее положение не может продолжаться навсегда».⁴ Но, как отметил французский посол в Петербурге в своей депеше в Париж, Николай I, наученный горьким опытом 14-го декабря 1825 г., не решался возбудить против себя дворян, самую влиятельную и наиболее близко стоявшую к престолу часть русского общества. В 1845 г. министр внутренних дел Лев Алексеевич Перовский (незаконный сын А. К. Разумовского) открыто и решительно заявил в своей записке, что крепостное право и власть дворян над крестьянами «есть орудие самодержавной власти». Быть может, ввиду своего полу-аристократического происхождения, Перовский полагал, что власть дворян-помещиков не может быть ограничена без ущерба для России и монархии. Во всяком случае, его заключения были целиком поддержаны в 1846 г. т.н. «Пятым секретным комитетом по крестьянскому вопросу».

В итоге, из пожеланий и надежд Николая I почти ничего благоприятного для частновладельческих крестьян не получилось. Закон от 2 апреля 1842 г. об обязанных крестьянах, который являлся развитием закона 1803 г., практически никаких результатов не дал. Всего в 1803-1855 гг. немногим более ста тысяч крепостных выкупили себя, свои семьи и земли и вышли в сословие «вольных хлебопашцев» и «обязанных крестьян».

Очень характерно, что либерал и революционер А. Герцен, вместо того, чтобы отпустить своих крепостных, полученных им от своего незаконного отца (будучи незаконными сыновьями, Герцен, как и Перовский, не могли быть ни дворянами, ни владельцами крепостных, но их влиятельные, хотя и незаконные, отцы им эти права выхлопотали), продал их Ротшильду, в то время как его близкий друг Огарев, казалось бы, подал ему пример, отдав крестьянам безвозмездно свои поместья и отпустив

⁴ *Девятнадцатый век*, под ред. П. Бартенева (Москва, 1872), т. 2, сс. 173-192.

их на волю без всякого выкупа их повинностей. Но деньги всегда полезны, а Герцен любил жить по-барски.

Тем не менее, при императоре Николае I было издано несколько указов, облегчавших положение крепостных. Указы 1827, 1838 и 1841 гг. запрещали продажу крепостных, если с ними не передавался «душевой» надел в 4,5 десятины земли.⁵ Также, было запрещено продавать крепостных без их семей, равно как и тех крестьян, которые не имели земельных наделов, в частности — дворовых. В 1827 г. были ограничены права помещиков ссылать «провинившихся» крестьян в Сибирь и было запрещено ссылать их без семейств. Ряд других указов ограничивал и регулировал размеры наказаний, которым крепостные могли быть подвергнуты хозяевами.

Более решительно правительство поступило в отношении т.н. «казенных» или «государственных» крестьян, которые не принадлежали частным лицам — помещикам. П. Д. Киселев, ставший в 1836 г. главой Пятого Отделения Е.И.В. Канцелярии, а с 1837 г. — министром государственных имуществ, ввел губернские и окружные управления, которые должны были заботиться об улучшении условий быта и хозяйства казенных крестьян. Им было добавочно выделено около 5 миллионов десятин пахотной земли, свыше 2 миллионов десятин леса, произведено улучшение земельных угодий в их пользовании (осушение болот, устройство дорог) и устроены специальные зернохранилища для облегчения снабжения крестьян в неурожайные годы. Сами «государственные» крестьяне могли теперь выбирать своих местных должностных лиц — волостных голов. К сожалению, Киселев также укрепил и значение общины, которая ему мыслилась как исконная русская форма организации крестьянства, обеспечивавшая его от обеднения.⁶

Несмотря на либеральные, но лишь частично осуществленные проекты государей, положение крестьян с половины XVIII в. все ухудшалось. Прежде всего, надо отметить, что государственные, экономические и моральные основы крепостного права исчезли. Еще при Петре I крепостное право являлось как бы частью пирамиды службы государству: крепостные служат дворянам-воинам, дворяне служат, тоже пожизненно и обязательно, государству. Но при Анне Иоанновне, возведенной на

⁵ Десятина равнялась 2,7 акра или 1,09 гектара. *Ред.*

⁶ А. П. Заболоцкий-Десятковский, *Граф П. Д. Киселев и его время* (СПб., 1882), т. 2, с. 199 и т. 4, сс. 293-327.

престол в 1730 г. Верховным Тайным Советом «на кондициях» (нечто вроде конституции в пользу Верховного Тайного Совета, состоявшего из небольшого числа влиятельнейших аристократов), положение изменилось. Дворянская гвардия, выступая против «верховников», настояла на отмене «кондиций» и всяческих ограничений императорской власти Верховным Тайным Советом. За эту помощь Анна Иоанновна ограничила раньше бессрочную службу всех дворян 25 годами. В 1762 г. обязательная служба дворян государству была вообще *полностью отменена*, и они теперь могли по собственному желанию служить или *не* служить на гражданской или военной службе. За свою службу они теперь получали определенное жалование по чинам. Таким образом, весь смысл крепостных обязанностей крестьян в отношении своих господ отпал: дворяне стали свободными от службы государству людьми, крепостные же оставались обязанными работать на своих, часто совершенно праздных, господ. Кроме того, по мере проникновения в Россию вкусов и мод с Запада, помещикам теперь нужны были бóльшие средства, чем раньше, и они обычно выжимали их из крестьян.

При Екатерине II, несмотря на все ее благонамеренные начальные пожелания, дворяне получили еще бóльшие права. Ею изданные Учреждения о губерниях (1775 г.) и Жалованная грамота дворянству (1785 г.) фактически передали местное, волостное, и уездное управление в руки помещиков-дворян. Дворяне получили право физически наказывать и даже ссылать своих крепостных в Сибирь на каторжные работы, а с 1773 г. — даже продавать их *без* земли и на аукционе. В конце XVIII в. крепостное право в России достигло своего апогея. Казалось, что испуганное пугачевщиной правительство теперь видело в дворянстве свою единственную опору.

В первой половине XIX в., несмотря на указанные попытки Александра I и Николая I как-то улучшить положение крепостных, их существование делалось все труднее и труднее. Число дворовых все увеличивалось, так как новые, более утонченные вкусы помещиков-дворян требовали все больше слуг, а иногда и музыкантов или артистов для собственных оркестров и театров. В то же самое время, сборы с крепостных, занятых земледелием, неуклонно повышались. Крепостное право делалось тяжелее и психологически, так как крепостные знали, что дворянство больше не обязано служить государству, и чувствовали, что крепостное право делается все более несправедливым и даже бессмысленным. Ввиду общего роста населения, деревня делалась

все более перенаселенной, а выход на работу на стороне обкладывался тяжелым оброком и не всегда позволялся.

Одним из наиболее странных парадоксов крепостного права в России было его географическое и этническое распределение. Крепостное право к середине XIX в. стало почти что исключительной и трагической привилегией основных российских национальностей — великороссов, белорусов и малороссов-украинцев. Хотя государство и называлось русским и русские были как бы «руководящей», «ведущей» и «господствующей» народностью в стране, тем не менее именно крестьянство «Великой, Малой и Белой Руси» составляло почти всю массу крепостных.

Среди финских и тюркских народностей России в восточной части Европейской России и всей азиатской, крепостное право было почти неизвестно. Так, например, среди волжских татар крепостных было меньше одного процента населения.⁷ Среди башкир, чувашей, мордвы и других финских и тюркских народностей Европейской России, крепостных совсем не было, хотя эти народности и вошли в состав России в XVI в., когда крепостное право стало укрепляться в Московской Руси. Польские «хлопы» — крепостные, положение которых было юридически значительно хуже, чем положение крепостных в России — были освобождены в 1807 г., когда центральная Польша стала наполеоновским Герцогством Варшавским. Эстонцы и латыши были освобождены от крепостной зависимости от немецких помещиков в 1816-1819 гг. Среди евреев, живших по преимуществу в западных губерниях, крепостных тоже никогда не существовало.

В 1846 г. в польских губерниях были введены так называемые «инвентари». Наполеоновское освобождение крестьян, проведенное по классическим западным образцам, не дало им земли и, ввиду очень низкого уровня развития индустрии в то время и невозможности заработка в городе, просто превратило бывших польских крепостных в батраков с очень неудовлетворительной оплатой их труда. Теперь же польские крестьяне получили возможность приобретать землю, и их труд на помещиков был урегулирован. В 1847 г., в Юго-Западном крае (Западной «Украине»: Киевская, Волынская и Подольская губернии), «инвентари» также определили как обязанности крепостных крестьян в отношении помещиков, так и размеры находившихся в их использовании земельных наделов.

В остальной России крестьянство, находившееся в крепост-

⁷ Serge Zenkovsky, *Pan-Turkism and Islam in Russia* (Boston, 1960), p. 15.

ной зависимости от помещиков, продолжало оставаться в прежнем, совсем не урегулированном положении. При этом, процент крепостных среди крестьянского населения был особенно велик в центральных великорусских губерниях. В Смоленской и Тульской губерниях он составлял 70 процентов населения; в Калужской, Нижегородской, Владимирской, Костромской, Ярославской, Тверской и Рязанской губерниях — от 50 до 60 процентов всего населения также были крепостными. А это было именно то русское население, которое в течение веков несло все бремя строительства русского государства и его защиты.

Очень высок был процент крепостных и в западных губерниях России, при этом около 6 миллионов этих крестьян, принадлежащих к «правлящей» этнической части страны — православные белорусы и малороссы — «украинцы» — были крепостными польских магнатов и шляхтичей, которые, тем не менее, считали себя «жертвами русского империализма». Когда, в 1852 г., правительство попыталось как-то улучшить состояние зависимых от помещиков крестьян в Северо-Западном крае, эти же «жертвы русского империализма» с успехом воспротивились проведению «инвентарей», уточнявших обязанности и права крепостных.

На севере России, в нечерноземной полосе, положение крепостных было более сносно, так как помещики не особенно интересовались обработкой малопродуктивной земли и предпочитали получать от своих «подданных» оброк — нечто вроде частного налога или откупа их обязанностей. Зато на плодородном черноземном юге, особенно от Днепра до Волги, помещики предпочитали барщину — работу крестьян на помещичьей земле — и часто перегружали ею своих крестьян. В таких условиях у крепостных почти не оставалось времени на обработку своих «крепостных», т.е. бывших в их личном пользовании, участков.

Неудача России в Крымской войне 1853-1856 гг. показала всю несостоятельность архаичного и неподходящего к условиям середины XIX в. социального и экономического строя страны. В январе 1855 г. умер император Николай I, не отличавшийся особенной гибкостью. Его сын, Александр II, был по убеждениям не менее консервативен, чем его отец, но будучи умным консервативом, он понимал, что ради сохранения главного, иногда необходимо пожертвовать второстепенным. Он понимал, что чем дольше будет сохраняться крепостное право и старый, отживший административный и судебный режим, тем больше Россия будет отставать от Запада, и ее мощь и престиж будут все больше

падать. Он решил пойти на уступки Англии и Франции, чтобы окончить и без того уже затянувшуюся и неудачную войну. Условия Парижского мира 1856 г., хотя и оказались довольно неприятными для России (она, например, потеряла право держать военный флот в Черном море), были не слишком тяжелыми. Сразу же после заключения мира, Александр II серьезно и энергично приступил к перестройке империи и, прежде всего, к подготовке освобождения крепостных крестьян.

Всего лишь через 12 дней после заключения мира, в своей речи к московскому дворянству, произнесенной 30 марта 1856 г., император заявил, что «существующий порядок владения душами не может оставаться неизменным», и затем откровенно предупредил помещиков, что «лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнет само собой отменяться снизу», т.е. — дожидаться новой, возможно даже успешной пугачевщины.

Отклик на эту речь государя был далеко не единодушным и, в большинстве случаев, скорее неблагоприятным. Представители наиболее культурной и передовой части дворянства (об интеллигенции в те годы еще рано говорить), славянофилы и западники, от Самарина до Герцена, горячо поддержали инициативу Александра II, но аристократия, стоявшая вокруг трона, и большинство дворянства отнеслись к его речи крайне скептически и даже отрицательно.

Тут следует заметить, что дворянство состояло из трех различных по богатству и влиянию групп. Около 4.200 самых богатых помещиков, наиболее близко стоявших к трону и фактически составлявших высший слой чиновничества, гвардии и армии, владели примерно 44 процентами всех крепостных и еще большим процентом всех частновладельческих земель. В среднем, у каждого из них было примерно по 1.120 душ (мужчин) крепостных (с семьями — около 2.250 человек). Что же касается подавляющего большинства поместного дворянства, численностью примерно в 80.000, то каждый из них владел в среднем всего 65 цензовыми душами (мужчин), что с семьями представляло около 130 крепостных на помещика. Между этими двумя крайними категориями была еще одна значительная группа в 20.000 помещиков, обладавших в среднем 400 крепостных обоого пола.⁸

Естественно, что первая из этих трех групп, самая небольшая по численности, зато владевшая почти половиной всех крепост-

⁸ Тройницкий, ук. соч., сс. 53-81.

ных крестьян и состоявшая, большей частью, из ведущих сановников империи, как например: князя Б. Голицын и П. Паскевич, графы В. Апрашкин, П. Шувалов и многие другие, а также и польские магнаты из Литвы, Белоруссии и Западной Малороссии-Украины (от Днепра и до австрийской границы), — имела очень большое влияние на правительство и всячески тормозила реформы.⁹

К счастью, Александр II имел опору у себя в семье, как например, в лице своего брата великого князя Константина Николаевича и своей тетки великой княгини Елены Павловны. Среди высших бюрократов также были такие решительные сторонники реформ, как ген. Я. И. Ростовцев, Н. А. Милютин, граф С. С. Ланской, и небольшое число других руководящих чиновников. Главной душой и двигателем дела освобождения крепостных был Ростовцев.

Твердое решение Александра II провести реформы и, прежде всего, покончить с крепостным правом, стойкость и непрерывная работа Ростовцева и Милютина, лояльная помощь министра внутренних дел Ланского — консерватора по убеждениям, но строго следовавшего указаниям императора — в конце концов взяли верх над упорством ретроградов-крепостников, думавших больше о своих интересах, чем о благе страны. Несмотря на преждевременную смерть Ростовцева, главного деятеля реформы и председателя комиссии по выработке соответствующего законодательства, к началу 1861 г. проект манифеста об освобождении крепостных был уже готов.

Законодательство об освобождении крепостных отразило борьбу между могущественными кругами консервативных придворных и высших сановников из числа помещиков-крепостников¹⁰ и небольшой группой передовых высших чиновников, представителей просвещенных кругов общественности (по преимуществу — славянофилов), и тех членов императорской фамилии, которые стояли за отмену крепостного права.

Крестьяне получили личную свободу от власти помещиков, но были поставлены в зависимость от общины. Община-мир, а не индивидуальные крестьяне, получила земельные наделы, которые стали ее коллективной собственностью, а она, в свою очередь, распределяла землю по дворам-семьям по числу мужских

⁹ См. *Русская старина* (1897), т. X, сс. 25, 32 и т. XI, с. 237; (1898), т. VI, сс. 81-84; (1899), т. VI, сс. 104, 111.

¹⁰ «Конец России . . . время Пугачевщины не далеко», говорили противники реформ. См. *Русская старина* (1899), т. VI, сс. 106 и 111.

«душ» в каждой семье, жившей одним двором, т.е., одним хозяйством. Для сохранения равномерного распределения земли, каждые пять лет должны были производиться переделы, опять-таки согласно числу мужских «душ» в каждом дворе. Целью этих переделов было благое, но не очень практичное, желание избежать обезземеления крестьян и обеспечить каждый двор справедливым количеством земли.

Управление общины — сельских сход — и избранный им староста решали, как обрабатывать землю и что сеять. Обычно вся обрабатываемая земля деревни делилась на три поля: два поля для весеннего и осеннего посевов, а третье — для «отдыха» земли от посевов — лежало «под паром». Эта последняя треть обрабатываемой земли оставлялась каждый год незасеянной для удобрения почвы и очищения ее от сорняков. Лес и пастбища иногда делились между дворами, но чаще всего находились в общем пользовании всех дворов. Каждый индивидуальный двор обрабатывал только свой надел на всех своих полях или отрезках в течение пяти и более лет между уравнительными переделами, если таковые проводились в данной общине. Община-мир отвечала за уплату налогов и выкупных платежей за земли, полученные бывшими крепостными, равно как и за уплату налогов бывшими государственными и удельными крестьянами.

В среднем, каждая «душа» мужского пола (взрослые и дети) получила около 3,3 десятины. На севере, в нечерноземной полосе, надел на душу был от 3 до 7 десятин; на черноземном юге — от 2,75 до 6 десятин; на крайнем же юге, в степной полосе, — от 3 до 12 десятин.

Получив свободу от помещиков, крестьяне, в своей личной, экономической и социальной жизни, все же были поставлены в зависимость от общины, которая не только решала, что и как сеять, но могла не позволить крестьянину оставить деревню, уйти в город или выбрать себе занятие по своему желанию. Хотя статьи 36 и 165 *Положений о выкупе земли* давали крестьянам право «выдела» их надела в частную собственность, но на это требовалось согласие двух третей всех дворов общины и «выходящий» двор был обязан выплатить все выкупные платежи за выделяемую землю. Так же, при согласии двух третей дворов общины и выплате всех причитающихся с нее выкупных сумм, вся общинная земля могла быть разделена между ее членами. Но в обоих случаях такие выходы или разделы бывали крайне редки ввиду беднежьи у подавляющего большинства крестьян. Что же касается помещиков, то правительство оплатило им стоимость

переданных крестьянам земель, а крестьяне должны были выплачивать правительству 80 процентов этих сумм, при капитализации в 6 процентов. Позже, под влиянием революционного подъема в конце 1905 г., эти платежи были вовсе отменены правительством.

По мнению А. Е. Лоссицкого, наиболее авторитетного ученого, определившего ценность земель, полученных крестьянами, бывшие крепостные переплатили помещикам около 220 миллионов рублей, т.к. выкупная цена полученных крестьянами участков была на 38,4 процента выше рыночной цены того времени. Средняя цена за десятину полученной крестьянами земли была, по его расчету, 27 рублей (или приблизительно 5 американских долларов того времени за акр).¹¹ Вполне вероятно, что Лоссицкий прав, хотя определение стоимости земли во всей Европейской России представляет собой довольно сложную задачу. Но принимая во внимание, что к концу столетия цена за десятину неулучшенной крестьянской земли уже поднялась в среднем по всей России до 103-116 рублей, то можно сказать, что с точки зрения капиталовложения, крестьяне на выкупе земли у помещиков не прогадали. Продавая землю, крестьянин мог бы к 1900 году не только выручить свои деньги (если бы он обладал неограниченным правом распоряжаться своей землей, чего в 1900 г. у него большей частью не было), но и довольно прилично заработать.

Ввиду отсутствия точных статистических данных о крестьянских наделах до реформы, трудно определить, потеряли ли вообще и, если да, то сколько земли потеряли бывшие крепостные в результате реформы и их соглашений с помещиками. Некоторые советские историки, как например М. Нечкина, основываясь на данных 27 отдельных губерний, полагают, что крестьяне потеряли при разделе с помещиками до 16 процентов всей своей земли.¹² Проф. Г. Т. Робинсон, с другой стороны, определил общую потерю земли крестьянами в 1,4 миллиона десятин, т.е. всего лишь в 1,2 процента.¹³

Советский ученый С. Юшков придерживался мнения, что помещики выиграли при разделе земли до 5,2 миллиона десятин, т.е. около 4,5 процентов.¹⁴ Один из самых авторитетных советских знатоков этой эпохи, П. А. Зайончковский, воздержался от статистических данных, но только указал, что в течение несколь-

¹¹ А. Е. Лосицкий, *Выкупная операция* (СПб., 1906), сс. 616-619.

¹² М. Нечкина, ред., *История СССР* (Москва, 1919), т. 2, с. 442.

¹³ G. T. Robinson, *Rural Russia under the Old Regime* (New York, 1949), pp. 87, 268.

¹⁴ С. Юшков, *История государства и права СССР* (Москва, 1950), т. 1, с. 16.

ких десятилетий до реформы 1861 г., помещикам удалось отобрать от крепостных некоторую часть их сельскохозяйственных угодий.¹⁵ Видимо, крестьяне действительно потеряли какое-то количество земли, но далеко не в размерах, отмеченных М. Нечкиной.

Данные о землевладении в России в конце XIX и начале XX столетий опровергают утверждения левых русских писателей-экономистов о том, что дворянские имения составляли большую часть всех земельных угодий страны. После реформы 1861 г. бывшие крепостные, государственные и удельные крестьяне и казаки владели 121,9 миллиона десятин (в личной или общинной собственности). В руках же дворян оставалось 73,2 миллиона десятин. Вслед за этим, дворянское землевладение стало быстро уменьшаться: в 1905 г. оно упало до 52 миллионов десятин, а в 1914 г. — даже до 39,5 миллионов.

В 1905-1914 гг. в Европейской России крестьянское и казачье землевладение выросло со 153 миллионов до 170 миллионов десятин, а если сюда включить еще 21 миллион десятин крестьянских земель в азиатской России, то эта цифра повысится до 191 миллиона. Таким образом, накануне войны 1914 г. крестьянское землевладение было почти в пять раз больше дворянского. Принимая во внимание, что в руках купцов и акционерных обществ было тоже около 31 миллиона десятин, получается, что из 263 миллионов десятин земли (не считая казенных и удельных земель) накануне Первой Мировой войны в руках дворян было всего лишь около 15 процентов всех частных сельскохозяйственных земель России, пригодных для возделывания.

Несмотря на отдельные недостатки крестьянской реформы 1861 г., сам факт освобождения крестьян от власти помещиков и наделение их землей совершенно переменял жизнь русской деревни и дал бывшим крепостным возможность дальнейшего довольно свободного развития. Конечно, крестьянский надел был невелик и многим меньше размеров американских ферм середины XIX в., но все же он был значительно больше размеров крестьянских полей Западной Европы. Например, во Франции три четверти всех крестьянских участков были величиной меньше 5 акров или 2 русских десятин, а средний размер был 9 акров или 3,5 десятины. В императорской России только 15,7 процента крестьянских наделов были величиной в 4 десятины (10,8 акра) или

¹⁵ П. А. Зайончковский, *Проведение в жизнь крестьянской реформы* (Москва, 1958), сс. 301 и сл.

меньше. 73,8 процента всех крестьян имели наделы от 4,1 до 20 десятин (10,9 до 54 акров) и 10,5 процентов более богатых крестьян имели наделы свыше 20 десятин. Эти цифры относятся только к крестьянам, жившим в общине и обладавшим только общинной землей. Если же сюда включить и земли, находившиеся в личном владении крестьян, то средний размер русского крестьянского хозяйства становится в 1914 г. немногим больше 14 десятин (37,8 акра) в Европейской России и значительно больше в Сибири, казачьих областях и Предкавказии.¹⁶

Главным затруднением для русских крестьян был не размер их земельных участков, а отсталость методов их обработки и отсутствие у крестьян навыков рыночного хозяйства. Русский крестьянин, имея одинаковое количество и качество земли, производил значительно меньше сельскохозяйственных продуктов, чем его западноевропейский собрат. Косность общины, отсталая, лишавшая инициативы система общинного владения не позволяли крестьянину применять новые методы и, тем самым, улучшать свое хозяйство. Отсутствие или недостаток минеральных удобрений и сельскохозяйственных машин вели к сравнительно низким урожаям и слабо развитому животноводству.

Тем не менее, освобождение крестьян от крепостного права очень скоро выразилось в быстром росте населения и урожаяев. Так, например, за тридцать лет, предшествующих реформе (т.е. с 1831 по 1860 г.), население России выросло всего лишь на 33 процента, а за тридцать лет после нее (с 1861 по 1890 г.) — на 56 процентов. В цифрах, картина получается такая: в 1831 г. — 56,1 миллиона; в 1861 г. — 75,6 миллиона; а в 1890 г. — 117 миллионов.¹⁷ Это произошло благодаря лучшему ведению сельского хозяйства свободными и более заинтересованными в урожайности своих полей крестьянами. За промежуток 1831-1860 гг. урожаи поднялись с 175 миллионов четвертей¹⁸ до 220 миллионов, т.е. лишь на одну четверть; зато к 1890 г., несмотря на наличие общины, тормозившей развитие личной инициативы у крестьян, они поднялись на целую треть (293 миллиона четвертей). Еще более быстро росли в годы после отмены крепостного права промышленность и торговля.¹⁹

¹⁶ П. Маслов, *Аграрный вопрос в России*, 3-е изд. (СПб., 1906), сс. 201-209.

¹⁷ *Статистический ежегодник России за 1916 год (1918)*, т. I, с. 85.

¹⁸ Четверть (как мера объема) равнялась примерно 5,88 американских бушелей сыпучих злаков, *Ред.*

¹⁹ Н. А. Хромов, *Экономическое развитие России в XIX-XX вв.* (М., 1950), с. 438.

Несмотря на улучшение положения крестьянства и организацию уездных и губернских земств, которые стали заботиться о здоровье и образовании населения, дорогах и введении научных методов хозяйства в деревне, развитие последней шло недостаточно быстро. Рост населения, которое было тесно сосредоточено в деревенских общинах, вел к уменьшению наделов, так как при переделах, надел на душу сельского населения постоянно уменьшался. Процесс индустриализации развивался быстрее, чем до реформы 1861 г., но все же к концу XIX в. промышленность еще не могла поглотить избытки рабочей силы в перенаселенной деревне. Огромные пространства в азиатской России оставались неосвоенными. Революционное движение 1905-6 гг., которое в деревне нередко выражалось в разгроме помещичьих имений, ясно показывало, что новые реформы в деревенской жизни были необходимы.

Это и сделал в 1906 г. энергичный и дальновидный глава правительства и министр внутренних дел Петр Аркадьевич Столыпин. Он уже обладал значительным опытом как крупный землевладелец, общественный деятель и саратовский губернатор, но главное — он хорошо знал русскую деревню. Однако, даже при поддержке императора Николая II, Столыпину было нелегко осуществить намеченную им программу реформ русской деревни. Левые политические круги видели разрешение всех затруднений в сельском хозяйстве в отчуждении и разделе помещичьих земель, но эта программа левых, по преимуществу социалистов-революционеров и кадетов, не имела серьезных оснований. Помещикам принадлежали не только обрабатываемые земли, но и большие леса, далеко не всегда пригодные для сельского хозяйства, а все их имения производили к 1914 г. всего лишь 12 процентов общего урожая. Когда в 1918 г. крестьяне получили земли помещиков, то прирост оказался довольно ничтожным — всего 0.4 десятины на душу.²⁰

Правые были вообще против всяких реформ в деревне. Их вожди принадлежали к числу самых крупных помещиков и они, естественно, были не только против раздела имений, но и вообще не сочувствовали улучшению положения в деревне. Перемены к лучшему в положении крестьян выразились бы в уменьшении числа рабочих рук в сельском хозяйстве, что повысило бы цены на рабочие руки и уменьшило бы доходы помещиков.

²⁰ В этом признавался даже сам И. Сталин. См. его *Сочинения* (Москва, 1950), т. 9, с. 85.

Столыпин же ставил на первое место интересы всей России и, хотя он сам был владельцем 7.500 десятин, он все же считал, что общие интересы всей страны должны быть поставлены перед личными или классовыми интересами помещиков. Он понимал, что перенаселение деревни, часто бедственное положение мало-земельных крестьян и отсталые способы ведения хозяйства при общинном владении землей, могут привести к новым беспорядкам в деревне и опасно отразиться на состоянии государства. Зная, что община была основным препятствием к введению передовых методов использования земли, он решил освободить крестьян от ее власти. Перенаселение деревни должно было быть уменьшено при помощи переселения на свободные земли в азиатской России, льготной продажи государственных и частных угодий в европейской части страны и, наконец, за счет перехода известного количества крестьян в город, в бурно развивавшуюся с начала XX в. индустрию во всех частях государства.²¹

Проводя свою аграрную реформу, Столыпин конечно отдавал себе отчет, что какая-то часть бедного и неудачливого крестьянства будет вынуждена продать свои земли более предприимчивым соседям и оставить деревню. Защищая свою реформу сельского землевладения в Думе, Столыпин откровенно заявил, что правительство делает ставку «не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных ... [а] таких сильных людей в России большинство».²²

Главным помощником П. А. Столыпина в деле земельной реформы был А. В. Кривошеин, один из талантливейших русских государственных деятелей того времени и большой специалист по земельному вопросу. По его инициативе, еще до прихода Столыпина к власти, когда Кривошеин руководил Управлением землеустройства и земледелия, 3 ноября 1905 г. крестьянские платежи и взыскания недоимок за земли, полученные от помещиков после реформы 1861 г., были отменены. Далее, по его же инициативе, функции Крестьянского земельного (казенного) банка были значительно расширены, чтобы помочь крестьянам покупать землю

²¹ Этот процесс происходил темпом, превосходящим рост промышленности в Западной Европе и США. Капиталы акционерных промышленных предприятий выросли за 1899-1913 гг. на 113 процентов, а баланс коммерческих банков — на 318 процентов (см. П. И. Лященко, *История народного хозяйства СССР* [Москва, 1956], т. 2, с. 389). Добыча каменного угля за 1900-1913 гг. выросла на 120 процентов, чугуна — на 67 процентов (см. Хромов, ук. соч., сс. 453-454).

²² *Стенографический отчет заседаний Третьей Государственной Думы: Заседание 6 марта 1907 г., ч. I, сс. 2279 и сл.*

и получать кредиты для улучшения хозяйства. 4 марта 1906 г., опять-таки по инициативе Кривошеина, были учреждены в губерниях и уездах особые землеустроительные комиссии и приняты меры для создания обширных кадров агрономов и землемеров, которые должны были помогать крестьянам улучшать ведение их хозяйств, и выяснять точное местонахождение и размеры крестьянских участков, особенно в случае выхода крестьян из общины.

По приходе к власти П. А. Столыпина (26 апреля 1906 г. он стал министром внутренних дел, а 8 июля 1906 г. председателем Совета Министров), темп земельных мероприятий ускоряется. По указам императора Николая II от 12 и 27 августа 1906 г., Крестьянский земельный банк получил в свое распоряжение все сельскохозяйственные земли, принадлежавшие казне и Удельному ведомству, которое заведовало землями императорской фамилии, на предмет продажи их крестьянам на особенно льготных условиях. Через какие-нибудь двадцать дней, земли, принадлежавшие царской семье (Кабинету Е.И.В.) и находившиеся в Алтайском крае, перешли в распоряжение Управления землеустройства, чтобы оно могло заняться переселением туда крестьян из европейской части России.

Осенью 1906 г. вышел ряд особо важных указов для русского крестьянства. Прежде всего, это был указ об уравнивании крестьян в правах с другими сословиями; он открывал им дорогу для переезда в другие места, для выбора более подходящего им рода занятий или профессии, для обучения на всех уровнях образования и поступления на государственную службу. Все это они могли теперь делать, не спрашивая разрешения общины. Еще более важен для крестьян был указ от 9 ноября 1906 г., позволявший им свободно выходить из общины и получать в личную собственность полагающиеся им земельные угодия в одном цельном участке. При этом они могли или оставаться проживать в деревне, получив свой отдельный и соединенный иногда из многих отрезков «отруб», или выселяться на свою, опять-таки выделенную им в одном куске землю, — т.н. «хутор». И хутор и отруб делались личной собственностью главы крестьянского семейства, которому они были выделены.²³ Крестьянский земельный банк получил новые, расширенные права предоставлять кредит крестьянам, устраивавшим свое собственное — не общинное — хозяйство на начале личного предпринимательства.

²³ Текст Законов 9 ноября 1906 г. см. в А. В. Зеньковский, *Правда о Столыпине*, 2-е изд. (Нью-Йорк, 1986), сс. 273-284.

Помимо освобождения крестьян от опеки общины и предоставления им помощи для устройства на своих отрубках или хуторах, правительство помогало крестьянам переселяться из перенаселенных районов Европейской России в Сибирь, на Дальний Восток и в Степной край. В период 1906-1915 гг. Управление землеустройства помогло более чем 3,5 миллионам крестьян переселиться в эти богатые землей азиатский области. За те же годы, из общего числа 12-13 миллионов крестьянских дворов, свыше 2,5 миллионов, т.е. около одной пятой общего числа, выделились на хутора и отруба.

Критики столыпинских реформ говорят, что *только одна пятая* всего имевшего на то право российского крестьянства перешла к индивидуальному предпринимательскому хозяйству. На это можно возразить, что *не только одна пятая* русских крестьян предпочла выйти из общины и стать хозяевами-собственниками своих индивидуальных отрубков и хуторов, а наоборот, что *такое большое число* крестьян, как одна пятая, *всего лишь за десять лет* (1906-1915) стали индивидуальными владельцами своих земель и перешли к личному, частному хозяйству. К этому числу надо еще прибавить и те миллионы крестьян, которые, став переселенцами, тоже ушли на частные предпринимательские хозяйства на Дальнем Востоке, в Сибири и Степном Крае.²⁴ Таким образом, число частных, не общинных, дворов достигло почти одной четверти всех крестьянских хозяйств.

Успех реформы ясно виден из следующих цифр. В среднем, годовое производство зерновых культур в России выросло в 1900-1907 гг. с 3-х до 3,4 миллиарда пудов.²⁵ В 1913 г. оно достигло 4,2 миллиарда пудов в Европейской России, а если включить сюда и урожай Сибири, то общий урожай достиг 5,4 миллиарда пудов, т.е. увеличился более чем в полтора раза. Успехи сельского хозяйства немедленно отразились на благосостоянии населения и на его росте. За десятилетие 1891-1900, население России выросло с 119 миллионов до 132 миллионов, т.е. всего на 11 процентов. За время действия столыпинской реформы, т.е. за десятилетие 1907-1917, несмотря на войну 1914-1918 гг., оно выросло с 149 миллионов до 184 миллионов, т.е. на 23 процента, — в два раза быстрее, чем в предыдущее десятилетие.²⁶

Эти данные сами по себе служат лучшим оправданием ре-

²⁴ Хромов, ук. соч., сс. 343 и 404-405.

²⁵ Пуд равнялся 16,38 килограмма. *Ред.*

²⁶ Хромов, ук. соч., с. 454.

форм Столыпина, которые почти что немедленно отразились на количественном росте, благосостоянии и развитии обеспеченности населения. Эффект столыпинских реформ, несмотря на все приписываемые им недостатки, был огромен. Они стали вечным «нерукотворным памятником» этому великому русскому человеку, который смог забыть интересы и идеологию своего класса и действовать, как подсказывали ему здравый смысл, совесть и любовь к своей стране и своему народу. На примерах освобождения крестьян и столыпинской реформы, Россия показала, что она может если не «догонять и перегонять» другие страны, то во всяком случае, достигать гигантских успехов, когда ею руководят здравые смыслом и самоотверженные люди, как это было в 1860-х годах и в десятилетие перед Первой Мировой войной.²⁷

²⁷ При работе над этой статьей автор пользовался по преимуществу статистическими данными, опубликованными в работах советских ученых.

Очерки государства и права в дореволюционной России

Марк Шефтель*

I

Российская и французская монархии в XVII веке

Подчеркивание фундаментального различия между русским самодержавием и западным абсолютизмом ныне стало общим местом. Достаточно привести красноречивый пример из сравнительно-аналитического труда Жоржа Дюрана *Государство и институты XVI-XVII веков* (Париж, 1969); абсолютизм «никогда не понимался буквально самими монархами, за исключением

* Профессор Марк Георгиевич Шефтель (1902-1985) — известный американский историк, родом из России, специалист по истории допетровской России (история права и учреждений) и по истории думского периода. Он преподавал в Брюссельском университете, а затем в Корнельском университете и в Университете штата Вашингтон в США. Особенно хорошо известны его перевод с комментариями (на французский язык) Русской Правды, Псковской Судной грамоты и Княжеских Церковных Уставов, составленная им библиография по истории русского права (тоже по-французски) и фундаментальный труд о русской конституции, *The Russian Constitution of April 23, 1906* (Брюссель, 1976). Он также был одним из переводчиков и комментаторов «Слова о полку Игореве». Проф. М. Г. Шефтель состоял членом Русской Академической Группы в США.

Редакция благодарит газету *Русская мысль* в Париже и ее главного редактора г-жу Ирину Иловайскую-Альберти за предоставленную ей возможность опубликовать этот ценный материал одного из выдающихся историков русского зарубежья. Редакция также благодарит проф. О. П. Ильинского за помощь при подготовке этого материала к печати.

русских самодержцев; отсутствие основных законов, сводов обычного права и сословий обуславливали в России диктаторский режим» (стр. 279). Я надеюсь показать в настоящем сообщении, что ни одна из этих трех отрицательных посылок не соответствует исторической реальности Московского государства XVII века.

Подобную отрицательную оценку высказывают не только специалисты по истории Запада. Ученые, занимающиеся историей России, весьма энергично выдвигали ее в течение последних лет. Историк Ричард Хелли (Чикагский университет) утверждает в структуралистском очерке истории России, что, начиная с XVI века (и до наших дней), Россия остается «государством-гарнизонам» или «церковным самодержавным государством без институциональных ограничений».¹ Той же концепции придерживается и Ричард Пайпс (Гарвард), хотя он настаивает не столько на военном аспекте проблемы, сколько на «вотчинном по преимуществу» характере русского государства с XV века и до наших дней, в основе которого — смешение прав верховной власти и прав собственности, *imperium* и *dominium*. Поскольку различие этих понятий по Р. Пайпсу — основная черта западных политических систем, он помещает русскую систему (согласно его точке зрения, не изменяющуюся) среди «незападных типов правления».² Тут проглядывает известная концепция «восточного деспотизма». Наконец, эта тема была подхвачена в 1977 г. Карлом-Хайнцем Руфманом; желая показать разницу между двумя «ключевыми понятиями», автократией (сводимой к русской системе!) и западным абсолютизмом («староевропейским»), он настаивает на двух главных различиях. Если абсолютный монарх признавал божественное и историческое право основных законов и не оставлял, по крайней мере, без внимания «принцип безопасности личности и собственности граждан» (здесь он ссылается на Бодена), то самодержец связан лишь своим собственным истолкованием божественных установлений, а подданные остаются в его полной и произвольной власти. Таково первое отличие. По

¹ “The Structure of Modern Russian History: Toward a Dynamic Model”, *Russian History*, 1977, No. 1, pp. 17 & 22. М. Хелли, однако, является специалистом по военной и социальной истории Московского государства, автором книги *Enserfment and Military Change in Muscovy* (Chicago, 1971).

² *Russia under the Old Régime* (NY: Scribner's, 1974), pp. xxi-xxii. См. анализ этой работы в: Marc Szeftel, “Two Negative Appraisals of Russian Pre-Revolutionary Development”, *Canadian-American Slavic Studies*, vol. 14, No. 1 (Spring 1980), pp. 74-87.

Руфману, оно усилено еще «цезаропапистским» характером самодержавной власти, не только светской, но и духовной; подобного слияния видов власти не обнаруживается в классическом абсолютизме.³

Эти идеи, высказываемые преимущественно историками (или теоретиками исторической науки), которые увлечены больше обобщениями — даже поспешными и незрелыми, — чем постепенным и основательным исследованием фактов прошлого, нашли бурный отклик у тех из них, чье внимание приковано к современной действительности.⁴ Однако в свете более строгого и свободного от предвзятости исторического метода сравнение русского самодержавия и западного абсолютизма привело бы к более тонким выводам, но не в смысле подтверждения полной противоположности самодержавия и абсолютизма, а относительно различий, существовавших в рамках одного и того же типа правления.⁵

Данное сообщение ограничено рассмотрением русской и французской монархий XVII века. Их сближение, как принадлежащих к одной и той же разновидности «умеренных монархий», было впервые предложено в 1925 г. Федором Васильевичем Тарановским. Говоря об «узде», которая ограничивала волю московского царя, он цитировал Зесселя, заимствуя у него идею, если не сам термин.⁶ Кроме того, он рассматривает идеи Клода де

³ “Autokratie, Absolutismus, Totalitarismus. Bemerkungen zu drei historischen Schlüsselbegriffen”. Osteuropa in Geschichte und Gegenwart,” *Festschrift für Günther Stokl* (Böhlau Verlag, 1977), pp. 347-348. (Резюме Марка Шефтеля в: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1979).

⁴ В качестве примера этой тенденции к обобщениям можно сослаться на труд: F. Gonzague de Reynolds, *La formation de l'Europe*, 7 vols. (Fribourg-Paris, 1944-57), три тома которой носят название «Русский мир».

⁵ Эта проблема много обсуждалась в советской историографии. Обзор этой дискуссии см. Н.-J. Torke, “Die Entwicklung des Absolutismus — Problems in der sowjetischen Historiographie seit 1917”, *Jahrbücher für die Geschichte Osteuropas*, 1973, pp. 493-508; и его же: “Die neuere Sowjet Historiographie zum Problem des russischen Absolutismus,” *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*, vol. 20 (1973), pp. 113-133. Дореволюционная русская историография Земских Соборов — главного аспекта проблемы — была предметом очерка в: Л. В. Черепнин, *Земские соборы русского государства в XVI-XVII вв.* (Москва, 1978), сс. 5-32 (страницы, следующие за первой главой, посвящены советской и зарубежной историографии и источникам).

⁶ *Arhiv za pravne i drustvenne nauke*, vol. XXVIII (Beograd, 1925), p. 164. Выражение «обузданная», «сдерживаемая удилами» принадлежит Зесселю; Ги Кокий и Шарль Демулен назвали ее «умеренной».

Зесселя в книге, посвященной юридической доктрине французского публичного права старого режима, опубликованной в 1911 г.⁷

Выдающийся историк русского права Тарановский изучал публичное право западного старого режима, готовясь к исследованию русской правовой идеологии в своем историческом прошлом, но он не написал задуманной работы.⁸ Хотя Тарановский в статье 1925 г. не ограничивает свои выводы XVII веком (а де Зессель завершил свой труд в 1515 г.), можно видеть, что прежде всего московская монархия XVII века характеризовалась наличием «узды» для власти царя, и сравнение с Францией обоснованно ввиду бесспорной «обузданности» монархии XVII века, даже в период единоличного правления Людовика XIV.⁹

Во-первых, как и королевская Франция, Московское государство имело основные законы. Можно проследить их соблюдение московскими государями, а также в выборных уставах и особенно в чинах венчания на царство.¹⁰ В истории Москвы дважды были осуществлены выборы несомненных и подлинных

⁷ *Догматика положительного государственного права во Франции старого порядка* (Юрьев, 1911), vii + 633 сс.

⁸ Там же, предисловие, с. vii (последний параграф). Книге о Франции предшествовала работа о развитии юридического метода, — в рамках исследования немецкого публичного права: *Юридический метод в государственной науке. Очерк развития его в Германии, 1904*.

⁹ См. прекрасное исследование F. Dumont. "Royauté française et monarchie absolue au XVII siècle", *XVII siècle*, nos. 58-59 (1963) и курс, прочитанный в Сорбонне R. Mousnier, "Etat et société sous François Ier et pendant le gouvernement personnel de Louis XIV". (1965-1966?). Юбер Метивье определяет, однако, монархию Людовика XIV как «монархию сеньоральную... владелицу жизни, имущества, совести, законов и обычаев всех своих подданных, мирян и церковников» [в отличие от традиционной «монархии королевской и посреднической»], (*L'Ancien régime* [Paris, 1964], pp. 84-85). В этом отрывке просматривается знаменитое описание Жана Бодена «монархий Азии, Эфиопии, а в Европе — Турции, Татарии и Московии», (*Les six livres de la République*, livre II [Paris, 1580], pp. 273-276). Употребление одной и той же формулировки могло бы косвенно указывать на сближение Франции Людовика XIV и Московского государства XVI столетия в смысле, противоположном нашему, но если формулировка Бодена в отношении Московской Руси неточна (даже в применении к эпохе Ивана Грозного, его современника), она кажется равно утрированной в отношении Франции Людовика XIV. Корни боденовской классификации восходят, между прочим, к аристотелевскому противопоставлению греческих институтов — персидским. Ср. Melvin Richter, "Despotism", *Dictionary of the History of Ideas*, ed. by Philip P. Wiener (N.Y., 1973-4), vol. II, pp. 1-4.

См. также «перечисление того, что король не может делать» в: Pierre Goubert, *L'Ancien régime*, t. 2: *Les pouvoirs* (Paris, 1973), pp. 30-33.

¹⁰ Уставы избрания были исследованы Ф. Тарановским в очерке «Соборное избрание и власть великого государя в XVII столетии», *Журнал Министерства*

национальных ассамблей, вызванные пресечением правящей династии в 1613 г., а в XVI веке — в 1598 г. В обоих случаях нарушение престолонаследования (не имеющее аналогий в истории Франции) вызвало в период междуцарствия переход власти к представителям нации, однако лишь для того, чтобы восстановить нормальное положение. В обоих случаях была избрана новая династия (Романовы в 1613 г., Годуновы в 1598 г.), однако с обоснованием избрания родственными связями нового царя с пресекшейся династией («прирожденный царь»), даже если это и было приобретенное родство, как в случае с первым Романовым. Как и во Франции, корона по традиции переходила от отца к сыну с учетом первородства; этот принцип неизменно применялся в Москве с основания княжества ок. 1276 г. до смерти последнего Рюриковича московской линии в 1598 г. Тот же принцип соблюдался и династией Романовых со времени избрания в 1613 г. и до 1722 г., когда Петр Великий провозгласил право государя свободно назначать своего преемника. Наследование престола женщиной не имело места до 1725 г.; здесь также можно извлечь аналогию с французскими институтами эпохи.

В качестве основного закона московской монархии можно также считать принадлежность монарха к православной вере («православный царь»), как свидетельствует о том символ веры, произносимый во время венчания на царство, в ответ на вопрос патриарха. Церемония венчания не знает королевской присяги, однако обязанности коронуемого царя содержатся в поучении, произносимом патриархом. В нем говорится о милосердии и справедливости, а также об «общем благе» (цитируем сходную формулу Бомануара) и уважении к законам старшинства бояр и местничества.¹¹ Здесь очевидна «узда установившегося порядка», как определял ее Зессель.¹²

Юстиции, май 1913; «чиновные книги» анализировал М. В. Шахматов в статье «Государственно-национальные идеи чиновных книг венчания на царство московских государей», *Записки Русского Научного Института*, т. 1, (Белград, 1928-1929), сс. 245-278. Ср. также Ф. Тарановский, *Элементы основных законов в Уложении царя Алексея Михайловича* (Харбин, 1928) и Г. Г. Тельберг, *Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века* (Москва, 1912).

¹¹ Здесь не приводится термин как таковой; обычай старшинства назывался 'отечеством', и патриарх указывал новому царю оказывать милости боярам и сановникам и защищать их соответственно их 'отечеству' (К. В. Шахматов, цит. соч., с. 268). Можно привести здесь изречение того времени: «царь может жаловать чстью, но не отечеством».

¹² *La Grant' Monarchie de France*, 2^e edition (Paris, 1540), partie 1, chap. VIII, p. 12; цит. по Тарановскому: *Догматика...*, сс. 49, 51-53.

Кроме уважения к древним законам и обычаям (которые существовали в Московском княжестве, несмотря на утверждение некоторых плохо осведомленных авторов), «полное всемогущество» московских царей «сдерживалось» другой «главной уздой», отмеченной Зесселем в отношении французских королей (цит. соч.). Это религия. О ней немного сказал Виктор Тапье в курсе лекций «Россия 1659-1689 годов», красноречиво комментируя христианский характер русской монархии: «Как видите, мы далеки от концепции деспотизма на восточный манер» (стр. 73). В самом деле, при более внимательном рассмотрении отношений между духовной и светской властью Московского государства, выводы окажутся совсем другие, чем сделанные Руфманом в цитированной выше статье. В. И. Сергеевич, выдающийся историк русского права, тщательно исследовал эти отношения в своем труде *Русские юридические древности* (СПб., 1896), т. II, сс. 481-618. Будучи далек от утверждения Руфмана о всемогуществе царей и в светской, и в духовной областях, он замечает, что если византийские императоры, а равно и христианские монархи, имели меньше власти, чем языческие императоры Рима (ограниченные догмами Церкви, они не могли их изменить), то московские князья были еще более ограничены в своей власти над церковью, как это показывает история попыток государей завладеть церковной собственностью, и в особенности конфликт между царем Алексеем и патриархом Никоном, который, несмотря на поражение последнего, не привел к «цезаропапизму» (там же, сс. 602-612). Клод де Зессель настаивал на свободе критики прелатами действий французского монарха; говорилось даже, что монархия Людовика XIV была «абсолютизмом, смягчаемым церковной службой». ¹³ Эта свобода наличествовала также и в московских обычаях, будь то критика со стороны священника или юродивого, хотя на практике она и могла иметь для священника трагические последствия. Это показывает случай с митрополитом Филиппом в царствование Ивана IV; однако страшный царь в то же время терпел горькую правду, которую говорили юродивые, ¹⁴ так как даже он не мог забыть, что, будучи христианским царем, должен уважать народные чувства.

¹³ Georges Weill, *Les théories sur le pouvoir royal en France pendant les guerres de religion* (Paris, 1891), pp. 10-14. Эта остроумная шутка недалеко от определения габсбургской монархии до 1866 г. как «абсолютизма, умеренного небрежением», или определения русской монархии до 1906 г. как «абсолютизма, умеренного взяточничеством».

¹⁴ Ср. снова Талье, цит. соч., с. 93.

Таким образом, кроме основных законов, две «узды», а именно «порядок» и религия ограничивали власть французского и московского монархов. К.-Г. Руфман не признает также «узды порядка» для русского самодержца, утверждая, что он не был связан никаким законом и что, в частности, он мог полностью отбросить «принцип безопасности лиц и собственности», в противоположность монарху западному. Некоторые оценки восходят к «сеньоральной монархии» Бодена, а из концепций наших дней — к «вотчинному обществу по преимуществу» «незападного» типа Р. Пайпса. Ибо московский человек, каким бы ни было его достоинство, называл себя «рабом», обращаясь к князю (что поразило Герберштейна, а вслед за ним, вероятно, Бодена); это не значит, что в действительности он был собственностью князя. Это всего-навсего самоуничижительная формула и не что другое, подобно испанской «лобызаю вашу руку» или французской формуле XVIII века: «остаюсь ваш покорный слуга». Конечно, русская формула утрирована, ей недостает чувства собственного достоинства, но этот анахронизм нельзя понимать буквально: в самом деле, можно ли указать случай продажи боярина царем как своего раба? В отношении собственности подданных царь располагал лишь прерогативой *dominium eminens*. В противном случае — и это только один пример — ему не пришлось бы спорить в московскую эпоху о церковных владениях. Наследовать земельную собственность могли (и по закону, и фактически) служилые люди, военный и чиновный классы, городское население и даже свободные крестьяне. Эти владения находились под защитой обычаев и законов, как и в западных монархических государствах, в том числе и французском.¹⁵

Московское государство, как и Франция, знало принцип совещательного правления, который представляет собой еще

¹⁵ Ср. Ф. Тарановский. «Обеспечение служилого землевладения в сословно-монархическом строе Московского государства», *Księga pamiątkowa ku czci Oswalda Balzera*, t. II (Lwów, 1925), pp. 583-593. Из анализа статьи XVII Уложения 1649 г. «О вотчинах» вытекает неприкосновенность родовой земельной собственности 'по отечеству', и до некоторой степени — 'поместий', условия, которые почти совпадают с регламентом «вотчины» последней четверти XVII века. Относительно крестьян см. Марк Шефтель. "La propriété terrienne paysanne au nord de la Russie aux XVIe-XVIIe ss.", *Recueils de la Société Jean Bodin*, t. XLXI.

Следует уточнить, что рабство (исчезнувшее во Франции к XI веку) всегда существовало в Московском государстве, но в том же Уложении 1649 г. признается лишь весьма смягченная его форма, а именно, долговое, 'служилая кабала', или 'кабальное холопство', ограниченное жизнью заимодавца или должника.

одну «узду». Он не оспаривался даже самым абсолютистским государем, Иваном IV, претендовавшим лишь на право беспрепятственно выбирать своих советников. Верховный Совет царя — это Боярская Дума, члены которой им назначались, однако в подавляющем большинстве они принадлежали к аристократии, княжеским фамилиям или семьям, уже поставлявшим членов для Думы, — к «московской знати». Компетенция Думы законодательно не ограничена и распространяется на все общественные дела, — законодательные, административные и судебные, если их не могли решить приказы.

Можно, наконец, извлечь параллель (*mutatis mutandis!*) между двумя монархиями в отношении «участия управляемых в деятельности правителей». ¹⁶ Наиболее полное выражение это участие на уровне центральной власти нашло в форме национальной ассамблеи (совет всея земли, или менее точно — земский собор), состоящей из трех элементов: (1) коллегия духовенства, или освященный собор; (2) Боярская Дума и (3) депутаты, избранные военными, купцами и свободными податными, прежде всего городскими, от сословий и волостей. Лишь первый собор 1613 г. обладал высшей властью. После избрания новой династии, однако, последующие соборы, созываемые государем в связи с его финансовыми трудностями или с информационной целью, имели лишь совещательную силу, хотя иногда, например в 1651 г., отрицательное мнение собора могло привести к отмене (или, по крайней мере, к изменению) решения правительства в области внешней политики. Содействие собора казалось особенно необходимым в случаях, когда предполагались нововведения в области законодательства (новое уложение или организация описи земельных владений, например), или в налогообложении, или в случае внутреннего кризиса (восстания в Новгороде и Пскове в 1650 г.), или кризиса внешнего (вопрос о войне и мире). Между 1613 и 1653 годами насчитывается несколько соборов (в 1653 г. состоялся последний подлинный собор). ¹⁷ Но принцип диалога с на-

¹⁶ Относительно Франции XVII-XVIII веков см. статью Р. Мунье под тем же названием в: *Recueils de la Société Jean Bodin*, т. XXIV (Bruxelles, 1966). Относительно Московского государства эта тема детально исследована в недавней книге Hans-Joachim Torke, *Die Staatsbedingte Gesellschaft im Moskauer Reich, Zar und Zemlja in der altrussischen Herrschaft-verfassung, 1613-1689*, (Leiden, 1974).

¹⁷ Соборы 1682 г., 1683-1684 и в особенности 1699 гг., упоминаемые некоторыми историками, так и не состоялись. См. выше Л. В. Черепнин, *Земские соборы*, сс. 350-372. См. также Marc Szeftel, "La participation des assemblées populaires dans le gouvernement central de la Russie depuis l'époque Kéviennne jusqu'à la fin de XVIIIe

селением не был оставлен вплоть до конца столетия. Однако царь предлагал теперь на обсуждение вопрос только представителям того класса, интересов которого он прямо касался: в 1660, 1672 и 1676 гг. созывались лишь купцы, чтобы обсудить проблемы кризиса цен и внешней торговли, а в 1682 г. обсуждения проводились дважды, хотя и одновременно, но по отдельности — с избранными от служилых людей в связи с отменой местничества, и с податными — в связи с обложениями и повинностями. Имели место совещания с представителями тех же слоев в 1684 г. (последняя установленная дата).

Соборы или отдельные совещания были часто результатом коллективных челобитных; последние — другая форма народного участия в управлении в это время.¹⁸ Челобитные исходили от групп населения волостей или городов, которые было бы рискованно назвать «сословиями»; они имеют, однако, несомненную однородность; городское население, посадские; купцы, или гости; класс военных, служилые люди. Имели место также коллективные челобитные свободных крестьян; их передавали на усмотрение соборов.

Население также участвовало в местном управлении сельской местности и городов. С середины XVI века наказание преступников находилось в руках губных старост, избираемых из числа военных всем населением данной области с помощью целовальников — присяжных из среды свободного податного населения. К тому же времени реформа Ивана IV дала населению уездов и волостей возможность ходатайствовать о замещении царских наместников местными выборными органами, призванными поддерживать порядок и осуществлять правосудие (однако крупные преступления оставались в ведении губных старост); эти органы состояли из земских старост и судей, а также целовальников, назначаемых из числа свободных податных города и сельской местности. Если губные институты были введены в Московском государстве повсюду, то границей земских учреждений были территории с еще свободными крестьянами (весь Север и отчасти Центр). Там, где установилась крепостная зависимость,

siècle,” *Recueils de la Société Jean Bodin*, t. XXV (Bruxelles, 1965), pp. 350-357; перепечатано в его же *Russian Institutions and Culture up to Peter the Great* (London, 1975), No. VIII. Стремление созвать эти соборы, и даже сама идея об их созыве, свидетельствуют об устойчивости этого обычая до самого конца XVII века.

¹⁸ Торке, цит. соч., сс. 269-271; он составил параллельный список этих челобитных и соборов.

крестьяне подлежали суду своих хозяев. В 1649 г. крепостное право, нашедшее свое окончательное выражение в Уложении царя Алексея, распространилось почти на весь Центр, где проживало большинство крестьянства. В других местах земские учреждения существовали в течение всего XVII века, но их полномочия заметно уменьшились с расширением власти воевод, гражданских и военных начальников на местах, подчинявшихся московским приказам. Однако губные учреждения сохранили относительную независимость.¹⁹

В самой Москве не было муниципальных учреждений западного типа, однако выборные власти существовали в городских подразделениях (посад, слобода, сотня) или в сельских (община), образующих волость. Эти административные единицы территориально часто совпадают с приходами, где власти, в том числе настоятель, в XVII веке были выборными.²⁰

С постепенным упрочением центральной власти в Москве и с ростом финансовых нужд государства коллективная ответственность выборных властей за выполнение повинностей и сбор налогов стала главной в их деятельности. В то же время подчиненность этих органов власти центральной и ее местным представителям превратилась в правило. Поскольку состояние всех классов населения было закреплено Уложением 1649 г. Московское государство все больше и больше заслуживало характеристики «тяглогового режима».²¹ Этот аспект отрицать нельзя, разу-

¹⁹ См. Торке, цит. соч., с. 76: схема структуры местной администрации в Московском государстве, ее бюрократических и выборных элементов. Эта схема включает выборные должности с финансовыми функциями: надзор за таможнями, продажей алкоголя и другими видами торговли.

²⁰ Ср. М. Ф. Владимирский-Буданов, *Обзор истории русского права* (Киев, СПб., 1900), сс. 217-218; также П. Милуков, *Очерки по истории русской культуры*, т. II, ч. I (Париж, 1931), с. 168. В строе военного класса также есть выборный элемент: в каждом районе «служилые» (мы избегаем в их отношении понятия «знать», т.к. им не свойственны некоторые аспекты, например, понятие о чести — аспекты, обычно связываемые с этим социальным положением), выбирали окладчиков для распределения служебных тягот, которые представляли свое решение на одобрение правительственного чиновника, разборщика. (Ср. курс, прочитанный в 1886 г. В. Ключевским, «История сословий в России», *Сочинения*, т. VI (Москва, 1959), сс. 403-405). Это единственная работа по истории сословий в России до 1785 г. в целом, опубликованная до настоящего времени русскими учеными. Р. Пайпс исследовал эту проблему в главах 6-9 своей книги *Russia under the Old Regime* (pp. 141-245), однако с недостаточной объективностью.

²¹ Выражение П. Струве в "Medieval Agrarian Society in its Prime," *Cambridge Economic History of Europe*, vol. I (1941), p. 419. See R. Mousnier, *Les sociétés d'ordre liturgique. Les hierarchies sociales de 1450 à nos jours* (Paris, 1969), pp. 106-116.

меется, особенно начиная с 1649 г., но он не единственный, ибо «узды» никогда не исчезала, и наиболее тонкий термин Торке — «общество, обусловленное государством» (*staatsbedingte Gesellschaft*) учитывает, по-видимому, обе стороны вопроса. Ограничивая московское самодержавие от азиатской деспотии, он приводит, кроме трех «уздов» (религия, «порядок» и законы наследования), тот факт, что «общество, хотя и обусловленное государством, в XVII веке есть нечто зафиксированное как социальная реальность» (с. 286). Другими словами, Московское государство имело в это время, несмотря ни на что, «промежуточные корпорации», исследованные в его книге (соборы, выборные власти на местах, коллективные челобитные царям).

Русские историки и не самые незначительные (например, Сергеевич), сравнивая земские соборы с представительными институтами западных стран — и прежде всего с французскими Генеральными Штатами и с английским парламентом в начале их деятельности — ставили Московское государство XVII века в один ряд с сословно-представительными монархиями (или *Ständestaat* немецкой исторической школы).²² Отто Хинце в статье «Обусловленность представительных учреждений в мировой истории» (1931) принял эту классификацию, подчеркивая, однако, что здесь речь идет «о гораздо более слабом механизме сословной представительности», лишенной корпоративной независимости сословий на Западе (*Staat und Vertassung* [Göttingen, 1962], p. 143). Согласно его точке зрения, духовенство лишено — в отличие от католичества — политических притязаний; он объясняет корпоративную слабость духовенства, во-первых, большей зависимостью русской церкви от государства со времени потери субординационной связи с Византией и, кроме того, отсутствием внутренней однородности из-за распада духовенства на две части: епископы и неженатое духовенство, и женатое духовенство приходов, фактически наследующее место, необразованное и мало уважаемое. Бояре также не обладали единством социальной группы из-за распри, порождаемых системой местничества, зависящего скорее от должности предков, а не от генеалогических связей семей (эта система была отменена лишь в 1682 г.). Единства не было и у служилых

²² Интересно отметить, что Н. А. Хачатурян озаглавил французское резюме своей статьи «О природе французской сословной монархии» (*Средние века*, т. 42 [Москва, 1978]) «De la question de la nature de monarchie tempérée française» (pp. 400-402). Речь в ней идет, однако, только о периоде 1302-1484 гг. Обзор литературы по этой проблеме (как дореволюционной, так и советской) см. Черепнин, цит. соч., сс. 15-19, 25-26, 36-41 и 397-401.

людей. Положение военных арендаторов лишало их чувства уверенности, поскольку только служба давала средства к существованию, и средства непрочные. Когда они стали в 1649 году бесспорными хозяевами крестьянства, лишенного всякой возможности переходить с места на место, то это не дало им большей свободы от государства, напротив, увеличило их зависимость, поскольку их обязанности, а равно и их отношения с крепостными подпали под более строгую регламентацию.²³ Наконец, не было городского самоуправления, порождающего сословия с их привилегиями, что характерно, по мнению Хинце, почти исключительно для латинского и германского мира (развитие этих черт он также приписывает влиянию и примеру католической церкви. (см. цит. соч., сс. 172-177). Можно в общих чертах присоединиться к этому анализу, однако с некоторыми оговорками. Первая половина XVII века (точнее, 1611-1666 годы) была эпохой наибольшего влияния патриархов русской церкви на дела страны. С другой стороны, если правовая и административная независимость церкви весьма уменьшилась с Уложением 1649 года, независимость патриарха, а равно податные льготы духовенства не были затронуты. Больше того, в 1667 и 1677 годах имело место некоторое движение вспять, восстановившее независимость церкви. Следует также отметить налоговые льготы служилых людей и привилегии крупных московских купцов, включающих, помимо прочих, некоторые льготы по указу от 26 августа 1648 г.²⁴ Если

²³ Можно добавить, что служилые люди не имели в своем большинстве местных корней, были чужаками для подвластного им населения и не образовывали однородной массы; это принуждало их видеть в государстве единственную гарантию покорности крестьян. В. Сергеевич в своем исследовании положения военного класса подчеркивает также влияние нехватки свободных земель. Служилые должны были сами искать незанятые поместья и эта необходимость вызывала в их среде распри и даже вражду. В заключение он пишет: «Это обстоятельство, а также крайне разношерстный состав московских служилых были причиной того, что, несмотря на полную зависимость от них самих организованности их класса, дворяне и дети боярские не стали единым сословием, имеющим собственные определенные политические цели» (*Древности русского права*, т. I [СПб., 1909], с. 628).

²⁴ Ключевский даже истолковывал это событие как отправную точку эволюции, которая привела в 1785 г. к узаконению привилегированных сословий в России («История сословий», с. 452). В этой эволюции великий русский историк видит, кроме основного аспекта прав сословий, развитие аспекта чести.

В течение XVII века, начиная с Уложения 1649 г., можно наблюдать развитие двух аспектов, с одной стороны, гораздо более эффективная защита чести определенных категорий населения, а с другой — присвоение чисто

таким образом, не подлежит сомнению, что социальное устройство Московского государства покоилось прежде всего на обязанностях, то «тягловый» аспект был смягчен — особенно с середины XVII века — привилегиями, которые создавали до некоторой степени аспект «корпоративности» в государстве.

В конечном итоге, сходство между земскими соборами XVII века (мы обозначаем этим термином все собрания такого рода, даже представлявшие единственный класс; Торке называет их *Die Moskauer Versammlungen*, цит. соч., гл. 4) и западными ассамблеями не должно скрывать от нас очень большое различие между московским и французским обществами того времени. Большинство русского крестьянства было закрепощено (лишь на Севере и в Сибири оно не знало крепостного труда), в то время как во Франции огромное большинство сельского населения свободно с XIV века. Если в Московском государстве и есть элементы сословного общества, общественные классы еще не стали сословиями. Нет эквивалента французской военной и придворной знати. Что касается городского населения, то даже в Москве нет «городского сословия»; только Новгород и Псков сохранили самоуправление как пережиток древних упраздненных институтов (Владимирский-Буданов, цит. соч., с. 217). Однако в Москве существовали элементы крупной буржуазии: очень ограниченное число «гостей», т.е. купцов, имевших налоговые льготы, и две корпорации, — гостиная сотня, т.е. оптовые торговцы (158 в 1649 г.) и суконная сотня (116 в 1649 г.). Ремесла, напротив, не

почетных прав без всякого подтверждения соответствующими должностями (сс. 449-452). Проблема чести представляется важной. Боден основывал свое определение московской монархии как сеньориальной, помимо прочего, и телесными наказаниями подданных независимо от их ранга, подобно тому, как наказывали рабов в Греции и Риме (там же). Это утверждение в общем справедливо; однако, Боден пренебрег двумя исключениями: духовенство и думные чины (думные бояре) были освобождены от телесных наказаний, предусмотренных законом за совершенные преступления, поскольку речь идет только об этих наказаниях (другой аспект, упущенный Боденом). Но служилые люди от него не освобождались, и в этом, может быть, главная причина того, чтобы отказать им в наименовании знати (крупные привилегированные купцы также не освобождались от них). Высказывалось даже мнение, что в Московском государстве не существовало слово, означающее «честь», Монтескье, ссылаясь на Перри (*The State of Russia under the present Tsar* [London, 1716], p. 447), принял это утверждение для описания «деспотических государств» в целом (*L'Esprit des lois, dans les Oeuvres complètes*, III, 8 [Paris, 1964], p. 539). Но Перри ошибся, нам приходилось ссылаться на слово «честь».

были организованы по цехам, кроме московских серебрильщиков. Однако, не образуя сословий, города управлялись выборными властями, как и сельское население Севера, и здесь можно обнаружить некоторые элементы социальной организации, подобные французским. Русское духовенство с его привилегиями можно еще с большим основанием сблизить с французским духовенством XVII века, но и у него нет достаточной монолитности, чтобы образовать сословие. Для полноты картины добавим, что в Московском государстве существовало долговое рабство! Из всего этого следует, что московское общество было более аморфно, а социальные группы — более зависимы от монарха, чем во Франции той же эпохи.

Следует также сопоставить хронологию представительных собраний обеих стран. В Московском государстве их начало падает почти на те же годы, когда они прекращаются во Франции: 1613 г. — в Москве, 1615 г. — во Франции (где их начало восходит к 1302 г.). В общенародной форме соборы существовали в Москве всего 40 лет, хотя и продолжались затем как соборы отдельных классов до 1684 г.; таких частично представительных ассамблей во Франции после 1615 г. не было. Напротив, в 1617 и 1627 гг. состоялись ассамблеи именитых граждан, — эта форма совещаний на Руси не существовала.²⁵ Отсюда можно заключить, что в XVII веке (по крайней мере, в 1615-1684 гг.) на Руси было больше народных совещаний, чем во Франции, и, следовательно, власть французского короля была более полной, чем власть московского царя. Так оно и было бы, если бы во Франции не существовало «узды» для королевской власти, каких Москва не знала. Уже говорилось о различной социальной организации, во Франции она включала корпорации и сословия, т.е. «промежуточные органы власти», что должен был учитывать король: их едва можно обнаружить в московской системе.²⁶ Есть и другие «узды», не существовавшие в Московском государстве.

²⁵ Тем не менее, можно тут найти общее с разными не выборными соборами, в том числе с соборами XVI века, начиная с 1549 г.

²⁶ На первый взгляд, московское «сеньюральное правосудие», осуществлявшееся служилыми людьми — хозяевами крепостного населения в их землях, — попадало под характеристику Монтескье: «посредническая власть, подчиненная и зависимая» (цит. соч., с. 535). В условиях московского государства аспект «промежуточности» не работает в качестве «узды» вследствие различного происхождения этого правосудия (оно не было феодального происхождения, как сеньюральное право во Франции), и особенно из-за низкого социального и правового положения самих служилых.

Прежде чем перейти к ним, следует сопоставить причины, которые привели в обеих странах к концу представительных собраний. Нужно заметить, что, если царь и продолжал созывать соборы различных классов, он не сталкивался с политическими притязаниями, поскольку их не было у этих классов. Во Франции же три сословия претендовали в 1614 г. на преобразование государства, каждое на свой манер, и роспуск их представителей положил конец как этим притязаниям, так и ссорам (сыгравшим на руку королю). В Москве конец «совета всея земли» наступил по другим причинам. Родившиеся в момент крайней слабости монаршей власти, соборы имели целью возместить эту слабость. Царь не мог обойтись без них. Но когда была восстановлена консолидация страны, поколебленная Смутным временем начала XVII века, а с другой стороны, был создан эффективный бюрократически-административный аппарат и значительно увеличена регулярная армия, правительство предпочло обходиться без соборов, тем более, что они показали в 1648-49 гг. опасность объединенного давления военного и городского классов, перед которым правительство должно было уступить при обсуждении Уложения. Реальность этой опасности была подтверждена в 1651 г., когда собор рекомендовал внешнюю политику, отличную от правительственной. Еще один собор состоялся в 1653 г., а затем созывались соборы только представителей отдельных классов.²⁷ Сравнивая судьбу московских представительных собраний с Генеральными Штатами, следует также подчеркнуть, что, если их роспуск во Франции в 1615 г. порвал с более чем трехсотлетней традицией, прекращение подобных собраний в Москве в 1653 г. положило конец всего лишь недавнему обычаю (40 лет всенародных соборов, и чуть больше ста лет — самого принципа представительных собраний, независимо от способа их созыва).

Среди институтов во Франции, которые могли если не тормозить, то затруднять (и даже стеснять) волю морнаха, существовали провинциальные Штаты с их правами голосовать «добровольный налог»,^{27a} представлять особое мнение и определять общие интересы провинции. Королевское правительство постоянно стремилось подавить их, но не всегда в этом преуспевало. Однако их число сокращалось, хотя они и продолжали существовать, особенно на периферии королевства, в течение всего XVII

²⁷ Ср. Marc Szeftel, *La participation des assemblées populaires*, pp. 360-362.

^{27a} Le don gratuit — обязательный «дар» королю, преподносимый провинциями. *Ред.*

столетия (и даже до конца старого режима).²⁸ Они совершенно отсутствуют в Московском государстве, где правительство смогло довести централизацию вплоть до полного исчезновения местной обособленности. Единственное исключение — присоединение Украины в 1654 г., позволившее ей сохранить очень широкую автономию, однако характерно, что если население Украины принесло клятву в верности царю, то последний не присягал на соблюдение договора; казаки подняли об этом вопрос, но он был отклонен московскими делегатами как унижающий достоинство государя. (Н. Андреев, «Переяславский договор», *Studies in Muscovy* [London, 1970], pp. 94-95).

Но более важным было отсутствие в московской системе «узды», отмеченной Зесселем в качестве «второй основной» (между религией и «порядком»), — «узды» правосудия (цит. соч.), поскольку на Руси не существовали независимые суды, подобные французским Парламентам. Во-первых, не было органов центральной власти, выделенных для отправления правосудия. Боярская Дума давала советы царю во всех делах, будь то законодательные, административные или судебные. Ниже ее стояли приказы (около сорока), в их ведении находились дела как управления, так и правосудия, хотя некоторые занимались исключительно последними (например, Разбойный приказ).²⁹ Передачи полномочий временной комиссии, составленной из членов Думы, не было, кроме случаев, когда царь отсутствовал продолжительное время, например, пребывал в армии. Передачи некоторых полномочий на все время не существовало. Однако имелось исключение из обоих правил: Расправная Палата — постоянная комиссия Думы (11 членов и больше) для разбирательства гражданских дел, если одна из сторон не соглашалась с приговором приказа. Но этот единственный независимый судебный орган существовал всего 13 лет (1681-1694).³⁰

Уложение 1649 г. — первый напечатанный и опубликованный русский закон. С тех пор печатание законов стало обязательным. До 1649 г. новые законы не доводились до сведения населения.

²⁸ Ср. Ernest Perrot, *Les institutions publiques et privées de l'ancienne France jusqu'en 1789* (Paris, 1935), pp. 478-482; Jacques Ellul, *Histoire des institutions*, t. II (Paris, 1956), pp. 346-347.

²⁹ Ср. краткий, но очень ясный очерк центрального правительства России XVII века: Тапье, цит. соч., сс. 70-87. Владимирский-Буданов (цит. соч., с. 204) сравнивал московскую государственную систему с английской, сложившейся исторически, а не с французской, «более теоретической».

³⁰ Ср. Ключевский, *Боярская Дума древней Руси* (СПб., 1919), сс. 429-433.

Обычно они направлялись лишь в тот приказ, компетенции которого касались, где они и хранились (согласно Уложению 1550 г.). Только в том случае, если закон имел общий характер, его текст поступал во все приказы. Можно, следовательно, сказать, что в Московском государстве осуществлялось хранение законов, но в децентрализованной и часто хаотичной форме. Лишь постепенно новые законы (или проекты законов) сосредоточились в Челобитном приказе, даже те, которые касались других приказов. Итак, Челобитный приказ получал все законодательные предложения, исходившие обычно от какого-либо приказа, но их могли также выдвинуть члены собора, социальная группа и даже отдельные лица. Таким образом, этот приказ стал в действительности подготовительно-законодательным учреждением и хранилищем законов, куда обращались другие приказы за сведениями об уже существующих законах.³¹

Однако процедура внесения в протокол не существовала, и прежде всего — права вынесения особого мнения до протокола и даже после него, хотя и можно было, осуществляя законодательную инициативу, предложить другой проект закона. Отмена же какого-либо закона представлялась немыслимой! Кроме того, отсутствие независимости не позволяло открыто критиковать решение государя, поскольку Москва не знала несменяемости должностных лиц, характерной для французской системы, как не знала наследования должностей или владения ими. Из этого ясно, что в Московском государстве не существовало сословия должностных лиц, которое противопоставляло бы свое решение — даже как всего-навсего предварительное — решению монарха и которое само бы определяло свой состав; эта корпорация выступала во Франции как «промежуточный орган власти», равно как и элемент «правовой узды».³²

Понадобилось бы гораздо более обширное исследование для того, чтобы объяснить разницу в организации правосудия обеих монархий. Этим невозможно заниматься в рамках настоящего сообщения, но я хочу представить вам некоторые отправные соображения. Прежде всего, Московское государство обладало совершенно другой правовой традицией. Римское право едва проникло в него. Конечно, его знала Византия, но культурные отношения России и Византии, где она получила христианскую веру, никогда не выходили за пределы церковной сферы. Другая

³¹ См. Владимирский-Буданов, цит. соч., сс. 238-239.

³² См. R. Mousnier, *La participation des gouvernés*, pp. 253-254.

большая отрасль средневекового западного права, каноническое право, также отсутствовала на Руси, поскольку восточное христианство не признавало других общих постановлений, кроме как выработанных первыми семью Вселенскими Соборами. Не было ни университетов, ни ученых правоведов, ни разработки проблем права. Не было и местных обычаев, которые пережили бы начало XVI века, ни могущественных и автономных городов, — существовавшие прежде, но затем поглощенные московской экспансией. Наконец, вместо независимой и богатой знати существовал класс служилых людей, не обладавших хорошо развитым чувством чести, получавший средства к существованию только от государства, не имевший какой-либо традиции независимости; не были исключением и служившие государю в московских приказах, и даже в Думе. Наконец, в более общем плане Московское государство не знало в прошлом ни феодального договора,³³ ни сильных корпоративных традиций, и этот недостаток отнюдь не способствовал развитию «правовой узды».

Таким образом, есть сходство и различие между двумя монархиями XVII века с точки зрения «обуздания» власти монарха. В обоих случаях существовали основные законы, которые монарх не мог нарушать. В обоих случаях существовало правительство высших советников и право ходатайствовать, индивидуально и коллективно. Общей «уздой» была религия, а также «порядок», предполагавший некоторое уважение к собственности частных лиц. Общим у обеих монархий было и наличие выборных представительств на национальном уровне, а также участие населения в управлении и правосудии на местном уровне, а также «промежуточные органы власти». Наконец, в обеих странах Церковь пользовалась привилегиями и льготами; налоговыми льготами пользовался и военный класс.

Однако различие было не меньшим. Во-первых, военный класс в Московском государстве не имел признаков «промежуточной власти», как французская военная знать, что в корне меняет дело. Во-вторых, на Руси не было городской знати, а всего лишь элементы привилегированной буржуазии, а также всего две «городские корпорации». Купеческих корпораций было всего две, единственный цех ремесленников, университеты отсутствовали.

³³ См. Marc Szeftel, "Aspects of Feudalism in Russian History" in *Feudalism in History*, ed. by R. Coulbom (Princeton University Press, 1956); reprinted in M. Szeftel, *Russian Institutions and Culture up to Peter the Great* (Variorum Reprints. London, 1975).

Самое же важное различие в том, что в Московском государстве не существовало правовой «узды» власти монарха. Были «узды», «умерявшие» его власть, «узды» вполне реальные, но московская монархия имела дело — за исключением духовенства — лишь с аморфными общественными классами, обладавшими немногими привилегиями и лишенными всякого духа независимости. Этот дух был свойственен свободному меньшинству населения, в то время как огромное большинство крестьянства находилось в крепостном состоянии. Во Франции дело обстоит иначе.

Таковы итоги сравнения «узды» монархической власти двух стран XVII века. В Московском государстве они продолжали существовать до конца века без изменений, со всеми их недостатками. Во Франции их действие постепенно ослабевает уже с роспуском Генеральных Штатов в 1615 г., но особенно с 1630 г., поскольку сословия и корпорации оказались на деле подчиненными королевской власти, многочисленные провинциальные штаты мало-помалу исчезали, а парламенты были принуждены к молчаливому принятию королевских актов. Во второй половине правления Людовика XIV противники могли даже утверждать, что Франция стала «сеньюальной монархией» наподобие Османской империи.³⁴ Позволительно ли утверждать, что в это время московский монарх имел больше стесняющих «узды» при отпавлении власти, чем французский? Однако эти «узды», ослабев, не были уничтожены во Франции, — они вытекали из основных законов или создавались религией, «порядком» и правом. «Промежуточные власти» оставались на месте, а равно и привилегии цехов и сословий. Парламент не представляет больше своего особого мнения и автоматически протоколирует решения короля, однако свобода выбора новых членов сохранена.³⁵ Провинциальные Штаты не исчезают как институт, несмотря на потерю некоторых прав и уменьшение в числе. Механизм «обуздания» в общих чертах сохраняется, несмотря на понесенный ущерб, королевская политика и администрация лишь направляют его деятельность. Если сравнивать две системы, то во Франции можно всегда найти больше «узды», чем в Московском государстве, но во Франции их

³⁴ На эту тему см. М. Рихтер, «Деспотизм», ук. место, сс. 7-8. Как было показано, Ю. Метивье принял в конце концов эту формулировку (цит. соч., там же).

³⁵ Ср. по этому поводу замечания Дж. Майкла Хейдена в отзыве на А. Н. Hamscher, *The Parlement of Paris after the Fronde, 1653-1673* (Pittsburgh, 1976) в *American Journal of Legal History*, July 1978, p. 264.

действие замирает к концу XVII века, «скованное учреждениями и чиновниками Людовика XIV».³⁶

II

Церковь и государство в дореволюционной России

Иногда высказывалось мнение, что, начиная с 1721 года, отношения между церковью и государством в России приобрели черты цезарепапизма, а также протестантской системы *summus episcopus*.³⁷ И та, и другая характеристика — преувеличение, это ясно видно из Основных Законов Российской империи. В основном подразумевается, что петровская система церковно-государственных отношений имеет два истока. Один из них — законодательная система протестантских стран. Другой исток — византийская традиция в старомосковском истолковании. Петровская реформа 1721 г. не разрушила московский вариант византийской традиции; Петр просто приспособил ее к своим идеям и политическим требованиям. В результате и Православная Церковь и русское государство придавали большое значение религиозной и мистической природе царской власти, которая находила сильный отклик в народном сознании и после 1721 г., вплоть до революции 1917 г.

Какова была московская традиция? Следуя византийскому образцу, москвичи подчеркивали глубокую связь между светской и духовной властью. Церковь и государство действовали рука об руку, борясь против внешнего врага, внутренних возмущений или угрозы ересей с тем, чтобы сохранить мировой порядок, установленный Богом. Подобный союз неизбежно ставил церковь в зависимое от царя положение. В результате, за исключением кризисных периодов такого масштаба, как Смутное время, церковь сильно чувствовала власть царя и в Московском государстве, и в Византии.³⁸ Тем не менее, религиозная окраска, придаваемая

³⁶ Н. Méthivier, *Le siècle de Louis XIV* (Paris, 1962), p. 11. Сжатый очерк абсолютной монархии в Московском государстве содержится в: Marc Szeftel, "La Monarchie absolue dans l'Etat moscovite et l'Empire russe (fin XVe siècle — 1905)," *Recueils de la Société Jean Bodin*, t. XXII (Bruxelles, 1969); reprinted in his *Russian Institutions and Culture up to Peter the Great* (Variorum Reprints: London, 1975).

³⁷ А. В. Романович-Славатинский, *Система русского государственного права* (Киев, 1886), с. 173.

³⁸ G. Ostrogorsky, *Histoire de l'état byzantin* (Paris, 1956), p. 56-57.

любой стороне общественной жизни в Московском государстве, делала авторитет Церкви исключительно высоким, а престиж царской власти неотрывным от Церкви, так что создавалось впечатление двоевластия. Во время коронации царский и патриарший престолы стояли в Успенском соборе рядом.³⁹ Если в драматические для Церкви моменты царь принимал участие в церковных делах, то он делал это не потому, что имел право управлять церковью, а потому, что долг его как «православного государя» был — ее охранять. Два фактора укрепляли это положение. Во-первых, самодержавие царя никогда не имело в Московском государстве правового определения. Во-вторых, в отношении Православной Церкви существовал предел, преступать который не смел никто — даже царь.⁴⁰ А главное — каким бы ни было влияние царя на церковную жизнь, она оставалась внутренне совершенно автономной и управлялась всероссийским собором, который избирал Московского патриарха.

Образ царя является дополнительным штрихом для понимания московско-византийской традиции. Он представляет собой живой символ христианской власти, вверенной ему Богом; непосредственную связь с Богом он получал через миропомазание при венчании на царство.⁴¹

Реформа Петра изменила московскую традицию. С 1690 г. русские монархи не созвали ни одного всероссийского собора. В 1721 г. высшее церковное управление было реформировано не по инициативе самой церкви, но вследствие государственных постановлений. Таким образом, в административном отношении церковь перешла под контроль государства.⁴² Более того, секуляризация российской общественной жизни, одновременно с отчетливым определением самодержавного абсолютизма, устранила последние ограничения для власти государя над всеми его подданными, включая церковь. Однако некоторые религиозные и мистические черты московского периода отношений церкви с государством сохранились и дальше. Вплоть до января 1905 года или, возможно, до июля 1906 г. (если не позднее) они находили выражение в отношении народа к царю. Московская традиция сохранилась также в правительственной фразеологии, употреблявшей-

³⁹ Е. В. Барсов, «Древнерусские памятники священного венчания царей на царство», *Чтения* (1883), I, 91, 98, 101.

⁴⁰ L. Smolitsch, *Geschichte der russischen Kirche, 1700-1917*, (Leiden, 1964), I.

⁴¹ Ostrogorsky, *op. cit.*, p. 57.

⁴² И. Смолич, (*op. cit.*, p. 134) называет его «государством-церковью».

ся при ведении как внешних, так и внутренних дел (и особенно в отношениях с «братьями-славянами» на Балканах). Церковь же придавала особенное значение московскому периоду, ибо это позволяло сдерживать попытки полного подчинения церкви государству и создавало мост между Московской Русью и императорской Россией. Обряд коронации играл тут чрезвычайно важную роль. С одной стороны, он придавал царской власти характер святости; с другой стороны, он четко помещал ее носителя в контекст традиционного православного царства. Следует помнить, что, какое бы политическое значение ни имела эта церемония, религиозный аспект ее был несравненно важнее.⁴³

За исключением момента коронации, император участвовал в жизни Православной Церкви не столько как власть имущий, сколько как верное ее чадо. Это четко отражено в статьях 62 и 63 Основных Законов, определявших доминирующую роль Православной Церкви в Российской империи и вменявших императору в обязанность быть членом Церкви. Эти две статьи (введенные в 1832 г., но перешедшие в Основные Законы 1906 г.) сохраняли религиозную основу церковно-государственных отношений Московского государства. Церковь могла, таким образом, толковать свое подчинение государству как подчинение не светской власти, но монарху, бывшему таковым по Божьей воле (еще одна связь с московским прошлым). Церковь чрезвычайно нуждалась в подобной интерпретации после 1721 г., ибо только она давала ей возможность выжить духовно в новой ситуации. Постоянная двусмысленность в определении законных пределов государственной власти над Церковью оказалась очень полезной. Византийский образец оставался; империя не могла и не хотела порывать связь с Церковью, а Церковь не желала отделяться от государственной власти, олицетворяемой царем.⁴⁴

Продолжение московской традиции после 1721 г. отнюдь не являлось утверждением «цезарепапизма». Что бы ни значил этот термин в западном христианстве, он неприменим к Восточной Церкви, не имевшей власти, равной папской, за исключением разве Вселенских Соборов. Последний из них — Второй Никейский Собор — состоялся в 787 г. То же самое можно сказать и о власти в религиозных делах византийского императора, а также московского царя и позднее — российского императора, которые

⁴³ Там же, сс. 147-53. См.: *Основные Законы, 23 апреля 1906 г.*, гл. 5, стр. 57; в *Свод законов*, I, ч. I.

⁴⁴ Smolitsch, *op.cit.*, pp. 159-60.

не могли издавать законов, касающихся веры, или устанавливать какие бы то ни было принципы христианского либо нравственного учения. Император был, как указывает ст. 64 Основных Законов 1906 г., верховным хранителем и ревнителем догматов принятой веры, хранителем истинной веры и доброго порядка в Святой Церкви. Иными словами, он должен был охранять существующее. Употребление слова «цезарепапизм» в отношении русского государя (как и византийского василевса) проистекает из неправильного понимания или, хуже того, из невежества.⁴⁵

Превратила ли реформа 1721 г. русского императора в подобие *summus episcopus* у протестантов? Опять-таки, как и в случае «цезарепапизма», эту точку зрения приходится оспаривать: прерогативы православного монарха были ограничены догматическими и литургическими рамками Восточной Церкви. Проблема цезарепапизма существует как раз в протестантском контексте. Англиканская Церковь признала монарха единственным верховным правителем этого царства... равно во всех духовных или церковных вопросах или светских делах.⁴⁶ По причинам чисто канонического характера русский монарх такой властью обладать не мог.

Сомнения по этому поводу возникали из-за примечания к ст. 64 Основных Законов, где сказано, что император именуется Главой Церкви в Акте о наследии престола от 5 апреля 1797 года. Но термин «Глава Церкви» употреблен лишь в разъяснении, набранном петитом, как бы «на полях». Формула Павла I в контексте Акта о наследии престола специально предназначена для случая, если престол законно должен перейти к женской линии, представитель которой может оказаться неправославным. В таком случае необходимо произвести выбор, «ибо русские государи суть главы церкви». Если бы примечание Павла было введено в основной текст, император приобрел бы положение *intra ecclesiam* и *supra ecclesiam*, которое можно было бы толковать как цезарепапизм на англиканский лад. Однако это не входило в намерения законодателя.

Хотя православное учение исключает возможность для русского императора последовать протестантскому образцу *summus*

⁴⁵ Ср.: A. W. Zeigler. "Die byzantinische Religionspolitik und der sogenannte Caesaropapismus, *Münchener Beiträge zur Slavenkunde: Festgabe für P. Diein* (Munich, 1953) pp. 81, 97. See also: H. Dalton. *Die russische Kirche* (Leipzig, 1892) pp. 20 ff.

⁴⁶ Roland D. Were. "Caesaropapism". *Handbook of World History*, ed. Joseph Dunner (New York, 1967), p. 138.

episcopus, реформа 1721 г. ввела другие существенные черты, свойственные протестантизму. «Каноническое территориальное деление» и принцип коллегиальности, основанные на примере протестантских стран (Англии, Германии и Швеции), легли в основу петровской реформы. Другой краеугольный камень реформы — бюрократизация церкви.⁴⁷ Протестантской модели следовали настолько, насколько это допускали канонические правила.

Статья 64 Основных Законов 1906 г. (прежде — ст. 43) говорит, что «в управлении Церковью Самодержавная Власть действует через Святейший Синод, назначаемый этой властью». Хотя «управление» в узком смысле слова и значит «администрирование», нужно помнить, что, когда это правило было сформулировано в 1721 г., а затем в 1832 г. стало частью Основных Законов, т.е. при самодержавном строе, не было четкого разграничения между законодательной, административной и судебной властью монарха. Поэтому «управление» в этой статье надо скорее всего толковать широко, — по крайней мере, до конституционной реформы 1906 г. Следовательно, ст. 64 означала, что со времени учреждения Синода в 1721 г. правление русской церковью принадлежало императорской власти и не было независимого церковного органа, который мог бы править церковью самостоятельно и независимо от императора. Все законы по церковным делам были выражением императорской воли; иногда их готовил Синод (а в других случаях — специальный несинаодальный комитет), затем оберпрокурор представлял их императору на рассмотрение.

Они обретали законную силу лишь после утверждения императором.⁴⁸ Обер-прокурор вносил в это законодательство сильный светский оттенок.

То же самое относится к судебной власти Синода. Судебная реформа 1864 г. не коснулась церкви, несмотря на усилия либерального духовенства, возглавляемого архиепископом Макарием (Булгаковым), известным историком церкви. Предложенное изменение в юридическом статусе церкви было отклонено почти всеми епископами по каноническим соображениям. Реформа не продвинулась вперед вплоть до 1917 г.⁴⁹

⁴⁷ В этой связи см.: А. В. Карташев, *Очерки по истории русской церкви*, т. II (Париж, 1959), сс. 323-30, 345-48.

⁴⁸ М. И. Горчаков, *Церковное право* (1909), с. 206.

⁴⁹ Smolitsch, *Geschichte*, pp. 174-77.

В пределах этих законных рамок, сильно ограничивавших независимость Синода, пожизненное назначение четырех наиболее важных членов теоретически обеспечивало определенную свободу мнений. Эти четыре члена (из двенадцати) были митрополиты Петербургский, Московский и Киевский и экзарх Грузии. На практике, однако, даже этих членов *ex officio* должен был приглашать обер-прокурор на каждое заседание; светский чиновник решал, каким иерархам следует присутствовать на заседании. Так, в 1842 г. обер-прокурор Протасов попросту перестал приглашать митрополитов Филарета Московского (Дроздова) и Филарета Киевского (Амфитеатрова), и это продолжалось до 1855 г. Даже положение Петербургского митрополита, т.е. председательствующего иерарха, не было абсолютно прочным. Например, в 1915 году, по требованию Распутина, митрополит Петроградский Владимир был попросту переведен на менее значительную кафедру в Киев, а заменил его Питирим, бывший экзарх Грузии. Согласия Синода на это мероприятие никто не испрашивал.⁵⁰

Обер-прокурор чрезвычайно стеснял свободу действий Синода и постепенно сосредотачивал власть в своих руках. С 1817 г. он один представлял Синод перед императором, с исключительным правом на «всепопданнейший доклад». Тогда же императорские распоряжения стали передаваться Синоду лишь через обер-прокурора, поскольку председательствующий митрополит потерял контакт с царем. После 1835 г. обер-прокурор начал докладывать об управлении церковью в Комитете Министров и Государственном Совете, что дало ему на практике статус члена кабинета. На следующий год обер-прокурор Протасов стал полномочным главой всей церковной администрации, объединив все дела Синода в особой канцелярии. Сюда вошли и отношения с местными властями, а все епископы и священники, так же как секретари консисторий, должны были представлять дела непосредственно обер-прокурору.⁵¹ Более того, в правление Протасова установилось, что он мог изменить или даже положить под сукно решения пленарных заседаний Синода, если он не был с ними согласен.

⁵⁰John S. Curtiss, *Church and State in Russia. Last years of the Empire, 1900-1917*, (New York, 1940; reprinted 1965), pp. 45, 392-93.

⁵¹ Эта бюрократизация всех аспектов деятельности Синода при обер-прокуроре символизировалась в трех буквах В. П. I. (Ведомство Православного Исповедания), повторявшихся во всех его корреспонденциях. О происхождении термина см.: Smolitsch, *Geschichte*, pp. 199-200.

По свидетельству члена Синода архиепископа Антония (Храповицкого), протоколы в таких случаях просто уничтожались, и принимались новые решения.⁵² При таких обстоятельствах неудивительно, что правоведа-конституционалисты называли обер-прокурора действительным главой церкви, в то время как Синод играл роль церковной коллегии с правом *совещательного* голоса.⁵³

Юридическое положение церкви мало изменилось после конституционной реформы 1906 г. Несколько раз правительство заявляло в Думе, что никаких перемен не было (см. заявление Столыпина 12 мая 1909 г. и особенно — выступления обер-прокурора Саблера 5 и 12 марта 1912 г.). Либеральные правоведа-конституционалисты оспаривали это заявление, утверждая, что ст. ст. 7, 86 и 107 Основных Законов в самом деле создали новую правовую ситуацию для Православной Церкви (хотя ст.ст. 63 и 65 не содержали никаких изменений). С их точки зрения, после 23 апреля 1906 г. к церкви стала применимой та же законодательная процедура, которой подчинялись все другие учреждения. Иными словами, для изменения любого церковного закона необходимо было согласие обеих палат.⁵⁴ Если в отношениях между церковью и государством не было юридической ясности в период до Октябрьского манифеста, то Конституция 1906 г. еще больше запутала дело, ибо между статьей Основных Законов 1906 г. о религиозных делах и статьями о законодательной процедуре вообще существовало противоречие.

Однако необходимость получать одобрение Думы для каждой новой бюджетной статьи фактически вынуждала Синод и обер-прокурора подчиняться постановлениям конституционной реформы.

⁵² *Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе*, (СПб., 1906), III, 191. Здесь следует подчеркнуть, что решения должны были быть единогласными, без каких-либо особых мнений, внесенных в протокол.

⁵³ Б. Нольде. *Очерки русского конституционного права*, ч. II: *Совет Министров* (СПб., 1909), с. 191; Palme. *Die russische Verfassung*, pp. 136-37.

⁵⁴ Нольде, *ук.соч.*, сс. 65, 181-84; Н. Лазаревский, *Русское государственное право* (СПб., 1913), сс. 372-374; Н. Палиенко, *Основные законы и форма правления в России* (Ярославль, 1910), сс. 55, 68-70. Палиенко также подчеркивает вводную часть ст. 10 Основных Законов, которая различала управленческую и законодательную власти; в отношении церкви лишь первая принадлежала императору. Это мнение разделяли многие специалисты по церковному праву.

Ср.: Е. Темниковский, *Положение Императора Всероссийского в русской православной церкви в связи с общим учением о церковной власти* (Ярославль,

Возникшее противоречие, двусмысленное и даже опасное для Церкви положение усиливало чувство, что пришло время вновь создать автономный орган церковного управления.⁵⁵ Но ст. 86 Основных Законов не оставила бы ему каких-либо возможностей для законодательных действий даже в чисто церковной области. Создание особого церковного законодательного органа, независимого от палат, означало бы ограничение законодательной монополии Думы. Только императору принадлежала инициатива в пересмотре Конституции, право решать, возвращаться ли к положению до 1906 г. или создать Всероссийский собор и точно определить пределы императорских полномочий.⁵⁶ Николай II такой инициативы не проявил.

Синод пытался игнорировать Думу, однако она контролировала все *новые* статьи бюджетных расходов. В 1906 г. лишь 1% бюджета Синода подлежал одобрению Думы; остальное было вне сферы ее влияния. Однако возникали новые нужды, а одновременно и по старым статьям требовались дополнительные средства. Церковная администрация вынуждена была постоянно представлять Думе новые законопроекты. Они обсуждались и ставились на голосование; так контроль Думы над синодальным бюджетом расширялся, охватывая даже неизменные статьи расходов по той простой причине, что в финансовом отношении старые и новые статьи были связаны. Еще важнее то, что ассигнования обуславливались мнением и желаниями Думы, которые выходили за пределы чисто финансовых соображений в другие области, лишь косвенно связанные с финансами. От одного бюджета к другому, от законопроекта к законопроекту влияние Думы на управление церковью неуклонно росло. Законодательная инертность в России вообще и в церкви в частности была велика, и она благоприятствовала расширению контроля Думы. Но даже враги думского контроля в Бюджетном комитете

1909), сс. 38-40, 70; П. Верховский, *Учреждение Духовной Коллегии и Духовный Регламент* (Ростов-на-Дону, 1916), I, с. 595. Однако правительственная точка зрения находила поддержку у некоторых ученых. Ср.: Н. Суворов, *Учебник церковного права* (Москва, 1913), с. 210; и особенно — П. Казанский, *Власть Всероссийского Императора* (Одесса, 1913), сс. 162 (примечание), 224, 253.

⁵⁵ Лазаревский, *ук. соч.*, сс. 373-374. Из 442 членов Думы только 382 депутата были православными или староверами; среди остальных — 25 католиков, 19 лютеран, 2 депутата, принадлежавшие к армяно-грегорианской церкви, 2 еврея, 10 мусульман (*Ежегодник газеты «Речь» на 1912 год*, с. 125).

⁵⁶ См.: П. Верховский. *Очерки по истории русской церкви в XVIII и XIX стол.* (Варшава, 1912), I, 123, 127.

после 9 лет борьбы были утомлены законодательным бессилием церковной администрации и в 1916 г. настаивали на праве Думы вмешиваться в церковные дела.

Как бы то ни было, давление посредством бюджета дало некоторые результаты: были улучшены методы церковной бухгалтерии, и церковь подготовила, наконец, некоторые важные законопроекты.

Постепенно Дума стала использоваться самим духовенством как инструмент давления. В послереформенном Государственном Совете было особое церковное представительство (шесть членов, избираемых Синодом). Что же касается Думы, избирательный закон не предусматривал существования церковного представительства; духовенство в Думе присутствовало только в качестве избранных представителей мелкопоместных землевладельцев.

В 1916 г. все священники в Думе присоединились к петиции о том, чтобы управление Русской Церковью было преобразовано в соответствии с правилами соборности, а государство отказалось от убеждения, что «православное духовенство является инструментом внутренней политики». Подразумевалась необходимость давно уже ожидавшихся реформ в епархиях и приходах, а также созыв Всероссийского собора, подготовка которого началась в 1906 г., но созыв постоянно бессрочно откладывался.

При рассмотрении синодального бюджета Дума усилила давление, неуклонно осуществлявшееся с 1912 г., в пользу созыва Всероссийского собора и рекомендовала созвать его «возможно скорее». В 1917 г. собрался Собор Русской Церкви, но к этому времени революция стала на место императорской власти.

Каким бы ни был относительный вес церкви и государства в эпоху империи (на наш взгляд, нет сомнения в том, что доминировало государство), эти две силы тесно переплетались. Государство оказывало Православной Церкви полную поддержку во многих важных аспектах. Православие было главным вероисповеданием империи и располагало монополией на религиозный прозелитизм. Оно осуществляло цензуру публиковавшихся религиозных текстов. Церковь пользовалась материальной поддержкой государства: после секуляризации церковных земель в 1764 г. это стало необходимо. Общинная организация, основанная на самоуправлении и самообложении, могла бы решить эту проблему, но в России XVIII века отсутствовали организационные предпосылки, чтобы ее осуществить. Пожертвования были важным дополнительным источником церковных доходов. Надо отметить, что появление представительных институтов в 1906 г., а

вместе с ними — регулярных и открытых бюджетных процедур, увеличило доходы церкви: ее бюджет возрастал каждый год.⁵⁷

Церковь, со своей стороны, поддерживала царя и правительство. Ст. 4 Основных Законов напоминает, что верность Церкви царской власти зиждется на словах ап. Павла в Послании к римлянам (13:5), и, несомненно, следует византийской традиции, отраженной в церемонии коронации. Однако установленная в 1721 г. система внесла новшества, ничего общего не имевшие ни с христианством, ни с византийской традицией. Эти нововведения превратили Русскую Церковь в часть политической системы.

В любом случае, представительные институты, созданные после 1906 г. дали Православной Церкви некоторую свободу действий, до тех пор не существовавшую. Поддержка со стороны общественного мнения также возросла до невозможной прежде степени. Некоторые наблюдатели находили новые условия обнадеживающими, а дебаты и резолюции в Думе касательно созыва Всероссийского собора доказывают, что эти надежды имели основание. Таким образом, в последние годы империи Русская Церковь увидела свет в конце туннеля.

III

Свободы личности в Российской Империи

Несмотря на неоспоримое существование ограничений власти монарха, таких, как уважение к законам и обычаям — в частности, к обычаю защиты частной собственности, московский период не оставил наследия, которое было бы способно привести империю к системе общественных свобод. Отсутствие такого наследия объяснялось двумя историческими фактами: 1) Московское государство не обладало феодальными структурами и 2) Русская Церковь была национальной и не располагала независимой от власти монарха высшей иерархией. Однако это объяснение заставляет поставить некоторые вопросы, и вся проблема требует более тщательного изучения, хотя и не может быть сомнения, что в отношении общественных свобод у России Петра Великого не было московских примеров, которым она могла бы последовать.

⁵⁷ Так, он возрос с прибл. 30 млн. рублей в 1908 г. до более чем 53 млн. рублей в 1914 г.! Ср.: Curtiss, *op.cit.*, pp. 35-38, 128-30; а также Smolitsch, *op.cit.*, pp. 185-91, 356.

С точки зрения интересующей нас темы историю Российской Империи можно разделить на три периода: 1) 1721-1861; 2) 1861-1904; 3) 1905-1917. В первый период доминируют полицейское государство и крепостное право, но можно заметить, с одной стороны, движение к признанию идеи прав человека, с другой — к религиозной терпимости, очеловечиванию уголовного процесса, защите частной собственности и даже, в очень узких рамках, к определенной свободе слова. Самые важные этапы этого пути: (1) Указ о вольностях дворянства, дарованный Екатериной II в 1785 году; (2) закон 1735 года о свободе веры; (3) отмена пыток в 1801 году; (4) основание Вольного Экономического общества в 1765 году и (5) Свод законов 1832 года.

Путь наибольшего прогресса был открыт великой реформой 1861 года — отменой крепостного права, открывающей второй период истории России, который отмечен серией реформ, направленных на расширение общественных свобод, с сохранением все же основных аспектов полицейского государства. В 60-е годы забота об этом сохранении проявляется как второстепенный мотив, но, начиная с 1866 года, выходит на первый план, не прерывая, однако, процесса реформ до самой катастрофы 1 марта 1881 года. С этого момента, в царствование двух наследников Царя-Реформатора Александра II, в течение примерно 24 лет, институты России не прогрессируют. Напротив, в том, что уже было достигнуто в 1861-1881 гг., наблюдается определенная эрозия «контрреформами» и реакционной политикой правительств, однако основы прогресса не были затронуты.

Два законодательных нововведения отметили все же значительный шаг назад. 14 августа 1881 г., почти сразу после первоапрельской катастрофы, был принят Указ об охране общественного порядка и социального спокойствия — он столь расширил привилегии полиции новыми возможностями провозглашать чрезвычайное положение, что поразил всю жизнь империи. Указ этот должен был быть временным, но его действие периодически возобновлялось до конца монархии и он стал постоянной силой, уменьшавшей значение записанных в законе общественных свобод. Вторым нововведением в законодательство, тоже — временным, но так и не отмененным до конца монархии, была серия антиеврейских мер, начавшихся с 3 мая 1882 г. Эти меры повернули вспять ранее существовавшую тенденцию к гражданскому равенству. Они, между прочим, суживали права евреев в свободе местожительства и передвижения, право на образование и экономическую деятельность, принятие на государственные должности

и занятие свободными профессиями. Такое законоположение сохранялось до 1915 г., когда некоторые из этих ограничений были опять-таки «временно» отменены.

В чем же состоял прогресс гражданского режима в 1861-1881 гг.? Указ от 17 апреля 1863 г., отменяющий телесные наказания (за исключением крестьянского права, где они просуществовали до 1905 г.), и новый Уголовный Кодекс 1866 г. намного дальше пошли по пути очеловечивания судопроизводства и уголовного права. Новый, гораздо более либеральный режим прессы (6 апреля 1865 г.) заменил, по французскому примеру (Декрет принца-президента от 17 февраля 1852 года), предварительную цензуру системой предупреждений и административных репрессий *ex post facto*. Введением всеобщей воинской повинности (1 января 1874 г.) был сделан еще один большой шаг к гражданскому равенству.

Но самой важной для прав человека, после освобождения крестьян, была реформа 20 ноября 1864 года о судебных учреждениях и гражданском и уголовном судопроизводстве. Эта реформа, тоже во многом следуя французскому примеру, давала России правосудие, равное для всех и полностью независимое, даже от личного правосудия монарха. Эта независимость обеспечивалась бессменностью судей, участием в уголовном процессе присяжных заседателей и, что очень важно, независимыми действиями состязующихся сторон. Новая для России вещь — независимая адвокатура — была частью этой реформы. Новое судопроизводство содержало также определенные гарантии личной неприкосновенности против незаконного ареста.

Трудно преувеличить значение этой реформы, пробившей брешь в авторитарной системе империи. Однако ее влияние ограничивалось непрерывающимся существованием привилегий администрации и, с 1881 года, т.н. чрезвычайными, а в действительности постоянными мерами к сохранению государственного порядка и общественного спокойствия. Несмотря на это, комментаторы реформ 1864 г. подчеркивали, что в ней впервые в русское законодательство вошло понятие личной свободы. 20 ноября праздновалось русскими либеральными кругами как дата решительного поворота к законовластию в России.

Третьему и последнему периоду положил начало Указ от 12 декабря 1904 г. После 24-х лет реакции империя возвращалась на путь институционального прогресса, под влиянием, в очередной раз, военного поражения в соединении с увеличивающимся давлением либерально настроенного общественного мнения и рево-

люционного движения. Не ссылаясь на права человека, указ обещал реформы, направленные на укрепление законности, расширение гражданского равенства, большую религиозную терпимость, более свободное положение печати, пересмотр, в целях смягчения, чрезвычайного законодательства 1881 г. Эти преобразования не были осуществлены ни в 1905 г., ни позднее. Укрепление законности не было возможно, пока чрезвычайные меры оставались в силе. Но отмена ограничений в правоспособности лиц польского происхождения, живущих в Западном крае, была еще одним шагом на пути к гражданскому равенству. Что же касается евреев, то была слегка расширена их свобода в выборе местожительства, но все остальные ограничения оставались почти без изменений. Закон от 23 мая 1905 года несколько облегчил положение печати, но и здесь это было лишь небольшой поправкой к системе.

Наибольший прогресс был достигнут в области свободы культов: закон от 17 апреля 1905 года распространил принцип терпимости на староверов и на секты и, среди прочих либеральных мер, доверил неправославное религиозное обучение духовенству соответствующего вероисповедания на родном языке учеников. В том же направлении шел закон от 6 июня 1905 года, который расширил право использования польского языка в образовании и связях между частными предприятиями на территории Царства Польского. Такие же меры были приняты в отношении прибалтийских губерний и мусульманских народов империи. Более того, и это очень важно, Кабинет министров под председательством С. Витте, работая над осуществлением указа от 12 декабря 1904 года, собрал материалы, которые позволили Витте как председателю Кабинета министров опубликовать ряд законов, которые вводили в силу обещания, данные Николаем II в Манифесте 17 октября 1905 года.

Этот Манифест был совершенно новой отправной точкой в истории российских общественных свобод. Действительно, в нем говорилось, что первый долг правительства — дать населению неколебимые основы гражданской свободы, согласно принципам истинной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и объединений. Эта терминология была совершенно новой, т.к. до тех пор в официальном языке была признана только одна общественная свобода — свобода веры, понятие более узкое, нежели свобода совести. Манифест выходит далеко за пределы обещаний указа от 12 декабря 1904 года. В ожидании заседания Думы, которое положило бы начало новой законо-

дательной процедуре (Дума собралась только 27 апреля 1906 года), правительство Витте издало ряд указов, вводящих в действие обещания Манифеста. По вопросу о свободе совести был лишь пересмотрен Уголовный Кодекс, чтобы согласовать его с законом от 17 апреля о терпимости (14 марта 1906 года). Но произошли серьезные изменения: в области свободы слова были сильно расширены права и независимость прессы, сначала периодической (24 ноября 1905 года), затем непериодической (26 апреля 1906 года). Эти указы полностью уничтожили не только последние остатки предварительной цензуры, но и систему административных наказаний, передав наказания за нарушения закона в полную компетенцию суда. Зато судебные меры наказания за эти нарушения были значительно повышены.

Собрания и объединения стали темой двух указов, вышедших 4 марта 1906 года. Частные собрания стали совершенно свободными. Публичные собрания в закрытых помещениях для обсуждения «политических, социальных и экономических вопросов» были тоже свободны, но сведения о них должны были поступать в полицию за три дня, и она имела право послать туда офицера, который в определенных случаях мог такое собрание закрыть. Разрешение полиции оставалось обязательным для любого собрания на открытом воздухе. Что касается объединений, то предварительного разрешения не требовалось, но объединение надо было зарегистрировать в полиции, которая могла в случае необходимости его распустить и даже помешать его восстановлению. Из-за этого до самого конца монархии никакая политическая группа, открыто объявлявшая себя оппозиционной, не могла легально существовать вне Думы (хотя некоторые из них, например, конституционных демократов, правительство терпело), а рабочие профсоюзы вели весьма шаткое существование.

Правительство Витте было распущено 22 апреля 1906 года, за день до опубликования текста нового Основного закона. В главе VIII о «Правах и обязанностях русских подданных» Конституция 23 апреля 1906 года официально признала такие права человека, как право на соблюдение законности в уголовном судопроизводстве, неприкосновенность личности и жилища, свобода передвижения, выбора занятий, купли и продажи частной собственности, ее неприкосновенность, право на собрания, свобода слова, объединений и свобода веры (§§ 72, 76, 77, 78, 79, 80, 81). Отметим, что старая формулировка «свободы веры» появляется вновь (вместо «свободы совести» в Манифесте), но это происходит лишь под влиянием формулировки предыдущих текстов

основного закона — вряд ли было налицо стремление ограничить право. Конкретное законодательство должно было воплотить эти принципы. Существовавшие уже кодексы обеспечивали законность судопроизводства и неприкосновенность частной собственности, но по вопросу о других правах новое законодательство было необходимо, ибо до тех пор они были гарантированы лишь временными указами и частично. В этом направлении, однако, мало что было сделано.

Больше всего инициативы правительство Столыпина проявило в области свободы веры. Временный закон от 17 октября 1906 года расширил права староверов и сектантов, узаконив их общины и организовав их гражданское состояние. Это было несомненным прогрессом. Столыпин хотел идти дальше, но все проекты о расширении свободы веры натолкнулись на отказ верховной палаты или лично Николая II.

Правительство представило проект закона о печати, который не только не увеличивал существующие свободы, но, наоборот, их ограничивал. Четвертая Государственная Дума согласилась дать этот законопроект на рассмотрение специальной комиссии, но ничего не было сделано. Правительство не представило никакого законопроекта о свободе собраний и объединений. Что касается неприкосновенности личности, обещанной Манифестом 17 окт. 1905 г., то некоторые гарантии ее уже существовали в уставе об уголовном судопроизводстве 1864 года, но этого было явно недостаточно. Вдобавок, полномочия полиции сохранились в 1864 году и основательно возросли с тех пор, что значительно уменьшало силу этих гарантий. Несмотря на это, ни правительство Витте до 23 апреля 1906 года, ни столыпинское в период временного законодательства между I и II Думами ничего не сделали для выполнения этого обещания Манифеста. Можно объяснить это законодательное молчание революционной ситуацией 1906 года, мало благоприятствовавшей ограничению прав полиции. Но оно длилось до 1909 года, когда, наконец, вместе с проектом об общественной безопасности Думе был представлен проект закона о личной неприкосновенности. Эти два вопроса тесно связаны: никакая действительная личная неприкосновенность не была возможной, пока страна жила, подчиняясь мерам охраны общественного спокойствия, теоретически временным, на практике постоянным. Оба проекта были направлены на сохранение существующего положения, так как правительство желало прежде всего сохранить средства административных репрессий, даже во времена общественного спокойствия. Между

мнением правительства и предложениями думских комиссий был такой разрыв, что, видя, до какой степени они зашли в тупик, депутаты не представляли никаких других проектов до конца монархии.

В думских дебатах накануне войны 1914 года отражается растущее недовольство общественности. Очень возможно, что, если бы война не началась, это недовольство привело бы к столкновению, однако трудно представить себе его результат. Несмотря на растущее оппозиционное движение 1915-16 годов, требования войны не создавали благоприятной обстановки для такого конфликта. Неприкосновенность личности так и не стала главным политическим вопросом Думы. В этой области русское законодательство не продвинулось вперед с декабря 1904 года; диспропорция между угнетающей властью государства и законной защитой личности осталась той же.

Гражданское равенство, обещанное отчасти указом 12 декабря 1904 года, не упоминалось ни в Манифесте 17 окт. 1905 г., ни в Конституции 23 апреля 1906 года. В первой версии ее было упоминание о гражданском равенстве, но позже эта статья была опущена, несомненно во избежание предоставления юридической правоспособности евреям, неприемлемой Николаю II и его чиновничье-военному окружению. Однако, выраженный или не выраженный прямо, сам принцип гражданского равенства косвенно вытекал из текста Манифеста, и Столыпин в своем письме Николаю II от 10 декабря 1906 года подчеркивал это как в общем, так и в отношении евреев, в частности.

Как бы то ни было, в этой области был достигнут значительный прогресс. Закон от 5 октября 1906 года отменил, между прочим, еще существовавшие, направленные против крестьян и большей части городского населения ограничения свободы передвижения, а также приема на работу и службы в государственных учреждениях. Однако, несмотря на прогресс, достигнутый реформой местного законодательства (15 июня 1912 года), гражданское равенство крестьян не было распространено на судопроизводство, и сельские суды продолжали действовать в согласии с местной крестьянской традицией. Из-за личного сопротивления Николая II, несмотря на желание Столыпина, не были ни отменены, ни даже облегчены ограничения для евреев. Напротив, их положение ухудшилось. Позже, под влиянием событий Мировой войны, их гражданское положение слегка изменилось к лучшему, но трудно судить о возможной стабильности этого законодательства (тоже временного) после окончания войны. Анти-

еврейские предрассудки были стойкими не только у Николая II и его правительства, но и у большинства Думы, несмотря на то, что в ее рядах накануне войны усилилось стремление к новым реформам, направленным на расширение и укрепление гарантий прав человека.

Таким образом последний год мира в России дает в вопросе о правах человека картину как со светлыми, так и с теневыми сторонами. Существует свобода религии и культа, но принадлежность к иудаизму приводит к тяжелым юридическим ограничениям. Это значит, что правового равенства не существует для всего населения империи, хотя им в известной степени обладают неевреи. Существует широкая свобода печати и ограниченная свобода собраний и объединений. Существуют очень скромные гарантии неприкосновенности личности, введенные реформой 1864 года, которая, однако, и это очень важно, установила независимое судопроизводство, подчиняющееся только принципу законности. И, наконец, существуют полные и достаточные гарантии неприкосновенности частной собственности.

Осуществление этих прав затруднено полномочиями полиции и администрации. Непомерные до 1864 года, они были ограничены самим фактом реформы судопроизводства, но остались весьма значительными, и, начиная с 1871 года, тенденция к их ограничению была повернута вспять по причинам политической безопасности. Десять лет спустя (и до самого конца империи) меры по охранению спокойствия намного расширили эти полномочия вплоть до фактической приостановки — области политической деятельности — действия гарантий, данных в судебных уставах 1864 года. Таким образом, с 1881 года в России существовало два мира: мир равенства и прав человека во всем, что не касается политики, и мир неограниченной власти полиции в политике. Такая двойственность, абсолютная до реформ 1905-06 годов, была смягчена полномочиями и деятельностью законодательных палат (особенно Думы). Так как меры по охранению спокойствия не были отменены, эта двойственность осталась важнейшим фактом в жизни России. Надо отметить, однако, что жестокость этих мер слабела из года в год с 1907 года до июля 1914 года, когда большими рабочими забастовками и началом войны были вызваны новые суровые меры. Но даже на низшей точке жестокости эти меры были направлены против личной неприкосновенности и законного судопроизводства. Указ от 14 августа 1881 года дал административным властям право наказывать ссылкой, держать человека в заключении неделю и

передавать уголовное дело в военный трибунал в тех случаях, где могла быть применима статья 28. Эта статья предусматривала, что если на какой-либо территории страны вводится чрезвычайное положение, то все выше перечисленные полномочия могут быть предоставлены административным властям всей страны. Действительно, так оно и было с 1881 года до конца монархии.

Условия чрезвычайного положения давали административным властям, вдобавок, полномочия, направленные против свободы собраний (любое собрание, даже частное, могло быть запрещено) и свободы предпринимательства (любое коммерческое или промышленное предприятие могло быть закрыто). Они давали также местным властям право выпускать постановления по вопросам безопасности, нарушение которых приводило к аресту (до 3 месяцев) или штрафу (до 500 рублей), что тоже решалось администрацией. Этим серьезно нарушались законные основания уголовного права.

Летом 1914 года большинство крупных городов империи и промышленные центры все еще находились в чрезвычайном положении. При чрезвычайном положении (в этот момент только Ялта, резиденция императора, и Ялтинская губерния находились в этом состоянии) полномочия администрации шли даже вразрез с правами частной собственности и, естественно, печати, так как местные власти могли запретить выход периодического издания, секвестровать движимое или недвижимое имущество или арестовать доход с него. Видно, что исключительные меры, будь они жестче или мягче в тот или иной момент, были серьезной помехой к осуществлению прав, данных русскому подданному нормальным законодательством.

Это положение отягощалось отсутствием независимого административного судопроизводства. Ходатайство об обжаловании шло по иерархической лестнице к высшей административной власти, при этом решение, против которого оно подавалось, не отменялось. Это ходатайство в конце концов попадало в высшую инстанцию — Первый Департамент Правительствующего Сената, члены которого не были бессменны, а процедура велась при закрытых дверях и без участия сторон. И только под самый конец монархии, 26 декабря 1916 года, вышел закон, применяющий к Сенату принципы судебных уставов 1864 года и позволяющий создать настоящий административный суд.

Но несмотря на эти неблагоприятные условия, положения закона о личных свободах не остались на бумаге. Хотя многого оставалось желать, сравнение положения личных свобод в

1914 или даже 1916 годах с положением до 1905 года говорит о большом прогрессе. Большой частью этот прогресс должен быть приписан новому конституционному режиму. В этом смысле Дума играет важную роль, и описанная здесь картина была бы неполной без упоминания о ней.

Законодательные палаты пользовались свободой слова и объединений, которых не было у страны. Во время обсуждения бюджета и законопроектов, под защитой парламентской неприкосновенности, резко критиковалось правительство. Эхо этой критики распространялось по всей империи через периодическую печать, а неприкосновенность публикации стенографических отчетов заседаний (ни разу не нарушенную, даже в военное время), идущих в свободную продажу, не позволяла ничего скрыть от страны. С другой стороны, так как внутренний устав находился исключительно в ведении палат, никакой закон не мог запретить открытое существование в Думе депутатских фракций с оппозиционной и даже революционной программой. Таким образом представлены были все социалисты, даже большевики. Социалистическая деятельность пресекалась по всей стране, но ее существование в Думе имело влияние и вне ее стен, особенно если учесть, что законы о прессе, несмотря на все преследования, позволяли часто шаткое, но все же реальное существование газет всех направлений — от крайне правых до крайне левых. В предвоенные годы сила давления общественности в палатах и по стране росла. Общественность постоянно требовала все больше свобод в духе Манифеста 17 октября 1905 года, но, поскольку режим упорно сопротивлялся, расширения и укрепления свобод, данных в 1905-06 годах, так и не произошло.

Это исследование ограничено традиционными личными свободами в понимании Декларации прав человека 1789 года и американского Bill of Rights. «Социальные права» не были здесь рассмотрены; это отдельная тема, требующая особого изучения.

Смысл истории*

Н. Лосский

О смысле исторического процесса я буду говорить исходя из философии *персонализма*, т.е. учения о том, что Бог сотворил весь мир только из личностей действительных, как например, человек или, по крайней мере, потенциальных, способных развиваться и стать действительными личностями. Образцом персонализма может служить монадология Лейбница.

Каждая личность, даже электрон, есть сверхвременное и сверхпространственное *я*, осуществляющее свои действия, придавая им форму времени (психические и психоидные процессы) или пространственно-временную форму (материальные процессы). В философии сверхвременное и сверхпространственное существо называется субстанциею. Я предпочитаю называть такое существо термином *субстанциальный деятель*, чтобы подчеркнуть активность его.

Каждый субстанциальный деятель, т.е. каждая личность, творит даже материальные процессы не иначе, как под руководством психических или психоидных процессов, имеющих характер стремления к цели, именно к состоянию, ценному для данной личности. Даже акты отталкивания и притяжения, производимые электроном, суть процессы психоидно-материальные, целестремительные. Обладая психоидною или психическою жизнью, направленною на достижение ценных целей, каждый субстанциальный деятель способен на основании своего опыта

* Настоящая статья известного русского философа Н. О. Лосского [см. краткую биографию в *Записках*, т. XVIII, 1986], любезно предоставленная нам его сыном, проф. А. Н. Лосским, была впервые напечатана в Буэнос-Айресе в журнале *Вольная мысль*, № 3 (сентябрь 1961 г.). *Ред.*

развиваться, и это развитие есть свободный творческий процесс. В самом деле, каждый деятель обладает свободною творческою силою, свободою воли.

Учение о свободе воли вызывает сомнение у многих людей по недоразумению, именно по незнанию, что следует различать формальную свободу воли и материальную (содержательную). Формальная свобода состоит в том, что, совершая какое бы то ни было действие, мы могли бы вместо него произвести другое действие. Эта свобода присуща всем личностям, даже электрону, во всех условиях и без всяких ограничений. К области материальной свободы относится, что именно, какие содержания деятельностей я способен совершать. Эта свобода у нас, личностей грешных, эгоистических, живущих не в царстве Божиим, весьма ограничена. Я хотел бы написать прекрасное стихотворение, но оказываюсь неспособным сделать это. Свободный электрон способен производить только акты отталкивания и притяжения; он производит однообразно отталкивание других электронов тысячи раз; но в миллион первый раз может оказаться, что он не оттолкнет какой-либо другой электрон. Величайшие современные физики пришли к мысли, что детерминизм есть ложное учение, неприменимое даже и к неорганической природе.

Развитие субстанциальных деятелей состоит в том, что они, стремясь выработать все более содержательную жизнь, вступают в союз с более развитыми личностями, тип жизни которых привлекает их к себе; они становятся органами такой более развитой личности. Из электронов, протонов и т.п. возникают атомы, из атомов — молекулы, из молекул — небесные тела, солнца и т.п. и, наконец, единое целое вселенной. У нас на Земле, под ее влиянием образовались из молекул такие союзы, как одноклеточные организмы, из них — растения, животные, люди, а затем — такие союзы, как социальные целые муравьев, термитов, пчел, человеческие общества, как например нации, государства. Во главе каждого такого целого стоит **я**, субстанциальный деятель, более развитой, чем подчиненные ему деятели, служащие органами его. Например, во главе государства стоит **я**, душа народа, совершающая гораздо более сложные действия, чем поведение отдельного человека. Например, такой процесс, как война, есть целое, в которое входят и психические, и физиологические процессы множества людей, лошадей и других животных; их переживания сочетаются с такими процессами, как стрельба, передвижения с места на место и т.п. Все эти процессы составляют сверхчеловечески единое целое, руководимое душою государ-

ства. Это целое не есть психический или физиологический процесс, оно есть более сложная действительность, — *социальное бытие*. Точно так же жизнь небесного целого, например нашей Земли, есть еще более сложное целое, в котором геологические процессы, метеорологические процессы, жизнь растений, животных, народов, руководятся душой Земли и служат органами ее жизни. Система таких процессов есть планетарное бытие.

Свобода личностей, служащих органами более сложного, чем они, целого и руководимых этим целым, вовсе не утрачена. Во-первых, они подчиняются я, стоящему во главе целого, потому, что сочувствуют его стремлениям; во-вторых, не все действия подчиненных субстанциальных деятелей служат целому, некоторые свои акты они производят вполне самостоятельно соответственно своим индивидуальным стремлениям; в-третьих, не одобряя действий целого, они могут выйти из него или, оставаясь внутри его, могут действовать против него; гражданин какого-либо государства, начавший осуждать режим его, может эмигрировать или, оставаясь по паспорту гражданином государства, может стать революционером или быть «внутренним эмигрантом».

Согласно изложенному, строение всего мира есть ряд ступеней существ различных уровней развития, причем деятели менее развитые подчиняются более развитым деятелям вплоть до единства вселенной, во главе которой стоит наиболее высоко развитая личность: Мировая Душа или, точнее говоря, Мировой Дух. Такой персонализм, как и персонализм Лейбница, можно назвать *иерархическим*.

Весь мир состоит из личностей. Электроны, протоны и т.п., атомы, молекулы, растения, животные, люди, государства, небесные тела, вселенная — суть личности. Отсюда следует, что история есть биография всех этих личностей и, рассуждая о смысле истории, нужно иметь в виду смысл развития всех существ всего мира.

В этой статье мы будем заниматься главным образом смыслом истории человечества. Но вследствие иерархического строения вселенной, необходимо принимать во внимание, что история человечества зависит в большей или меньшей степени от тех более высоких единств, которым человечество подчинено и служит органом. Прежде всего, история человечества зависит от развития нашей планеты Земли, далее — от нашей Солнечной системы, от Мирового Духа и, наконец, главным образом, от Господа Бога.

Каждый народ и каждое государство возникает во времени и,

просуществовав несколько столетий, умирает. Душа народа после его смерти может продолжать дальнейшую жизнь различными способами: некоторые такие души могут стать источником зарождения другого народа или государства на Земле; другие могут стать во главе более высокого единства, чем народ, например, сделаться руководителями целого культурного типа вроде такого, как ранее существовавший греко-римский культурный тип; наконец, третьи могут выйти из состава нашей Земли и вступить в какие-либо другие мировые единства. Человеческая наука не имеет средств проследить посмертную судьбу народов и государств. Поэтому многие детали истории мира и человечества не могут быть познаны нами.

К счастью, главный вопрос о смысле человеческой истории, именно вопрос о конечной цели нашей жизни поулчает точный ответ в мировоззрении сторонников христианской религии. Величайшие Отцы Восточной Церкви (свв. Афанасий Великий, Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский и др.) говорят, что цель жизни человека есть обожение по благодати (*theosis, deificatio*), т.е. введение человека Богом в Царство Божие. Удостоиваются этой милости Божией те личности, которые совершенно освободились от эгоизма и в совершенстве выполняют две основные заповеди Христа: — любовь к Богу, бóльшую, чем к себе, и любовь ко всем другим личностям, как к себе. Члены Царства Божия удостоиваются созерцать Бога лицом к лицу, что уже наполняет душу блаженством; но, кроме того, они в совершенстве используют свою индивидуальную творческую силу для творения и усвоения абсолютных ценностей — истины, нравственного добра, красоты. Тела их — не материальные, т.е. не состоящие из актов отталкивания, создающих относительно непроницаемые объемы, а *преображенные*, состоящие из прекрасного света, звуков, ароматов и т.п. Физиологических процессов у них нет, и они не нуждаются ни в каких относительных ценностях, из за обладания которыми возникает борьба за существование. Царство Божие есть царство абсолютного добра.

Мысль, что цель жизни человека есть обожение, основывается не только на авторитете Отцов Церкви. Она вытекает из учения о Боге, как о существе абсолютно совершенном, всемогущем, всеведущем и всеблагом. Бог не нуждается в мире. Он творит мир для того, чтобы добро было как возможно шире распространено, чтобы сотворенные Им существа были причастны Его добру, а также и сами творили добро. Совершенное добро могут творить только личности. Поэтому, согласно метафизике

персонализма, Бог сотворил мир только из личностей.

Личности, правильно использовавшие свободу своей воли, находятся в Царстве Божиим. Личности, вступившие на путь эгоизма, т.е. заботящиеся о содержательности своей жизни и равнодушные к жизни большинства других личностей или даже враждебные к ним, образуют наше царство бытия, полное недостатков и страданий. Согласно весьма распространенному учению христианских вероисповеданий, многие личности нашего царства бытия по смерти попадают в ад, где испытывают невероятно тяжкие мучения, длящиеся бесконечное время без всякой возможности спастись. Совершенно непонятно, чтобы всеблагий Бог сотворил личности, о которых Он, обладая всеведением, знал бы, что им предстоят вечные невыносимые мучения. Великие Отцы Церкви, св. Григорий Нисский и св. Максим Исповедник, понимали нелепость этого учения. Св. Григорий Нисский утверждал, что все спасутся и даже дьявол со временем раскается и спасется. В наше время убедительное учение о том, что все спасутся, выработал от. Сергей Булгаков, доказывающий, что в случае существования ада, как места вечных мучений, теодицея (наука, содержащая оправдание Бога в существовании зла) была бы невозможна. Вечные мучения, о которых идет речь в Священном Писании, от. Сергей понимает как муки такого острого раскаяния, которые по качеству своему равносильны вечному мучению; они именно и завершаются полным освобождением души от дурных страстей.

Философия персонализма, разрабатываемого мною, отличается от общепринятых в христианстве учений в следующем вопросе. Я утверждаю, что все субстанциальные деятели нашего царства бытия, начиная с электронов и кончая высшими растениями и животными, суть потенциальные личности, ведущие жизнь, весьма ограниченную, полную недостатков вследствие того, что они злоупотребили свободой воли и вступили на путь эгоизма. Этим учением объясняются не только недостатки человеческой жизни, но и все несовершенства природы, все бедствия, происходящие в ней — бури, наводнения, вулканические извержения и т.п.¹

Развитие потенциальных личностей, благодаря которому они становятся со временем действительными личностями, есть процесс, имеющий характер длинного ряда *перевоплощений*. Электрон, развиваясь, становится организатором атома. В этой роли он

¹ См. мою книгу *Бог и мировое зло*.

уже не электрон, а более высоко развитая личность; этот переход к новой более развитой жизни есть перевоплощение его. Далее, он может стать организатором молекулы, потом стать животным, наконец — человеком. Каждый такой переход к более высокой жизни есть перевоплощение. Великий философ Лейбниц держался такого учения. Однажды он пил в компании кофе и сказал, что в проглоченном кофе есть, может быть, несколько монад, которые со временем станут людьми.²

В этом процессе восхождения ко все более высоким и более сложным формам жизни личность подвергается все более значительным соблазнам к злу, переживает их, разочаровывается в них и, наконец, достигнув полного освобождения от эгоизма, удостоивается вступления в Царство Божие.

Занимаясь историей человечества, мы знаем конечную цель ее, одинаковую для всех личностей, именно обожение. Но это знание следует дополнить для вполне разработанной теории открытием каждой ступени, ведущей к такой великой цели в жизни различных народов, государств, всех людей. К сожалению, однако, это знание неизбежно должно оставаться отрывочным, несовершенным, потому что существуют непреодолимые препятствия на пути к разработке его. Во-первых, как выяснено выше, история человечества зависит не только от свойств человека, но и от личностей стоящих выше человека, в состав которых человечество входит как их орган, именно: от нашей планеты Земли, от нашей Солнечной системы, наконец, от Вселенной и особенно от Господа Бога. Жизнь высших личностей известна нам лишь в тех их свойствах, которые открывает наука. Это знание состоит из абстракций, а конкретное целое, например планетарной жизни такой личности, как Душа Земли, недоступно нашему знанию. Во-вторых, некоторые народы и государства перестали существовать, и культура их не повлияла на другие народы. Поэтому нельзя говорить об истории человечества, как о линейном прогрессе в направлении к конечной цели, т.е. к обожению. Такую попытку сделал Гегель. В своих *Лекциях по философии истории* он изображает всю историю как «прогресс в сознании свободы.»³ Он различает три основные ступени этого прогресса: Восточные народы знают лишь, что *один свободен*, и потому государственная жизнь их есть деспотия; греки и римляне знают, что *некоторые свободны*, а остальные — рабы; впервые герман-

² М. G. Hanschl, *Godefridi Gulielmi Leibnitii principia philosophiae more geometrico demonstrata* (Frankfurt und Leipzig, 1728), стр. 135.

³ Издание G. Lasson'a, 4 тома, 1944; см. т. 1, стр. 40.

ские нации в связи с развитием христианства поняли, что *все свободны*, так как природа духа есть свобода. Гегель упустил из виду, что культура Индии, Китая, Египта вовсе не всегда была деспотией, в которой только один свободен, и если бы он жил в наше время, он наблюдал бы в таком высоко культурном государстве, как Германия, деспотию Гитлера.

Приступая к изучению истории различных народов как ступеней на пути к Царству Божию, нужно, хотя бы вкратце, заняться гносеологией истории, т.е. ответить на вопрос, как познается прошлое. Гносеологию, разрабатываемую мною, я называю *интуитивизмом*. Согласно этому учению, человек познает непосредственно не только свои душевные состояния, но и предметы внешнего мира. Истина о предмете может быть получена не иначе, как на основании *наблюдения* предмета. Следовательно; мой интуитивизм есть один из видов эмпиризма. Спрашивается однако, как возможно наблюдать прошлое. На этот вопрос я отвечаю следующим образом. Переживания моего *я*, отпадая в область прошлого, сохраняют связь с моим *я*. Поэтому воспоминание о прошлом есть непосредственное созерцание нами самого прошлого в подлиннике. Такого учения о воспоминании держится Бергсон. Согласно его учению, физиологические процессы в мозгу суть не причина воспоминаемого содержания, а только повод, побуждающий наше *я* направить внимание на само прошлое и сделать его вновь создаваемым.

Бергсон не считает человеческое *я* сверхвременным. Согласно моей метафизике, человеческое *я* есть *сверхвременный* субстанциальный деятель. Поэтому жизнь человеческого *я* связана не только с своим прошлым, но и с прошлым всего мира. Когда историк наблюдает археологические раскопки, читает хартии и т.п., эти остатки прошлого служат для его ума поводом наблюдать само историческое прошлое в подлиннике, конечно, в обедненном виде и с многими ошибками. В своей книге *Общедоступное введение в философию* я говорю:

Кому случалось беседовать с такими знатоками прошлого, каким был, например, в С.-Петербургском университете классический филолог Фаддей Францевич Зелинский или историк древней Греции и Рима Михаил Иванович Ростовцев, тот, смотря на показываемые ими древние предметы и слушая их объяснения, получал непосредственно из их сознания такое вхождение в прошлую историю, которое свидетельствовало, что они своим умом действительно жили в этом прошлом. Такое их созерцание прошлого можно назвать словом «палеоскопия» (созерцание древности).

Занимаясь вопросом о смысле истории какой-либо нации,

государства, великого человека, мы должны попытаться определить, какие свойства или поступки их полезны для движения вперед по направлению к конечной цели, к обожению. Важнее всего, конечно, религиозная жизнь, далее — любовь к ближнему, любовь к абсолютным ценностям — к истине, нравственному добру, красоте. Очень трудно определить степени развития этих свойств и те стороны их, которые имеют существенное значение для приближения к Царству Божию. Чаще всего они не передаются дальнейшим цивилизациям, так что исторический процесс не есть линейный прогресс в направлении к Царству Божию. Мало того, в истории наблюдается не только появление новых форм все более утонченного добра, но и возникновение новых форм все более изощренного зла; совершается эволюция в направлении к Царству Божию и рядом с нею эволюция в направлении осатанения. Нам, наблюдавшим режим Гитлера и Сталина, это хорошо известно. К счастью, однако, мы имеем основания верить, что осатанение в конце концов всегда преодолевается добром, так что со временем все спасутся.

Многие личности, входящие в состав человечества, достигают такой степени развития, что выходят из истории человечества в более высокий план бытия. Из всех перечисленных соображений вытекает, что история человечества, известная нам, людям, состоит из разрозненных глав, не образующих органически единого целого. Герцен сказал, что история человечества есть «растрепанная импровизация». Он, конечно, ошибался, считая историю импровизацией: мировым процессом руководит Промысел Божий; следовательно, история не есть импровизация, и в разуме Божиим она есть органическое целое. Но Герцен прав в отношении к человеческому знанию: в нашем фрагментарном знании история действительно есть нечто «растрепанное.» Мы попытаемся ответить на вопрос о смысле некоторых процессов истории и увидим, как недостаточны наши знания.

В тех случаях, когда культура какого-либо народа сохраняет свое влияние в дальнейшем развитии человечества, это значит, что в ней были осуществлены, хотя бы частично, одна или несколько абсолютных ценностей. Евреи, от которых мы получили Ветхий Завет, обогатили религиозную жизнь человечества учением о Боге как абсолютно совершенном начале и Творце мира, действующем в отношении к миру и жизни его так, как если бы Он был Личность. Древняя Греция выработала такое искусство и философию, которые и до сих пор сохраняют свое значение. Скульптура греческая дала замечательные образы красоты

человека в его отношении к земной жизни. Христианское искусство открыло более высокую красоту, духовную, связанную со сверхземною жизнью. Однако и земная красота греческой скульптуры имеет непреходящую ценность. В греческих трагедиях есть высокие образцы нравственной красоты, например «*Антигона*» Софокла. Греческая философия сохраняет до нашего времени свое влияние на развитие европейской культуры. Вспомним имена Сократа, Платона, Аристотеля, Плотина, и истины открытые ими.

Жизнь Богочеловека Иисуса Христа в Палестине и возникновение Христианской Церкви есть самое значительное событие, подвигающее человечество вперед на пути к Царству Божию. Многие стороны исторического процесса имеют смысл подготовки человечества к появлению Иисуса Христа, а также к возникновению и распространению Христианской Церкви. Найти эти стороны истории — задача специалистов историков. Я укажу только некоторые из них, всем известные. Римская Империя включила в свой состав много народов. Занимая огромную территорию, она для управления государством соединила все провинции хорошими путями сообщения. Благодаря этому апостол Павел и другие апостолы могли совершать путешествия на громадные расстояния и сообщать многим народам благовест о Богочеловеке Иисусе Христе и Его учении. В проповеди Иисуса Христа существенное значение имеет идея Царства Божия, как царства абсолютного добра, «где ни моль, ни ржа не истребляет» (Мф. 6,20).

Духовное состояние многих народов в это время благоприятствовало принятию проповеди апостолов о Богочеловеке Иисусе Христе и о Царстве Божием. Уже в течение трех веков до Рождества Христова многие народы разочаровались в своей религии и стали искать дополнения к ней в поклонении богам других религий. Однако таким путем они не могли удовлетворить своей жажды найти подлинное Высшее начало, достойное поклонения. Философия указала направление, в котором надо искать такое начало. Платон резко противопоставил друг другу два царства мира — сверхземное духовное царство идей, познаваемое разумом, и земное материальное царство вещей, известное нам благодаря чувственному восприятию. Только в духовном царстве идей есть совешенное подлинное бытие, исходящее от Высочайшего начала, от Добра, которое само стоит *выше бытия*. Понимание таких учений Платона доступно только образованным людям, но, конечно, сущность его в популярной форме спускалась и

в ниже стоящие народные массы. Аристотель выработал учение о Боге как абсолютно совершенном существе, к которому весь мир стремится вверх, как «к любимому.»

Многую перечислены только значительные случаи возникновения условий, полезных для конечной цели истории. Ценные соображения можно найти в книге Маритена [J. Maritain] *On the Philosophy of History*, в которой он говорит, что цель исторического процесса есть Царство Божие и спасение человека. Маритен указывает на следующие стороны прогресса нравственного сознания: моногамия, отношение к военнопленным, отношение к детскому труду (стр. 106). В государственной и социальной жизни он указывает на постепенный переход от подчинения к самоуправлению, к демократическому режиму (стр. 115). Но он говорит, что, наряду с прогрессом в добре, происходит также и прогресс во зле.

Многие стороны культуры могут иметь положительное значение для движения вперед к Царству Божию, но некоторые из них могут быть использованы также и для возрастания во зле. Развитие науки, открытие все новых и новых истин может быть источником различных видов добра, например при воспитании детей, в медицине, но оно может быть использовано также и для выработки новых способов нападения на войне. Точно так же и развитие техники служит в одних случаях возрастанию добра, а в других — возрастанию зла.

Культурное человечество озабочено в настоящее время проблемой осуществления социальной справедливости. В высоко развитых демократиях, например в Великобритании, Соединенных Штатах Америки и др., уже много сделано для того, чтобы не было эксплуатация труда капиталом. Например, в Соединенных Штатах Америки законом определена минимальная оплата труда рабочих, ниже которой предприниматель не имеет права спускаться. Налоги на доход так велики, что задача промышленности есть служение обществу, а не средство обогащения предпринимателя. Такое развитие экономики есть служение добру. Правительство СССР утверждает, что только у них совершенно уничтожена эксплуатация труда капиталом и достигнута социальная справедливость. В действительности Советский режим есть государственный капитализм, в котором эксплуатация крестьян, рабочих и служащих так велика, как этого не бывало в капиталистических государствах. Такой режим есть несомненно возрастание зла.

Вторая задача, стоящая перед человечеством, состоит в том,

чтобы выработать сверхгосударственное объединение. Экономические связи, культурное общение, преодоление пространства благодаря авиации, радиовещанию, требуют также и политического объединения. Переговоры о федерации государств Западной Европы уже начались. Задача объединения человечества может быть решена двумя способами. Культурные демократии считают необходимым достигнуть этой цели путем свободных соглашений. Этот способ объединения есть возрастание в добре. Советский Союз тоже ставит целью своей деятельности объединение всего человечества, однако не путем свободного соглашения, а посредством насилия, которому они уже подвергли ряд окружающих Советскую Россию государств.

Мы нашли ряд случаев возрастания добра, но некоторые из них таковы, что вместе с ними существует и противоположное им возрастание зла. Во многих случаях определенный вид возрастания добра не передается из одной культуры в другую, следующую за нею. Линейного прогресса в истории человечества нет. На наших глазах произошли такие скачки из области добра в область зла, как режим Гитлера, как диктатура в Советской России. Таким образом, история человечества, доступная нашему знанию, есть нечто несистематическое, «растрепанное,» как характеризовал ее Герцен.

Русская почта домарочного периода*

*Николай Кормилев***

С самых древних времен люди испытывали необходимость посылать и получать вести. В начале это были почти исключительно военные вести. У африканских племен употреблялись барабаны; звук переносится быстрее всякого бегуна. У других народов были дымовые и огневые сигналы. Наши предки тоже очень рано стали применять такие сигналы, когда надо было дать знать о приближении кочевников.

С возникновением громадных империй древности — Египта, Китая, Ассирии и Вавилона — у центральных правительств появилась необходимость поддерживать постоянную связь с провинциями. Для этого устанавливалась регулярная посылка гонцов, переносивших вести устно, а с развитием письменности, и письменно. На определенных расстояниях устраивались станции, где гонец мог поесть, отдохнуть и переменить лошадь. Позднее, для ускорения прибытия вестей, на станциях стали менять и гонцов, т.е. установили эстафеты. Гонец по прибытии сразу же передавал весть следующему, который немедленно пускался в

* Настоящий обзор основан главным образом на исследованиях А. Н. Вигилева, *История отечественной почты*, ч. I-II (М.: «Связь», 1977-1979) и М. Доби́на, «Из истории Санкт-Петербургской почты», *Советский коллекционер*, № 16 (1978), стр. 7-35; и его же «К истории почтового штемпеля в России», там же, № 18 (1980), стр. 12-30. Обзор посвящен, главным образом, XVII и XVIII вв.

** Н. А. Кормилев — специалист по энтомологии. Окончил Агрономический факультет в Загребе в 1926 г. После войны перебрался в Аргентину, где работал в Музее естественной истории и преподавал энтомологию в Иезуитском университете. Ныне проживает во Флориде. Автор более 200 работ по энтомологии, опубликованных на 4 языках в 24 странах.

путь. Вести двигались днем и ночью без задержки. Особенно хорошо была организована передача вестей в Персии, а затем в Риме, где она называлась *cursus publicus*.

Для быстроты передачи вестей имела значение хорошо развитая система дорог и мостов. Этим особенно отличался Рим, который был связан с провинциями сетью великолепных мощеных дорог, которые служили не только для быстрого передвижения гонцов, но и для передвижения войск и перевозки товаров. Конечно, такими гонцами могли пользоваться только императоры, их наместники и другие высшие чиновники. Частные лица должны были посылать своих гонцов или пользоваться оказией, передавая письмо ехавшим в нужном направлении торговцам. Из Рима организация гонцов перешла в Византию.

Наши первые князья имели постоянную связь с Византией и должны были знать об организации спешных гонцов. Грамотки на Руси посылали друг другу князья, знатные люди, духовенство и купцы. Богатые писали на пергаменте, а более простой люд, особенно на севере, на бересте.

За последнее время нашли сотни берестяных грамот, которые служили обычным способом связи в Новгородской земле. В 1952 г. новгородская экспедиция нашла оборванный кусочек берестяной грамотки: «Чоловеком грамотку пришли тайно...» Судя по этому, надо полагать, что в Новгороде существовала какая-то организация пересылки грамот, которой нельзя было доверять секретные сообщения. Берестяные грамотки находят в таком количестве, что следует предполагать существование какой-то организации пересылки грамоток для частных лиц, не только для князей, посадских, епископов или крупных торговцев.

Пергаментные грамоты скатывали в трубочку, зашивали в холщевый чехол и запечатывали восковой печатью. Иногда печати были свинцовые. Гонец вез грамоту в специальном мешочке на груди или в сумке — калите. Берестяные грамотки тоже скатывали в трубочку, но текстом наружу и привязывали берестяной ярлык с именем адресата.

Тайная переписка существовала в Киевской Руси еще на границе XI-XII вв. Археологи находят во многих древних городах печати с надписью «Дьнеслово», что означает скрытое, тайное слово. Археологи связывают эти печати с именами киевских князей Святополка Изяславича и Мстислава Владимировича. Эти печати находили в Киеве, Новгороде, Смоленске и Владимире Волынском, но как пересылались запечатанные ими грамоты неизвестно.

Новгородские гонцы пользовались для доставки грамот «повозом», т.е. брали лошадей с кормом и пищу для себя в купеческих селах. «Повоз» в берестяных грамотках назывался «вожи». Великий Новгород был одним из важнейших центров международной торговли и членом Ганзейского торгового союза. Новгородские купцы торговали не только по всей России, но и за границей и, поэтому, были заинтересованы в регулярной и быстрой доставке вестей. Им было важно знать где и что имеется и по каким ценам. Система «повоза» просуществовала в Новгороде вплоть до его присоединения к Москве, когда была введена более современная система «ямской гоньбы».

В XIII в. татарское нашествие огнем и мечом прокатилось по Руси. Установив свою власть, татары, по примеру китайцев, организовали «ямскую гоньбу» — систему перевозки ханских вестников и чиновников. Итальянский путешественник Джованни дель Плано Карпини, посетивший в 1245-47 гг. завоеванные татарами земли, так описывает систему перевозки ханских послов и чиновников в своей книге *История монголов*:

Каких бы, сколько бы и куда бы он[хан] ни отправлял послов, им должно давать без замедления подводы и содержание. Откуда бы также к нему ни приходили данники и послы, равным образом им должно давать лошадей, колесницы и содержание... Также и послам вожей, куда бы те их ни посылали, как подданные императора, так и все другие обязаны давать как подводы, так и продовольствие, а также без всякого противоречия людей для охраны лошадей и для услуг послам.

Марко Поло, побывавший тогда в Китае и Монголии, так описывает монгольскую «ямскую гоньбу»: «На каждых 25 миль по всем дорогам устроены почтовые станции, на которых стоят по 300-400 лошадей. Гонец, приехав на станцию, бросает усталую лошадь и берет свежую. Таким образом гонец проезжал по 250-300 миль за один день».

Такие станции были основаны и в русских княжествах. Татары их называли «дзям», а русские переделали в «ям». Местному населению было приказано держать определенное количество лошадей для перевозки ханских чиновников. В официальных документах «ям» упоминается впервые как повинность в ханском ярлыке Менгу-Тимура в 1267 г. Этот ярлык также освобождал русское духовенство от ямской и от всех других повинностей.

Татарские чиновники и русские гонцы с ратными вестями могли брать на ямах любое число лошадей. Все прочие офици-

альные лица получали лошадей в ограниченном количестве или платили за них деньги — прогоны.

Русский «повоз» разделился на три части: подводу, ям и корм. Население перестало быть обязано возить гонцов и официальных лиц; их возили специально назначенные для этого люди — ямщики. Крестьяне были обязаны возить только грузы — эта обязанность называлась «подвода» — и доставлять еду для проезжающих и корм для лошадей. К середине XVI века, ям и подвода сливаются воедино: ямщики возят грузы, а население платит «ямские деньги».

В XIV-XV вв. появился новый способ, которым определялась величина прогонов, т.н. «езд». Псковская судная грамота установила платить прогоны по расстоянию: деньга (полкопейки) за каждые 10 верст пути. В 1497 году, в судебнике Ивана III, статья 30 говорит о «езде». Указ установил тарифы для пересылки судебных повесток в алтын (3 копейки) за 10 верст пути. Это было в 6 раз больше, чем платили в Пскове или Новгороде, и новгородцы не хотели принимать этот указ. Указ о «езде» установил также тарифы для пересылки «позовок» (повесток) в 53 города. При Иване Грозном, в новый судебник включили несколько новых городов, присоединенных к Москве, и прибавили: «А где будет больше того верст, ино имать по тому ж разсчету».

Необходимость спешной доставки вестей принуждала гонцов в XVI-XVII вв. брать лошадей не только на ямах, но и в прилегающих селах, на что им давала право специальная «подо-рожная». Гонцам обычно давали «подводу верхи», т.е. верховую лошадь, а послам и официальным лицам летом «подводу с телегою», а зимой «подводу с саньми». Сигизмунд Герберштейн, австрийский дипломат, посетивший Москву в 1517-м и 1526-м гг., называл ямскую гоньбу почтой, гонцов — почтальонами, ямщиков — управляющими почтой, а ямы — станциями.

Ямщиков выбирали, приводили к присяге, и они считались государственными служащими. Жили они в специальных слободах, получали жалованье деньгами и участок земли. В крупных городах ямские слободы имели по несколько сот жителей. При Иване Грозном ямщики были освобождены от всех других повинностей, что было подтверждено при царе Михаиле Феодоровиче по рекомендации князя Пожарского, который заведовал Ямским приказом. Ямщикам хорошо платили; кроме земельного надела они также получали денежное вознаграждение и одежду.

Для быстрой гоньбы необходимы были хорошие дороги и мосты. Судебник царя Феодора Ивановича 1589 г. предусматривал

ширину дорог и мостов и устанавливал суровые наказания за их непочинку. За увечье человека или лошади на непочиненном мосту, весь убыток взимался с того, кто во-время не починил мост. Смутное время разрушило ямскую гоньбу и приходилось начинать все заново: дороги и мосты были в ужасном состоянии.

К середине XVII века, из Москвы ежегодно отсылалось до 2300 писем. Это была казенная корреспонденция и неизвестно, могли ли частные лица посылать свои письма. Официального запрета на пересылку частных писем в южные города не было; он появился только в 60-е годы XVII века. Вероятно правительство, заинтересованное в освоении южных земель, просто закрывало глаза на частные письма. С присоединением Малороссии к Москве сразу же началась организация «скорой гоньбы» в «черкасские города», как тогда в Москве называли малорусские города, но ямщиков было мало и почта опаздывала.

Чтобы улучшить доставку вестей, в 1659 г. была основана прямая связь Москва-Путивль. На каждый стан было послано по 2 человека из царских дворовых людей с лошадьми. Они должны были безотлучно находиться на станах и спешно доставлять важные вести. Вести стали приходить быстрее, но и этого было мало, и скоро послали еще 12 человек с 48 лошадьми. Гонцы должны были отмечать на грамоте время отбытия и время прибытия

Первая регулярная почта за границу

Со второй половины XVII века, иностранная торговля шла по трем главным линиям: первая — через Новгород и Псков на Ригу, с ответвлениями на Ревель (теперь Таллин), Нарву и Юрьев-Ливонский (Дерпт, а сейчас Тарту), вторая шла через Смоленск, Минск и Вильно (теперь Вильнюс) и дальше на Кенигсберг, третья шла через Вологду в Архангельск, куда летом приходили английские и голландские торговые суда.

В то время главой московского правительства был высокообразованный и начитанный боярин Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин¹ (илл. 1). Как иностранные, так и местные купцы

¹ Ордин-Нащокин происходил из захудалого рода псковских дворян. Родился он около 1605 г. В 1642 г. поступил на государственную службу и его не раз назначали в посольские комиссии по размежеванию со Швецией. Когда началась война с Польшей, он с малыми силами защищал московскую границу с Литвой и Ливонией. В 1658 г., благодаря его усилиям, было заключено перемирие со Швецией в Валесари, которое было гораздо более выгодное для Москвы, чем

Боярин Афанасий Лаврентьевич ОРДИН-НАШОКИН

там ожидали. После этого его послали переговариваться с поляками. После восьмилетних, очень трудных переговоров, Ордин-Нашокин заключил в январе 1667 г., в Андрусове, перемирие с поляками, окончившее тринадцатилетнюю, тяжелую войну. За это Нашокин был пожалован в бояре и назначен главой Посольского приказа с титулом: «Царственной большой печати и государственных великих посольских дел оберегатель». Это соответствовало положению канцлера в Западной Европе. Кроме того, он управлял Малороссийским приказом, Смоленским разрядом, Новгородской, Галицкой и Владимирской четью, Вяземской таможей, кружечным двором и железоделательными заводами (см. *Русский биографический словарь*, т. 9 [СПБ, 1905], с. 290).

подавали Нащокину челобитные с просьбой организовать регулярную почтовую связь с границей.

Нащокин был сторонником сближения с Западной Европой. Для ускорения доставки вестей из заграницы он установил специальную почтовую линию от Пскова до Москвы. Он улучшил издание *Курантов*, информационного издания, составлявшегося для царя с начала XVII в. на основании вестей из заграничных газет.

Сразу же после заключения Валиесарьевского перемирия (1658), Нащокин стал хлопотать об учреждении регулярной почтовой линии за границу. Он поддержал челобитную голландца Яна Фан Сведена, просившего дать ему на откуп доставку заграничной почты. Первая линия иностранной почты вела из Москвы в Ригу. В 1665 году Фан Сведен получил подряд на Рижскую линию. Он должен был возить бесплатно письма русских послов и агентов за границей, иностранные газеты для двора, отписки воевод, сидевших на всем пути от Пскова до Москвы, и царские указы. Он имел право возить и частные письма, плату за которые брал себе. На него было много жалоб: почта в назначенные дни не приходила, ящики опаздывали и письма в дороге часто терялись. Он оправдывался, что дороги очень плохие, что почтари не устроены и просил больше денег. Тогда правительство вспомнило, что почта на юг стоит гораздо меньше, и Фан Сведену приказали снять его почтарей с линии, а взамен он получил гонщиков с лошадьми, как было на юге. С марта 1666 г. он должен был платить гонщикам прогоны, а за корм лошадям рассчитываться с Посольским приказом. За частную корреспонденцию он имел право брать деньги для себя.

Во время мирных переговоров с поляками, приведших к Андрусовскому перемирию (1667), Нащокин послал в Вильно переводчика Посольского приказа Л. П. Марселиуса, чтобы тот изучил организацию почты в Польше. Вернувшись в Москву, Марселиус занялся подготовкой указа об установлении скорой гоньбы до польской границы. Затем Марселиус был назначен на место Фан Сведена, которым были недовольны.

13 января 1667 г. было заключено перемирие с Польшей. Статья 6-я договора предусматривала учреждение почты между Москвой и Вильно. Польская почта везла письма из заграницы до местечка Кадина, на литовской границе. Оттуда почта шла через Минск и Смоленск в Москву. Марселиус был послан в Курляндию для ознакомления с организацией шведской почты. Он получил приказание заключить договор с Рижским почтмейстером о

пересылке русской почты от русского рубежа до Риги и обратно. Из Риги письма рассылались по всем государствам.

При Фан Сведене почтарь проезжал всю дорогу от Москвы до Пскова, а при Марселиусе ввели эстафетную передачу почты на каждом стане. В местах обмена корреспонденции с зарубежной почтой и в главных городах по линии сидели почтовые чиновники, которых тогда называли «тот, кто приемом и отпуском почты ведает». Это были, большей частью, служащие Посольского приказа.

Незадолго до открытия заграничных почтовых линий, Марселиусу было приказано известить московских и иностранных купцов об открытии приема писем в Швецию и Польшу. Купцам строго приказали посылать письма только через почту, а нарушителей штрафовали, письма отбирали и взымали за них установленную плату за пересылку. Первая почта в Ригу пошла 17 сентября 1668 г., а в Вильно 11 марта 1669 г. Обе линии находились под руководством Марселиуса.

Марселиус составил проект указа о почтовой гоньбе. Ямской приказ предоставлял ямщиков для перевозки почты, а платил им Марселиус. Центральным пунктом для обмена корреспонденции был Псков, находящийся ближе всего к границе. Сначала на мешках писали «Валк», т.к. это была первая шведская станция, но вскоре стали адресовать письма, отправляемые в Ригу и Курляндию «В Ригу, господину Радемакеру», т.е. рижскому почтмейстеру. С 1672 г. на всех мешках писали «Рига». Письма по царским делам в Нарву, Ревель и Юрьев-Ливонский завязывали в мешок с надписью «Новгород», а письма в Россию — в мешок с надписью «Москва». В наказе говорилось, что почтарь должен ехать даже если не будет писем. Таким образом устанавливалась регулярная почтовая связь.

За письма из Москвы в Ригу брали по 2 алтына и 4 деньги (8 коп.), из Пскова в Москву — 2 алтына (6 коп.), из Новгорода в Москву — 8 денег (4 коп.), из Пскова в Ревель, Нарву и Юрьев — 2 алтына (6 коп.) за золотник веса.² Оплата писем за границу была гораздо дороже, чем в России: от Москвы до Пскова, за расстояние в 690 верст брали столько же, сколько от Пскова до Риги, т.е. за 260 верст. При хорошей дороге почта из Москвы до шведской границы шла 10 дней.

Основной проект Виленской почты был разработан виленским почтмейстером Рейнгольдом Бисингом. По его предло-

² Золотник = 4,27 гр.; верста = 1,067 км.

жению, главным пунктом для иностранной корреспонденции был Кенигсберг, где польская почта смыкалась с почтой Турн и Таксиса, частной почтовой монополией, обслуживавшей с 1500 г. всю Среднюю Европу. Из Кенигсберга почта шла в Вильно и дальше в Москву. Бисинг также разработал вид подорожной, которую почтари получали на границе при отправлении и которую у них отбирали по прибытии в Москву или Вильно. Подорожная была проста и удобна: такого-то числа, в таком-то часу, такой-то почтарь погнал из (название города) в (название города). На обороте отмечалось время прибытия и отъезда ямщиков. Подорожная заканчивалась перечнем почтовых правил и наказаний за их несоблюдение.

Марселиус умер в 1671 г., и почтой стал заведовать его сын Петр. Однако, он не сумел справиться с делом, и в 1675 г. почту передали переводчику Посольского приказа Андрею Виниусу. Так же, как и Марселиус, Виниус за свою работу жалованья не получал, но имел право брать себе плату за пересылку частных писем. Ямщикам же прогоны платил Ямской приказ.

Рижскую почту Виниус получил в относительно хорошем порядке, но Виленская почта находилась в полном упадке. Окончательно она прекратилась, когда в 1679 г. распространился слух, что за границей чума. На польской границе поставили заставы, и все письма или возвращались, или уничтожались. Официально почту не закрыли и немногочисленные официальные письма Виниус посылал через Ригу.

В 1683 г. Виниусу приказали восстановить Виленскую почту, а приемом и оптуском писем приказали заниматься Посольскому приказу. В 1685 г. истек срок Андрусовскому перемирию и в Москву приехало польское попольство для заключения «вечного мира». Договор подписали, и в одной из его статей повторили параграф о международной почте. Виниус, которого стали звать почтмейстером, заключил новый договор с Бисингом, который по-прежнему доставлял всю транзитную почту в Кенигсберг.

Главное внимание Виниус уделял Рижской почте. В 1677 г. он заключил договор с вдовой рижского почтмейстера Маргаритой Гизе. За организацию пересылки почты он ей платил по 320 талеров в год. Для заграничных почтарей пересылка русской корреспонденции была очень выгодным делом: они перевозили почту по уже установленным трактам, русское правительство платило им аккуратно, да еще давало в награду несколько соболей. В 1684 г. некий Андрей Макс из Юрия-Ливонского (Юрьева) предложил Виниусу, что он будет перевозить русскую

почту всего за 290 талеров в год и гарантировал сохранность писем и тайну переписки. По рекомендации Виниуса договор заключили с Максом.

На Виниуса были доносы, что, кроме почты, почтари везут для него всякие продукты. Виниус оправдывался в Посольском приказе, что для него ничего тяжелого не возят, «разве что зимой какой пудик мороженой рыбы, а обычно они везут лимоны, апельсины, рейнское вино и лекарство для двора». Результат вышел неожиданный: Посольский приказ отобрал у Ямского приказчика заведование почтарями и подчинил их Виниусу.

В 1689 г., чтобы воспрепятствовать проникновению нежелательных слухов за границу после свержения царевны Софьи, была введена гласная почтовая цензура для всех писем за границу.

При Виниусе почта работала немного лучше, чем раньше, но с Виленской линией были затруднения. По Андрусовскому договору в Москве и Варшаве сидели польские и русские представители и Виленская почта была организована главным образом для них, но московский резидент в Варшаве жаловался, что письма где-то пропадали или прочитывались поляками. Он был обязан посылать письма только через почту, но из-за перлюстрации они задерживались. В 1701 г. Петр приказал Виниусу улучшить Виленскую почту, а затем послал трех наблюдателей в Вильно, Кенигсберг и на прусскую границу, чтобы следить за присылкой и отправкой почты.

Почта в Малороссию

С марта 1667 г. скорую гоньбу в Путивль стали называть почтой, но от этого ничего не переменялось: царские грамоты и воеводские отписки по прежнему возили трубники, стрельцы, пушкари и др. С 1667 г. скорой гоньбой стал заведовать Малороссийский приказ, чьим главой был боярин Ордин-Нащокин. Он внимательно изучил постановку дела и пришел к убеждению, что причиной частых задержек почты служит нерегулярность посылок, которые сильно изматывали лошадей. Лошадей было мало и от них нельзя было ожидать скорости. По его рекомендации, с августа 1667 года почта с «неважными» делами отправлялась из Москвы раз в неделю, по вторникам, а курьерской почтой могли пользоваться только для военных дел. Он увеличил число станов, но регулярная доставка почты позволила уменьшить вдвое число

почтарей. В каждом стане было по два пристава (так их называли) и по четыре лошади. Неизвестно, принимались ли частные письма. Поскольку с 1667 г. греческим, молдавским и валашским купцам было приказано продавать свои товары в Путивле, а в Москву не ездить, то известия об их прибытии в Путивль, о ценах и пр. посылались в Москву частными лицами, и их письма почта вероятно принимала.

В начале 1669 г. Малороссийский приказ передал боярину А. С. Матвееву, который считал, что интересы России лежали к югу, а не к Балтийскому морю и поэтому стал приводить в порядок Киевскую почту. После присоединения левобережной Малороссии (Украины), в некоторых городах были поставлены московские воеводы, которые посылали почту в Путивль, откуда ее пересылали в Москву. Но гетман и старшина Запорожского войска посылали своих посыльных прямо в Москву, от чего страдала регулярная почта. После избрания 6 марта 1669 г. в Глухове нового гетмана, Москва заключила с ним новый договор, получивший название «Глуховских статей», в котором три статьи были посвящены почте. Казаки жаловались, что московские гонцы бесчинствуют, забирают лошадей и бросают их по дороге. Новый договор это запретил и постановил, что впредь московским гонцам будет отводить дворы и давать лошадей городская старшина. Другая статья ограничивала количество запорожских гонцов и случаи, когда разрешалось посылать гонцов прямо в Москву. Наконец, гетман обязывался устроить в малороссийских городах почту по московскому образцу. Жалованье почтарям, около 10 рублей в год каждому, выплачивалось из поборов с малороссийских городов и Путивльских и Севских доходов.

В конце концов, из-за того, что жалованье почтарям было небольшое и местные люди не хотели идти на такую работу, Москва сама была вынуждена организовать малороссийскую почту. Было куплено 10 лошадей, а в почтари набрали стрельцов и солдат. В Киеве и Нежине устроили дворы для приема почты и содержания лошадей. В Батурине поставили Севских ямщиков. Почта из Москвы уходила во вторник ночью и приходила в Киев в воскресенье к вечеру, т.е. покрывала 900 верст от Москвы до Киева за 114 часов.

С 1674 г. почтарей стали выбирать только из ямщиков и выплачивать им жалованье стал Ямской приказ, что было лучше, но почту принимали и раздавали по прежнему в Малороссийском приказе. По новому договору, почте предписывалось принимать «всякие письма», под которыми подразумевались челобитные

частных лиц, раньше не принимавшиеся. Размер их оплаты нам неизвестен.

В последней четверти XVII века, по смерти царя Алексея Михайловича и боярина Ордина-Нащокина, а также после убийства боярина Матвеева стрельцами в 1682 г., Киевская почта пришла в упадок. Ввиду низкого жалованья, почтари часто нанимались на другую работу, а вместо себя посылали нанятых людей или даже детей. В 1691 г. было запрещено нанимать заместителей, а на письмах было приказано отмечать имя почтаря и время приема почты.

Петр Великий мало интересовался Киевской почтой, хотя в 1703 г. он приказал устроить почту от Киева до Белой Церкви. Гетман Мазепа очень интересовался почтой, но из корыстных побуждений он просил, чтобы запорожским старшинам запретили посылать челобитные помимо почты, потому что боялся доносов, а почтовые отправления он мог перлюстрировать или перехватывать. В начале XVIII в. южная почта работала весьма четко, но вскоре она пришла в упадок и весь остаток века влачила жалкое существование.

Московская почта

Самый старый почтовый двор находился в Кремле. Каждый приказ самостоятельно рассылал свою почту. Частные письма принимались для пересылки по почте в здании Посольского приказа. Здесь работали первые почтмейстеры: Фан Сведен, оба Марселиуса и Андрей Виниус, который стал московским почтмейстером 4 декабря 1675 г. В 1693 г. он организовал Архангельскую почту, но вскоре после этого формально передал заведение почтой своему сыну Матвею, хотя сам продолжал ею управлять. В конце 1690-х гг. Петр I сделал ему выговор за плохую организацию почты, а в 1701-1703 гг. забрал у него заведение почтой и передал П. П. Шафирову.

После 1701 г. почтовыми делами в Москве занимался бывший секретарь Виниуса, Томас Фадемерхт, но вскоре Шафиров оставил в его ведении только прием писем от иностранцев. Заведовать почтовой гоньбой и приемом писем в разные города России был назначен подьячий Меркул Правдин. Его имя упоминается с 1703 г. Хотя он нес всю тяжесть организации скорой гоньбы, в 1722 г. он получил самый низший чин (14-ый) по «Табели о рангах». Видимо почтмейстеров тогда очень высоко не ставили.

В те времена почтовый двор представлял собой место, окруженное крепким частоколом с накрепко запертыми воротами или глухими, без окон, стенами хозяйственных построек. Во дворе стояли жилые и хозяйственные постройки. Перед домом почтмейстера находился «чистый двор», вымощенный кирпичем. В хорошую погоду — на нем, в ненастье — в сенях, собирались люди, пришедшие получить или послать письма. Здесь, за небольшую плату, писец мог написать письмо или челобитную. Тут всегда были наготове для посетителей бумага, воск и сургуч разных цветов. Знатным людям почту приносили на дом, а простые за ней приходили сами. Если почта сильно запаздывала, то бывало, что нетерпеливые получатели избивали почтаря.

В старину не было правил, как писать адреса, а писали как хотели. Письма на имя царя писали с его полным титулом. Канцлер Головкин получал письма с адресом: «Всемилоستивому государю кавалеру и графу Гавриле Ивановичу». Петр из Архангельска как-то послал письмо царице Наталье с адресом: «Поднести матушке». Некий Афонька Зыков написал: «Приятелю моему Федору Васильевичу».

Раньше чем сдать письмо на почту, его запечатывали. Было два вида упаковки: пакетом и конвертом. При упаковке пакетом, письмо складывали так, что получался квадрат, который перегибали пополам. Края прямоугольника протыкали ножом и в прорези вставляли тонкую полоску бумаги, края вставки складывали крест накрест и запечатывали печатью отправителя. Более новый способ упаковки конвертом был таков: квадратный лист бумаги (письмо) загибали углами внутрь в сторону текста, так получался конверт; на углы капали сургуч и наклеивали прямоугольный кусочек красной бумаги, так получалась облатка. Для того, чтобы предохранить облатку, накладывали полоску белой бумаги — кустодию. Но это бывало редко, чаще письмо просто заливали сургучем, а затем запечатывали печаткой-перстнем или тем, что попадет под руку — монеткой, геммой или просто концом ножа.

Запечатанное письмо несли на почту. Почтмейстер заносил каждое письмо в специальную «записную книгу». Для каждой посылки почты отводилась целая страница. Наверху надписывали номер почты, год и день отправления. Затем страницу расчерчивали на несколько столбцов, в которых записывали фамилию отправителя, вес письма и стоимость пересылки. Казенную корреспонденцию записывали после частных писем. Для нее вес и стоимость пересылки не указывали, т.к. она шла бесплатно.

Когда почта уходила, записывали, какой почтарь и в каком часу повез. Все графы не всегда заполнялись. Виниус, например, не очень любил записывать стоимость посылки писем.

Всю принятую корреспонденцию заворачивали в бумагу, перевязывали веревочкой и запечатывали сургучной печатью. Такая пачка называлась «связок». Если письма были в разные города, то делали для каждого города отдельный связок. Письма за границу запаковывали в один связок. Почтовая сумка, в которой были связки, тоже запечатывалась сургучной печатью. На то, какая была печать, не обращали внимания; требовалось лишь, чтобы она была одна и та же на все время работы почтовой трассы. В 1693 г. Виниусу приказали запечатывать почту «своей» (т.е. личной) печатью. В 1701 г. тот же приказ был отдан Шафирову. Военно-полевая почта имела свои печати. Сохранилась круглая сургучная печать с надписью в три строки: «почта — смосквы — вполки».

После 1701 г. число почтовых линий сильно возросло и каждая линия имела свою печать. Эти печати не имели дат, т.к. даты писались на упаковке. Календарные печати широко употреблялись с середины XVII в. только в таможнях. Печати были месячные и годовые. Месячных печатей таможи должны были иметь по 12 штук, по одной для каждого месяца, а годовые печати заменялись каждый год. Иногда таможенные печати употреблялись для запечатывания почтовых сумок. С 1707 г. на печатях стали появляться двуглавые орлы.

Почта в «Город» (Архангельск)

Еще со времен Ивана Грозного, английские и голландские корабли начали приплывать в устье Северной Двины, где образовался новый «город», как его тогда называли, теперешний Архангельск. Купеческие обозы шли из Москвы через Вологду и Холмогоры в Архангельск. До Вологды тракт был более или менее урегулирован, а дальше шли бесконечные, дремучие леса, в которых редкие поселения были обнесены деревянными стенами и, поэтому, назывались «городами».

В Смутное время Москва потеряла выход к Балтийскому морю, и значение Архангельска как единственного русского порта возросло.

Хотя еще в августе 1668 г. Ордин-Нащокин пытался организовать регулярную почту в Архангельск, чтобы более быстро

доставлять правительственные распоряжения в северные города и получать ответы от местных воевод, она была учреждена только четверть века спустя. Указом от имени царей Ивана V и Петра I было приказано устроить с 1-го июля 1693 г. постоянную почтовую гоньбу от Москвы до «города». Почта должна была приходить на восьмой или девятый день, пройдя расстояние в 1200 верст. Это была тогда самая длинная почтовая линия в Европе.

Казенная почта доставлялась не только в места, лежащие по Архангельскому тракту, но и в «ближайшие города». Грамоты, адресованные в Устюг Великий, Соль Вычегодскую, Яренск и Каргополь вынимались в Вологде и посылались с нарочными гонцами, а адресованные в Кевроль, Мезень и Пустозерск посылались до Архангельска. Почтарь вез две сумы: в одной были письма, адресованные в Архангельск и «ближние» города — и ее открывать в дороге не разрешалось, — а в другой были письма в города, лежащие по дороге. Почтарь был обязан сдавать письма по месту назначения, а так как ему было запрещено задерживаться на месте больше чем на час, почту приготавливали заранее. Если почтари забывали передать почту и проезжали дальше, их штрафовали, но это бывало редко. Воеводам было запрещено посылать нарочных гонцов, чтобы не было лишнего расхода казне, а ямским старостам запретили давать лошадей и подвод по воеводским подорожным. Так как содержание почты стоило государству дорого, то в том же 1693 г. Архангельскую почту передали Винуису. Северная почта двигалась чуть ли не втрое быстрее ямских обозов, не уступая в скорости царскому поезду.

Почта за «Камень» (в Сибирь)

Русские начали проникать в Сибирь в середине XVI века. В декабре 1582 г. Ермак Тимофеевич послал атамана Ивана Кольцо к царю Ивану Грозному с подарками ценных мехов и письмом, в котором сообщал о покорении Сибирского царства. Первые сибирские ямы стали учреждать при Борисе Годунове между 1598 и 1600 гг. До 1598 года дорога в Сибирь шла только по воде: от Тюмени вниз реками Турою, Тоболом, а затем вверх Тавдою и опять вниз Вишерой, мимо города Чердыни до Соликамска. Здесь уже в середине XVI в. существовал ямской стан, через него шли дорогие сибирские меха, а обратно везли денежное жалование и зерно служилым людям. Дорога была очень длинная. Зимой

ездили на санях по рекам, а летом плыли на лодках по тем же рекам. Весной в половодье и осенью до морозов движение совсем прекращалось.

При Борисе Годунове устроили почтовую дорогу от Соликамска на Верхотурье и Тюмень и основали тюменский ям. В те времена от Соликамска до Верхотурья считалось 250 верст, а от Верхотурья до Тюмени около 700.³ Сначала хотели устроить гоньбу при помощи местных людей, как в Европейской России, но из этого ничего не получилось: в 1598 г. все мужское население уральских стойбищ было 30 человек, а лошадей для гоньбы прислали 320. Пришлось нанимать местных жителей-вогулов. Вогулы не привыкли к лошадям и не желали отказываться от охоты. Они не хотели «без дела», как им казалось, разъезжать по дорогам, бросали лошадей и уходили на охоту за зверем. Пришлось искать желающих гонять почту в Европейскую Россию. Приказали набрать 100 добровольцев для Демьяновского (Тобольский уезд) и Самаровского (Сургутский уезд) стана, которых снабдили всем необходимым.

Такой организацией станов в Сибири оставались довольны и правительство и ямщики, и она просуществовала до 30-х годов XVIII в. Число добровольцев на сибирских станах росло каждый год, и в первой четверти XVII в. их уже было около 2000 человек. Условия почтовой гоньбы в Сибири были крайне тяжелые, из местных жителей добровольцев почти не находилось и поэтому там брали всех, кто только соглашался работать. Упрощался и порядок выбора, за ямщика должен был ручаться только священник его прихода. Он подписывал «излюбленный список», что кандидат — «человек добр, семьянист и не пьяница и животом прожиточен и государеву ямскую гоньбу ему гонять мочно». Эта формула была одна и та же на всю Россию.

Кроме «подмоги» и бесплатного проезда в Сибирь, ямщики получали и другие льготы: их на 3 года освобождали от уплаты старых долгов, взносов в царскую казну и местных налогов. В 1615 г. верхотурских ямщиков освободили от уплаты «сенных денег». Если они ехали из Верхотурья со служилыми людьми или с почтой, то на обратном пути они шли по вольному найму с товарами торговцев. Сенные деньги брали с них только, если они ехали по вольному найму. В 1648 г. их освободили от уплаты

³ До Петра Великого сажень и верста были несколько меньше чем впоследствии: сажень была равна 1 метру и 96 см., а верста — 500 сажений, т.е. 977 м. и 90 см.

«выдельного хлеба» со своих пашен, т.е. налога на урожай натурою.

В начале XVII в. в Сибири не было никакой промышленности и все привозилось туда из Европейской России. Ямщики привозили из Соликамска всякие хозяйственные товары, которые выменивали на меха, и на этом хорошо зарабатывали. Когда торговцы попробовали перекупать меха у местных жителей, и ямщикам оставались только самые плохие, то они подали об этом челобитную, и Борис Годунов запретил торговцам перекупать меха ямщиков.

Когда создавали Верхотурский ям, ямщикам дали по 20 рублей на пай и по 12 четвертей ржи.⁴ Обычно на семью приходился один пай, но если в семье гоньбу делали два-три человека, то каждый получал пай. Сибирские ямщики получали почти столько же, сколько ямщики, гонявшие из Москвы в Новгород и Псков, но им приходилось гонять в 10 раз меньше. Простым ямщикам, кроме того, нарезали по 15-20 четвертей пахотной земли,⁵ а старосты получали вдвое больше.

До 1687 г. расстояния в Сибири не были измерены, и из-за этого часто возникали споры. Наконец правительство царевны Софьи прислало боярского сына с подьячим и двумя целовальниками и приказало им вымерить все дороги, по которым ездят ямщики, «указной» верстой в 1000 сажений (1955,8 м.). В следующем году комиссия привезла в Москву роспись сибирских трактов, по которой стали вычислять прогоны для ямщиков. В то время ямщику полагалось по 3 деньги (полторы коп.) за каждые 10 верст. От Соликамска до Верхотурья считали 500 верст, а по перемеру вышло только 140. Раньше за этот прогон ямщик получал 75 коп., а теперь ему полагалось только 21 копейки. Ямщики стали роптать и убегать, тогда правительство распорядилось давать им двойные прогоны. Это улучшило положение, но все же ямщикам платежи сократились.

В Сибирь тогда было два пути: летний, южный, был короче и вел по линии Москва-Владимир-Муром-Нижний Новгород-Козьмодемьянск-Казань-Ижевск-Егоршино-река Чусовая-верховье реки Туры; и зимний, более длинный, который вел по линии Москва-Ярославль-Вологда-Шуйский ям на Сухоне-Тотьма-Вели-

⁴ Четверть, как мера объема, равна 209,91 литра.

⁵ Четверть — старинная мера площади. Ее размер зависил от качества земли: на хорошей земле четверть была равна половине десятины (гектара). Размеры покосов определялись «на глаз».

кий Устюг-Яренск-Пелым-Соликамск-Верхотурье. На зимнем пути чаще стояли станы и больше проживало ямщиков. В середине XVI в. был основан Архангельский порт, и движение между Соликамском и берегом Белого моря оживилось. Драгоценные меха из Сибири шли прямо в Архангельск, минуя Москву.

Посылать частные письма в Сибирь или из Сибири — в Европейскую Россию запрещалось. Почему — неизвестно, но посланные письма отбирались, завертывались в лист бумаги и клались на «кладовые возы» с отобранной контрабандой — мехами, драгоценными камнями и металлами.

Население Сибири росло, купеческие караваны шли в Китай. Все острее чувствовалась надобность регулярного обмена сообщений между Европой и Азией и необходимость регулярной почты. По поручению Петра I, в ноябре 1698 г. Виниус отправил сибирским воеводам наказ «О сборе в сибирских и поморских городах с товаров таможенных пошлин». Пункт 22 этого наказа говорил об организации регулярной ямской гоньбы во все сибирские города. С этого времени началась регулярная доставка писем в Сибирь. Письма частных лиц стали приниматься без ограничения. К наказу была приложена «Роспись платежная грамоткам», устанавливающая почтовые тарифы на отправления в Сибирь. В сибирской почте правительство впервые упоминает о тайне переписки: «И отнюдь ни чей грамотки не распечатывать и не смотреть, чтоб всяк, заплатя достойную плату, был обнадежен, что его грамотка в дом к нему дойдет».

После установления регулярной почты всем приказам в Москве приказали посылать всю корреспонденцию только через почту и не отправлять своих гонцов. Местным воеводам приказали отписки готовить заранее, чтобы не было задержки. Почта-рей следовало отпускать в тот же день или «в силах» на другой. О скорости доставки сибирской почты данных почти нет. Одни утверждают, что сибирская почта шла год и больше, а генерал Патрик Гордон, который часто пользовался почтой, говорил, что почта из Тобольска в Архангельск доходила к нему в два месяца и два дня.

Сибирская почта была убыточна для государства. Оплата прогонов ямщикам в один конец до Иркутска стоила в общей сложности 16 руб. 33 коп., а за 8 почт выручили только 179 руб. и 70 коп. В летние месяцы почта уходила из Москвы каждого первого числа, а дальше шла «по способности».

Почта в Азов

В 1695 г. Петр I отправился с войском к устью Дона и осадил турецкую крепость Азов, которая закрывала доступ к Азовскому морю. Для участников этого похода письма и пакеты доставлялись через Воронеж. Первая азовская почта работала только два месяца, с июля по август 1695 г.

В Воронеже Петр строил суда, т.к. без них не мог взять Азов. Это вызвало необходимость создания новой почтовой линии, но и эта линия была временной: «Той почте быть покамест ратные люди с Воронежа под Азов пойдут». Когда Азов был взят и войска возвращались в Россию, почта больше не была нужна. В конце сентября 1696 г. был издан указ о прекращении почты от Москвы до Воронежа.

Воронежская почта

В 1700 г. Петр I готовился к войне со Швецией. Он знал, что победить морскую державу без флота невозможно, а флот строился в Воронеже; поэтому указом от 12 февраля 1700 г. Петр опять учредил почту от Москвы до Воронежа. Одновременно с Воронежской почтой, снова организовали почтовые станы в Валуйках, Паншине, Азове и Таганроге. Но пересылка писем была случайной, по мере надобности, хотя она и называлась «почта». Был также установлен тариф и для частных писем. На Воронежской почте действовали те же правила, что и на Архангельской. Ямщики должны были гонять «наскоро в час верст по одиннадцати». Почтари должны были «расписываться в проезжих столбцах в котором числе и часу и который почтарь с почтою на стан прибежит и кто именем». На смену лошадей давали только полчаса, тогда как на Архангельской линии давали час.

Почтари очень изнурялись; сначала были только две смены — в Туле и Ефремове — и почтари стали разбегаться. Тогда Петр приказал сменять гонцов также в Серпухове, Богородицке, Ельце и Хлевном. Темпы гоньбы, в общем, не увеличились, но сообщения вроде такого, как «почтарь Васька Букин уснул и письма к тебе, великому государю, в реке утопил», — прекратились.

Смена почтарей происходила в приказной избе. Почтарь сдавал почтовую сумку подъячему, тот проверял цельность печатей.

тей и записывал приехавшего в столбец. Новый гонец принимал корреспонденцию и ехал дальше. Если что надобно было вынуть или вложить в сумку, ее вскрывали в присутствии воеводы. Письма, адресованные в город, забирали, а сумку запечатывали воеводской печатью. Только воеводы Тулы и Воронежа имели право открывать сумку. Письма из промежуточных городов почтари везли в отдельных свертках, которые вкладывались в сумку только в Туле или Воронеже.

Все расходы по организации Воронежской линии нес Разрядный приказ. Он платил ямщикам, заготавливал корм для лошадей, давал почтарям форменные зеленые кафтаны, шубы, сапоги и т.д. Вinius принимал письма в Москве и брал «весовые деньги» за пересылку. В городах почту принимали воеводы.

Стоимость пересылки зависела от веса отправления и расстояния, на которое его посылали. Из Москвы в Воронеж брали по 2 алтына (6 коп.) за золотник. В Азов письмо стоило 4 алтына (12 коп.). С каждой почтой посылалось до 30 писем. Доход от писем был 10 рублей в неделю, что едва покрывало расходы.

«Под жестоким страхом и под смертной казнью» должны были почтари беречь почту. В 1700 г. ефремовский воевода доносил, что на «стрельца Василия Осипова, сына Букина, напали два татя с дубьем и хотели отнять почту, но почтарь не испугался и избил татей плетью, а одного затоптал конем на смерть». В следующем году Разрядный приказ «дал Букину по шапке», что в те времена означало, что данное лицо было награждено шапкой из красного зверя, т.е. волка, бобра или куницы; обычные же люди ходили в «заячьих треухах». Нигде так строго не наказывали за оскорбление почтарей и остановку гоньбы, как на Воронежской линии. В 1700 г. краснокутского воеводу, по приказу Ромодановского, посадили на три дня в тюрьму за то, что задержал на полдня почтаря, ехавшего из Таганрога. В 1696 г. сотник Крюгер, немец на русской службе, отколотил почтового стрельца, а его жена сорвала с него бляху с двуглавым орлом и бросила в «непристойное место». Когда Петру доложили об этом, он приказал их наказать, после чего им прочитали указ, что за оскорбление почтаря они заслужили смертную казнь, но лишь ради их «иноземства» великий государь смягчил кару.

Почта в Воронеж и дальше в Азов подчинялась Разрядному приказу, управлявшему всеми делами на юге, а с 1718 г. — Адмиралтейств-коллегии.

Война со Швецией

19 августа 1700 г. Петр I объявил войну Швеции. Россия готовилась к войне в глубочайшей тайне, поэтому в марте 1700 г. была введена «гласная цензура частных писем». Вся корреспонденция приносилась на почту незапечатанной, и на почтовых дворах внимательно прочитывали все письма, идущие за границу. Если находили в них военные вести, то их посылали в Посольский приказ на дальнейшее рассмотрение. Это распоряжение Петра было вывешено на почтовых дворах и доведено до сведения всех иностранцев, живших в России. Принятые меры были очень эффективны — шведы не ожидали войны с Россией.

После разгрома русских войск под Нарвой, Петр занялся перестройкой армии и всей экономики страны. Реформы затронули и почту. Поправляются старые тракты и прокладываются почтовые линии «в полки», в места предполагаемых военных действий. Особенно спешно стала развиваться военно-полевая почта с 1701 г. Петр приказал установить спешную почту между армиями Б. П. Шереметева и П. М. Апраксина, которые в то время сражались в Ингрии и Лифляндии. Установили почту и между С.-Петербургом и Нарвой. Сначала она работала очень нерегулярно, и в 1706 г. ее реорганизовали.

В конце XVII в. Петр был занят на юге и почтовая линия Москва-Псков пришла в упадок. Когда Петр возвратился в Москву после поражения под Нарвой, он нашел там полную разруху: часть ямщиков разбежалась, другие пошли в кабалу к монастырям и помещикам, а те позахватывали ямские земли. Несмотря на то, что и монастыри, и помещики ссылались на документы 200-летней давности, Петр издал указ об установлении ямских станов от Москвы до Пскова и дальше до Орешка (Шлюссельбурга) по «строельным книгам» 1586 г., а почтовой гоньбы — по книгам 1680 г., и приказал «прибрать в ямщики» всех тех, кто раньше ими был, а затем перешел в кабалу. Но этого было мало: он приказал объявить набор охотников, а затем забрал 129 «вытей» (выть — мелкая податная единица, чаще всего состоявшая из 4 семей) из монастырских крестьян. Больше всего пострадали от этого Иверский монастырь и новгородский Софийский собор. Ямщики получили привилегии, но зато должны были гонять не опаздывая и под страхом смертной казни. К середине лета 1701 г. ямщиков было уже достаточно.

Почта в Арктике

Во время войны шведы неоднократно прерывали рижскую «заморскую» линию, и Петр I искал новые пути для нее. Указом 1704 г. Петр установил регулярную почтовую гоньбу от Архангельска, через Кольский Острог (теперь город Кола), до «дацкого рубежа». Тогда Норвегия принадлежала Дании и норвежская граница была «дацким рубежом». Для организации почты был послан капитан Никита Басаргин, который на расстоянии в 1124 версты устроил 64 стана. На каждом стане поставили по два стрелца. Условия доставки почты были ужасные. Почта шла дикими, не населенными местами. «А в тех местах мхи великие, и грязи и места теплые» писал Петру Архангельский воевода Ф. А. Головин. Тучи комаров и мошек не давали покою ни днем, ни ночью. Начались болезни, на станах не хватало кормов. На оленях можно было ездить только зимой и то не везде. Из-за этого почтари летом часто шли пешком, а зимой — на лыжах, и все же почта доходила до норвежской границы, города Вардегуз (теперь Варде) за три недели! Самая северная почта в мире действовала только 32 раза, но почти каждую неделю. Она не только доставляла письма Петра к датскому королю Христиану, но также и частные письма. В 1704 г., когда были взяты Нарва и Юрьев Ливонский, Рижская линия была восстановлена, а в начале 1705 г. царским указом почта через Кольский острог была отменена.

Северная почта

Почтовая гоньба ложилась тяжким бременем на жителей ямских слобод и окрестное население. Особенно было тяжело ямщикам, гонявшим от Вологды до Архангельска, т.к. им не платили прогонов. Ямщики жаловались, что с них берут еще ямские и мирские подати. Ямщиков Вакоминского яма, которые жаловались в 1694 г., освободили от всех других податей. В начале XVIII века важские и двинские почтари были освобождены от всех других повинностей и им начали платить прогоны, а в 1738 г. им разрешили продавать вино на всех станах между Вологдой и Архангельском, а цену за вино установили «вдвое против государева». Скоро Архангельская почта стала образцовой, а по ее примеру стали устанавливать почту в «знатные» (губернские) города.

С Архангельской почтой связана и первая установка обмера дорог. В мае 1702 г. Петр приказал устроить большую дорогу от Москвы до Вологды. Был издан большой том, в котором подробно описана вся дорога, мосты, гати и топкие места. Ширина дороги была в 20 сажень и 3 аршина (41 м.).

Почта в полки

Когда в 1708 г. Карл XII решил оставить Польшу и идти на Москву, Петр I организовал почтовую линию Смоленск-Витебск. Витебск тогда принадлежал Польско-Литовскому королевству, но Петр распорядился в нем как у себя дома. В Витебске на почте Петр приказал отпустить польских служащих и заменил их русскими солдатами. Станы устроили на каждые 20 верстах. Немного раньше, в 1707 г. Петр установил еще одну линию: Борисов-Быхов, через Копысь и Могилев. В конце 1708 г. было увеличено число почтарей и лошадей на старых линиях: Брянск-Калуга, Глухов-Воронеж и Сумы-Курск, и соединили Новгород-Великие Луки, Витебск-Копысь и Быхов-Чернигов.

Сначала вся корреспонденция «в полки», как казенная, так и частная, отправлялась со двора Шафировова, но в 1703 г. была образована Ингерманландская канцелярия, заведовавшая делами возвращенных русских земель, и тогда почта «в полки» стала ходить два раза в неделю: из Ингерманландской канцелярии по вторникам, только казенная, а по пятницам из Посольского приказа, с частными письмами.

Право давать подорожные на ямские и почтовые подводы имели только Шереметев и Апрашкин — из армии и Меншиков, главный министр Головкин, вице-канцлер Шафиров и смоленский воевода Салтыков — из тыла.

Название «полевая почта» появилось в 1712 г., но не установилось до опубликования Воинского устава в 1717 г., когда стали говорить «о чине полевой почты». Через полевую почту посылали донесения главнокомандующего царю или в Военную коллегия, рапорты отдельных командиров, велась переписка между армиями и посылались письма офицеров родным и приятелям. Полевая почта редко распространялась больше чем на 100 верст. В 1711 г. солдат начали заменять ямщиками и линии становились постоянными.

Служащие полевой почты носили форму своей части, кроме того имели черную сумку через плечо с двуглавым орлом, а на

груди бляху с двуглавым орлом. Курьеры возили письма за обшлагом мундира и сумки не имели. С изданием «Воинского устава» появился термин «постильон», позднее ставший «почтальон». Термин «почтарь» стал употребляться все реже и реже и к 1725 г. исчез совсем.

«Санктъ-Питербурхская» почта

В 1703 г. начала работать почта из С.-Петербурга в Москву. До 1714 г. почта в Ингрию была «почтой в полки». Она формально подчинялась Меньшикову, губернатору, но управление было в руках военных, главным образом — моряков. Почтовую гоньбу организовали между С.-Петербургом и Новгородом, т.к. из Новгорода в Москву почта уже ходила хорошо. Расстояние от С.-Петербурга до Новгорода было определено в 217 верст, и поэтому уже в 1704 г. число станов было увеличено до 7. По этой дороге ездили главным образом верхом. По-видимому она была неудобна для повозок, и путешественники добирались из Новгорода в С.-Петербург кружным путем через Шлюссельбург. В 1707 г. учредили станы от С.-Петербурга до Новгорода на каждых 2 милях (14 верст) и на каждом стане поставили по 10 лошадей.

Начиная с того же 1707 г. начали прокладывать дороги и по другим направлениям. Особенно важной была линия на Ригу, по которой с 1714 г. пошла почта за границу. До 1714 г. она шла через Мемель (Клайпеда) до прусской границы. В 1712 г. открыли линию С.-Петербург-Каргополь, а от Каргополя до Архангельска она работала еще с конца XVI в. Поскольку первые линии были военно-полевые, они существовали пока в них была надобность. Остались только трассы Москва-С.-Петербург и С.-Петербург-Рига.

В начале XVIII в. езда на трактах не была безопасной. Шайки беглых солдат и крестьян нападали на проезжающих. В С.-Петербургской губернии для охраны почты на каждом стане стояли солдаты, которые сопровождали почту от стана до стана. В 1712 г. солдат сняли, а на их место приказали становым надзирателям взять по 5 мужиков для караула.

В петровскую эпоху ямщики имели больше разгонов, но их материальное положение не ухудшилось. Они обладали всякими привилегиями, получали денежное и хлебное жалованье, земельные наделы, были освобождены от многих новых налогов, пошлин и повинностей. Единственно от чего они не были освобожд-

дены — это от рекрутчины, и их забирали в драгуны. Правительство приказало, чтобы прогонные деньги, следуемые ямщикам, записывались в подорожной, и почтовые надзиратели должны были требовать их полностью с проезжающих, а если кто уклонялся, то доносить по начальству, и с тех брали прогонные вдвое. В 1713 г. вышел новый закон, требовавший, чтобы прогонные деньги давались в руки ямщикам, а не посылались в приказ. Этот порядок просуществовал до революции.

В 1712 г. С.-Петербург стал столицей русского государства. В 1713 г. Петр I подписал указ об установлении станов в С.-Петербургской губернии и о поселении на них ямщиков из других мест. Указы 1720 и 1722 гг. закрепили ямщиков «навек» за почтовой гоньбой, но все же их положение было лучше, чем остальных государственных крепостных. Петр и его сотрудники понимали важное значение почты и старались улучшить быт ямщиков. С 1714 г. частным лицам было разрешено пользоваться ямскими и почтовыми подводами, но они платили вдвое больше, чем едущие по казенным делам. В 1714 г. Сенат объявил об открытии регулярной гоньбы от С.-Петербурга до Москвы, а затем была учреждена почта в Ригу, Ревель и Пернов.

Вместо золотника на линии из С.-Петербурга в Ригу впервые ввели весовую единицу для писем: «лот» (лот был равен 3 золотникам или 12,797 гр.). Была учреждена и соответствующая такса. Много приходилось платить «ремизов», т.е. денег за пересылку русской корреспонденции за границу. В 1720 г. только за письма «в царских интересах писанные» пришлось заплатить мемельскому почтамту 3163 рубля 78 копеек.

С.-Петербургский «Почтовый двор» был открыт в 1714 г. Сначала это была небольшая мазанка, которая стояла около Троицкой пристани на Неве. Оттуда начиналась «перспективная» дорога на Москву, теперешний Невский проспект. В 1716 г. построили большое двухэтажное здание на Миллионной улице, на месте, где теперь стоит Мраморный дворец. В нем не только принимали и отправляли почту, там могли останавливаться проезжие и в нем устраивались большие увеселения. Петр часто устраивал в новом почтамте «некоторым праздникам и викториям торжества» и бывал там на свадьбах своих приближенных. В 1714 г. почтовый двор получил свою печать, которая оттискивалась в сургуче. Она была диаметром в 28 мм., в середине ее находился двуглавый орел, а по кругу шла надпись: «St. Pietersburgs Post-Comp-toir».

В 1716 г. почт-директором С.-Петербургского почтамта был

назначен Фридрих Юрьевич Аш, немец, приехавший в Россию в 1707 г. Он прослужил в этой должности 67 лет и умер в 1783 г. ста лет от роду. Ранее, Аш принимал участие в сражении под Полтавой и в Прутском походе как начальник армейской почты. Петр был им доволен и подарил ему 1000 рублей за честность и исполнительность. Он не обладал особенным воображением в исполнении своих обязанностей, но был точный исполнитель приказов свыше. Он был беззастенчивый перлюстратор чужих писем, в особенности иностранных дипломатов.

В 1704 г. Петр построил крепость на острове Котлине, защищавшую С.-Петербург с моря и назвал ее Кроншлот, который позднее стал Кронштадтом. Появилась необходимость связи крепости с городом. Петр потребовал от Адмиралтейства установить почту на остров. Курьеров отправляли из Адмиралтейства на парусных и весельных ботах. В 1707 г. на Котлине начали строить новую крепость, постройкой которой заведовал Меньшиков. Он приказал организовать почтовый тракт до Ораниенбаума (теперь Ломоносов). Курьеры из С.-Петербурга до Ораниенбаума (40 верст) проезжали без смены лошадей. Была почтовая станция в Петергофе (теперь Петродворец), но там лошади стояли только для «его царского величества нужд», и получить их мог только курьер из Петергофа, летней резиденции Петра. Курьер из Ораниенбаума летом отправлялся в Кроншлот в шлюпке, а зимой пешком по льду, в сопровождении двух матросов. Курьеры получали подорожные и прогонные деньги из Военно-Морского ведомства. Через Финский залив курьеров переправляли бесплатно. Чаще всего их посылали Петр или Меньшиков, или адмирал Апраксин, чьи посыльные ездили без прогонов. В 1716 г. закончили постройку крепости и гавани на Котлине, и следы почты на Котлине теряются. Вероятно она шла прямо из Адмиралтейства по воде.

В 1721 г. Петр приказал установить почту из С.-Петербурга в Кронштадт. Ямская канцелярия поставила по 3 лошади в Стрельне и Ораниенбауме. Новая почта была курьерской и подорожные на нее выдавались в Ямской канцелярии и кронштадскими командирами. В 1725 г. сухопутная почта была упразднена и все письма в Кронштадт посылались по воде. Частные письма стали возить в Кронштадт только с 1727 г., а с конца 1732 г. частные письма не посылались зимой и их оставляли ждать до вскрытия льдов.

В начале 1724 г. Петр приказал построить 8 пакетботов и назвать их «Почт-горн», «Почт-Ваген», «Флигель-Дефам», «Курьер», «Постильон», «Меркуриус», «Фортуна» и «Ласка».

Пока они строились, для почты приспособили два старых фрегата «Св. Яков» и «Принц Александр». Первые регулярные почтово-пассажирские морские перевозки начались в апреле 1724 г., когда фрегат «Св. Яков» пошел в Любек. Суда уходили в Германию раз в неделю и находились в пути 5 дней. В июле начались рейсы в Данциг и из Кронштадта выходили одновременно 4 пакетбота: два в Любек и два в Данциг. В день отплытия почту привозили в Кронштадт на буерах из С.-Петербургского почтамта. Путешественники сдавали свой багаж заранее. Объявления об отплытии кораблей вывешивались в разных местах, а с 1725 г. также печатались в *Ведомостях* Академии Наук. С.-Петербургский почтмейстер принимал почту от иностранных купцов и запечатывал ее в два пакета, на одном писали «Любек», а на другом «Данциг». На мешки ставили сургучный штемпель почтовой конторы. По прибытии на место корреспонденция сдавалась местным почтмейстерам.

С 1728 г. за письма брали по 20 копеек за лот до Данцига и 40 коп. до Любека. Пассажиры платили до Данцига по 3 ефимка (талера) и могли взять с собой бесплатно до 100 фунтов багажа, а за бóльший вес доплачивали. Пакетботы, ходившие в Данциг, заходили в Ревель и Дагерорт. За проезд в Дагерорт платили по 1 ефимку. С 1727 г. Адмиралтейство использовало пакетботы как учебные суда. Для посылочной службы строили быстроходные и хорошо вооруженные суда; многие из них позднее отличались в бою.

Почта к Тихому океану

В 1733 г. целый ряд экспедиций был послан для исследования Северной Сибири и Дальнего Востока. По желанию адмирала Н. Ф. Головина, президента Адмиралтейства-коллегии, который руководил этими экспедициями, отдельные отряды должны были быть связаны с С.-Петербургом почтой. Так был основан самый длинный тракт в мире, 12.745 верст от С.-Петербурга до Охотска.

Можно себе представить сколько могла стоить такая почта, если во время первой экспедиции Беринга в 1725 г. он и спутники получили прогонных денег от Вологды до Тобольска по 1000 рублей. Ехали они на ямских и уездных подводах. На Камчатке не только не было почты, но и приличной дороги. В 1727 г. Сенат доносил Екатерине I, что якутский воевода Елчин нашел более безопасный и близкий путь до Охотска. Ехали до Якутска Леною,

затем Алданом, реками Маею и Юдомою, вверх до Юдомского волока, через волок до реки Урак на лошадях, а затем вниз по Ураку, который впадает в Охотское море. Берингу было приказано присылать рапорты в коллегия ежемесячно. Он должен был часто посылать рапорты и письма, но не только от Тобольска до Охотска не было регулярной почты, но не было ее и до Тобольска, а посылать каждый раз с нарочным было очень дорого. Поэтому было приказано Сибирскому приказу снести с ямским и выяснить, на каких условиях была установлена почта в Зауралье, а затем, узнав, учредить почту от Москвы до Тобольска два раза в месяц. Требовалось, чтобы почта ходила от Тобольска, через Енисейск, до Якутска раз в месяц, а от Якутска до Охотска раз в два месяца. Так как Беринг уже раньше был на Камчатке и знал дорогу, то ему предложили помочь воеводам найти между Якутском и морем удобные места для поселения ямщиков, а воеводы должны были сами найти средства для поселения добровольцев вдоль большой дороги. Так как желающих было трудно найти, то власти разрешили устраивать русские и якутские деревни на Охотской дороге.

Сибирский губернатор тогда решил, где именно надо поставить станы от Тобольска до китайской границы и от Илимска до Якутска, сколько почтарей должно быть на станах и по каким дням они должны ездить. Хуже было от Якутска до Охотска: места гористые и пустынные и там никогда не было поселений. В январе 1734 г. Беринг послал лейтенанта М. Плаутина найти места, где можно было бы поселить ямщиков от Якутска до Ускутской слободы. Копию рапорта Плаутина Беринг послал Сибирскому губернатору. Линию между Якутском и Ускутской слободой прокладывал геодезист Д. Баскаков. В 1735 г. на станциях поселили якутов и каждому дали по две лошади. На следующий год, когда Беринг проезжал со своим отрядом, он сообщал, что до Якутска все почтари были на местах, а дальше, на пути к морю, все разбежались и никого не осталось.

Путь от Якутска к морю был не только труден, но и опасен, поскольку там бродили отряды «немирных чукчей». Якуты, которых поселили на станах по 2-4 человека, боялись чукчей и при их приближении убегали. Почта от Якутска до Охотска ходила в сопровождении вооруженного конвоя и с ясашными проводниками. Зимой от Охотска до Майской пристани почта шла на лыжах, что даже «короткой дорогой» было 600 верст. Как работала почта, Беринг не знал, но запрос, посланный из С.-Петербурга 14 апреля 1740 г., был доставлен в Охотск 24 августа того же года.

Сенат предложил устроить Сибирскую почту по образцу Архангельской и приложил рапорт комиссара Нерчинских серебряных заводов Бурцева, который организовал почту от Удинска до Нерчинска. По образцу Нерчинской почты были установлены и другие сибирские почты. Почту возили русские ямщики и ямщики из сибирских народностей: ханты, манси, буряты и якуты. Где не было ямов, местные жители давали по очереди по 4 человека с лошадьми и всей «рухлядью». Русские ямщики получали прогоны деньгами, а местные жители товарами — сукном и металлическими изделиями. Правительство строго приказывало не обижать местное население и выдавать товары под расписку. Прогоны в Сибири платили по 3 коп. за лошадь и 10 верст. Все частные письма участников северных экспедиций проходили цензуру. Сенат мотивировал это нуждой защитить приоритет России на географические открытия. По окончании второй Камчатской экспедиции почта из Якутска в Охотск была отменена.

«Чумная» почта

В 1770 г. Россия воевала с Турцией. Летом чума перешла Молдавскую границу, а в декабре появилась в Москве. Правительство приняло меры предосторожности от «прилипчивой горячки», как называли чуму, среди которых были правила проезда курьеров из Молдавии и Валахии. Предписывалось «все личные вещи курьеров и все депеши и другие пакеты надлежащим образом в уксусе обмачивать и потом на огне курением обсушивать». Курьеров, направленных непосредственно к императорскому двору, запрещалось задерживать в карантине больше трех часов. Их только осматривали и пропускали дальше, а всех прочих задерживали в карантине на шесть недель! Сенат издал указ, как поступать с письмами, пришедшими из армии: считалось недостаточным только снаружи облить уксусом упаковку, их надо было вскрывать и дезинфицировать. Человек, это делающий, должен был надеть перчатки из вошанки — ткани, пропитанной воском — и с помощью пинцета и ножниц вскрыть письма. Упаковка тут же сжигалась, а содержимое пакета окуривалось в густом дыму. Если в пакете была тетрадь, прошитая нитками или перевязанная лентой, ее следовало расшить, а нитки и ленту сжечь. Уничтожались и все остальные вложения, хотя бы там были и ценные вещи. Продезинфицированные письма запечатывали в новую бумагу, надписывали адрес и отправляли по назначению.

С января 1771 г. проезд курьеров в С.-Петербург был запрещен и в Торжке поставили заставу, на которой член Ямской канцелярии принимал письма от курьеров и регулярную почту. У него было для посылок 15 курьеров. Он и два его помощника принимали и обрабатывали письма, пришедшие из армии и зачумленных районов, записывали их в реестр, заворачивали в новую бумагу, укладывали в новые чемоданы и посылали дальше. Такие заставы были и в других местах. Карантинные смотрители могли задержать любого курьера, невзирая на то, кем он был послан. Разрешалось пропускать курьеров из неопасных мест и тех, у кого в подорожной была отметка, что они прошли карантин.

В конце 1771 г. чума в Москве была локализована и Москву окружили заставами. Курьеров из армии в С.-Петербург приказали не посылать через Москву, а установили специальную линию от Торжка до Серпухова. К осени 1772 г. чума в Москве прекратилась и заставы были сняты.

Московский почтамт

24 декабря 1724 г. были утверждены первые штаты Московской почтовой конторы. Чиновники ямского и «немецкого» почтамта получали по 345 рублей в год, а на всех остальных служащих, как почтальонов, служителей, рассыльщиков, сторожей, и на канцелярские расходы ассигновали 1227 рублей и 52 копейки. Этот бюджет составлялся из сбора почтовых денег. С 1725 г. московскую почту стали называть «почтамт», но до конца XVII века ее продолжали также звать «почтовым двором», «почтовой конторой», «немецкой» почтой и генеральным почтамтом, хотя до 1725 г. так звали заграничную и ямскую почту, а позднее — только С.-Петербургский почтамт.

Вначале «пост-директора» как Московского почтамта, так и С.-Петербургского оставались чиновниками 14-го класса («коллежский регистратор»). Только в 1744 г. они были произведены в подполковники, а в 1770 г. с.-петербургский пост-директор был произведен в чин статского советника.

В 1777 г. Московский почтамт разделили на 5 экспедиций, а через 20 лет их стало восемь: (1) канцелярия почтамта, (2) счетная, (3) прием и отправление денег и посылок, (4) раздача денежных кувертов, (5) отправление почт и прием частных писем, (6) разборка почт и раздача простой корреспонденции, (7) иностранная (прием и раздача всех видов отправления за границу) и (8) секретная.

Простые письма принимались 5-й экспедицией. В почтамте было 60 служащих, 2 цензора иностранных газет и журналов, 4 офицера, контролировавших работу почтовых станций, подчиненных почтамту, архитектор и его «архитектурный ученик», садовник и 2 лекаря. Почтовая команда имела 3 унтер-офицера и 60 письмоносцев. Охраняла почтамт «инвалидная команда» из 63 человек, помещения и двор прибирали 15 сторожей, а посетителей встречали 2 швейцара.

В старые времена письма на дом не разносились, а получали их на почте. Указом 1746 г. в С.-Петербурге и Москве было приказано выделить для разноски частной корреспонденции по одному «ямщику с лошадью... в каждой неделе одни сутки, в те дни, когда имеет приходиться почта». За разноску почты почтальонам ничего не платили, но это занятие считалось выгодным делом, т.к. они получали «добровольные пожертвования». Поэтому разноску писем выполняли по очереди и ямщики, и почтовые служащие.

В 1767 г. прекратили ямскую почту между Москвой и Смоленском, а затем и в Тулу. К 1782 г. все линии на юг и восток перешли в ведение Московского почтамта, и только сибирские линии остались в Ямской канцелярии. Раз в три месяца почтамт устраивал ревизии: посылались офицеры, которые проверяли наличие и состояние лошадей, сбруй, подвод, книг и порядок выплаты прогонов. В губернских почтовых конторах ревизоры сравнивали записи в книгах с картами, посылаемыми в Москву, и в случаях злостных нарушений, ревизор имел право сместить почтмейстера и на его место временно назначить секретаря.

Какие были доходы «немецкой почты» при Марселиусах, Винусе и Шафирове неизвестно, т.к. они считали почту своей собственностью и ведомостей никому не посылали. Ведомости стали поступать регулярно только после Шафинова. Первый рапорт покрывал период с 1 июля 1722 г. по 30 июня 1724 г. и сообщал, что наличный остаток за эти годы был 11.445 рублей, 8 копеек и 1 деньга. В 1795 г. Московский почтамт дал казне 28.405 рублей.

В 60-х и начале 70-х гг. XVIII столетия были открыты многие новые почтовые линии. В сентябре 1769 г. генерал-прокурор Сената А. А. Вяземский получил императорский рескрипт, который его обязывал следить за преумножением почтовых линий. К своему ответному докладу Вяземский приложил «Проект о заведении почтовых станций и о должности смотрителей». Этот проект был одобрен Екатериной II почти без изменений, и на его основе

около 80 лет составлялись правила по содержанию почты.

Почтальонам дали новую форму. На курьерских и почтовых лошадях висел под дугой колокольчик, и было строго запрещено кому-либо пользоваться колокольчиком, кроме почты.⁶ В знак того, что почта — государственное учреждение, над дверью станций прибывался государственный герб.

К семидесятым годам XVIII в. почтовые смотрители стали чиновниками 12 класса и носили звание губернского секретаря, а в официальных бумагах их звали «пост-коммисар». С 1773 г. письма со вложением денег, ассигнаций или векселей должны были приносить на почту незапечатанными, чтобы почтовый чиновник мог записать сколько денег посылается или на какую сумму выдан вексель. После этого отправитель запечатывал письмо своей печатью. Письмо заворачивали в бумагу и запечатывали печатью почтамта. Это делалось, чтобы избежать мошенничества.

При императрице Екатерине II были произведены дальнейшие почтовые реформы. В С.-Петербурге, Москве и Риге были почтамты, но их штат был очень мал и состоял почти исключительно из немцев. В провинциальных городах приемом и отправкой корреспонденции заведывали самые разнообразные учреждения и люди: городничие, магистраты, ратуши, наместнические и провинциальные правления или просто «доверенные лица». Теперь в губернские и уездные города начали назначать почтмейстеров, а над несколькими почтмейстерами в больших городах ставился оберпочтмейстер. Высшими органами Местного Почтового Управления были С.-Петербургский и Московский почтамты. В 1782 г. был учрежден Малороссийский почтамт, а в 1781 г. — Пограничный в Ольвиополе. С 1790 г. некоторые почтовые конторы были заменены почтовыми экспедициями. Самой низшей ступенью были почтовые станции. Россия была разделена на почтовые пояса, и в 1783 г. были установлены, согласно поясам, однообразные почтовые тарифы для писем и проезжающих. За письмо весом в 1 лот брали по 2 коп. за 100 верст, а если расстояние было меньше, то брали копейку. В 1781 г. ямы были переименованы в Почтовые станции.

⁶ В связи с этим появилась легенда о судьбе новгородского вечеревого колокола, который созывал людей на вече, где выбирали князей и вершили всякие важные дела. Когда в 1478 г., после присоединения Новгорода к Москве, многопудовый колокол сбросили со звоницы, погрузили на сани и повезли в Москву, то около села Валдая колокол проломил сани и рассыпался на тысячи колокольчиков, которые звенят под дугами почтовых лошадей и разносят славу о Новгороде по всей русской земле.

В конце XVIII в. почтовые посылки разделялись на *тяжелую* почту, *легкую* и *эстафеты*. С тяжелой почтой посылались тяжелые пакеты и посылки больше 5 фунтов веса; с легкой почтой — маловесные посылки, казенные пакеты и частные письма; а с эстафетами посылались денежные письма, сначала только с ассигнациями, а позднее и с серебряной и золотой монетой. При императоре Павле I ввели еще экстра-почту, куда входили все письма и пакеты из Москвы и заграницы, доставлявшиеся в С.-Петербург с нарочными курьерами без остановки на станциях.

В 1797 г. был учрежден Литовский почтамт в Вильно, в 1799 г. — Тамбовский и Казанский, а в 1800 — Сибирский. Почтамтам были подчинены Почтовые Конторы, Почтовые Экспедиции и Полевые Почтамты. Почтовые Конторы делились на 5 классов, а Почтовые Экспедиции на 2 класса.

В 1802 г. Александр I образовал министерства, вместо прежних коллегий. В 1806 г. Главное Почтовых дел Правление перешло в ведение Министерства Внутренних дел, а в 1811 г. оно было преобразовано в Почтовый Департамент Министерства Внутренних Дел. В 1819 г. его перевели в ведение Министерства духовных Дел и Просвещения, но скоро его выделили в самостоятельное учреждение.

В 1830 г., при императоре Николае I, были упразднены губернские почтамты: Малороссийский, Тамбовский, Казанский и Сибирский, а в 1832 г. и Литовский, и заменены Губернскими Почтовыми Конторами. С.-Петербургский и Московский почтамты остались как самостоятельные учреждения. Все остальные почты были разделены на 11 Почтовых Округов. Губернские, областные, пограничные и заграничная почтовые конторы были непосредственно подчинены Почтовому Департаменту. Губернские и областные почтовые конторы заведовали уездными почтами, которые переименовали в уездные почтовые конторы. В 1830 г. С.-Петербургский Почтамт имел 8 экспедиций, Московский — тоже 8, но его 6 равнялись 8 С.-Петербургским, а две заведовали экономической частью и «Экзекуторской».

В 1833 г. все государственные сборы перевели «на серебро» и в 1839 г. ввели тарифы в 5, 10, 15, 20 и 25 коп. за лот, в зависимости от расстояния, считая 5 коп. серебром за каждые 1800 верст. В 1835 г. в С.-Петербурге, а в 1845 г. и в Москве установили городские почты. Впоследствии городские почты были учреждены и в других городах.

В 1835 г. в С.-Петербурге была учреждена городская почта, а в 1845 г. — в Москве. В 1845 г. С.-Петербургская почта ввела

штемпельные конверты для городских писем. Конверты были разных размеров, из белой бумаги и без водяного знака. Круглые штемпеля имели в середине двуглавого орла, а по ободу надпись «С.П.Б. городская почта: за письмо 5 к.с.: за конвертъ 1 к.с.». Штемпеля были разных оттенков синего цвета и ставились вручную. Имеются конверты со штемпелем на разных частях: в верхнем правом углу, в левом нижнем углу и перевернутый: в левом верхнем углу и в правом нижнем углу. Конверты изготовлялись в Главном почтамте.

В 1848 г. для иногородней почты были введены «штемпельные конверты» трех стоимостей: в 10, 20 и 30 коп. за лот и 1 коп. «за конверт». На конверте в 10 коп. штемпель на клапане оборотной стороны конверта был *черный*, в 20 коп. — *синий* и в 30 коп. — *кармин-розовый*. На лицевой стороне конверта, где писали адрес, был большой водяной знак: двуглавый орел, а под ним почтовые рожки. Бумагу делали на Государственной бумажной фабрике в Ропше, близ С.-Петербурга. Бумага была разной толщины и оттенков. 1-го декабря 1857 г. были введены первые марки в 10 коп за лот, и этим собственно и был завершён домарочный период русской почты.

Почтовые штемпеля

Еще в XVII веке Швеция имела регулярную почту из Стокгольма в Ригу и Нарву. В это время в Англии и Нидерландах на письма стали ставить почтовые штемпеля, а в Швеции, с 1685 г. на частные письма ставили штемпель «В», в знак того, что плата за письмо взята. В 1708 г. шведская почта в Риге и Ревеле получила штемпеля с названием города. С середины XVIII столетия границей все больше и больше начинают употребляться почтовые штемпеля на письмах. Русская почта не была этим обрадована, т.к. эти штемпеля были без дат, а в России было принято ставить дату отправки и получения, но все же с 60-х годов XVIII века штемпеля появились и в России, сначала в С.-Петербурге, с конца 60-х годов в Москве, а после реформы Екатерины II в 1782 г. — и в других городах.

Существует мнение, что прямоугольные (прямолинейные)

штемпеля были введены только после 1782 г.,⁷ но М. Добин сообщает, что самые ранние штемпеля в одну строчку, по-французски, употреблялись уже в 1766 г. в С.-Петербурге. Самое раннее такое письмо в коллекции К. Адлера, нью-йоркского филателиста, имело дату 11 апреля 1766 г. В 1974 г. оно было продано с аукциона. Автору удалось увидеть фотографию письма со штемпелем в одну строчку, по-французски, с датой, написанной пером: «1763 г.». Самый ранний московский штемпель, с надписью по-немецки «Moscov», стоял на письме из Казани в Нарву, датированном 6 сентября 1767 г., и был поставлен как транзитный штемпель. За Москвой пошла Рига, а затем и другие города. Все эти штемпеля были без дат, а дата ставилась рукой, пером.

В 1816 г. Почтовый Департамент был подчинен Министерству Просвещения, во главе которого стоял князь А. Н. Голицын, который ввел новые штемпеля и, среди них, штемпель с датой. Иногда употреблялись два штемпеля — один с названием города, а другой с датой. На письме, отправленном из Москвы 25 сентября 1819 г., на адресной стороне имеется красный штемпель «МОСКВА», а на оборотной стороне — черный штемпель «1819 сент. 25». Иногда на штемпелях ставили только год, напр., «С:П:БУРГЪ.1820».

Штемпеля с русским текстом употреблялись для внутренней корреспонденции, а с французским — для заграничной. В С.-Петербургском почтамте для денежных писем употреблялись специальные штемпеля. До конца 1850-х годов для казенной корреспонденции тоже употреблялись специальные штемпеля с буквами «К.П.» или «КАЗ.П.». Один рижский штемпель в четыре строки имел надпись по-русски, а дату по-немецки: «К.П.-РИГА-1828-AUGUST 10».

В начале 30-х гг. XIX в. появились штемпеля получения, которые ставились вдобавок к штемпелю отправления. С.-Петербургские штемпеля получения не имели названия города, а просто надпись в две строчки: «получено — 21 Июн 1831». Позднее на штемпелях прибавили: «УТРО», «ПОЛД.[ень]» и «ВЕЧЕР». Прием корреспонденции в С.-Петербургском почтамте оканчивался в 2 часа дня, и в соответствии с этим, письма, принятые в конце приема, получали штемпель с «2 ч.» или «2 час.».

⁷ См. С. В. Пригара, *Русская почта в Империи, в Турции, в Китае и почта в Царстве Польском* (Нью-Йорк, 1941), стр. 71.

Почтовые штемпеля

1

ST. PETERSBOVRG.

ST. PETERSBOVRG

ST. PETERSBOVRG.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1. Первые С. Петербургские.

2

МОСКАВ

МОСКВА

3

RIGA

МОСКВА

МОСКВА

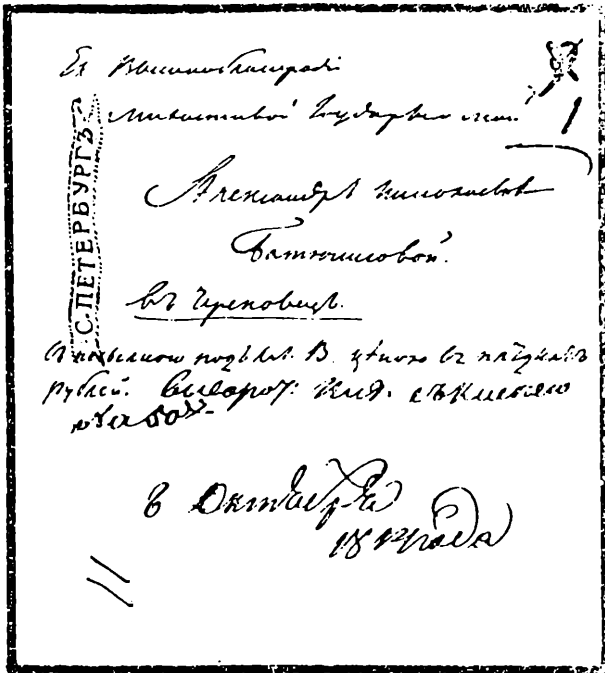
RIGA

RIGA

2. Первые Московские.

3. Первые Рижские.

4

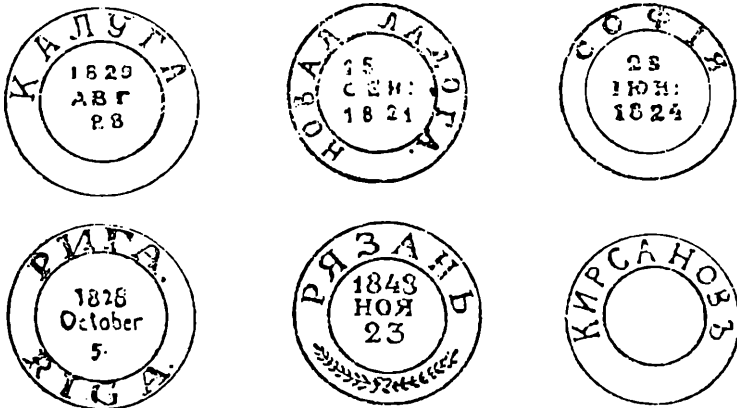
4. С. Петербургский с датой, писанной рукой (1814 г.).

5

ТУЛА таболск: пенза
САРАТОВ: ИРКУТСК: СІМБІРСК
ТУЛА казань ЕЯТКА
СІМБІРСК УФА тюмень
КАСТРАМА КУРСКЪ ОСТАШКОВЪ
ВОРОНЕЖ: КІЕВЪ МОЗДОКЪ
ТАМБОВЪ ТЕМНИКОВЪ ЛИПЕЦКЪ
СЛАТМА Кіевъ ШацкЪ

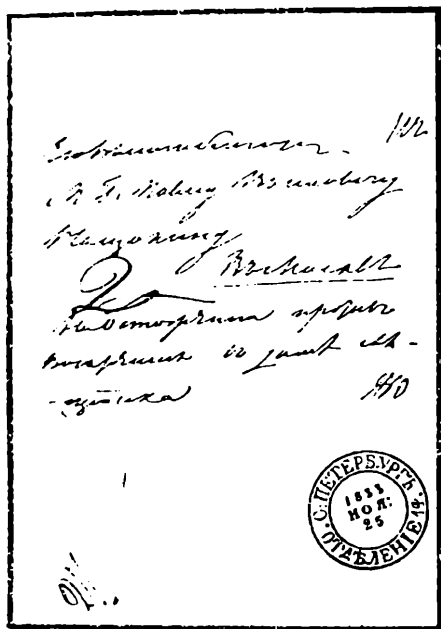
5. Штемпеля без дат разных городов.

6

6. Круглые штемпеля с датой и без даты.

7

7. Письмо, посланное А. С. Пушкиным из С. Петербурга в Москву 25.XI.1833.

8

8. С. Петербургский круглый штемпель с датой.

9

9. С. Петербургский овальный штемпель с датой.

10

10. С. Петербургский овальный штемпель с датой и часом.

11

11. С. Петербургский круглый штемпель с датой.

12

13

С. ПЕТЕРБУРГ.
1839 МАЯ 14

СПЕТЕРБУРГ.
4 НОЯБ. 1844

1858
SPETERSBOURG
VIII
5

SPETERSBURG.
DEN 10 MAR. 1844

MOSKOU
1840 April 13

13. Ромбовидный
штемпель с
указанием отделения.

СОФІЯ.
22 АВГУС. 1843

ЦАРСКОЕ СЕЛО
29 СЕН 1833

12. Разные штемпеля с датой.

14

С. ПЕТЕРБУРГЪ ОТДѢЛЕНІЕ
1828
ДЕК:
4

С. ПЕТЕРБУРГЪ
1833
НОЯ:
25
ОТДѢЛЕНІЕ № 5

С. П. БУРГЪ 2 ОТД
1847 ЮЛ: 8

ГОТДСПЪ ПОЧТ
15 ФЕВР. 1858

СПБУРГЪ ОТД 4
1855 СЕН. 4

14. С. Петербургские штемпеля с датой и
указанием отделения

15

БЪ РИГ Ъ ПОЛУЧЕНО
25 Дек 1846

ПОЛУЧЕНО
18 37 ЮЛ 22
УТРО

ПОЛУЧЕНО
1857
16 ФЕВ.
ПОДА.

ЧЕРНИГОВЪ
1
18 VII 53
ПОЛУЧЕНО

ПОЛУЧЕНО
1833 ЮЛ: 31
ВЕЧЕРЬ

П О Л У
29
VII
Р И Г О
В Ъ

15. Штемпеля получения, на С. Петербургском указано время получения.

16

Э К С . С . П Е Т Е Р Б У Р Г
1827
МАЙ
18

С. ПЕТЕРБУРГЪ
1842 НОЯ 10

С. ПЕТЕРБУРГЪ
1852
НОЯ 16
ДЕНЕЖ.

С П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ
3 МАИ
1844
ДЕНЕЖНОЕ

16. С. Петербургские штемпеля для денежной корреспонденции.

17

К. П.
РИГА
1828
August 10

СПБургъ
1833
ФЕВРАЛЬ
28

СПБург.
1849
НОЯБР.
28

МОСКВА
1853
ГЕНВ: 17
КАЗ. П.

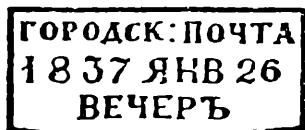
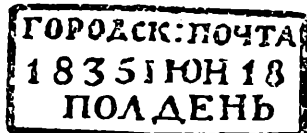
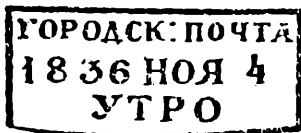
К. П.
РИГА
РИГА
К. П.

МОСКВА

RIGA

17. Штемпеля для казенной корреспонденции.

18

18. Штемпеля С. Петербургской городской почты.

19

19. Штемпель на штемпельном конверте С. Петербургской городской почты.

Примечание: Штемпеля №№ 1, 4, 7, 8, 9, 10, 11, 14, 18 и 19 взяты из статьи М. Доби́на: «Из истории Санкт-Петербургской почты», *Советский коллекционер*, № 16 (1978), а штемпеля №№ 2, 3, 5, 6, 12, 13, 15, 16 и 17 взяты из статьи М. Доби́на: «К истории почтового штемпеля в России,» *«Советский коллекционер*, № 18 (1980).

Литература

- Арциховский, А. В. *Берестяные грамоты из раскопок 1962-1964 г.* В серии *Советская Археология*, № 3, М.-Л., 1965.
- Арциховский, А. В. и В. И. Борковский. *Новгородские грамоты на бересте.* Москва: Изд-во АН-СССР, 1963.
- Янин, В. Л. *Актовые печати Древней Руси X-XV веков*, т. I. Москва: «Наука», 1970.
- Гурлянд, И. Я. *Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века.* Ярославль, 1900.
- Козловский, И. П. *Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве*, т. I. Варшава, 1913.
- Пригара, С. В. *Русская почта в Империи, в Турции, в Китае и почта в Царстве Польском.* Нью-Йорк, 1941.

К вопросу об исторической преемственности университетов в Дерпте–Юрьеве–Тарту

*Димитрий Левицкий**

Императорский Юрьевский (бывший Дерптский) университет считался в дореволюционной России вторым после Московского по старшинству.¹ В 1902 г. он праздновал столетие со дня основания императором Александром I.

По случаю юбилея вышел из печати первый том труда профессора Е. В. Петухова, посвященный истории университета и написанный по поручению комиссии, избранной Советом университета.² В своем исследовании Петухов основывается на имевшихся архивных данных и на появившейся до того богатой литературе по истории университета и дает подробное описание обстоятельств, при которых имп. Павел I принял решение об учреждении «протестантского университета» в Прибалтийском крае, а имп. Александр I затем осуществил намерение своего отца. Вместе с тем, Петухов в начальных главах своего сочинения дает обзор возникновения и деятельности в Дерпте (а затем

* Д.А. Левицкий окончил юридический фак. Латвийского Университета в Риге (1935 — Mag.iur.) и славянский отдел University of Pennsylvania (1969 — PhD). Автор книги *Аркадий Аверченко: жизненный путь* (1973) и ряда историко-публицистических статей.

¹ *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*, т. 68 (1902), с. 798.

² Е. В. Петухов, *Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802-1902)*, т. I (Юрьев, 1902), т. II (С.-Петербург, 1906).

Евгений Вячеславович Петухов (1863-1948) во время написания своего труда был ординарным професором по кафедре русского языка и славянского языковедения в Юрьевском ун-те. Образование получил в Томской гимн., а затем на ист.-фил. фак. С.-Петербургского ун-та.

коротко — в Пернове) латино-шведского университета, основанного во время шведского владычества в Прибалтике по почину короля Густава Адольфа в 1632 г.

В ходе Северной войны существование этого первого в крае высшего учебного заведения (действовавшего с перерывом в 34 года) прекратилось в 1710 г., т.е. за 92 года до того, как император Александр I учредил новый местный немецко-русский университет. Исходя из этих фактов, Петухов говорит о существовавшем в Дерпте в XVII веке шведском университете как о «далеком предшественнике» учрежденного в 1802 г. русским монархом Императорского Дерптского университета.³

Труд Петухова до сего времени сохраняет значение как полное и достоверное исследование, основанное на тщательном изучении доступных ему источников по истории Юрьевского университета. Об этом свидетельствуют частые ссылки на это сочинение в работах позднейших исследователей той же темы и их положительные отзывы о книге Петухова. Так, например, балтийско-немецкий историк Р. фон Энгельгардт, написавший исследование об истории Дерптского университета уже после Первой мировой войны и возникновения независимой Эстонии, говорит о труде Петухова: «Его перу мы обязаны единственной до сих пор полной историей Дерптского университета».⁴ А современные советско-эстонские авторы Л. Эрингсон и К. Сийливак не менее положительно отзываюся о труде Петухова, называя его «первым крупным трудом о Тартуском университете» и признавая, что он «и в наши дни остается самым основательным и содержательным исследованием об университете XIX и начала XX веков».⁵

В последующих работах на ту же тему, хотя и содержатся иногда дополнительные и более подробные сведения об организации и деятельности университетов шведского времени, однако не оспариваются хронологические факты, касающиеся вех, которыми отмечено развитие высшего образования в Прибалтике с XVII до конца XIX веков. Поэтому, казалось бы, не могло быть разногласия в вопросе о юбилейных годовщинах Юрьевского

³ Петухов, ук. соч., т. I, с. III.

⁴ Roderich von Engelhardt, *Die deutsche Universität Dorpat in ihrer Geistesgeschichtlichen Bedeutung* (Reval, 1933), S. 478. Все переводы с иностранных языков на русский, тут и далее, сделаны автором.

⁵ Л. Эрингсон, «Из истории Academia Gustavo-Carolina (1690-1710),» *Скандинавский сборник VII* (Таллин, 1963), с. 185. Также: К. Сийливак (ред.), *История Тартуского университета 1632-1982* (Таллин, 1982), с. 9.; далее: Сийливак, *История*.

(бывшего Дерптского) университета и его послереволюционных преемников. Несмотря на это, за время, прошедшее после революции в России и образования независимых балтийских государств, а потом — их включения в состав СССР, произошли заметные изменения и колебания в подходе к вопросам: имеется ли преемственная связь между латино-шведскими и немецко-русским университетом в Дерпте, и какую дату следует отмечать как день основания университета, действующего в нынешнем Тарту.

В то время как в независимой Эстонии, вразрез с установившейся традицией, отмечали не 1802, а 1632 г. как годовщину основания Эстонского университета, в продолжающийся ныне советский период преемственная связь между шведским и немецко-русским университетами то отрицается, то опять признается, как это произошло в 1982 г.

Это противоречивое толкование одних и тех же исторических фактов как нельзя лучше подтверждает суждение балтийско-немецкого историка Рейнгарда Виттрама, отметившего в своей книге по балтийской истории, что представители разных народов, населяющих Прибалтику, «смотрят на свою историю не одинаковыми глазами».⁶

Несомненно, что и в частном случае истории Юрьевского университета мы сталкиваемся с тем, что на нее разными глазами смотрят как балтийские немцы и русские, так и эстонцы и латыши. Обнаруживающееся при этом расхождение точек зрения в наше время еще осложняется приводящим фактором: марксистским подходом к истории в СССР и ее толкованием в зависимости от политики текущего момента.

Таким образом, в вопросе о том, кем и когда был создан университет, продолжателем которого считает себя современный Тартуский государственный университет (ТГУ), в 1982 г. проявилась неясность и непоследовательность, отмеченная в зарубежных балтийско-немецких публикациях.

Чтобы разобраться в этом вопросе, следует прежде всего иметь в виду изменчивую судьбу Прибалтики, полную исторических превратностей. Она сказалась, в частности, и на топонимике ее городов, в том числе и современного города Тарту, известного в истории и под его немецким названием *Dorpat* (Дерпт) и русским — Юрьев. По словам Петухова, «Дерпт постоянно видел

⁶ Reinhard Wittram, *Baltische Geschichte: Die Ostseelände Livland, Estland, Kurland 1180-1918* (München, 1954), S. 8. Далее: Wittram, *Geschichte*.

над собой движение жизни, и среди городов старой Ливонии немного можно назвать таких, которые бы более его подвергались переменам судьбы».⁷

В 1030 г. великий князь Ярослав Мудрый предпринял успешный поход из Киева в землю прибалтийской чуди и построил к западу от Чудского озера город, получивший название Юрьева, по христианскому имени князя. Затем поочередно городом владели то восставшие эсты, то русские князья, совместно с эстами отражавшие натиск немецких рыцарей основанного в начале XIII века Ордена меченосцев в Ливонии. Наконец, в 1224 г., когда южная Русь впервые подверглась нападению татар, на Западе пал осажденный немцами Юрьев, который Соловьев называет «первым и самым крепким поселением русских в Чудской земле». Новгородский летописец об этом событии записал: «Того же лета убиша князя Вячко немцы в Гюргеве, а город взяша».⁸

Город получает название Dorpat (Дерпт) и вскоре становится, вместе с прилежащими землями, независимым епископством, одним из пяти, которые совместно с Орденом меченосцев (в 1237 г. слившимся с Тевтонским орденом в Пруссии), составляли средневековую Ливонию, куда входили провинции Эстляндия, Лифляндия и Курляндия.

Как и другие ливонские города, Дерпт был членом Ганзейского союза и поддерживал оживленные торговые сношения с соседними русскими городами Псковом и Новгородом. Эти взаимоотношения находили выражение в ряде договоров, многие из которых сохранились. Их изучение показало, что в Дерпт постоянно приезжало много русских купцов, вследствие чего в городе образовался «Русский конец», под которым понималась часть города, которая была расположена около русских церквей.⁹

Память о древнерусском названии города сохранялась в течение столетий. В русских летописях и мирных договорах с епископом Дерптским он именуется «бискупом Юрьевским» и упоминаются «Святые Божьи церкви в Юрьеве в Русском конце».¹⁰ Впоследствии и Петр Великий, осаждая в 1704 г. Дерпт, назвал его «славным отечественным градом Юрьевым».¹¹

⁷ Петухов, ук. соч., т. I, с. 49.

⁸ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен* (Москва, 1957), т. 1-2, с. 642.

⁹ Церквей было две: Св. Николая (для новгородцев) и Св. Георгия (для псковичей). См. Н. А. Казакова, *Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения* (Ленинград, 1975), с. 287.

¹⁰ Там же, с. 136.

¹¹ Е. В. Тарле, *Северная война и шведское нашествие на Россию* (Москва, 1958), с. 83.

В первой четверти XVI века на Ливонию, а вместе с нею и на Дерпт, распространилась реформация. Вскоре затем, в ходе возникшей в 1558 г. Ливонской войны, войска Ивана Грозного взяли Дерпт, и воеводой туда был назначен князь Андрей Курбский. В Дерпте он оставил жену и малолетнего сына, когда, опасаясь царского гнева, он в 1564 г. бежал на Литву к польскому королю Сигизмунду.¹²

Не имея сил сопротивляться, но не желая отдаваться московской власти, Ливония, по словам Платонова, «распалась и по частям отдалась в руки своих балтийских соседей». Эстляндия признала над собой власть Швеции, Лифляндия — власть Литвы, а Курляндия была секуляризована, т.е. превращена из церковного в светское владение, причем последний магистр ордена Кетлер стал герцогом, вассалом польского короля.¹³

Распад Ливонии и продолжающаяся война особенно тяжело отразились на судьбе Дерпта, который попеременно переходил под власть держав, воевавших за обладание краем. По мирному договору 1582 г. Дерпт был уступлен Польше, но в 1600 г. взят шведами; в 1603 г. — опять поляками, а в 1625 г. — шведами под водительством короля Густава Адольфа.

Латино-шведские университеты в Дерпте и Пернове *Academia Gustaviana (1632–1656)*

Годы польского владычества в Дерпте совпали с эпохой католической контрреформации и усиленной деятельности иезуитского ордена с целью препятствовать распространению реформации. Особое внимание при этом обращалось на воспитание юношества, и в Дерпте это выразилось в создании в 1584 г. иезуитской гимназии (*Collegium Dorpatense*), а затем — семинарии переводчиков.¹⁴

С переходом города под власть Швеции положение коренным образом изменилось, и Дерпт становится рассадником протестантизма. Ревностный поборник своей веры, король Густав Адольф задумал сосредоточить в Дерпте главные административные и судебные учреждения шведского генерал-губернатор-

¹² В. О. Ключевский, *Сочинения*, т. II (Москва, 1957), с. 164.

¹³ С. Ф. Платонов, *Учебник истории для средней школы* (Петроград, 1915), с. 168.

¹⁴ Arturs Sons, "Die Entstehung der Universitäten im Baltikum und ihre weitere Entwicklung," *Acta Baltica*, XXII (1982), S. 75.

ства (в которое, кроме Эстляндии и Лифляндии, входили также Ингерманландия и Карелия) и сделать его центром евангелического просвещения. Генерал-губернатором новоприобретенного края он назначил Юхана Шютте (Johan Skytte), выдающегося шведского государственного деятеля, бывшего перед тем канцлером Упсальского университета. Ему король поручил заботы по проведению в жизнь намеченных начинаний в области просвещения. В 1630 г. в Дерпте была открыта «королевская гимназия», вскоре затем преобразованная в университет.

Декрет об его учреждении король подписал в военном лагере под Нюрнбергом 30 июня 1632 г., за четыре месяца до своей смерти в сражении при Люцене. В этом декрете, говоря о желании обеспечить благосостояние завоеванных провинций на «основе страха Божия и справедливости», король объявлял об основании университета, который должен был состоять из четырех факультетов: богословского, юридического, медицинского и философского. Особый устав для учреждаемого университета не издавался, а на него распространялись все постановления и привилегии, которыми пользовался шведский университет в Упсале. Новое высшее учебное заведение вошло в историю под названием *Academia Gustaviana*, по имени своего основателя.¹⁵

Об организации и деятельности этого университета имеются следующие сведения. Во главе администрации университета стоял канцлер и проканцлер, его постоянный заместитель, которые назначались королем. Внутреннее управление было поручено коллегии профессоров, возглавляющейся ректором, которого утверждал в должности канцлер. Первым канцлером король назначил Юхана Шютте. На содержание университета назначена была ежегодно определяемая сумма, которая должна была поступать с доходов от государственных имений в Ингерманландии. Это обстоятельство отрицательно сказывалось на финансовом положении университета, так как арендаторы имений опаздывали с уплатой. Частично этот первоначальный порядок был затем изменен, и сама шведская казна взяла на себя управление имениями. Для привлечения учащихся был проведен закон о том, что каждый, желавший поступить на государственную службу или быть учителем в государственной или частной школе, должен был выдержать экзамен в университете. Преподавание велось на

¹⁵ Петухов, ук. соч., т. I, с. 51. Более подробные сведения о названиях университета в книге Karl Inno, *Tartu University in Estonia during the Swedish Rule (1632-1710)* (Stockholm, 1972), p. 26.

латинском языке, который также употреблялся иногда в официальных документах. Обращения университета к канцлеру писались обыкновенно на немецком языке, а канцлер обращался к университету на шведском языке.¹⁶

Преемники Густава Адольфа продолжали заботиться о материальном положении университета. При королеве Христине для него было выстроено в 1639-40 гг. новое здание и были отпущены деньги на пополнение весьма незначительного собрания книг его библиотеки.

На основании сохранившихся архивных документов, историкам университета удалось восстановить довольно точные данные о составе его профессоров и студентов.

Считается, что за время существования Академии Густавианы было утверждено 27 профессоров, в числе которых было только 8 шведов, один финн, а остальные — немцы из Германии. Преобладание немецких профессоров объясняется тогдашней скудостью ученых сил в самой Швеции.¹⁷

Что касается студентов, то в год открытия университета им-матрикулировано было 84 студента, а за все время существования университета — 1011 студентов, причем из Швеции и Финляндии — 595, из Лифляндии, Эстляндии и Курляндского герцогства — 310, из заграницы — 106. Из этих данных явствует, что по национальности и месту происхождения состав учащихся был в большинстве шведский, и, таким образом, численное отношение в университете двух национальностей, немецкой и шведской, было обратное отношению этих национальностей между профессорами: профессоров было больше немцев, а студентов — шведов.¹⁸

Слабое посещение университета местной немецкой молодежью объясняется, по словам Петухова, тем, что он был шведским, а местное дворянство не испытывало желаний сблизиться с новыми в крае господами и, следуя установившейся с XV века привычке, продолжало посылать своих сыновей в заграничные, главным образом немецкие, университеты.¹⁹

На торжественном открытии университета канцлер Шютте произнес речь, в которой заявил, что обучение в университете не должно быть привилегией дворян и бюргеров, что бедные крестья-

¹⁶ Петухов, ук. соч., т. I, сс. 52-55, а также: Inno, *op.cit.*, pp. 34-41.

¹⁷ Inno, *op.cit.*, p. 84.

¹⁸ Петухов, ук. соч., т. I, с. 59. Что касается данных о численности студентов, то в более поздних исследованиях указываются цифры, несколько расходящиеся с теми, которые приводятся у Петухова.

¹⁹ Петухов, ук.соч., т. I, с. 66.

яне должны тоже иметь возможность учиться, чего до сих пор не было. Однако его слова остались неисполненным пожеланием. Как говорит один из новейших историков первого шведского университета, «нет сведений о посещении университета эстонцами».²⁰ То же самое говорит и латышский автор исследования о латышах, обучавшихся впоследствии в Дерптском университете в русское время.²¹

Не лучше обстояло дело с преподаванием эстонского и латышского языков. В то время как в курсе кратковременно существовавшей Дерптской гимназии преподавание этих языков было предусмотрено, нет даже указаний на то, что за все время существования Академии Густавианы были сделаны попытки ввести преподавание эстонского и латышского языков даже на богословском факультете, хотя ощущалась явная необходимость знания этих языков для пасторов немцев и шведов.²²

Первому шведскому университету в Дерпте суждено было просуществовать только 24 года. В царствование Алексея Михайловича в России и Карла X в Швеции между этими странами возникла война. В 1656 г. русские войска осадили Дерпт, вскоре затем капитулировавший. Шведские учреждения, а с ними и Академия Густавиана, прекратили свое существование. Некоторые из бежавших из Дерпта профессоров обосновались в Ревеле, остававшемся под шведской властью, и пытались там продолжать преподавание незначительному числу студентов. По словам немецкого историка, эта деятельность носила скорее частный характер, и с 1656 по 1690 г. шведский университет в Лифляндии фактически не существовал.²³

Academia Gustavo-Carolina (1690–1710)

Дерпт недолго оставался в русских руках. По заключенному в Кардисе в 1661 г. мирному договору, город был возвращен Швеции. Ее правительство уже в 1665 г. стало заниматься вопросом возобновления университета, запросив на этот счет мнение рыцарства и других сословий страны. Но ряд обстоятельств, в первую очередь плохое состояние государственных финансов,

²⁰ Inno, *op.cit.*, p. 66.

²¹ Gustavs Šaurums, *Tērbatas Universitāte* [Дерптский университет] (Riga, 1932), с. 9.

²² Inno, *op.cit.*, pp. 129-130.

²³ Engelhardt, *op.cit.*, p. 20.

задерживало продвижение дела. Наконец, в 1687 г. король Карл XI дал ему ход и запросил генерал-губернатора графа Гастфера о том, где предпочтительнее возобновить университет: в Пернове или в Дерпте. При обсуждении этого вопроса было высказано тоже мнение, что наиболее подходящим местом для университета следовало бы признать Ригу. Но король решил вопрос в пользу Дерпта, потому что здесь находилось высшее судебное учреждение («гоф-герихт») и «потому, что здесь уже раньше была академия».²⁴ Тем самым король как бы устанавливал преемственность второго шведского университета с первым. На это указывает и название, под которым второй шведский университет вошел в историю: *Academia Gustavo-Carolina*.

Разрушенное здание первого шведского университета было восстановлено, а также смогла быть использована часть его библиотеки, замурованной в подвалах церкви во время осады города в 1656 г. Тем не менее, несмотря на внешнее сходство между первым и вторым шведским университетом, Петухов считает, что «их органическая связь была в действительности ничтожной».²⁵

В 1689 г. король Карл XI утвердил устав университета, в основу которого теперь был положен переработанный в 1655 г. устав Упсальского университета. Как и в прежнем уставе, подчеркивался протестантский характер университета, и его студентами могли быть только лютеране.²⁶

Канцлером университета король назначил генерал-губернатора Гастфера, а проканцлером — суперинтенданта Фишера, и в 1690 г. состоялось торжественное открытие университета в присутствии многочисленных депутатов от дворянства, духовенства, городского сословия и приглашенных лиц.²⁷ Как по количеству факультетов, так и по своему материальному обеспечению, второй шведский университет мало чем отличался от своего предшественника. После канцлера и проканцлера, следующим должностным лицом был ректор, избиравшийся университетским сенатом, в состав которого входили ординарные профессора. На содержание университета шведская казна отпускала приблизительно такую же сумму, как и первому шведскому университету. Эта сумма составлялась из доходов с имений,

²⁴ Georg von Rauch, *Die Universität Dorpat und das Eindringen der frühen Aufklärung in Livland 1690-1710* (Hildesheim-New York, 1969), S. 23. Далее: Rauch, *Die Universität Dorpat*.

²⁵ Петухов, ук.соч., т. I, с. 67.

²⁶ Сийливаск, *История*, с. 33.

²⁷ Rauch, *Die Universität Dorpat*, S. 25.

которыми управлял университет. Доходы поступали нерегулярно и создавали те же затруднения, что и раньше.²⁸ Продолжавшаяся всего 20 лет история Академии Густаво-Каролины разделяется на два периода: первый — дерптский (1690-1699), а второй — перновский (1699-1710).

При открытии университета было объявлено от имени короля, что всякий, желающий получить в крае какую-либо должность, светскую или духовную, должен предварительно проучиться в университете два года и после того сдать соответствующий экзамен. Как и в первом университете, языком преподавания оставался латинский. Зато в официальном обиходе теперь получил преобладание шведский язык, на котором почти исключительно велась переписка с властями, поскольку во втором шведском университете преподавательский состав был преимущественно шведский. Как указывается в исследовании Г. фон Рауха, за время существования Академии Густаво-Каролины с 1690 по 1710 год в ней преподавало 27 профессоров, из которых только четыре были немцы.²⁹

Что касается численности и происхождения студенчества, то в то время, как в Густавиане был имматрикулирован 1061 студент, в Каролине было имматрикулировано только 587 студентов, из которых немцев было 318 (191 лифляндцев, 61 эстляндец, 5 курляндцев, и 61 студент из Германии). Более низкое число студентов из Финляндии и Ингерманландии отчасти объясняется тем, что они с 1640 г. имели свой университет в Финляндии — в Або. В Дерпте было имматрикулировано 409 студентов, в Пернове — 178.³⁰

Г. фон Раух отмечает, что число балтийско-немецких студентов в обоих шведских университетах в 1632-1710 гг. было 577, в то время, как в одном Кёнигсбергском университете в XVII веке их насчитывалось 524. Таким образом, Раух считает, что общее число обучавшихся в Германии балтийцев превышало число посещавших шведский университет на родине. Он объясняет это тем, что с 1561 г. связь Курляндии с остальной Прибалтикой ослабела, а лифляндцы не воспринимали шведский университет как свой местный (*Landesuniversität*), поскольку его возобновление

²⁸ Петухов, ук.соч., т. I, с. 72.

²⁹ Rauch, *Die Universität Dorpat*, S. 28.

³⁰ Rauch, *ibid.*, S. 85. Общее число студентов здесь указывается как 1061, в то время как у Петухова — 1011. О соотношении числа студентов в Дерпте и Пернове, см. Петухов, ук.соч., т. I, с. 73.

при Карле XI «шло в русле государственной политики централизации, проводимой королем».³¹

Мнение, что часть балтийского дворянства видела в Академии Густаво-Каролины новое орудие «шведизации» края, разделяет Энгельгардт. По его словам, шведское правительство требовало от университета, чтобы он воспитывал студентов «во славу Бога и государства» и готовил их стать преданными чиновниками короны.³² Однако один современный зарубежный историк университета не видит в этом ничего предосудительного: «Естественно, что Швеция поощряла шведскую культурно-образовательную политику в Прибалтике, которая была одной из ее провинций,» говорит он.³³

Следует отметить также, что и в этом втором шведском университете не обучались ни эстонцы, ни латыши. Об этом свидетельствуют замечания Сийливаска: «В списках студентов Академии Густаво-Каролины эстонцы и латыши не числились», и Рауха: «В университетских протоколах соответствующих указаний найти нельзя».³⁴ В нем также не преподавались ни эстонский, ни латышский языки.

Еще при жизни Карла XI, основателя второго шведского университета в Дерпте, обсуждался вопрос о его переводе в Пернов, считавшийся более безопасным и менее отдаленным от Швеции городом. Осуществление этого намерения выпало на долю его преемника, Карла XII, вступившего на престол в 1697 г. При нем усилилась угроза войны, ввиду соглашения в 1699 г. между Данией, Польшей и Россией о совместных военных действиях против Швеции. По указу короля университет был переведен в Пернов, где в августе 1699 г. состоялось его открытие. Там он продолжал свою деятельность в тяжелых и тревожных условиях начавшейся Северной войны, при сильно сократившемся составе профессоров и студентов.

Летом 1704 г. русские войска взяли Дерпт и Нарву, а вскоре после поражения главных шведских сил под Полтавой 27 июня 1709 г. началась осада Риги, и было прервано сообщение с Перновом. Профессоров охватила паника, и многие со своими семьями уехали в Швецию. Туда же были отправлены архив университета и его библиотека. Зимой 1710 г. университет еще официально существовал, но занятия, видимо, не проводились. В

³¹ Rauch, *ibid.*, S. 20.

³² Engelhardt, *op.cit.*, S. 22.

³³ Inno, *op.cit.*, p. 141.

³⁴ Сийливаск, *История*, с. 37. Rauch, *Die Universität Dorpat*, S. 90.

июне 1710 г. под Перновом появились русские войска, и вскоре город, сильно страдавший от лишений и разразившейся чумы, капитулировал. Как говорит Сийливаск, «когда остатки гарнизона под развевающимися знаменами и со знаками отличия покидали город, ушли из города и последние университетские».³⁵ Итак, с падением Пернова закончил свое существование второй шведский университет — *Academia Gustavo-Carolina*.

Хотя среди историков нет согласия о роли и значении шведского университета для науки вообще и для культурной жизни Прибалтики в частности, все же многие из них сходятся на суждении, которого придерживается также и Петухов, что существование университета поддерживало в стране идею высшего образования, которая продолжала жить и дальше и не осталась без последствий в будущем.³⁶

Императорский Дерптский (позже Юрьевский) Университет (1802–1918)

Universitas literarum Caesarea Dorpatensis

Хотя шведский университет и не смог завоевать расположения местного дворянства, само его существование постепенно вселяло мысль, что стране необходимо высшее учебное заведение. Поэтому, когда 4 июля 1710 г. Рига капитулировала перед русскими войсками, ливонское «шляхетство и земство» просило фельдмаршала Шереметева в одном из «аккордных пунктов», чтобы «университет в Лифляндии... по прежнему остался».*)

Ответ Шереметева был условным, поскольку Пернов еще находился в шведских руках, и не была известна судьба находившегося в нем университета. 12 октября того же года Петр I, утверждая акт капитуляции Лифляндии, высказался благожелательно по пункту, касавшемуся «высшей школы в Пернаве».**) Поскольку эта «школа» в действительности уже прекратила свое существование, и ее имущество было вывезено в Швецию, речь в дальнейшем могла идти лишь о создании *нового* университета русской властью, как это в прошлом было сделано властью шведской, или же по почину и силами местного дворянства, но при содействии и попечении русского правительства.

³⁵ Сийливаск, *ibid.*, с. 46.

³⁶ Петухов, ук.соч., т. I, с. 86. Engelhardt, *op.cit.*, S. 23.

*) См. приложение (а).

***) См. приложение (б).

В царствование Петра I, занятого под конец своей жизни основанием Академии Наук в Петербурге, вопрос об университете не поднимался. Начало попыток ходатайствовать о создании университета в Лифляндии относится к более позднему времени. Петухов отмечает шаги в этом направлении эстляндского дворянства при Анне Иоанновне, перновского магистрата при Елизавете Петровне и, со стороны разных лиц при Екатерине II.³⁷ Но императрица, склонная к политике объединения Прибалтийского края с остальными частями Империи, в своих планах насаждения высшего образования в России не столько имела в виду основание университета в Лифляндии, сколько учреждение университетов во Пскове, Чернигове и Пензе.* Таким образом, возбуждавшийся в XVIII веке вопрос об университете в Лифляндии не получал положительного решения вплоть до кончины Екатерины II в 1796 г.

После вступления на престол императора Павла I (за год до чего в Прибалтийский край вошла Курляндия) вопрос об университете был поднят заново, поскольку Указом от 9 апреля 1798 г. новый император запретил российским подданным учиться за границей. Одновременно, «дабы не ограничить тем способов к образованию и просвещению благородному юношеству Лифляндскому, Эстляндскому и Курляндскому», в указе выражалась воля государя, чтобы дворянство этих губерний взялось за устройство университета, согласившись между собой о месте его пребывания.***) Этот указ рассматривается как отправная точка в истории создания нового университета в Дерпте, хотя окончательное осуществление дела задержалось еще на четыре года.

Созданная на основании указа 9 апреля 1798 г. комиссия прибалтийского дворянства собралась в Митаве и долго не могла решить вопроса о том, где быть университету: в Митаве, Пернове или Дерпте. В конце концов вопрос о местопребывании университета был передан на рассмотрение Сената, который высказался за Дерпт, мотивируя свое мнение более подходящим расположением города. В докладе, который Сенат в соответствии с этим подал Павлу I, заключался также «план университета», определявший его устав и штаты. Этот доклад, вместе с «планом», был утвержден императором указом 4 мая 1799 года.***)

³⁷ Петухов, ук.соч., т. I, сс. 88-91.

*) См. приложение (в).

**) См. приложение (г).

***) См. приложение (д).

Хотя вопрос о создании университета, казалось, был таким образом окончательно решен, неясной оставалась материальная сторона дела, так как изыскание средств на содержание университета было возложено на местное дворянство. Собранный им сумма, вместе с субсидией из казны, вряд ли была достаточна. Тем не менее, комиссия кураторов, предусмотренная «планом», переехала в Дерпт и приступила к подготовительным работам. Но 25 декабря 1800 г. последовал указ об учреждении университета не в Дерпте, а в Митаве,^{*)} где предполагалось использовать под университет существовавшую там гимназию, основанную герцогом Петром Бироном (*Academia Petrina*). Комиссия кураторов снова переехала в Митаву. Однако в марте 1801 г., после дворцового переворота, на престол вступил император Александр I, который 12 апреля 1801 г. издал указ об учреждении университета в Дерпте «по причине расположения оного в средоточии трех губерний, Рижской, Ревельской и Курляндской».^{**)}

Торжественное открытие университета коллегией кураторов последовало 21-22 апреля 1802 г. в здании, предоставленном частным лицом, так как университет еще не имел собственного здания. В составе приглашенных к преподаванию профессоров было больше немцев, уроженцев края, и меньше — приехавших из Германии. Что касается студентов, то на торжестве присутствовали 19 человек, имматрикулированных к этому дню. К 1 мая, когда начались занятия, их число увеличилось до 31, причем они распределились по четырем факультетам, из которых состоял университет, следующим образом: на юридическом — 16, на богословском — 7, на медицинском — 6 и на философском — 2.³⁸ Об открытии университета было сообщено указом Сената 26 мая 1802 г.^{***)}

Первые полтора года университет руководился «планом» 4 мая 1799 г., который через некоторое время был пополнен изменениями, внесенными в него указом императора Александра I. Но они касались только «устройства цензуры и факультетов» и не изменили организацию университета по первоначальному «плану».³⁹

Хотя по этому плану разрешалось принимать в университет и разночинцев, его организация во многих отношениях носила

^{*)} См. приложение (е).

^{**)} См. приложение (ж).

³⁸ Петухов, ук.соч., т. I, с. 104.

^{***)} См. приложение (з).

³⁹ Петухов, ук.соч., т. I, с. 105.

сословный характер, что находило выражение в широкой компетенции местного дворянства в делах университетской жизни. Согласно «плану», оно избирало из своей среды коллегия кураторов, которая избирала и назначала профессоров, учителей и других должностных лиц в университете и следила за «образом, порядком и ясностью ученья». Она также имела право отрешать от должности тех профессоров и учителей, которые «признаны будут нерадивыми к долгу своего звания и соблазнительного поведения». В университетских делах коллегия кураторов была подчинена Сенату, которому она была обязана посылать полугодовые отчеты. Учебными делам ведал университетский совет, в состав которого входили все профессора. Во главе совета стоял проректор, должность которого исполнял в течение одного года каждый член совета по очереди. Во главе факультетов стояли деканы, избираемые из ординарных профессоров на один год.⁴⁰

Коллегия кураторов по «плану» 4 мая 1799 г. была для всех членов профессуры непосредственным начальством, которому они обязаны были дать обещание повиновения. В значительной степени это обстоятельство послужило поводом для оппозиции профессоров, недовольных созданным положением, тем более, что для тех, кто происходил из Германии, по словам Виттрама, «было чуждо начальственное положение дворянства».⁴¹ Энергичным выразителем этих настроений стал профессор Георг-Фридрих Паррот, наполовину француз по происхождению. Ему было суждено сблизиться с императором Александром I и стать его ближайшим советником в деле реорганизации университета, его освобождения от зависимости и опеки местного дворянства и превращения в учреждение государственное.

22 мая 1802 г., по дороге на свидание с прусским королем, император Александр I остановился в Дерпте и посетил университет. После краткой приветственной речи на французском языке куратора графа Мантейфеля, тоже по-французски приветствовал государя пламенной речью, выдержанной в духе идей просвещенного абсолютизма, профессор Паррот. Государь отвечал на эти речи обещанием принять университет под свое особое покровительство. Речь Паррота ему так понравилась, что он пожелал иметь ее в письменном виде. Так было положено начало знаком-

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Reinhardt Wittram, "Die Universität Dorpat im 19. Jahrhundert", *Zeitschrift für Ostforschung*, 1952, Heft 2, S. 197. Далее: Wittram, "Die Universität Dorpat".

ства императора с Парротом, имевшее вскоре далеко идущие последствия для судеб университета.

В июне 1802 г. Паррот был избран проректором университета. Когда стало известно об опубликовании в Петербурге манифеста 8 сентября 1802 г. об учреждении министерств, в числе которых было министерство народного просвещения (в ведение которого «переходили университет и все другие училища»), Паррот испросил для себя отпуск для поездки в Петербург, где ему удалось исходатайствовать у императора издание для университета особого «Акта постановления», подписанного 12 декабря 1802 г. Вернувшись в Дерпт с оригиналом этого акта, Паррот доложил его на заседании совета, а на следующий день акт был оглашен на торжественном собрании в присутствии многочисленной публики, а затем передан на хранение в архив университета.

«Акт постановления»^{*)} означал, что Дерптский университет освобождается от власти над ним местного дворянства и его влияния на ход учебного дела, и что впредь содержание университета обеспечивается ассигнованиями из государственного бюджета.

На новосозданную должность ректора университета был избран Паррот, а попечителем Дерптского учебного округа император назначил генерал-майора Фридриха Максимилиана Клингера, в прошлом известного немецкого поэта эпохи «бури и натиска» (*Sturm und Drang*).

Разработанный Парротом и особой комиссией из профессоров на основе «Акта постановления» новый Устав университета был утвержден государем 12 сентября 1803 г., а затем были выработаны и утверждены в Петербурге «Правила» для студентов.

По уставу 1803 г. университетом управлял (вместо кураторов) совет университета, который в денежных и судебных делах, а также в обучении и администрации, был связан лишь формальной зависимостью от центральной власти, т.е. министра народного просвещения через посредство попечителя учебного округа. Органами внутреннего управления были совет, состоявший из ординарных профессоров, правление, состоявшее из ректора и деканов факультетов для ведения текущих дел, и ректора, избиравшегося из числа ординарных профессоров и утверждавшегося верховной властью через министра народного просвещения.⁴²

^{*)} См. приложение (и).

⁴² Петухов, ук.соч., т. I, сс. 141-143.

Судебным органом по всяким делам, касающимся преподавателей, учащихся и служащих университета был в первой инстанции — ректор, во второй — университетский суд, состоявший из ректора, декана юридического факультета, синдика и двух деканов от остальных факультетов, и в третьей — совет, в котором председательствовал не ректор, а особое лицо из состава профессоров, избираемое советом.⁴³

При университете было создано несколько особых учреждений: «Цензурный комитет», «Общий Учительский или Педагогический Институт», имевший целью готовить учителей для средних и низших училищ Дерптского учебного округа, а также — «Училищная комиссия», которая должна была заботиться о том, чтобы гимназии и уездные училища округа каждый год подвергались ревизии.

По Уставу 1803 г. материальные нужды университета были в достаточной мере обеспечены, и его содержание полностью покрывалось казной. Предусмотренный уставом годовой бюджет в 126.000 рублей был только на 4.000 рублей меньше положенного для Московского университета. Петухов отмечает, что немецкий историк, сравнивая положение русских университетов эпохи Александра I с западно-европейскими, писал: «В отношении материальных средств русские университеты далеко превосходят все остальные высшие школы материка, исключая разве Вены».⁴⁴ В таком же благоприятном положении университет продолжал быть и во второй четверти XIX века, когда его бюджет, по словам Сийливаска, значительно превышал бюджеты других русских университетов, и лишь Московский с ним мог соперничать.⁴⁵

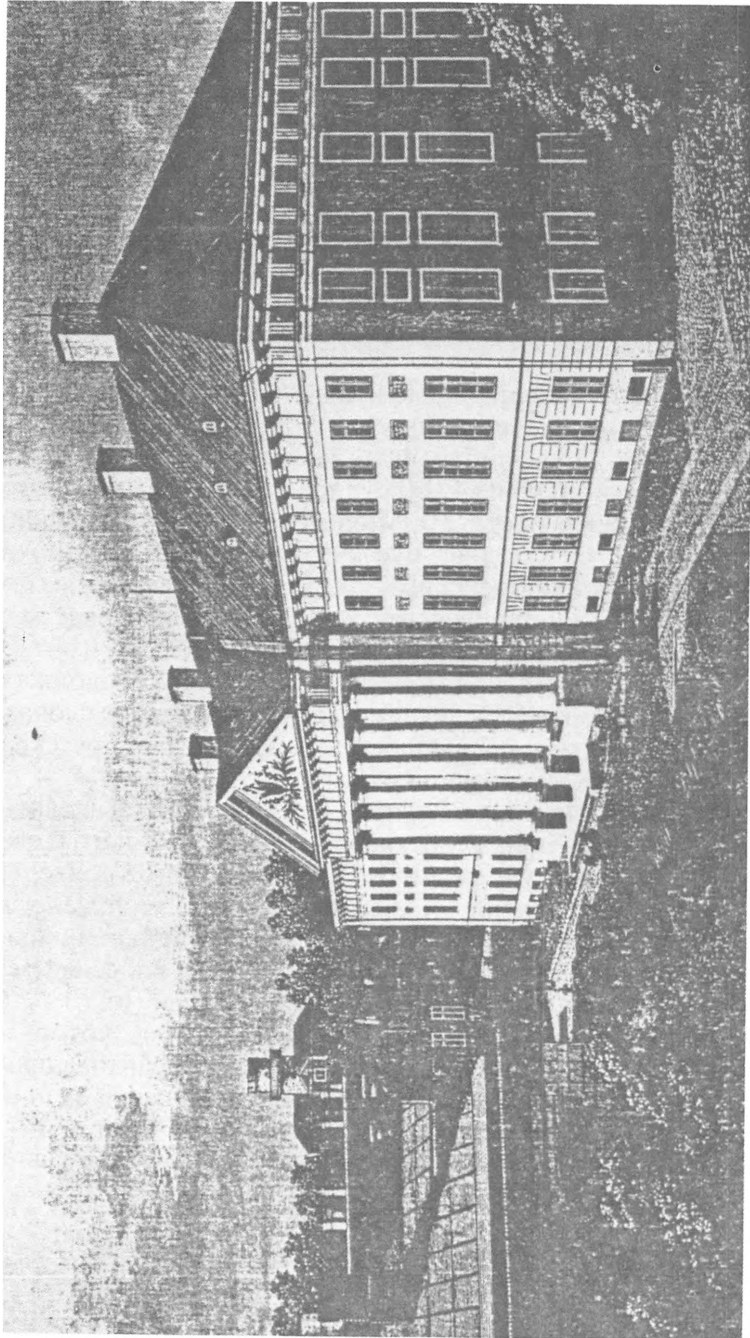
Важной задачей, стоявшей перед администрацией нового университета, была постройка собственного здания для него и его учебно-вспомогательных учреждений. Была создана строительная комиссия, главное здание университета было заложено в 1805 г., а в 1809 главные строительные работы были закончены. Новое здание университета, построенное в стиле классицизма Александровской эпохи, сохранилось и до наших дней (илл.).

Строительство потребовало значительных сумм, которые было возможно получить лишь благодаря щедрым ассигнованиям из русской казны. В округленных цифрах, на возведение зданий было израсходовано свыше 805.000 руб., причем из этой суммы 734.000 руб. были отпущены казной, а 70.000 руб. — собраны в

⁴³ Там же, сс. 144-145.

⁴⁴ Там же, с. 152.

⁴⁵ Сийливаск, *История*, с. 81.

ГЛАВНОЕ ЗДАНИЕ ЮРЬЕВСКОГО (Б. ДЕРПТСКОГО) УНИВЕРСИТЕТА,
построенное в царствование его основателя,
императора Александра I, в 1805-1809 гг.

свое время дворянством прибалтийских губерний на основании университета.⁴⁶

Не меньшую щедрость проявляло русское правительство в создании университетской библиотеки. Для начала казна ассигновала на покупку книг 35.000 руб., а «на содержание и приумножение книг» в дальнейшем давалось по 5.000 руб. ежегодно.⁴⁷ По мнению современного зарубежного эстонского автора, эти суммы «на много превосходили бюджеты западно-европейских университетов в начале XIX века». К столетию университета в 1902 году в библиотеке числилось 265.000 книг, а в 1917-м уже 500.000.⁴⁸ Быстрый рост книжного состава библиотеки, особенно в первый период существования университета, объясняется также многочисленными пожертвованиями собраний книг отдельных лиц.⁴⁹

Ни при учреждении университета, ни в позднейших уставах не содержалось предписаний о языке преподавания. Само собой понималось, что преподавание ведется по-немецки. Оно велось профессорами-немцами, как уроженцами края, так и приглашенными из Германии. С 1803 г. существовала кафедра русского языка и литературы, которую обычно занимали профессора-русские. Но это не влияло заметно на жизнь университета, и большинство студентов из прибалтийских губерний русского языка не знало и его изучением не интересовалось.⁵⁰

Показателен в этом отношении факт, связанный с Профессорским Институтом, существовавшим при университете с 1827 по 1838 год. Его целью было дать возможность молодым русским людям, успешно закончившим другие русские университеты, пополнить свои знания и изучить немецкий язык, чтобы по окончании Института получить командировку в иностранные университеты для усовершенствования знаний в своей специ-

⁴⁶ Петухов, ук.соч., т. I, с. 217.

⁴⁷ Там же, с. 163.

⁴⁸ Hilja Kukk, "Tartu University Library Through Three and a Half Centuries: 1632-1982," *Journal of Baltic Studies*, vol. XII, No. 4, pp. 350, 353. В исследовании того же автора развитие библиотеки иллюстрируется таблицей ее роста по отдельным годам. Из нее видно, что в 1835 году количество книг библиотеки Дерптского университета достигло 65.000 томов, и тем самым библиотека стала третьей по размеру по всей России (после петербургских библиотек: Публичной и Академии Наук).

⁴⁹ Например, вел. кн. Константин Павлович передал университету ценное собрание книг в 682 тома, главным образом исторического содержания. Петухов, ук.соч., т. I, с. 163.

⁵⁰ Wittram, "Die Universität Dorpat," S. 212.

альности. Двое из воспитанников Института по окончании его курса были приглашены преподавать на медицинском факультете университета. Это были первые русские профессора в университете: Н. И. Пирогов (1836-1840), знаменитый впоследствии хирург, и И. В. Варвинский (1844-1846); оба вели занятия на немецком языке.⁵¹

В своих воспоминаниях Пирогов пишет, что «университет пользовался большой славой в России», и, описывая своеобразие местных студенческих нравов и быта, замечает, что «верно нигде в России того времени не жилось так привольно, как в Дерпте».⁵²

Очень долгое время среди студентов Дерптского университета большинство составляли уроженцы края.⁵³ Среди них в течение десятилетий значительное большинство составляли немцы, которые определяли быт и нравы дерптского студенчества. Одной из этих особенностей было объединение студентов в корпорации, жизнь которых подчинялась строгим и своеобразным правилам так называемого «комана» (устава). Эти корпорации долгое время существовали полулегально, вопреки университетскому уставу. В 1855 г. они были официально разрешены. Сплотив немецкую прибалтийскую молодежь разных сословий, они послужили примером организации и для не-немецкой части студенчества, в среде которого также возникли корпорации (сперва польская и русская, а затем — эстонская и латышская).

Вплоть до мер руссификации, начатых при императоре Александром III, Дерптский университет сохранял свой особый облик как, по существу, иностранный, немецкий университет, находившийся на территории России и содержащийся на средства казны. Таковым он был не только по языку преподавания и по составу своих профессоров, но и по духу и значению. Это значение Дерптского университета для культурного единства края, по мнению Виттрама, никто так хорошо не понял и так ясно не выразил, как лифляндский губернатор М. А. Зиновьев, писавший в 1890 г., что: «Во всех перипетиях жизни университет выступает как главный фактор. Он — любимое учреждение, истинная

⁵¹ Там же, с. 213.

⁵² Н. И. Пирогов, *Сочинения* (С.-Петербург, 1900), т. II, сс. 345, 355.

⁵³ Об этом свидетельствуют следующие данные: в 1852 г., когда отмечалось 50-летие университета, в нем обучалось 676 студентов, из которых 447 были из прибалтийских губерний, 220 из других губерний и 9 из заграницы; в 1877 г., когда отмечалось 75-летие университета, в нем обучалось 858 студентов, из которых 631 были из прибалтийских губерний, 220 из других губерний и 7 из заграницы. Е. В. Петухов, *Статистические таблицы и личные списки по Императорскому Юрьевскому университету 1802-1902* (Юрьев, 1902), с. 6.

alma mater всей балтийской земли, источник, из которого текут те учения, которые воодушевляют политическую и общественную жизнь, рассадник, из которого вырастают искусные и убежденные борцы за балтийские идеи». ⁵⁴

И в том же духе высказывается немецкий автор, в прошлом студент Дерптского университета: «С 1802 года у нас был университет. И то, чем никогда не были шведские Академия Густавиана и Каролина, тем стало творение Александра I — местным университетом края (*Landesuniversität*)». ⁵⁵

Этот местный университет пользовался автономией, которую один из приглашенных из Германии профессоров нашел «более широкой, чем та, которая была принята в Германии», а другой профессор Дерптского университета назвал его «наиболее немецким среди немецких университетов». ⁵⁶

Это исключительное положение среди других университетов Империи, свой немецкий характер и свою автономию Дерптский университет потерял в конце столетия. В 1887 г. в Прибалтийском крае были введены русские судебные учреждения согласно реформам императора Александра II, и вскоре затем, с 1889 г., на Дерптский университет был распространен обще-университетский устав 1884 г. Началось постепенное введение преподавания на русском языке, сперва на юридическом, а затем и на остальных факультетах, кроме богословского (лютеранского). В 1893 г. город Дерпт был переименован в Юрьев, и университет получил название Императорский Юрьевский Университет.

Превращение университета из немецкого в русский повлекло за собой заметное изменение в составе студенчества: сократилось число студентов немецкой национальности, часть которых либо не владела в достаточной степени русским языком, либо не хотела обучаться в университете при изменившихся условиях. Затем, с 1897 г., разрешили принимать на все факультеты, кроме богословского (лютеранского), воспитанников духовных семинарий. Это увеличило как общее число обучавшихся в университете, так и число русских студентов. В результате, в юбилейном 1902 г. только 458 студентов были из прибалтийских губерний, а 1.360 — из других губерний России. ⁵⁷

⁵⁴ Wittram, *Geschichte*, S. 180.

⁵⁵ Hugo Semel, *Die Universität Dorpat (1802-1918)*, (Dorpat 1918), S. 166.

⁵⁶ Wilhelm Lenz, "Aus Professor Ulmanns Erinnerungen an seine Dorpater Zeit", *Jahrbuch des baltischen Deutschtums*, Bd. XXXII (1985), S. 22, 31.

⁵⁷ Петухов, ук. соч., т. II, с. 155.

Как сказано было в «Акте постановления», учреждение университета имело целью «распространение человеческих познаний» во всей Империи, а в особенности в губерниях прибалтийских. Эту задачу Дерптский (потом — Юрьевский) университет успешно выполнял. Роль, которую он сыграл в развитии культуры в России и, особенно, среди входящих в нее прибалтийских национальностей — была велика.

Для Прибалтийского края университет имел исключительное значение как *Landesuniversität* немецкого, в то время господствующего слоя местного населения. Но этим его значение для края не ограничивается. Университет сыграл огромную роль и для коренного населения — эстонцев и латышей, большинство которых во время его основания еще находились в крепостной зависимости, от которой затем (раньше, чем в самой России) были освобождены в 1816-1819 гг. С основанием Дерптского университета, впервые в своей истории, эстонцы и латыши получили доступ к высшему образованию, сперва весьма ограниченный, но постепенно расширявшийся.

Сийливаск говорит, что в первый период существования университета (1802-1820) в нем обучалось 9 эстонцев. Не указывая числа эстонцев во второй период (1820-1865), он сообщает, что к концу следующего периода (1865-1889) число студентов-эстонцев приближалось к 100, в 1910 г. их было 269, а в 1916 г. — 364.⁵⁸

Что касается латышей, то известно, что первый из них поступил в университет уже вскоре после его основания и обучался в нем с 1803 по 1809 г. Считают, что с 1803 по 1850 г. в университете обучалось 33 студента-латыша, с 1881 по 1890 г. уже 223, с 1891 по 1910 г. — 253 и, наконец, с 1911 по 1918 г. — 371. По имеющимся сведениям, за все существование университета в нем обучалось 1334 латыша.⁵⁹

Приведенные данные о неуклонном росте числа студентов эстонцев и латышей, продолжавшемся и после того, как преподавание в университете перешло на русский язык, показывают, что меры по руссификации университета не отразились на притоке местной, не-немецкой молодежи, стремившейся получить высшее образование и стать местной интеллигенцией этих двух народностей.

В середине XIX в. обучавшиеся в Дерпте эстонские и латыш-

⁵⁸ Сийливаск, *История*, сс. 75, 90, 136.

⁵⁹ Arveds Švabe, *Latvijas vēsture* [История Латвии], (Stockholm, 1958), сс. 170, 513. Также: Šaurums, ук.соч., с. 207.

ские студенты начали объединяться по национальному признаку в кружки, общества и корпорации, в которых обсуждались актуальные вопросы общественно-политической жизни данной народности и которые содействовали пробуждению в их членах национального самосознания. Из среды этих кружков и организаций вышли первые видные деятели эстонской и латышской литературы, публицистики и культуры. Так, в Дерпте создались центры эстонского и отчасти латышского национального движения; здесь были основаны газеты и журналы и издавались книги на эстонском языке. Среди них, между прочим, вышло в 1862 г. собрание эстонского народного эпоса *Калевипоэг*, составленное эстонским писателем и фольклористом Ф. Р. Крейцвальдом, за которое он получил Демидовскую премию Академии Наук.⁶⁰

Как уже отмечалось, с самого начала в университете существовали должности лекторов эстонского и латышского языков, но эти предметы не были обязательны. В «русский» период истории университета (с 1889 г.) некоторым ученым-эстонцам удалось достичь профессуры.⁶¹ Были также и профессора-латыши.⁶²

Отметив свой 100-ый юбилей в 1902 г., Императорский Юрьевский Университет прекратил свое существование в результате событий Первой Мировой войны и революции 1917 г.

Когда под конец войны наступление германских войск стало угрожать Юрьеву, была предпринята эвакуация университета и его библиотеки в Воронеж, где он должен был продолжать свою деятельность. В связи с этим туда же отправилась и часть профессоров. 24 февраля 1918 г. германские войска заняли Юрьев, а 3 марта был заключен Брест-Литовский мир, передавший Прибалтику Германии. 1 июля 1918 г. русский Юрьевский университет был официально ликвидирован и его имущество передано германским военным властям. Русским профессорам и студентам было предложено уехать в Россию. 17 июля и 31 августа 1918 г. из Юрьева отправились два эшелона, в которых уехало более тысячи человек, в том числе около 80 профессоров и преподавателей.⁶³

Германские военные власти создали новый, чисто немецкий университет, получивший название *Landesuniversität Dorpat* и открытый 15 сентября 1918 года приехавшим прусским министром образования. Но этот университет просуществовал недолго:

⁶⁰ Э. Э. Мартинсон, *История основания Тартуского (б. Дерптского-Юрьевского) университета* (Ленинград, 1954), с. 178.

⁶¹ Сийливаск, *История*, с. 133.

⁶² Sons, *op.cit.*, S. 81.

⁶³ Сийливаск, *История*, с. 167.

11 ноября, в день капитуляции Германии в Компьене, занятия в нем прекратились, после чего решили его закрыть.

1 декабря 1918 г. Юрьевский университет и его имущество были переданы в руки временного эстонского правительства. Но ввиду продолжавшихся военных действий с целью освобождения Эстонии от большевистских войск, начало деятельности нового эстонского университета пришлось отложить. Его открытие состоялось 1 декабря 1919 г., и университет получил эстонское название *Eesti Vabariigi Tartu Ülikool*, причем в публикациях международного характера он значился по-латински как *Universitas Tartuensis*.

В подписанном 3 февраля 1920 г. мирном договоре между Эстонией и РСФСР предусматривалось, что будет возвращено эвакуированное во время войны имущество университета. В сентябре 1920 г. из Воронежа прибыл поезд в 26 вагонов, содержащих главную часть библиотеки университета, а затем были возвращены и недостающие части библиотеки, за исключением некоторых редких русских материалов.⁶⁴

Деятельность Эстонского университета была прервана в 1940 г., когда Эстонию оккупировали советские войска, а затем ее включили в состав СССР. С того времени, страна — а с нею и университет — пережили во время Второй Мировой войны ряд перемен и реорганизаций, которые закончились осенью 1944 г., когда после германской оккупации в Юрьеве (Тарту) вновь утвердилась советская власть.

17 ноября 1944 г. торжественным собранием в актовом зале был вновь открыт Тартуский государственный университет, но в этот раз — как советский.⁶⁵ Продолжая с тех пор свою деятельность, Тартуский государственный университет три раза отмечал годовщины своего основания, в последний раз — в 1982 году.

Когда и как отмечались университетские юбилеи в Дерпте–Юрьеве–Тарту

Ни шведский университет *Academia Gustaviana*, ни его преемник, *Academia Gustavo-Carolina*, не просуществовали достаточно долго, чтобы хоть одному из них пришлось отметить какой-либо юбилей. Более благоприятно сложилась судьба детища императора Александра I. Созданный им Дерптский университет действовал со дня основания в 1802 г. до 1918 г., и за 116 лет беспре-

⁶⁴ Kukk, *op. cit.*, p. 356.

⁶⁵ Сийливаск, *История*, с. 204.

рывного существования он четыре раза отмечал годовщины своего учреждения.

Первое 25-летие университет торжественно отмечал 12 декабря 1827 г. При присуждении золотых медалей за успехи студентам оказалось, что единственную такую медаль получил один из немногочисленных тогда русских студентов по имени Федоров, что в своей речи особо отметил тогдашний ректор университета, профессор Эверс.⁶⁶

Свое 50-летие университет отметил торжествами, продолжавшимися 11 и 12 декабря 1852 г. Во главе приехавших делегаций стояли большей частью воспитанники университета или его бывшие деятели. Существенной особенностью как первого, так и второго юбилейного празднования, было то обстоятельство, что среди съехавшихся гостей «русские имена почти отсутствовали», и поэтому, по мнению одного исследователя, юбилеи «носили исключительно местный характер и не послужили поводом к какому-либо сближению или ознакомлению Дерптского университета с другими русскими университетами и лицами из числа русских ученых».⁶⁷

Из-за продолжавшейся русско-турецкой войны, в 1877 г. 75-летний юбилей университета носил характер более скромный. Юбилей совпадал со столетием рождения императора Александра I, и это отметил в своей речи профессор русской истории А. Брюкнер, указав на заботу государя о культурных интересах края и на то, что «одно из его первых правительственных деяний было — основание нашего университета».⁶⁸

Наконец, 12 и 13 декабря 1902 г. университет торжественно отпраздновал 100-летие со дня основания. Судя по описанию этого юбилейного празднования в книге Сийливаска, оно на этот раз носило не только местный, но и всероссийский и отчасти даже международный характер. Приветствия были получены от всех русских университетов и от многих заграничных научных и учебных заведений.⁶⁹ Среди этих приветствий был поздравительный адрес шведского Упсальского университета. Помещая в своей книге факсимиле латинского текста приветствия и приводя его русский перевод, Мартинсон замечает, что в адресе совершенно не упоминается о бывшем в XVII веке шведском универси-

⁶⁶ Engelhardt, *op.cit.*, S. 462.

⁶⁷ Петухов, *ук.соч.*, т. I, с. 461.

⁶⁸ Там же, т. II, с. 98.

⁶⁹ Сийливаск, *История*, с. 134.

тете. По его мнению, тем самым подтверждается «отсутствие какой бы то ни было исторически преемственной связи его с Тартуским университетом».⁷⁰

В таком же смысле недавно высказался один современный балтийско-немецкий историк, по словам которого «немецкий университет в Дерпте ведь никоим образом не считался преемником основанной в 1632 году *Academia Gustaviana*. Такая связь впервые была проведена эстонским университетом в 20-х г. нашего столетия. В 1928 г. вблизи университета был установлен памятник Густаву Адольфу».⁷¹

Из очерка другого немецкого автора узнаём, что этот памятник в 1928 г. открыл и освятил шведский архиепископ Сёдерблом, а 30 июня 1932 г. последовало празднование 300-летия университета в присутствии шведского престолонаследника Густава Адольфа, будущего короля Густава VI.⁷²

Об этом первом праздновании 300-летия подробно сообщалось в печати балтийских стран и в рижской газете *Сегодня*, посвятившей этому событию несколько репортажей из Эстонии и поместившей обширный очерк истории университета. Составленный так, чтобы прямо не опровергать эстонской версии о якобы 300-летнем существовании университета, очерк все же давал читателю возможность понять, что между 1704 и 1802 гг. в Дерпте никакого университета не было и что именно основанный Александром I университет «не прерывал своей деятельности с 1802 г. до Мировой войны». В очерке упоминалось также, что в 1932 г. среди преподавателей университета было восемь русских.⁷³

По случаю юбилея была выпущена бронзовая памятная медаль, на которой была отчеканена новая версия старшинства университета в виде латинской надписи *Tria saecula Universitatis Tartuensis* и изображения первого канцлера шведского университета Ю. Шютте и организатора эстонского университета профессора Пыльд.⁷⁴

Так в независимой Эстонии проявилось стремление представить прошлое высшего образования в стране делом по преимуще-

⁷⁰ Мартинсон, ук. соч., с. 66.

⁷¹ Heinrich Seesemann, "Die Wahl Pirogows zum Professor in Dorpat 1835/36," *Jahrbuch des baltischen Deutschtums*, Bd. XXXII (1985), S. 34-35.

⁷² Erik Thomson, "Die Universität Dorpat im Wandel der Zeiten, 1632-1982," *Acta Baltica*, XXI (1981), S. 298

⁷³ «300-летие Юрьевского университета», *Сегодня*, № 178 (29 июня 1932), с. 8.

⁷⁴ «Медаль, выпущенная по случаю 300-летия Юрьевского университета», *Сегодня*, № 185 (6 июля 1932), с. 8.

ству шведским и затемнить несомненный факт, что обучение эстонцев в университете и возникновение эстонской интеллигенции стало возможным именно в период русского, а отнюдь не шведского, владычества в Прибалтике. Эта новая концепция, родившаяся в свободной Эстонии, через 50 лет возродилась в Эстонии советской.

Однако первые два десятилетия после включения Эстонии в состав СССР этой антирусской тенденции советские власти еще не следовали, и об истории университета появлялись публикации, в которых она излагалась, в общем, в согласии с историческими фактами. Так, например, в *Истории Эстонской ССР* (вышедшей в 1952 г. и переизданной затем в 1958 г.) читаем о шведском университете: «В 1710 году, после капитуляции Пярну, университет окончательно закрылся», а об учреждении немецко-русского университета в Дерпте говорится: «В 1802 году открылся Тартуский университет, причем он был подчинен непосредственно министерству народного просвещения. Это обеспечило университет материальными средствами для постройки обширных зданий и создания учебной базы».⁷⁵

В соответствии с этими историческими сведениями нынешний Тартуский государственный университет (далее сокращенно называемый ТГУ) 26 сентября 1952 г. отметил 150-летие со дня основания. На торжественном акте выступил проректор по научной части профессор Э. Э. Мартинсон, доклад которого с дополнениями был затем издан отдельно. В предисловии автор говорит, что «эстонские националисты с целью антисоветской и антирусской пропаганды создали миф о якобы шведском происхождении Тартуского университета».⁷⁶ В книге также отмечается, что во время русского господства в крае «были созданы предпосылки для создания эстонской нации» и что университет «уже с первых лет своего существования стал местом формирования эстонской и латышской интеллигенции».⁷⁷

Во вскоре вышедшем втором издании *Большой советской энциклопедии*, в статье о ТГУ совсем не упоминается о якобы шведском происхождении университета, а только говорится, что «он основан в 1802 г. под названием Дерптский университет, с 1893 соответственно переименованию города назывался Юрьевским»,

⁷⁵ Г. И. Наан (ред.), *История Эстонской ССР* (Таллин, 1958), сс. 137, 236.

⁷⁶ Мартинсон, ук.соч., с. 7.

⁷⁷ Там же, сс. 18, 111.

причем в ссылке на литературу указываются сочинения Е. В. Петухова и Э. Э. Мартинсона.⁷⁸

Надо полагать, что выраженная в этих изданиях точка зрения на историю Юрьевского университета имела в то время официальную санкцию и не менялась и позже, когда в 1977 г. пришло время отмечать очередной юбилей университета. Об этом свидетельствует статья «Тартускому государственному университету 175 лет», которая появилась в партийном органе *Советская Эстония*. В ней сообщалось о торжественном юбилейном собрании, на котором с речью выступил первый секретарь ЦК компартии Эстонской ССР И. Кэбин. Он отметил, что первым высшим учебным заведением в Дерпте была основанная шведами в 1632 г. Академия Густавиана. Однако, по его словам, «этот предшественник Дерптского университета только слабо был связан с коренным населением страны, и после Северной войны он прекратил свое существование. Последовал почти столетний перерыв, и в 1802 г. в Дерпте опять открыли университет».⁷⁹

Однако от такой исторически обоснованной точки зрения советская власть затем отказалась и заменила ее новой, весьма неясной концепцией, приближающейся к тому, что Мартинсон в 1952 г. назвал «мифом». Поворот партийной линии не замедлил сказаться в том, что об университете сказано в новом, третьем издании *БСЭ*. Здесь, в статье «Тартуский университет» читаем: «один из старейших вузов СССР ведет свою историю с 1632 года, когда в Тарту была основана *Academia Gustaviana*, действовавшая с перерывами до 1710; вновь открыт в 1802 под названием Дерптский, с 1893 в связи с переименованием города — Юрьевский, после 1918 — Тартуский». Автором статьи значится А. В. Кооп, и каких-либо ссылок на литературу об истории университета энциклопедия не указывает.⁸⁰

Поворот партийной линии нашел отражение и в других советских публикациях, примером чему могут служить две следующие. В 1981 г. в университетской газете ТГУ профессор

⁷⁸ *Большая советская энциклопедия*, 2-е изд. (1956), т. 41, сс. 632-633. Далее: *БСЭ*.

⁷⁹ «Признанный центр науки и образования. Тартускому государственному университету — 175 лет», *Советская Эстония*, № 242 (15 октября 1977). Цит. в обратном переводе с немецкого в сборн. *Dokumentation Ostmitteleuropa* (Marburg/Lahn: Johann-Gottfried-Herder-Institut), Heft 2 (April 1982), S. 92. Далее: *Dokumentation*.

⁸⁰ *БСЭ*, 3-е изд. (1976), т. 25, с. 282. А. Кооп, автор статьи о ТГУ, его ректор с 1970, а с 1975 заведует «лабораторией коммунистического образования» при ТГУ. Член-корреспондент Академии Педагогических Наук СССР.

С. Исаков в статье «Немного об истории нашего университета» сообщил, что через год университет будет отмечать свое 350-летие. Автор называет шведский университет «непосредственным предшественником современного Тартуского университета», а основание в 1802 г. немецко-русского университета — «вторым рождением университета».⁸¹

В 1982 г., в декабрьском номере журнала *Вопросы истории*, появился более обстоятельный очерк на ту же тему. Его автор, член корреспондент АН Эст. ССР К. К. Сийливаск, начинает очерк словами: «В нынешнем году Тартуский университет отмечает 350-летний юбилей» и дает объяснение новой концепции как бы 350-летней истории университета, в которой, однако, «можно выделить пять периодов: шведский (1632-1710), попытки возобновления его деятельности в 18 в., Дерптский (Юрьевский) университет (1802-1918), буржуазный университет (с 1919 до второй мировой войны) и советский вуз». Опубликование этой статьи произошло уже после того, как осенью 1982 г. состоялись юбилейные торжества, отмечающие 350-летие университета.⁸²

К юбилею было приурочено издание трехтомного коллективного труда эстонских историков — *История Тартуского университета. 1632-1982* — на эстонском языке, а также одноименного однотомника на русском языке под редакцией проф. К. Сийливаска.

Изменение официальной линии в вопросе о юбилейной годовщине в 1982 г. сразу было отмечено на Западе. Балтийско-немецкий ежемесячник писал по этому поводу: «Повсюду обсуждается вопрос, исполняется ли университету 350 или 180 лет».⁸³

Тому же вопросу посвятил затем статью профессор Г. фон Раух (известный историк и бывший воспитанник Тартуского ун-та во время независимой Эстонии). Статью он озаглавил: «Юбилей Дерптского университета — 1982 или 2002?». По его мнению, то обстоятельство, что ТГУ в 1982 г. отмечает 350-летний юбилей, отнюдь не свидетельствует «ни о непрерывности его деятельности, ни о его постоянном тождестве», поскольку история университета охватывает несколько весьма различных эпох.

⁸¹ С. Исаков, «Немного об истории нашего университета», *Газета ТГУ*, № 2 (1981).

⁸² Торжества были устроены 9 сентября в Таллине (Ревеле) Академией Наук Эст. ССР и 17 сентября в университете в Тарту (Юрьеве), где они вечером закончились факельным шествием студентов. К. К. Сийливаск, «350-летие Тартуского университета», *Вопросы истории*, № 12 (1982), с. 100.

⁸³ «350 Jahre Universität Dorpat», *Baltische Briefe*, Nos. 3/4, 1982, S. 12.

Раух придерживается мнения, что с балтийско-немецкой точки зрения издавна было принято в первую очередь рассматривать немецкий университет (в Дерпте) с 1802 по 1893 гг. как авторитетный очаг просвещения в Прибалтике. Поэтому он считает, что было бы уместно уже теперь строить планы празднования в 2002 г. двухсотлетия со дня «новооснования» (*Neugründung*) Дерптского университета в 1802 г.⁸⁴

В Зап. Германии вышел также сборник, в который вошли в немецком переводе разные статьи, появившиеся в связи с юбилеем ТГУ в Советском Союзе. В предисловии говорится, что до недавнего времени в Эстонской ССР было принято считать годовщины «повторного открытия» (*Wiedereröffnung*) университета 1802 г. и что балтийские немцы тоже придерживались этой традиции. По мнению автора предисловия, «нет необходимости судить об обоснованности отдельных традиций, так как Дерптский университет не обладает непрерывностью по сегодняшний день ни с 1632 г., ни с 1802 г.». Он считает, что это явствует из цитированного выше очерка К. Сийлиласка. Что же касается эстонцев, то он замечает, что для них важна дата открытия университета независимой Эстонии 1 декабря 1919 г. Однако по обстоятельствам времени эту годовщину возможно праздновать лишь за рубежом, в первую очередь — в Швеции.⁸⁵

* * *

В зарубежной полемике вокруг вопроса о том, которую годовщину Юрьевского университета следовало бы отмечать в 1982 г., внимание сосредоточено на национальных традициях, под которыми, по существу дела, понимаются различные точки зрения отдельных заинтересованных в этом вопросе народов: балтийских немцев, эстонцев и латышей. Такой подход избегает целого ряда вопросов о том, насколько та или другая национальная традиция обоснована и находит подтверждение в фактах истории или, наоборот, ими пренебрегает и представляет собой их приспособление к национально-политической идеологии отдельных национальностей. Нежелание касаться этой щекотливой темы ясно выражено в процитированной оговорке: «нет необходимости судить об обоснованности отдельных традиций».

⁸⁴ Georg von Rauch, "Das Jubiläum der Universität Dorpat—1982 oder 2002?" *Jahrbuch des baltischen Deutschtums*, Bd. XXX (1983), S. 47, 52. Далее: Rauch, "Das Jubiläum der Universität Dorpat".

⁸⁵ *Dokumentation*, S. 1.

О русской национальной традиции нет и речи, и надо, видимо, понимать, что ее отождествляют с советской, отличающейся непостоянством и зависимостью от изгибов партийной линии. Сперва казалось, что советы придерживаются старой традиции отсчитывать юбилейные годовщины университета от его основания императором Александром I в 1802 г., в связи с чем отмечались: в 1952 г. — 150-летие, а в 1977 г. — 175-летие ТГУ. Но этот подход оказался недолговечным, и он был заменен другим, согласно которому временем основания ТГУ стали считать 1632 г., причем почти столетний промежуток между университетами шведским и немецко-русским (1710-1802) представляется как некая историческая пустота, нестоящая упоминания или пояснения.

В то время как Петухов в 1902 г., упоминая шведский университет, с полным основанием назвал его «далеким предшественником» Юрьевского университета, представитель эстонской компартии в 1977 г. называл его «предшественником», а Исаков в 1981 г. уже — «непосредственным предшественником ТГУ» (курсив мой — Д. Л.).

Для создания представления о каком-то одном постоянно существовавшем университете в Дерпте, советские авторы пользуются и другими словесными ухищрениями. Так, например, один из них пишет, что «Дерптский университет был создан на базе шведского университета, основанного в Дерпте в 1632 г.», невзирая на то обстоятельство, что к моменту учреждения университета в 1802 г. никакой конкретной «базы» в Дерпте не сохранилось.⁸⁶

Сийливаск, критикуя Мартинсона, говорит, что последний «придал юбилею [1952 г. — Д. Л.] несколько односторонний характер, поскольку отрицал исторические связи восстановленного в 1802 г. Тартуского университета с университетом 17 века».⁸⁷ Но из труда самого Сийливаска об этих «исторических связях» никаких сведений почерпнуть нельзя. Слово «восстановление» в применении к новому, созданному императором Александром I, университету повторяется и в других местах книги Сийливаска; так озаглавлена им глава «Восстановление университета и его деятельность в 19 веке (1802-1889)».⁸⁸ Видимо, он не обращает

⁸⁶ А. С. Бутягин и Ю. А. Салтанов, *Университетское образование в СССР* (Москва, 1957), с. 263.

⁸⁷ Сийливаск, *История*, с. 9.

⁸⁸ Там же, с. 66.

внимания на то, что при таком словоупотреблении может возникнуть естественный вопрос: как можно восстановить (иными словами — привести в прежнее состояние) учреждение, созданное другой властью в иных условиях и полностью переставшее существовать уже почти сто лет до того?

Вводящее в заблуждение выражение «восстановление университета» встречается и в некоторых современных балтийско-немецких публикациях. В одной из них, во время дискуссии о старшинстве университета, было сказано, что «9 апреля 1798 царь Павел дал разрешение на возобновление учебной деятельности» (*Wiedereröffnung des Lehrbetriebes*).⁸⁹ По этому поводу в редакцию один из читателей ежемесячника высказал резонное пожелание, чтобы был опубликован текст указа Павла I. По мнению читателя, если император действительно высказался так, как это сказано в статье, то дискуссия о старшинстве «стала бы излишней».⁹⁰ И действительно, такой спор по существу должен быть признан излишним, ибо, как явствует из текста указа 9 апреля 1798 г., речь в нем идет об «учреждении университета», а отнюдь не о «возобновлении учебной деятельности». Поэтому некоторые известные балтийско-немецкие историки говорят, подобно Рауху, что в 1802 г. произошло *Neugründung* (т.е. «новооснование») университета. Виттрам отмечает, что современники восприняли это событие «как новое и более значительное начинание».⁹¹

Ознакомление с подлинным содержанием актов русских монархов, по воле которых в 1802 г. был учрежден немецкий университет в России, не оставляет сомнения, что это произошло не потому, что в Дерпте когда-то был шведский университет, а потому, что к концу XVIII века в Прибалтийском крае создались условия, побуждавшие местное дворянство более настоятельно добиваться образования местного высшего учебного заведения, а в России на престоле оказались монархи, особенно склонные к удовлетворению нужд этого края. В лице императора Александра I на престоле был монарх, которого Клиндер в письме к Гёте назвал «самым благородным правителем в Европе»,⁹² и заботы которого о развитии образования в России были связаны, по

⁸⁹ “350 Jahre der Universität Dorpat,” S. 12.

⁹⁰ Joh. Precht, “Historische Genauigkeit,” *Baltische Briefe* (Das Forum der BB), № 5 (1982), S. 6.

⁹¹ Wittram, “Die Universität Dorpat,” S. 195.

⁹² Там же, с. 198.

словам Петухова, с «высоким полетом мысли».⁹³ К тому же император смотрел на Россию как на многонациональную империю и охотно шел навстречу пожеланиям представителей ее нерусских окраин. Виттрам это выразил словами: «Государство Александра I не было государством национальным, но империей, которая давала широкие возможности деятельности также нерусским и неправославным лицам».⁹⁴

В актах, относящихся к основанию Императорского Дерптского университета, ни словом не упоминается существовавший за сто лет до того в Дерпте шведский университет. Как от воли абсолютного шведского монарха зависело решить, что учреждаемый им университет будет находиться в Дерпте, так и от воли русского самодержавного императора зависело решить, где будет новый им учреждаемый университет. Когда в конце концов им было принято решение, что университет будет не в Митаве, а в Дерпте, то решение это было принято на основании соображений Сената, выраженных в актах от 9 апреля 1798 г. и 12 апреля 1801 г., и совсем не связанных с фактом местонахождения шведского университета в XVII веке.

Рассматривать Императорский Дерптский (потом Юрьевский) университет как некое продолжение шведского университета или считать первый преемником второго — явно противоречит установленным историческим фактам. Вкратце их можно свести к следующему.

— Шведский университет был основан по воле шведского короля и содержался на средства шведской казны. Немецко-русский университет 1802 года был учрежден по воле русского императора и содержался на средства русской казны.

— От шведского университета ничего не осталось к 1802 году: ни здания, ни архива, ни библиотеки.

— Для немецко-русского университета было построено новое здание, библиотека и остальное движимое имущество приобретено на средства русской казны.

— Преподавание в шведском университете велось на латинском языке, а в немецко-русском — на немецком, а потом — на русском языке.

— К моменту учреждения Императорского Дерптского университета в 1802 г. прошло 103 года со времени переезда шведского университета из Дерпта в Пернов и 92 года со времени его

⁹³ Петухов, ук. соч., т. I, с. 116.

⁹⁴ Wittram, "Die Universität Dorpat," S. 199.

окончательного закрытия в Пернове. Ни один из преподавателей или воспитанников шведского университета не был в живых и не мог стать преподавателем в университете 1802 года.

Естественный вывод из этого может быть только один: мы имеем дело с двумя независимыми друг от друга высшими учебными заведениями, одновременно существовавшими и не имеющими между собой ничего общего, кроме того факта, что оба находились в Дерпте: один — в XVII-XVIII вв. во времена шведского владычества в Прибалтике, а другой — в XIX-XX вв. во время владычества русского. Такое понимание дела было выражено в начале нашего века историографом университета профессором Е. В. Петухом. Ему следовали некоторое время и советские власти в Эстонии после включения ее в состав СССР.

О причинах последовавшего затем изменения официальной точки зрения на историю университета находим указание в юбилейной книге Сийливаска, где он пишет: «После XX съезда КПСС в 1956 году существенно изменилась и трактовка истории Тартуского университета».⁹⁵ Здесь автор, по-видимому, имеет в виду одну из резолюций съезда, гласящую:

В своей национальной политике партия исходила и исходит из ленинского положения о том, что социализм не только не устраняет национальных различий и особенностей, а, наоборот, обеспечивает всестороннее развитие и расцвет экономики и культуры всех наций и народностей. Партия должна и впредь самым внимательным образом учитывать эти особенности во всей своей практической работе.⁹⁶

Предписываемая этой резолюцией обязанность учитывать национальные особенности привела, видимо, к тому, что партия пошла навстречу настроениям и взглядам на свое прошлое, которые сохранились у эстонского населения со времен независимости Эстонии. Характерной чертой того периода была, по словам Рауха, «шведская ориентация», что, между прочим, находило выражение в том, что из всех предыдущих периодов истории Прибалтики особо выделялась шведская эпоха, которая рассматривалась как «доброе шведское время».⁹⁷

Учет этих настроений и привел, по-видимому, к тому, что «существенно изменилась трактовка истории университета», ко-

⁹⁵ Сийливаск, *История*, с. 8.

⁹⁶ XX съезд коммунистической партии Советского Союза. *Стенографический отчет* (Москва, 1956), т. II, с. 422.

⁹⁷ Rauch, "Das Jubiläum der Universität Dorpat," S. 51.

торая позволяет произвольно переносить основание университета из русского в «доброе шведское время», заметно приближая тем самым новую трактовку к той версии, которую осудил в своей книге 1954 г. советский профессор Э. Э. Мартинсон, считая ее «фальсификацией истории университета».⁹⁸

Приложение

Тексты законодательных актов российских монархов, относящихся к учреждению университета в Дерпте (в извлечениях и полностью)

Царствование императора Петра I

- (а) Полное Собрание Законов, том IV, год 1710, сс. 519 и 521.
2279. — Июля 4. Аккордные пункты, заключенные в лагере под Ригию между Шляхетством и Земством Княжества Лифляндского и Генерал-Фельдмаршалом Графом Шереметевым. —
О предоставлении жителям сего Княжества прежних прав, привилегий и преимуществ, как по духовным так и по светским делам.

[.....]

Резолюция: [.....]

4. Университет в Лифляндии, понеже оной довольными доходами и маестностями снабден, дабы по прежнему остался и всегда имел искусных профессоров Лютерского закона, и чтоб для выгоды шляхетских младых людей во оном университете учителя языков и экзерциций определены были.

На 4. Сколь скоро помощью Божиею город Пернов под владение Его Царского Величества приведен будет, то Его Величество университета выгоды и привилегии, ежели оный во время приступа к городу непротивен учинится и ни во что вступаться не будет, паче распространит, нежели убавит, и того смотреть будет, чтоб университет всегда искусными профессорами, такожде и учителями языков и экзерциций снабден был; понеже Его Царское Величество из Своих собственных Государств и земель младых людей для обучения туда посылать будет, для лучшей славы оного университета. Чего ради Высокопомянутому Его Царскому Величеству свободное отправление Греческого закона предоставляется. А ежели город не с договором, но штурмом взят будет и принадлежащие к университету персоны оборону учинят, то с ними так, как со всеми прочими городскими обыватели, по образцу и обыкновению воинскому поступлено будет.

[.....]

⁹⁸ Мартинсон, ук.соч., с. 7.

-
- (б) Полное Собрание Законов, том IV, год 1710, сс. 578-579.
2304. — Октября 12. Решение Государя Петра I, на представленные в волю Его Величества пункты дворянства и жителей Лифляндских, при покорении их Российской Державе. — Данное в Санктпетербурге за подписанием Канцлера Графа Головкина.
[.....]

По 4 пункту. На прошение о содержании Академии, или высокой школы в Пернаве в добром состоянии: позволяет Его Царское Величество Своему верному Рыцарству, что они с верховным консисторием своим искусных профессоров назначать и предлагать могут: и тогда Его Величество о их призвании такое попечение прилагать изволит, чтоб высокая школа благоснабдена была, яко же об оной совершенном и довольном учреждении и содержании Его Царское Величество все чинить будет; но при том оставляет себе особливого профессора в высокой школе учредить, который Словянскому языку обучати, и оной бы тамо ввести мог.
[.....]

Царствование императрицы Екатерины II

- (в) Полное Собрание Законов, том XXII, год 1786, с. 526.
16.315. — Генваря 29. Именной, данный Комиссии об учреждении училищ. — *О составлении плана для заведения Университетов в Пскове, Чернигове и Пензе.*

Видев с особливым удовольствием успехи и пользу от трудов Комиссии об учреждении Училищ происходящие, Мы признаем за нужное, чтоб она приступила к сочинению плана Университетам и Гимназиям в разных местах Империи Нашей заводимым. Для исполнения сего, доставляя сведения Нами собранные по сей части, и книги по другим местам для таковых вышних Училищ употребляемые, повелеваем той Комиссии представить Нам мнение ея на каковом пространстве устроить помянутые Университеты и Гимназии; в руководство же ей предписываем: 1) На первое время достаточным Мы почитаем иметь три Университета, и именно: в Пскове, Чернигове и Пензе. 2) Богословский факультет не должен входить в Университеты; ибо по правилам от Предков наших принятым и от нас свято наблюдаемым учение Богословии присвоено Училищам Духовным, из коих не токмо две Духовные Академии, Московская, Заиконоспаская и Киевская тем факультетом снабдены, но и всякая Семинария может завести сие учение.
[.....]

Царствование императора Павла I

- (г) Полное Собрание Законов, том XXV, год 1798, сс. 186-187.
18.474. — Апреля 9. Именной, объявленный Сенату Генерал-Прокурором. — *О запрещении отправлять в Иностранные Училища молодых*

людей и о учреждении Университета для Лифляндского, Эстляндского и Курляндского Рыцарства.

Его Императорское Величество, по причине возникших ныне в Иностранных Училищах зловредных правил к воспалению незрелых умов, на необузданные и развратные умствования подстрекающих, и вместо ожидаемой от воспитания посылаемых туда молодых людей пользы, пагубу им навлекающих, Высочайше указать соизволил: отправление их в чужестранные воспиталища воспретить. Но дабы не ограничить тем способов к образованию и просвещению в особенности благородному юношеству *Лифляндскому, Эстляндскому и Курляндскому*, и тем наипаче воздействовать к общему и частному благу, Всемилостивейший Государь Император соизволил оказать Высокомонаршую волю, чтобы Рыцарства *Курляндское, Эстляндское и Лифляндское*, по собственному их согласию, избрали наилучшее для учреждения Университета место, и на основании желаемой пользы соответственным, устроили оный: а сим самым, попечительные о благе чад своих родители, Училищу ими заведенному, вверяя воспитание их так сказать, под собственным своим надзором, и не отлучая их из отечества, не подвергнут более себя и драгоценных залогов жизни, неизвестности успехов в образовании их. Во изъявление же сугубого к полезному и надежному сему заведению отеческого попечения и благости, Всемилостивейше простирает Монаршую щедроту Свою на вспомоществование при устроении сего воспиталища.^(*)

^(*) *По выслушании сего Именного указа Правительствующий Сенат Приказали:* в Лифляндское, Эстляндское и Курляндское Губернския Правления послать указы с тем, чтобы оные Правления обвести Дворянские тех Губерний Соборания, дабы они, для должного по сему Его Императорского Величества Высочайшему Именному указу исполнения, как возможно скорее по отношению между собою, назнача место чрез избранных от себя, съехались в оное и сделали обще проэкт, в каком именно месте и на каком основании полагают они быть упомянутому Университету, и оный проэкт предоставили бы Сенату на рассмотрение. А как сим Высочайшим Его Императорского Величества указом, воспрещается отправлять молодых людей в чужестранные воспиталища; то о таковом Высочайшем Его Величества соизволении, дать знать всем Губернским Правлениям и прочим Присутственным местам початными указами; в Святейший же Правительствующий Синод и в Московские Сената Департаменты сообщить ведения.

-
- (д) Полное Собрание Законов, том XXV, год 1799, сс. 629-631.
18.953. — Мая 4. Высочайше утвержденный план Протестантского Университета в Дерпте.

Именный указ, данный Сенату. — Возвращая к надлежащему исполнению представленный Нам при докладе Сената Нашего 3 Департамента план Протестантского Университета и утверждая мнение Сената, о учреждении оного в Дерпте, Всемилостивейше повелеваем: в ободрение и споспешествование ему назначить и по усмотрению Лифляндского и Эстляндского Генерал-Губернатора отвести в пользу его в Дерпте потребное количество земли и казенный дом. По устроении же и открытии его, когда все части воспримут свое действие и приведены будут в успешное движение: тогда Сенат Наш, к вящему подкреплению сего полезного заведения и в удостоверение Нашего к нему внимания, избрав по удобности 100 Лифлянд-

ских гаков, имеет поднести Нам доклад о утверждении их сему Училищу, с тем, чтоб они были во владении его доколе оно в действии и совершенстве пребудет.

Доклад. Действительный Тайный Советник и Генерал-Прокурор Князь Лопухин объявил в 30 день Ноября 1798 года, что Ваше Императорское Величество соизволили повелеть разные начертания, относительные до учреждения Протестантского Университета в Российской Империи и проэкт по сему же предмету Надворного Советника Шуберга, рассмотреть обще с планом Курляндского, Эстляндского и Лифляндского Рыцарства депутатов, и сделав по оным надлежащее определение, войти к Вашему Императорскому Величеству с докладом.

Во исполнение сей Высочайшей Вашего Императорского Величества воли Сенат оные разсматривал, и признал план Курляндского, Эстляндского и Лифляндского Рыцарства депутатов более достаточным, основательным и выгодным, нежели прочие, но требующим однакож еще изъятий и дополнений; почему и учинил в оном некоторые перемены, и в сем последнем образе имеет счастье подносить его ныне Вашему Императорскому Величеству с нижеследующим притом всеподданнейшим донесением.

Курляндское Рыцарство назначало удобнейшим местом для основания Университета город Митаву; но Сенат, согласно с представлением Лифляндского и Эстляндского Рыцарства, отдает преимущество городу Дерпту, ибо он находится почти в середине означенных трех Губерний; положение свое имеет на сухом месте, между тем как Митава окружена болотами; употребляет Российскую монету и ассигнации, и сверх того превосходит дешевизною съестных припасов: следовательно может более доставлять способов недостаточным родителям к помещению в предполагаемое Училище детей своих.

[.....]

План Университета

Отделение I. — *О предмете учреждения Университета.*

§ 1. Учреждается Университет для всей Российской Империи, наипаче же для Рыцарства Лифляндского, Эстляндского и Курляндского.

§ 2. Позволяется принимать в оный и разночинцев на основании Императорского Московского Университета, равно и иностранных.

[Следуют: Отд. II (О преимуществах Университета), §§ 3-20; Отд. III (Об общих Университетских постановлениях §§ 21-107 и Отд. IV (О штате Университета), § 108.]

-
- (e) Полное Собрание Законов, том XXVI, год 1800, с. 482. 19.700. — Декабря 25. Именной, данный Сенату. — *О бытии назначенному к учреждению в Дерпте Университету в Митаве.*

Назначенному к учреждению в Дерпте Университету, для Лифляндии, Эстляндии и Курляндии, повелеваем быть в Митаве со всеми прежде пожалованными ему выгодами, обращая в оный существующую там Гимназию с состоящими при оной строениями, библиотекою и прочими принадлежностями.

Царствование императора Александра I

- (ж) Полное Собрание Законов, том XXVI, год 1801, с. 610. 19.831. — Апреля 12. Именной, данный Сенату. — *Об утверждении назначения Университета в Дерпте.*

Желя облегчить способы для воспитания и просвещения юношества, обратили Мы внимание Наше на основание Университета, прежде назначенного в Дерпте, потом перемещенного в Митаву, и находя назначение Дерпта несравненно выгоднейшим по причине положения оного в средоточии трех Губерний: Рижской, Ревельской и Курляндской, удобностей жизни, изобилия, обращения Государственной монеты и других обстоятельств, не менее важных, Всемилостивейше подтверждаем прежнее назначение Университета в Дерпте, Правительствующий Сенат имеет принять в уважение надлежащие средства к благоуспешному совершению столь полезного заведения, и предписать, кому следует, о исполнении сего Нашего соизволения.

- (з) Полное Собрание Законов, том XXVII, год 1802, с. 154. 20.280. — Мая 26. Сенатский. — *Об открытии Дерптского Университета.*

Правительствующий Сенат, слушав рапорт Коллегии Кураторов Дерптского Университета, которым доносит, что открытие оного Университета, минувшего Апреля 21 и 22 чисел с торжественным обрядом действительно последовало, Приказали: об открытии Дерптского Университета дать знать всем Присутственным местам и Губернским Правлениям, также Гг. Военным Губернаторам, управляющим по Гражданской части и Гражданским Губернаторам; в Святейший же Правительствующий Синод и в Московские Сената Департаменты сообщить ведению.

- (и) Полное Собрание Законов, том XXVII, год 1802, с. 394. 20.551. — Декабря 12. Акт постановления для Императорского Университета в Дерпте.

Божиею милостию Мы, Александр Первый, Император и Самодержец Всероссийский и проч., и проч., и проч.

По благотворительным намерениям блаженной и вечностойной памяти Любезнейшего Родителя Нашего, Государя Императора Павла I учреждаем настоящим актом постановления, на вечные времена для Импе-

рии Нашей, а в особенности для Губерний Лифляндской, Эстляндской и Курляндской, Университет, коего существование определяем Мы в городе Дерпте; и как столь приятно Нашему сердцу привести сие святилище наук в цветущее состояние, то по сему и приемлем оный Университет в особенное Наше покровительство и защиту.

Учреждение сие имеет преимущественно целью распространение человеческих познаний в Нашем Государстве, и купно образование юношества на службу отечества; для сего рассудили Мы за необходимое для достижения сей важной цели, преподать потребные к тому средства. В сем предположении жалуем оному Университету следующие недвижимые имения и преимущества:

1. Место, бывшее перед сим под Дерптскою крепостию, называемое Думою, и также место прежде бывшей Шведской церкви, с их принадлежностями; сверх того из казенных мыз 240 Лифляндских гаков по Шведской ревизии; но поелику Университет не может вдруг вступить во владение сих недвижимостей: то то по сему и определяем получать оному из Государственного Казначейства по по 120.000 рублей Государственными ассигнациями ежегодно, пока не откроются вакантные мызы, считая выдачу оной суммы с 23 Апреля ныне текушаго 1802 года, то есть, со дня открытия сего Университета, так что, когда он вступит во владение имеющих за сим открыться гаков, Казначейство должно вычитать из вышепоказанной суммы за каждый гак по 500 рублей.

[Следуют §§ 2-16. Заключительный § 17-ый и конец акта гласят:]

17. Университет имеет право принимать в число Студентов всякого звания или состояния людей, уроженцев и иностранных, которые все должны однакож предъявить о своем состоянии писменные свидетельства. Каждый же из НАШИХ подданных вышеупомянутых трех Губерний, Лифляндской, Эстляндской и Курляндской, обязан три года обучаться в сем, или другом в Империи НАШЕЙ учрежденном Университете для занятия в сих Губерниях какого либо места, требующаго Юридических или других нужных в оном познаний, выключая тех чиновников, кои по Имянному НАШЕМУ повелению определяются. Но сие положение, касающееся до вступления в службу чиновников, спустя не менее пяти лет, считая от открытия Университета, имеет быть приведено в действие.

На конец препоручаем МЫ сей НАШ ИМПЕРАТОРСКИЙ Университет честности сочленов и попечению Начальников оного, уважению всех верных подданных НАШИХ и Высочайшему покровительству Преемников Престола НАШЕГО.

В удостоверение чего, и дабы Акту сему постановления доставить законную силу и твердость, как для нынешних, так и предбудущих времен, Всемилостивейше соблагволили МЫ оный Акт собственноручно подписать, повелев утвердить Государственною НАШЕЮ печатью, и отдать оригинал сей на вечное сохранение Совету Университета.

Публикация Д. Г. Андреевой

Гоголь как историк

Николай Андреев*

Публикуемая тут впервые работа покойного историка, проф. Н. Е. Андреева, была прочитана им в Карловом университете в Праге в феврале 1928 г.

Этот материал из личного архива автора был нам любезно предоставлен его вдовой, Д. Г. Андреевой, и печатается здесь с незначительными стилистическими изменениями.

Ред.

Попытаться указать основные мысли и настроения Гоголя в его произведениях исторического оттенка, установить, что настроения эти характерны для всего облика Гоголя-писателя и попутно рассмотреть вопрос о профессуре Гоголя — вот общие контуры сообщения.

* Николай Ефремович Андреев — историк, литературовед и искусствовед. Директор Института имени Н. П. Кондакова в Праге. Экстраординарный профессор Кембриджского университета. Член литературного сотрудничества «Скит». Редактор, автор, литературный критик. См. биографию и библиографию в фештшрифте *To Honor Nikolay Andreyev. Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday*, eds. William Harrison and Avril Pyman (*Canadian-American Slavic Studies*, vol. 13 [1979], Nos. 1-2).

Гоголь и история. Сочетание это, соединение имени писателя-художника и строгой науки совсем не является ни случайным, ни мимолетным. Гоголь таил в себе большое и настоящее «влечение — род недуга» к историческим песням, темам, к старине, был приколдован, особенно в молодые годы, далями отзвучавших столетий.

И это стремление Гоголя чрезвычайно характерно и для его писательской личности, для его вкусов, интересов и настроений, и просто, как для человека.

В самой любви к истории, в желании быть историком, в подходе к темам и разработке их раскрывается, причудливо и разноцветно узорясь, вся сложная, пестро-взволнованная душа Гоголя и — что всего важнее — раскрывается в плане, не осложненном и не затемненным, как позднее, болезненно-обостренными настроениями писателя.

Все содержание души писателя отчетливо выступает на свет в данном плане, но внимание наблюдателя не отвлекается, как в поздние этапы жизни Гоголя, болезненными явлениями душевных переживаний писателя.

Два типичных состояния душевного лика можно видеть у Гоголя. Уродливо смеющимися, порою страшными рожами чудились Гоголю его герои, все эти Чичиковы и Кувшинные рыла, Собакевечи и Коробочки, Хлестаковы и Сквозник-Дмухановские...¹

Чудились неясно в момент создания и подавляюще ярко в часы душевной тоски, когда, казалось, отовсюду «на всенародные очи» встают скорбные видения, мучащие душу, созданные творческим проникновением, но от созерцания которых рвется крик: «Скучно на этом свете, господи!» Этот мир почувствован и рожден был Гоголем в незримых лабораториях его души в часы мучительных раздумий и в то же самое время — сладостных взлетов творческого прозрения, когда мерещилось Гоголю, что для великих свершений призван он в мир.

Это был один лик Гоголя.

Но приходили другие часы. Отступали тревожные сомнения. Исчезали видения уродливых рож. Меркла для Гоголя вся «окольность». И пел тогда он о гигантской тройке-птице России, о том, что «чуден Днепр», об украинской ночи, рассказывал легендарные истории о Запорожской вольной Сечи. И горький смех

¹ «... на Руси есть такая изрядная коллекция гадких рож, что не втерпех мне пришлось глядеть на них. Даже теперь плевать хочется, когда об них вспомню!» (Письмо Гоголя Погодину, 1836 г.)

«сквозь незримые миру слезы» сменялся вдохновенным лиризмом.

Это — второй лик Гоголя.

Гоголь как историк и исторический романист, весь принадлежащий к этим вторым своим настроениям, к этим бодро-светлым началам в своем творчестве, началам, полным лиризма и пафоса не только в языке, но и в настроении.

Поставленная тема разворачивается в двойном сочетании: (i) Гоголь как историк-преподаватель, (ii) Гоголь как историк-художник.

Эпопея профессуры Гоголя по кафедре истории в Петербургском университете *внешне* исчерпывает первую часть задачи.

Но внутреннее содержание обеих частей — *едино*. Формально оконченный уходом из Университета эпизод с преподаванием фактически, в сущности своей, продолжался еще долго. Даже больше, все настроение Гоголя-писателя, в сущности своей, и в художественной сфере и во время занятий историческими вопросами, представляется мне в основах своих однородным, принимающим только в разное время различные оттенки. Почва для всех построек одна и та же.

Сначала в беглых чертах изложу фактическую сторону вопроса о Гоголе историке-профессоре. Биография и собственные письма Гоголя свидетельствуют, что он еще в Нежинском лицее обнаружил интерес к истории и только ею там занимался хорошо. Интерес перешел в любовь, когда Гоголь начал собирать материалы для своих малороссийских повестей. Погодину, в одном из писем 1832 года, т.е. после выпуска первого тома *Вечеров на хуторе близ Диканьки*, Гоголь даже заявляет: «Главное дело — всеобщая история, а прочее — стороннее». В 1831 году Гоголь поступил учителем в Патриотический институт, где, по словам Котляревского, удачно выполнял свои обязанности. Этот успех чрезвычайно окрылил Гоголя и у него сразу появляются мечты написать всеобщую историю и географию под названием «Земля и Люди».

Привожу этот факт потому, что здесь есть маленький намек на один из поводов к мечтам Гоголя о профессуре, о которых становится известно в 1833 году.

В 1834 году, в сентябре, Гоголь был назначен адъюнкт-профессором в Петербургский университет по кафедре всеобщей истории. В конце 1835 года Гоголь, во время «чистки» профессорского состава прекратил свою деятельность в университете.

Вероятно, Гоголь и сам ушел бы с кафедры. Дело все

заклучалось во времени. Ибо состояние духа Гоголя было не слишком важное. Уже в 1834 году, спустя несколько месяцев после начала профессорского труда, Гоголь писал Погодину: «Я читаю один, решительно один в здешнем университете. Никто меня не слушает и ни в одном лице ни разу не встретил я, чтобы поразила его яркая истина».

Гоголь-профессор не нашел сочувствия себе и отклика в студенчестве и повинны, как можно заключить из приведенной цитаты, в этом окружавшие его люди. Но свидетельства его современников, собранные, напр., в книге Котляревского *Гоголь*, говорят в большинстве против самого Гоголя-профессора. Васильев, Тургенев, Никитенко в один голос осуждают Гоголя-профессора. Кажется, лишь один Иваницкий дал хороший отзыв о первой его лекции.

Русская критика, а за нею и общее мнение, часто с порицанием рассматривает эпизод профессорства Гоголя. Орест Федорович Миллер называл его даже «позорным». Сам Шенрок, лучший биограф Гоголя, в своих «Материалах к биографии Гоголя» выдвигает по вопросу о профессорстве Гоголя ряд обвинений-уколов, которые сводятся к таким положениям:

(i) Гоголь в своей ученой деятельности искал прежде всего выгод материальных и карьерных и из-за невероятной беспечности и самонадеянности отнесся к своей задаче легкомысленно.

(ii) Гоголь в истории не обладал никакою эрудициею, никакими самостоятельно-выработанными научными взглядами, никакую продуманную историческую системую.

У Пыпина в IV томе *Истории русской литературы* взгляд на Гоголя-профессора тоже отрицательный, но здесь высказана уже важная мысль, смягчающая обвинение, а именно: самонадеянность Гоголя в данном вопросе была косвенно поддержана приложенной некстати теорией о превосходстве поэта-художника над толпой.

Волынский, в статье «Гоголь как профессор» из книги *Русские критики*, ссылаясь на статью Витберга «Гоголь как историк», опубликованную в августе 1892 г. в *Историческом вестнике*, говорит:

Витберг находит, что увлечение историей составляло весьма серьезный вопрос в жизни Гоголя, что склонность к ней обнаружилась у Гоголя еще во время пребывания его в Нежинской гимназии и что поэтому на его исторические занятия следует смотреть не как на хвастовство, а именно, как на увлечение, в котором он искренно, без всякого желанья хвастать и преувеличивать свои знания, свои ученые способности, считал себя способным к серьезному и небесполезному научному труду.

Волынский прямо заявляет:

В невежестве Гоголя обвинить нельзя. В исторических статьях его, собранных в 5-ом томе сочинений Гоголя, издания Тихонравова, есть и систематический продуманный взгляд на предмет истории, довольно большие знания и, поистине, блестящая способность рисовать исторические события в захватывающих, широких картинах, с поразительной поэтической силой.

Волынский утверждает: «Самая мысль об его профессуре пришла в голову не ему, а его друзьям-профессорам. Он только ухватился за нее и со свойственным ему увлечением стремился к ее осуществлению». Отмечает критик и то, что первый раз предложение профессуры было сделано Гоголю в 1830 или 1831 гг., в то время, как его собственное желание стать учителем на университетской кафедре обнаруживается к 1833 году. Волынский сомневается, чтобы

все эти профессора, а вместе и Жуковский, и Пушкин, и кн. Вяземский, и Дашков, и Левашов хлопотали о Гоголе только потому, что были введены в заблуждение его самоуверенностью. Не вернее ли предположить, что эта самоуверенность могла явиться у Гоголя именно вследствие того, что сами приятели его, профессора, первые внушили ему мысль о профессуре.

Венгеров в своей статье «Писатель-гражданин» выступает с еще более убедительной защитой Гоголя как профессора. Профессура не принесла ему «беславия», хотя Гоголь сам писал Погодину:

Я расплевался с университетом и через месяц снова вольный казак. Неузванным я взшел на кафедру и неузванным схожу с нее. Но в эти полтора года — годы моего беславия, потому что общее мнение говорит, что я не за свое дело взялся — в эти полтора года я много вынес оттуда и прибавил в сокровищницу души ...

Венгеров на ряде примеров утверждает то положение, что Гоголь был выше среднего уровня профессоров того времени — это доказывается, например, редким для той эпохи фактом, именно: Гоголь составлял собственные лекции.

Затем Венгеров продолжает, что от Гоголя, как таланта, ждали и лекций блестящих, необыкновенных. Психологически объяснима повышенная требовательность слушателей к Гоголю. Поддерживает Венгеров и то, что самая мысль о профессорстве возникла не у самого Гоголя, а внушена ему другими. Таковы мнения нескольких исследователей, с Шенроком не согласных.

Затем, характерно — Гоголь не сразу принял предложение, но трижды от кафедры отказывался.

Правда, в первом случае, это самое предложение кажется сомнительным, ибо в нем имеется только свидетельство, очень неясное, самого Гоголя в письме к Пушкину от 23 декабря 1833 года: «Назад тому три года я мог бы занять место в Московском университете, которое мне предлагали».

Второе предложение относится к концу 1833 и началу 1834 года. Оно шло от проф. Максимовича и звало в Киев. Гоголь с восторгом шел туда на кафедру всеобщей истории. Письма его за этот период полны радости и мечтаний о работе в Киеве, о работе над историей Малороссии и всеобщей историей. Фантазия Гоголя уносилась чрезвычайно далеко и рисовала ему уже много-томные труды по истории.

Но ему предложили в Киеве вместо кафедры истории всеобщей кафедру истории русской. И чрезвычайно характерно, что карьерист, легкомысленный, гонящийся за материальным обеспечением прежде всего (по Шенроку) Гоголь пишет от 28 мая 1834 г. тому же Максимовичу: «Право страшно: они воображают, что различия предметов это такая маловажность и что, кто читал словесность, тому весьма легко преподавать математику или врачебную науку, как будто пирожник для того создан, чтобы тачать сапоги. Я с ума сойду, если мне дадут русскую историю».

На кафедру русской истории Гоголь не пошел и через несколько месяцев отверг третье предложение — в Московский университет, куда звали его настойчиво.

Только когда появилась возможность сделаться профессором в Петербурге по кафедре всеобщей истории (чего и хотел добиться Гоголь после неудачи с Киевом) Гоголь вступает в университет учителем и проповедником.

Это весьма показательно для Гоголя. И всеми этими приведенными фактами и голосами авторитетных исследователей, мне кажется, первое обвинение Гоголя Шенроком в карьеризме и легкомысленном отношении к своим задачам значительно отстраняется. Гоголем здесь не руководили главным образом карьерные цели, а в отношении к предложению занять кафедру русской истории ясно видно его сравнительно серьезное понимание задачи, которую он брал на себя. При обзоре содержания исторических работ придется сделать еще некоторые выводы о профессорской деятельности Гоголя. Сейчас же уместно добавить, что неудача с профессурой заставила, наконец, Гоголя совсем бросить

мечты о «службе» и окончательно направила его только на писательский путь.

Это сторона внешняя.

Думается, что главный интерес для нас лежит не в том, как читал лекции Гоголь, но в том, как это увлечение историей отозвалось на его творчестве и насколько внешне-неудачное его профессорство было оправдано внутренне в созданиях и настроениях Гоголя. В сущности, и сойдя с кафедры, и еще не входя на нее, Гоголь имел одни и те же обжигающие душу стремления и настроения, которые после неудачи с профессурой вылились только в другие внешние формы, получили новое внешнее выражение.

Я разумею — *настроения учительские*.

В Гоголе жило с детских лет убеждение, что он призван в мир для великой миссии. Он искал ее сначала в службе в официальных департаментах и не нашел. Казалось — успех литературный должен был бы указать ему, что и миссия его лежит в этом направлении.

Но любовь к истории шептала ему иной выход... В письме к Максимовичу, в ответ на его предложение в 1834 г. о кафедре, Гоголь говорит: «Да, это славно будет, если мы займем с тобой киевские кафедры: много можно будет наделать добра...» А тут еще удачное преподавание в Патриотическом институте, и советы друзей, и мысль о материальной обеспеченности, если получит место профессора, и теория о превосходстве гения над толпой, и желание стать украинским Карамзиным... Гоголь знал, что «вялые профессора» часто оказываются не на высоте своего положения, сам же он много читал по средней истории — об этом свидетельствует его «Библиография средних веков» — и приобрел хорошее знакомство с этой областью науки.

И естественным и уместным могло казаться Гоголю проявить в силу всех этих причин учительство — в истории, как профессору.

Ал-Мамун, калиф багдадский, по характеристике самого Гоголя, «был влюблен в науку и влюблен совершенно бескорыстно: он любил науку для нее же самой, не думая о ее цели и применении» («Ал-Мамун», стр. 626).² Но Гоголь, занимаясь наукой, твердо знал, чего он хочет от истории.

² См. *Сочинения Н. В. Гоголя*, под ред. Н. Тихонравова и В. Шенрока (М., 1889-1896): *Арабески*. Все дальнейшие цитаты из Гоголя — по этому изданию. Название статьи и номер страницы указываются в тексте.

Здесь он — пропагандист. Он хочет поучать.

Гоголь пишет в статье «О преподавании всеобщей истории»:

Цель моя образовать сердца юных слушателей той основательной опытностью, которую развертывает история, понимаемая в ее истинном величии, сделать их твердыми, мужественными в своих правилах, чтобы никакой легкомысленный фанатик и никакое минутное волнение не могло поколебать их, — сделать их кроткими, покорными, благородными, необходимыми и нужными сподвижниками Великого Государя, чтобы ни в счастье, ни в несчастье не изменили они своему долгу, своей вере, своей благородной чести и своей клятве — быть верными Отечеству и Государю».

(«О преподавании всеобщей истории», стр. 594)

Гоголь подходил к истории и разрабатывал ее, имея определенные учительские тенденции. Цель истории, пишет он —

обнять вдруг и в полной картине все человечество — каким образом оно из своего первоначального, бедного младенчества развиваясь, разнообразно совершенствовалось и, наконец, достигло нынешней эпохи. Показать весь этот великий процесс, который выдержал свободный дух человека кровавыми трудами, борясь от самой колыбели с невежеством, природой и исплинскими препятствиями».

(Там же, стр. 583)

И в результате этих намерений Гоголь хочет показать в своих исторических трудах, что мир проникнут «таинственными путями *Промысла*» (там же), что формы правления священны и изменение их неминуемо должно навлечь несчастье на народ (там же, стр. 584), что «народ тогда только достигает своего счастья, когда сохраняет свято обычаи своей старины, свои простые нравы и свою независимость» («Шлецер, Миллер и Гердер», стр. 635), — этой же мысли посвящена и вся характеристика «Ал-Мамуна». Гоголь хочет показать, что «религия больше всего связывает и укрепляет народы» («Взгляд на состояние Малороссии», стр. 595), что «образование черпается из самого же народа», что «просвещение наносное должно быть в такой степени заимствовано, сколько может оно помогать собственному развитию, но что развиваться народ должен из своих же национальных стихий» (там же).

Из приведенных цитат (количество их можно было бы и еще увеличить) видно в общих очертаниях, как смотрел Гоголь на задачи историка и какие мысли явились у него господствующими и основными в его исторических работах.

Действительность не совпала с мечтами Гоголя. Идеи и планы в исторической области не превратились в дело, отдельные блестяще написанные лекции не могли заменить стройного курса.

Творческая деятельность художника, интенсивно протекавшая в это время — «Невский проспект», «Записки сумасшедшего», «Коляска», начало *Ревизора* и *Мертвых душ* — не давала Гоголю сосредотачиваться на университетской работе. Фактический наличный научный багаж Гоголя требовал беспрестанного пополнения. И Гоголь, разрываясь на две части, должен был прибегать к чужим трудам, к скверной компиляции, к заимствованию. И можно допустить, что лекции Гоголя далеко не всегда отвечали требованиям серьезного преподавания. Но особенно возмущающие критиков слова Гоголя в письме к Погодину: «Я бы от души рад был, если б нам подавали побольше Геренов [немецкий историк — Н.А.]. Из них можно таскать обеими руками» — эти слова написаны Гоголем, когда, по его выражению, на него «взвалили» чтение древней истории, ему незнакомой.

И в том же письме к Погодину есть важные признания. Гоголь пишет:

Ты не гляди на мои исторические отрывки: они давно писаны; не гляди также на статью «О средних веках». Она сказана только так, чтоб сказать что-нибудь и только раззадорить несколько в слушателях потребность узнать то, о чем еще нужно рассказать, что оно такое. Я с каждым месяцем и с каждым днем вижу новое, и вижу свои ошибки. Не думай также, чтоб я старался только возбудить чувства и воображение. Клянусь! У меня цель высшая!

Где же в этом письме легкомысленный и уверенный в себе Гоголь? Он отчетливо видел свои слабости и боролся с ними. Раздвоенный в своих внешних проявлениях содержания и потребностей своей личности Гоголь несомненно ушел бы всецело, в конце концов, за большей своей любовью — художественным творчеством.

Да. Гоголь-преподаватель в университете не совладал со своей ролью. Публика шикала и не хотела слушать слова по суфлеру, переданные творчески лишь мгновениями.

Но один пункт здесь следует безусловно оговорить: взгляд у Гоголя на историю был продуманный и серьезный и, главное, отвечающий всему существу личности Гоголя-писателя.

Стоит присмотреться, например, хоть к замечательной, на мой взгляд, в историческом отношении статье «О движении народов в V веке», или «О средних веках», читая которые несомненно убеждаешься, что писать их невежда никак не мог. Все доводы ясны, логичны, отчетливы. События развертываются с отличным пониманием автором статей их ценности и даже их исторической взаимной причинности.

Конечно, с точки зрения современной исторической науки, после, скажем, Ключевского, исторические утверждения Гоголя могут казаться школьными упражнениями, а по форме, для исторических работ, даже и наивными. Но нельзя упускать из вида, что с той поры минуло уже почти сто лет.*

В «Авторской исповеди» Гоголь написал также возмущающую критиков фразу: «У меня не было влечения к прошедшему». Однако, поводов к возмущению Гоголем, бывшим профессором и, якобы, не любившим историю, не так уж здесь много. Гоголь не любил только русскую историю и о ней говорится в этой фразе. Так утверждает по этому поводу Овсяннико-Куликовский. Думается, что к такому объяснению еще можно добавить догадку — не является ли это заявление Гоголя вызванным большим самолюбием и написанным в минуту самоунижения.

Фактическая неудача заставила Гоголя отказаться от учительства с профессорской кафедры и вообще принудила отказаться от занятий историей, как наукой. Но самые стремления учительства не умерли, но, еще усилившись, они проявились в других внешних формах.

В виде намека, где их искать, хочется указать главным образом на *Переписку с друзьями*, в которой некоторые положения — прямые отпрыски мыслей из исторических работ Гоголя. Указывать их сейчас, однако, не входит в рамки реферата.

У Гоголя его *религиозные представления* соединялись всегда с незыблемой верой в Промысел Божий. И в исторических событиях видна Гоголю с великой ясностью «изумительная мудрость Провидения» («О средних веках», стр. 566), мысль о которой сквозит из всех строк исторических набросков писателя. Гоголь произносит характерно-показательную фразу: «Невольню преклонишь колена, следя чудные пути Провидения» (там же, стр. 567). Для него все факты истории — только мастерское выполнение Высшего Промысла. «Пороки народов образованных не смели коснуться рыцарства Европы. Казалось, Провидение бодрствовало над ним неусыпно и с заботливостью преданного наставника берегло его» (там же, стр. 570).

Промысел Божий упоминается не только в отдельных фразах, но — надо подчеркнуть — все построение и понимание Гоголем исторических событий идет под знаком не столько земных причин, сколько небесных предначертаний.³

* Напомним, что работа Н. Андреева была написана в конце 1920-х гг. — *Ред.*

³ Я писал так о Гоголе, не слышав еще лекции Е. А. Ляцкого о Белинском и влиянии на него Гегеля и лекции проф. Кизеветтера «Славянофильство и евразийцы». Такой взгляд на

Наконец, черта *романтическая* отразилась у Гоголя-историка тоже необычайно ярко.

Во-первых, романтические настроения, думается, в значительной мере и толкали Гоголя к занятиям историей. Целый ряд писем Гоголя говорит об этом, т.е. о том, что он обращается к истории с энтузиазмом романтика — например, Гоголь в письме от 1834 г. к Погдину писал:

Я весь теперь погружен в историю малороссийскую и всемирную: и та и другая у меня начинает двигаться... Малороссийская история моя чрезвычайно бешена, да иначе, впрочем, и быть ей нельзя. Мне попрекают, что слог в ней уж слишком горит, не исторически жгуч и жив, но что за история, если она скучна!

Во-вторых, все содержание исторических статей носит несомненную печать романтизма. Тут и обостренное внимание и интерес к народной поэзии, и идеализация старины, культ идеальных властителей — напр., английского короля Альфреда, Александра Македонского, Ал-Мамуна — и, главное, характерная черта отмечается Котляревским: «Сердце Гоголя лежало к средним векам, к которым были так неравнодушны все истинные романтики».

Показательным штрихом кажется мне и то, что статью о Пушкине Гоголь писал после чтения *Бориса Годунова*, которого, насколько помнится, даже сам Пушкин считал произведением романтическим и которым Гоголь увлекся со всей стремительностью своей души.

Язык Гоголя везде здесь бурно-красочный, местами даже неправдоподобный, и не всегда верится гоголевскому утверждению, что «ни один эпитет, ни одно слово не брошено здесь для красоты и мишурного блеска» («О преподавании всеобщей истории», стр. 594). Эти самые чересчур ярко-окрашенные эпитеты, сравнения и огромный пафос невольно заставляют местами предполагать некоторое отклонение автора от позиции беспристрастного историка. Важно, впрочем, то, что и здесь язык Гоголя обычного характера. Даже как историк, Гоголь остается самим собой.

историю, именно, как на развитие, идущее по путям, Промыслом указанным, проповедывался Гегелем. Отсюда вытекают два очень важных для Гоголя положения: (1) Гоголь был знаком с учением Гегеля, что уже сильно опровергает мнение о большой невежественности Гоголя. Вряд ли ведь в эпоху господства учения Гегеля Гоголь самостоятельно подошел и пришел к аналогичной мысли; (2) Взгляд Гоголя на историю имел, значит, и философское обоснование.

Из произведений художественных, созданных Гоголем в результате увлечения историей, единственным является *Тарас Бульба*.

Наброски ряда исторических, оставшихся неоконченными, повестей из той же малороссийской истории служат только подготовительными эскизами к большому полотну. Стихотворение в прозе «Жизнь» в смысле понимания Гоголя не дает ничего.

В *Тарасе Бульбе*, как произведении чисто художественном, не видно, конечно, в готовых формулах тех основных начал писательской личности Гоголя, которые пронизывают именно в формулах его научные статьи с такой очевидностью. Но нам интересно в *Тарасе Бульбе* отметить еще те стороны гоголевского таланта, которые в этой повести получили свое отражение.

Реализм письма, историческая верность общей картины эпохи, жанровая меткость, реальное до бесконечности воплощение героев любопытно сочетаются в *Тарасе Бульбе* с общими романтическими мотивами повести, с гиперболичностью характеров ее героев. Гоголь всегда давал героев «типических», нарицательных. В *Тарасе Бульбе* Гоголь опять не избежал изображения героев «типами». Но мне кажется, именно в *Тарасе Бульбе* удалось Гоголю отойти больше всего от воплощения типических фигур и дать рисунок именно только для *данных* героев. Я подразумеваю фигуру самого Тараса Бульбы.

Пыпин в IV томе *Истории русской литературы* отмечает:

Гоголь выдвинул элемент малорусский в нашей литературе. До тех пор были влияния схоластические, научные — Симеона Полоцкого, Стефана Яворского, Феофана. Здесь была лишь тень южно-русских народных элементов. Богданович, Капнист, Гнедич шли в обычной колее нашего псевдо-классицизма и не высонили ничего из своей племенной особенности из оригинального южно-русского характера и исторического быта.

В *Тарасе Бульбе* этот последний пункт, да и предпоследний, были выполнены с большой тщательностью, любовью и знанием. В *Тарасе Бульбе* Гоголь встает перед читателем искренним, даже взволнованным, патриотом, и в предсмертных словах Тараса чувствуются уже вдохновенные строки в будущем о Руси в *Мертвых душах*.

Котляревский так определял место и значение *Тараса Бульбы*: «Как художественное произведение *Тарас Бульба* не открывал нового литературного горизонта: он замыкал собою старое течение и был лишь наилучшим образцом старого стиля» (*Гоголь*,

стр. 218). Какого же именно старого стиля? Котляревский говорит:

Процветал роман сентиментальный и роман приключений, которому автор иногда стремился придать колорит той или другой исторической эпохи. К числу таких романов, возросших в 30-ых годах до угрожающего количества, принадлежит и *Тарас Бульба*; он был среди них первым по красоте, эффектам и колоритности, в чем всякий может убедиться, кто пожелает сравнить его с современными ему однородными литературными памятниками.⁴

Гоголь-исторический романист дополняет своими настроениями Гоголя-историка.

Гоголь-историк и исторический романист вместе раскрывает всю сущность свою, как писателя, и в этом плане намечаются почти все характерные гоголевские черты.

Нет только смеха гоголевского.

Уже изжит был писателем период, когда смеялся Гоголь ради самого смеха. А для горького «смеха сквозь незримые миру слезы» не было во взятом писателем плаче причин и поводов.

Поэтому-то, следя за Гоголем, плененном историей, мы не видим Гоголя сатирика и юмориста. Последнего, пожалуй, вспоминаем в некоторых картинах гульбищ в Запорожской Сечи.

У Гоголя вопрос о писателе и слове его всегда стоял на важном месте. На этот пункт в исторических сочинениях Гоголя хочется указать, чтобы было полное общее изображение настроений и мыслей Гоголя в его исторических сочинениях и яснее наметилась характерность этих настроений для Гоголя во все периоды его жизни и творчества.

В *Тарасе Бульбе* глава VIII, стр. 298 мы читаем такие вдохновенные строки:

Будет, будет бандурист, с седою по грудь бороною, а может еще полный зрелого мужества, но белоголовый старец, вещий духом, и скажет он про них [казаков — Н.А.] свое густое могучее слово. И пойдет дыбом по всему свету о них слава, и все, что ни народится потом, заговорит о них, ибо далеко разносится могучее слово, будучи подобно гудящей колокольной меди, в которую много повергнул мастер дорогого чистого серебра, чтобы далече по городам, лачугам, палатам и весям разносился красный звон, сзывая равно всех на святую молитву.

В исторической работе «Ал-Мамун» нам известны такие строчки:

⁴ Например, Загоскин, Марлинский, Нарезный, Лажечников, Мосальский, Полевой, Кукольник, Вельтман и др.

Великие поэты, которые соединяли в себе и философа и поэта и историка, которые выпытали природу и человека, проникли минувшее и прозрели будущее, которых глагол слышится всем народам, — они великие жрецы. Мудрые властители чествуют их своею беседой, берегут их драгоценную жизнь.

В этом бережном отношении к поэтам и в великом превозношении силы слова их чуть брезжит намек и на отношение Гоголя к профессорству и на дальнейшее развитие взглядов на значение писателя.

Так настроения писателя в исторических сочинениях совпадают с его основными чертами настроения и в других областях и в другое время.

В заключение — еще одно соображение: исторические занятия, размышления над историческими судьбами имели для Гоголя, бесспорно, значение не только как фазис в его деятельности писателя, но и как фактор, имевший влияние на дальнейшее творчество Гоголя. Т.е. думается, что занятия историей и даже самая неудача их дали творческому духу Гоголя бо́льшую, чем прежде системность, сознательность и углубленность. Это соображение строится на двух выдержках из писем. Именно (i) в 1833 г. Максимовичу Гоголь писал: «Ничто так не успокаивает, как история. Мои мысли начинают литься тише и стройнее»; (ii) Отрывок из известного, уже цитированного письма к Погодину:

... В эти полтора года я много вынес оттуда и прибавил в сокровищницу души. Уже не детские мысли, не ограниченный прежний круг моих сведений, но высокие, исполненные истины и ужасающего величия мысли волновали меня... Мир вам, мои небесные гости, наводившие на меня божественные минуты в моей тесной квартире, близкой к чердаку: вас никто не знает, вас вновь опускаю на дно души до нового пробуждения; когда вы исторгнетесь с большею силою, не посмеет устоять бесстыдная дерзость ученого невежи, ученая и неученая чернь, всегда соглашающаяся публика...

Эти исторгнувшиеся с большей силой мысли и привели Гоголя к его личной ужасной трагедии и загасили впоследствии тот душевный лик Гоголя, которым было воспринято, и в свете которого развивалось, творчество Гоголя-историка.

Из личного архива проф. Н. В. Моравского

Казнь террориста Ивана Каляева **(Запись А. Федорова)**

4 февраля 1905 г. член Боевой Организации партии социалистов-революционеров, террорист Иван Каляев, убил московского генерал-губернатора, Великого Князя Сергея Александровича, дядю императора Николая II, за что был приговорен к смертной казни через повешение. Последние свои дни Каляев провел в Шлиссельбургской крепости, где и был казнен 10 мая того же года.

На казнях за политические преступления обычно не присутствовало посторонних лиц. Кроме войск и чинов комендатуры тюрьмы, свидетелями казни как правило были только защитник и представители прокуратуры или Министерства Внутренних дел. Поэтому, весьма возможно, что А. Федоров, автор приведенного ниже текста, бывший чин императорской русской прокуратуры, присутствовал на казни как официальный наблюдатель. Из текста явствует, что Федоров был человек чуткий и лично относился к осужденному с большим состраданием. После того как казнь была совершена, он вернулся в Петербург и там записал виденное и слышанное.

До нас дошел фрагмент текста, записанный по-французски в ученической тетради и представляющий собой последнюю — самую драматическую — часть записи. Этот фрагмент из рассказа очевидца печатается здесь в переводе на русский язык.

Ред.

*
* *

..... Потом он мне сказал: — «Так чего же мы ждем? Идем, идем скорее. Чем быстрее совершится моя казнь, тем лучше». Он

бросился к двери. Я его задержал и сказал ему: — «Подумайте лучше, нет ли у вас чего-нибудь передать кому-либо?» Тогда он мне ответил: — «Я никогда в жизни никому самовольно не сделал никакого зла, я всегда любил своих ближних и для них я приношу себя в жертву. Что же я могу еще сказать им? Но самое главное, не забудьте сказать, что я не унился, прося о помиловании... Нет.., не то! Так говорить нехорошо. Скажите лучше, что присутствие духа не покидало меня и я не просил о помиловании».

Я спросил его, не хотел бы он написать письмо своей матери. Эта мысль ему понравилась. Однако он спросил меня с некоторым недоверием: — «А дойдет ли мое письмо до моей матери?» Получив от меня утвердительный ответ, он бросился к столу и начал писать. Изорвав несколько листов, он наконец вручил мне письмо к своей матери, написанное твердым почерком. Вот оно:

Моя дорогая незабвенная матушка. Я умираю. Я счастлив, что могу смотреть смерти в глаза храбро и спокойно. Да будет ваше горе, горе всех вас, мои дорогие матушка, братья и сестры — озарено лучами того света, который происходит от полной победы моей души... Прощайте, прощайте все, кто меня знал и кто еще помнит обо мне. Я вас умоляю: храните чистой и нетронутой память нашего отца. Не печальтесь и не плачьте. Еще раз — прощайте. Я буду всегда с вами.

Ваш Иван Каляев

Как-то торжественно он передал мне это письмо со словами: «Ну вот, теперь я спокоен. Спасибо, спасибо большое». И он снова быстро направился к двери, говоря: — «Идем, идем скорее». После того, как его задержали, он вернулся в свою камеру и стал ходить по ней вдоль и поперек.

Было уже половина второго утра. У меня не хватало сил оставаться в камере осужденного. В столовой у коменданта тюрьмы продолжался праздничный ужин. Погруженный в печальные мысли, я уселся на диван в темном углу и с тревогой стал ожидать рокового часа. Минуты шли, двигалась стрелка часов, и я чувствовал удары сердца в груди. Душевное волнение и беспокойство мало-по-малу охватывали меня всего. Я не мог оставаться на месте и стал ходить из комнаты в комнату, то приближаясь к окну, то снова возвращаясь на свое место, чтобы снова встать. Один и тот же образ преследовал меня. Я видел перед собой маленького возбужденного человека, и при мысли о том,

что в нем происходит, я чувствовал, как бьется мое сердце. Я страдал за него — и, может быть, еще больше, чем он сам.

Наконец стало рассветать, на часах пробило два часа. Гости стали выходить из столовой и, несмотря на выпитые ими крепкие напитки, ободрившие их, в их глазах отражалось беспокойство и чувство болезненного ожидания. Доктор и один из жандармов вели себя особенно нервно... Внезапно раскрылись двери и прозвучали слова: «Все готово». Все мы, вместе с комендантом, вдруг как-то спеша, вышли из квартиры и направились к месту предстоящей казни. Виселица была поставлена на платформу деревянного эшафота и ее силуэт вырисовывался на белой крепостной стене. Все части гарнизона выстроились вокруг эшафота. Наша маленькая группа собралась немного в стороне.

Дверь каземата Каляева открылась, и мы увидели палача, ведущего за собой свою жертву, чьи руки были связаны за спиной. Палач, человек высокого роста, в красном, заостренном кверху колпаке на голове, одетый в ситцевую рубаху того же цвета и широкие брюки, заправленные в лакированные сапоги, всем своим ростом доминировал над маленькой и жалостной фигурой осужденного.

Этот палач, по имени Филипьев, был истребован из центральной тюрьмы города Орла, где он отбывал наказание по приговору за отцеубийство, и направлен в Шлиссельбург для совершения казни Каляева. Не в первый раз предстояло ему выполнять подобное задание. Он уже совершил казнь Балмашева, приговоренного к смерти за убийство министра Сипягина.* Кажется, он был призван выполнять свои мрачные задания по какому-то особому влечению.

Палач приподнял свой колпак, склонился, приветствуя свою жертву улыбкой, похожей на звериный оскал, и театральным жестом пригласил Каляева взойти на эшафот. Смирившись со своей судьбой, осужденный послушно взошел по ступеням и стал лицом к нам. Ни один мускул не дрогнул на его лице; невидящим взглядом он смотрел куда-то вдаль. Кажется, что на его печальные и задумчивые глаза набежала слеза, а горькие мысли его уносились к тем, кто был ему дорог. Наступила мертвая тишина, которую нарушил хриплый голос палача, спрашивавшего свою

* Министр Внутренних дел Д. С. Сипягин был убит в апреле 1902 г. студентом-террористом, членом Боевой Организации партии социалистов-революционеров С. В. Балмашевым. — *Ред.*

Six minutes après la constatation
du décès de Kaliaïev, son corps fut mis
dans une simple caisse en bois, et porté
au bord du lac. Là, en dehors de l'enceinte
fortifiée, dans la partie de l'île, faisant
face à la rive gauche de la Néva, il fut
enseveli près d'un amoncellement de
pierres.

Le lendemain même, à 4 heures, je quittai
la forteresse, prenant le bateau pour
St-Petersbourg. Sur le même bateau se
trouvait l'avocat ^{J. Sasso} Jaroïff, qui, à la suite
d'un tour de passe-passe bureaucratique
avait été, conformément à la loi,
si habilement mis dans l'impossibi-
lité de se conformer au désir, qui
avait exprimé son client.

Et souvent, bien souvent, ^{depuis lors} j'ai
paraissent le visage de Kaliaïev
avec son expression de douceur, sa petite
et chétive silhouette, ses gestes saccés
déjà, son regard triste et rêveur, et
me revient le souvenir de sa fin tragique.

(Ancien Procureur Impérial) X. Fedoroff
St-Petersbourg 1905

жертву, не желает ли он обратиться с последней молитвой к Богу. И тут мы услышали мягкий, но уверенный голос Каляева: — «Я уже раньше сказал, что мои последние счета с жизнью закончены. Я рад и счастлив, что умираю спокойно, как подобает человеку твердой воли».

Судебный чиновник неуверенным голосом прочитал смертный приговор. Палач надел на осужденного полотняный мешок, наподобие савана и, подведя Каляева к веревке, попросил его взойти на табуретку. Вдруг из глубины мешка, покрывающего Каляева, раздался его голос, такой же спокойный, как и раньше. С некоторым оттенком простодушия он спросил: — «Как это вы хотите, чтоб я взобрался на табуретку? Ведь у меня мешок на голове и я ничего не вижу». Палач тотчас же подхватил Каляева и поставил его на табуретку. Затем он наложил веревку вокруг его шеи, стянул ее и оттолкнул табуретку. Тело несчастного содрогнулось и, наполовину повисши, ударилось ногами о доски эшафота: веревка оказалась слишком длинной и не натянулась полностью. Это ужасное зрелище вызвало возгласы возмущения, которые даже раздавались из рядов частей гарнизона. Палач и два тюремных сторожа бросились к несчастному смертнику и быстро натянули веревку, тем самым подняв тело над досками эшафота. Под его тяжестью веревка полностью натянулась и дело смерти было совершено.

Светало. Солнце поднималось над синей поверхностью Ладожского озера. Птицы просыпались и чирикали на все лады, а маленькое тело в своем белом полотняном мешке раскачивалось на конце веревки. Вокруг эшафота, молча и неподвижно, солдаты гарнизона оставались в строю. Остальные тоже продолжали стоять поблизости. В своем вечном движении, волны на озере приходили и уходили, с шумом разбиваясь о камни, в то время как бедная душа несчастного фанатика, убежденного в том, что он должен был принести свою жизнь в жертву идее, уходила в небытие.

Тело оставалось висеть минут двадцать, затем было вынута из петли. Все те, кто присутствовал при казни, стали молча, один за другим, отходить от эшафота. Врач установил смерть казненного. Исполнение своих обязанностей оказалось для него делом весьма тяжелым. Охваченный ужасом от всего того, что ему пришлось видеть и чувствовать, присутствуя на казни, он упал в обморок. Его отнесли в дом коменданта. Священник, также глубоко потрясенный совершившимся, сказал нам:

Я никогда не видел человека, шедшего на смерть с таким спокойствием и смирением истинного христианина. Когда я ему сказал, что через два часа он будет казнен, он мне совершенно спокойно ответил: «Я вполне готов к смерти; я не нуждаюсь в ваших таинствах и молитвах. Я верю в существование Святого Духа, Он всегда со мной, и я умру сопровождаемый Им. Но если вы порядочный человек и если у вас есть сострадание ко мне, давайте просто поговорим как друзья». И он обнял меня!

Через десять минут после того, как смерть Каляева была констатирована, его тело положили в простой деревянный ящик и отнесли на берег озера. Там, вне линии крепостных укреплений, на той части острова, что смотрит на левый берег Невы, ящик был закопан у большой груды камней.

В то же утро, в четыре часа, я покинул крепость и сел на пароход, идущий в С.-Петербург. На нем я встретил адвоката Жданова, который, вследствие искусного бюрократического трюка, был, на вполне законном основании, ловко лишен возможности исполнить желание своего клиента [и присутствовать на казни].

И с тех пор часто, очень часто, встает передо мной образ Каляева с его мягким выражением лица, его несчастный, жалостный вид, его резкие движения, его взор полный печали и мечтательности, — и ко мне вновь приходит воспоминание об его трагическом конце ...

Бывший прокурор [Российской] Империи
А. Федоров

С.-Петербург 1905 г.

Публикация д-ра Глеба Будзиловича

Из Военно Исторической Библиотеки «Военной Были», № 1

Ордена и знаки отличия Гражданской войны 1917-1922 годов*

П. В. Пашков

ПРЕДИСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЯ

Предлагаемый вниманию читателя исторический очерк о русских знаках отличия периода Гражданской войны 1917-1920 гг. и последовавшей за этой войной эмиграции содержит краткие выдержки из второй части моей неопубликованной рукописи, посвященной описанию знаков этого периода (содержание первой части той же рукописи, также неопубликованной, относится к описанию нагрудных знаков и жетонов Русской Армии времен Империи).

Недостаток места не позволил подробно и исчерпывающе остановиться на каждом знаке и медали и сказать о них все то, что хотелось бы. Однако, давая самые подробные описания того или иного знака отличия, я все же постарался поместить хотя бы краткую историческую справку о событии, в память которого он был установлен, или о воинской части, которой он принадлежал, причем о более известном событии — более сжатая справка, о менее известном — более обширная. Лица, подробно интересующиеся историей Белого Движения, его зарождения и боевых действий различных Белых Армий, найдут все это в специальной литературе, посвященной этим вопросам.

Гражданская война 1917-1922 гг. стала уже достоянием истории, ее

* Публикуемый здесь без сокращений труд П. В. Пашкова, несомненно представляющий собой большой нумизматический интерес, также обладает исключительной исторической ценностью как один из наилучших кратких обзоров военных действий на главных фронтах гражданской войны в России. *Ред.*

участники достигли преклонных лет и постепенно вымирают, а с их уходом из жизни придет в забвение и то многое из героической борьбы, свидетелями которой они были, если теперь же не будет опубликована, хотя бы часть того материала, что хранится в «частных архивах» и, после смерти их владельцев, большей частью попадет в мусорные ящики.

Кроме чисто нумизматического описания крестов и медалей, нами преследуется еще иная цель — показать, что эти маленькие крестики и кружечки являются памятниками кровавых событий, в которых Белые Армии покрыли себя неувядаемой бранной славой; они должны остаться постоянными регалиями нашей Армии и последующие поколения должны видеть в них неоценимое наследство, заработанное кровью их предков на полях сражений за честь, достоинство и величие Родины.

Характерно, что многие знаки Белого Движения представляют собой белый или черный крест той или иной формы, часто в сочетании с терновым венком. Это — символы: крестный, жертвенный путь белых воинов был тернист, жесток и покрыт трудно проходимыми препятствиями.

Конечно, в этом очерке даются не все без исключения знаки различных Белых фронтов, несомненно существует какое-то количество неизвестных и нигде не описанных, о которых не удалось достать какие-либо сведения, но таких знаков, надо полагать, не так уж много.

Не всегда можно было указать и точные даты и номера приказов об их учреждении, так как многие архивы утеряны и восстановить их невозможно.

Далеко не все знаки и медали были установлены в годы Гражданской войны на территории России, некоторые из них, как в память событий этой войны, так и кое-какие полковые, появились уже во время пребывания в эмиграции, тем не менее они тесно связаны с предшествовавшей эпопеей потому, что явились памятниками событий Белой борьбы или же тех воинских частей, которые были созданы и существовали только во время этой борьбы.

Особняком стоял так называемый «Галлиполийский крест» и кресты других военных лагерей. Они учреждены в память пребывания русских воинских частей в лагерях за границей и являются, собственно, чисто эмигрантскими. Однако, их несомненно можно считать как бы продолжением ряда знаков, что были установлены в 1918-1920 гг. на территории России. Вообще, русская эмиграция имела много знаков военного характера. С переходом Армии на беженское положение, возникло множество различных Объединений, главным образом, по признаку участия в том или ином походе, пребывания в одном и том же лагере, служения в одной и той же части или окончания одного и того же военного училища или кадетского корпуса. Все они приняли, как наружную эмблему своего Объединения, прежние нагрудные знаки, только миниатюрного размера, для ношения в петлице.

В 1924 году почти все эти объединения возглавил Русский Обще-

Воинский Союз (РОВС), председатель которого в своих приказах утверждал проекты вновь создаваемых значков различных воинских организаций; для уменьшенных же копий прежде существовавших значков никакого утверждения не требовалось. К таким новым можно отнести значки РОВС, Союза Русский Военных Инвалидов, кадетских корпусов в Югославии и Версале и многие другие.

Ввиду разбросанности участников описываемых событий, приходилось добывать почти каждую справку, затрачивая много времени и труда, причем часто такие справки бывали не совсем точными.

Могу только сказать: «Feci quod potui — faciant meliora potentes».

Всех же, оказавших мне при составлении этого очерка помощь и содействие, я прошу принять мою глубокую признательность.

П. Пашков.

Париж, июль 1961 г.

Рисунки клише исполнены художниками С. Г. Лучаниновым и В. П. Ягелло. Фотографии для клише М. Л. Бродским.

От редакции:

Английский перевод работы П. А. Пашкова, сделанный д-ром Г. Н. Будзиловичем и г. Р. Зандером, снабженный иллюстрациями оригинала и картами различных театров военных действий Гражданской войны, составленными переводчиками, был выпущен в 1983 г. Русским Нумизматическим Обществом отдельной брошюрой, которую можно заказать, написав по адресу: Russian Numismatic Society, P.O. Box F334, Akron, Ohio 44308, USA.

І. Юг России

**ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ — ГЕНЕРАЛ КОРНИЛОВ.
ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ЮГА РОССИИ — ГЕНЕРАЛ ДЕНИКИН.
РУССКАЯ АРМИЯ — ГЕНЕРАЛ ВРАНГЕЛЬ.**

1. ЗНАК I-го КУБАНСКОГО (ЛЕДЯНОГО) ПОХОДА

Описание знака.

Терновый венок оксидированного серебра, 30 мм. в диаметре, пересеченный снизу слева-вверх направо серебряным же мечем, рукоятью вниз, 50 мм. длиною. Обратная сторона гладкая, с набитым порядковым номером награжденного.

Для всех чинов, состоявших в строю и принимавших участие в боях с большевиками — лента, на которой носится знак, георгиевская, с круглой розеткой национальных цветов (бело-сине-красная).

Для нестроевых и гражданских чинов, участия в боях не принимавших, — лента ордена св. Владимира (красная с двумя черными полосами) и с такою же розеткой национальных цветов. *Приказ по Добровольческой Армии № 499 — 1918 г.*

Прибыв 15 ноября 1917 г. в Новочеркасск, бывший Верховный Главнокомандующий генерал Алексеев тотчас же приступил к форми-

рованию противобольшевистских добровольческих частей. 19-го декабря туда же прибыл другой бывший Верховный Главнокомандующий генерал Корнилов, который 6-го января 1918 г. вступил в командование этими частями, принявшими название Добровольческой Армии.

В конце января, Армия перешла в Ростов; состав ее, в это время, не превышал 2.000 человек. В феврале, красные, крупными силами, повели наступление с севера на Дон и генерал Корнилов, убедившись, что на помощь донского казачества ему рассчитывать не приходится, в ночь с 20-го на 21-ое февраля 1918 г. перешел Дон и сосредоточился в станице Ольгинской, где свел свою армию в одну дивизию из трех полков: Офицерского пехотного — генерал Марков, Корниловского ударного — полковник Неженцев, Партизанского пехотного — генерал Богаевский, Юнкерского и Инженерного батальонов, четырех двухорудийных батарей и трех конных дивизионов — полковника Гершельмана, полковника Глазенапа и подполковника Корнилова. Всего армия насчитывала около 4.000 бойцов.

Любовь к Родине и вера в Вождя двигали эту горсть едва вооруженных людей на беспрецедентный в военной истории подвиг — поход. Без надежды на помощь без тыла, без снарядов, Армия пошла против заливавшейся кровью красной волны, навстречу неизвестному будущему. Великие потрясения великой страны родили великую по духу горсть героев.

28-го февраля Армия медленно двинулась на Кубань. В конце марта состоялось присоединение к ней Кубанского отряда генерала Покровского и численность ее возросла до 6.000 человек. Продвигаясь с беспрерывными боями, добровольцы осадили Екатеринодар, где 13-го апреля был убит генерал Корнилов и принявший командование генерал Деникин был вынужден снять осаду и увести Армию. Наконец, в станице Ильинской, до добровольцев дошли слухи о восстании на Дону и генерал Деникин решил идти туда. В ночь на 4 мая 1918 года Армия возвратилась в ст. Мечетинскую. Вернувшись в Задонье, она получила, наконец, столь нужный ей тыл, раненые были отправлены в Новочеркасск и Армия превратилась в вооруженную силу с обеспеченным тылом.

В ознаменовании храбрости и мужества, проявленных добровольцами в этом походе (80 дней), приказом Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России, генерала Деникина, за № 499 (1918 г.), для всех чинов Армии, установлен «Знак I-го Кубанского (Ледяного) похода».

Выписка из приказа РОВС от 19 августа 1939 г. № 23, г. Брюссель:

«...Чтобы сохранить на вечные времена, в назидание потомству, память о I-ом Кубанском походе, распространить право ношения знака этого похода после смерти награжденного на старшего из его прямых потомков, причем право это предоставить не автоматически, а каждый раз по особому постановлению Главного Правления Союза Первопоходников».

2. ЖЕТОН И ЗНАК КОРНИЛОВСКОГО УДАРНОГО ПОЛКА

Описание жетона.

Жетон серебряный, штампованный и представляет собою копию нарукавной нашивки — эмблемы, носившейся Корниловцами на левом рукаве у плеча. Жетон формы гербового щита, в середине которого изображена мертвая голова над двумя скрещенными костями. В верхней части его — дуговая надпись «КОРНИЛОВЦЫ», а в нижней — два поднятых скрещенных меча, между рукоятями которых — пылающая граната и ниже даты «1917-18». Обратная сторона гладкая, носится на цепочке. Размер $2\frac{1}{2} \times \frac{1}{2}$ см.

Описание знака.

Серебряный с равными сторонами крест, покрытый черной эмалью с белой каймой по краям сторон. Крест положен на оксидированного серебра терновый венок, под которым находится серебряный с золотой рукоятью меч, расположенный наискось креста — слева снизу-вверх направо, рукоятью вниз. В центре креста голубой щит (полковая эмблема), с теми же изображениями, как и на жетоне, но мечи опущены вниз и дата отсутствует. Все изображения золоченые.

Когда, где и кем установлен жетон и знак — выяснить не представилось возможным.

Основание полка произошло еще во время Великой Мировой войны 1914-1917 гг., когда в 8-ой армии, которой командовал генерал Корнилов, по проекту капитана Неженцева, был сформирован в июне 1917 г. 1-ый Ударный отряд, состоявший из 2-х батальонов по 1.000 человек каждый, 3-х пулеметных команд и команд пеших и конных разведчиков и принявший шефство генерала Корнилова.

Блестяще проявив себя на фронте, отряд, приказом от 11-го августа 1917 г. за № 796 генерала Корнилова, тогда уже Верховного Главнокомандующего, был развернут в 4-х батальонный полк, получивший название Корниловского Ударного полка. 16 августа 1917 г. за бои на Юго-Западном фронте все Корниловцы были награждены Георгиевскими крестами. После убийства большевиками Верховного Главнокомандующего генерала Духонина и развала фронта, около 600 Корниловцев небольшими группами и одиночным порядком пробрались на Дон, где и восстановили свой полк под командой полковника Неженцева и явились как бы основным ядром Добровольческой Армии. В июне 1919 года полк развернулся в 3-х полковую Корниловскую дивизию. Зимой 1919 года к ней присоединился 4-ый Корниловский Ударный полк, сформированный в г. Азове, преимущественно из донецких шахтеров. После эвакуации Крыма, в лагере Галлиполи, дивизия была сведена в полк — Корниловский Ударный.

3. ЗНАК I-ГО ОФИЦЕРСКОГО ПЕХОТНОГО ГЕНЕРАЛА МАРКОВА ПОЛКА

Описание знака.

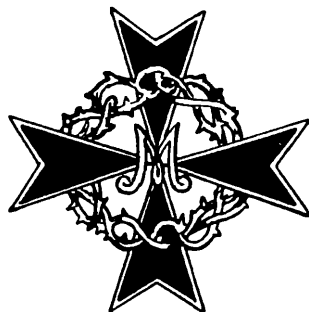
Серебряный мальтийский крест, покрытый черной эмалью, с белой узкой каймой по краям сторон. В центре креста — черный прямоугольник с двумя

пересекающимися по диагонали линиями, окруженный серебряным терновым венком. На концах креста даты серебром: на верхней — «12», на нижней — «фев» и на боковых — «19» «18», т.е. 12 февраля 1918 года.

Знак установлен, вероятно, во время пребывания в эмиграции.

23 февраля 1918 года в станице Ольгинской сформирован Офицерский пехотный полк под командой генерала Маркова и 27 мая 1918 г. назван I-ым офицерским пехотным полком. 12 июня того же года генерал Марков был убит и в его память полк получает наименование I-го Офицерского пехотного генерала Маркова полка. В июне 1919 г. полк разворачивается в Марковскую дивизию из трех — 1-го, 2-го и 3-го Офицерских пехотных генерала Маркова полков. В 1920 г. в Крыму полки Марковской дивизии называются 1-ым, 2-м и 3-м пехотными генерала Маркова полками, а по оставлении Крыма в лагере Галлиполи дивизия сводится в один полк — I-ый Офицерский пехотный генерала Маркова.

4. ЗНАК МАРКОВСКОГО АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ДИВИЗИОНА

Описание знака.

Золоченный мальтийский крест, черной эмали, окаймленный по краям сторон узкой красной полосой. Крест положен на терновый венок оксидированного серебра, при чем горизонтальные стороны креста проходят поверх венка, а вертикальная под ним. В центре креста золотая литера «М» — заглавная буква имени шефа.

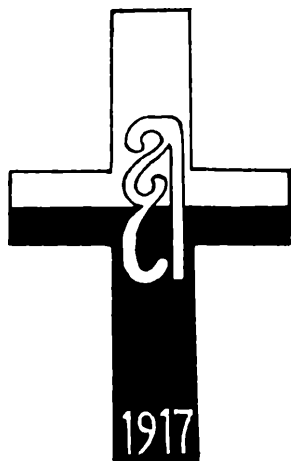
(Знак утвержден Главнокомандующим Русской Армией генералом Врангелем 17/30 августа 1920 года).

Из прибывших на Дон юнкеров Михайловского и Константиновского артиллерийских училищ 22 ноября 1917 года формируется Артиллерийская рота, переименованная в «I-ую Михайловско-Константинов-

скую Сводную батарею», а при выходе Армии в I-ый Кубанский поход — I-ую батарею.

11 июня 1918 г. 1-ая батарея выделяет из себя 2-ую и 3 августа 3-ю батареи и все три входят в состав I-го Отдельного Артиллерийского Дивизиона. 6 августа 1918 г. 1-ая батарея получает шефство и именуется 1-ой Генерала Маркова батареей. 4 апреля 1919 г. дивизион разворачивается в 1-ую Артиллерийскую бригаду. В августе 1919 г. — Артиллерийская Генерала Маркова бригада. В 1920 году в Крыму — Марковская артиллерийская бригада, а после оставления его, в лагере Галлиполи, сводится в Марковский Артиллерийский Дивизион.

5. ЗНАК АЛЕКСЕЕВСКОГО ПЕХОТНОГО ПОЛКА

Описание знака.

Крест белого металла с удлиненными вертикальными сторонами разделенный по горизонтали на две части: верхнюю — белой а нижнюю — голубой эмали. В центре креста — золоченная чеканная литера славянской вязью: «А», заглавная буква имени шефа полка генерала Алексева, а внизу «1917», дата основания полка. Размер креста 4 см на 6 см.

(Утвержден приказом РОВС от 22 декабря 1939 г. № 28).

Партизанский полк был составлен в конце февраля 1918 г. в станице Ольгинской из нескольких партизанских отрядов, состоящих почти исключительно из студентов, гимназистов, реалистов. В память этой молодежи цвета полка синий и белый. 26-го сентября 1918 г. скончался генерал Алексеев и полк получил название Партизанский генерала

Алексеева. В июне 1919 г. должен был развернуться в дивизию, однако эта дивизия никогда не имела больше двух полков. В 1920 г. в Крыму — Алексеевский пехотный полк.

6. ЗНАК АЛЕКСЕЕВСКОГО АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ДИВИЗИОНА

Описание знака.

Две золоченные скрещенные пушки, положенные на серебряный оксидированный терновый венок.

На скрещении пушек — золоченная литера славянской вязью «А» — заглавная буква имени шефа генерала Алексеева. (Знак утвержден приказом РОВС от 17 июня 1939 года). Рисунок знака по проекту штабс-капитана Войнарского.

Алексеевская Артиллерийская бригада была сформирована одновременно с одноименной двух-полковой дивизией в июне 1919 г. В 1920 г. в Крыму сведена в Алексеевский Артиллерийский дивизион.

7. ЗНАК I-ГО КОННОГО ГЕНЕРАЛА АЛЕКСЕЕВА ПОЛКА

Описание знака.

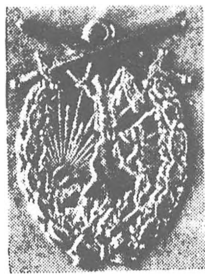
Серебряный равносторонний крест, покрытый черной эмалью с широкой белой каймой по краям сторон. Слева снизу-направо вверх на него положен

серебряный меч, рукоятью вниз, при чем последняя золоченная. В центре креста золоченная славянская литера «А» — начальная буква имени шефа полка.

На крест как бы повешен терновый веночек оксидированного серебра, типа венка на знаке за I Кубанский поход. Верхняя сторона креста находится поверх венка и на ней белой эмалью памятная дата «1917», а все три остальные стороны под венком. Рисунок знака по проекту офицера полка корнета С. Г. Дви-губского.

I-ый Конный полк сформирован по возвращении Добрармии из I-го Кубанского похода из двух Конных дивизионов полковника Гершель-мана и полковника Глазенапа. Весь 2-ой Кубанский поход, в Донецком бассейне и далее, до взятия Курска, полк действовал самостоятельно, имея в своем составе до 12 эскадронов. Осенью 1919 г. в Орловской губернии он вошел в I-ую бригаду 10-ой Кавалерийской дивизии. В лагере в Галлиполи за границей, вместе с остатками Симферопольского и Виленского конных дивизионов, он составил Алексеевский конный дивизион.

8. МЕДАЛЬ ДРОЗДОВЦАМ

Описание медали.

Медаль серебряная, матовая, овальной формы имеет у ушка два скрещенных меча.

По окраинам медали, на лицевой стороне, две ветви: справа-дубовая, как символ непоколебимого решения, и слева — лавровая символизирующая решение, увенчанное успехом. На поле этой стороны медали изображен выпуклый рисунок: Россия в виде женщины в древне-русском одеянии, стоящей с мечем в протянутой правой руке над обрывом, и на дне его и по скату группа русских войск с оружием в руках, взбирающаяся к ногам женщины и олицетворяющая стремление к воссозданию Единой, Неделимой, Великой России. Фон рисунка — восходящее солнце.

На оборотной стороне медали, в верхней ее части, полукругом по краю выгравировано: «ПОХОД ДРОЗДОВЦЕВ» и поперек медали: «ЯССЫ-ДОН»,

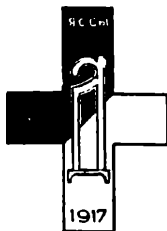
следующая строка: «1.200 верст», затем дата «26. II. — 25. IV. 1918» и в последней строчке — фамилия награжденного с инициалами его имени и отчества.

Ширина медали — один дюйм, длина — полтора дюйма. Размер каждого меча — 1 дюйм. Лента национальных цветов с бантом.

В конце 1917 года, в г. Яссы, при штабе Румынского фронта, начал формироваться отряд русских добровольцев, выступивший 26-го февраля 1918 года под командой полковника генерального штаба Дроздовского на Дон, на соединение с Добровольческой Армией генерала Корнилова. Этот отряд, численностью не более 1.500 человек, проделал легендарный 1.200-верстный поход, окруженный со всех сторон врагами, и 25-го апреля занял с боем г. Новочеркасск, а 27-го мая состоялось его присоединение к Добровольческой Армии, причем он получил название 3-ей дивизии, под командованием полковника Дроздовского.

Приказом Главнокомандующего Добровольческой Армией от 25-го ноября 1918 года за № 191, в воздаяние мужества и решимости добровольцев, совершивших исторический 1.200-верстный поход, для всех чинов отряда установлена памятная медаль для ношения на ленте национальных цветов, с правом передачи этой медали потомкам награжденных, но не для ношения.

9. ЗНАК 2-ГО ОФИЦЕРСКОГО СТРЕЛКОВОГО ГЕНЕРАЛА ДРОЗДОВСКОГО ПОЛКА

Описание знака.

Золоченный крест, длиной 3 см. и шириной 2 см., верхний и правый конец которого покрыты малиновой эмалью, а левый и нижний — белой. В середине креста начальная буква имени шефа полка — генерала Дроздовского — «Д». Сверху надпись «Яссы», а внизу дата «1917». Надписи и буквы «Д» — золоченные.

В состав отряда полковника Дроздовского входил, сформированный в г. Яссы Сводно-стрелковый полк, после соединения с Добармией

названный 2-й Офицерским стрелковым полком 3-ей дивизии. 1 января 1919 г., после ранения, скончался генерал Дроздовский и, в его память, полку даровано шефство — 2-ой Офицерский стрелковый Генерала Дроздовского полк. В июне 1919 г. в Харькове развернут в Дроздовскую трехполковую дивизию — 1-ый, 2-ый и 3-ий Офицерские стрелковые Генерала Дроздовского полки. В 1920 г. в Крыму полки переименованы генералом Врангелем в 1-ый, 2-ой и 3-ий стрелковые Генерала Дроздовского полки, а по оставлении Крыма Русской Армией, в лагере Галлиполи дивизия сведена в один полк, с прежним наименованием — 2-ой Офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк.

Полковой знак установлен в эмиграции, по проекту бывшего начальника Дроздовской дивизии генерала Туркула, для чинов Объединения. Существовал и несколько меньшего размера, чем указано выше, — работы мастера капитана Богоявленского.

10. ЗНАК 2-ГО ОФИЦЕРСКОГО КОННОГО ГЕНЕРАЛА ДРОЗДОВСКОГО ПОЛКА

Описание знака.

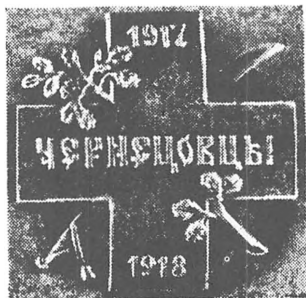
Знак установлен для всех чинов полка, во время пребывания в эмиграции, за границей. Прообразом знака послужила нарукавная нашивка — щит, эмблема полка, которую носили на левом рукаве у плеча.

Щит формы гербового, серебрянный, покрытый черной эмалью с серебрянными буквами: «2» «ОДК» и ниже «п», что значит: 2-ой Офицерский генерала Дроздовского Конный полк.

2-ой Офицерский конный полк сформирован из Конного Дивизиона ротмистра Гаевского, входившего в отряд полковника Дроздовского. По соединении с Добровольческой Армией, в мае 1918 года, дивизион развернут во 2-ой Офицерский конный полк, а после смерти генерала Дроздовского в его память получил шефство и наименование: 2-ой Офицерский конный Генерала Дроздовского полк.

11. КРЕСТ ПАРТИЗАН — ЧЕРНЕЦОВЦЕВ

Крест Партизанского отряда полковника Чернецова установлен приказом Донского Атамана в 1918 г. для всех участников отряда, оперировавшего на Дону с конца 1917 г. по февраль 1918 г.

Описание креста.

Штампованный крест из оксидированного серебра с равными сторонами (39 мм), пересеченный по диагоналям, с одной стороны казачьей шашкой с темляком, а с другой — дубовой ветвью. На верхней и нижней сторонах креста даты «1917» и «1918», а на поперечных надпись славянскими буквами «ЧЕРНЕЦОВЦЫ».

Оборотная сторона гладкая и имеет номер. Крест носился на розетке из Георгиевской ленты, на правой стороне груди на винте.

(Для изготовления этих крестов, некоей ростовской купчихой, были пожертвованы серебряные рубли).

В конце 1917 г., кроме частей Добровольческой Армии, появились на Дону партизанские отряды, поставившие себе целью оградить область от вторжения большевиков. Одним из наиболее дерзких, знаменитым своими набегами на станции железной дороги, где обыкновенно находились карательные отряды красных, был Донской партизанский отряд есаула Чернецова, составленный преимущественно из молодежи — кадет, юнкеров, студентов, гимназистов. За успешные операции, есаул Чернецов был произведен в полковники и погиб преданный войсковым старшиной Голубовым 21-го января 1918 года. 21-го февраля отряд, в составе Добровольческой Армии, выступил в I-ый Кубанский поход.

12. КРЕСТ «ЗА СТЕПНОЙ ПОХОД»

Приказом Донского Атамана № 696 от 26 апреля 1918 г. для всех чинов, принимавших участие в Степном походе из Новочеркасска в Сальские степи и обратно, под командой Походного Атамана генерала Попова, продолжавшегося с 12 февраля по 5 мая 1918 г. (ст. ст.), установлен особый памятный крест, для ношения, на левой стороне груди, на Георгиевской ленте.

Оборотная сторона креста.

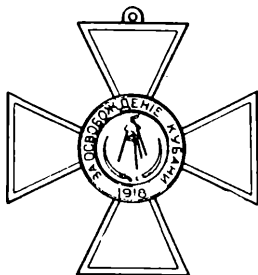
Описание креста.

Крест железный, полукруглой профили, массивный, без надписи. Верхняя и боковая его стороны 11 мм., нижняя 13 мм., высота — 37 мм., ширина — 34 мм.

На обороте выгравирована надпись: на верхней стороне — номер (№), ниже — «ЗА», на поперечных сторонах «СТЕПНОЙ ПОХОД», на нижней — «1918» и ниже 12/II, 5/V.

В конце февраля 1918 г., генерал Корнилов, с Добровольческой Армией, покинул Ростов и сосредоточился в станице Ольгинской, туда же через три дня прибыл из Новочеркасска Походный Атаман генерал Попов, с отрядом около 2.500 человек. На предложение генерала Корнилова присоединиться к Добровольческой Армии и идти вместе с ней на Кубань, генерал Попов, не желая оставлять территорию Дона и рассчитывая на восстание донцов, ответил отказом и решил отправиться в Сальские степи в Донские зимовки, богато снабженные продовольствием и фуражем и к тому же удаленные от железно-дорожных линий, по которым тогда по преимуществу действовали большевики. Расчеты его оправдались, — уже в конце марта 1918 г. на Дону начались восстания и генерал Попов смог оказать содействие восставшим.

13. КРЕСТ «СПАСЕНИЯ КУБАНИ» И МЕДАЛЬ «ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ КУБАНИ»

Выписка из Постановления Чрезвычайной Рады Кубанского Края о наградах участникам освобождения Кубанского края от большевизма, утвержденного 8-го декабря 1918 года:

«Ст. 1. В воздаяние и память героических трудов и лишений, понесенных в борьбе за освобождение Кубанского Края от большевизма, установить следующие награды: крест «Спасения Кубани» и светлобронзовую медаль «За освобождение Кубани».

Ст. 2. Крест «Спасения Кубани» устанавливается двух-степенный: 1-ой ст. — черный железный крест с гербом Кубанского Казачьего Войска и с надписью: «За освобождение Кубани 1918» — на лицевой стороне и с порядковым номером и указанием степени на обратной стороне. Крест носится на соединенной ленте — георгиевской и кубанской национальной (узкая синяя полоса — иногородие, двойная широкая малиновая полоса — кубанцы казаки, и узкая зеленая полоса — горцы).

2-ой степени — такой же крест, на соединенной ленте ордена св. Владимира и кубанской национальной.

Ст. 3. Медаль «За освобождение Кубани» устанавливается так же 2-х степеней. Медаль обыкновенного размера светлой бронзы с гербом Кубанского Казачьего Войска на лицевой стороне и с надписью «За освобождение Кубани 1918» и указанием степени на обороте.

Медаль 1-ой ст. на соединенных Георгиевской и Кубанской национальной и 2-ой ст. — на соединенной Владимирской и Кубанской национальной лентах.

Ст. 5. Крест «Спасения Кубани» 1-ой степени жалуются:

а) всем чинам Кубанской Армии, участникам кубанского похода, принимавшим участие в боях против большевиков с 28 февраля по 1 апреля 1918 г.

б) всем чинам Добровольческой Армии, участникам боев с большевиками с 23 февраля (со дня перехода границы Кубани) по 1 апреля 1918 г.

в) организаторам отрядов, борьба которых с большевизмом имела общекраевое значение.

Ст. 6. Крест «Спасения Кубани» 2-ой степени жалуются всем прочим чинам Кубанской и Добровольческой Армий, участникам в походе в указанные выше периоды, не принимавшим активного участия в боях.

Ст. 7. Кроме лиц, указанных в ст. 5 и ст. 6 постановления, кресты 1-ой и 2-ой степени жалуются всем лицам, оказавшим выдающиеся подвиги в деле защиты Кубани по постановлению Думы Креста «Спасения Кубани».

Ст. 8. Крест «Спасения Кубани» полагать высшей наградой в Кубанском Крае».

Медаль «За освобождение Кубани» 1-ой ст. предназначалась для всех участников боев против большевизма, в составе Добровольческой Армии в период с 1-го апреля 1918 г. по день окончательного освобождения Кубани от большевиков, а также всем чинам партизанских отрядов, всем лицам других организаций активной борьбы с большевиками в тот же период.

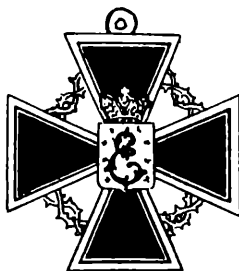
Медаль 2-ой степени — поступившим в Добровольческую Армию с 1-го апреля по день освобождения Кубани от большевиков, в боях участия не принимавшим, всем лицам, способствовавшим своей деятельностью освобождению Кубани; всем, оказавшим материальную помощь в деле формирования партизанских отрядов, а также всем чинам таких отрядов, в боях участия не принимавшим.

Далее, в следующих статьях Положения, говорится о порядке награждения этими отличиями и о правах и преимуществах награжденных. Так, в статье 16-ой говорится, что для рассмотрения представлений о награждении устанавливается Дума Креста Спасения Кубани из членов — кавалеров этого Креста по назначению Войскового Атамана, в составе 5 лиц.

Обе эти награды так и остались на бумаге и никогда на Кубани изготовлены не были. Надо полагать, что все награжденные ими получили в свое время только свидетельства. Уже во время пребывания в эмиграции в Париже было сделано небольшое количество Крестов «Спасения Кубани» 1-ой степени и заказана к ним соединенная лента из георгиевской и кубанской национальной. Сколько именно было сделано этих крестов установить не представилось возможным. — Все они разошлись или среди оставшихся в живых кавалеров этой награды, или среди коллекционеров. Во всяком случае, их было не более двух-трех десятков.

14. КРЕСТ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОГО ПОХОДА

Крест за Екатеринославский поход установлен приказом Главнокомандующего Русской Армией, генерала Врангеля, от 6-го июня 1920 года, за № 3303, для всех участников Отряда генерала Васильченко, совершивших переход из г. Екатеринослава в Крым (27 ноября 1918 г. — 2 января 1919 г.), в воздаяние доблести, проявленной во время похода.

Описание креста.

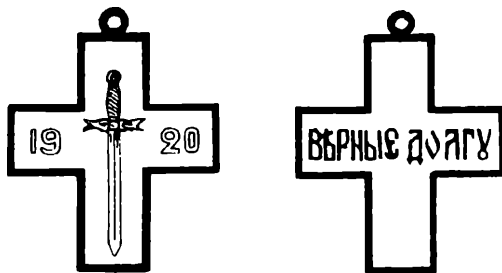
Серебряный крест формы Георгиевского, черной эмали с белой широкой каймой по краям сторон. Стороны креста соединены серебряным терновым венком, в середине же креста — щиток с гербом г. Екатеринослава (в голубом поле вензелевое золотое изображение имени Императрицы Екатерины II, окруженное девятью золотыми звездами под золотою же императорскою короной).

На оборотной стороне креста № награжденного. Крест носился на национальной ленте (бело-сине-красной) на левой стороне груди.

Выступление Отряда генерала Васильченко из г. Екатеринослава состоялось 27 ноября 1918 г. Весь 500-верстный переход Отряд, насчитывавший около 1.000 человек, совершил в 34 дня, выдержав много упорных боев. Несмотря на численное превосходство красных, имевших возможность подвозить подкрепления с юга и с севера, по железным дорогам, и сильную усталость чинов, которым днем приходилось вести бой, а ночью совершать 20-30-верстный переход и вновь встречать свежего противника, Отряд прибыл в Крым 2-го января 1919 г., где послужил главным ядром Крымско-Азовской армии: 34-ая пех. дивизия, 34-ая артилл. бригада, 3-ий драгунский Новороссийский полк, броневые и инженерные части.

15. КРЕСТ ПОХОДА ГЕНЕРАЛА БРЕДОВА

Крест похода генерала Бредова установлен приказом Главнокомандующего Русской Армией, генерала Врангеля, от 25 февраля 1922 года, за № 206, для участников похода, продолжавшегося с 30 января по 12 февраля 1920 года — «в воздаяние верности долгу и понесенных тяжелых трудов и лишений чинами отряда генерала Бредова, с боями пробившимися в студеную зимнюю пору из Тирасполя в Польшу.

Описание знака.

Серебряный крест, покрытый с обеих сторон белой эмалью, по краям которых узкая серебряная кайма. Посередине креста серебряный опущенный книзу меч. На поперечных сторонах дата — «19» «20» (1920), а на обороте его надпись славянскими буквами: «ВЕРНЫЕ ДОЛГУ». Крест носится на ленте национальных цветов (бело-сине-красной). Размеры верхних его сторон 1 см. и нижней 1½ см.

К 19 января 1920 г. фронт группы генерала Бредова был прорван красными, связь с Одессой была утеряна и войскам Новороссийской Области угрожала бесславная гибель. Генерал Бредов совершает фланговый марш, в виду противника, и сосредотачивается в Тирасполе, где румыны отказываются пропустить его на свою территорию.

В ночь на 30 января 1920 г. войскам отдается приказ двигаться на север вдоль Днестра в ту узкую щель, которая предположительно считалась еще не занятой врагом. Отряд двигался в узкой полосе между железной дорогой Одесса–Жмеринка и Днестром. Близость железной дороги давала возможность большевикам быстро подвезти свои резервы в любой пункт и опрокинуть отряд в Днестр. Много долгих и томительных дней находился отряд генерала Бредова в подобном мешке, а до 7.000 больных и беженцев сильно связывали свободу военных действий. Наконец, 12-го февраля, подошли к Новой Ушице, занятой польским батальоном. По соглашению с польским командованием, генерал Бредов занимает участок фронта, но принимает все меры, чтобы добиться пропуска своих войск в Крым, что ему в конце концов, хотя и с большими трудностями, удастся. По прибытии в Крым к генералу Врангелю, через Румынию, поход генерала Бредова был окончен.

16. ОРДЕН СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА

Боевые награды во все времена и у всех народов являлись одним из стимулов, побуждающих воинов к подвигам и несомненно, что так было и в Гражданской войне, несмотря на то, что она велась во имя идеи и в основу ее легли высшие человеческие побуждения.

Поэтому перед теми, кто вел вперед Белые армии, неизбежно вставал вопрос о том, как наградить за подвиг сильных и смелых и как побудить к деятельности слабых и робких? Надо было решать вопрос о наградах. И вопрос этот был разрешен так или иначе на всех четырех фронтах Гражданской войны в России.

Солдаты, а в большинстве случаев и офицеры, награждались боевыми орденами или производились в чины за боевые отличия. Офицерские ордена жаловались на фронте адмирала Колчака, генерала Миллера и генерала Юденича. На фронте адмирала Колчака было установлено пожалование даже орденом Св. Георгия, чего не приняли у себя ни генерал Миллер, ни генерал Юденич.

Несколько особняком, стоял фронт генерала Деникина, где ордена (но не орден Св. Георгия) давались только в Донской армии. В Добровольческой Армии, а потом и в Вооруженных Силах Юга России, — вопрос этот был разрешен принятием принципа, который гласил о невозможности награждения старыми русскими орденами за отличие в боях русских против русских. Только отдельные периоды наиболее напряженной боевой деятельности на этом фронте отмечались установлением того или иного знака, который не был орденом уже потому, что жаловался всем участникам этого периода и был сходен с теми медалями, которые в Императорский период жаловались за участие в кампании. Подобными на Юге России были знаки за «Первый генерала Корнилова Кубанкий поход» (Ледяной поход), медаль за поход генерала Дроздовского из Ясс на Дон и другие.

В своих записках, генерал Врангель говорит:

«В армиях генерала Деникина боевые подвиги награждались исключительно чинами. При непрерывных боях многие получали в течение двух лет несколько чинов и в штаб-офицеры и даже в генералы попали совсем юноши. Являясь по своему чину кандидатами на высшие должности командиров частей и высших соединений, они не обладали ни достаточной зрелостью, ни должным опытом. Необходимо было, кроме чинов, ввести в армии другой вид боевых отличий».

При таком взгляде, естественно, и при соблюдении основного принципа по отношению к старым императорским орденам, оставался один выход — учреждение нового ордена. Обстановка требовала в этом вопросе принятия определенного решения и новый Главнокомандующий в Крыму генерал Врангель, всегда быстрый и решительный в своих действиях, принял его и 30 апреля 1920 года отдал приказ об установлении ордена Святителя Николая Чудотворца.

Орден был по Положению и по способу пожалования приравнен к Георгиевской награде, хотя и должен был носить ниже последней. Была учреждена комиссия для рассмотрения обстоятельств, при которых был совершен подвиг, для обеспечения правильности представления к награде. Награждение принадлежало «Кавалерской Думе» и утверждалось Главнокомандующим, который, однако, пользовался правом награждения помимо «Кавалерской Думы».

Орден имел две степени: 1-ая по внешнему размеру одинаковая с орденом Св. Георгия 3 ст. и носилась на шее. 2-ая размера ордена Св. Георгия 4 ст. и носилась на груди ниже этого ордена. Цветом ленты были взяты русские национальные цвета, которые во все время Гражданской войны в России отличали бойцов белого национального фронта. Материалом для изготовления креста было, вместо эмали, золота и серебра Ордена Св. Георгия — железо, что позволяло изготовить ордена даже в примитивных условиях жизни в Крыму. (Между прочим 50 экземпляров этого Ордена были выполнены в Берлине фирмой Годэ). Никакого различия во внешнем виде между отличиями для солдат и офицеров — не было.

Первая Кавалерская Дума состояла из кавалеров ордена Св. Георгия, но, когда ряды кавалеров нового ордена пополнились, Дума составлялась из кавалеров Ордена Св. Николая. На одном из своих заседаний в Галлиполи, где была полуинтернирована армия, оценивая все то мужество и храбрость, которую проявил Главнокомандующий генерал Врангель в нечеловечески тяжелый период командования им Армией, — Дума обратилась к нему с просьбой принять Орден Св. Николая Второй степени.

Первой степени не имел никто и крест I-ой степени вообще не чеканился.

Удалось сохранить официальный список кавалеров второй степени — всего 337 кавалеров. Теоретически возможно, что имеется ряд кавалеров, награждение которых через приказы не прошло, но число их не превышает нескольких человек.

Первым кавалером ордена был шт. кап. Любич-Ярмолович, получивший орден помимо Думы, из рук Главнокомандующего генерала Врангеля, за то, что, находясь на головном танке, прорвал проволочные заграждения и лично захватил одно орудие. (Приказ Главнокомандующего 26 мая 1920 года, № 3241).

ПРИКАЗ

Главнокомандующего Вооруженными Силами на юге России
Гор. Севастополь.

30 апреля 1920 г.

Тяжкая борьба за освобождение Родины от захвативших власть насильников продолжается. В этой борьбе, доблестные воины Вооруженных Сил Юга России проявляют исключительные подвиги храбрости и мужества и беззаветного самоотвержения, памятуя, что «Верой спасается Россия».

Для увенчания славой героев и увековечения деяний их в памяти потомков, учреждаю орден во имя Святителя Николая Чудотворца, постоянного молитвенника о Земле Русской. Определение подвигов и лиц, достойных награждения орденом Св. Николая Чудотворца, возлагаю на Орденскую следственную комиссию и на Кавалерскую Думу ордена. Последним надлежит руководствоваться тем положением, что орден Св. Николая Чудотворца может быть пожалован лишь тем воинам, независимо их чинов, кои, презирая очевидную

опасность для жизни, окажут блестящие военные подвиги, увенчавшиеся полным успехом и принесшие явную пользу.

Да придаст учреждаемый орден новые силы всем борющимся за наше святое дело, да отметит он достойно их мужество и доблесть, и да укрепит нашу веру в ближайшее освобождение пострадавшей России и Русского народа.

Утвержденное мною Положение об ордене Св. Николая Чудотворца при сем объявляю. В воздаяние мужества и подвигов, оказанных бойцами по освобождению России, приказываю применять это Положение со дня учреждения сего ордена.

Дабы сохранить значение Военного ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия на подобающей ему высоте, предписываю распространить на кавалеров ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия права сокращения выслуги при производстве по льготным цензовым правилам, права по наделу земель, по устройству по оставлении службы в военном ведомстве и по сокращению выслуги на пенсию, предоставляемые ныне кавалерам ордена Св. Николая Чудотворца.

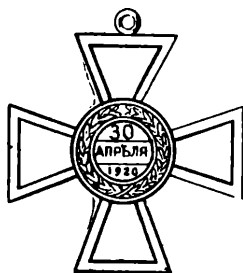
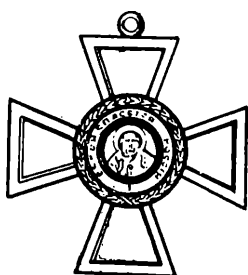
Подписал:

Главнокомандующий
Генерал *Врангель*

Скрепил:

Вр. и. д. Начальника Военного Управления
Генерал-майор *Никольский*.

(По военному Управлению) (Общий Отдел).

ВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОБ ОРДЕНЕ СВ. НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА

1) В воздаяние отменных воинских подвигов храбрости и мужества и беззаветного самоотвержения, проявленных в боях за освобождение Родины от врагов ее, учреждается орден Св. Николая Чудотворца, как постоянного молитвенника о земле Русской.

2) Девиз ордена — «ВЕРОЙ СПАСЕТСЯ РОССИЯ».

3) Орден Св. Николая Чудотворца носится при всех формах одежды.

4) Орден Св. Николая Чудотворца, жалуемый в порядке постепенности, имеет две степени:

- а) 1-ая степень носится на шее, ниже ордена Св. Георгия 3-й степени, — выше других орденов.
- б) 2-я степень — левее ордена Св. Георгия и правее других орденов и крестов.

5) Орден Св. Николая Чудотворца — железный крест, темный, носимый на ленте национальных цветов (бело-сине-красный).

Размер 1-й степени соответствующий ордену Св. Георгия 3-й степени, а 2-й степени — того же ордена 4-й степени. На лицевой стороне, в обруче вокруг изображения Св. Николая Чудотворца, надпись «ВЕРОЙ СПАСЕТСЯ РОССИЯ». На обратной стороне выгравирована дата учреждения ордена. Для лиц нехристианского вероисповедания вместо изображения Св. Николая Чудотворца — государственный герб.

6) Орденом Св. Николая Чудотворца награждаются генералы, адмиралы, штаб и обер-офицеры, а равно солдаты, последние имеющие Георгиевский крест не ниже 3-й степени.

7) Орденом Св. Николая Чудотворца награждаются отличнейшие воинские доблести, мужество и самоотвержение, как по удостоению постановления Кавалерской Думы этого ордена, утвержденному Главнокомандующим, так и по личному пожалованию Главнокомандующим.

8) Орденом Св. Николая Чудотворца может быть награжден лишь тот, кто, презрев очевидную опасность и явив доблестный пример неустрашимости, присутствия духа и самоотвержения, совершит отличный воинский подвиг, увенчанный полным успехом и доставивший явную пользу.

9) Кавалерский праздник ордена Св. Николая Чудотворца — 9 мая.

Далее следуют статьи о порядке награждения орденом и об особых правах и преимуществах его кавалеров.

Кроме отдельных воинских чинов, было установлено генералом Врангелем и награждение отличиями Ордена Св. Николая и воинских частей Русской Армии, боровшихся против красных.

Таковыми отличиями были: серебряные трубы с лентами Ордена, ленты к имеющимся уже трубам, ленты к знаменам и штандартам, авиационный флаг с лентами и знаком Ордена и, наконец, для морского флота награждение Николаевским Вымпелом.

Установление этого награждения несомненно было объявлено в приказе по Армии, но его, к сожалению, найти не удалось, сохранились лишь списки частей награжденных знаменами, серебряными трубами, лентами к имеющимся трубам и авиационным флагом с лентами и знаком ордена.

Рисунков этих отличий не сохранилось, имелись только Николаевские знамена некоторых полков, частью находившиеся при своих полках (напр. Корниловцев), рассеянных по различным государствам, частью сданных на хранение в русской церкви в Белграде в Югославии (Марковцев и Дроздовцев).

Что касается отличий для морского флота, то, как приказ Главнокомандующего от 26-го июня 1920 г. за № 117/190, скрепленный Начальником Морского Управления Вице-Адмиралом Саблиным, так и описа-

ние Николаевских Адмиральских флагов сохранились. В этом приказе говорится об установлении для судов Военного Флота за оказанные в сражении подвиги Николаевского Вымпела и о соответствующем дополнении к *Своду Морских Постановлений, изд. 1914 года*.

В приложении к приказу: *описание Николаевских Адмиральских Флагов*.

Николаевский Георгиевский Адмиральский флаг имеет вокруг щита с изображением Св. Георгия трехцветную полосу с цветами: первая от щита — красный, вторая — синий и третья — белый. Обыкновенный Адмиральский флаг имеет в середине круглую трехцветную кокарду с цветами: наружный — белый; средний — синий и внутренний — красный.

Николаевские Вымпела и Брейд-вымпела имеют, в отличие от обыкновенных вымпелов, — косицы трехцветные: верхняя или правая — белая; средняя — синяя и нижняя или левая — красная.

Вымпел Ордена был пожалован (приказ Главнокомандующего 26. 6. 1920. № 118) следующим судам флота: канонерским лодкам: «Страж» и «Грозный»; речным канонерским лодкам: «Алтай» и «Урал». Вооруженным катерам «Мария», «Азовец», «Никола Пашич», «Дмитрий», «Пантикопея» и «Меотида».

Источник: А. фон-Лампе. *Орден Святителя Николая Чудотворца*. Юрьев, 1937.

ЗНАК НА ШАПКИ ЗА ОБОРОНУ КРЫМА

Приказом Генерала Врангеля частям корпуса генерала Слащева, героически оборонявшим Крым в зиму 1919-1920 гг., даны знаки на головные уборы с соответствующей надписью.

ЗНАК КОРНИЛОВСКОГО АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ДИВИЗИОНА

Приказом Р.О.В.С. от 1 мая 1957 года за № 6, утвержден знак Корниловского Артиллерийского Дивизиона.

К сожалению, не удалось найти ни описаний, ни рисунков этих двух отличий.

II. Запад и Северо-Запад России

1. КРЕСТ ГЕНЕРАЛА КЕЛЛЕРА

Командир 3-го Конного корпуса генерал граф Келлер оказался в первые дни революции среди тех немногих, которые имели смелость открыто заявить о своей верности Государю, он отказался присягнуть Временному Правительству, сдал свой корпус генералу Крымову и уехал в Харьков.

В ноябре 1918 года к нему явились представители формирующейся в Пскове Северной Армии (впоследствии Северо-Западной) с просьбой возглавить эту Армию. Дав свое согласие, граф Келлер 12-го ноября прибыл в Киев, чтобы оттуда отправиться дальше в Псков, но был неожиданно для себя назначен Гетманским правительством Главнокомандующим всеми вооруженными силами на Украине. Он поставил условием присоединение всех гетманских войск к Добровольческой Армии генерала Деникина. Но трения с Гетманским правительством заставили его сложить свои полномочия, однако, уехать ему уже не удалось, так как Киев был занят петлюровцами. Он был схвачен ими и в ночь с 20 на 21-е декабря расстрелян на Софийской площади. Он был убит одиннадцатью выстрелами в спину, вместе с ним были убиты его адъютанты полковник Пантелеев и ротмистр Иванов, добровольно разделившие с графом Келлером его участь, хотя все они могли легко скрыться. После кончины графа Келлера в командование Северной Армией вступил сначала генерал Вандам, затем полковник фон-Неф, полковник Дзержинский и, наконец, генерал Родзянко.

Для чинов Северной Армии графом Келлером был установлен особый крест, так называемый «Крест генерала Келлера», для ношения на груди.

Крест представлял собой серебряный мальтийский крест покрытый белой эмалью, без всяких надписей и дат, размера 54 мм.

(Существование этого креста весьма сомнительно, так как граф Келлер в командование армией фактически не вступал и потому является вопрос — когда же и где он мог его установить).

В частном собрании знаков Гражданской войны виконта Роберта Грувель в Париже, мне привелось видеть такой крест, покрытый белым матовым лаком, а не эмалевый, который был приобретен виконтом вместе с другими знаками армии Бермонта-Авалова в Германии в 1919 году).

2. ЗНАКИ ЗАПАДНОЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛА БЕРМОНТ-АВАЛОВА

Перемирие 11 ноября 1918 года вынудило германцев очистить Прибалтику, которая и была тотчас же занята большевиками. Правительство Латвии, покинув Ригу и основавшись в Либаве, получило предложение от немцев взять в свои руки защиту страны при помощи Германского Добровольческого Корпуса генерала фон-дер-Гольц. Предложение было принято и при этом корпусе тотчас же начала формироваться новая латвийская армия, так же, как Балтийское Ополчение и Русские части князя Ливен. 22 мая 1919 года Рига была освобождена, германские части, расположившиеся севернее, вошли в конфликт с эстонцами и вынуждены были отойти от Риги к Митаве. 1 июня 1919 года союзники-победители предложили немцам эвакуировать Курляндию, но генерал фон-дер-Гольц решительно отказался, пополнив в то же время свои части немцами-добровольцами, а из русских бывших военнопленных, которые прибывали из Германии, сформировал особый Русский Корпус, под командованием полковника Бермонт-Авалова. Начало формирования происходило в Германии, а к 14 июня 1919 года корпус был перевезен в г. Литву, крупный железно-дорожный узел, в силу чего она была очень выгодным исходным пунктом для операций в любом направлении, что было важно при сложившейся обстановке в Прибалтике.

Полковник, а потом генерал-майор Павел Михайлович Бермонт, бывший капельмейстер I уланского Петроградского полка. В Японскую войну 1904-1905 гг. добровольцем служил в Забайкальском казачьем полку, где и был произведен в 1-ый офицерский чин. В чине корнета во время Великой войны 1914-1917 гг. он был адъютантом командира 22-го Армейского корпуса ген. Мищенко и в чин полковника производится Керенским. Затем он — Бермонт-Авалов и наконец, — князь Бермонт-Авалов.

«1-го декабря ко мне явилась, — пишет в своих воспоминаниях Бермонт-Авалов, — делегация старших чинов Армии и поднесла мне от имени Армии постановление, в котором Армия просила меня принять чин генерал-майора. Мотивом было — последнее желание моей Армии подчеркнуть перед «союзниками» глубокое единение со мной. Я не считал возможным отклонить это предложение и принял его».

Вскоре Русский Корпус разбивается на две части, из которых одна, под командованием князя Ливена переходит к генералу Юденичу и отправляется в Эстонию, тогда как другая отказывается подчиниться Юденичу и остается с немцами. В сентябре 1919 г. генерал фон-дер-Гольц передает командование всеми частями Бермонт-Авалову, который и образует «Западную Добровольческую Армию», генерал же Юденич утверждает Бермонта в этом звании 5 сентября. Армия состоит: из 1 Западного Добровольческого Корпуса графа Келлера и 2 Западного Добровольческого Корпуса полковника Вырголича, Железной герман-

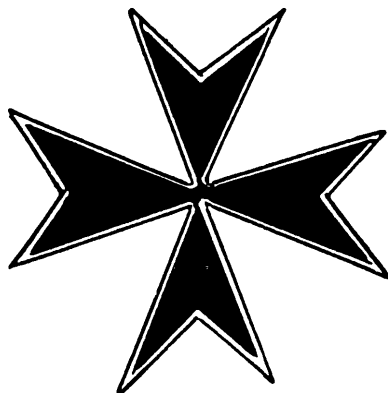
ской дивизии майора Бишоф, Германского Легиона капитана фон-Зиверт. Бермонт-Авалов переходит в успешное наступление против красных в районе Двинска, но 8 октября начинает действия против латышей и 10-го занимает весь левый берег Двины. 9 октября Бермонт составляет русское «Западное Центральное Правительство» и в тот же день отрешается генералом Юденичем от командования Армией. К 15 октября Западная Армия продолжает развивать свое наступление, но 16-го Латвийская Армия, поддержанная мощным огнем батарей союзного флота, вошедшего в Рижский залив, переходит в контр-атаку, разбивает Бермонт-Авалова, принуждает его отойти и угрожает Мита-ве, которая и взята 21 ноября.

19 ноября 1919 года командование Армией принимает германский генерал Эбергардт и к 30 ноября эвакуирует всю Курляндию, остатки Армии проходят через Литву в Восточную Пруссию, где на границе разоружаются и интернируются, сначала в лагере Альтеграбен, потом — в Магдебурге. Оба корпуса, приблизительно 20.000 человек, сводятся в один отряд, под названием: «Русский Отряд на территории Германии» и к июню месяцу 1920 года насчитывают не более пяти тысяч человек, под командованием генерала Альтфатера и его начальника штаба полковника Чайковского. Постепенно и этот отряд расплывается.

Генерал Бермонт-Авалов, принявший командование «Западной Добровольческой Армией» 5 сентября 1919 года, считал себя и свою армию как бы преемственной от Северной армии генерала Келлера, формировавшейся в Пскове, а потому, устанавливая для чинов своей армии знак отличия, он взял прообразом «Крест Келлера», изменив, в знак траура, белый цвет креста на черный.

Этот знак был установлен полковником Бермонт-Аваловым 4-го марта 1919 года приказом № 24, еще при самом начале формирования в лагере Зальцведель в Германии, где были интернированы русские, для отличия воинских чинов вступивших в его части от прочих интернированных.

а) Знак для чинов Армии.

Описание знака

Мальтийский крест белого металла, покрытый черным матовым лаком или черной эмалью, размер 51 мм., носимый на левой стороне груди на винте. Он представляет собою точную копию «Креста генерала Келлера» только не белого, а черного цвета.

б) Памятная медаль.

В память участия в боях в Курляндии для всех чинов, как русских, так и немцев, состоявших в рядах Западной Добровольческой армии и Германского Вольного корпуса, в 1919 году генералом Бермонт-Аваловым установлена памятная медаль.

Описание медали.

Медаль золоченой бронзы, диаметра 32 мм., с штампованным изображением на лицевой ее стороне Св. Георгия Победоносца верхом на коне, поражающего копьем дракона. На обороте медали — православный восьмиконечный крест, по бокам которого «19» «19» (1919 год). Ушко поперечное. Лента из двух равных вертикальных полос — черной и оранжевой с узкой каймой по краям обратного цвета. Ширина ленты 25 мм.

в) Крест 1-ой и 2-ой степеней.

Кроме этой медали, во время пребывания в эмиграции генералом Бермонт-Аваловым установлен еще и орден в виде креста, имеющий две степени. Награждались им как военные — крест с мечами, так и гражданские лица — крест без мечей.

Описание Креста 1-ой степени.

Мальтийский крест белого металла, покрытый черным лаком или черной эмалью, подобный ранее установленному знаку, но имеющий над верхней стороной креста — серебряную мертвую голову над двумя скрещенными серебряными костями, а поперек креста два скрещенных серебряных меча с золотыми рукоятками, поднятые вверх (на кресте для лиц гражданских мечи отсутствуют). Обратная сторона гладкая. Размер креста 55 мм., высота мертвой головы 19 мм. Крест носился на шее на черной ленте с каймой: с одной стороны русских национальных цветов (бело-сине-красной), а с другой — германских (черно-бело-красной). При ношении на шее — германские цвета наверху, то же при ношении второй степени на груди с бантом.

Описание Креста 2-ой степени.

Крест, подобный 1-ой степени, но меньшего размера (41 мм). Носился на груди на ленте с бантом.

г) Крест Балтийского Ландвера.
(Балтийское Ополчение)

Описание знака.

Черный железный прямоугольный крест, на который наложен такой же золоченный крест меньшего размера, имеющий на четырех своих концах золоченные линии. Размер креста: 45 × 45 мм. Обратная сторона гладкая. Носился на груди на винте.

В составе Западной Добровольческой Армии находился Балтийский Ландвер, так называемый Немецкий Легион, сформированный из добровольцев, уроженцев Прибалтики — немецкого происхождения. Командовал Легионом капитан II ранга фон-Зиверт и в него входили следующие части: Группа «Балтенланд», группа «Вейхмана», группа «Брандеса», группа «фон-Иена», группа «фон-Медем», группа «Стевер», группа «фон-Петерсдорф», Штурмовой батальон.

Кроме того — Корпус полковника Дибич, Отряд Плеве и другие.

Все эти части имели довольно много разнообразных нагрудных знаков, медалей и даже звезд, как например звезда Дибича, представляющая собой обыкновенную орденскую звезду с мечами, в центре которой в медальоне германский одноглавый орел, а по кругу надпись: «Suum-cuique» т.е. «Каждому свое».

В марте 1953 года, в каталоге берлинской нумизматической фирмы «Die Ordens Sammlung», кроме трех крестов и медали Бермонт-Авалова, были указаны два креста 1-ой и 2-ой ст. Дибича, медаль Железной Дивизии и еще 28 разных знаков Балтийского Ландвера.

3. ЗНАКИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛА ЮДЕНИЧА

12 октября 1918 года в г. Пскове было положено основание Псковскому Добровольческому Корпусу. Еще не успев вырости в серьезную боевую силу, Корпус был неожиданно лишен поддержки оккупировавших область немцев, брошен ими, почти без оружия, на произвол судьбы и, в бою с красными 25 ноября, был разбит; части его отошли в Изборск, Валк и Верро.

Корпус находился сначала под командованием генерала Вандама, а затем полковника Неф. По принятии Корпуса полковником Дзержинским, удалось заключить договор с эстонцами, которые принимали к себе остатки Корпуса и обязывались снабжать его продовольствием, обмундированием и снаряжением. Половина войск стала в резерв (в районе Ревеля) и получила название «Западного Отряда», а другая стала на фронте за г. Юрьевым — «Восточный Отряд». Оба эти отряда составили «Отдельный Корпус Северной Армии» под командованием полковника Дзержинского и впоследствии генерала Родзянко. Наиболее тяжелый период кончился, изгладилась из памяти все ужасы отхода от Пскова, когда в отрядах, часто босые, с винтовками без штыков, в сильные холода, русские воины сдерживали натиск во много раз силь-

нейшего врага, не всегда встречая сочувствие в населении и гибли массами в боях и от болезней.

С начала весны 1919 года О. К. С. А. должен был выйти на свою территорию. Общее наступление было назначено на 13 мая. В этот день все части дружно ринулись вперед, сбили противника на всем фронте и захватили много пленных и громадное количество трофеев. Имея в своем составе три с половиной тысячи штыков, корпус развил успех и занял громадную территорию от Пскова до Финского залива и до г. Луги и Гатчины на Восток.

В память этого события приказом по О. К. С. А. от 10 июня 1919 г., за № 156, генералом Родзянко установлен особый крест для всех участников наступления 13 мая.

а) Крест «13 МАЯ 1919».

Описание креста.

Золоченый белый эмалевый крест с одинаковыми сторонами (39 мм), вдоль обеих поперечных сторон которого надпись золотом славянской вязью: «13 мая 1919». Крест носится на круглой розетке национальных цветов на левой стороне груди.

Ошеломленные сначала дерзким наступлением горсти белых, большевики пришли в себя и стянули на защиту Петрограда большие силы. Частям же Северо-Западной Армии, растянутым узенькой цепочкой, без резервов, на громадном фронте, становилось неумогу удерживать натиск красных и пришлось начать отход. Медленно, с боями, удерживая каждый рубеж, отходили полки и, наконец, закрепились на линии рек Желча, Саба и Луга.

Корпус, пополненный пленными красноармейцами и мобилизованными, развернулся в Армию, названную Северной, вскоре переименованную в Северо-Западную, в отличие от Северной Армии генерала

Миллера, действовавшей в районе г. Архангельска. В июле 1919 года прибыл из Финляндии генерал Юденич и принял общее командование. Состав Северо-Западной Армии, после реформирования, насчитывал 17.800 штыков, 700 сабель, 57 орудий, 4 бронепоезда, 6 танков и 2 броневика (26 пех. полков, 2 кавал. полка, 2 отд. батальона и 1 отряд).

10 октября 1919 года Армия вновь перешла в наступление, разгромив красных, и в несколько маршей с боями захватила Красное Село, Гатчину, Лугу и, наконец, Павловск и Царское Село, подойдя таким образом к самому Петрограду. Истощив все свои силы, части Армии остановились перед Пулковскими высотами и тут, неожиданно лишённые поддержки эстонцев и английского флота с моря, снова начали отход; последние героические усилия под Ямбургом, перед Нарвой и все было кончено. Сильные морозы, утомление, болезни, издевательства союзников, лишение ими нас базы доконали Армию. Началась ликвидация, появился тиф, унесший в могилу до 8 тысяч человек.

22 января 1920 года генерал Юденич отдал приказ о расформировании частей, штабов и учреждений, а 10 марта полки превратились в дровосеков и рабочих по добычанию торфа. В то же время началась тяга в Польшу, где создавались новые русские кадры для борьбы с большевиками. Так перевернулась светлая страница героической эпопеи горсти смельчаков, бросивших смело вызов врагам Родины.

Заграницей, в эмиграции, бывшие участники Северо-Западной Армии, офицеры и солдаты создали «Объединение Северозападников», причем эмблемой своего Объединения избрали особый знак, уменьшенную копию шеврона, который носился чинами армии на левом рукаве во время пребывания в армии, несколько видоизменив его и придавши буквы «СЗ» и дату «1919».

Знак этот был утвержден Председателем Обще-Воинского Союза, генералом Миллером, 31 августа 1931 года, за № 45.

б) Знак Объединения Северо-Западников.

Описание знака.

Знак представляет собою золоченый треугольный щиток — шеврон национальных цветов, в красном поле которого находился белый крест.

По бокам креста — золотые буквы: «С. З.», а сверху золотом же дата:

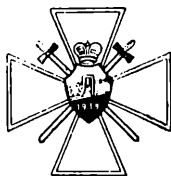
«1919». Знак этот изготовлялся исключительно уменьшенного размера для ношения в петлице штатского костюма. Размер знака 2 × 2,30 см.

в) Знак Ливенцев.

Русский Добровольческий стрелковый отряд светлейшего князя Ливена был сформирован ротмистром Кавалергардского полка Светлейшим Князем Ливеном, в г. Либаве в конце 1918 г. Отряд этот был также известен под именем «Либавских стрелков» или «Ливенцев».

31 января 1919 г. отряд выступил из Либавы против красных, насчитывая в своем составе всего 65 штыков. В течение последующих месяцев, возрастая численно и совершенствуясь качественно, Отряд с боями прошел всю Курляндию и 22 мая 1919 года принимал участие в освобождении от красных г. Риги. Закончив в июне 1919 г. очищение территории Латвии, отряд перешел в состав Северо-Западной Армии генерала Юденича и был отправлен на Нарвский фронт. Затем был переформирован в 5-ую стрелковую дивизию и под командованием полковника Дыдорова принял участие в наступлении на Петроград, причем к 20 октября 1919 г. доходил до Стрельницкой подставы и до предместья Лигова — это были ближайшие к Петрограду места, которых мы достигли. После всеобщего отступления, часть Отряда попала в Польшу, где продолжала борьбу против красных.

В эмиграции бывшими чинами отряда создан «Союз Ливенцев», возглавлявшийся их прежним командиром Светлейшим Князем Ливеном, который установил для всех его участников особый памятный знак для ношения в петлице штатского костюма.

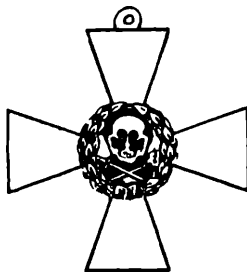

Описание знака.

Золоченый крест белой эмали, с двумя накрест лежащими золотыми мечами рукоятками вниз. В середине креста щиток, формы гербового, национальных цветов: бело-сине-красного, на нем золотая буква «Л» и памятная дата «1919». Щит увенчан золотою короной.

Размер знака 2 × 2 см.

г) «КРЕСТ ХРАБРЫХ»
Атамана Булак-Балаховича.

Описание креста.

Крест белого металла, формы Георгиевского, покрытый белой эмалью, размера 35 × 35 мм. В центре креста штампованный круглый медальон, оксидированного серебра, на котором изображены: над скрещенными мечом и факелом мертвая голова. Медальон окружен лавровым венком, перевязанным внизу лентой.

Оборотная сторона гладкая и имеет порядковый номер.

Носился на широкой черной ленте 38 мм. с двумя золотыми каймами по краям ленты, 5 мм. каждая.

Булак-Балахович, бывш. кавалерийский ротмистр старой русской армии, потом произведенный генералом Юденичем в полковники и генерал-майоры, командовал Партизанским отрядом своего имени, в составе: сначала отдельного корпуса Северной Армии (ОКСА) генерала Родзянко, а потом в Северо-Западной Армии генерала Юденича. Приказом по Армии от 24 августа 1919 г., за № 20, генералом Юденичем был исключен из списка Армии и перешел на службу в Эстонию, а затем в Польшу, где во время 2-ой Мировой войны, имея чин генерала Польской Армии, сформировал конный отряд. Этот отряд рассыпался, не дойдя до фронта, так как польская кампания была уже проиграна. В 1940 году Булак-Балахович был застрелен на одной из улиц в Варшаве неизвестными лицами, оставшимися не обнаруженными.

История его Отряда — такова:

В середине октября 1918 г. в Псков перебежали от красных два офицера, служившие в Конно-Партизанском отряде Булак-Балаховича, который образовался из Партизанского отряда Пунина, действовавшего против германцев, в районе Риги. Под давлением немцев, отряд Пунина расплылся и осталась лишь его часть под командой ротмистра Булак-Балаховича. Отступая дальше, отряд попал в сферу действий большевистских войск и там, в силу обстоятельств, перешел на службу Советам.

Однако, Булак-Балахович искал подходящий момент, чтобы перейти на сторону Отдельного Псковского Добровольческого Корпуса, о чем и сообщили оба выше названных офицера.

Через два дня после их перехода к добровольцам, на нашу сторону перешли два эскадрона, а за этими двумя и весь остальной отряд, под командою «батьки» Булак-Балаховича, в полном вооружении, снаряжении, обмундировании, с конями и другим военным имуществом.

В сущности, отряд этот «партизанил», нанося сильный вред не только большевикам, но и местному населению, занимаясь грабежами и самоуправством и не исполняя приказаний главного командования, что и послужило поводом к исключению Булак-Балаховича из списков Армии и к отстранению его от участия в военных действиях. Надо сказать, что чины отряда обладали легендарной храбростью, зная отлично, что пощады им от врага не будет, и обожали своего «батьку-атамана».

III. Север и Восток России

1. МЕДАЛЬ И ЗНАК СЕВЕРНОЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛА МИЛЛЕРА

30-го июня 1919 года объявлено постановление Временного Правительства Северной Области об утверждении им 18-го июня того же года Положения о медали «В память освобождения Северной области от большевиков».

ПОЛОЖЕНИЕ

*О медали «В память Освобождения
Северной Области от большевиков»*

I. В ознаменование освобождения Северной Области от большевиков устанавливается медаль белого металла для ношения на груди на ленте белого и голубого цвета. На лицевой стороне медали изображены в боевых положениях солдаты молодой русской и помогавших ей союзных армий, а на другой надпись: «медаль в память освобождения Северной Области от большевиков»; над надписью двуглавый орел, ниже надписи — фигуры солдат, изображенных на лицевой стороне. Медаль эта носится по правилам, установленным в военноморском и гражданском ведомствах для ношения соответствующих медалей.

II. Право ношения этой медали предоставляется:

а) всем воинским чинам войсковых частей, штабов учреждений и заведений, входящих в состав союзной и русской армий в Северной области.

б) всем участникам партизанских и добровольческих отрядов, выступавших против большевиков.

в) всем гражданским и духовным лицам, находившимся на службе в правительственных учреждениях Северной области после 2-го августа 1918 года.

г) всем лицам, принимавшим видное участие в борьбе с большевизмом в Северной области.

д) всем чинам Народного Ополчения Северной области.

е) отцам и старшим сыновьям лиц, павших в боях с большевиками, в рядах войсковых частей и отрядов Северной области.

III. Рассмотрение прав ношения медали «в память освобождения Северной области от большевиков» возлагается: для лиц военных — на Командующего войском Северной Области, для гражданских и духовных — на Генерал-Губернатора Северной Области.

IV. Лица, имеющие право на ношение означенной медали, обращаются на имя вышеуказанных властей: служащие — через свое начальство, а остальные лица — непосредственно, с доказательством права их на получение медали.

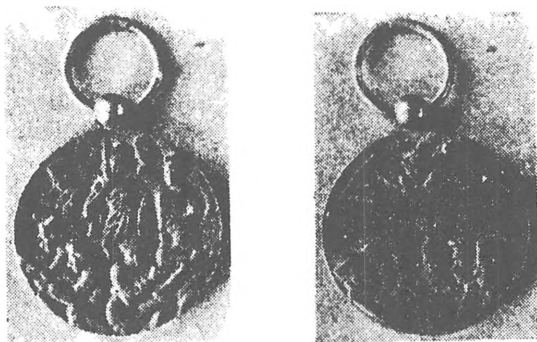
V. Право ношения медали удостоверяется особым свидетельством, выдаваемым за подписью вышеуказанных начальствующих лиц, по прилагаемой форме.

VI. Лица, за которыми будет признано право на ношение медали, получают таковую по уплате ими в доход казны Северной области стоимости медали. Солдатам и партизанам медаль выдается бесплатно.

VII. Медали рассылаются лицам, имеющим право на получение таковых, штабом Командующего Русскими Войсками Северной области и гражданской канцелярией Генерал-Губернатора по принадлежности.

Заместитель Председателя Временного Правительства Северной области
Зубов.

Управляющий Делами Временного Правительства Маймистров.
г. Архангельск.

Описание медали.

Медаль белого цвета, диаметра 30 мм. На лицевой ее стороне в центре изображена Победа в виде крылатой женщины, с поднятым мечом в правой руке

и со щитом в левой. С левой ее стороны — русский солдат, заряжающий винтовку, а вокруг него солдаты союзных войск, стреляющие с колена: английский, американский, французский, итальянский и сербский.

На обороте медали: сверху двуглавый орел без короны, крылья его распушены, в лапах венки и меч, а на груди щит со Св. Георгием Победоносцем. Внизу погрудные изображения солдат союзных войск, которые окружают русского солдата.

Справа: английский и американский, а слева: француз, итальянец и серб. В центре медали, под орлом надпись в четыре строки: «медаль — в память освобождения северной области — от большевиков» и справа по срезу медали подпись гравера «Ф. Ковалевская».

Лента из двух равных вертикальных полос белой и голубой.

Во время пребывания в эмиграции бывшие чины Северной Добровольческой Армии создали «Общество Северян», под председательством своего бывшего Командующего генерала Миллера, который в 1920 году в Париже установил для членов этого общества особый памятный знак. К сожалению, не представилось возможным выяснить точную дату его установления, где он изготовлялся и в каком количестве, также не удалось получить его рисунок.

Описание знака.

Знак представляет собой серебряный Андреевский крест, покрытый белой эмалью с узкой каймой голубого цвета по краям сторон. На левом верхнем конце креста надпись: «АРХАНГЕЛЬСК», на правом — «МУРМАНСК», на левом нижнем: «1 АВГУСТА 1918», на правом «19 ФЕВРАЛЯ 1920».

В центре креста серебряный двуглавый орел, под тремя серебряными же коронами.

Размер знака 29 мм на 14 мм.

Носился на винте в петлице статского костюма.

Все архивы «Общества Северян» погибли, а потому рассчитывать на более подробные данные не приходится.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ СЕВЕРНОЙ АРМИИ

Северное побережье привлекало большое внимание англичан и главные их опасения вызывало наличие германских войск и организация при их содействии «Белой Гвардии» генерала Маннергейма в Финляндии, поэтому 27 июня 1918 года они высадили в Мурманске около двух тысяч пехоты, одновременно увеличив число своих военных судов на побережье в Белом море.

За начало июля английский генерал Пуль успел провести оккупацию Мурманского района и Мурманской жел. дороги на протяжении 600 км от побережья, однако далее англичане двинулись не на юго-запад, в сторону Финляндии, а на юго-восток, то есть в сторону Онеги и Архангельска, подготавливая этим оккупацию и южного берега Белого

моря. 31 июля была занята Онега и 2 августа высажен десант в Архангельске.

После высадки английского десанта 2 августа, в Архангельске образовалось социалистическое «Верхнее Управление Северной Областью», просуществовавшее, однако, лишь месяц, так как 6 сентября Командующий Русскими вооруженными силами на побережье Белого моря — капитан II ранга Чаплин это правительство арестовал и отправил на Соловецкие острова. Хотя и освобожденное через три дня, оно было в начале октября заменено несоциалистическим «Временным Правительством Северной Области», но во главе с прежним социалистом Чайковским. Командование же Русскими Вооруженными силами с 14 сентября от капитана II ранга Чаплина перешло к Ген. Шт. полковнику Дурову. На самом деле фактическая власть сосредоточилась в руках английского генерала Айронсайда, сменившего с осени в Архангельске генерала Пуля.

Силы интервентов к концу 1918 года составляли 23 тысячи, из коих 10 тысяч в Мурманске и 13 тысяч в Архангельске. Из этого числа около 13.000, более половины, были англичане; 5.200 американцев, 2.300 французов, 1.200 сербов и 1.200 итальянцев.

Русские силы были еще в совершенно зачаточном состоянии и не превышали 7.000 человек (в Мурманске — 3.000, в Архангельске 4.000). Эти Русские Вооруженные Силы были крайне ненадежны, армия эта была беспогонной, весьма условно признававшей основные начала воинской дисциплины и распорядка.

19 ноября в командование армией вступил генерал Марушевский — последний Начальник Генерального Штаба в Петрограде при Временном Правительстве, который немедленно потребовал от правительства восстановления военной дисциплины, погон, формы одежды и воинских отличий для армии, чего, несмотря на трения, ему все же удалось добиться. Но то, что было создано, не было ни достаточно, ни боеспособно, а потому нужна была коренная реорганизация армии и пополнение ее откуда-то извне.

Первый шаг на пути реорганизации был сделан генералом Марушевским, дальнейшее возлагалось на генерала Миллера, который в январе 1919 года сменил на посту командующего генерала Марушевского, а затем возглавил и Правительство.

В сентябре 1919 года союзные части покинули Северную область и после их эвакуации генералу Миллеру удалось продержаться еще до февраля 1920 года, когда части его армии были частью эвакуированы морем, частью же, перейдя Финляндскую границу, интернированы в Финляндии.

2. КРЕСТ «АРХАНГЕЛА МИХАИЛА» УРАЛЬСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

Крест Михаила Архангела установлен в 1918 году Уральским Войсковым Кругом в качестве награды за проявленную храбрость и муже-

ство в борьбе с большевиками, как для офицеров, так и для рядовых казаков, сражавшихся на Уральском фронте. Статут этого ордена почти аналогичен с Георгиевским статутом.

Описание креста.

Крест темной бронзы с четырьмя равными сторонами. В центре креста в круглом медальоне штампованное изображение Архангела Михаила верхом на коне, поражающего копьём дракона. На сторонах креста надпись: на верхней «ЗА ВЕРУ», на поперечных — «ОТЕЧЕСТВО» «ЯИК» и на нижней — «И ЗА СВОБОДУ». Обратная сторона гладкая, имеет порядковый номер. Носился на малиновой ленте (цвет Уральского Казачьего Войска). Чеканился в г. Омске.

Примечание: Слово «Яик» обозначает прежнее название реки Урал.

Известно также, что была установлена еще медаль, награждений которой было довольно много, но медаль эта никому выдана не была, так как ее не успели отчеканить.

Более подробных сведений об этих наградах получить не удалось, так как все Войсковые Архивы погибли при отступлении у фронта Александровска, где они были захвачены красными.

Разогнав совет рабочих, киргизских и крестьянских депутатов в г. Уральске, 29-го марта 1918 года, Уральские казаки взамен него создали свое Войсковое Правительство. В мае 1918 г. красные от Саратова повели наступление на г. Уральск, но были отброшены назад на Саратов и к июню Уральское казачество самостоятельно, без посторонней помощи, держало фронт в 100 километров, в 150 километрах от Волги, по линии Ершово-Новоузенск. Отдельные отряды казаков прикрывали область с севера в направлении на Бузулук. Упорство сопротивления казаков с наличием у них базы в виде станиц по Уралу давало казачьему фронту ту устойчивость, какой не хватало Самарскому «очагу», и придавало ему значение базы Поволжского фронта. С падением Волжского фронта наступил конец и Уральцам, покинувшим вместе со своим Атаманом Генералом Толстовым территорию своего войска.

3. ОРДЕН «ОСВОБОЖДЕНИЯ СИБИРИ»

Об этом ордене сведения чрезвычайно скудны и надо полагать не особенно достоверны. Германский исследователь и большой знаток орденов, доктор К. Г. Клитманн (выпустивший недавно в свет свой огромный 8-томный труд о знаках отличия), ссылаясь на сведения, полученные им от генерал-лейтенанта К. В. Сахарова, говорит, что орден «Освобождения Сибири» действительно существовал, представляя собою золотую звезду, украшенную зеленым малахитом и награждены им были всего лишь несколько лиц.

Учрежден он был «Всероссийским Временным Правительством», так называемой «Директорией», образовавшимся в сентябре 1918 года и в октябре того же года переехавшим в Омск. Просуществовала эта Директория, однако, недолго, была свернута в ноябре и Адмирал Колчак провозглашен Верховным Правителем.

4. ВОЕННЫЙ ОРДЕН «ЗА ВЕЛИКИЙ СИБИРСКИЙ ПОХОД»

Военный орден «За Великий Сибирский Поход» установлен в 1920 году Верховным Правителем для всех участников этого легендарного похода, от Волги до Забайкалья. Знак ордена представляет собой точную копию знака за I-ый Кубанский поход, он того же размера и разница лишь в ином металле меча.

Описание знака.

Терновый венок оксидированного серебра, 30 мм. в диаметре, пересеченный снизу слева вверх направо золотым мечем 50 мм. длиной. Наверху венка ушко для ношения. Обратная сторона гладкая с набитым порядковым номером.

Знак двух степеней: 1-ая на Георгиевской ленте (без розетки национальных цветов) — для всех участников сражений и 2-ая степень — для совершивших поход, но в боях не принимавших участия, на ленте ордена Св. Владимира (красной с двумя черными полосами по краям), также без розетки.

На право его ношения выдавалось удостоверение, причем номер знака соответствовал номеру удостоверения, сам же знак или покупался награжденным, или заказывался, причем часто для изготовления меча давался золотой пятирублевик. Делались знаки в Чите и в Харбине.

После свержения в ноябре 1918 года Правительства «Директории» и прихода к власти Верховного Правителя Адмирала Колчака, последний возглавил Волжский фронт, образовавшийся к тому времени из отдельных участков: Уральцев, Народной Армии, Оренбургских казаков Атамана Дутова и Сибирской Армии, сформированной в Омске из

добровольцев и Сибирских казаков. В это время, на фронте находились только русские части. Чехи, после заключения перемирия союзников с Германией, прекратили совершенно всякие военные действия, начали отходить в тыл и все усилия заставить их сражаться были тщетны.

Вначале боевые действия развивались успешно и к весне 1919 года началось быстрое продвижение на Запад. Совершенно неожиданно на южном участке фронта часть войск перебила своих офицеров и перешла к красным, — получился большой прорыв, в который влились большевики, угрожая тылам Сибирской Армии. При начавшемся всеобщем отступлении Армия стала быстро таять, был оставлен Омск и правительство переехало в Иркутск, где в декабре произошло восстание и власть была захвачена эсерами, объявившими о прекращении гражданской войны и мире с большевиками.

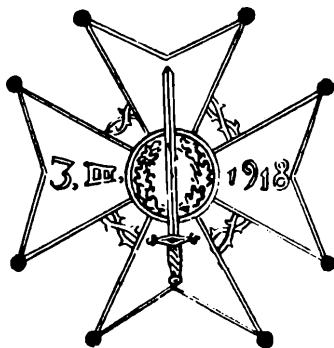
15 января 1920 года, по директиве генерала Жанена, — союзного Главнокомандующего, чехами в Иркутске был выдан местным властям адмирал Колчак. В начале февраля части генерала Войцеховского подошли к Иркутску и хотели его взять, но встретили сильный отпор со стороны чехов. 7-го февраля 1920 года адмирал Колчак и его министр Попеляев были расстреляны на окраине города.

Войска, совершившие в сильнейшие морозы легендарный поход через всю Сибирь в дошедшие до Забайкалья, не будь у них в тылу анархии, созданной чехами, конечно смогли бы оказать наступлению красных более или менее упорное сопротивление. 3-я армия генерала Каппеля прошла 120-верстный путь по реке при 55-градусном морозе и встречном ледяном ветре. Чтобы выйти на эту страшную дорогу смерти, армия прорвала фронт красных у Красноярска.

С падением Омска, вдоль всего великого Сибирского железнодорожного пути, началась трагедия, которая по своим ужасам выделяется даже на общем кровавом фронте русской революции. Длинной лентой вытянулись между Омском и Ново-Николаевском эшелоны с беженцами и санитарные поезда, у которых чехами были силой отобраны паровозы, согнанные ими на свои участки. Безмолвно стояли на рельсах вагоны — саркофаги с погибшим в них от голода и холода страшным грузом. Главным, если не единственным виновником этого непередаваемого ужаса были чехи.

5. КРЕСТ АЧИНСКОГО КОННО-ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА

Крест Ачинского Конно-Партизанского Отряда установлен для чинов Отряда за проявленную ими храбрость и мужество в борьбе с большевиками, приказом генерала Иванова-Ринова от 10 сентября 1918 г. за № 108.

Описание креста.

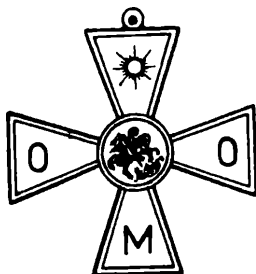
Серебряный мальтийский крест белой эмали, лежащий на серебряном терновом венке. В середине креста положен поднятый серебряный меч с золотой рукоятью. На поперечных сторонах креста памятная дата: «3. III.» «1918», — день первого боя отряда с красными. Крест носился на левой стороне груди на розетке из ленты национальных цветов.

В феврале 1918 года в Красноярске ротмистр 14-го уланского Ямбургского полка Фрейберг, сформировал небольшой пеший партизанский отряд, состоящий исключительно из кадет I-го Сибирского кадетского корпуса, гимназистов, реалистов и учеников Технического училища. 3 марта того же года отряд, названный Ачинским Партизанским Отрядом, действовал в районе Красноярск-Минусинск-Ачинск настолько успешно, что в короткое время стал конным, отбив у противника лошадей и большое количество оружия и снаряжения. Дерзкие и успешные налеты отряда, продолжавшиеся до июня (восстания чехословаков), создавали у красных большую панику, они посылали довольно крупные силы для его уничтожения, но отряд, благодаря сочувствию местного населения, был неуловим. После этого отряд, переформированный в Ачинский эскадрон, действовал в районе Мариинска и Иркутска и его принял в командование ротмистр Попандопуло, так как ротмистр Фрейберг получил другое назначение.

В июне 1918 года Ачинский эскадрон вошел в состав Сибирской армии и вместе с ней дошел до Байкала, принимая участие еще во многих боях и покрывая себя неизменно заслуженной славой. Девиз его был: «За Веру, Царя и Отечество», а отличительными знаками от беспогонной Сибирской армии — белые погоны, петлицы и лампасы и старые кокарды вместо бело-зеленых ленточек других частей. Считая отряд отпрыском своего родного Ямбургского уланского полка, ротмистр Фрейберг, представляя на утверждение крест отряда, взял его прообразом полковой знак Ямбургских улан, заменив вензеля и даты — своей датой и терновым венком с мечом. Необходимо добавить, что

Ямбургские уланы, находясь за границей в эмиграции, считают Ачинский Конно-Партизанский отряд, а затем Ачинский эскадрон, как бы продолжением своего полка и его историю заканчивают историей Ачинского эскадрона.

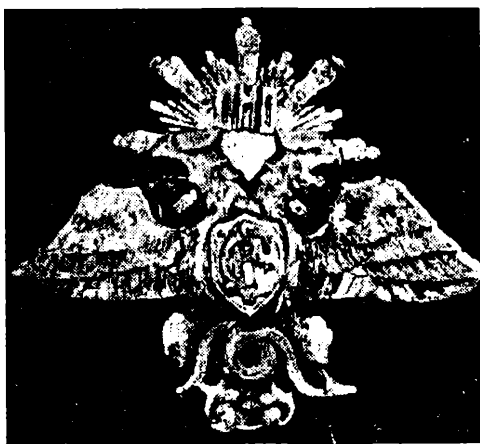
6. КРЕСТ «ЗА ХРАБОСТЬ» И ПАМЯТНЫЕ ЗНАКИ «ОСОБОГО МАНЧЖУРСКОГО ОТРЯДА» АТАМАНА СЕМЕНОВА

Описание креста.

Крест белого металла и представляет собой точную копию Георгиевского креста (в середине которого — Св. Георгий поражающий копьём дракона, а на обороте инициалы его имени). На лицевой стороне креста, на верхней его стороне, изображение солнца в лучах; на левой: буква «О»; на нижней «М» и на правой «О», что означает «Особый Манчжурский Отряд». На оборотной стороне креста — порядковый номер. Крест носился на Георгиевской ленте. Размер его 35 × 35 мм.

Повидимому в тот же период, Атаманом Семеновым был установлен и знак для всех чинов его Отряда.

Описание знака.

Медный высеребрянный двуглавый орел, без корон, держащий в лапах змею. На груди орла — золоченный щит с буквами «АС», в виде вензеля, что значит Атаман Семенов, а сверху, над головами орла — золотые лучи восходящего солнца, на которых надпись: «О М О» (Особый Манчжурский Отряд).

Знак очень грубой и примитивной работы, с оборотной стороны залит оловом. Высота знака — 5 см. Ширина — 6 см.

Существуют разновидности этого знака, более тонкой и изящной работы, на которых на щите на груди орла — буквы «О М О», а вензелевое изображение имени атамана Семенова «АС» помещено над головами орла на солнечных лучах. Кроме того на крыльях орла дата: «19» «17» (1917).

В память двадцатилетия отряда, в 1937 году атаманом Семеновым установлен еще один памятный знак, который представляет собой точную копию вышеописанного орла, но с той разницей, что под орлом, ниже его лап и хвоста, помещен щит национальных цветов (бело-сине-красный), в середине которого римская цифра «XX», а внизу восходящее солнце с лучами и на нем дата «1937».

Встречаются разновидности этого знака, на некоторых нижний щит больше, на других — меньше, также верхние лучи над головами орла различны по своему рисунку. Все эти знаки очень хорошей работы.

Есаул Семенов, бывший командир сотни Нерчинского казачьего полка Забайкальского казачьего войска, в январе 1918 года формирует в Манчжурии «Особый Манчжурский Отряд», с которым очень удачно выступает против большевиков. В марте он входит в конфликт с только что прибывшим в Сибирь Адмиралом Колчаком, так как его отряд начинает заниматься незаконными реквизициями, расправами с мирным населением и просто грабежом.

Вновь образовавшееся Сибирское революционное правительство, «Директория» назначает Семенова командиром корпуса, который должен был формироваться в Приморской Области, и кроме того он избирается Атаманом Амурского, Уссурийского и Забайкальского казачьих войск.

18-го ноября «Директория» свернута, Адмирал Колчак провозглашен Верховным Правителем, но Атаман Семенов его не признает и отрешается Колчаком от командования. Только 19-го января 1919 года Семенов подчиняется Адмиралу Колчаку, ведет борьбу с красными в занимаемом им районе, в то же время провозглашает независимость Монгольско-Бурятской республики. Бесконечное количество жалоб на действия Атамана Семенова вынуждает Адмирала Колчака постоянно посылать в Читу специальные комиссии для расследования этих жалоб. 15-го ноября 1919 года, после падения Омска и начавшегося отхода армии Верховного Правителя, Атаман Семенов не оказывает ему никакой помощи и переходит в Читу, так как 1-го марта Верхнеудинск взят красными. Там он, поддержанный своими частями, частями генерала Войцеховского и японцами, объявляет себя Верховным Правителем по случаю смерти Адмирала Колчака. Вскоре японцы покидают район г. Читы и переходят в Приморскую область, Семенов, лишившийся их поддержки, слагает с себя звание Верховного Правителя, прекращает гражданскую войну против республики Верхнеудинска и становится военным министром и командующим войсками во вновь образовавшемся правительстве Виноградова во Владивостоке, но в октябре, под давлением красных, принужден перейти Китайскую границу и там разоружиться. После этого Атаман Семенов прибыл в Харбин, где некоторое время продолжал играть роль антибольшевистского вождя в Манчжурии и Забайкалье.

Крест «За храбрость» был установлен Атаманом Семеновым для чинов своего отряда в г. Чите в 1920 году. Статут этого креста аналогичен со статутом ордена Св. Георгия.

IV. Нагрудные знаки «В память пребывания Русской Армии в военных лагерях на чужбине»

1. КРЕСТ С НАДПИСЬЮ «ГАЛЛИПОЛИ»

После эвакуации Крыма генералом Врангелем, в ноябре 1920 года, части Русской Армии вместе с гражданскими беженцами на 126 кораблях прибыли в Константинополь. Всего из Крымских портов было вывезено около 135 тысяч человек, из которых до 70 тысяч вооруженных бойцов.

Прежде всего надо было произвести некоторые изменения в Армии, учесть уменьшение ее численности и свести войска, согласно их численному составу. Затем, ввиду решения французского командования поселить не всю Армию в Галлиполи, выделить казаков для отправки в Чаталджу и на о. Лемнос. Таким образом, исключая казачьи полки, все прочие части Русской Армии были сведены в I-ый Армейский Корпус под командованием генерала от инфантерии Кутепова.

Состав Корпуса был следующий: I-ая пехотная дивизия: Корниловский Ударный, Марковский пех., Сводно-стрелковый ген. Дроздовского и Алексеевский пех. полки, причем при каждом пехотном полку — Конный и Артиллерийский дивизионы.

Артиллерийский батальон — тяжелый крепостной и бронепоездный дивизионы.

Кавалерийская дивизия: 1, 2, 3 и 4 полки и Конно-арт. дивизион.

Технический полк — из всех саперных, телеграфных, авиационных, жел.-дор., бронепоездных и прочих технических частей.

(Примечание: в состав Алексеевского пех. полка вошли части: 6-й, 13-й и 34-й пех. дивизий и Сводно-Гвардейского полка. — Прик. Главнокомандующего от 19 ноября 1920 г. № 4721).

22 ноября 1920 года на Галлиполийском рейде отдали якорь пароходы «Херсон» и «Саратов», прибывшие с первыми эшелонами I-го Армейского Корпуса. Беглый осмотр города генералом Кутеповым сразу же выяснил, что в маленьком разрушенном Галлиполи едва ли удастся разместить даже треть Корпуса, а на месте, отведенном для лагеря в 6-8 верстах от города, он нашел буквально «голое поле», покрытое жидкой грязью. От французов были получены палатки, которые на руках были перенесены в расположение лагеря.

Пережитые моральные потрясения, скудность французского пайка и огромное физическое напряжение в работах вызвали в людях настолько сильную апатию к личной участи, к желанию удобно разместиться, что приказом по Корпусу пришлось понудить всех сделать в палатках

койки. Не будь этого приказа — значительная часть людей продолжала бы долгое время располагаться на голой земле. С течением времени, колоссальное количество работы, затраченное на оборудование помещений и лагерей, сделали их неузнаваемыми в смысле удобства, а с наступлением теплых дней жилищный вопрос сразу утратил свою остроту, так как сухое лето давало полную возможность спать на воздухе.

Все, что было достигнуто в Галлиполи, самый характер и строй жизни — все это носило отпечаток воли и энергии генерала Кутепова. Условия, в которые был поставлен Корпус, мало способствовали поддержанию дисциплины и организации, и общее состояние духа скорее должно было вызвать полную дезорганизацию и окончательно разрушить последние остатки Армии. Однако, Армию необходимо было сохранить; если оставшие Крым войска, после невиданной в истории эвакуации, не растворились в гражданском населении, если русские в Галлиполи не попали за проволоку и не оказались в концентрационном лагере, под командой французских сержантов, то это заслуга, главным образом, генерала Кутепова. К своей цели, восстановления Армии, генерал Кутепов шел вполне прямолинейно, не считаясь с тем, что его действия могут вызвать ропот. Но главное его значение сказалось не в том, что он возродил на Галлиполийском берегу Русскую Армию, не в его заботах о солдатах и не в том значении, которое он добивался придать офицерскому званию. Главное заключалось в том, что он сумел свою любовь к Родине и свою веру в конечный успех дела перелить в возрождающуюся Армию и именно это так тесно связало и слило его с Корпусом.

Весьма острый вопрос о сдаче оружия, возникший еще на Босфоре, разрешился, в конце концов, в пользу Корпуса. Переговоры о сдаче намеренно затягивались, когда же эти оттяжки привели, наконец, к категорическому требованию французов сдать оружие, то на это был дан не менее категорический ответ, что оружие не будет сдано добровольно и может быть отнято только силой. В результате, Корпус до конца своего пребывания в Галлиполи сохранил свое оружие. Не имея, таким образом, возможности применить силу, французское командование все же добивалось рассеяния армии подпольными путями, то есть посылкой агитаторов в части Корпуса для пропаганды переселения в Бразилию, Советскую Россию и другие страны. Особенно характерны его зывания к чести и достоинству русских, подкрепляемые обещаниями сокращения и даже совершенного лишения пайка. Тут же заключались обычные жалобы на обременение французского бюджета, назначение решительных сроков кормления и попреки пайком. Подобные требования не могли быть объяснены только вопросом денежного расчета — ведь для покрытия своих расходов правительство Французской Республики взяло себе значительные ценности, заключающиеся в русских торговых судах и другом имуществе, свыше, чем на сто миллионов франков.

Русский Корпус, в общем, спокойно относился ко всем этим мерам французского командования, он только теснее сплотил свои ряды, сохраняя полную лояльность к представителям французского гарнизона и проявляя вместе с тем по отношению к ним решительную твердость и упорство. Такая решимость русских поставила французов в довольно затруднительное положение: с одной стороны распоряжением французского Правительства русские войска должно было превратить в обычную бессловесную беженскую массу, с другой — Корпус твердо решил защищать свою военную организацию.

Реальная воинская сила, которую представлял из себя Русский Корпус, не позволяла французам применить открытое вооруженное воздействие и таким образом распоряжение Французского Правительства осталось не приведенным в исполнение.

Создавшееся положение было правильно учтено Командиром Корпуса и надлежаще принято французским командованием и, благодаря тактичным действиям обеих сторон, все острые вопросы решались в общем мирно, но все же местные французские власти пользовались всяким случаем, чтобы указать на зависимость русского командования от них. Так, были крайне затруднены поездки из Галлиполи в Константинополь и обратно, а генералу Врангелю было воспрещено посещать лагери Русской Армии.

Вот выдержка из доклада представителя Земско-Городского Комитета при русском Корпусе в Галлиполи в Главный Комитет:

«Совершилось Русское Национальное чудо, поразившее всех без исключения, особенно иностранцев, заразившее непрichастных к этому чуду и, что особенно трогательно, несознаваемое теми, кто его творил.

Разрозненные, измученные духовно и физически, изнуренные остатки Армии генерала Врангеля, отступившие в море и выброшенные зимой на пустынный берег разбитого городка, в несколько месяцев создали, при неблагоприятных условиях, крепкий центр Русской Государственности на чужбине, блестяще дисциплинированную и одухотворенную армию, где солдаты и офицеры спали, работали и ели рядом, буквально из одного котла, — армию, отказавшуюся от личных интересов, нечто вроде нищенствующего Рыцарского Ордена, только в русском масштабе, величину, которая своим духом притягивала к себе всех, кто любит Россию».

16 июля 1920 года в торжественной обстановке был открыт Галлиполийский памятник. Памятник этот, построенный автором его же проекта, поручиком Технического полка Акатьевым, представляет из себя род кургана, напоминающий шапку Мономаха и увенчанный мраморным крестом, тип которого был взят позже для «Галлиполийского Знака». На переднем фасае его — Русский Государственный герб — двуглавый орел, а под ним мраморная доска с надписью на четырех языках: русском, французском, турецком и греческом. Надпись эта гласит: «Упокой, Господи, души усопших. I-ый Корпус Русской

Армии своим братьям-воинам, в борьбе за честь родины нашедшим вечный покой на чужбине в 1920-21 годах и в 1854-55 г.г., и памяти своих предков-запорожцев, умерших в турецком плену». Для постройки этого памятника, согласно приказу по корпусу, каждый, не взирая на чин и служебное положение, должен был принести по одному камню. Таким образом, в несколько дней было принесено 24.000 камней и постройка началась.

Мысль ознаменовать «Галлиполийское сидение» особым знаком зародилась по мере того, как затягивался срок пребывания в Галлиполи, и летом 1921 года была создана комиссия по выработке особого нагрудного знака, председателем которой был назначен командир Марковцев генерал-майор Пешня. Предполагалось первые знаки изготавливать здесь же в Галлиполи при местных скудных материальных и технических средствах, в идею оформления знака была заложена максимальная простота формы и материала. По этим же соображениям отказались от ленты. В результате остановились на прямом, плоском, равноконечном железном черном кресте, с надписью «Галлиполи» по горизонтали и датами «1920-1921» по вертикали. Надписи некрашенные, цвета металла, так же, как ободок и срез внешнего края; середина же черного цвета.

Главкомандующим генералом Врангелем проект этот был одобрен и приказом от 15 ноября 1921 года за № 369 был им утвержден «Нагрудный знак в память пребывания Русской Армии в военных лагерях на чужбине» с надписью «Галлиполи» и датами «1920» — «1921», причем право на ношение знака было распространено и на другие лагеря Русской Армии с соответствующими надписями.

По идее Галлиполийский знак — железный крест, но от железа с самого начала пришлось отказаться, так как оно оказалось трудно для выделки при пользовании самими примитивными инструментами, быстро ржавеет и потому знаки делались из особого мягкого сплава темно-свинцового оттенка.

В конце того же года начали изготавливать знаки в Галлиполи, сначала в мастерских Технического полка, а затем в Артиллерийской мастерской. Материалом для них служил разный металлический лом, вроде консервных банок, частей старых германских и турецких походных кухонь и повозок, а также 15-ти сантиметровые германские снаряды, склад которых был обнаружен недалеко от берега моря. Черную краску употребляли тоже самодельную. Работа над знаками была долгой и кропотливой, — каждый знак делался вручную. Эта работа велась по праздникам, в свободное от занятий время. Первый «удачный» крест был поднесен Генералу Кутепову — ПЕРВОМУ ГАЛЛИПОЛИЙЦУ.

Получались довольно грубые кресты, однако, в сущности, единственные правильные по своему размеру, оригинальности и примитивности выделки — теперь очень редкие и трудно находимые (рис. № 1). Сделано их было весьма ограниченное количество и далеко не все галлиполийцы в лагерях их носили, так как их надо было покупать, получая же всего одну турецкую лиру в месяц, не всякий был

способен заплатить за такой крест пол-лиры, то есть, половину своего месячного жалованья.

Наконец, удалось получить согласие Югославии и Болгарии на переброску туда частей Русской Армии. Первая отправка произошла 4-го августа 1921 года, затем 28-го и 31-го того же месяца. Казалось, так дружно начавшаяся переброска частей в Балканские страны позволит ранней осенью покинуть Галлиполи, но совершенно неожиданно она вдруг прервалась на долгий срок. Только 25-го ноября возобновилась эвакуация и 14-го декабря прибыл последний пароход за последним эшелонем в Болгарию. С этим пароходом отбыл и Генерал Кутепов и в Галлиполи остались части Технического и Учебно-Кавалерийского полков, предназначенные для отправки в Югославию, однако, категорическое обещание последней принять их было нарушено и в течение долгих двух лет они понемногу перевозились на работы в Венгрию.

Распоряжением Генерала Врангеля от 30 июня 1923 г. за № 61 для чинов отряда русских войск дольше всех несших тяготы жизни в Галлиполи, были установлены новые даты на нагрудном знаке, а именно: «ГАЛЛИПОЛИ 1920-1923».

Оставляя Галлиполи, Генерал Кутепов в своем обращении к войскам сказал: «Вы целый год несли крест; теперь этот крест носите на груди. Объедините же вокруг этого креста русских людей, носите честно русское имя и не давайте никому русское знамя в обиду».

По переселении в славянские страны, Галлиполийцы, (продолжая носить военную форму одежды), начали заказывать кресты в частных мастерских. Конечно, эти кресты были изящнее и красивее, из более ценных металлов, чем прежние «примитивы». В Болгарии материалом для знака являлась бронза, надпись, даты и края сторон — золоченные, а знак покрыт черным матовым лаком и был немного большего размера, чем оригинальный, сделанный в Галлиполи, (Рисунок № 2).

В Югославии знаки выбивались также из бронзы, были покрыты черной эмалью, надпись и даты — славянскими буквами серебром, они были еще большего размера, чем болгарские. (Рисунок № 3).

Наконец, позже во Франции в Париже появились знаки, сделанные из бронзы и даже из серебра, покрытые черной эмалью с белой узкой эмалевой полоской по внешним краям стороны с серебряными надписью и датами. (Рисунок № 4). Эти кресты отличались тонкостью ювелирной работы и своим изяществом и были делом рук мастера капитана В. Н. Богоявленского, достигшего большой художественности в исполнении всех решительно знаков, жетонов и др. вещей его фабрикации.

В Германии, в Берлине существовало «Производство русских знаков отличия» под маркой «МЕ»: (М. К. Евгеньева), основанное еще в 1922 году. В каталоге этой фирмы указаны кресты «Галлиполи», «Бизерга», «Лемнос». Видеть такие кресты мне не привелось, однако, я не сомневаюсь, что и они были прекрасной, тонкой работы, о чем я могу судить, зная некоторые другие произведения этой фирмы.

В двух последних странах выделялись также миниатюрные крестики — точные копии больших. За время пребывания в Галлиполи чины Корпуса настолько сплотились, что самая мысль о разделении частей с переездом в Балканские страны омрачалась представлениями об исчезновении создавшегося единения. Вот это обстоятельство и вызвало к жизни «Общество Галлиполийцев», ясной задачей которого было — поддержать в дальнейшем единение тех, кто был когда-то в Галлиполи.

Общество Галлиполийцев, основанное 22 ноября 1921 года в Галлиполи, имело своей основной целью быть воспреемником организации I-го Армейского Корпуса, в случае требования со стороны союзных правительств ликвидировать чисто военную организацию в Галлиполи и на Лемносе, чего Главное Командование могло вполне ожидать. Устав Об-ва был утвержден Генералом Врангелем 22 ноября 1921 года и вторично, несколько измененный 22 ноября 1924, по каковому уставу О-во живет и теперь. Действительными членами Об-ва являются все чины Русской Армии, имеющие право на ношение нагрудного знака «Галлиполи». (Во время торжественного открытия, «Общество Галлиполийцев» включило в своей состав всех, находившихся в этот день в Галлиполи, не исключая женщин и детей, которые претерпели и пережили весь этот год).

Наружной эмблемой «Общества Галлиполийцев» установлен Галлиполийский крест. Члены Общества обыкновенно носили миниатюрную модель этого креста в петлице статского костюма, а женщины в виде брошки.

Как внешний символ единения членов Общества, было установлено еще и кольцо с надписью «Галлиполи», право ношения которого имели все члены Общества.

В «Описании и правилах ношения кольца для членов Общества Галлиполийцев», утвержденных Генералом Врангелем 18 декабря 1921 года, говорится: кольцо железное, ширина его ленты 8 мм., края ленты с наружной стороны заовалены, на ней надпись: «Галлиполи» и «№». Цифры номера соответствуют номеру по списку членов Общества. Ширина надписи и номера 3.75 мм., длина надписи 28 мм. Кольцо носится на безымянном пальце левой руки и может быть приобретено только через Правление Общества, которому принадлежит исключительное право на изготовление кольца.

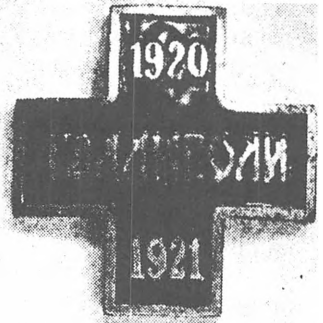
Действительными членами Общества имеют право быть: 1) воинские чины, имеющие удостоверение на право ношения знака с надписью: «Галлиполи» и «Кабакджа-Галлиполи»; 2) гражданские лица, женщины и дети, имеющие удостоверения на право ношения креста или брошки с теми же надписями; 3) чины I-го Корпуса, Кавалерийской дивизии и Русской Эскадры, имеющие удостоверения на право ношения знаков с надписями: «Лемнос», «Бизерта», «Чаталджа» и бед надписи с датами «1920-1921».

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

2. КРЕСТЫ С НАДПИСЬЮ «ЛЕМНОС». «КАБАКДЖА-ГАЛЛИПОЛИ» И «ЧАТАЛДЖА»

Крест с надписью «Лемнос» «1920-1921», установленный приказом Генерала Врангеля, № 369 от 15 ноября 1921 года, по смыслу приказа, должен быть таким же, как и галлиполийский, однако, по своему внешнему виду он значительно отличается от последнего.

Первые кресты были сделаны из железа, надписи «Лемнос» и даты «1920-1921» были не выпуклы, а вырезаны и покрыты белой краской, также и кайма по краям сторон была белая, крест же был черный. (Рисунок № 5). Изготавливались они в Технических мастерских Донского Корпуса, на острове Лемносе, и были очень примитивной и грубой выделки.

По-видимому, работы тех же мастерских были и другие, несколько меньшего размера, кресты, с той же надписью и датами, из сплава, подобно оригинальному Галлиполийскому, с выпуклыми буквами и цифрами, покрытые черной краской, тоже довольно примитивной внешности. (Рисунок № 6).

В Болгарии и Югославии кресты штамповались в тех же частных мастерских, что и крест «Галлиполи», и были по размеру, цвету и материалу с ним совершенно идентичны, с разницей только в надписях: вместо «Галлиполи» — «Лемнос». (Рисунок № 7).

Во Франции, в Париже появились кресты высеребряные, бронзовые или серебряные, покрытые черной эмалью с белой эмалевой каймой и серебряными надписью и датами, были они изящны и красивы. (Рисунок № 8).

Оборотная сторона всех крестов — гладкая с припаянным винтом с гайкой для ношения. Номера встречаются только на некоторых примитивных, большинство же номеров не имело. Это относится ко всем крестам и других лагерей.

«Крест «Лемнос» в отличие от креста «Галлиполи» имел только даты «1920-1921», так как к концу 1921 года все казаки с о. Лемноса были вывезены.

Право ношения этого креста предоставлялось всем чинам Русской Армии, бывшим в одном из лагерей острова Лемноса в период времени с ноября 1920 по 15 ноября 1921 года.

При эвакуации Крыма, в 1920 году, казаки грузились в двух пунктах: в Феодосии — кубанцы и в Керчи — донцы и часть кубанцев. По прибытии в Константинополь, кубанцы были направлены на о. Лемнос, а донцы распределялись в окрестностях Константинополя, хотя впоследствии были также перевезены на Лемнос.

Остров Лемнос был, в полном смысле слова, водяной тюрьмой. Скалистый и пустынный, без единого деревца, без воды... Достаточно мрачные условия жизни в Галлиполи были тут еще мрачнее. Условия жизни в палатках, которые промокали даже от небольшого дождя и буквально были заливаемы колоссальными здешними ливнями, страш-

ная скученность в них, отсутствие одеял и даже соломы для подстилки, насекомые, холод и полуголодный паек — все это вызывало крайне удрученное состояние духа.

Донские казаки были расквартированы в трех пунктах: в 85 км. от Константинополя находилась турецкая деревушка Чилингир. На одной из ее окраин в заброшенном имении, где было около десяти пустующих овчарен — должна была поселиться часть донцов. Эти овчарни, с развалившимися крышами, загаженные пометом, служили теперь помещениями для казаков, а 3-й Донской запасный батальон помещался вместе с овцами и лошадьми. Но и эти овчарни не могли принять всех — часть казаков оставалась под открытым небом и спешно уходила в землю, строя себе землянки. Скученность, недостаток питания, общие антисанитарные условия были таковы, что уже 8 декабря появилась в Чилингире холера и только энергичными мерами и строгим карантинном была ликвидирована к началу января.

Военные мероприятия для поддержания воинского духа и вида понемногу изменяли жизнь донцов и вскоре они представляли собою уже оправившиеся воинские части.

Другая часть донцов была расположена в деревушке Санджак-Тепе, в полутора километрах от станции Хадем-Кей и размещена в деревянных бараках, часть же устроилась в землянках. Условия жизни, очень тяжелые с точки зрения нормальной обстановки, были все же несравненно лучше чилингирских и жизнь сразу стала налаживаться. Все это сразу сказалось на общем настроении — здесь была вера в Армию, здесь было яркое сознание воинского долга и бесконечная преданность Главнокомандующему.

Когда французы попытались отправить казаков на Лемнос, произошло кровавое столкновение и французское командование было вынуждено просить генерала Врангеля отдать от своего имени соответствующий приказ. Генерал Врангель поставил условием, чтобы казакам было гарантировано питание на Лемносе, и, получив заверение в этом, отдал приказ о переброске на Лемнос, немедленно казаками исполненный.

Жизнь в Санджак-Тепе напоминала несколько Галлиполи: организовался театр, читальня, устраивались лекции и сообщения, были общеобразовательные курсы, обучались ремеслам. Этот лагерь был ликвидирован к 3 января и казаки перевезены на о. Лемнос.

Третью часть донцов находилась в красивой лесистой местности в имении Кабакджа, в десяти километрах от полуразрушенного городка Чатаджи.

Сперва, под влиянием почти полной голодовки, начались побег; потом продовольственный вопрос наладился, наступила весна, появились частные заработки и казаки приоделись — имели хорошие сапоги, фуражки и шаровары с лампасами. Была устроена читальня, библиотека, церковь и театр, в котором подвизались две труппы — русская и украинская. Все это очень скрашивало жизнь в этом лагере и общий дух

окреп. Кабакджинцы оставались здесь до поздней осени, когда части их были перевезены в Галлиполи. Поэтому все чины, бывшие в этом лагере имеют право на ношение особого креста с двойной надписью: «КА-БАКДЖА-ГАЛЛИПОЛИ» и датами «1920-1922».

Сперва, этот крест фабриковался в Галлиполи из того же сплава, что и «Галлиполийский», но был несколько лучшей выделки. (Рисунок № 11).

Впоследствии во Франции, в Париже было сделано небольшое количество совершенно точных копий этого креста, из вызолоченной бронзы, покрытых черной эмалью. (Рисунок № 12).

Кроме того, существовал еще крест, с надписью «ЧАТАЛДЖА» и датами, тоже из примитивного сплава (такого креста, к сожалению, не имеется в моем собрании и потому описать его более точно я не имею возможности).

В начале 1921 года премьер-министр Франции заявил о прекращении финансовой и материальной помощи Армии с 1 февраля 1921 года. После целого ряда мер, принятых Главным Командованием, Командующий французским Оккупационным корпусом генерал Шарпи уведомил официально, что «французское правительство не намерено оставлять на произвол судьбы русских беженцев». Однако, в середине марта, верховный комиссар Франции генерал Пелле сообщил генералу Врангелю, что, согласно полученным из Парижа распоряжениям, довольствие армии прекращается с 1 апреля, поэтому чинам армии необходимо придти к одному из трех решений: 1) выехать в Советскую Россию, 2) эмигрировать в Бразилию, 3) искать себе частного заработка. Главкомандующий ответил, что он не может рекомендовать ехать в Советскую Россию на верную смерть или в Бразилию — на полную неизвестность.

Тогда началась та постыдная страница франко-русских отношений, когда — из желания снять лишних людей с отпускаемого пайка — местные агенты французской власти повели открытую агитацию против русского командования и угрозами, и угрозами пробовали привести приказ в исполнение. Перед русскими в самой категорической форме ставилось требование сделать выбор: погнаться от голода, возвращаться к большевикам или ехать в Бразилию. Подобное отношение французских властей вызвало среди русских глубокое возмущение. В самый последний момент возник новый и совершенно непредвиденный конфликт с французами из-за плана реэвакуации.

Генерал Врангель считал необходимым в первую очередь разгрузить Лемнос, французы же требовали в первую очередь разгрузить Галлиполи. В этом лежала, конечно, глубокая политическая и стратегическая причина: как только I-й Корпус уходил с полуострова — штаб генерала Врангеля терял могущественную поддержку бесконечно преданных ему частей и оставался предоставленным самому себе.

Французский генерал Пелле писал Главкомандующему:

...все русские, живущие в лагерях, должны знать, что армии генерала Врангеля больше не существует и что их бывшие начальники не имеют права отдавать им какие-либо приказания... Я заключаю из ваших слов, что контингенты должны перевозиться в Сербию с палатками, походными кухнями, госпитальным и хозяйственным имуществом. Я позволю себе напомнить, что Сербское правительство до сих пор всегда подчеркивало свое намерение оказать приют беженцам, а не армии. Важность этого различия с международной точки зрения не может от вас ускользнуть. Поэтому я считал бы недопустимым, чтобы имущество, которое возьмут беженцы, носило характер военного груза.

Генерал Врангель ответил письмом от 16 мая 1921 года:

Желание Французского правительства, чтобы «армия генерала Врангеля не существовала» и чтобы «русские в лагерях» не выполняли приказаний своих начальников, несомненно разделяемое Вашим Превосходительством, отнюдь не может быть обязательным для «русских в лагерях» и, пока «лагери» существуют, русские офицеры и солдаты едва ли согласятся в угоду французскому правительству изменить своим знаменам и своим начальникам.

Что касается принятия мною самостоятельных решений, чему по вашему заявлению вы намерены воспротивиться, то я, к глубокому сожалению, вынужден право это все же оставить за собой. В заключение, я позволю себе остановиться на вопросе о снабжении отправляемых в Сербию людей. Вполне разделяя Ваши соображения избегать всякого намека на военный характер материальной части отправляемых партий, я все же полагаю, что кров и пища одинаково необходимы и солдату, и рабочему.

Резкий обмен письмами и целый ряд дипломатических шагов и на этот раз заставили французов уступить. Армия начала грузиться по плану и была вывезена в Балканские страны.

3. КРЕСТ С НАДПИСЬЮ «БИЗЕРТА»

В декабре 1920 года решила судьба Русского флота, ушедшего с Армией генерала Врангеля из Крыма.

Для покрытия издержек, понесенных Францией, ей было передано для эксплуатации 50.000 тонн торговых судов, а военные суда, под Андреевским флагом, ушли в Бизерту. Тяжелый карантин, с запрещением сообщаться друг с другом, был наложен на прибывшие в Бизерту суда. Наконец, разрешили сообщение, но люди около двух месяцев не

сходили с судов и, если войскам надо было много мужества, чтобы сохраниться, то поистине много труднее было флоту сохранить единство и спайку в подобных условиях. Семьи и лица, могущие найти себе труд, были высажены в окрестностях Бизерты; в 5 километрах, на форту Джебель-Кебир, был размещен Морской кадетский корпус, почти лишенный учебных пособий и средств. Он, подобно Военным училищам в Галлиполи, охранял в юношах веру, бодрость, дисциплину и сознание долга.

Трудно перечислить все те лишения, всю ту работу и тяжелую невиданную борьбу, которая велась этими скромными героями — это все тот же Галлиполи и Лемнос, в разных размерах, формах и проявлениях. То же постоянное напряжение, та же мысль о России, та же борьба за достоинство Русского флага, доброго имени и личной чести. Обстановка была будничная и угрюмая, да и мир не склонен был к лицемерию подвигов и геройства. Андреевский флаг не развевался больше по европейским портам. Так же, как и везде, благородное поведение русских моряков вызывало удивление и преклонение французских властей; так же, как и везде, эти власти требовали, под давлением своего правительства, ряда тяжелых уступок и так же, как и везде, наступил день, когда официально Русский флот перестал существовать. 30 октября 1924 года в 17 ч. 24 м. в последний раз был спущен Андреевский флаг, более 200 лет носимый кораблями Российского Императорского Флота. Лагери под Бизертой были ликвидированы — Франция признала Советы.

Кресты «БИЗЕРТА 1920-1921», на которые, согласно того же приказа № 369, имели право все лица, находившиеся на кораблях и в лагерях Бизерты, по своему примитивному виду схожи с Галлиполийскими и Лемносскими и выделялись на месте в мастерских транспорта «Кронштадт» и Морского кадетского корпуса.

Крест из железа покрыт черной краской, с белой каймой по краям сторон. Надписи и даты вырезаны вглубь, и буквы, и цифры залиты белой краской. Выпуклых букв, как на кресте «Галлиполи», не встречается. (Рисунок № 9), хотя бесспорно, благодаря хорошо оборудованным мастерским транспорта «Кронштадт», Бизерта была поставлена несравнимо в более выгодные условия для выделки крестов, чем остальные лагеря, где эта выработка шла вручную и самыми примитивными инструментами.

После ликвидации лагерей в Бизерте моряки частью распылились по Африке, частью же переехали во Францию или Соединенные Штаты.

Во Франции появились в продаже бронзовые высеребрянные кресты «БИЗЕРТА» нормального и миниатюрного размеров — изделия В. Н. Богоявленского. Они часто серебряные, покрыты черной эмалью с белой эмалевой каймой и серебряными надписью и датами. (Рисунок № 10).

В Балканских странах крестов «БИЗЕРТА» не делалось, но производство их существовало в Германии, где этим занималась фирма М. Е.

(М. К. Евгеньева). Таких крестов мне видеть не пришлось, почему я и не имею возможности сказать о них более подробно.

4. КРЕСТ С ДАТАМИ «1920–1921», БЕЗ НАДПИСИ

Для чинов Русской Армии, состоявших на службе, но не находившихся в одном из военных лагерей, а проживающих в Константинополе (чины Штаба и Конвоя генерала Врангеля, Военный и Морской Агенты, коменданты беженских лагерей) и в других местах за границей, тем же приказом Главнокомандующего № 369 от 15 ноября 1921 г. был установлен особый крест, по своей форме и размеру тождественный вышеописанным крестам, но без надписи, обозначающий название лагеря, а только с памяtnыми датами «1920-1921», причем эти даты помещались не на вертикальных, а на горизонтальных сторонах креста.

Существовало две разновидности этого креста: 1-ый из сплава натурального цвета или покрытого черной краской, с цифрами выпуклыми, по своей грубой выделке, схожий с галлиполийским примитивом, сделанный в тех же мастерских, что и последний, и 2-ой — из желтой меди, покрытой черной эмалью с золочеными цифрами и золоченной широкой каймой по краям сторон. Он был несколько меньшего размера и заказывался в частной мастерской в Константинополе, был довольно изящный и красивый. (Рисунок № 15).

Крестов с датами «1920-1921» встречается немного; объяснением чему является небольшое количество награжденных, так как вне лагерей на службе в армии числилось весьма ограниченное число лиц.

Впоследствии, в Париже мастером капитаном Богоявленским были выпущены в продажу кресты с датами его изделия, как нормального размера, так и миниатюрные, оба очень хорошей работы, покрытые эмалью и иногда даже серебряные, но, к сожалению, даты на этих крестах были им поставлены неправильно — не по горизонтали, а по вертикали. (Рисунок № 16). Это обстоятельство, ввиду довольно большого количества появившихся в продаже таких фантастических крестов, естественно может возбудить понятное сомнение у будущего собирателя в его определении — какой же из этих двух крестов правильный? Единственные правильные — это кресты из сплава и медные константинопольские с «горизонтальными» датами. Кресты Парижские — высеребряные, покрыты черной эмалью с белой эмалевой каймой.

5. КРЕСТ С НАДПИСЬЮ «ЛУКУЛЛ»

По смыслу приказа № 369 крест с датами «1920-1921» предназначался также экипажу яхты Главнокомандующего «Лукулл», как известно, по злому умыслу, потопленной 15 октября 1921 года на рейде Босфора. Яхта

была протаранена шедшим из Батума итальянским пароходом «Адриа». Командир яхты, старший лейтенант Б. Н. Степанов, не удовлетворился крестом с датами, сочтя это недостаточным, и возбудил перед Главным Командованием ходатайство об установлении надписи «Лукулл» на кресте для чинов экипажа яхты и распоряжением генерала Врангеля 3-го января 1922 года эта надпись была утверждена.

Награждение крестами последовало уже после гибели «Лукулл» и к этому времени часть команды корабля была отправлена в Прагу для продолжения образования, остальная часть, вместе со своим бывшим командиром, уехала в Варну в Болгарию, куда прибыли также части армии из Галлиполи и, между прочим, Технический полк. В мастерской этого полка, в Варне, для бывшего командира яхты «Лукулл» был сделан единственный крест, с соответствующей надписью и датами.

Крест этот представляет собой обычный примитив, типа Галлиполийского, такого же размера, из такого же сплава, покрытый черной краской, с выпуклыми буквами, цифрами и каймой, надписью «Лукулл» и датами «1920» и «1921». (Рисунок № 13). По самым достоверным сведениям, кресты с подобной надписью больше нигде и никогда не изготовлялись.

Право ношения креста «Лукулл» имели 6 офицеров яхты, команда — 33 человека, чины конвоя Главнокомандующего — 18 человек и их семья, то есть, всего без семей — 57 человек. Все они получили соответствующие удостоверения на право ношения, однако, крестами снабжены не были.

Благодаря исключительной любезности старшего лейтенанта Б. Н. Степанова, я получил от него не только все исчерпывающие документальные данные относительно этого креста, но и самый крест — уника был им передан в мое собрание. Пользуясь им, как образцом, мною были заказаны из желтой меди, покрытой черным лаком, 10 точных его копий (рисунок № 14), из них два были переданы ст. лейтенанту Б. Н. Степанову и его бывшему старшему офицеру ст. лейтенанту В. М. Костенко, остальные восемь разошлись среди коллекционеров.

6. КРЕСТ БЕЗ НАДПИСИ И БЕЗ ДАТ

Наконец, приказом Русскому Обще-Воинскому Союзу за № 24 от 28 апреля 1938 года, по ходатайству председателя Общества Галлиполийцев, был установлен знак, тождественный со знаком в память пребывания в Галлиполи — черный крест, но без надписи и без дат. Предназначался этот крест для членов Общества Галлиполийцев, не бывших ни в одном из лагерей и не состоявших участниками Белого Движения на Юге России, но сражавшихся против большевиков на других фронтах Гражданской войны 1917-1922 гг. Крест этот остался на бумаге и ни в большом, ни в малом виде не существовал.

В заключение, необходимо добавить, что миниатюрные крестики для ношения в петлице статского костюма или в виде брошки существовали только с надписью: «Галлиполи», «Лемнос» или «Бизерта».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Полк. Ген. Шт. А. Зайцов «1918 год». Очерки по истории русской гражданской войны, 1934.
2. «Белое Дело», под редакцией А. А. фон Лампе. Берлин, 1926-1933.
3. А. И. Деникин. «Очерки русской смуты». Берлин, 1926.
4. А. Суворин. «Поход Корнилова». Ростов н/Д, 1919.
5. «Корниловский Ударный полк». Париж, 1936.
6. «Часовой» [журнал]. Париж-Брюссель, 1929-1960.
7. «Армия и Флот» [военный справочник], изд. «Часовой». Париж, б. д.
8. Ген. Денисов. Альбом «Белая Россия». Нью-Йорк, б. д.
9. «Дневник генерала Дроздовского». Берлин, 1928.
10. А. А. фон Лампе. «Орден Святителя Николая Чудотворца». Юрьев, 1937.
11. А. П. Родзянко. «Воспоминания о Северо-Западной Армии». Берлин, 1921.
12. «История Марковской Артиллерийской бригады», изд. Исторической комиссии. Париж, 1931.
13. «Генерал-от-Инфантерии Н. Н. Юденич». К 50-летн. юбилею. Изд. Парижского Юбилейного Комитета.
14. «Служба связи Ливенцев и Северозападников». Данциг.
15. Василий Горн. «Гражд. война на Северо-Западе России». Берлин, 1923.
16. Г. Кирдецов. «У ворот Петрограда 1919-1920». Берлин, 1921.
17. Генерал-майор, кн. П. Авалов. «В борьбе с большевизмом». Гамбург, 1925.
18. Г. К. Гинс. «Сибирь. Союзники и Колчак, 1918-1920». Пекин, 1921.
19. М. И. Смирнов. «Адмирал Колчак», биогр. очерк. Париж, 1930.
20. Б. Филимонов. «Белоповстанцы». Шанхай, 1932.
21. Славянофил. «Чешские Аргонавты в Сибири». Шанхай, 1932.
22. Полк. Енборисов. «От Урала до Харбина». Шанхай, 1932.
23. Е. Семчевская. «Очерки из Сибирского Ледяного похода». Шанхай, б. д.
24. «Луч Азии» [журнал]. Харбин, 1940.
25. «Главкомандующий Русской Армией, генерал барон П. Н. Врангель», сборник статей под редакцией А. А. фон Лампе. Берлин, б. д.
26. Генерал Кутепов — сборник статей. Париж, 1934.
27. Ген. Н. Н. Головин. «История русской контр-революции». Париж, 1937.
28. В. Даватц. «Годы». Белград, 1926.
29. «Русские в Галлиполи» [сборник]. Берлин, 1923.
30. В. Даватц и Н. Львов. «Русская Армия на чужбине». Белград, 1923.
31. С. Рытченков. «250 дней Лемносского сидения». Париж, 1933.
32. «Сфаят» (из жизни Морского корпуса в Бизерте). Париж, 1935.

И. А. Ильин и П. Б. Струве*

Н. Полторацкий**

И. ИЛЬИН И СТРУВЕ ДО 1925 Г.

Иван Александрович Ильин был на тринадцать лет моложе Петра Бернгардовича Струве: Ильин родился в 1883 году, Струве в 1870-м. И хотя Ильин принадлежал не к следующему поколению, а как бы к поколению срединному, тринадцать лет представляли все же большую разницу, в особенности в условиях бурного общественно-политического и культурного развития России конца 19-го — начала 20-го века.

Когда Ильин еще только окончил Московский университет и был оставлен при нем для подготовки к профессорскому званию по кафедре философии права в 1909 году, у Струве за спиной была уже очень значительная биография. Он был автором нашумевшей книги — *Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России*, сделавшей его знаменитостью тогда, когда ему не было еще и 24-х лет, автором большого сборника статей, *На разные темы* (за которым в 1911 году последовал еще другой сборник статей Струве, *Patriotika*) и участником двух коллективных московских сборников, вызвавших в русском обществе шумную полемику, *Проблемы идеализма и Вехи*. Он успел также

* This article and the adjoining publication containing the letters of I. A. Il'in to P.B. Struve are, in part, by-products of my research on P. B. Struve carried out at the Hoover Institution on War, Revolution, and Peace, and its Archive. The work was conducted under a grant, received through the Hoover Institution, from the Title VIII Program of the U.S. Department of State in the Summer of 1986. I should like to acknowledge also the courtesy of Michigan State University Libraries' Special Collections.

** Nikolai P. Poltoratzky is Professor of Slavic Languages and Literatures at the University of Pittsburgh. Author and editor of several books on modern Russian thought and literature.

побывать редактором нескольких журналов — двух марксистских (*Новое слово* и *Начало*) и трех либеральных (*Освобождение*, *Полярная звезда*, которую вскоре сменила *Свобода и культура*, и *Русская мысль* — одного из важнейших дореволюционных русских «толстых» журналов).

Редакторская деятельность Струве свидетельствовала не только об огромном авторитете, которым Струве пользовался в известных кругах русской общественности, но и о том, что Струве проделал за короткий срок очень значительную духовную, политическую и культурную эволюцию. Это была эволюция от позитивизма к идеализму, а затем и к религиозной философии; и от легального марксизма к радикальному, а позже и консервативному либерализму (или, как тогда еще предпочитали говорить, национальному либерализму). Входя после революции 1905 г. в Центральный комитет кадетской (конституционно-демократической) партии, Струве, однако, все более отходил от той политической линии, которую проводил вождь партии П. Н. Милюков, и принадлежал в партии к ее правому крылу. Это недовольство своей партией и ее вождем способствовало тому, что Струве стал все больше сосредоточиваться на своей редакторской, публицистической и научной работе (в декабре 1906 года он был назначен доцентом политической экономии Политехнического института в С.-Петербурге и впоследствии стал там профессором).

Именно в этот, окончательно зрелый период жизни Струве и началось идейное приближение к нему Ильина. Однако Ильин был в то время еще слишком молод и слишком еще поглощен заботами, связанными с первым этапом его академической карьеры, чтобы по-настоящему влиться в общественно-политическое и культурное течение, представляемое Струве. К тому же, Струве был в Петербурге, Ильин — в Москве. Первые значительные публикации Ильина появились сперва в *Вопросах философии и психологии* и только потом уже в журнале Струве *Русская мысль*.

То, что постигло Россию в революции 1917 года и в последовавшем за нею захвате власти большевиками и развязанной ими гражданской войне, оба, и Струве и Ильин, восприняли как национальную, государственно-политическую и культурную катастрофу. Они повели против большевизма и большевиков активную борьбу: Ильин — на месте, в Москве, а Струве — в Петрограде, в Москве, на юге у Белых, за границей, снова на юге России — в газете *Великая Россия*, а затем в правительстве ген. Врангеля, у которого Струве стал министром иностранных дел.

После эвакуации Крыма и прекращения вооруженного со-

противления большевикам, Струве стал искать других путей для продолжения борьбы и, в частности, возобновил в Софии издание своего журнала *Русская мысль*. В это время Ильин был еще в Москве, под большевиками. После шестого ареста его приговорили к смертной казни, но заменили казнь пожизненным изгнанием из страны советов. В начале октября 1922 года, в составе целой группы других идеологических врагов большевизма, состоявшей из видных представителей русской культуры и общест-венности, Ильин прибыл в Берлин. В это время там создавался Русский Научный институт, функционировавший в связи с Бер-линским университетом. Ильин стал профессором этого Институ-та и некоторое время состоял в нем деканом юридического факультета. Он сразу же начал сотрудничать в журнале Струве *Русская мысль*. Сам Струве был приглашен в Прагу, в качестве профессора созданного там, при поддержке чехословацкого пра-вительства, Русского Юридического факультета.

В 1924 г. издание *Русской мысли*, перенесенное в Прагу и Берлин, опять прервалось, на этот раз из-за отсутствия средств. Между тем, консолидация сил национально мыслящей части русской эмиграции продолжалась, а после смерти Ленина в том же 1924 году еще и усилилась. Обстановка требовала, в частности, создания своего авторитетного органа печати, большой ежеднев-ной газеты, которая не только была бы внушительным средством антибольшевистской борьбы, но и противостояла бы вредному политическому влиянию на эмиграцию и на иностранные круги, исходившему от главной газеты русского Зарубежья того време-ни, *Последних новостей*. Во главе этой газеты стоял бывший лидер кадетской партии историк П. Н. Милюков, в эмиграции пе-решедший с монархических на республиканские позиции. Он был противником ген. Врангеля и созданного им Русского Обще-Воинского Союза (этой, по выражению сторонников Врангеля, русской «армии в сюртуках»), склонен был воспринимать совет-скую власть как естественную защитницу национальных интере-сов России, верил в неизбежность национальной эволюции этой власти и был противником активной борьбы против нее со сторо-ны эмиграции.

II. 1925 год

1925 год был исключительно важным годом в жизни и Струве, и Ильина. Налаженная академическая жизнь Струве в Праге

резко нарушилась, т.к. он принял приглашение русско-армянского богача А. О. Гукасова стать редактором финансируемой Гукасовым ежедневной газеты *Возрождение* и для этого переехать в Париж. Одним из ближайших сотрудников газеты сразу же стал и Ильин.

Но в жизни Ильина в тот год произошло еще более лично для него важное событие: выход его новой книги, *О сопротивлении злу силою*. Для его философско-политической репутации эта книга имела такое же огромное значение, какое перед тем, в Москве, в 1918 году, имела для его академической и религиозно-философской репутации его другая книга — двухтомное исследование *Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека* (т. I — *Учение о Боге*, т. II — *Учение о человеке*).

1. Речи, статьи и книги Ильина

Книга Ильина *О сопротивлении злу силою* представляет собой солидное научное, философское исследование. Но она имеет и определенную практическую, нравственную и политическую проекцию. Некоторые основные положения своей только что законченной книги Ильин применил к недавней русской истории, завершившейся революцией, гражданской войной и победой большевиков, и свои мысли на этот счет изложил в речи, произнесенной в Праге, Берлине и Париже, а затем частично напечатанной в виде статьи под заглавием «Идея Корнилова».¹ Идею ген. Лавра Георгиевича Корнилова, одного из главных инициаторов и вождей Белого движения, Ильин определял как идею православного меча. Это была идея, противоположная основной идее и учению Льва Толстого о непротивлении злу силою. Это учение было, в глазах Ильина, одной из причин постигшей Россию катастрофы, ибо оно содействовало неправильному строению русского характера и русской идеологии, преимущественно у русской интеллигенции.

Вокруг идей Ильина поднялась полемика, получившая дополнительное питание еще и от скорого выхода в свет его книги *О сопротивлении злу силою*. Идеальный замысел и структура этой книги были предельно сжато, точно и исчерпывающе объяснены ее автором в письме к Струве от 19 июля 1925 г.

В структурном отношении книга состоит из четырех частей. Это, однако, деление внутреннее, не внешнее; внешне, формаль-

¹ *Возрождение*, № 15, 17 июня 1925 г.

но в книге есть только главы: всего 22 главы, причем первая глава является введением в книгу. В первой части (главы 1-8) автор ставит проблему зла и борьбы со злом. Во второй части (главы 9-12) он излагает и опровергает толстовское учение. В третьей (главы 13-18) он приступает к положительному решению проблемы сопротивления злу силой. В четвертой (главы 19-22) это положительное решение доводится до логического конца — с отвержением ложных положительных решений (Лютер и иезуиты) и утверждением того верного положительного решения проблемы сопротивления злу силой, которое содержалось в духе древнего православия.

Основной идейный замысел книги выражен в следующих словах письма Ильина к Струве:

Книга задумана *не* как антитезис Толстовству, а как антитезис + синтез верного решения:

Спротивляйся
всегда любовью

- a. самосовершенствованием
- b. духовным воспитанием других
- c. мечом.

Я искал не только опровержения Толстовства, но и доказательства того, что к любви — меченосец способен *не меньше*, а больше непротивленца. Словом я искал *решения* вопроса, настоящего, религиозного, пред лицом Божиим; и считаю, что оно содержалось в древнем духе *православия*.

2. Полемика вокруг идей Ильина

Полемика эта прошла через несколько этапов. Началась она статьями Михаила Кольцова в большевистской *Правде* в Москве и И. Демидова и Н. П. Вакара в газете П. Н. Милюкова *Последние новости* в Париже. Но затем в эту полемику стали постепенно вовлекаться все новые круги и лица. В результате, высказались представители всех основных лагерей: большевистского, эсеровского, республиканско-демократического (милюковского), религиозно-философского, официального церковного, национально-патриотического непредрежденческого и правого монархического.

Тут нет возможности говорить конкретно о содержании этой полемики.² Нет возможности подробно останавливаться и на

² Я посвятил этому вопросу специальную работу: Н. П. Полторацкий, *И. А. Ильин и полемика вокруг его идей о сопротивлении злу силой* (Лондон, Канада:

ответных выступлениях Ильина. Но кое-что сказать все-таки необходимо.

Ответных выступлений со стороны Ильина было несколько. На первом этапе полемики он напечатал статью «Отрицателям меча»³ в ответ на полемические статьи И. П. Демидова в *Последних новостях* от 25 июня и 2 июля 1925 г.

Ильина поразила недобросовестность его оппонента. Демидов, писал Ильин, «не только сам сочинил ту точку зрения, которую он излагает как мою, но и все самые острые цитаты, приписываемые мне, он *целиком выдумал*». Говоря о своей книге и о том, как Демидов воспринял ее основные идеи, Ильин продолжал:

Все мое исследование доказывает, что меч не «свят» и не «праведен»; что Крест не меч и что меч не есть оружие Христа; что понуждения и меча абсолютно недостаточно для борьбы со злом; что зло и злой человек совсем не одно и то же и т.д. А между тем, все это и многое другое г. Демидов приписывает мне.

Во второй части своей статьи Ильин, обращаясь уже к читателям, по совести ищущим правды, писал:

Да, я утверждаю, что государственность, и меч, и сопротивление злодеям силою — приемлемы для православного христианина. И, когда я говорю о «православном мече», то я разумею меч, *православно обоснованный (совсем не «оправданный», и не «освященный», и не «святой»)*. Такое обоснование содержится уже в Апостольских Посланиях (Петра 1, 2, 13-16, и Павла — Римлянам, 13, 3-5), в которых все выговорено определительно и недвусмысленно: и задача правителя, и цель для коей он носит меч, и критерий истинного правления, и допустимость казни, и мера применимости меча.

На первом этапе полемики против Ильина выступали, кроме Михаила Кольцова в *Правде* и Демидова и Вакара в *Последних новостях*, еще Максим Горький (в то время, впрочем, не в печати, а в письмах) и Леонид Добронравов — в еженедельнике *Родная Земля*. Но были и положительные выступления. Ильина поддержали, в частности, в издававшейся Борисом Сувориным

Изд. «Заря», 1975); напечатано также в виде приложения ко второму изданию книги Ильина *О сопротивлении злу силою*, вышедшему в том же издательстве и тогда же, стр. 233-279. Тут я заимствую ряд сведений и положений из этой своей работы.

³ *Возрождение*, № 57, 29 июля 1925 г.

парижской *Русской газете* (статья без подписи), в *Возрождении* (Петр Струве), в *Новых русских вестях* (В. Арденнский), в *Руси* (В. М., а также В. Даватц), в *Еженедельнике Высшего монархического совета* (неизвестный автор) и в *Ревельском слове* (П. Петропавлов). Особенно важна для Ильина была публичная поддержка со стороны Струве.

Статья Струве⁴ была написана в ответ на статью И. Демидова «Творимая легенда» в *Последних новостях* от 25 июня 1925 г. Демидовскую попытку скомпрометировать Ильина и его идеи, объявив его новоявленным тактическим последователем большевиков, Струве характеризовал как «явное и объективное недомыслие и недочувствование». По главному предмету спора — об отношении христианства к мечу и государству — Струве допускал, что христианство и в самом деле можно понимать так, как это делал Толстой, «в смысле непротивленства и абсолютной отрешенности от государственности». Но надо при этом помнить, что, воспринимая христианство таким образом, Толстой «имел последовательность и мужество не признавать никакого церковного (и в том числе православного) ни учения, ни предания», — чего Демидов явно не делает. Вместо того, чтобы говорить общеизвестные вещи о грехах крестоносцев, Демидову следовало бы ответить на основной и роковой для православной души вопрос о том, «какой — с его точки зрения — меч благословлял преподобный Сергей Радонежский и каким мечом сражались иноки Пересвет и Ослябя». Ибо для православного сознания невыносима двойная бухгалтерия, сочетающая религиозное горение с равнодушием в отношении родины и государственности. Струве указал далее на контраст между неспособностью Демидова «ни в точной форме поставить, ни до конца продумать» этот занимающий православное сознание основной и роковой вопрос — и большим вкладом Ильина, которому удалось «*поставить и в определенном христианском смысле разрешить проблему противления злу силою*» [подчеркнуто мною. — Н. П.].

III. 1926 год

Подобно 1925 году, 1926 год в жизни Ильина и во взаимоотношениях Ильина и Струве был тоже очень важным во многих отношениях. Центральным событием 1926 года был, несомненно,

⁴ «Дневник политика. 7», *Возрождение*, 25 июня 1925 г.

Российский Зарубежный съезд. Но для Ильина большое значение имели также полемика, возобновившаяся вокруг его книги *О сопротивлении злу силою*, его немецкие лекции и поддержка, оказанная ему Струве во всех этих случаях.

1. Российский Зарубежный съезд

Российский Зарубежный съезд был задуман летом 1925 г. Во всех странах русского рассеяния вскоре началась подготовка к съезду, потребовавшая большой работы и в центре, в Париже, и на местах. Во главе центрального организационного комитета и его исполнительного бюро стал Струве. Постепенно в эту работу втянулся и Ильин, возглавивший ее на месте, в Берлине.

Левые группировки сразу же стали в оппозицию к Зарубежному съезду. Основная борьба — и предвыборная, на местах, и в ходе самого съезда — происходила между политическим центром и крайне правыми. Об этом говорят, в частности, и письма Ильина к Струве этого периода.

Съезд открылся в воскресенье 4 апреля 1926 г. речью Струве, определившей общую позицию эмиграции — России Зарубежной — в отношении своей Родины — России Внутренней. Струве сказал, в частности, что в условиях зарубежья невозможно и не нужно выдвигать какие бы то ни было политические программы. Можно указать только общие основы общественного устройства, без которых невозможно возрождение национального государства и национальной культуры.

Эти основы суть: *собственность, свобода лица и незыблемое господство закона*. Россия не может не быть государством правовым, каковым она была до того момента, когда ее национальное бытие было принесено в жертву задачам мировой социальной революции и великая страна стала орудием в руках коммунистического Интернационала.⁵

Цель Зарубежной России — обретение и возрождение Родины, а не получение выгод, не возврат имущества, не месть или сведение личных счетов. Это цель бескорыстная, патриотическая. Чтобы достигнуть этой цели, необходимо добиться *согласия* — патриотического, действенного, дисциплинированного, действующего собранно и сомкнуто, приемлющего единое водитель-

⁵ *Возрождение*, № 307, 5 апреля 1926 г., стр. 3.

ство и готового без колебаний следовать зову национального вождя в лице Великого Князя Николая Николаевича, бывшего Верховного Главнокомандующего Российской Императорской Армии.

Однако почти сразу же всем стало ясно, что роль Вождя понимается неодинаково. Основным яблоком раздора стал вопрос о создании, в результате съезда, Российского Зарубежного Комитета и о его полномочиях и взаимоотношениях с Великим Князем. Крайние правые хотели для этого Комитета широких полномочий и прямого подчинения Великому Князю. Умеренные элементы (в большинстве своем тоже монархически настроенные и тоже сторонники Великого Князя) стояли за создание общественно самостоятельного органа, хотя и согласующего свои действия с национальным вождем — именно вождем, а не царем — в лице Великого Князя.

Предводитель крайне-правого лагеря Н. Е. Марков, очень активно ведший себя на Съезде, не ограничился партийно-монархической «урбю». Как и ожидал Ильин, Марков шел «ва-банк», он требовал создания исполнительного органа, непосредственно подчиненного Великому Князю, и в одном из своих многочисленных выступлений на Съезде прямо пригрозил всем несогласным с ним «правой стенкой»⁶ — по аналогии с нынешней левой стенкой при коммунистическом режиме.

Другие ораторы, говорившие после Маркова (Н. А. Цуриков, Н. К. Кульман и др.) возражали против того, чтобы грозить всем несогласным правой стенкой. С совершенно других позиций говорил и Ильин, которому пришлось выступать со своей речью о монархии сразу же после Маркова.⁷

Ильин сурово осудил дух партийности, революционности и республиканизма, который уже однажды привел Россию к распаду. И оратор спрашивал себя и делегатов съезда: все ли поняли в свете этого исторического урока, что идея монархии, неся в себе дух всенародного единения, учит непартийности? Нельзя царя превращать в партийного лидера. «Царь вне партий, классов и сословий. (...) Горе партиям, хотящим полонить сердце царя — они делают его республиканским лидером, а страну обрекают гражданской войне!» И нельзя вождя (Великого Князя) выдвигать в качестве царя («Знаю я — нет у нас еще счастья иметь Царя — не знаем, *будет* ли он у нас и *когда* он будет»).

⁶ «Большой день съезда. Вечернее заседание 9-го апреля. Прения об органе», *Возрождение*, № 313, 11 апреля 1926 г., стр. 3.

⁷ «О монархии», *Возрождение*, № 312, 10 апреля 1926 г., стр. 1.

В настоящих условиях, закончил Ильин свою речь, всякий принудительный орган будет делом партийным и гибельным. Пусть сам вождь укажет тех, кому он верит. «А нам созерцающим партийный напор справа не подобает сковывать его партийно избранными людьми.(...) Это было бы зловредно и гибельно.(...) И да не будет партийного совдепа ни слева, ни справа».

Это выступление Ильина против партийного напора справа самого напора не прекратило, но способствовало дальнейшей кристаллизации двух главных лагерей национально настроенной массы русской эмиграции — непредрешенческого (включающего и очень многих принципиальных монархистов) и партийно-монархического.

Российский Зарубежный съезд проделал большую работу. На нем были произнесены некоторые замечательные речи и сделаны ценные доклады по ряду важнейших политических, экономических, социальных, культурных и иных вопросов и приняты важные резолюции. Но главного вопроса, которому съезд был посвящен, — создания единого национального антибольшевистского активного фронта, — съезд не решил. Национальные русские силы разбились на два основных направления, одно более умеренное, другое крайнее. Во главе первого продолжал стоять Струве, во главе второго стал вскоре И. П. Алексинский.

2. Конфликт с религиозно-философским лагерем

1926 год был важен для Ильина еще и в том отношении, что полемика вокруг его книги *О сопротивлении злу силою*, заглохшая было осенью 1925 г., опять разгорелась и вступила в новую, вторую фазу.

На первых порах против Ильина выступали преимущественно публицисты и журналисты, не имевшие действительного авторитета в вопросах церковных, религиозных и философских. Начиная с зимы 1926 г., наряду с политическими кругами, в полемику вовлеклись и представители религиозно-философских и церковных кругов. Но и религиозно-философский лагерь, однажды нарушив молчание, оказался втянутым в политическую полемику не меньше, — а в некоторых случаях и больше, — чем представители партийно-политических кругов.

Первой заговорила З. Н. Гиппиус, опубликовавшая 25 февраля 1926 г. в *Последних новостях* статью «Предостережение», в которой она, в числе прочего, разжаловала Ильина в «бывшего

философа». Ильин ответил письмом в редакцию *Возрождения*.⁸

Письмо Ильина начиналось обращением: «Глубокоуважаемый Петр Бернгардович!» Покончив сперва с «неприличием» Гиппиус и восстановив для читателей-единомышленников правду о своих воззрениях, Ильин опять обратился, в заключение, к Струве:

Мне отрадно думать, дорогой Петр Бернгардович, что в этом воззрении моем я не одинок и что на страницах «Возрождения» я могу говорить об этом от лица нашего *мы*. Философ я или еще кто-нибудь — об этом будут судить наши внуки; пройдет время, нас не станет и все обнаружится и поймется, — кто по совести искал правду и кто, боясь этой правды, инсинуировал.

Как ни ударны и неприличны были выступления Гиппиус против Ильина, они не имели, однако, того веса и звучания, какое имела соответствующая статья Николая Бердяева.⁹

В первой части своей статьи Бердяев высказывает ряд бранных суждений об Ильине и его книге, во второй — спорит со взглядами Ильина на государство, свободу, человека и любовь, объявляя эти взгляды не христианскими, а то и антихристианскими. Среди множества негодующих и инсинуирующих суждений Бердяева главным надо, пожалуй, признать заявление, что «‘Чека’ во имя Божье более отвратительно [sic!], чем ‘чека’ во имя дьявола» (стр. 104).

На выступление Бердяева Ильин счел нужным ответить уже не письмом в редакцию, как в случае с Гиппиус, а специальной статьей.¹⁰ Ильин писал, что статья Бердяева, написанная тоном патологического аффекта («он сам так публично и характеризует свое собственное состояние, как переживание ‘кошмара’, ‘удушьа’, ‘застенка’, ‘отвращения’ и т.д.»), есть результат приснившегося ему кошмара: Бердяеву пригрезилась некая система идей, которую он приписал Ильину. Но в действительности эта система идей Ильину никак не принадлежит, и сам Ильин тоже

⁸ «Письмо в редакцию», *Возрождение*, № 277, 6 марта 1926 г., стр. 4. Статьей в газете Гиппиус не ограничилась. Она опубликовала еще и статью в журнале («Меч и крест», *Современные записки*, кн. 27, стр. 346-368), уже специально посвященную книге Ильина *О сопротивлении злу силою*, и тоже крайне резкую по тону. Но на эту статью Ильин публично никак не реагировал.

⁹ «Кошмар злого добра (О книге И. Ильина ‘О сопротивлении злу силою’)», *Путь*, № 4, июнь-июль 1926 г., стр. 103-116.

¹⁰ «Кошмар Н. А. Бердяева. Необходимая оборона», *Возрождение*, № 514, 29 октября 1926 г.

считает ее заслуживающей осуждения. Ильин привел «живые примеры» созданной Бердяевым «идеологической инсинуации», конкретно ответив на каждое из выдвинутых Бердяевым обвинений. Подводя итоги, Ильин писал, что понимает, почему Бердяев признал его воззрения кошмарными: «Ясно, что это не мои воззрения, а созданный им самим кошмар. Это ему самому пригрезился ‘кошмар злого добра’; а он реагирует на него, как на объективную действительность. И с какою злобою...»

Статья Бердяева побудила выступить против Ильина и ряд других лиц этого или близкого ему лагеря, в том числе Юлия Айхенвальда,¹¹ Ф. А. Степуна¹² и В. В. Зеньковского.¹³ Были еще выступления из смежного лагеря — в эсеровской газете А. Ф. Керенского *Дни* (статьи неизвестных авторов и некоего Церковника).

Откликнувшись особо на выступления против него Гиппиус и Бердяева, Ильин счел нужным ответить также суммарно — статьей, обращенной уже не к идейным противникам, а к единомышленникам и друзьям. Статья эта — «О сопротивлении злу (Открытое письмо В. Х. Даватцу)» — была напечатана в начале ноября 1926 г. в трех номерах белградской газеты *Новое время*, которую издавал Суворин, а редактировал активный участник Белого движения проф. В. Х. Даватц. Ильин писал, что в основе его идейного расхождения с такими новейшими «двусмысленными непротивленцами», как Демидов, Бердяев и поддержавший Бердяева Юлий Айхенвальд, лежит вопрос об отношении христианина к государству. Церковь нельзя смешивать с государством и нельзя ни государство превращать в церковь, ни церковь — в государство. Но государство необходимо принять, — оставаясь христианином и осмысливая государство хотя и иной, чем в церкви, но тоже христианской любовью (о чем Ильин специально пишет в главе 22 своей книги). Это и есть христианский, православный и русский, подход к государству, свободный и от цезарепапизма и от папоцезаризма.

Интересно отметить, что религиозные философы более академического типа и более авторитетные, чем Бердяев, Зеньковский и Степун, — С. Л. Франк и Н. О. Лосский — открыто в полемику об идеях Ильина тогда не вступали. Но каждый из них занял

¹¹ «‘Злое добро’», *Сегодня*, № 196, 3 сентября 1926 г.

¹² «Об общественно-политических путях ‘Пути’», *Современные записки*, кн. 29, 1926 г., стр. 442-448.

¹³ «По поводу книги И. А. Ильина ‘О сопротивлении злу силой’», *Современные записки*, кн. 29, 1926 г., стр. 284-307.

определенную позицию — и они оказались по разные стороны баррикады: Франк в лагере Бердяева, Лосский на стороне Ильина.

3. Поддержка со стороны церковной иерархии

Ильин был философом, а не богословом, и труд его был свободным исследованием, относящимся к области нравственной и социальной философии. Но Ильин был также верным сыном Православной Церкви, его труд касался вопросов, в которых последнее слово принадлежит не философии, а религии, и ему важно было, чтобы между его выводами и учением Церкви не было принципиальных расхождений. Поэтому великим удовлетворением для Ильина была поддержка, оказанная ему и его взглядам Епископом (впоследствии Архиепископом) Тихоном Берлинским, Архиепископом Анастасием Иерусалимским и Митрополитом Антонием, бывшим Митрополитом Киевским и Галицким, теперь возглавившим Русскую Православную Церковь за границей.

Об этой богословской поддержке со стороны церковной иерархии Ильин несколько раз писал Струве. Так, например, в письме от 9 июля 1925 г. Ильин сообщает: «Епископ берлинский Тихон и Митр. Антоний считают мою книгу подлинным и точным выражением православного воззрения». Через десять дней после этого, в письме от 19 июля 1925 г., Ильин сообщил об этой поддержке подробнее:

Еп. Тихон (Берлинский) после моего доклада в церкви перед «приходом», заслушав последние 4 главы книги, говорил с большим подъемом, что «это есть истина», которую православие носило веками *в чувстве и в воле* и которая впервые выговорена разумом и доказана.

И далее:

Центральное различие этих глав [глав 19-22. — Н.П.] — «неправедность» ↔ «грех» — вводится мною сознательно — в нем *корень* всего разрешения; по этому пункту я сговаривался и списывался с нашими иерархами — решение вопроса остается *моим* и терминология *моя* — но они считают (Антоний и Тихон), что это *верное* решение.

Поскольку и сама книга Ильина, и полемика вокруг нее имели два аспекта — философический и религиозно-православ-

ный, Ильин считал, что должны выступить солидарные с ним и компетентные люди, как в одной области, так и в другой. Он писал, что философическая сторона вопроса должна быть в руках самого Струве, называя при этом также двух других авторитетных лиц — профессоров А. В. Карташева и Е. В. Спекторского. Богословская сторона вопроса также нуждалась в компетентных защитниках. Обо всем этом Ильин писал Струве в письме от 13 августа 1925 г.:

Перед отъездом из Берлина я говорил нашему еп. Тихону о том, что богословско-церковная сторона этой борьбы должна вовлечь *его* и *Митр. Антония*. И он соглашался. Есть вопрос о *православности* такого-то тезиса — и высказаться должны *они*. Сан дает учительное право и авторитет. Помимо этого в Писании есть места, которые должны толковаться именно пастырски во избежание соблазнов. Именно поэтому я их обошел молчанием, а Тихон с кафедры толкует их определительно в нашу пользу. Посмотрите напр. Луки 22. 35-38, Деяния 5. 1-11. — В виду всего этого я сегодня пишу Антонию и посылаю ему статьи Демидова, Вакара, Добронравова. Книга моя у него есть. Еще очень прошу Вас послать ему из редакции № 15 и № 57 Возрождения (мои статьи — о Корнилове и Отрицателях меча). Он наверное напишет в Новое Время.

Конечно, позиция, занятая этими двумя видными иерархами, в особенности таким крупнейшим богословом, как Митрополит Антоний, имела очень большое значение также и для Струве.

Через несколько месяцев к голосам двух церковных иерархов в Европе присоединился еще и авторитетный голос с Ближнего Востока. Это был голос Архиепископа Иерусалимского Анастасия (Грибановского), который впоследствии, после смерти Митрополита Антония, занял его место главы Русской Православной Церкви за границей.

О характере и идейном содержании поддержки, оказанной Ильину Архиепископом Анастасием, известно из копий с его писем, сделанных самим Ильиным и печатаемых ниже в виде приложения к письму Ильина к Струве под № 34 (осень 1926 г.).

Архиепископ Анастасий сразу же исключительно высоко оценил книгу Ильина. В письме от 16/29 декабря 1925 г. он с большим духовным подъемом выразил эту свою высокую оценку книги и подвига Ильина. Позже, когда представители «бердяевского» религиозно-философского лагеря повели против Ильина и его книги концентрированное наступление, Архиепископ Анастасий, полагая себя мало приспособленным к печатной полемике

ке, — и, конечно, учитывая свое официальное церковное положение, — не считал возможным публично включиться в полемику. Однако он совершенно недвусмысленно осудил поведение этого религиозно-философского лагеря и, как и прежде, опять поддержал Ильина. Так, по поводу выступления самого Бердяева против Ильина и его книги он писал в письме к Ильину от 31 августа/13 сентября 1926 г.:

Я уже давно и, конечно, с тяжелым чувством, как и Вы, прочитал цитируемую Вами статью Бердяева в «Пути». Я пожалел однако не столько об Вас и за Вас, сколько о самом Вашем критике, который не захотел сколько-нибудь серьезно углубиться в поставленный Вами трагический вопрос и дал себя увлечь и даже ослепить чувству раздражения, которое служит плохим советником для философа.

Из этого же письма Ильин узнал о том, что и С. Л. Франк негласно включился в полемику против Ильина и пытался и Архиепископа Анастасия привлечь на сторону «бердяевского» лагеря:

Если же иметь в виду вообще выражение сочувствия Вашей книге и удивления перед тоном, взятым Вашим критиком [т. е. Бердяевым. — Н. П.], то я уже сделал это, написав довольно пространное письмо С. Л. Франк/у/, который вызвал меня на это своим отзывом (в письме ко мне) о Вашей книге в духе Бердяева.

В этих замечательных и по содержанию, и по литературной форме письмах Архиепископа Анастасия к Ильину обращает на себя внимание и то, как Владыка воспринял идеи Ильина и свое единомыслие с ним применительно к Православной Церкви вообще и к положению в Русской Зарубежной Церкви, в частности. Так, в письме к Ильину от 31 августа/13 сентября 1926 г. Архиепископ Анастасий, отметив «с тяжелым чувством» раскол в русском религиозно-философском лагере и неверную и недостойную позицию, занятую против Ильина Бердяевым (и поддержавшим Бердяева С. Л. Франком), продолжает:

Раскол около такой жгучей и острой темы, как Ваша, неизбежен. Наши интеллигенты неохотно отказываются от своих предубеждений и тех, кто не хочет кланяться с ними старым кумирам, готовы преследовать с таким же фанатизмом, с каким невежественная чернь гнала некогда Сократа. (...) Наше печальное церковное разделение, б. м., исходит также из более глубоких принципиальных основ, чем это кажется.

4. Струве об Ильине и его дарованиях

В этот период времени большое значение для Ильина имела также идейная поддержка, которую ему оказали Струве и проф. Билимович. Статью проф. А. Д. Билимовича,¹⁴ всецело поддержавшего Ильина, редакция *Возрождения* сопроводила следующим примечанием: «Помещая статью почтенного А. Д. Билимовича, редакция имеет в виду вернуться к предмету спора, явно возбудившего большой интерес в Зарубежьи». Это и было сделано — пером самого редактора Струве.

Но Струве выступил в поддержку Ильина еще и раньше, до появления статьи Билимовича. Поводом к этому выступлению Струве послужил выход в свет брошюры Ильина *Родина и мы*, изданной в Белграде Главным правлением Общества галлополийцев в 1926 г. В своем очередном «дневнике»¹⁵ Струве исключительно высоко оценил и брошюру, и ее автора, а также напомнил читателям о «блестящей», «замечательной» книге Ильина *О сопротивлении злу силою*. Струве писал:

И. А. Ильин есть интересное и крупное явление в истории русской образованности. Формально — юрист, он по существу философ, т. е. мыслитель, а по форме — изумительный оратор или ритор в хорошем античном смысле этого слова.

Когда он пишет, он говорит.

А когда он говорит, то захватывает ум, очаровывает слух, входит в душу с какой-то особой силой, присущей живому и твердому, мерному и кованному человеческому слову.

Это не просто «красноречие». Тут не все приятно, не все даже красиво в общем смысле слова, но все сильно и резко. Эта речь точно ведомый сильной рукой острый резец, который, хочет или не хочет слушатель (ибо Ильин прежде всего оратор, а не писатель!), как-то чертит на вашей душе и в ней что-то вырезывает, как гравер режет на дереве.

Ильин оратор-резчик, т. е. настоящий художник живого, врезывающегося в душу слова. Такого, как он, русская культура еще не производила, и он в ее историю войдет со своим лицом, особым и неподражаемым, со своим оригинальным дарованием, сильным и резким, во всех смыслах.

¹⁴ Проф. А. Билимович, «Критикам И. А. Ильина», *Возрождение*, № 534, 12 ноября 1926 г.

¹⁵ Петр Струве, «Дневник политика. 82. О брошюре И. А. Ильина и о нем самом», *Возрождение*, № 249, 6 февраля 1926 г.

Кроме этой общей характеристики единственного в своем роде ораторско-писательского дарования Ильина, Струве дал также и краткую характеристику «превосходной, сильно и метко написанной» брошюры Ильина *Родина и мы*.

В заключение своего «дневника» Струве коснулся и той полемики, которая возникла в русской печати вокруг идей и книги Ильина *О сопротивлении злу силою*. Струве писал:

Те же черты своеобразного и единственного в истории русской образованности «ораторского» дарования Ильина ярко сказались не только в его брошюре «Родина и мы», но и в его замечательной книге «Сопротивление злу силой». Основные мысли своей книги Ильин сам излагал на страницах «Возрождения». Однако, в виду того, что эта блестящая, но трудная книга, на сложную и жестокотрудную нравственно-политическую тему навеяла на автора в нашей печати нелепые и недостойные нападки, мы к этой книге и к ее теме вернемся на страницах «Возрождения».

Поводом к следующему выступлению Струве на эти темы послужили публичные лекции Ильина, с которыми он выступал перед немецкими слушателями во многих городах Германии. Об этих лекциях *Возрождение* писало и раньше. Так, например, в начале февраля 1926 г. газета напечатала корреспонденцию проф. Н. С. Арсеньева о выступлении Ильина в Кенигсберге перед аудиторией в 900 человек, представлявшей собой «цвет кенигсбергского образованного общества».¹⁶ Теперь, в конце 1926 года, газета опять вернулась к публичным выступлениям Ильина перед немецкой публикой. В корреспонденции из Германии (без подписи)¹⁷ речь шла о двух лекциях Ильина на немецком языке, прочитанных в Мюнхене 9 и 13 декабря: «Происхождение большевизма» и «Провал коммунизма в России». Мюнхенские газеты дали об этих лекциях подробные отчеты, сообщив, что лекции собрали многочисленную аудиторию и имели огромный успех.

Корреспонденция из Мюнхена побудила Струве поместить в газете статью, специально посвященную Ильину.¹⁸ Привлекая внимание читателей к печатаемому в том же номере газеты

¹⁶ Николай Арсеньев, «Как нужно завоевывать друзей для России», *Возрождение*, № 249, 6 фев. 1926 г.

¹⁷ «Русский ученый о Зарубежье и коммунизме. И. А. Ильин перед немецкой публикой разоблачает и обличает коммунизм», *Возрождение*, № 572, 26 декабря 1926 г.

¹⁸ Петр Струве, «Мужественная речь русского мыслителя», *Возрождение*, № 572, 26 декабря 1926 г.

сообщению «об имевших огромный успех блистательных лекциях *И. А. Ильина*, прочитанных в Мюнхене», Струве дал одновременно и замечательную по своей проницательности и точности общую историческую характеристику Ильина и его ораторского дарования:

И. А. Ильин — редкое и значительное явление русской образованности. Наши поколения знали блистательных судебных ораторов, *А. Ф. Кони*, *В. Д. Спасовича*, *Ф. Н. Плевако*, *В. А. Маклакова*, — чтобы назвать самых одаренных и крупных. Русское политическое ораторство, в лице *И. С. Аксакова* и, гораздо позже, *Ф. И. Родичева* и того же *В. А. Маклакова* дало также изумительные образцы искусства, достигнув своей вершины в простом и мудро-уверенном красноречии незабвенного *П. А. Столыпина*. Но русское академическое ораторство, со времен *Т. Н. Грановского*, *П. Н. Кудрявцева*, *Н. И. Костомарова*, *Б. Н. Чичерина* и *Вл. Соловьева*, словно потускнело для того, чтобы возродиться к новой жизни и силе в несравненном даровании *И. А. Ильина*. Мы радуемся успеху у чужестранцев его отлитой в словесную сталь сильной и острой речи, направленной против врагов России. Пусть эта речь звучала на чужом языке, но и в ее содержании и в ее звуке все было — на пользу и во славу Национальной России. Лучший знаток и истолкователь великого германского философа Гегеля, очевидно, нашел доступ к уму и сердцу его соотечественников.

IV. 1927 год

В жизни и деятельности Ильина и Струве 1927 год был исключительно важным, переломным годом. Конфликт в *Возрождении*, принявший весьма острую форму к концу 1926 г., продолжал нарастать и в августе 1927 г. закончился полным вытеснением Струве из газеты, что в свою очередь привело к уходу из нее еще 32 сотрудников, среди которых были и виднейшие имена того времени, в том числе и Ильин. Струве сразу же предпринял издание новой газеты под своей редакцией, еженедельника *Россия*, в котором Ильин также стал писать. Эти события, однако, совпали по времени с началом самостоятельного издания Ильиным журнала *Русский колокол*, которому с весны 1927 г. Ильин должен был отдавать свои главные силы. В жизни русской эмиграции в целом этот год был очень важен еще и в том отношении, что продолжавшаяся несколько лет большевистская провокация, вошедшая в историю под названием «Трест», была наконец разоблачена. В связи с этим вышла наружу деятельность чекист-

ской агентуры также и в других организациях. В отношении одной из них — Братства Русской Правды — Ильину было предложено взять на себя роль единоличного арбитра.

1. Статья Ильина «О политической клевете»

В этот трудный для Струве период времени, весной 1927 г., Ильин воспользовался возможностью публично поддержать Струве. В белградской газете *Новое время* появилась статья Ильина «О политической клевете»,¹⁹ в которой он резко выступил против сикофанции и сикофантов, т. е. лжецов и клеветников.

«Нет никакого принципиального различия между сикофанцией *слева* и сикофанцией *справа*: они одинаково презренны», — писал Ильин. Приводя примеры сикофанции с обоих политических флангов, Ильин остановился специально на том, как пытается дискредитировать Струве его политический и идеологический противник П. Н. Милюков. Не называя тут Милюкова прямо, а лишь напоминая о его другой клеветнической кампании, против Императрицы, начатой его знаменитой речью в Государственной Думе 1 ноября 1916 г., Ильин продолжал:

Когда автор презренной первоноябрьской речи позволяет себе писать о «трусости» Петра Бернгардовича Струве, мыслителя и политика, стяжавшего всеобщее уважение своим гражданским мужеством, своею готовностью отвечать за свои убеждения личностью, семьею и всеми земными благами — то кто же, кто терпит ущерб от этой левой сикофанции? Дела Струве и слова его сикофанта — говорят сами за себя; и атмосфера *объективной неуважаемости* все более сгущается вокруг клеветника, его газеты и его партии...

Однако, хотя левые и правые сикофанты должны будут в конце концов убедиться, что своим клеветническим поведением «они прежде всего роют яму себе самим, они роют свою духовную и политическую могилу», политическая клевета тем не менее остается «духовно-ядовитую и патриотически разрушительную». С нею необходимо всячески бороться, — что сам Ильин и делал, в частности этой своей статьей.

2. Раскол в Возрождении

Хотя всего того, что Ильин думал о Струве и Струве думал об Ильине, в настоящее время выяснить полностью нельзя (впро-

¹⁹ *Новое время*, № 1797 от 29 апреля и № 1799 от 1 мая 1927 г.

чем, полностью никогда и нельзя будет выяснить, т. к. уже известно, что много документов погребено), все же кое-что можно установить и дополнительно. Так, например, некоторые существенные штрихи к двойному портрету Ильина-Струве имеются в переписке Ильина с его духовным другом, большим русским писателем Иваном Сергеевичем Шмелевым.

Когда летом 1927 г. Струве окончательно был вытеснен из *Возрождения* и заменен Ю. Ф. Семеновым, Ильин и Шмелев разошлись в оценке того, что произошло в редакции газеты. Ильин сразу же и всецело поддержал Струве и ушел из газеты вместе со Струве. Шмелев был настроен против ухода, но был крайне расстроен расколом и своим расхождением с Ильиным и тремя десятками других сотрудников газеты, ушедшими вместе со Струве. Пересылая Шмелеву, по поручению Струве, составленное самим Струве досье о распадении редакции и желая как-то облегчить моральные страдания своего друга (и в то же время желая помочь ему принять правильное решение), Ильин, в письме от 22 августа 1927 г., так характеризовал свою собственную позицию в этом вопросе:

Если бы я писал в *Возрождении художественное*, то я, может быть, и не сделал бы себе из этого [т. е. из того, что газета теперь оказалась в масонских руках. — Н. П.] рокового обстоятельства. Но я 1) пишу там политику, 2) живу в стране, которая требует особого такта газетного, который П. Б. [Петр Бернгардович Струве. — Н. П.] мне обеспечивал, а нагло бестактный Семенов *не* обеспечивает, 3) я *шел* в Возр. со Струве и, несмотря на то, что далеко не считаю его *ни* идеальным, *ни* достаточно внимательным ко мне редактором — поддерживаю его до конца.

Я давно в курсе дел того, что там делалось, и должен сказать, что не только не считаю Струве слишком *властным* и *самолюбивым*, но и я, и мои друзья вот уже несколько месяцев чувствуем и говорим, что на такие унижения и компромиссы, на которые Струве шел вот уже ½ года — я бы не пошел и *месяца*.

На продолжающиеся сомнения, возражения и страдания Шмелева Ильин в письме от 4 сентября 1927 г. отвечал успокоительно:

Дорогой друг! Не горюйте о *Возрождении*! Вы теперь уже знаете наверное, что Струве не ушел, его выставил Гукасов. А я *не мог* не уйти: 1) я много раз открыто писал от лица «нашего» — Мы; 2) Струве не сделал ничего дурного или постыдного и оставлять его в беде было для меня невозможно; 3) я всегда был такой — и

наверное останусь таким до конца (браните, если не лень!): я *требовательный* — с сахарином не пью; так всю жизнь [...]. А как не *родная* и *мутная* комбинация — не шел, сидел в нору.

/.../ зная *все ошибки и дефекты* Струве — я не мог не выйти; да еще после попытки Семенова купить меня *любою ценою*...²⁰

/.../ Еще весной, уходя *мысленно* из Возрождения, я говорил именно это самое [что писал Ильину Шмелев. — Н.П.] с небольшою вариацией: сидел честный человек Струве — держал меня два года в газете в черном теле; идет неприемлемый Семенов — открывает мне двери настежь — а мне будет не до газеты. Это со мною часто бывало: честный человек действует плохо, непредметно и меня теснит; а нечестный зовет, открывает двери, а мне противно и неприемлемо и т.д.

3. *Россия и Русский колокол*

Официальное заявление Струве в газете о том, что с 18 августа 1927 г. он более не является ни редактором, ни сотрудником газеты *Возрождение*, было датировано 17 августа. А уже через десять дней, с 27 августа, в Париже начала выходить новая еженедельная газета под редакцией Петра Струве — *Россия*, с подзаголовком *Орган национальной мысли и борьбы*.

В первых номерах газеты были напечатаны статьи самого Струве, С. С. Ольденбурга, кн. Гр. Н. Трубецкого, А. В. Карташева, В. В. Шульгина, Н. Цурикова, К. Зайцева, Л. Львова, Б. Никольского, А. Ломейера и др. Но имени Ильина среди этих авторов в самых первых номерах газеты не было. Он, конечно, полностью — морально, идейно и политически — поддерживал Струве и его новую газету, но физических сил для сотрудничества в ней у него не оставалось: все силы уходили на работу по *Русскому колоколу*. Позже, однако, Ильин ценой великого напряжения сил в газете кое-что все-таки напечатал.

Первый номер журнала *Русский колокол* (имевшего и подза-

²⁰ Об этой попытке Ильин писал Шмелеву и раньше, в частности в письме от 22 августа 1927 г.:

Письмо Семенова ко мне было, конечно, попыткой установить мою покупную цену. Я ответил ему тогда же очень корректно, что затрудняюсь ответить, не зная об отношении П. Б. Струве к расширению моего участия в Возрождении, и что пересылаю де «Ваше письмо» Петру Бернгардовичу. «Позвольте мне выразить уверенность, что Вы на моем месте поступили бы так же» — закончил я. Семенов ответил мне ледяным письмом, еще раз подчеркивавшим *денежную* сторону дела и намекавшим на то, что через Струве эта сторона *не* будет устроена.

головок: *Журнал волевой идеи*) вышел в сентябре 1927 г. Начиная издание своего журнала, Ильин рассчитывал на поддержку Струве и как редактора новой газеты *Россия*, и как хотя бы эпизодического сотрудника. Последнего так и не случилось: за четыре года существования *Русского колокола* в нем не появилось ни одной статьи Струве, несмотря на то, что он, видимо, и хотел, и обещал написать, в частности — о социализме. Но в своей газете Струве *Русский колокол* все-таки поддержал, — хотя и не так, как этого хотелось бы Ильину. О некотором недовольстве (и опасениях) Ильина можно судить, в частности, по следующей приписке его к письму Шмелеву от 14 октября 1927 г., в которой говорится об отзывах на *Русский колокол* в зарубежных газетах: «Струве взял Р. К. [*Русский колокол*], как дубинку, и слегка побил ею недобитых евразийцев. Вышло непредметно, неискренно; отписка. Но я боялся еще худшего».

Что касается Шмелева, то он всячески поддержал Ильина и его *Русский колокол* — и эпистолярно, и в качестве сотрудника журнала, и через статью, написанную для *Возрождения*.

Как мы узнаем из письма Ильина к Шмелеву от 22 декабря 1927 г.,²¹ в тот момент очень поддержал Ильина и его *Русский колокол* также и Митрополит Антоний («пишет, что единственно верная позиция»).

4. Деятельность большевистской агентуры

В архиве Струве сохранился черновик письма за 1927 г., написанного им от руки на бланке газеты *Россия*. Это письмо является ответом на письмо Ильина к Струве от 29 ноября 1927 г., в котором Ильин писал, что Верховный Круг Братства Русской Правды (боевой антибольшевистской организации, весьма в то время популярной в национальных кругах русской эмиграции) обратился к нему «с просьбой взять на себя единоличный арбитраж, констатирующий их морально-серьезный уровень и патриотическое благородство их намерений и усилий» в борьбе против большевиков. Необходимость в таком арбитраже вытекала из того, что в 1927 г. стало известно, что «Трест» был организацией, созданной и руководимой большевистской агентурой, и что эта агентура проникла также и в другие антибольшевистские организации, в том числе и в Братство Русской Правды. Арбитражное заключение Ильина должно было быть опубликовано потом во

²¹ Дата установлена Р. М. Зиле.

всех газетах. Ильин писал Струве, что у него есть «целый ряд оснований для отказа» (хотя и не политического или контрразведывательного порядка), но хотел предварительно узнать мнение Струве. Письмо Струве и является ответом на этот запрос Ильина:

2.XII/27
Черновик

Дорогой Иван Александрович!

Я без всяких колебаний могу дать Вам категорический совет — отказать от предлагаемого Вам «арбитража». Разъяснение таких сложных и деликатных вопросов перед общественным мнением невозможно в порядке «дружеского расследования» — оно не будет авторитетно и в то же время умалит Ваш авторитет. Не даром в таких случаях применяется третейский суд, все равно какой, единоличный или коллективный (с супер-арбитром), суд, предполагающий какое-то «соствязание».

Спешу Вам это написать и отправить письмо. О другом напишу в другой раз.

Душевно Вам преданный

П. Струве

Хотя письмо Струве датировано 2 декабря, неизвестно, когда оно было отправлено — и было ли вообще такое письмо отправлено, т. е. был ли, кроме черновика, еще и беловик. Струве мог по каким-то своим соображениям отложить ответ, а затем решить и вовсе не давать совета в таком деликатном вопросе. Но это только догадки. Так или иначе, через две недели, в своем ответном письме от 22 декабря 1927 г., Ильин писал Струве: «Я, к сожалению, не дождался Вашего письма и решил вопрос о Бр. Р. П. [Братстве Русской Правды] до него. Они торопили. Я отказал по соображениям, изложенным в № 1 Р. Кол. [Русского Колокола] (как хранить тайну)»²²

V. годы 1928-1940

После 1927 года идейная близость Ильина и Струве продолжалась, но их жизненные пути опять значительно разошлись.

В 1928 г. Струве должен был прекратить издание *России* из-за

²² Старый политик [И. А. Ильин], «Как хранить тайну (Правила и советы)», *Русский колокол*, № 1, 1927 г., стр. 78-80.

отсутствия средств. Ему удалось наладить издание новой большой газеты — *Россия и Славянство*, но выходила она уже не под его формальным редакторством, а лишь при его «ближайшем участии», хотя и очень активном. Произошло это потому, что в 1928 г. ему предложили вернуться к академической деятельности и для этого переехать в Белград. Там Струве стал сотрудником Русского Научного института. Должен был стать также профессором Белградского университета, но его вступительная лекция была сорвана энергичными усилиями югославских коммунистов и русских младороссов. Впоследствии он стал ездить в Суботицу, для чтения лекций в местном университете. Кроме того, он часто выступал с публичными лекциями на русском языке.

Ильин продолжал нерегулярное издание своего *Русского колокола* до 1930 г., когда, в результате мирового экономического кризиса, прекратилось издание и этого органа русской национальной мысли. Правда, академическая деятельность Ильина в Русском Научном институте в Берлине продолжалась еще несколько лет, но, после прихода к власти Гитлера, он был в 1934 г. удален из Института за отказ преподавать в соответствии с новыми национал-социалистическими директивами. Со временем его лишили также права печатных и устных публичных выступлений. Общая политическая обстановка в Германии и особое внимание, проявлявшееся к нему со стороны Гестапо, заставили его в конце концов бежать из Германии в Швейцарию летом 1938 года.

Несомненно, что личные встречи и эпистолярные контакты между Ильиным и Струве в эти годы значительно сократились. Но они не прекратились, и кое-что, хотя и очень небольшое, из их переписки тех лет все-таки уцелело. Приводим уцелевшие письма полностью.

1. Письма Ильина к Струве, 1928-1932 гг.

Из того, что Ильин писал Струве или его близким после 1927 г., сохранилось всего три письма и один текст, написанный в юмористически-сатирическом жанре.

25 апреля 1928 г. умер ген. П. Н. Врангель, очень высоко ценимый и Ильиным, и Струве. В связи с этой смертью Ильин написал статью о Врангеле, которую отправил с соответствующим письмом на имя Н. А. Струве для опубликования в *России*. Письмо без даты, но так как оно и статья были написаны под свежим впечатлением от известия о смерти Врангеля, его надо отнести к концу апреля 1928 г. Вот текст этого письма:

Дорогая Нина Александровна!

Посылаю Вам статью для России. Если Вы найдете, что она требует *каких бы то ни было* изменений, то очень прошу Вас вышлите мне ее тотчас же обратно. Я не согласен ни на какие исправления и помещу ее в другом месте.

Я бесконечно удручен смертью Петра Николаевича.

Ваш ИИльин

Адрес: Berlin-Grünewald. Wangenheim Str. 45 bei Voigt.

Вероятно, к этому же периоду времени относится и другое письмо Ильина без даты (и без подписи), адресованное П. Б. Струве:

Дорогой Петр Бернгардович!

Посылаю статью. Неожиданные и неучтенные мною обстоятельства заставляют меня обусловить ее помещение — отсутствием моей подписи.

Поместите ее как бы от редакции, если она Вам подойдет.

Или поставьте *любой* псевдоним.

О какой статье Ильина тут идет речь и была ли эта статья напечатана и, если была, то под каким псевдонимом, установить, к сожалению, не удалось. В бумагах Струве, однако, сохранился текст без подписи, написанный рукой Ильина (чернилами, а не карандашом, как два только что приведенных письма). Возникает вопрос, не этот ли юмористически-сатирический текст Ильина был послан вместе с только что приведенным письмом?

Последнее из сохранившихся в бумагах Струве письмо к нему Ильина — от 14 июня 1932 г. (Как отмечает Г. П. Струве, это письмо Ильина находится на обороте черновика одного письма П. Б. Струве, где перечеркнуто крест-накрест.) Письмо короткое:

Милый и дорогой Петр Бернгардович!

К моему величайшему унынию я сейчас никуда не гожусь. Вот уже несколько дней что я лежу с нервным гастритом; бурный, мучительный, с температурой и депрессией. Доктор предписал мне полный покой, я почти весь день дремлю, слабость бездонная. Как только мне станет лучше, я немедленно Вам напишу. Обнимаю Вас.

Ваш И. И.

1932. VI.14

По смыслу этого письма, оно является ответом на какую-то просьбу, с которой Струве обратился к Ильину. Какого рода была

эта просьба, остается неясным. Естественнее всего предположить, что Струве просил Ильина написать какую-то статью для основанной Струве и в определенной степени руководимой им на расстоянии газеты *Россия и Славянство*. Но это могла быть и просьба, связанная с какой-либо совместной политической акцией. Так или иначе, это — последнее из обнаруженных пока что писем Ильина к Струве. Имея в виду, что белградский архив Струве или погиб или увезен в Советский Союз, где, в таком случае, находится под семью замками, это письмо может так и остаться последним — надолго или навсегда.

2. Письма Струве к Ильину, 1937-1940 гг.

В архиве Ильина сохранились две открытки Струве за 1937 г., посланные им из Белграда. Это был юбилейный Пушкинский год (столетие со дня смерти), когда мысли всех россиян еще и специально обратились к образу и творческому и идейному наследию гениального поэта. Особо писали тогда о Пушкине также и Струве и Ильин. Кроме того, в 1937 г. вышла в свет еще и книга Ильина *Основы художества. О совершенном в искусстве*, экземпляр которой он послал Струве. До того в самом Белграде вышла другая важная книга Ильина: *Путь духовного обновления*. Струве ответил открыткой с видом на Белград с высоты белградского парка Калемегдан. Он писал:

Јаворска [sic!] 7/4. VII/37 г. Белград

Дорогой Иван Александрович!

Весьма признателен за присылку Ваших, как всегда, интересных и блестяще написанных «Основ художества». Вашей изданной в Белграде книги я, к сожалению, *не получил*. Посылаю вам *αντιδωρον*.

Искренно преданный Вам

П. Струве

/Приписка сбоку:/ Привет Наталье Николаевне.

Вторая открытка из Белграда, тоже с видом парка Калемегдан и отчасти Белграда (на лицевой стороне открытки надпись: «Привет из Белграда, П. Струве»), была послана Ильину, как и первая, на его берлинский адрес, но там его уже не застала и была переслана ему в Эстонию, где он тогда находился. Открытка без даты, но на эстонском штемпеле ясно обозначено: «Kuressaare/25 VII 37». Струве писал:

Дорогой Иван Александрович!

Благодарю Вас за присылку Вашей прекрасной речи о Пушкине с милой надписью и за Ваше письмо. Вы сами знаете, в какой мере в общей оценке лика и гения Пушкина мы с Вами сходимся (?).

Н. А. до сих пор в Париже у сына (сыновей?) и внуков. Привет Н. Н. и Вам от нас обоих (Ади и меня). Надеюсь, что эта открытка дойдет до Вас в Вашей Sommerfri... [неразборчиво]. Душевно Вам преданный

П. Струве

В последний раз Ильин и Струве виделись в 1938 году, когда Струве ездил в Лондон для научно-исследовательской работы в Британском Музее. Можно себе представить, что это свидание имело большое значение для обоих — в особенности при обострившейся международной обстановке того времени, накануне Второй мировой войны. Ильина и Струве многое связывало, в том числе и враждебно-критическое отношение к Гитлеру и национал-социализму. (Это отношение было настолько остро-враждебным, что Ильин бежал из Германии в Швейцарию, а Струве, который должен был из Югославии ехать в Англию через Германию, отказался от этого удобного прямого пути и поехал круглым путем.)

Но наряду с единомыслием обнаружилось и расхождение, в особенности по вопросу так называемой норманнской теории, т. е. по вопросу о призвании варягов. Этот, казалось бы, чисто академический вопрос о первом этапе русской истории имел для обеих сторон большое практическое, национально-политическое значение. Жена Ильина, Наталия Николаевна, работала тогда над книгой, посвященной специально этому вопросу. Книга ее вышла в свет гораздо позже, уже после войны.²³ И Ильина, и сам Ильин, который все больше погружался в изучение русского прошлого — и о результатах своих занятий и размышлений об этом прошлом потом публично писал²⁴ и читал лекции, — были противниками норманнской теории. Струве, напротив, был ее сторонником.

А в ту пору, в 1938 году, обосновавшись временно в Лондоне, Струве написал Ильину письмо, не забыв при этом

²³ Наталия Ильина, *Изгнание норманнов. Очередная задача русской исторической науки* (Париж, 1955).

²⁴ Главным печатным трудом Ильина в этом отношении была его немецкая книга *«Wesen und Eigenart der russischen Kultur»* (Сущность и своеобразие русской культуры), вышедшая в Швейцарии дважды, в 1942 и 1944 гг.

порекомендовать Н. Н. Ильиной кое-какие исторические труды, относящиеся к ее работе над норманнской теорией:

Временный адрес:

114, Great West Road, 114
Hounslow West
(Medox?)

Лондон/25.VIII

Дорогой Иван Александрович!

Благодарю Вас за милое письмо со штампом 18.VIII.

Я уже написал Е. В. Спекторскому и Алдру Дм. Билимовичу. Жду от них откликов.

Желаю Вам успеха (неразборчиво) в устройстве и надеюсь, что Вам удастся «кiвєiв», если не уїї, то хоть некоторую долю зарубежных мозгов!

Нат. Ник. очень рекомендую только что вышедшее посмертное издание «Лекций по русской истории» А. Е. Преснякова: т. I «Киевская Русь». Тут много интересного и важного. Весьма хорошо составлена глава IV: «Русь и Варяги».

Статью (машинопись), когда разыщу, вышлю Вам.

Сердечный привет Вам обоим.

Душевно преданный

П. Струве

Через два дня после этого Струве написал Ильину еще одно письмо:

Лондон, 27.VIII/38 г.

Дорогой Иван Александрович!

Посылаю Вам затребованную Вами машинопись. Моя отметка (?) на ней была поставлена в предположении, что Вы мне сие произведение предоставили в полную и потомственную собственность. От нее по Вашему желанию охотно отказываюсь.

Где теперь Р. М. [Роман Мартынович Зиле. — Н.П.]? Во всяком случае передайте ему мой привет и повторное изъявление признательности.

Мой адрес теперь другой (конечно, à la rigueur можно писать и по старому):

Glenrosa Hôtel, 3, Granville (?) Street, Brunswick Square London WC I
Дружеский привет Наталье Николаевне и Вам.

Искренно преданный Вам

П. Струве

О получении «произведения» и о себе напишите два слова на прилагаемой открытке. Нашел у себя марки и посылаю Вам открытку для ответа.

Следующее письмо Струве к Ильину (последнее из сохранившихся) было написано уже из Югославии, после возвращения Струве из Англии, через год с лишним после начала Второй мировой войны, через полгода после капитуляции Франции — и за несколько месяцев до капитуляции Югославии. Приводим и это письмо целиком:

Обратите внимание на новый адрес:

11, Milaševa, 11
(Милашева)
Београд V

15.XII/40

Дорогой Иван Александрович!

Давно собирался (собираюсь?) Вам написать, но все разные дела и заботы мне мешали. Я очень приветствую Вашу публикацию, но, к сожалению, она наверное находит сейчас очень мало читателей. Ибо «левые» либо глухи, либо рассеяны и разбиты, а «правые» либо глупы, либо «перверзны». Вообще какая-то массовая глупость обуяла множество русских людей за рубежом, которые глупнут только от «фактов», да и то неизвестно как скоро, во всяком случае *после наступления* этих разительных фактов. Они, конечно, наступят, ибо уже наступают, и будут разворачиваться с растущим ускорением.

Я для своих лет чувствую себя все-таки удовлетворительно, ибо вовсе не утратил работоспособность. Но именно мы, перевалившие за 70 лет, все-таки стареем, и тоже с «растущим ускорением», и тем самым приближаемся к последнему пределу.

Мы часто вспоминаем вас обоих и иногда я ставлю Вас лично в пример — политической проницательности и добросовестности людям, способным все-таки понимать и оценивать если не вещи и события в их существе, то хотя бы психологическую их обстановку.

Мы все трое, Н. А., Адя и я шлем наши сердечные приветы и пожелания Н. Н. и Вам.

Обнимаю Вас
Душевно Вам
преданный

П. Струве

P. S. Посылаю Вам свои последние-напечатанные работы. Они, может быть, Вам покажутся Вам [sic!] интересными.

VI. СТРУВЕ И ИЛЬИН В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ИХ ЖИЗНИ

После последнего письма Струве к Ильину от 15 декабря 1940 г. международные события стали развиваться, действительно, с «растущим ускорением». Покончив с Францией и потер-

пев неудачу в своих планах по высадке в Англии, Гитлер направил свое внимание с Запада на Восток и Юго-Восток. Ускоренно разрабатывался план «Барбаросса» — наступление на Советский Союз. Но до вторжения в Россию Гитлер хотел предварительно закрепить позиции Германии на Балканах. Весной 1941 г. были разгромлены Югославия и Греция.

В оккупированном Белграде на Струве был сделан донос. Арестованный агентами Гестапо, Струве был отправлен в тюрьму в Грац (Австрия). При всех ужасах национал-социалистического режима, времена были еще относительно «либеральные». Антигитлеровские и просоюзнические взгляды Струве были многим хорошо известны. Однако, по всем сведениям, следствие велось не по этому поводу, а по конкретному обвинению, содержащемуся в доносе. Струве смог довольно легко доказать, что донос на него (что он, якобы, друг Ленина и марксист) — ложный, и Струве был вскоре выпущен из тюрьмы и вернулся в Белград. Бытовая и морально-политическая обстановка там была, однако, для него крайне неблагоприятная. Ему было не по пути не только с прежними его идейными противниками, но и со многими старыми единомышленниками, которые продолжали и дальше считать, что у России и русского народа нет злейшего врага, чем Сталин и большевизм.

В условиях военного разгрома и оккупации и в силу затрудненности доступа к историческим источникам, Струве не смог продолжать, как хотел, свою работу над русской историей и занялся фиксированием на бумаге своей философской системы. В конце концов ему удалось получить у немецких властей разрешение переехать в Париж, где жили двое его сыновей. Но рукописей ему с собой взять не разрешили. Философская рукопись, видимо, погибла. К счастью, в Париже имелись дубликаты его исторических исследований, и Струве опять погрузился в свою работу по истории России, которую продолжал до самой смерти в феврале 1944 г.

Положение Ильина в эти годы было неизмеримо более благоприятным. Правда, в первое время после его фактического бегства (формально — даже законного отъезда) из гитлеровской Германии в свободную Швейцарию ему пришлось испытать немало трудностей, и его юридический статус оставался до конца его жизни довольно двусмысленным. Но практически жизнь его все-таки сравнительно скоро наладилась. Он читал русские и немецкие публичные лекции, сотрудничал в швейцарской печати (под разными псевдонимами) и создавал новые и дорабатывал старые

труды, некоторые из которых были начаты за два и три десятка лет до того. Так продолжалось до его смерти в декабре 1954 года.

Таким образом, Ильин, родившийся на тринадцать лет позже Струве, пережил его на десять лет.

Нет сведений о каких-либо контактах между Ильиным и Струве в течение последних четырех лет жизни Струве. Такие контакты едва ли были вообще возможны, поскольку русские эмигранты в Белграде и Париже, находясь под немецкой оккупацией, были отрезаны от свободной части мира, в том числе и от нейтральной Швейцарии.

VII. ИЛЬИН И СТРУВЕ. СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Несмотря на то, что архивы Ильина и Струве уже открыты для научного пользования, вопрос о взаимоотношениях этих двух выдающихся россиян в полной мере разрешению не поддается. Прежде всего, сами эти архивы, при всем их несомненном богатстве, далеко не полны: очень многое безвозвратно погибло. Так, например, даже за годы наиболее интенсивного общения и сотрудничества Ильина со Струве, 1925-1927, из писем и иных посланий Ильина к Струве уцелело всего 57 единиц, а из того, что Струве писал Ильину, — всего лишь один черновик одного письма. Кроме архивов Ильина и Струве, необходим еще доступ к архивам тех лиц, которые с Ильиным и Струве сотрудничали, в особенности в общих для них всех начинаниях. Несомненно, со временем появятся и многие дополнительные статьи, воспоминания, письма, официальные документы всякого рода, которые позволят более полно осветить интересующие нас тут вопросы. Кое-что в этом отношении, однако, уже появилось, иногда верное, а иногда только запутывающее вопрос.

1. Расхождения мнимые и действительные

К категории материалов, кое в чем запутывающих вопрос, относится, в частности, большой очерк о газете *Возрождение*, принадлежащий перу ныне уже покойного Георгия Мейера.²⁵

²⁵ Георгий Мейер, «'Возрождение' и Белая идея (К тридцатилетию со дня основания 'Возрождения')», *Возрождение*, 1955 г., № 42, стр. 5-41; № 43, стр. 61-86; № 44, стр. 79-107. Георгий Мейер, *У истоков революции* (Франкфурт-на-Майне: «Посев», 1971), стр. 121-242.

Очерк Г. Мейера заслуживает всяческого внимания, он хорошо документирован и в нем много интересных и ценных сведений и мыслей. Но, к сожалению, есть и ошибки и просто неверные сведения и суждения. Так, по интересующему нас здесь вопросу о взаимоотношениях Струве и Ильина, Мейер пишет, что сотрудники газеты *Возрождение* (возрожденцы) разбились в идейном отношении на две группы. Одна группа возглавлялась П. Б. Струве, Ю. Ф. Семеновым, А. А. Салтыковым, С. С. Ольденбургом, Н. Н. Чебышевым, а в дальнейшем и самим Г. А. Мейером. Эта группа утверждалась на государственных, имперских и религиозных идеях Константина Леонтьева, в центре которых стояло понятие Отечества. Другая группа, которую возглавили Д. С. Мережковский и И. А. Ильин и эмоционально поддерживали Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев, И. С. Лукаш, И. Д. Сургучев, К. А. Коровин, А. М. Ренников, В. И. Горянский и многие другие, исходила более всего из понятия Родины и таким образом восходила к идейному наследию Достоевского.

Но в действительности никаких таких двух групп в *Возрождении* не было, Родина вовсе не противопоставлялась Отечеству (оба понятия были по существу однозначны, и в зависимости от контекста один и тот же автор пользовался то одним термином, то другим), и Ильин вовсе не был в идейной оппозиции к Струве.

Однако, помимо таких мнимых идейных расхождений между Ильиным и Струве, как те, о которых пишет Мейер, были и расхождения реальные. Многое отдаляло Ильина от Струве. Помимо разницы в возрасте (которая в 20-е и 30-е годы уже, естественно, не имела прежнего значения) и дореволюционного прошлого Струве (которое после революции 1905 года уже тоже утратило свою остроту и даже приобрело совсем новое, положительное значение — своеобразного «доказательства от противного»), были еще и другие отличия и расхождения — личного, академического, философского, политического или тактического порядка.

Струве был прежде всего экономистом, Ильин — философом права. Струве был «аристотелик», Ильин — «платоник»-«неогегельянец» (сократик по методу). Струве разрабатывал «критическую философию», Ильин — сугубо религиозную, иоаннитическую. Струве был убежденным западником, Ильин, говоря очень условно, — скорее «славянофилом» или «почвенником». Струве был сторонником норманнской теории, Ильин — ее суровым критиком. Струве стоял за возможно более широкую коалицию всех противников большевизма и советской власти, Ильин считал, что

необходимо межеваться не только налево, но и направо. Этот список отличий и расхождений можно было бы значительно увеличить.

И все-таки то, что сближало Ильина со Струве в 20-е и 30-е годы, было неизмеримо значительнее того, что их отдаляло друг от друга.

2. Общее

И Ильин и Струве были людьми верующими, христианами, православными, церковными. При различии основных академических специальностей, оба были — хотя и в разной степени — энциклопедистами, с широкими умственными интересами и с глубокими познаниями в самых различных областях знания. Оба были не только учеными, но и самостоятельными, оригинальными мыслителями — притом мыслителями религиозными. Оба были блестящими публицистами и стилистами, мастерски владевшими всем богатством русского литературного языка. Оба были людьми, сочетавшими в некоем органическом единстве острый творческий ум с сильной целенаправленной волей и горячим, страстным сердцем.

Оба были активными противниками социализма, марксизма, большевизма, коммунизма и советской власти, а также всякого рода примиренчества или соглашательства, возвращенства, сменовеховства, евразийства, бердяевщины, милюковщины, младороссов и советского патриотизма. Оба были противниками Гитлера и национал-социализма и тоталитаризма вообще — и позиций, выражающихся формулами: «цель оправдывает средства», «в борьбе с врагом все средства хороши», «враг моего врага — мой друг» или «хоть с чёртом, но против большевиков».

Оба были русскими патриотами, глубоко любившими Россию, российскую государственность — в ее историческом облике и преемственности — и русский народ и русскую культуру. Оба были активными сторонниками и идеологами Белой идеи и Белого движения — как в его исторически состоявшейся форме, так и, в особенности, в его надвременном духовном существе и заданности. Будучи по своему общественно-политическому идеалу просвещенными монархистами, оба твердо стояли на тактической платформе непредрешенчества, считая, что главная задача в настоящее время — свержение большевизма и советской власти, а решение вопроса о форме правления в освобожденной России — дело непредсказуемого будущего. Но в самое освобождение и в

светлое будущее России и русского народа оба всегда твердо верили. И оба считали, что два главных принципа, два главных начала — свободы и частной собственности — есть тот динамит, который — раньше или позже, но неизбежно — взорвет твердую большевизма-коммунизма. Ибо оба были — Струве декларируя это, а Ильин по существу — либеральными консерваторами, одинаково любившими начало свободы и начало власти и правового порядка, творческой инициативы и исторической преемственности и традиции.

Оба они, и Ильин и Струве, навсегда войдут в русскую науку, философию, публицистику и национально-политическую традицию.

Публикация Н. П. Полторацкого

Письма И. А. Ильина к П. Б. Струве, 1925-1927 гг.

(С приложением писем Архиепископа Анастасия к И. А. Ильину)

ПРЕДИСЛОВИЕ

У этой публикации есть своя краткая история. Много лет тому назад проф. Глеб Петрович Струве, зная о моем постоянном интересе к идейному наследию его отца, академика Петра Бернгардовича Струве, и о моей работе над архивом проф. Ивана Александровича Ильина, высказал мысль о том, что хорошо было бы нам вместе опубликовать переписку П. Б. Струве и И. А. Ильина — с нашими предисловиями и примечаниями. Я, конечно, всецело поддержал эту мысль. Но в подробности мы тогда не входили, т.к. были оба заняты другими начинаниями.

Очевидно, в то время Г. П. Струве исходил также из того, что письма Ильина хранятся в архиве его отца (архивом этим распоряжался сам Глеб Петрович), а письма его отца — в архиве Ильина, находившемся под моим надзором. В дальнейшем, однако, выяснилось, что в архиве Ильина есть копии писем Ильина к Струве, еще при жизни вдовы Ильина перепечатанных Г. П., но — за всего несколькими исключениями — нет писем Струве к Ильину. К великому огорчению, эти письма надо считать погибшими. Таким образом, возможность издания переписки этих двух выдающихся русских людей сама собой отпадала. Оставались, правда, довольно многочисленные письма Ильина к Струве и несколько писем и открыток Струве к Ильину.

Между тем годы шли, здоровье Г. П. (в особенности его зрение) ухудшилось, мысль о совместной работе над данной темой отпала окончательно, и Г. П. предоставил право заниматься этими письмами уже мне одному. К тому же архив его отца был им за эти годы передан в Гуверовский институт при Станфордском университете. Туда же вдовой Г. П. был переведен и архив самого Г. П. после его смерти в 1985 году.

Еще при жизни Г. П., в ответ на мою просьбу, администрация Архива Гуверовского института любезно прислала мне фотокопии оригиналов писем Ильина к Струве, а летом 1986 года я получил возможность непосредственно поработать над архивами П. Б. и Г. П. Струве, благодаря стипендии Государственного департамента С.Ш.А., предоставленной мне Гуверовским институтом. Настоящая публикация является в известной степени как бы побочным продуктом предпринятой тогда более специальной работы над идейным наследием П. Б. Струве.

В процессе работы машинописные копии писем Ильина к П. Б. Струве, перепечатанных Г. П. Струве, были сверены мною с рукописными оригиналами писем — с внесением необходимых поправок. При этом обнаружилось, что некоторых писем Ильина Г. П. вообще не перепечатал. Судя по отобранным для перепечатки письмам, он хотел, видимо, ограничиться лишь письмами, более непосредственно касающимися *Возрождения* — газеты, редактировавшейся его отцом. Но и тут он перепечатал не все, даже из самого важного. Письма же, которые прямо относились к политической жизни русского Зарубежья, главным образом к Российскому Зарубежному съезду, он явно сознательно исключил. Едва ли это объясняется тем, что интересы самого Г. П. были преимущественно литературные. Возможно, что тут большое значение имело и то обстоятельство, что письма перепечатывались им тридцать лет тому назад, в 1956 году, когда политические страсти, связанные с событиями предшествующих десятилетий, еще не улеглись и когда еще живы были многие участники этих событий. Теперь со времени этих событий прошло уже более шестидесяти лет, и события эти и люди, в них участвовавшие, принадлежат уже — в разной степени — истории, во всяком случае истории Зарубежной России. С целью содействия более полному освещению этой истории, — и, конечно, в качестве материалов к биографиям Ильина и Струве, — они и печатаются. Печатаются как документ — полностью, без всяких сокращений или, тем более, изменений.

Тут приводятся все уцелевшие письма Ильина к Струве за

годы 1925-1927. (Формально некоторые из этих писем адресованы не Струве, а лицам, для него работавшим — для передачи содержимого самому Струве.) О немногих уцелевших письмах Ильина к Струве и Струве к Ильину за более поздние годы говорится в моей общей статье, «И. А. Ильин и П. Б. Струве», предшествующей настоящей публикации.

Кроме того, тут впервые публикуются также исключительно интересные и ценные письма к Ильину Митрополита Анастасия (Грибановского), тогда еще Архиепископа Иерусалимского, написанные в 1925-1926 гг. и связанные с одной из главных тем в переписке Ильина со Струве — нравственно-религиозной проблемой сопротивления злу силой.

Примечания к письмам принадлежат, как правило, мне. Примечания, сделанные Г. П. от себя при перепечатывании писем, приводятся мною с соответствующей ссылкой. В ряде случаев я расхожусь с ним в датировке писем и тогда указываю кратко основания для своей датировки, — чтобы всякий будущий исследователь, который пожелает воспользоваться нашими источниками, смог лучше в них разобраться. В некоторых случаях даты, имена или отдельные факты уточнить, к сожалению, не удалось. Иногда приходится прибегать к предположительным заключениям. В известной мере это объясняется еще и малой доступностью печатных источников по истории российской эмиграции. Так, например, комплектов основных (не говоря уже о второстепенных) русских газет за 20-е годы нет даже в самых крупных книгохранилищах Америки, в том числе и на микрофильмах. Если и имеются отдельные подборки, то они, как правило, в большей или меньшей степени неполные. Кроме того, в то время как библиография печатных работ Струве уже существует, библиографии Ильина все еще нет.

Н. П.

ПИСЬМА И. А. ИЛЬИНА

1.

[11.V.1925]

Дорогой Петр Бернгардович!

Отвечаю принципиальным согласием на приезд.¹ Однако надо будет преодолеть некоторые трудности.

1. Мне необходимо выправить новый паспорт, Nansen-Ausweis; мой кончился. За это я примусь завтра же. Сразу и Rückreise-sichtvermerk.

2. Говорят, что при наличии Rückreisesichtvermerk здешнее франц. консульство затруднений не делает. Но, посмотрим! Если здесь сорвется с визой — телеграфирую Вам.

3. После Праги² у меня есть некоторое ухудшение в здоровье и я еду в Париж с тем, чтобы непременно показаться Манухину³ и решить о своем лечении по его методу — хотя бы в Берлине. Для решения этого вопроса мне необходимо приехать с Нат. Николаевной.⁴ Это мне настолько важно, что я предпочитаю ехать *третьим спальным* ночью до Кельна и третьим дневным, от Кельна до Парижа, чем одному во втором классе. Вы себе не представляете, как надоело мне жить полуинвалидом!

4. В Париже — комната, где я могу ночевать один, — мы можем ночевать и вдвоем. Остальное — пустяки.

Но только: если придется высылать визу — то непременно «с женой»; и если будут отводить комнату — то тоже «с женой».

5. Мы все здесь крайне удручены газетной агитацией, образец коей я Вам посылаю.⁵ Автор статьи — правый. В основе фальшивый документ (якобы письмо якобы Миллера). Боремся, но бороться очень трудно — газеты очень туго помещают опровержения. Все остальные комментарии — лично.

6. Завтра телеграфирую Вам о дне возможного выезда. Лекцию надо назначить *по крайней мере за неделю*.⁶ К сожалению Вы не пишете, долго ли Вы пробудете в Париже. Всеми начинаниями живо интересуюсь. Однако учтите по прилагаемой статье настроение. Конечно мы правы; но с нами и за нас никто не *стоит* и нас некому оборонить от инсинуации.

7. Если увидите В. К.,⁷ то скажите, что его желание для меня

закон. Надо бы мне только не затрепаться так, как я затрепался в Праге.

Благодарю Вас за все и обнимаю Вас крепко.

Ваш И. И.

11. V. 1925

Письмо Ваше пришло только сегодня.

¹ Приезд Ильина в Париж в это время был связан с предстоящим выходом в свет новой газеты *Возрождение*, под редакцией П. Б. Струве. Первый номер вышел 3 июня 1925 года. К этому событию в жизни русского Зарубежья приурочивалось и публичное выступление И. А. Ильина в Париже.

² Ильин выступал в Праге с речью о идее Корнилова. См. примечание № 1 к письму № 5.

³ Известный русский врач в Париже.

⁴ Наталия Николаевна — жена Ильина.

⁵ Образец «газетной агитации» в архиве Струве не сохранился.

⁶ Лекция Ильина в Париже состоялась 5 июня 1925 г.

⁷ В. К. — Великий Князь Николай Николаевич, быв. Верховный Главнокомандующий, старший в Доме Романовых.

2.

[Телеграмма от 17-V-1925]

CHARLOTTENBURG 9 = 3859 11 17 1 S
NE ME MENTIONNEZ PAS IMPOSSIBLE = JEAN¹

¹ Не упоминайте меня. Невозможно. — Иван.

3.

1925.V.17

Дорогой Петр Бернгардович!

На последнюю телеграмму Вашу я ничего не мог Вам ответить кроме отвеченного. Издали и без осведомленности сложность и трудность положения¹ Вам не видна. Необходимо увидеться и переговорить; до тех же пор совсем не эксгибируйте моего имярека. Полая вода клеветы сервирует ежедневно новые закуски, а отрицательные факты очень трудно доказывать.

Очень жду свидания и возможности его осуществить. Но в виду Вашего отъезда к 19 и возвращения к 25-му — очень прошу

назначить мое выступление *не ранее* 26-го или 27-го мая.² Тогда, лично все выясним.

Ваш

Неист.³

¹ Речь идет о трудности и сложности положения в Берлине.

² Лекция («речь-доклад») Ильина «О сопротивлении злу» состоялась в Париже в пятницу вечером 5 июня 1925 г., в помещении Международной Конфедерации производства, мира и порядка.

³ Неистовый.

4

1925.VI.9
Берлин

Дорогой Петр Бернгардович!

Направляю к Вам очень ценного человека, Марию Вячеславовну Паннаш. Она жена белого генерала и сама владеет крепким белым сердцем и, что особенно дорого, опытным литературным пером (давнишня сотрудница Русского Инвалида). В ней соединяются в обаятельной гармонии сильный характер, большая организационная способность и жизненный такт. Знает пять, шесть языков.

Не могу не направить ее к Вам в порядке мобилизации наших сил. Она могла бы быть и в редакции незаменимым и неутомимым работником. К сожалению непропорциональная ее качествам строгость к себе и скромность мешают ей в жизни.

Искренно Ваш

И. Ильин.

5.

13.VI.1925

Милый и дорогой Петр Бернгардович!

Не браните меня за молчание. У меня были очень тяжелые дни в связи с болезнью Наталии Николаевны. Наконец вчера вечером пришлось отвезти ее в клинику, где ей тотчас же сделали операцию (вскрыли флегмону). Повидимому благополучно.

Посылаю Вам

1) О Корнилове¹

2) два письма местных *доброжелателей* газеты — с их читательскими мнениями.² Считаю это важным для редакционного портфеля, независимо от их правоты или неправоты.

3) застрявшую у меня чистую *carte pneumatique*.³

Очень больно чувствую свой отрыв от газеты. С пятого No. ничего не видел и не знаю, где подписаться. Присланные мною 200 строк + 300 строк дают мне право на подписку без взноса денег. Очень прошу Вас распорядиться принять от меня подписку *на год* вместо гонорара. Это необходимо для сотрудничества.

Здесь газету достать *очень* трудно. Все ходят и спрашивают: как и где подписаться?

Обнимаю Вас. Берегите себя!

Привет всей редакции...

Ваш

И. Ильин.

Адрес.

Berlin, Ahorn Allée. 6. Prof. Iljin.

На днях вышлю еще статей.

¹ Статья Ильина «Идея Корнилова. Из речи, произнесенной в Праге, Берлине и Париже» появилась в *Возрождении* № 15, 17 июня 1925 г.

² Писем в подборке не сохранилось.

³ Письмо, посылаемое по внутренним каналам скорой внутригородской почты Парижа.

6.

[23.VI.1925]

Дорогой Кирилл Иосифович!¹

Радуюсь успеху газеты, как своему собственному — это наше общее дело, т.е. не успех, а газета...

Ропщу на оторванность от газеты: ее не получаю, следить за ней необходимо *ежедневно*, а покупать ее приходится экстренно, выезжая в город и отыскивая у газетчиков. Ради Бога — избавьте меня от этого.

У меня уже напечатано 500 строк; это гонораром вероятно около ста франков. Это хватит ведь на 12 месяцев заграничной подписки! Ради Бога — устройте, чтобы мне высылали ее за счет этого гонорара. В начале июля я уеду на юг в горы — лечить свои легкие и измученную после операции Наталию Николаевну. Ведь тогда отрыв будет полным!!

Очень надеюсь на Вашу помощь. Здесь все ропщут на

неподписуемость газеты, но мне сейчас дело пока только до себя.

Книга моя² выходит на этой неделе. Пришло.

Крепко жму руку.

Ваш

Антиевразиец³

23/VI.1925

¹ Кирилл Иосифович Зайцев — главный помощник Струве по редакции *Возрождения*. Был приват-доцентом Русского Юридического факультета в Праге, впоследствии — проф. Юридического факультета в Харбине и ректором Педагогического института в Харбине. Приняв монашество, закончил свои дни как Архимандрит Константин в Св.-Троицком монастыре в Джорданвилле (С.Ш.А.), где был профессором семинарии и редактором монастырских изданий.

² Книга Ильина *О сопротивлении злу силою*.

³ Ильин был убежденным противником модного тогда в эмиграции евразийского движения.

7.

1925. VII.9

Дорогой Петр Бернгардович!

Получил от Вас два номера Последних Новостей с экзерсисами Демидова.¹ Несколько раз благодарил Вас про себя за защиту.² Очень жалею, что не удалось мне видеть статьи Пасманника в «За Свободу».³ Нет ли у Вас ее в редакции и нельзя ли прислать мне ее? Статья из Советской «Правды»⁴ у меня имеется.

Теперь книга моя вышла и всюду продается. Отдельно в «Возрождение» «для отзыва» я не послал! Вам на Редакцию я послал два экземпляра: Вам *лично* и К. И. Зайцеву *лично*; и еще один для передачи.⁵ Получили ли Вы их?

Экземпляр книги «для отзыва» послан в Посл. Новости.

Имеет ли смысл отвечать теперь критикам, писавшим о книге до книги, вследствие своей критической невоздержности и жажды скорее облаять? Или подождать отзывов и тогда соединить все вместе?

Я очень дорожил бы *Вашим* (лично) впечатлением о моей книге; хотя бы кратко.

Прилагаемое письмо очень прошу передать по адресу.

Обнимаю Вас

Ваш Автор и сочинитель.

Епископ берлинский Тихон и Митр. Антоний⁶ считают мою

книгу подлинным и точным выражением православного воззрения.

[Вверху письма:] О Евразийцах у Вас уже писалось так много, что я предложил свои статьи в Новое Время.⁷

Адрес: Italia. Oberbozen. Rittnerhof.

¹ «Экзерсисы Демидова» — Ильин имеет в виду две статьи И. П. Демидова в *Последних новостях*: «Творимая легенда» в № от 25 июня и «Путь ученичества» в № от 2 июля 1925 г.

² См.: Петр Струве, «Дневник политика. 7 /Без подзаголовка/», *Возрождение*, 26 июня 1925 г.

³ Статьи д-ра Д. С. Пасманика в газете *За свободу* нам найти не удалось.

⁴ Михаил Кольцов, «Омоложенное евангелие», — *Правда*, № 137, 19 июня 1925 г.

⁵ Третий экземпляр своей книги *О сопротивлении злу силою* Ильин послал, очевидно, для передачи Вел. Князю Николаю Николаевичу (см. письмо № 9, от 19 июля 1925 г.).

⁶ Епископ Берлинский Тихон (Лященко); Антоний (Храповицкий), Митрополит Киевский и Галицкий, избранный первым кандидатом в патриархи на Всероссийском Церковном Соборе в Москве осенью 1917 г., глава Русской Православной Церкви Заграницей.

⁷ И. А. Ильин, «Идейный оползень», *Новое время*, № 1281, 7 августа 1925 г.; № 1282, 8 авг.; № 1283, 9 авг.; № 1284, 11 авг. и № 1285, 12 августа 1925 г.

8.

13.VII.1925 Обербоцен

Дорогой Петр Бернгардович!

Посылаю вам статью.¹ Скоро еще пришлю.

Очень прошу Вас:

1) вышлите мне статью Пасманика, написанную *за Швободу*, *против* ильинского погрома (гевалт!)

2) вышлите пожалуйста отзыв о Маркове (Ал. Прок.) на *его* имя в Научный институт. Текст я Вам прислал.²

Обнимаю Вас.

ИИ.

Сейчас перечитал еще статейки Демидова. Завтра напишу ему секуцию и пришлю.³

¹ Из собственноручной надписи Ильина в тетради с вырезками его статей, хранящейся в его архиве, узнаем, что первоначальное название статьи было «Подвиг единения». Струве разделил эту статью на две статьи, снабдив их

своими заглавиями. См.: И. Ильин, «Самообуздание и самообладание», *Возрождение*, № 48, 20 июля 1925 г.; и его же «Подвиг патриотического единения», *Возрождение*, № 49, 21 июля 1925 г.

² Примечание Г. П. Струве:

«Отзыв о Маркове» — речь очевидно идет о следующем тексте, также хранящемся в бумагах П. Б. Струве (текст написан рукой И. А. Ильина):

Отзыв

Книга Александра Прокофьевича Маркова «Разверстка и натуральный налог» (Экон. Библиотека Изд. Обелиск Берлин 1923) есть серьезное научное исследование. Оно рассматривает весьма обстоятельно частный вопрос советской экономики. Разрушительная в отношении сельского хозяйства роль советской экономической и финансовой политики выступает в изложении автора необыкновенно ярко. Исследование охватывает период с 1918 по 1922 год и ограничивается южными губерниями, входящими в состав советской Украины. Научное владение материалом, объективность и доказательность исследования, — дают автору полное основание с успехом защитить свою работу в любой русской Академической Группе на степень магистра финансовой науки.

³ «Секуция» И. П. Демидову появилась в газете через две недели: И. Ильин, «Отрицателям меча», *Возрождение*, № 57, 29 июля 1925 г.

9.

1925.VII.19

Дорогой Петр Бернгардович!

Получил Ваше письмо. За все благодарю. Беспокоят меня лишь два пункта:

1) Передал ли Вам С. С.¹ мое письмо, писанное карандашом и оставленное мною ему в Берлине перед отъездом. Это письмо было деловое и как пишут писаря «весьма нужное». Все ли там было ясно? Это беспокоит меня потому, что С. С. переживает период осложнений и за последнее время бывает фантастически неаккуратен.

2) Изволи [sic!] ли одобрить, подписать и отправить Ваш отзыв о книге А. П. Маркова,² который я послал Вам еще из Берлина? Если нет, то Марков ждет его по адресу Института (Schinkel Platz. 6) на *свое* имя. Ему важно это для внесения в Акад. Союз Берлина.

Я очень радуюсь Вашему намерению написать о моем «Сопротивлении». К нему маленький комментарий.

Книга задумана *не* как антитезис Толстовству, а как антитезис + [плюс] *синтез* верного решения:

Сопротивляйся всегда любвию

- a. самосовершенствованием
- b. духовным воспитанием других
- c. мечом.

Я искал не только опровержения Толстовства, но и доказательства того, что к любви — меченосец способен *не меньше*, а больше непротивленца. Словом я искал *решения* вопроса, настоящего, религиозного, пред лицом Божиим; и считаю, что оно содержалось в древнем духе *православия*.

Еп. Тихон (Берлинский) после моего доклада в церкви перед «приходом», заслушав последние 4 главы книги,³ говорил с большим подъемом о том, что «это есть истина», которую православие носило веками *в чувстве* и *в воле* и которая впервые выговорена разумом и доказана.

Книга распадается на 4 части:

1) главы 1-8: расчистка дороги от мусора, уяснение, уточнение, удаление плевел из мысли, чувства и воли; *постановка проблемы*

2) главы 9-12: погребение набальзамированного Толстовства.

3) главы 13-18: разрешение проблемы — начало: *бей*, но когда? но доколе? но отколе? но кого? но зачем? но почему?

4) главы 19-22: разрешение проблемы — конец: *очищайся*, от чего? почему? для чего?

В частности глава 20 — отмежевывается от Лютера и иезуитских соблазнов. Центральное различие этих глав — «неправедность» ↔ «грех» — вводится мною сознательно — в нем *корень* всего разрешения; по этому пункту я стоваривался и списывался с нашими иерархами — решение вопроса остается *моим* и терминология *моя* — но они считают (Антоний и Тихон), что это *верное* решение.

* * *

Скоро еще пришло для Возр.

Обнимаю Вас и очень одобряю и поддерживаю всю линию и

весь тон газеты. Почему Вы не печатаете статей Л. Г. Семеновского? Его это огорчает.

Ваш И.

[Вверху письма:] Мне *очень* интересно, будет ли В. К.⁴ читать книгу?

¹ С. С. — Сергей Сергеевич Ольденбург, ближайший сотрудник *Возрождения* и других изданий Струве, писавший главным образом по вопросам международной политики.

² Отзыв о книге А. П. Маркова — см. прим. 2 к письму № 8, от 13 июля 1925 г.

³ Последние четыре главы книги Ильина *О сопротивлении злу силою*: «19. О мече и праведности», «20. О ложных решениях проблемы», «21. О духовном компромиссе» и «22. Об очищении души» (стр. 170-221).

⁴ В. К. — Вел. Кн. Николай Николаевич.

10.

[8.VIII.1925]

Дорогой Петр Бернгардович!

Посылаю Вам второй номер¹ задуманной мною аналитико-идеологической серии. Третий тоже готов: «Пересмотр идеологии».

Тут у нас в Oberbozen живет сейчас П. Г. Виноградов.² Мы с ним часто видимся. Он весьма сочувствует Вашей линии. В начале сент. он поедет домой через Париж и думает увидеться с Вами.

Беспокоит меня С. С.³ Невесту его я видел. Слышал, что отец ее крайних воззрений. А он влюблен до утраты душевного равновесия. И в общем из Берлина о нем идут не «ужасно» успокоительные вести. Беспокоит меня это...

Ваш

И.

1925.VIII.8

¹ Очевидно, второй номер — это статья Ильина «Личный опыт», напечатанная в *Возрождении*, № 82, от 23 августа 1925 г. В таком случае первым номером задуманной Ильиным аналитико-идеологической серии была статья «О признании революции», появившаяся в *Возрождении*, № 72, от 13 августа 1925 г. Третий номер, «Пересмотр идеологии», был напечатан в № 101 газеты, от 11 сентября 1925 г.

² Историк П. Г. Виноградов, поселившийся в 1903 году в Англии, где он стал профессором Оксфордского университета и был в 1917 г. возведен в рыцарское достоинство.

³ С. С. — С. С. Ольденбург (см. прим. 1 к письму № 9).

Дорогой Петр Бернгардович!

Вы прекрасно сделали, что заявили о непродолжении «этой полемики» на страницах Возрождения.¹ От их статей, которые я только что прочел, просто воняет глупостью и пошлостью; и нет возможности подбирать всю эту ерунду. Да я и не для того годами носил в себе проблему «Сопротивления», аскетически, осторожно, ответственно, ища верного видения этой основной трагедии человеческого бытия, — чтобы превратить мою работу в уличную тумбу, на которую мочились бы мимохожие левые болтуны... Всю эту тему надо вырвать из их рук. Для этого, кажется мне, надо газетно (увы, журналов нет!! это многое продешевляет...) обратиться к моей книге и ее постановкам и тезисам. Ведь у них в каждой строчке три недоразумения, две вульгарности и две передержки; и ни один из них в книгу не заглядывал... Вся долгая, трудная и минюциозная работа валится под стол и вульгарная развязность уже захватала протертую мною лупу...

Во всем этом я различаю две стороны вопроса: *философическую*, и *религиозно-православную*. Вторую тоже надо передать в авторитетные руки. Перед отъездом из Берлина я говорил нашему еп. Тихону о том, что богословско-церковная сторона этой борьбы должна вовлечь *его* и *Митр. Антония*. И он соглашался. Есть вопрос о *православности* такого-то тезиса и высказаться должны *они*. Сан дает учительное право и авторитет. Помимо этого в Писании есть места, которые должны толковаться именно пастырски во избежание соблазнов. Именно поэтому я их обошел молчанием, а Тихон с кафедры толкует их определительно в *нашу* пользу. Посмотрите напр. Луки 22.35-38. Деяния 5.1-11. — В виду всего этого я сегодня пишу Антонию и посылаю ему статьи Демидова,² Вакара,³ Добронравова.⁴ Книга моя у него есть. Еще очень прошу Вас послать ему из редакции № 15 и № 57 Возрождения (мои статьи — о Корнилове и Отрицателям меча). Он наверное напишет в Новое Время. Если Вам покажется неудобным посылать *ему* эти два номера, то пошлите их *мне*, а я пошлю от себя.

Философическая сторона вопроса в *Ваших* руках. Я не вижу, кто мог бы заменить Вас... Существенно было бы, если бы высказался печатно А. В. Карташев;⁵ но где? Шульгин написал бы диллетантскую импрессию... Спекторский?⁷ но где? Я отправляюсь от того, что *Возрождение* должно говорить *Вашим* пером о книге.

Но все это Вам виднее . . .

* * *

Отвратительное впечатление производит на меня парижская русская печать. Газета Алексинского⁸ это сплошная *гнида!* Что за сволочная, подпольно-завистливая «сказка» о Петре и Павле? Что за заметки об интервенции, о союзе с поляками?! А Последние Новости! Этот «благородный» вид ежеминутно передергивающего карты шуллера . . . Эти наставления сверху, эта бесчестность лганья . . . (П. Г. Виноградов иначе не говорит о Милюкове, как с презрением). А там еще эта парочка Филиппова гвоздает.

Вот уж поистине «некий сосуд» с «пресмыкающимися»; и потом «встань, Петр, заколи и ешь» . . .

Я все беспокоюсь, как бы они какую-нибудь пакость не сделали . . . И ведь это все не от «патриотизма»; какое там . . . Все это трясется: 1) как бы не высекли за блуды, 2) как бы изловчиться и «поспеть», «сесть», «попасть» . . .

* * *

Послал Вам три статьи.⁹ Зайцев¹⁰ пишет мне, что надо держаться «идеала» в 150 строк. Но ведь это же почти афористические броски будут . . . Подумайте: ведь *журналов-то нету!* Нельзя же все свести к коротко-мыслию!

Обнимаю Вас. Не забудьте мою денежную просьбу! И два №№ 15 и 57.

Ваш И.

¹ Статьи Струве с этим «заявлением» найти не удалось.

² Статьи И. П. Демидова — см. прим. 1 к письму № 7, от 9 июля 1925 г.

³ Статья Н. П. Вакара, ближайшего сотрудника газеты Милюкова, впоследствии эмигрировавшего в Америку, где он стал профессором: «По поводу 'меча' », *Последние новости*, № 1623, 9 августа 1925 г.

⁴ Леонид Добронравов, «Единственный путь. Оправдание меча и убийства», *Родная земля*, № 26, 10 августа 1925 г.

⁵ Антон Владимирович Карташев, видный церковный и политический деятель; активный участник религиозно-философского ренессанса; министр вероисповеданий Временного Правительства; профессор Православного Богословского Института и председатель российского Национального Комитета в Париже.

⁶ Василий Витальевич Шульгин, бывш. член Госуд. Думы; видный публицист, активный участник Белого движения.

⁷ Проф. Евгений Васильевич Спекторский.

⁸ *Родная земля*, еженедельная общественно-политическая и литературная

газета Г. А. Алексинского, выходила в Париже с 1925 (июнь) по 1928 год.

⁹ См. прим. 1 к письму № 10, от 8 августа 1925 г.

¹⁰ Кирилл Иосифович Зайцев (см. прим. 1 к письму № 6).

12.

[Без даты; вт. пол. сентября 1925 г.¹]

Дорогой Кирилл Иосифович!

9-го сент. послал в письме на имя П. Б. по адресу Алексея Петровича² (заказным) статью для Возрождения «Понять — непростить».³ Повидимому П. Б. в Праге. Лежит ли мое письмо у А. П., или оно у П. Б. в Праге? Если оно у А. П., то я сим доверяю Вам письмо вскрыть, статью изъять, а письмо опять запечатать и препроводить Петру Бернгардовичу. И если Вы все это сделаете, то я в том Вам верю, спорить и претикословить не буду.

При сем посылаю еще опус «Черносотенство».⁴ Но по плану моему и замыслу «Понять — непростить» должна напечататься ранее «Черносотенства».

Долго ли П. Б. пробудет в Праге и куда ему писать по делам?

Крепко жму Вашу руку. Привет друзьям — Сергею Сергеевичу и Лоллию Ивановичу.⁵

Ваш

И.

Адр: Italia Alto Adige. Siusi. Unterwirt.

¹ Г. П. Струве полагал, что это письмо должно идти за письмом от 28 сентября 1925 г. Судя по названиям статей, однако, оно должно предшествовать и ему, и письму от 26 сентября.

² Алексей Петрович Струве, сын редактора *Возрождения*.

³ Статья Ильина «Понять — непростить» была напечатана в *Возрождении* № 115, 25 сентября 1925 г.

⁴ О судьбе статьи «Черносотенство» см. прим. 14 к письму № 15, от 12 октября 1925 г.

⁵ Сергей Сергеевич Ольденбург; Лоллий Иванович Львов. Оба — ближайшие сотрудники редакции *Возрождения*.

13.

1925.IX.26

Italia. Alto Adige.
Siusi. Unterwirt.

Дорогой Кирилл Иосифович!

Позвольте мне обратиться к Вам с нижеследующей большой просьбой личного характера.

В силу целого ряда условий, жертвою которых я сделался, мой прожиточный минимум повис на распространении моей книги о «Сопроотивлении злу силой». С каждого экземпляра я получаю 45% номинала. Издатель передал книгу мне и не публикует ее. Ныне склад известил меня, что он тоже опубликовать ее не может. След. сие падает на меня.

Вот я и прошу Вашей протекции!

Будьте так милы и добры составьте объявление о моей книге приблизительно такого содержания¹ ценою *франков на 10 за один раз* и прикажите помещать его в Возрождении на четвертой странице 1 раз в неделю в тот день, когда идет библиография. Возмездие же я очень прошу вычитать в конторном порядке из моего гонорара. Сие да творится в течение *десяти недель*. Если при этом редакция устроит мне в конторе какую-нибудь скидку, то благодеяние Ваше достигнет кульминационного пункта и помощь, оказанная мне, станет очень существенной.

Знаю, что Вам дела по горло, но очень прошу, не браните за просьбу и помогите. Крепко жму Вашу руку.

Ваш И. Ильин

¹ Примечание Г. П. Струве: Текст объявления, написанный сбоку от текста письма, вырезан. Вверху письма пометка «Исполнено».

14.

1925.IX.28

Дорогой Кирилл Иосифович!

Посылаю Вам статью «Нечестные споры».¹ Я сначала писал ее для Нового Времени, но потом мне стало казаться, что ей следует появиться в Возрождении.

Прочтите ее, пожалуйста, не откладывая. Если что-нибудь и почему нибудь в ней для Возрождения не подходяще, то, прошу Вас, пришлите мне ее тут же назад. Менять в ней я ничего не хочу; и отправлю ее в Новое Время.

Я очень надеюсь, что Вы приняли к сердцу просьбу моего предшествующего письма!

Крепко жму Вашу руку.

Ваш И. Ильин

NB. Адрес новый:

Italia. Firenze. Via Martino del Presto. 7. Pensione Fiorenza.

NB.NB. Пожалуйста подпись под моими статьями помещайте так:
И. А. Ильин.

А то есть еще другие «Ильины», с коими меня иногда смешивают (напр. евразиец²).

¹ Статья И. А. Ильина «Нечестивые споры» была напечатана в *Возрождении*, № 128, 8 октября 1925 г.

² Евразиец Ильин — Владимир Николаевич Ильин.

15. [1925] X.12. Флоренция

Дорогой Петр Бернгардович!

Получил оба Ваши письма. Второе (с «черносотенством»)¹ — подали только что.

Удар направо считаю абсолютно необходимым, и мне очень жаль, что Вы его не приняли. Я внимательно вчитался в Ваше письмо и по совести не знаю, не понимаю, что следует изменить и исправить. Видел и отметки на полях.

Что же, неужели неясно, что я выдифференцировал черносотенство в образ (действительно густопсово-черносотенного) *кириллизма*?² Но я не убежден в том, что это *слово* следует произнести. Сказать: «это кириллисты»...

Да, они поносят *свой* флаг: разве Вы не видели книгу Снесарева?³ поэму кириллиста Мятлева⁴ «Клубника Виктория»? В беседах личных они предают свой флаг на каждом шагу...

Да, к ним *тянут католики*. В феврале свящ. Абрикосов,⁵ присланный ко мне от д'Эрбиньи⁶ с секретным поручением — поносил нашего Вождя⁷ за масонство и воспевал Кирилловцев и Кирилла, как средоточие мудрости.

Договариваться с ними нельзя. Я по крайней мере не буду ни при каких условиях. А разве Вы не знаете, что множество слабых и хитрых людей берут у них письменные заручки («признал К.⁸ государем еще в эмиграции») — не примыкая открыто? И носят заручки при себе...

Что же я могу со всем этим сделать?

Самый термин «черносотенство» — много раз был мною обсужден с Марковым⁹ и Тальбергом,¹⁰ относимый туда же и, шире, к неопределенной возможности классово-мстительной правизны. Они соглашались.

Но отказаться от самого *термина* нельзя. Необходимо жгу-

чее и жгущее слово, ляписом прижигающее известные уклоны. «Дурная правизна» — неопределенно. Кроме того я считаю, что реставрацией этого термина мы

- а) отрезаем благодушное, симпатичное злоупотребление им (я, мол, черносотенец)
- б) вырываем зуб с ядом у *левых* — чтобы они не смели нас отодвигать к черносотенцам...

Удар направо должен быть жестким. Но я, когда еще писал статью, не был уверен, что она Вам подойдет, ибо, месяцами стоя на отлете, нельзя издали учесть всего; и тенденции происходящей в Париже организационной работы¹¹ мне не видны. Я не представляю себе возможности сближения наших групп с кириллистами, хотя Шебеко¹² об этом давно старается (— вот она, заручка!). Боюсь, что статью мою следует считать безвозвратно возвращенной.

По крайней мере я *совершенно не знаю*, что мне с ней делать. *Термина* другого нет; неужели возможно *упомянуть* о «Снесареве, Мятлеве, Абрикосове»? Или умолчать об этом гное даже в форме намека? Но это значит обеззубить всю статью.

Недоуменно листаю в статье и *без конкретных указаний* не знаю, что начать. А между тем — ей не место в Новом Времени. Да и без удара направо — мне больше нельзя бить и налево.

Посылаю Вам статью нефельетонного образца.¹³

Ваш [росчерк]

Чтобы упростить дело прилагаю «анкетный лист», который Вы проставьте и пришлите.¹⁴

[Вверху письма:] Только что получил отписку Керенского в днях.¹⁵ Любопытные утверждения на счет сибирского золота...

¹ Письмо, в котором Ильину была возвращена его статья «Черносотенство», не принята редакцией *Возрождения*.

² Под «кириллизмом» разумеется умонастроение и поведение сторонников Вел. Кн. Кирилла Владимировича.

³ Николай Снесарев.

⁴ Владимир Петрович Мятлев.

⁵ Свящ. Владимир Абрикосов — русский католик восточного обряда.

⁶ Д'Эрбиньи — Michel d'Herbigny (1880-1957), иезуит французского происхождения, был ректором Восточного Института (Pontificio Instituto di Studi Orientali) и советником Конгрегации Восточный Церквей в Риме. Осенью 1925 г. был отправлен Папой Пием XI в Москву. По возвращении в Рим опубликовал свои

впечатления о религиозной жизни в Москве. В 1926 г., по поручению папы, снова дважды побывал в Советской России.

⁷ Вел. Кн. Николая Николаевича.

⁸ К. — Вел. Кн. Кирилл Владимирович.

⁹ Н. Е. Марков (Марков 2-ой), бывш. член Государственной Думы.

¹⁰ Н. Д. Тальберг.

¹¹ Имеется в виду организационная работа по подготовке предстоящего Российского Зарубежного съезда.

¹² Н. Н. Шебеко — бывш. российский посол в Вене, секретарь Организационного комитета по созыву Российского Зарубежного съезда.

¹³ Неясно, о какой точно статье «нефельетонного образца» пишет Ильин. Единственная статья, которую можно было бы отнести к этой категории в этот период времени, это статья, напечатанная под псевдонимом: К. П., «Вести оттуда /из Советской России/. От одного корреспондента из Латвии», *Возрождение*, № 152, 1 ноября 1925 г. (В подборке газетных вырезок, хранящихся в его архиве, Ильин взял подзаголовки в скобки и вместо «одного» написал «нашего». Очевидно, так было у Ильина в оригинале статьи). Но эта статья могла быть послана и с более поздним письмом (см. прим. 1 к письму № 43, без даты).

¹⁴ «Анкетного листа» в архиве нет. Ильин пытался получить от Струве конкретные указания, что именно не подходит — и что подошло бы — газете в его статье «Черносотенство». Договориться им явно не удалось, и статья эта, не принятая *Возрождением*, была позже опубликована Ильиным в рижской газете *Слово*, в №№ 88-90, за 1, 2 и 3 марта 1926 г. Редакция *Слова*, однако, самовольно изменила заглавие статьи на «Черносотенство — проклятие и гибель России».

¹⁵ *Дни* — ежедневная газета, потом еженедельник, выходившая в Берлине, а затем в Париже под редакцией А. Ф. Керенского.

16.

1925.X.25

Дорогой Петр Бернгардович!

Посылаю Вам из обещанного первый «опузкул».¹ Остальное почти готово; поедет на днях. Готовятся еще две корр. отсюда; но не знаю, как они Вам покажутся. В поисках беспристрастия я собрал *объективный* материал и *pro*, и *contra*; ибо мне казалось, что нужна *истина*, а не сочувственная идеализация, тенденциозного характера. *Contra* вскроет *отрицательные черты и опасности*. Поместите ли Вы это? Пока не будет ответа от Вас, я оставлю материал в «материальном» виде; зря писать не хочется. Напишите два слова. Материал интересный. Я ничего *сам* не утверждаю, а постановака такая: беспристрастные, объективные люди выдвигают «против» то-то. Я отвечаю только за высокую квалификацию источника.

Очень прошу Вас, перешлите этот конверт в контору. Там вложен чек на 32,50 фр. Я не могу его здесь учесть за длительностью этого процесса и прошу присоединить эту сумму к следую-

щему чеку, который прошу выслать на берлинский банк. Там *все изложено*.

Ваш

И.

До 31 окт. я здесь.

¹ Какой именно «опузул», не совсем ясно. Но из общего содержания и конкретных замечаний этого (и следующего) письма можно заключить, что речь идет о статье из определенной серии статей. Будучи в это время в Италии, Ильин собрал большой материал об этой стране, о Муссолини и фашизме. Результатом проделанной им работы была серия статей на эту тему, появившихся в *Возрождении* в 1925-1926 гг. (См. следующее письмо, № 17, от 9 декабря 1925 г., написанное уже из Берлина, и примечания к нему.)

17.

[9.XII.1925]

Дорогой Петр Бернгардович!

Посылаю Вам

- 1) Статью «Новые люди».¹
- 2) корреспонденцию.²

По поводу нее:

- a) Я называю всю серию несколько иначе, чем было названо раньше — было «Письма из Италии»;³ *интереснее*, и *точнее*, и *правильнее* «Письма о Фашизме»; а перемены никто не заметит.
- b) Очень прошу оставить псевдоним «Ивер».⁴
- c) таких корреспонденций, но все более углубляющих и освещающих вопрос — пришлю еще целый хвост. У меня добыт и собран *интереснейший* и *подлинный* материал.

Ваш

И.

1925.XII.9

Адрес: Berlin-Friedenau, Stubenrauchstr. 3 bei Schindler.

¹ Статья Ильина «Новые люди» появилась в *Возрождении*, № 207, 26 декабря 1925 г.

² Корреспонденция — «Письма о фашизме. 2. Месяц спустя», *Возрождение*, № 194, 13 декабря 1925 г.

³ Первая корреспонденция — «Письма из Италии. Страница борьбы. (От нашего корреспондента)» — была напечатана в *Возрождении*, № 130, 10 октября 1925 г.

⁴ Вторая корреспонденция была подписана одним из полных псевдонимов Ильина — Ивер, первая — только инициалом И.

⁵ Третья корреспонденция — Ивер, «Письма о фашизме» — была напечатана в *Возрождении*, № 201, 20 декабря 1925 г. Всего в 1925-1926 гг. в газете было помещено девять корреспонденций на эту общую тему.

18.

1926. II. 6

Дорогой Петр Бернгардович!

Все письма Ваши получил. С большим любопытством слежу за вихриками пыли справа и слева, вызванными беговыми дрожками проехавшего по запаханым полям помещика.¹ Хорошо, что *Вы* его поддержали,² крепко и недвусмысленно, а то бы он пожалуй полетел с дрожек в канаву. Интересно, будет ли еще пыль справа; пока его «митюкнула» только малограмотная дама густопсовой черноты, не вынесшая «прочитания» (sic!) статьи.³ Надеюсь, что *Вы* не напечатаете ее «написания»... Она хороша и без ответа.

Прилагаю краткое уведомление на имя Председателя Пар. Орг. Комитета.⁴ Существенное вышло в ближайшее же время.

Знаете ли *Вы*, что «союз молодой России» — есть название студенческой *кириллической* организации, существующей уже года два повсюду? Мне уже задавали по этому поводу разные вопросы...

Посылаю Вам две статьи. Одну длинную,⁵ а другую коротенькую.⁶ Очень прошу оставить этот псевдоним для коротеньких мордобойчиков.

Это мой прежний псевдоним 1917-18 годов.⁷

Ваш И.И.

¹ Речь идет о статье Ильина, подписанной другим его псевдонимом: Помещик, «Смотреть вперед и созидать новое! Отрывок из частного письма», *Возрождение*, № 238, 26 января 1926 г.

² Петр Струве, «Дневник политика. 40. — О 'Возрождении' и возрождениях», *Возрождение*, № 242, 30 января 1926 г.

³ По поводу этой статьи-письма Ильин отметил в своем архиве: «'Справа' я получил через редакцию письмо, полное злобной брани». Автором этого письма, надо полагать, была та самая «малограмотная дама», о которой упоминается в этом письме Ильина к Струве.

⁴ Парижский Организационный комитет по созыву Российского Зарубежного съезда. Председателем его был Струве. Текста «краткого уведомления» в архиве с письмами нет.

⁵ «Длинная» статья: И. А. Ильин, «Молчание и болтовня», *Возрождение*, № 262, 19 февраля 1926 г.

⁶ «Коротенькая» статья («мордобойчик»): Юстус, «Зловещее», *Возрождение*, № 254, 11 февраля 1926 г.

⁷ Ильин подписывал свои статьи псевдонимом Юстус еще будучи в России, в период революции и установления советской власти.

19.

[21.II.1926]

Дорогой Петр Бернгардович!

Протокол заседания от 18 янв. пришлю дополнительно.¹ Очень медленно и кустарно (денег нет!) идет наша работа. Боюсь, что к 14-му² с выборами не справимся.

Надеюсь прислать кое-что для Возрождения на этих днях.

Ваш ИИ.

1926.II.21.

¹ Текста протокола заседания берлинского организационного комитета по выборам на Зарубежный съезд в архиве с письмами нет.

² Т. е. к 14 марта 1926 г.

20.

1926.II.22

Дорогой Петр Бернгардович!

Посылаю Вам копию протокола 18 января в дополнение к уже отправленному отзыву.

Посылаю еще *заявление и запрос*.¹ *Последнее* нас особенно беспокоит.

В *Neue Kreuzzeitung* № 75 от 14 февр. 1926 г. было помещено интервью с г. Кобургом.² Интервью производит удручающее впечатление. В нем открыто трактуется вопрос о том, что «внезапное исчезновение с политической арены В. К. Н. Н.»³ было бы очень полезно, ибо заставило бы объединиться всех под Кобургом. Фраза взятая в кавычках повторяется три раза *обеими* сторонами. Одна из сторон титулуется в беседе полным титулом.⁴ Интервью озаглавлено «беседа с царем таким-то». Орган редактируется Вестарпом. Слова производят впечатление пожелания, угрозы, побуждения. Постараюсь прислать текст.

Обнимаю Вас.

Еще два пункта.

1) Разъясните ради Бога Вашим сотрудникам, что такое означает для *здешней* работы⁵ в смысле затруднений *политико-географическое* местонахождение съезда. Благодаря ему мы *не можем*

вести дело с надлежащей энергией и принуждены избирать более *длительные* приемы работы.

2) Именно в этом отношении последнее обращение Антона Владимировича⁶ заставляет желать большей свободы от географической аргументации (два последние абзаца). Как бы это ему объяснить!

¹ Текстов протокола, отзыва, заявления и запроса в архиве с письмами нет.

² Кобург — Вел. Кн. Кирилл Владимирович, который жил в Кобурге, в Германии.

³ В. К. Н. Н. — Вел. Кн. Николай Николаевич.

⁴ Т. е. императорским титулом.

⁵ Т. е. работы в Берлине и в Германии вообще. Место предстоявшего съезда — Париж.

⁶ Антон Владимирович — А. В. Карташев, председатель российского Национального Комитета. Текст «Заявления Национального Комитета Французскому Правительству» был опубликован в *Возрождении*, № 260, 17 февраля 1926 г., и был подписан предс. Комитета А. Карташевым, товарищами предс. Михаилом Федоровым, В. Бурцевым, Кн. П. Долгоруковым, М. Киндяковым, и ген. секретарем Ю. Семеновым. Заявление было написано в связи с тем, что французское правительство возобновило переговоры с правительством СССР об экономическом и политическом сближении. Последние два абзаца «заявления», против которых возражал Ильин, следующие:

Лишь в возрожденной после падения большевиков государственной, правомерной национальной России Франция не ошибется, как и во время великих своих испытаний на Марне.

Честная Марна, а не гнусный Брест-Литовск, будет, по нашему убеждению, символом установления нормальных отношений между русским и французским народами.

Учитывая разбросанность и сложность положения русской эмиграции в разных странах, Ильин считал, что ее политическим руководителям следует соблюдать известный нейтралитет в исторической борьбе между собой приютивших их государств, а потому воздерживаться от историко-географической аргументации.

21.

1926. II. 28

Дорогой Петр Бернгардович!

Посылаю Вам двух Иверов.¹ Прочтите сразу последнюю страничку в № 7 (одна из опасностей).²

Сегодня получил извещение об отклонении Бельгардовских домогательств.³ С удовольствием извещу об этом (в строго корректной форме) старого плута.

На днях вышлю наши «избирательные правила».⁴ С черносо-

тенцами приходится вести настоящую борьбу. Эти старые грибы и беспринципники лезут с такими предложениями, которые может выговорить только общественный бесстыдник. В пятницу закрыв заседание, я на них форменно кричал 10 минут. Угроза была: я сорву им кассациями все выборы (за нелояльное плутовство), а сам уеду на Съезд в порядке кооптации. Итоги: вчера и сегодня звонит Тальберг⁵ (он *не* состоит в Комитете) и робким голосом просит аудиенции. Я ему уже сказал, чтобы он обуздал своих «шлюпиков» (sic!).

Предвидятся итоги: от неорганизованной эмиграции мы *не* можем выбирать. 4 делегатов причислим к 35, и выберем 39 в порядке коалиции. Вероятно пополам. — Приехать смогут очень немногие. От нас⁶ пока обеспечено 2 или 3 человека. У них⁷ с деньгами кажется плохо. Мы озабочены передачей голосов в Париж. Списываюсь с Шебеко.⁸

Обнимаю Вас.

Ваш И.

У нас слух, будто Ваши туземцы⁹ хотят запретить съезд? Опасно ли это?

[Приписка:] Здорово Вы прописали за римский фельетон!¹⁰ И Цуриков против Вишняка очень хорош!¹¹

¹ Два Ивера — «Письма о фашизме» № 6 и № 7, подписанные псевдонимом Ивер. Письмо № 6 («Проблема Тироля») было напечатано в *Возрождении*, № 276, 5 марта 1926 г., № 7 («Одна из опасностей») — в № 279, 8 марта 1926 г.

² Основная мысль «последней странички» в 7-м Ивере заключается в том, что в международных отношениях, в самочувствии народа «возможен еще и такой исход, что народ *выиграет войну, не победив, но усвоит психологию победителя* (подчеркнуто Ильиным. — Н. П.). И понятно, что тогда страна лишится всех преимуществ проигрыша и подвергнется опасностям, присущим победе...» По мнению Ильина, именно такая опасность грозила Италии со стороны части фашистов: «среди фашистов есть своя воинственная группа и /.../ от этой группы идет нажим на вождя».

³ Неясно, каких именно. «Домогательства» были связаны, видимо, с выборами на Зарубежный съезд.

⁴ Избирательные правила — правила для выборов представителей из Германии на Зарубежный съезд.

⁵ Н. Д. Тальберг.

⁶ Т. е. от политически умеренных кругов.

⁷ Т. е. у крайне-правых.

⁸ Н. Н. Шебеко.

⁹ Туземцы, — т. е. французские власти.

¹⁰ Римский фельетон Струве: Петр Струве, «Дневник политика. 47. Оголтелая нескладница как поживка на большевицкой удочке», *Возрождение*, № 266, 23 февраля 1926 г. (вместо передовой).

¹¹ Неясно, о каком выступлении Н. А. Цурикова против М. В. Вишняка тут говорится.

22.

[1.III.1926]

Дорогой Петр Бернгардович!

Я надеюсь, что Вы, читая гиппиусихины элегантности,¹ не только забавлялись, но и немного осудили ее моветон. Я считал бы правильным, чтобы кто-нибудь из наших *старшего возраста* объективно указал бы на неприличие ее выходки. Отвечу ли я ей — я еще не знаю, — вдохновению не велишь; но чую уже, что со dna души моей поднимаются какие-то игривые пузырьки...²

Прилагаю Вам запрос *очень важный* для всех по вопросу об организации съезда.³

Сердечно Ваш

И. Ильин

1926.III.1.

¹ З. Н. Гиппиус резко выступила против Ильина, а заодно и против Струве, приняв, таким образом, активное участие в полемике против Ильина и его идей о христианстве, сопротивлении злу силой, русской революции и пр. Ильин имеет тут в виду специально статью Гиппиус «Предостережение», появившуюся в газете *Последние новости*, в номере от 25 февраля 1926 г.

² «Игривые пузырьки» обернулись серьезным «Письмом в редакцию», которое за подписью И. А. Ильина было напечатано в *Возрождении*, № 277, 6 марта 1926 г. (стр. 4).

³ Текста запроса с письмами нет.

23.

[2.III.1926]

Дорогой Петр Бернгардович!

Позвольте препроводить Вам Открытое письмо на Ваше имя.¹ Вчера в Орг. Комитете мне удалось крепко подтянуть наших черносотенных шлюпиков. Двое подавали в отставку. Потом все покорились.

Обнимаю Вас.

Ваш

И.

1926.III.2

Оцените приложение!
Это, как мы думаем,
из кругов В.М.С.²

¹ Как это ясно из многих его писем, Ильин принял активное участие в работе берлинского организационного комитета по выборам на Зарубежный съезд. У него в комитете были острые столкновения с крайне-правыми. Текста упомянутого здесь «Открытого письма» в архиве с письмами нет.

² Текста «приложения» нет. В. М. С. — Высший Монархический Совет.

24.

1926.III.7

Дорогой Петр Бернгардович!

Не могу не поделиться с Вами тем, что меня удручает. Меня тревожит съезд. Сколько ни отводи «кириллистическую» провокацию, — нас ждет *Марковская* провокация. Позвольте осветить Вам кое-что данными, поступившими ко мне.

1. Маркову¹ *нечем жить*. Богатый и благородный человек, которого Марков захватил несколько лет тому назад, навязав ему свою очень ловкую и жадную любовницу, выдыхается: и порастряс деньги, и раскусил эту махинацию, и тяготится грубою грязью расплываемою Марковым вокруг себя, а м.б. и любовница надоела.

У самого же Маркова две семьи.

2. Один из моих приятелей вскрыл мне только что многое из его прошлого. Еще когда М. служил на жел. дороге инженером, *всегда* крал. Это достоверно. Только что русский Берлин был взволнован некою темною историею с векселем, вследствие которой один наш с Вами общий знакомый, доверившийся Маркову, потерял свое последнее состояние.

3. На съезде Марков пойдет ва-банк.² Ему терять мало что есть. Приобрести же он хочет многое. У меня есть данные предполагать, что он обрабатывает нужное ему Лицо³ через задние двери и через супругу. План же его: *форсировать* дело *восторженною* урою, поставить перед *fait accompli*,⁴ СОЗНАТЕЛЬНО и НАРОЧНО вызвать ОТХОД всего более левого, более умеренного, более честного, более умного, менее грубого — захватить руль в свои руки и гнать корабль на *diable m'en [sic!] porte*.⁵ И главное прокормиться. В его планы входит — принудительное (?!?) финансовое обложение эмиграции.

Я за последнее время к нему особенно присмотрелся: он *совершенно бесчестен, очень груб, крайне необразован* — и пойдет ва-банк.

Уверенно предвижу, что тогда лейкоцитоз вокруг вождя⁶ сменится бледною немочью. Положение станет ни лучшим, ни более умным, чем в Кобурге.⁷ *Все станет смешным* и жалким: безвольной, бессильной, безвластной эмиграционной керенщиной — и пойдет прахом.

М.⁸ ссылается на бесконечно большую правизну национально мыслящей *внутренней* России. Это *все ложь*. Кроме пары оголтелых черносотников у него *никого* в России нет: ни организации, ни сношений. Все — его обычная демагогия с «многомиллионными союзами русского народа».

Все круги здешние, немарковского толка с Марковым и за Марковым НЕ *пойдут. Ни-при-каких-условиях*. Берущий на корабль мерзавца, теряет честных людей.

Насколько я вижу, необходимы такие меры:

1. В самом начале съезда необходимо *всех связать* публично данным честным словом *не оглашать* в печати ничего, кроме допущенного президиумом.
2. Провести *полное отсутствие* на съезде публики и печати.
3. Провести постановление о том, что для известных важнейших вопросов необходимо *единогласие* или квалиф. большинство в $\frac{3}{4}$, а не большинство голосов. *Я* берусь голосовать один, хотя бы против всех; мне все трин трава.
4. Добиться *прямого запрета* известных эксцессов со стороны вождя.

О сем не могу не довести до сведения Вашего. Мы только что вдвоем с В. Федоровым⁹ *мечтали* о том, чтобы *французы запретили* весь съезд. Настолько считаем все это опасным.

* * *

Прилагаю:

- а) первый этюд о свободе,¹⁰
- в) восьмого Ивера.¹¹

Обнимаю Вас и постоянно о Вас думаю.

Ваш

Семен Петров Чижиков.

P.S. Вы все-таки прикажите мне гонорар за «Письмо в Редакцию»¹²

выписать! Это ведь разновидность полемики, а я при всем моем «бла-ародстве» — беден. Четыре марки и то хлеб!

¹ Н. Е. Марков, выбранный одним из представителей из Германии на Зарубежный съезд.

² Предвидение Ильина на съезде оправдалось.

³ Лицо, о котором тут идет речь, — Вел. Кн. Николай Николаевич.

⁴ *Fait accompli* — совершившийся факт.

⁵ *Que le diable m'emporte* — черт меня побори! Тут: очертя голову, несомый дьявольской силой.

⁶ Вождь — Вел. Кн. Николай Николаевич.

⁷ В Кобурге — т. е. у Вел. Кн. Кирилла Владимировича.

⁸ М. — Н. Е. Марков.

⁹ В. Федоров — В. Ф. Гефдинг.

¹⁰ И. А. Ильин, «О свободе», *Возрождение*, № 291, 20 марта 1926 г.

¹¹ Восьмой Ивер: Ивер, «Письма о фашизме. 8. Муссолини социалист», *Возрождение*, № 287, 16 марта 1926 г.

¹² См. прим. 2 к письму № 22, от 1 марта 1926 г.

25.

[16.III.1926]

Дорогой Петр Бернгардович!

К Вам поступит «протест» «Русского Общественного Собрания в Берлине» против включения всего состава Вашего главного организационного комитета без выборов в состав Зар. Съезда.

К сему необходимый комментарий.

«Русское Общ. Собрание в Берлине» есть позиция, искони захваченная Марковцами. Оно есть общественный *труп*, долгие месяцы бездействующий и гальванизируемый по партийным интересам в нужные критические минуты. Об этой организации все в Берлине иначе и не говорят, за иное ее не почитают. Присматривая ее список в Орг. Комитете, я прямо ее и назвал вслух «трупом». Ни веса, ни жизни, ни авторитета она не имеет. Посещаемость ее минимальна, если не фиктивна.

Марковцы хотели провести такой протест через самый Орг. Комитет, но встретив мой твердый отпор, смолкли. Я спросил тогда Маркова в Комитете: «почему вы, Н. Е., всю жизнь относясь презрительно к выборному началу и только что заявив об этом вслух, вдруг начинаете столь пламенно отстаивать его в этом случае?» Он ответил: «Конечно здесь дело не в выборности, а в том, что командную высоту захватили люди, которых я не признаю вождями. Какие они вожди?»

Я ответил: «Значит, ваш протест не принципиальный и не формальный, а персональный. Тогда нам придется разбирать весь

состав Орг. Комитета по личностям, а это дело неверное и партийное. Орг. Ком. Берлина за это взяться не может».

Вопрос пал. И потом потихоньку от меня был протасен в Обществ. Собрании.

Вторичные выборы произойдут у нас *вероятно не ранее 23-24 марта*. Марковцы нажимают, они организованнее, активнее и вероятно будут иметь большинство. Какое — не знаю. М.б. и небольшое.

У НАС имеются деньги на приезд: для —

Ильина, Тиволовича, Тубенталья, Соколова-Кречетова;¹ устроим еще Н. С. Арсеньева из Кенигсберга; вероятно наскребутся деньги на Шлиппе и Давидова;² устроим еще присутствие на съезде делегатом Н. И. Глобачева (генерал, инвалидный деятель). «Экономист»³ не может ехать, к сожалению. Каждая лишняя тысяча франков была бы драгоценна.

Если марковцы выйдут из лояльности и задавят нас голосами, я немедленно телеграфирую Вам о *кооптации*. И список фамилий повторю.

Было бы очень важно заявить о визах немедленно, но можно ли это сделать *до* выборов? Прилагаю *наш* список.

Монархисты несмотря на мои настойчивые торопления фамилий не дают. Я *предупредил* их, что посылаю предварительный список.

Наш сеньорен конвент убедительно просит Вас напечатать в Возрождении мелким шрифтом прилагаемую информацию.⁴ Это нам совершенно необходимо для борьбы со здешними левыми! У них *есть* пресса (Руль⁵), а у нас нет. И нельзя им позволить фальсифицировать обществ. мнение.

Обнимаю Вас.

Ваш
ИИльин

1926.Ш.16.

¹ И. А. Ильин, Н. К. Тиволович, В. К. Тубенталь, С. А. Соколов-Кречетов.

² Ф. В. Шлиппе и А. А. Давидов.

³ «Экономист» — В. Ф. Гефдинг.

⁴ Текста информации нет.

⁵ Газета *Руль* («Выходит ежедневно в Берлине при ближайшем участии И. В. Гессена, А. И. Каминки и В. Д. Набокова») существовала с ноября 1920 г., и в ней в 1921 г. было опубликовано немало статей и самого Струве, но позже газета приняла значительно более левое направление.

Дорогой Петр Бернгардович!

Весь март работаю с величайшим напряжением: чтобы хорошо провести выборы. Все шло удовлетворительно: за нами обеспечена *половина* выборщицких мест.

Но вот, подошли к выборам и черносотенники начали распоясываться. Во вчерашнем заседании Организац. Комитета, имея случайное равенство сил, при помощи *тайного* голосования — *отказались* признать принцип *пропорционального* представительства и принцип *засвидетельствованного и утвержденного Комитетом коалиционного списка*.

Все повисает в неизвестности. Партийная борьба вероятно обострится. Мы держимся сплоченно и стойко. Переговоры от нас ведут В. Ф. Гефдинг и А. И. Бунге. Если бы офицерские союзы могли участвовать, то подавляющее большинство было бы у нас.

Благодаря их скандальному, интриганскому поведению выборы *затягиваются*. Произойдут *не ранее 27-го марта*.

В виду всего этого прошу Вашей неотложной, авторитетной *помощи*.

Если они нас мажоризнут, я немедленно *телеграфирую* Вам «majorisé cooptation necessaire».² На этот случай прилагаю список лиц выдвигаемых нами и прошу его тогда пустить в ход. О визах давно уже хлопочем во всю. От нас могут *приехать* до 10 человек. Если визы скоро не придут, телеграфну особо.

Обнимаю Вас. Душевно Ваш
ИИльин
ВГефдинг

Пока у них *нет* большинства. Кажется и не будет. Но если будет, то они *навверное* сделают попытку мажоризнуть нас, даже и в том случае, если будет выработан коалиционный список.

[Приложение:]

Группа непартийного общественного центра
выдвигает в качестве делегатов на съезд:

а) *Могут приехать и присутствовать на съезде:*

по Берлину

Ф. В. Шлиппе

И. А. Ильин

ген. Н. И. Глобачев

Н. К. Тиволович

С. А. Соколов-Кречетов

В. К. Тубенталь

по Мюнхену

кн. Н. Б. Щербатов

В. В. Келлер

по Дрездену

В. А. Сатин

по Кенигсбергу

проф. Н. С. Арсеньев

б) *В случае избрания передали бы мандаты едущим делегатам или другим членам съезда того же течения:*

В. Ф. Гефдинг

А. И. Бунге

проф. А. А. Овчинников

М. А. Нарожницкий

П. А. Новопашенный

И. И. Бикерман

¹ Письмо без даты, но, как это следует из текста, написано оно до 27 марта 1926 г. — скорее всего, во второй половине марта. Вверху письма рукой Струве написано: «дан/дать?! ответ».

² «Мы/ мажоризованы [т.е. «большинство против нас». — Н. П.], необходима кооптация».

27.

[Без даты; конец марта 1926 г.¹]

Дорогой Петр Бернгардович!

*Ихние*² условия коалиции были непомерны и для нас унизительны. Предпочли встретиться грудь с грудью. Вследствие нашей интеллигентской корректности и щепетильной лояльности, они грубыми нажимами перехватили себе два лишних голоса и отхватили, отспорили наших два. Единственный, достойный и не унизительный для нас исход — Ваша телеграмма с разрешением доизбрать остальных 13 делегатов куриальным голосованием наших кандидатов *промеж себя*, получивших (все) одинаковое количество голосов счетом 23. Насколько мы знаем, этот способ голосования применяется у Вас во Франции в случаях относительного большинства. Крайне важно получить телеграмму неотложательно: прошу Вас, снесите немедленно с другими членами

президиума, не откладываете до общего собрания исп. бюро. И телеграфируйте в императивной форме по моему личному адресу: Friedenau Stubenrauch Str. 3 Pjin.

Обнимаю Вас и жду.
Ваш ИИльин

С подлинным верно

ВГефдинг
/В. Гефдинг/

Герцог Г. Н. Лейхтенбергский
/Герцог Г. Н. Лейхтенбергский/

¹ Письмо без даты, но должно быть отнесено к самым последним числам марта, до следующего письма, от 31 марта.

² «Ихние», т.е. крайне-правых.

28.

1926. III. 31

Дорогой Петр Бернгардович!

Ваши телеграммы внесли успокоение. Однако *нет* уверенности, что Тальберг и его молодцы подчинятся. Они уже в прошлое заседание Организ. Комитета все требовали занесения в Протокол, что *Парижское Исп. Бюро и Орг. Комитет им НЕ авторитетны*. Они воображают, что *Съезд* будет заниматься пересмотром и кассацией всех выборов. К сожалению у них в пленуме Орг. Комитета на *два голоса больше*, чем у лояльной стороны и они попытаются произвести *скандал от лица Комитета*. Если они сегодня в *Президиуме*, где НАШЕ большинство, не признают предписания Парижа, то мы с ними порвем. Для этого у нас уже написано спокойное, достойное письмо, в котором исчисляются их нелояльности и в котором мы с ними расстанемся. Их непризнание Парижского предписания — конечно занесем в Протокол.

Основной план их (с самого начала) состоял в том, чтобы *под видом коалиции* — превратить наши имена в декоративную ширму, захватив себе во что бы то ни стало большинство (постоянными грубыми неправдами) и, главное, заколотив список делегатов СВОИМИ заместителями (*креатурами, сидящими в Париже*).

Сколько для этого было пущено в ход лжи, интриги и устрашающих нажимов, это *неописуемо*. До последней минуты они все еще надеялись изнасиловать нас своей «коалицией». Когда же это сорвалось, то они от растерянности подали свои списки не с 37-ю именами, а с 24-мя. Центр же подал *полный список* с 37-ю *своими* именами, из коих не прошло абсолютным большинством *ни одно*.

После этого, а также узнав о моем письме к Вам (я доложил о нем конечно *сам* в Президиуме и в комитете) — они закусили удила: *буйствуют*, не признают Парижского Орг. Комитета, пытаются свергнуть *меня* лично (несмотря на мою крепко-выдержанную, непартийную линию) и тд. Злость их равна их убожеству.

Билет удалось взять только на *пятницу* вечером.¹

Покажите это письмо всем, кому доверяете.

Ваш ИИльин

¹ Ильин выехал из Берлина в Париж в пятницу 2-го апреля. Открытие Зарубежного съезда состоялось в воскресенье 4-го апреля 1926 г.

29.

[4.IV.1926¹]

Дорогой Петр Бернгардович! ·

Только сегодня могу послать Вам статью.² Все время чувствовал себя настолько усталым, отвращенным от политики и удрученным, что писать Вам в Возрождение ничего не мог. А тут еще немецкие выступления, грипп; и душа если соглашалась писать, то лишь о другом.

Из итогов «Зар. Съезда», подведенных у Вас, позвольте кое-что отметить. Замазывающей и неинтересной показалась мне статья Г. Н. Трубецкого.³ Великолепна, сильна и во всем права была Ваша передовица.⁴ Кажется нам всем, что во многом прав был Бурцев...⁵ Бесцветно и не вдохновляющее обращение «центра».⁶

Повидимому Берлин освобождается от скверного гнезда интриг, именуемого Выс. Мон. Советом;⁷ повидимому этот клоповник въезжает в Париж. Они сейчас здесь; Тальберг⁸ едет отсюда в Сербию, потом к Вам.

Передовица о новом договоре с совдепией⁹ во всем и реши-

тельно права. Так оно и есть. Многое хотел бы еще рассказать, но лучше при свидании.

Обнимаю Вас.

Ваш

И.¹⁰

1926.IV.4.

¹ Письмо датировано Ильиным явно ошибочно (в то время, весной 1926 г., Ильин был переутомлен и болен гриппом).

² Если, как я полагаю, правильная дата письма не 4-го, а 24 апреля, а то и — вернее — 4 мая, то это должна быть статья Ильина «Республика-монархия», появившаяся в *Возрождении* № 341, 9 мая 1926 г. (Тире в заглавии принадлежит редакции. Судя по архивным надписям Ильина, можно предположить, что у него было: «Республика или монархия», — очевидно, с добавлением требуемого тогда по смыслу вопросительного знака). Других статей Ильина в *Возрождении* между 10 апреля (когда в *Возрождении* № 312 была напечатана «Речь И. А. Ильина», произнесенная им 9 апреля, в шестой день Зарубежного съезда, в вечернем заседании) и 9 мая 1926 г. — не было.

³ Кн. Григорий Трубецкой, «Размышления по поводу Зарубежного съезда. I. Три идеи», *Возрождение*, № 320, 18 апреля 1926 г. (вместо передовой). Было и продолжение (тоже вместо передовой): «Размышления по поводу Зарубежного съезда. II. Несостоятельность старых партийных и бытовых делений. — Задачи русского фашизма», *Возрождение*, № 324, 22 апреля 1926 г.

⁴ Передовица Струве (без подписи): «Итоги Зарубежного съезда», *Возрождение*, № 314, 12 апреля 1926 г. См. также: Петр Струве, «Дневник политика. 51. Некоторые итоги Зарубежного съезда», *Возрождение*, № 327, 25 апреля 1926 г. (вместо передовой).

⁵ В. Л. Бурцев, «прозревший» революционер, разоблачитель провокатора Евно Азефа. Сотрудничал с П. Б. Струве, поддерживая белое правительство ген. Врангеля. Неясно, о каком выступлении В. Л. Бурцева говорит Ильин. В *Возрождении* в это время не было ничего за подписью Бурцева.

⁶ Обращение центра: «К Русскому Народу. Обращение Российского Зарубежного Съезда», *Возрождение*, № 314, 12 апреля 1926 г.

⁷ Высший Монархический Совет.

⁸ Н. Д. Тальберг.

⁹ Передовица о новом договоре с совдепией: «Германо-советские отношения», *Возрождение*, № 318, 16 апреля 1926 г.

¹⁰ Вверху письма слева надпись: «Не требует ответа. Струве».

30.

[15.V.1926]

Дорогой Петр Бернгардович!

Посылаю Вам еще одну статью.¹ Уже в написанном виде я читал ее В. Федорову;² мы всесторонне обсудили ее и во всем оказались единомысленными. И оба постановили, при отправлении этой статьи, доложить Вам об этом.

Не пугайтесь ее длиной; она насыщена всесторонней работой и писал я ее целый день от утра до вечера, да еще полдня редактировал. Очень прошу соблюсти: 1) тире между строками и 2) орфографию в эпизоде с ГПУ. Там очень важны для смысла некоторые кавычки. Лучше бы не делить ее на 2 фельетона.

А если кто-нибудь меня за эту статью разлюбит, то - (pardon!) — je m'en foue [sic!].³ Я вот сам боюсь, как бы мне кого-нибудь окончательно не разлюбить. Но об этом пришлю Вам отдельное письмо через Lollius'a.⁴

Обнимаю Вас. Дружеский привет Кириллу Иосифовичу.⁵ Покажите ему это письмо.

Ваш

И.

23-го черное воронье⁶ делает здесь публичное сообщение о съезде. Наши будут gegenwärtig.⁷ А через несколько дней мы устраиваем с приглашениями полузакрытое собрание единомышленников.

1926.V.15.

¹ И. А. Ильин, «О покорности», *Возрождение*, № 351, 19 мая 1926 г. Эта длинная статья (стр. 2 и 3, подвал) была посвящена Н. Н. Львову.

² В. Федорову, — т. е. В. Ф. Гефдингу.

³ «(pardon!) — je m'en foue»: «(извините!) — мне на это наплевать».

⁴ Lollius — Лоллий Иванович Львов, подписывавший этим псевдонимом многие свои статьи в *Возрождении*.

⁵ Кирилл Иосифович — К. И. Зайцев, помощник Струве по редакции (см. прим. 1 к письму № 6).

⁶ Черносотенцы.

⁷ «gegenwärtig» (нем.), — т. е. будут там присутствовать и, очевидно, выступать против.

31.

[Без даты; конец мая 1926 г.¹]

Дорогой Кирилл Иосифович!

Препровождаю Вам:

- 1) Адрес — почто-телеграмму от Внепартийного Нац. Объединения русских в Германии. Eventuell² для напечатания.
- 2) Адрес — почто-телеграмму от группы читателей — с высшим образованием. Eventuell для напечатания.

3) Приветствие от берлинских сотрудников Возрождения — для прочтения во время обеда или ужина.

Препровождаю все спешно; если понадобится, — оригиналы подписей пришлю потом.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш

И. Ильин

[ПРИЛОЖЕНИЕ:³]

1) *Почто-телеграмма*
От Внепартийного Национального Объединения русских в Германии

Ко дню годовщины «Возрождения» Внепартийное Национальное Объединение русских в Германии шлет привет и наилучшие пожелания редактору и всей редакции.

Верьте, дорогой Петр Бернгардович, что читатели умеют ценить Ваше сильное и мужественное слово, Ваш редкий политический такт, Вашу терпимость и государственную мудрость. Мы приветствуем в Вашем лице стойкого защитника Белой Идеи и знаем, что история сумеет оценить Ваше бескорыстное служение родине.

От лица Президиума: А. А. Давидов
В. К. Тубенталь

2) *От группы читателей с высшим образованием*

Почто-телеграмма

Глубокоуважаемый Петр Бернгардович!

Исполнился год с тех пор, как Вы стали во главе Возрождения. В наше время смуты и шатания, развала и гибели — нам отрадно видеть Вас во главе благородной национальной газеты за рубежом. Ваш огромный и бесспорный научный авторитет и Ваше великое беспристрастие вносят в сумятицу политических страстей и партийной лжи именно тот академический тон служения правде, который столь драгоценен в такие эпохи. Мы знаем, как трудно находить и вести верную и мудрую линию в наши дни, в борьбе за нашу общую родину. Враг силен и хитер; он умеет при-

нимать разные обличия; он сеет обманы и соблазны. И самое важное теперь это иметь очаги общего уважения и доверия, которые могли бы обслуживать начало волевого объединения для борьбы.

Вы создали такой очаг. И мы приветствуем Вас за это!

Следуют подписи.

3) *От берлинских сотрудников Возрождения
Застольное письмо*

Милый и дорогой Петр Бернгардович!

Год тому назад Вы, как добрый и сильный кормчий, поставили наш белый парус и повели нас в открытое море. С полным, исключительным доверием шли и идем мы за Вами: ибо мы знаем, *кто* нас ведет и *куда* ведет. Знайте и Вы, что мы всецело с Вами, что *Ваши* друзья — это *наши* друзья, и *Ваши* враги — *наши* враги. Мы все — одно: одного хотим и об одном мыслим. Потому что во всех нас бьются *белые* сердца.

Ведите же крепко Ваш и наш корабль: верна и сплочена его команда!

Пусть кувыркаются вокруг него и плюют соленой водой глупые розовые дельфины. Пусть угрожающе выныривают черные акулы и кашалоты. Пусть густеет туман на горизонте и кружатся там и сям водяные смерчи... — Мы знаем у *кого* в руках компас и руль; и спокойно плывем к цели.

Россия впереди! *Ей* наша любовь! Ее освобождению и возрождению наши силы!

Бунге. Гефдинг. Ильин. Нордман.

¹ Г. П. Струве пометил это письмо июнем 1926 г. Правильнее считать, что оно было написано в самые последние дни мая месяца (в любом случае, не позже 1 июня), т.к. приложенные к нему приветствия появились в *Возрождении* уже 4 июня, в № 367.

² «Eventuell» (нем.) — эвентуально, при случае, смотря по обстоятельствам.

³ Примечание Г. П. Струве: «Все три приложения написаны рукой И. А. Ильина».

32.

[23. VII. 1926]

Дорогой Петр Бернгардович!

Пишу Вам из Италии. Передохнул здесь немного и опять записалось. Посылаю Вам две статьи

1) О воле и грозной любви.¹

2) Борьба за армию.²

Последнюю я долго вынашивал. В ней взвешено каждое слово. Беседы и впечатления последнего месяца внушили мне непоколебимую уверенность, что такая статья именно теперь необходима.

Адрес мой: *Italia. Cortina d'Ampezzo. Ferma in posta. Prof. I. Iljin.*

От пребывания в Баварии у меня остались очень хорошие впечатления. Заезжали ли Вы туда? К.³ должен был написать Вам. Их планы неизменны относительно Вас и меня; и работа выполнена большая; но сложен был вопрос осуществимости. Все автомобили на сезон разъехались. Осенью?

Как здоровье Левы?⁴ Где находится Нина Александровна?⁵

Душевно Вас обнимаю.

Ваш

И.

Статья одна карандашом, потому что иногда приходится писать без стола на коленях. Ради Бога, поручите Аркадию⁶ или Лоллию⁷ продержать корректуру, а то мне одну чертовщину наберут...

1926.VII.23.

Газета сюда свободно приходит. Если задерживается, то только по неаккуратности почты.⁸

¹ И. А. Ильин, «О воле и грозной любви», *Возрождение*, № 430, 6 августа 1926 г.

² И. А. Ильин, «Борьба за армию», *Возрождение*, № 423, 30 июля 1926 г.

³ К. — инициала этого расшифровать не удалось (есть несколько человек, к которым он мог бы относиться).

⁴ Лева — Лев Петрович Струве, сын П. Б. Струве.

⁵ Нина Александровна — жена П. Б.

⁶ Аркадий — Аркадий Петрович Струве, сын П. Б., работавший в редакции *Возрождения*.

⁷ Лоллий Иванович Львов, другой ближайший сотрудник редакции.

⁸ Примечание Г. П. Струве: [Пометка на письме: «2 статьи переданы Кир. Иос. 27.VII.1926. Арк. Струве»]. Кир. Иос. — Кирилл Иосифович Зайцев, замещавший в редакции Струве в его отсутствие.

33.

[Без даты. 1926¹]

Пишу еще отдельно.

У меня сейчас лежит присланная мне В. И. Гурко написанная

им характеристика Николая II и Александры Федоровны. Очень тонко, интересно, продумано. Он посылал ее в Руль. Руль не захотел печатать. Я прочел ее с огромным интересом. Трудность в том, что она длинная: *фельетонов на десять*.

Пожалуйста черкните мне, интересуется ли это редакцию? Думаю, что читалось бы с тем же интересом, с каким читал я сам. Написано не трудно. Особенно поучителен и тонок анализ *его безволия*. Сделано с пиететом, но очень объективно и *крайне назидательно*.

Еще: вся эмиграция русская знает об обысках у наших белых по Берлину (в прошлом году), о фельетонах Кенкеля и его клевете. Мы боролись с этим целый год. А. А. фон Лампе² обжаловал себя у Госуд. Прокурора и провел целый процесс в Лейпциге. Фальшивость документов установлена судом. Мы блестяще все опровергли. Немецкая печать на это отозвалась. Из русской печати Дни и Руль дали нам удовлетворение.

Почему Возрождение не хочет поместить нашего сообщения, посланного давно уже в редакцию Алексеем Александровичем?

Я не могу скрыть от Вас, что это производит на *меня лично* прямо тяжелое впечатление! *Против КОГО* направлено это непомещение?! Как-нибудь я должен себе это объяснить...

¹ Даты установить не удалось. Г. П. Струве тоже не мог установить точной даты, но считал, что письмо определено за 1926 год. Он задавал при этом вопрос, не является ли письмо приложением к другому письму. Однако письмо начинается словами «Пишу еще отдельно», явно свидетельствующими, что это самостоятельное письмо, хотя написанное вслед за каким-то другим письмом.

² Ген. Алексей Александрович фон Лампе.

34.

[Без даты; осень 1926 г.]

Дорогой Петр Бернгардович

Спасибо Вам за сочувственные и ободряющие строки в Возрождении.² Я умею ценить их. Но нужен еще некоторый отпор Бердяеву лично!³ До меня доходили только цитаты из «Дней» и из «Нового Времени». Что с ним сделалось? Взбесился он что ли? Ведь это называется «разводить опиум чернил слюною бешеной собаки»... Он всегда был и самодовольным, и бестактным, и претенциозным. Но ведь это *все* одна сплошная «личность» и одна сплошная *ложь о книге!*

Я на днях пришлю Вам копии с нескольких писем архиепископа Анастасия Иерусалимского ко мне (он просил их не печатать за

его подписью) — и Вы увидите как обстоит вопрос о «православности» моей книги.⁴ Нам надо еще иметь в виду, что здесь вообще организованный поход: они решили — убить книгу, скомпрометировав автора. Напр. Франк писал даже Анастасию, понося книгу, но тот дал ему отповедь.⁵ А Айхенвальд напачкал в Сегодня — подвывает Бердяеву.⁶ Я непременно отвечу и сам.⁷ Ваш И.

Ум и душа не хотят верить в возможность катастрофы с Возр.!!⁸

¹ Г. П. Струве не был уверен в том, что эта открытка — за 1926 г. Сомнений в том, что она за 1926 г., быть не должно, вопрос только в том, за какой месяц: октябрь или ноябрь. О том, что открытка — осенняя, за 1926 г., свидетельствуют даты публикаций статей, в ней упоминаемых. Г. П-ч указывает, что открытка — с портретом Муссолини. Однако адреса, марок и почтовых штемпелей на ней нет, что заставляет предположить, что она была отправлена не из Италии, а уже после Италии, и не как открытка, а как письмо, в конверте. Ильины вернулись в тот год в Берлин в первых числах ноября. Тогда и оттуда и была, надо полагать, отправлена эта открытка.

² По всем признакам, Ильин имеет в виду то, что Струве написал о нем в одном из своих «дневников»: Петр Струве, «Дневник политика. 82. О брошюре И. А. Ильина и о нем самом», *Возрождение* № 478, 23 сентября 1926 г. (Упоминаемая в заглавии «дневника» брошюра Ильина — только что вышедшая тогда *Родина и мы*).

³ Речь идет о резком выступлении Бердяева против книги Ильина и против самого Ильина: Николай Бердяев, «Кошмар злого добра (О книге И. Ильина *О сопротивлении злу силою*)», *Путь*, № 4, 1926 г., стр. 103-116.

⁴ Тексты этих писем Архиепископа Анастасия (Грибановского), впоследствии возглавившего Русскую Православную Церковь за границей, печатаются в виде приложения к настоящему письму.

⁵ Семен Людвигович Франк, известный русский философ, в то время коллега Ильина по Русскому Научному институту в Берлине. Письмо Архиепископа Анастасия к Ильину с упоминанием о письме Франку датировано 31.8/13.9 1926 г. Таким образом, оно могло быть получено Ильиным не ранее 20 сентября. Это подтверждает наше заключение, что настоящее письмо должно быть отнесено к осени 1926 г.

⁶ Юлий Исаевич Айхенвальд, литературный критик. Его статья «'Злое добро'» появилась в газете *Сегодня*, № 196, 3 сентября 1926 г. В качестве заглавия для своей статьи Айхенвальд позаимствовал выражение Бердяева.

⁷ Ильин действительно вскоре и сам ответил нападавшим на него и на его книгу. Первой появилась его статья «Кошмар Н. А. Бердяева. Необходимая оборона», *Возрождение*, № 514, 29 октября 1926 г. Кроме того, в начале ноября 1926 г., в трех номерах белградской газеты *Новое время*, редактировавшейся единомышленником Ильина и Струве В. Х. Даватцем, появилась статья Ильина «О сопротивлении злу (Открытое письмо В. Х. Даватцу)».

⁸ Катастрофа с *Возрождением* — возможность, что Струве должен будет уйти из *Возрождения* и газета перейдет в чуждые и малоквалифицированные руки.

[ПРИЛОЖЕНИЕ:]

*Копии с писем
Архиепископа Анастасия Иерусалимского
к И. А. Ильину*

[1] 1925. 16/29 дек. Иерусалим. Русская духовная Миссия.

+ Милостивый Государь уважаемый Иван Александрович!

Я много слышал о Вашей книге (я разумею столь популярный теперь Ваш труд о «сопротивлении злу силою»), но надо было прочитать ее самому, чтобы оценить дух и силу, какие Вы сумели вложить в нее. Она не просто убеждает, а покоряет читателя, зажигая его сердце горящим дерзновением правды. Главным достоинством ее служит та «честность с самим собою», которую Вы справедливо ставите необходимым условием для достижения истины. Мне всегда казалось, что общая духовная дряблость нашей интеллигенции отразилась и на способе ее мышления: ей недоставало *добросовестности* в исследовании основных вопросов жизни и особенно в разрешении проблем нравственного порядка. Интеллигентская мысль (исключая, конечно, таких людей, как Влад. Соловьев и немногих других) скользила по поверхности этих вопросов, не давая себе труда продумать их до конца и даже как бы боясь сделать все логические выводы из своих же собственных предпосылок, дабы всегда иметь путь к отступлению. Неудивительно, что ее мировоззрение засорено было целым рядом «*idola*», от которых она не в состоянии часто отделаться до сих пор.

Почти все заблуждения человеческого ума происходят не столько от его ограниченности, сколько от лукавой изворотливости, делающей его послушным орудием наших страстей и предрассудков.

Вы взяли на себя благородный почин расчистить поле философской мысли и освежить духовную атмосферу, какую мы дышем. Для этого нужно много мужества и столько же таланта, но, слава Богу, Вы обладаете тем и другим и это облегчило Вам Вашу трудную задачу. Пусть Ваше смелое слово ослепляет тех, кто боится смотреть на солнце; за то оно послужит светочем для всех, кто привык честно и нравственно мыслить, не уклоняясь в слова лукавствия (см. Иоан. 9.39). Оно явится укрепляющею

солью для нашего слабодушия, приведшего нас к нынешнему плачевному положению.

Возрождение России начнется только тогда, когда мы выверим свой моральный и умственный компас и возвратимся на царский путь истины, которая одна делает людей и свободными и могучими. «Она есть сила и царство и власть и величие всех веков: благословен Бог истины!» (2 Ездр. 4.40).

Поручая Вас Его благому и мудрому водительству, с глубоким почтением остаюсь Вашим преданным и признательным слугою

+ Архиепископ Анастасий.

P.S. Вопрос, разрешению которого посвящена Ваша глубоко-интересная и поучительная книга, имеет важное и притом не только теоретическое значение и для нас, епископов, обязанных по своему положению активно бороться со злом и иногда карать его носителей. Никто так болезненно не переживает этой трагедии от вынужденного и неизбежного соприкосновения с «областью темною» и выхождения из «божественной плеромы», как мы, служители Духа. Многие достойнейшие представители христианства были не в силах подъять это тяжкое бремя и бежали от пастырских обязанностей.

Однако они делали это не по малодушию или слабодушию, а потому, что не ощущали в себе «дара управления», который подается не всем. В то время, как Св. Василий Великий твердою и мудрою рукою вел врученный ему церковный корабль, постоянно отражая нападающих врагов, его достойный и столь же, как он, славный друг Св. Григорий Богослов, поэт и богослов, созерцатель по преимуществу, неоднократно уклонялся от практического пастырства к немалому огорчению своего отца, Св. Василия и паствы.

* * *

[2]

1926. 18 февр./3 марта.

+ Глубокоочтимый Иван Александрович!

Я глубоко удовлетворен созвучием наших мыслей и настроений и в свою очередь сожалею о том, что лишен возможности побеседовать с Вами лицом к лицу. Впрочем непосредственная встреча с автором может служить только приятным дополнением к тому, что получаешь от его творений: для понимания его

духовного облика последние дают иногда больше, чем непосредственный обмен мнений. Каждая серьезная книга (если она даже исторического или описательного характера) есть всегда произвольный портрет автора, отражающего в ней свою душу; тем более это следует сказать относительно такого глубокого и выстраданного труда, как Ваша книга о «сопротивлении злу».

Я не удивляюсь, что она вызвала столько разнообразных и даже иногда противоположных суждений и споров среди Ваших читателей: это лучшее свидетельство ее внутренней силы. Всякая могучая идея является как бы откровением для общества и потому, входя в его сознание, рассекает общество на части, как обоюдоострый меч. Не то ли сказал Христос о судьбе его собственного слова? У меня нет к сожалению пока приобретенного экземпляра Вашей книги; я конечно был бы счастлив получить ее от автора.

С своей стороны не могу по своей бедности отплатить Вам чем-нибудь подобным. У меня нет трудов, достойных Вашего внимания. По условиям моей службы мне всегда приходилось больше говорить, чем писать. Посылаю только две брошюры, имеющие отношение к современности и, б.м., косвенно соприкасающиеся с Вашими идеями. Да благословит Вас Господь. Глубоко почитающий Вас Архиепископ Анастасий.

* * *

[3]

1926.3/18 июля.

+ Досточтимый Иван Александрович!

С чувством глубочайшей признательности я имел удовольствие получить присланный Вами экземпляр Вашего исследования: «О сопротивлении злу силою» с дорогим для меня авторским надписанием.

Не перестаю следить, насколько возможно, и за последующими произведениями Вашего неутомимого и плодотворного пера, сожалея только о том, что не всегда могу иметь их в полном виде. Особенно желал бы прочитать Вашу статью, приуроченную к «Дню русской культуры» и реферированную в Новом Времени.

Божие благословение да будет над Вами.

Глубокопочитающий Вас Архиепископ Анастасий.

1926.3/18 июля. Иерусалим.

+ Досточтимый Иван Александрович!

Содержание Вашего последнего письма не явилось для меня неожиданностью. Я уже давно и, конечно, с тяжелым чувством, как и Вы, прочитал цитируемую Вами статью Бердяева в «Пути». Я пожалел однако не столько об Вас и за Вас, сколько о самом Вашем критике, который не захотел сколько-нибудь серьезно углубиться в поставленный Вами трагический вопрос и дал себя увлечь и даже ослепить чувству раздражения, которое служит плохим советником для философа.

Я не боюсь исповедывать мысли, изложенные мною в предыдущих письмах, но опубликование их могло бы обязать меня вступить потом в печатную полемику, к которой я чувствую себя мало приспособленным. Если же иметь в виду вообще выражение сочувствия Вашей книге и удивления перед тоном, взятым Вашим критиком, то я уже сделал это, написав довольно пространное письмо С. Л. Франк/у/, который вызвал меня на это своим отзывом (в письме ко мне) о Вашей книге в духе Бердяева.

Раскол около такой жгучей и острой темы, как Ваша, неизбежен. Наши интеллигенты неохотно отказываются от своих предубеждений и тех, кто не хочет кланяться с ними старым кумирам, готовы преследовать с таким же фанатизмом, с каким невежественная чернь гнала некогда Сократа.

Проповедники истины нередко ходят с терновым венцом на главе, но потом их венчают лаврами. Господь да укрепит Вас на пути исповеднического подвига.

Глубокопочитающий Вас А. Анастасий.

P.S. Наше печальное церковное разделение, б.м., исходит также из более глубоких принципиальных основ, чем это кажется.

* * *

35.

[Без даты; декабрь 1926 г.?]

Дорогой Петр Бернгардович!

До нас доходят тревожные слухи о Возрождении, к коим мы

относимся с тревогой и возмущением.² Дайте хоть какую-нибудь весть!³ Обнимаю Вас.

[Без подписи]

¹ Г. П. Струве пометил письмо 1927 годом, но сопроводил эту дату вопросительным знаком. Сохраняя вопросительный знак, я полагаю все же, что письмо следовало бы отнести к концу 1926 г., когда впервые стало известно о конфликтной ситуации, создавшейся в *Возрождении*.

² Тревожные слухи и тревога — по поводу дальнейшей судьбы *Возрождения*; возмущение — поведением А. О. Гукасова (издателя газеты) и Ю. Ф. Семенова, вытеснявшего Струве с поста редактора газеты.

³ Г. П. Струве отметил, что письмо Ильина без подписи и что на письме имеется пометка П. Б. Струве: «Написано. Стр.».

36.

[7.I.1927]

Дорогой Петр Бернгардович!

Вчера виделся с В. Ф.¹ Обо всем расспрашивал; и слушал в состоянии крайнего удручения. В душе много гнева и презрения. Но, конечно, ни неясностей, ни колебаний. Эх, кабы моей бодливости да хорошие бы рога. . . .

Поздравляю Вас с праздником Рождества и с Новым Годом! Посылаю Вам *новогодний фельетон*.²

Очень хотел бы повидаться с Вами лично. Но увы, что-то не видно ничего в волнах. . . .

Надеюсь, В. Ф. рассказал Вам о «нас» достаточно.

Обнимаю Вас.

Ваш

И.И.

1927.I.7.

¹ В. Ф. — В. Ф. Гефдинг, вернувшийся из Парижа, где он виделся с П. Б. Струве. Гефдинг рассказал Ильину о крайне тяжелой атмосфере, сложившейся в *Возрождении* в связи со все более нарастающим конфликтом между редактором газеты Струве и ее издателем А. О. Гукасовым, действовавшим и прямо и через Ю. Ф. Семенова. Редакторские полномочия Струве были урезаны и частично переданы Семенову. Слова Ильина о том, что, «конечно, ни неясностей, ни колебаний» у него нет, относятся к решению уйти из *Возрождения*, если и когда из него уйдет сам Струве.

² Новогодний фельетон: И. А. Ильин, «О Божественном Провидении. Новогодние размышления», *Возрождение*, № 591, 14 января 1927 г. (В подборке газетных вырезок своих статей Ильин «Новогодние размышления» зачеркнул. Очевидно, этот подзаголовок был добавлен редакцией *Возрождения*).

³ Поездка Ильина в Чехию была отложена из-за его болезни (см. следующее письмо, № 37, от 19 января 1927 г.).

37.

[19.I.1927]

Дорогой Петр Бернгардович!

Посылаю Вам рецензию, от которой мне никак нельзя было уклониться.¹ Книга гнусна. Все негодуют. Но негодования мало. Надо его *высказать*. Я долго не хотел браться за нее; но потом заставил себя. Это эксцесс заискивания, который *должен* быть пригвожден, что бы из этого ни вышло. Ясинский² в негодовании; говорит, что Гогель позорит Институт, и что его надо «вышибить». Последняя фраза рецензии³ добавлена по *его* настойчивому желанию. Текст рецензии мною обсужден подробно со здешними друзьями.

В. Ф.⁴ подробно рассказывал мне свои впечатления от поездки. Остро и цельно во всем Вам сочувствую. В каждый данный момент готов подписать и разделить Ваше решение,⁵ хотя знаю, как важна для дела всякая отсрочка. Но я знаю, что и Вы сами это знаете.

Грипп помешал мне осуществить поездку в Чехию. Надеюсь осуществить ее в марте.

В феврале еду в новое турне:⁶ Аугсбург, м.б. Штуттгарт, наверное Базель, вероятно Мюнхен. Последнее особенно важно и интересно. В. Ф. должен был рассказать Вам о возможных торговых беседах.⁷

По вопросу, о кот. была последняя статья В. В.⁸ против Мельг.⁹ — было бы *очень* полезно, если бы *сюда* приехал сам В. В. Я пишу ему об этом лично.

Кроме того есть слухи, что сюда собирается Ал. Ив. Чков.¹⁰ Не привезет ли он мне от Вас какое-нибудь бордеро?¹¹

Крепко Вас обнимаю и желаю Вам в новом году здоровья и материальных возможностей.

Ваш, как всегда

И.

1927.I.19.

[Сбоку, вверху письма:] Надеюсь на бесплатный экз. Рус. Мысли¹² и был бы рад пятку оттисков для анти-азиопской пропаганды. . .¹³

¹ И. А. Ильин, «Памфлет русского о России. Проф. С. К. Гогель. Причины русской революции 1917 года (книга вышла на немецком языке). Sergius Gogel.

Die Ursachen der russischen Revolution vom Jahre 1917. Eine historisch-soziologische Skizze, *Возрождение*, № 607, 30 января 1927 г.

² Проф. В. И. Ясинский, возглавлявший Русский Научный институт в Берлине.

³ Последний абзац и последняя фраза рецензии: «Проф. Гогель счел уместным упомянуть на обложке своей книги, что он является профессором русского Научного института в Берлине... Но было бы неверно и несправедливо возлагать ответственность за его памфлет на академическую коллегию Института и судить по этой книге о содержании, о направлении и о тоне работ русской берлинской профессуры».

⁴ В. Ф. — В. Ф. Гефдинг, побывавший у Струве в Париже.

⁵ Решение об уходе Струве с поста редактора *Возрождения* и из газеты вообще.

⁶ Новое турне Ильина — с публичными лекциями на немецком языке.

⁷ Считаясь с реальной опасностью разрыва с Лукасовым, Струве думал о возможности начать издание новой газеты под своей редакцией. Кроме того, Струве возобновил издание своего журнала *Русская мысль*. Все это требовало значительных средств. В. Ф. Гефдинг должен был рассказать Струве о том, какие в этом отношении были надежды и планы у Ильина. В этом смысл слов Ильина «о возможных торговых беседах» в связи с его намечавшейся поездкой в Мюнхен.

⁸ В. В. — Василий Витальевич Шульгин, известный публицист и политический деятель, сотрудник *Возрождения* (см. прим. 6 к письму № 11).

⁹ Мельг. — Сергей Петрович Мельгунов, публицист, политический деятель и историк. Статья Шульгина против Мельгунова, о которой пишет Ильин: В. Шульгин, «Ненависть или примирение?» — *Возрождение*, № 590, 13 января 1927 г. С этим вопросом («Ненависть или примирение?») обратился к украинцам сам Мельгунов. По украинскому вопросу тогда в *Возрождении* был опубликован целый ряд статей, в том числе и — вместо передовой — статья самого Струве: Петр Струве, «Дневник политика. 111. 'Принудительная украинизация' », *Возрождение*, № 590, 13 января 1927 г.

¹⁰ Ал. Ив. Чков — Александр Иванович Гучков, известный политический и государственный деятель.

¹¹ Бордеро (фр. bordereau:) тут — письмо, известие.

¹² Струве возобновил издание своего журнала *Русская мысль*.

¹³ Оттиски — статьи И. А. Ильина «Самобытность или оригинальничание?», *Русская мысль*, Книга I (Париж, 1927 г.), стр. 24-30. Статья Ильина была направлена против евразийцев; «анти-азиопская» — анти-евразийская.

38.

[23.I.1927]

Дорогой Петр Бернгардович!

Я еще окотился двойнею;¹ посылаю Вам ее сразу. Сначала помечено, как «сначала»; а потом так и помечено, как «потом».

Очень прошу Вас — *не маринуйте моих котят!!*

Я когда пишу — то у меня голова пухнет от тем, а сердце рвется от чувств и не любят мои статейки стоять в голодных хвостах.

Поправились ли Вы? Лечит ли Вас *серьезный* врач!? Пожалуйста, берегите себя!

Обнимаю Вас.

Ваш

И. Ильин

1927.I.23.

¹ «Двойня» — 1) о необходимости воспитывать в России новое правосознание и 2) о власти и смерти — в *Возрождении* не появилась. Как это следует из письма № 46 от 25 июля 1927 г., Струве собирался напечатать эти статьи Ильина в своем журнале *Русская мысль*, но они и там не появились, т.к. издание возобновленного журнала прекратилось на первом же номере.

39.

[Без даты; зима 1927 г.]

Дорогой Петр Бернгардович!

Третьего дня Герцог² был у меня, мы проговорили целый вечер и он сам рассказал мне, что послал Вам приветствие по поводу Рус. Мысли. «А ответ был?» «Нет». Тогда я сказал ему, что Р. М. нуждается в поддержке и объяснил ему ее значение. Он прямо ответил мне, что денег у него *нет* (да я знал это и по другим признакам, и из других источников). Он действительно бьется — что-то продает и что-то закладывает и еле справляется с уже данными им обязательствами. Сказал он еще, что его распространительный аппарат (Китеж) к услугам Р. М. На это я промолчал.

Я думаю, что надо искать *за* пределами уже известных нам источников. И после всестороннего размышления решил послать Вам в *Возрождение* для напечатания нижеприлагаемое открытое письмо.³ Если возможно — напечатайте; если отзовется — то одна нить может потянуть за собою другую нить.

Письмо Жебунева⁴ не вызвало во мне *никакого* отклика. Я читал его В. Ф.⁵ и на нас обоих оно произвело впечатление неблагоприятное.

1. Зрелого возраста «подпоручик» — подозрителен сам по себе — пахнет левым «хоронячеством» в прошлом. Это объяснили мне и военные, которых я расспрашивал *абстрактно*.
2. Живет он в Lappwik, маленький погост, где *никакого* общественного мнения быть не может; посему его ссылка на «широкие круги» пахнет мертвыми душами.

3. Сам он производит впечатление крепко нашкодившего за революцию эсера, который *шкурно* перестроился «направо» и *боится* мзды. Это антипатично.
4. Статью мою (event.⁶ «статьи») он читает непредметным, невнимательным, злым и левым глазом, ибо в той самой статье, на которую он ссылается, *реально даны все анти-«стеночные» гарантии.*
5. Письмо бьет *в стык* между Вами и мною, на откол и компрометацию «проф. Ильина» — это *глупо и неблагоприятно* — как и все письмо *неискренно.*
6. Письмо обращено лицом не *ко мне*, а от меня; не только ко мне не обращается, а трактует меня как врага.

При таких условиях, я думаю, мне невместно отвечать ему, а «Notiz nehmen»⁷ я могу в дальнейшем, не упоминая об испуганном герситике и геростратике⁸ по имени.

* * *

С газетой тут глухо, тупо и безнадежно. Ни денег, ни человека (издателя), ни туземной публики. Думал я о перенесении Нов. Врем.⁹ в Прагу и о его возглавлении Вами. Но не знаю, осуществимо ли это?

Наш возможный общий выход из Возр. переживаю, как сущую катастрофу.

С моими статьями, имеющимися у Вас, поступайте так, как по Вашему целесообразнее и достойнее.¹⁰ В гонораре я *очень* нуждаюсь; барахтаться приходится «зле».¹¹

Напишите, может быть мне *вообще больше не присылать?*

Мои очередные темы должны были быть:

- 1) Дорогу таланту и честности!
- 2) Углубленный и *беспристрастный* разбор проблемы *демократии.*
- 3) Фашизм невозможен без «Duce».
- 4) Яд партийности.
- 5) Этюды о монархии.

Обнимаю Вас и жду ответа.

Ваш

И.

Письмо в редакцию

Глубокоуважаемый Петр Бернгардович!

Разрешите мне обратиться через Вас к моим читателям.

В настоящее время я приступаю к завершению моей двадцатилетней работы, посвященной вопросу *о монархии*. Я думаю, что пришел момент для продуманного и углубленного обоснования и осмысления монархического начала в истории человечества вообще и особенно в русской истории. Необходимо показать и утвердить, что монархия имеет *качественное*, духовно-нравственное и религиозно-политическое преимущество перед республикой; необходимо вскрыть и показать, чем живет, как творит и что создает душа настоящего монархиста; необходимо доказать, что истинную монархию надо заслужить и выстрадать, что она не создается механически и по произволу.

Для этой книги я ишу издателя; она должна выйти прежде всего на русском языке, потому что вынашивалась она русским сердцем и обращена к русским сердцам. И если кто-нибудь из моих читателей-друзей, кто бы он ни был и где бы он ни находился, имеет или мог бы создать какие-нибудь издательские возможности, хотя бы среди иностранцев, то я прошу его снестись со мною лично и непосредственно. Книга не должна превышать 15 печатных листов.

Мой адрес: Berlin-Wilmersdorf. Südwestkorso. 18. Prof. I. Cjin.

С искренним уважением и преданностью

И. А. Ильин.¹²

¹ Письмо без даты. Г. П. Струве сомневался в том, что оно вообще за 1927 г. Письмо определено за 1927 год, поскольку в нем говорится о журнале *Русская мысль*, а он вышел именно зимой 1927 г.

² Герцог Георгий Николаевич Лейхтенбергский, на которого возлагались некоторые надежды как на источник финансовой поддержки для новых изданий Струве.

³ Печатается ниже, в приложении к данному письму.

⁴ Текста письма обнаружить не удалось.

⁵ В. Ф. — В. Ф. Гефдинг.

⁶ Event. (нем. eventuell) — эвентуально, смотря по обстоятельствам.

⁷ Notiz nehmen (нем.) — взять на заметку.

⁸ Терситик — злоречивый человек; геростратик — опозоренный честолюбец.

⁹ Белградская газета *Новое время* редактировалась тогда В. Х. Даватцем, единомышленником Струве и Ильина.

¹⁰ Речь идет, очевидно, о двух статьях Ильина [1] о необходимости воспитывать в России новое правосознание и 2) о власти и смерти], посланных Ильиным

в *Возрождение*, но отложенных Струве для его *Русской мысли* (см. письмо № 38, от 23 января 1927 г., и примечание к нему).

¹¹ «Зле»: у Даля, в значении церк.-слав., — люто, тяжко, жестоко.

¹² Издателя для задуманной им (и по частям писавшейся) книги о монархии Ильин не нашел ни тогда, ни впоследствии. Отчасти поэтому книга осталась незавершенной. Отредактированные Ильиным главы книги были опубликованы мною посмертно, в журнале *Русское возрождение* (Нью-Йорк) в 1978 году. Эти главы, вместе с некоторыми разделами лекций Ильина на ту же тему, указанными самим Ильиным, составили потом книгу Ильина *О монархии и республике*, вышедшую под редакцией и с предисловием и «Приложением» Н. П. Полторацкого в Нью-Йорке в 1979 году.

40.

1927. III. 18

Дорогой Петр Бернгардович!

Прилагаемую вещь посылаю Вам для Возрождения.¹ Она значительно меньше моих обычных фельетонов.

Нина Александровна писала мне о болезни Коти.² Мы все очень сочувствуем; в Меране ему действительно было бы хорошо.

Что слышно о Русской Мысли? Идет ли? Есть ли перспектива для дальнейших выпусков?

Недавно прочитал пятый том Деникина.³ Злоба его, чисто личная, по отношению к Врангелю — привела его к написанию завистливо-нечестного, клеветнического и объективно-зловредного пасквиля. В оценке этой *Leistung*⁴ я совершенно схожусь с П. Н.⁵ Виноваты, конечно, *мы*: до тех пор замалчивали бездарности, грехи и вины Деникина, пока он не сочинил сам себе апологию, а Врангелю пасквиль. От крепкого выступления против этого дивизионного интеллигента меня удерживает только одно: нежелание самого П. Н. Ведь достаточно отметить, что он *совсем* не воспроизвел писем П.Н., знаменитых писем, которые мы сборне читали в Москве, восхищаясь их волевым, мужественным и честным духом. Достаточно оценить грязные намеки на «известных» якобы ему (Деникину) убийц Романовского.⁶ Признаюсь, что для меня стоит вопрос (и не только для меня), надлежит ли еще подавать руку этому пережившему себя бывшему человеку. Один почтенный генерал рассказывал мне, как М. В. Алексеев⁷ характеризовал Деникина: «у него душа штабного писаря». И после этого примите во внимание, что воспоминания Врангеля о возвращении в Крым (Белое Дело том I)⁸ набирались и печатались *после* того, как автор этих воспоминаний прочел «пятый том»... И в связи с этим Вы поймете, почему парижские выдвигания и чествования Деникина многими воспринимаются, как дело *личное и фальшивое*.

Не менее тягостное впечатление у нас произвело исчезновение господина М.⁹ Никто не верит в его мнимое «самоубийство»; есть сведения совершенно иные. И если принять во внимание, что у г. К.¹⁰ это уже *третий* случай исчезновения конфиденциального сотрудника в бездну, то станет естественным, что *всю* эту «работу» никто уже не желает принимать в серьез, ни помогать, ни «жертвовать», ни даже разговаривать о чем-то. Гиблая затея, безнадежная неспособность, фатальная фигура. Аккумуляция вокруг *пустого и вредного* места.

Третий букет был для нас Неандер.¹¹ Доколе же, доколе мы будем молчать о «черной сотне»? Я конечно понимаю, что Неандер (искони производивший на меня впечатление скользкого и фальшивого человека) — провел не только *их* (черных); но вспомните, как они в прошлом году чествовали этого забеглого-перебеглого прохвоста, как они выпустили его в конце съезда с протестом «детей» против «отцов». Это «недовольство молодежи» поддержанное и раздутое черною сволочью — было чисто большевицкою затеею; скажем себе прямо: *это было делом Г.П.У. и Маркова*. Не потому, что Марков «служит» в Г.П.У., а потому, что их *дух* един по существу, хотя и двоичен в лицах...

Был у меня М. М. Федоров.¹² Мы с ним поучительно и дружелюбно проговорили два часа. Он требовал, чтобы я так же открыто и прямо межевался *направо*, как я это делаю *налево*. Я ответил: *только этого и жажду*; но *где?* Он сказал мне, что он уже говорил с Вами по этому вопросу; но что Вы не считаете это правильным. Я не углублял с ним этого вопроса. Но Вам скажу, как на духу, что мы *оберегаем* черных от *света* и *кислорода*; и этим *усиливаем* их и *развращаем*.

Не подумайте, что я *подталкиваю*; мне слишком присуще *чувство ответственности*. Но созревание процессов *идет немолимо* и когда до нас доходят *слухи*, будто Возрождение может перейти к Алексинскому-Маркову, то я *начинаю ЗАДЫХАТЬСЯ ОТ ЯРОСТИ!!!!*

Обнимаю Вас.
Ваш Коля Чижиков.

¹ Неясно, о какой статье пишет Ильин. Между 17 февр. и 4 мая, т.е. в этот именно период времени, в газете появилась только одна статья Ильина, «О рыцарстве», *Возрождение*, № 675, 8 апреля 1927 г. (Статья была посвящена Петру Николаевичу Врангелю).

² Нина Александровна — жена Струве; Котя — его сын Константин Петрович.

³ Пятый том Деникина: *Очерки русской смуты*, т. 5 — *Вооруженные Силы Юга России*, изд-во «Медный Всадник», Берлин, 1926 г.

⁴ Leistung (нем.) — произведенная работа.

⁵ П. Н. — ген. П. Н. Врангель.

⁶ Ген. И. П. Романовский, начальник штаба ген. Деникина, вместе с ним покинувший Россию после передачи власти ген. Врангелю. Был убит русским офицером в Константинополе 18 апреля 1920 г.

⁷ Ген. М. В. Алексеев, быв. начальник штаба Верховного Главнокомандующего, потом инициатор создания Добровольческой (Белой) армии на юге России, поведшей вооруженную борьбу против большевиков.

⁸ Воспоминания ген. П. Н. Врангеля о возвращении в Крым: «Март 1920 года», — *Белое Дело*, т. 1, Берлин, 1926 г., стр. 61-76.

⁹ М. — ген. Монкевиц; осенью 1926 г. известил семью, что кончает с собой, но тело «самоубийцы» не было найдено.

¹⁰ К. — расшифровать этот инициал с полной достоверностью не удалось. Так или иначе, речь в этом абзаце идет о провалах в подпольной борьбе против большевиков и их агентуры.

¹¹ Б. Н. Неандер; выступал на Зарубежном съезде от имени группы национальной молодежи (в апреле 1926 г.).

¹² М. М. Федоров — русский общественный и политический деятель, идейно близкий к Ильину и Струве.

41.

1927. V. 16.

Дорогой Петр Бернгардович!

Только что вернулся из Чехии, где пришлось иметь целый ряд выступлений, в том числе 2 в Пшибраме и одно в клубе у Крамаржа.¹ Был и ужин у Крамаржей. К. П.² был очень мил, прямодушен и сердечен. С тревогой и огорчением расспрашивал о положении дел в руководимом Вами предприятии;³ письмо Ваше, по его словам, он получил и прочувствовал. Он очень удручен делом Неандера;⁴ укорял и себя. Жена его⁵ говорила мне о его добром отношении к Вам. Хорошо повидался с семьей Г.⁶ и с Ц.⁷

Сейчас здесь Хр.⁸ Такой же все самодовольный галда.⁹ Рассказывал о ноябрьской драме. Во всем, что он говорит, недоговоренное и умолчанное прет на свет из-за сказанного. Бьет топором по кружеву. Приехал сюда с княг./иней/ Палей, по ее делам; и возле нее что-то стряпает. И все это топит в тоне «искреннего прямодушия» и лести. Какофунія¹¹. . . В общем впечатление такое, что кроме *него самого*^{*} и г. Ю. Ф.^{*}¹² /*приписка сбоку: сие достоверно/ и сами г. А. О.¹³ облеклись в фартучек.¹⁴

Когда именно может быть здесь П. Н.¹⁵ мы еще не знаем. /Приписка:/ Знаем: не будет вовсе.

Мне очень существенно было бы знать, поедете ли Вы через нашу страну¹⁶ и когда? Очень прошу Вас, напишите мне об этом не

откладывая, хотя бы совсем коротко: «не предполагаю», «предполагаю, но неизвестно когда», или «тогда-то». Мне необходимо видаться с Вами и соотв./етственно/ с Вашими планами координировать время.¹⁷

Слышал о Л. И. Л.¹⁸ Как это ни тягостно, но, объективно говоря, м.б. *так* все же лучше . . .

Постоянно тревожусь и огорчаюсь проблемою Воз./рождения/ и злюсь на то, что я беден.¹⁹

Обнимаю Вас.

Ваш

Ивер.

P.S. Затребуйте в ред. № 1797 (29 апр.) и № 1799 (1 мая) Нов./ого/ Врем./ени/. Там два фельетона «О политич. клевете» с упоминанием о Вас и о кн. Щерб.²⁰

¹ Карел Крамарж (Kramář, 1860-1937) — возглавлял правительство Чехословакии в 1918-1919 гг., был лидером национал-демократической партии. Друг национальной России.

² К. П. — Карел Петрович Крамарж.

³ Предприятие, руководимое Струве: *Возрождение*.

⁴ Б. Н. Неандер.

⁵ Жена Крамаржа была русской по происхождению.

⁶ Семья проф. Гримма.

⁷ Ц. — Н. А. Цуриков.

⁸ Хр. — кто именно, установить не удалось.

⁹ У Даля: гáлда, гóлда, голдá — бранчивый человек, горлан, крикун.

¹⁰ Ноябрьская драма — конфликт в *Возрождении* в ноябре 1926 г., в результате которого часть функций главного редактора была у Струве отнята и передана Ю. Ф. Семенову.

¹¹ Κακοφύτης (др. греч.; *какофутής*, от *какон* = зло) — тут: скверный человек.

¹² г. Ю. Ф. — г-н Ю. Ф. Семенов.

¹³ г. А. О. — г-н А. О. Гукасов, издатель *Возрождения*.

¹⁴ Т. е. стали масонами.

¹⁵ П. Н. — ген. П. Н. Врангель.

¹⁶ Т. е. через Германию.

¹⁷ Весь этот абзац Ильин отчеркнул сбоку синим карандашом и поставил два восклицательных знака.

¹⁸ Л. И. Л. — Л. И. Львов. Неизвестно, о чем именно идет речь.

¹⁹ Т. е. на то, что по бедности не может субсидировать издание независимой русской газеты под редакцией Струве.

²⁰ Кн. Н. Б. Щербатов, бывш. министр внутренних дел.

Милый и дорогой Петр Бернгардович!
Посылаю Вам два совершенно доверительных редакционных

досье.¹ Очень прошу Вас, прочтите их и скажите мне Ваше мнение. Что можно — письменно, что нельзя — устно, по моем приезде.² Я все сумею взвесить, учесть и оценить.

Не удивляйтесь размеру большого досье.³ Оно писалось в предверии дальнейших, больших перспектив, — и лучших времен (*rebus aliter stantibus*⁴). Конечно обо всем не напишешь в небольшом журнале; но мне хотелось показать со всех сторон мой замысел — нашей единомышленной эзотерии, чтобы русло это — русло белого единомыслия — виделось не как тропинка, а как столбовой большак.

Деньги поступили; источник их — русский, идейный. Журнал задуман ежемесячный, чисто идеологический; без беллетристики; волевой. Предполагается название «Русский Колокол»; подзаголовок: «Журнал волевой идеи». Для распространения обдумываются и принимаются особые меры.

Сотрудники предполагаются немногочисленные, но крепко единомышленные. Состав их я надеюсь еще обсудить с Вами в Париже (конечно И. Д., Н. А., В. Ф.⁵).

При всем том я очень прошу вас замариновать все эти сведения, укрыв их под маскою загадочного неведения, не берущего на себя ответственности за новые, хотя и «близко-соседские» затеи. Это мне важно и потому, что я связан моральным обязательством интенционально-делового отбора сотрудников, и вся деликатность, трудность и ответственность этого задания мне слишком ясна! Думается мне еще, что было бы целесообразно, чтобы эта наша новая и крепкая рука жила и действовала, не связывая каждым своим поступком Вас, при большом внутреннем единомыслии и согласии.

На этом пока кончаю. Душевно Вас обнимаю и жду отзвук.

Ваш И.

1927.VI.23.

¹ Два досье, т. е. две доверительные записки о *Русском колоколе*, журнале, который Ильин стал издавать и редактировать в Берлине с осени 1927 г. (Последний, девятый номер этого журнала вышел в 1930 году). Первое досье было озаглавлено: «Задание журнала», второе — «Общее направление журнала». На каждом из них вверху справа рукой Ильина написано: «Совершенно доверительно!» На первом тексте («Задание журнала») вверху слева надпись рукой А. П. Струве (сына П. Б.-ча, работавшего в редакции *Возрождения*): «С письмом И. А. Ильина от 23. VI. 1927».

² Ильин приехал в Париж 1-го июля.

³ В большом досье («Общее направление журнала») — 25 машинописных страниц (в маленьком — 6 страниц).

⁴ *Rebus aliter stantibus* (лат.) — в соответствии с тем, как обстоятельства могут сложиться в дальнейшем.

⁵ И. Д. — Иван Давидович Гримм; Н. А. — Николай Александрович Цуриков; В. Ф. — Василий Федорович Гефдинг.

43.

[Без даты; 1927 г.?'¹]

Дорогой Петр Бернгардович!

Только что отправил Вам пакет и посылаю еще. Исключительно благоприятный случай дал мне возможность узнать и сообщить. Пожалуйста сохраните буквально заголовок и подзаголовок и подпись; я же ручаюсь за содержание.

Обнимаю Вас. 31-го трогаюсь отсюда.

[Без подписи]

¹ Письмо без даты, и Г. П. Струве не был уверен, что оно за 1927 год. Сам я допускаю возможность, что оно даже и не за 1926 год — и должно быть помечено 25 октября 1925 г., а следовательно, должно было бы идти сразу же за № 16, от того же числа. Если это так, то «только что» отправленный пакет, о котором говорится в письме № 43, был пакетом со статьей из серии «Письма о фашизме», а это, дополнительное письмо содержало корреспонденцию с необычным для Ильина содержанием, заголовком, подзаголовком и подписью: К. П., «Вести отсюда [т. е. из Советской России]. От одного корреспондента из Латвии», — *Возрождение*, № 152, 1 ноября 1925 г. В пользу такого предположения говорит и упоминаемая в письме дата: «31-го трогаюсь отсюда» будет тогда означать 31 октября 1925 г., когда Ильины двинулись, с остановками, из Италии в Берлин. Однако уверенности, что все обстояло именно так, нет, — отсюда и вопросительный знак. (См. также прим. 13 к письму № 15, от 12 октября 1925 г.). В любом случае, это письмо было написано не позже весны 1927 г. и соответственно этому и печатается.

44.

[Без даты; начало июля 1927 г.?'¹]

[Пневматичка]

Дорогой Петр Бернгардович!

Приехал третьего дня поздно вечером. Два дня мыкаюсь по паспортным делам. Сейчас кажется дело налаживается. Завтра в воскресенье я занят только вечером. Бросьте мне пожалуйста пнё, где бы нам увидеться? и когда? Надо бы обо многом сговориться вперед на ближайшие месяцы.

Целую ручку Нины Александровны.²

Ваш

И.И.

Адрес: XVI. Boulevard Exelmans
Hôtel Exelmans. 14.

¹ Отмечая, что эта парижская «пневматичка» без даты, Г. П. Струве не высказывает никаких конкретных предположений. Мне представляется, что письмо может быть датировано (условно) началом июля 1927 г. Ильин приехал в тот год в Париж 1-го июля, и двухдневные паспортные «мыкания» были, видимо, связаны с тем, что он хотел провести три месяца, работая над *Русским колоколом* и набираясь сил — в Париже и на юге Франции, — а для этого нуждался в получении специальной визы от французских властей в Париже.

² Нина Александровна — жена Струве.

45.

[Без даты; июль 1927 г.¹]

Дорогой Петр Бернгардович!

У меня сегодня к сожалению время растерзано. Разрешите мне ждать Вас ко мне завтра после ужина — *чай пить*. 51. rue Chardon Lagache. Часам к *восьми*. У нас будет целый вечер в уюте. Радуюсь свиданию.

Ваш

И. Ильин

¹ Г. П. Струве отметил только, что и эта «пневматичка» без даты. Думается, что она — за июль 1927 г., когда Ильин провел в Париже почти три недели. Указанный в ней адрес — адрес парижского друга Ильина, Л. С. Мееровича.

46.

1927.VII.25.

Адр: Haute Savoie.
Grand Bornand.
Hôtel Milhomme.

Дорогой Петр Бернгардович!

Осев на месте, сосредоточившись и пересмотрев мой редакционный портфель,¹ я увидел себя вынужденным обратиться к Вам со следующей большою и настойчивою просьбою.

В конце января я прислал Вам для Возрождения две статьи: одну (не помню заглавия) о необходимости воспитывать в России новое правосознание; другую о Власти и Смерти.² Вы предложили мне тогда отдать их в Русскую Мысль, указывая на то, что они имеют шансы появиться там раньше, чем в Возрождении. Я писал все мои статьи по известному, внутренне-органическому плану и не раз уже горевал о том, что *эти* статьи не появились своевременно. Но теперь, распределяя материал для Рус. Колокола, я

вижу, что они обе совершенно необходимы мне: я не могу промолчать на эти темы и не могу написать то же самое другими словами. А у меня даже нет копии с них.

Поэтому я прошу Вас: будьте так милы, найдите их и перешлите их ко мне, чтобы я мог использовать их в новой органической связи. Если же Русская Мысль начнет выходить, то я если Вы захотите пришлю Вам для нее что-нибудь другое, что меня больше устраивало бы при наличности Колокола.

С сокрушением думаю о том, что Возр. растрчивает Ваши силы, явно уходя из рук и превращаясь на ходу во что-то иное, на чем Вашему имени вряд ли есть место.

Ваш

И.И.

¹ Редакционный потрфель журнала *Русский колокол*, который стал выходить в Берлине с осени 1927 г. Ильин был редактором-издателем этого журнала.

² См. письмо № 38 от 23 января 1927 г. и примечание к нему.

47.

1927.VIII.19

Дорогой Петр Бернгардович!

Вчера получил Ваше досье.¹ Сегодня пришел номер «Возрождения», в коем «свершилось».²

Всею душою с Вами! Хамство Семенова³ образцово и наглядно. Редакторская несостоятельность его *тоже*. Что же дальше? Попрежнему предоставляю Вам всяческую мою поддержку, если таковая Вам будет нужна.

Эх! Новую бы газету Вам начать!..

Словом, если что понадобится — напишите. Досье пересылаю Шмелеву.⁴

Почему среди ушедших нет Г. Н. Трубецкого??! *Нольде*?! Арсеньева?⁶ да и еще кое-кого...

Обнимаю Вас и напряженно жду дальнейших вестей.

Очень надеюсь, что Вы *не* оставили в редакции статью Шульгина⁷ о Русском Колоколе. Это был бы *зарез* для меня: ведь ответить то — я бы не мог!!

Ваш И. Ильин

Haute Savoie. Grand Bornand. Hôtel Milhomme.

¹ Доверительное досье Струве, в котором была изложена вся история взаимоотношений Струве с издателем газеты *Возрождение* А. О. Гукасовым, закончившаяся вытеснением Струве из газеты.

² *Возрождение*, № 807, от 18 августа 1927 г., с «Письмом в редакцию» Петра Струве (датированным 17 августа), в котором он извещал, что с 18 августа он более не является ни редактором, ни сотрудником газеты. Письмо включало заявление 23-х других сотрудников газеты (в том числе и многих виднейших) об их коллективном уходе — вместе со Струве — из *Возрождения*. (К этим двадцати трем именам прибавилось почти сразу же еще девять, в том числе и имя И. А. Бунина).

³ Юлий Федорович Семенов сменил Струве на посту редактора *Возрождения*.

⁴ Иван Сергеевич Шмелев, известный русский писатель, ближайший сотрудник *Возрождения*, друг и единомышленник Ильина.

⁵ Проф. барон Борис Эммануилович Нольде, юрист и историк.

⁶ Проф. Николай Сергеевич Арсеньев, тогда преподававший в Кенигсбергском университете. Н. С. Арсеньев, бар. Б. Э. Нольде и кн. Григорий Трубецкой были в числе девяти сотрудников *Возрождения*, ушедших вслед за двадцатью тремя другими авторами (см. выше, прим. 2).

⁷ Василий Витальевич Шульгин.

48.

[1.IX.1927]

Дорогой Петр Бернгардович!

Все Ваши письма и № России¹ ко мне благополучно пришли. Молчал потому, что чувствую себя *очень* утомленным и непрерывно работаю на Русской Колокольне.² Все думал — «родится что-нибудь» для Вас — и напишу. Но день идет за днем и не остается ни сил, ни времени. На мне колоссальная переписка и большие творческие задачи. Бывают дни, что отправляю до 10 и до 15 писем, не считая очередного дела.

Установим следующее:

1) Не ждите *наверное*, но я постараюсь — если не ко 2, то к 3 номеру.

2) Немедленно устанавливаем *обменные* объявления между Россией и Русским Колоколом. Свое прилагаю;³ а Ваше велите послать прямо Бунге⁴ (Augsburger Str., 56-IV) с пометкой, что *договорено со мною* и что наше (колокольное) уже имеется у Вас.

3) Ради Бога статью Шульгина⁵ о Колоколе не помещайте совсем. Она только навредит и затруднит. Затеять же полемику о поле (пол!) не родившегося ребенка — *очень* нежелательно — «а то родится дочь с отметкой на носу». Шульгин уже писал мне, что эта статья его была с его стороны знаком «лояльности» к Колоколу; да, да что же делать — такая лОяльность хуже лАяльности. Первая книжка выйдет в первой половине сентября — Вы получите книжку, как сотрудник — и тогда напишите сами судя по живому телу ребенка . . .

Объявление прилагаю. Для третьего номера м.б. пришлю объявление, что вышла. Если нет, повторите *это*.

Всем, кому могу, пишу письма о крахе Возрожденской редакции, одним разъясняя, другим выправляя хребет, третьих накаляя.

Вас прошу вести особый счет вступающим в Возрождение масонам. 1. Семенов. 2. «Атаман Кречет». 3. Лукаш. 4. П. Бобринский. 5. Питирим Сорокин.⁶ Это я насчитываю *издали*. А затем и впрочем — как Вашему Высокому Превосходительству будет угодно и на все есть воля Ваша.

А какво Даватц⁷ запустил о «Нефтяном Деле» — Новое Время на волоске — он сам *болен* (легкие) и в смысле заработка на волоске — и качает «на легком катере».

Душевно Ваш

И. И.

(Пономарь из Собора Иоанна Предтечи)

1927.IX.1.

St. Gervais les Bains
Hôtel Fleur des Alpes.

¹ Первый номер газеты *Россия*, начавшей выходить в Париже под редакцией Струве сразу же после его разрыва с *Возрождением*.

² Русская Колокольня — журнал Ильина *Русский колокол*.

³ Текста объявления в архиве нет.

⁴ А. И. Бунге, сотрудник *Русского колокола*, вел дела редакции журнала.

⁵ Была ли напечатана в *России* эта статья В. В. Шульгина, установить не удалось.

⁶ Ю. Ф. Семенов, новый редактор *Возрождения*; «Атаман Кречет» — псевдоним автора из кругов Братства Русской Правды; Лукаш — Иван Созонтович Лукаш, популярный в эмиграции писатель на исторические темы; граф П. А. Бобринской (?); П. А. Сорокин — в дальнейшем известный американский социолог.

⁷ В. Х. Даватц, редактировавший белградскую газету Суворина *Новое время*.

49.

[11.IX.1927]

Дорогой Петр Бернгардович!

Мой добрый друг, умный и верный человек, прямой потомок великих музыкантов Иоганна Себастиана и Филиппа Эмануила,¹ как я слышу, по своим домашним делам думает перебраться на зиму в мою страну. Там у него немало родственников, старых знакомых и влиятельных собутыльников. Я считал бы очень существенным, если бы удалось в течение ближайших недель

позавтракать нам вчетвером: он, Вы, я и Евгений Васильевич.² Я буду в Вашем граде³ наверное во второй половине октября; к этому времени мог бы оказаться и мой друг. Очень прошу Вас, не могли ли бы Вы сделать так, чтобы к этому времени оказался там и Е. В.⁴? Напишите ему! В. Ф.⁵ пишет мне о явившемся новом тоне; это любопытно и negliжировать нельзя. Надо бы плотно позавтракать. Неправда ли? Все сие пишу Вам, как на духу. Да и о Ваших добрых отношениях с Е. В. знаю. А мой друг слава Богу очень влиятелен.

Пожалуйста взвесьте это и напишите мне поскорее. Как Вы решите, в том Вам верю.

Не браните меня, что ничего не шлю: очень уж я замучен на колокольне.

Ваш Петя Чижиков

1927.IX.11

Ваше досье⁶ прислали мне назад. Как с ним поступить?

¹ Г. Г. Бах (?)

² Проф. Евгений Васильевич Спекторский.

³ В Париже.

⁴ Е. В. Спекторский.

⁵ В. Ф. Гефдинг.

⁶ Доверительное досье Струве о его вытеснении из *Возрождения*.

50.

[22.IX.1927]

Дорогая Нина Александровна!

Несмотря на *крайнюю* утомленность, приковавшую меня просто к постели, встал, чтобы написать для России маленький мордобойчик.² Посылаю его Вам.

Русский Колокол сегодня вышел в Берлине. Он будет немедленно разослан. Петр Бернгардович будет получать его бесплатно. Но очень прошу: не давайте его читать направо и налево; пусть покупают! На днях отправил в печать вторую книжку. Грущу, что я, будучи в Париже, не украл у П. Б. чего-нибудь для Колокола. Но может быть он, прочтя первую книжку, сам теперь вдохновится. Не может быть, чтобы еженедельная и мирная редакция отнимала у него столько времени, сколько ежедневная и

буйствующая. Поговорите с ним на эту тему! Написал бы он мне напр. *о социализме* — в самую (pardon!) в подложечку... Плачу доллар за страницу. Сразу отвожу ему 12 страниц (2160 букв в странице.)

Это одна просьба.

Другая: дайте отзыв о Колоколе в России. Но не поручайте этого Кириллу Иосифовичу:³ это будет и несправедливо, и неинтересно, и неавторитетно...

Третья: объявите, пожалуйста, в след. № России, что первая книжка Колокола *вышла*. Это в порядке *обменного* объявления. Надеюсь, что П. Б. распорядился послать Бунге⁴ объявление о России на обмен. Объявление прилагаю.⁵

Я писал П. Б. нечто о *необходимом на октябрь деловом завтраке*. Получил ли он это письмо?⁶ Мне очень существенно было бы (*для дела*) иметь ответ на него.

Привет от нас обоих.

Целую Вашу ручку.

Ваш И. И.

1927.IX.22

Если за сей мордобойчик мне причитается «гонорар» — то не переводите его, а я вношу его на поддержку *России*.

¹ Нина Александровна — жена Струве, помогавшая ему в его новой газете *Россия*.

² И. А. Ильин, «Нашим часовым», *Россия*, № 6, сентябрь 1927 г.

³ К. И. Зайцеву.

⁴ А. И. Бунге вел дела *Русского колокола*.

⁵ Текста объявления нет.

⁶ См. письмо № 49 от 11 сентября 1927 г.

51.

1927.IX.30.

[Открытка с видом Гран Борнан¹]

Дорогой Петр Бернгардович! Надеюсь Вы уже давно получили № 1 Колокола.² Очень хотел бы иметь от Вас отклик на него! Адрес новый: *Nice. Avenue Durante. Hôtel Richmond. 22-IX* послал Вам в Россию статью³ на имя Нины Александровны.⁴ Надеюсь она дошла. Когда же мой журнал достучится в Ваше литературное сердце? Ей Богу, плачу по доллару за страницу.

Ваш

И. Ильин

¹ Открытка послана из Ниццы (Ильины были в это время на юге Франции).

² Первый номер *Русского колокола* вышел в Берлине 22 сентября 1927 г.

³ Название статьи установить не удалось.

⁴ Н. А. Струве, жена П. Б.

52.

[6-X-1927]

Дорогой Петр Бернгардович!

Ради Бога, помогите мне выскочить из невязки. Мне необходимо, чтобы в БЛИЖАЙШЕМ номере России появилось такое объявление: — прилагаю.¹

Au vieux Livre — сейчас *единственное* место, где мы можем продавать Русский Колокол. Экземпляры туда высланы!

Спасибо Вам за «Дневник Политика» и за поддержку.²

Ваш

И. Ильин

1927.X.6.

Сие в порядке обменном.

Мы с А. П.³ сговорились об этом давно; он сейчас в отъезде, но я уже написал в его магазин.

¹ Ильин объявления не вложил (см. следующее письмо, от того же числа).

² Петр Струве, «Дневник политика. 211. *Русский колокол* И. А. Ильина», *Россия*, № 6, 1 октября 1927 г.

³ А. П. — Алексей Петрович Струве, сын П. Б., владелец книжного магазина Au vieux Livre, упоминаемого в этом письме.

53.

[6.X.1927]

Дорогой Петр Бернгардович!

Пришел домой и нашел неотправленный текст объявления. Вот он.¹ Простите за беспокойство.

Ваш

И. Ильин

1927.X.6.

¹ Текста объявления в архиве нет.

54.

[23.X.1927]

Дорогой Петр Бернгардович!

На днях я получил письмо от И. Д. Гримма,¹ «обличающее» меня и мой журнальный замысел во всех смертных грехах. Между прочим в том, что я втайне намереваюсь работать «наперекор»

Вам и «России», нарушить единство белого фронта, «совершить исторический подлог», выдав «мою фил.[ософскую] систему» за белую идею и т.п.

На всю эту резкую и злобную, «сердцеведческую» инсинуацию отвечаю не ему, а Вам.

Все, что он пишет о моих «намерениях» и «замыслах», — *злой вздор*; все это *ничему не соответствует*; все это та инсинуация, о которой у Лермонтова сказано «или друзей клевета ядовитая». Опровергать все это ниже моего достоинства — нет ни охоты, ни сил, ни времени.

Это не первая попытка так называемых «единомышленников» ударить в стык между Вами и мною. Но для того, чтобы эти попытки не удавались — необходима не только идейность и предметность моей линии, но еще *непоколебимое* доверие Ваше ко мне. Мало моего «неподвижного стояния» — необходима еще недоступность Вашего слуха для шептунов всех рангов и калибров.

Вы как-то сказали публично о той соли, которую мы с Вами съели вместе за ряд лет. И вот, на основании этой соли, я имею моральное право на уверенность, что Вы пошлете и всегда будете посылать всех шептунов — на легком катере!

Я — есмь я. Единожды и навсегда. Мы можем различно оценивать с Вами различные тактические целесообразности; и подобное «расхождение» я всегда первый открыто Вам выговарю. И считаю себя в праве — ждать того же и от Вас.

И точка.

Обнимаю Вас. К 27² буду проездом через Париж на неделю и надеюсь видеться с Вами.

Ваш, как всегда
ИАИльин.

1927.X.23

Целую ручку Нине Александровне.³

¹ Иван Давидович Grimm.

² Т. е. к 27 октября, проездом из Ниццы в Берлин.

³ Н. А. Струве, жена П. Б.

55.

[13.XI.1927]

Дорогая Нина Александровна!¹

К сожалению мне так и не удалось побывать у Вас еще раз. Мы уехали 6 утром (последний полицейский срок), ночевали в

Кельне и прибыли сюда 7 вечером. Здесь холодно и неудобно.

«Россию» от 5 ноября получил перед отъездом. Был огорчен, что П. Б. урезал мне самое *проклятие* — ведь он же сам меня и раскачал на него своим заказом.²

Хочу сообщить Вам мой берлинский адрес: Berlin W. Lützow Str. 63. Pension Tonn. Это для газеты и для всего. Ищем себе комнаты — томительно!

Оба шлем привет Вам и Петру Бернгардовичу. Во вторую книжку Колокола в обменном порядке поставлю такое же объявление, как было в первой; а наше вышлю Вам на днях.

Ваш

И. Ильин

1927.XI.13.

¹ Нина Александровна — жена Струве.

² Ивер, «Проклятие», *Россия*, № 11, 5 ноября 1927 г. Конец статьи, развивающий проклятие, Струве не напечатал.

56.

[29.XI.1927]

Дорогой Петр Бернгардович!

Вчера вышла вторая книжка Русского Колокола. Сегодня она рассылается. Через пару дней будет у Вас. Объявление о России помещено в том виде, как нам его составил А. И. Бунге. Очень прошу Вас о дружественной обменной рекламе. Текст прилагаю.¹

Попрежнему Русский Колокол звонит у Ваших дверей («однозвучно звенит колокольчик») и просит Вашу статью о социализме. Выходим мы аккуратно раз в два месяца (чтобы не затоваривать книжный рынок). Тираж наш для начала очень удовлетворителен.

На днях со мною случилось следующее. Ко мне обратился Верховный Круг Братства Русской Правды² (по крайней мере 30% его Вы знаете лично и *уважаете*) с просьбою взять на себя единоличный арбитраж, констатирующий их морально-серьезный уровень и патриотическое благородство их намерений и усилий. Для дальнейшего опубликования отзыва во всех газетах. Предлагают все портфели и данные. Я не дал им еще окончательного ответа и решил предварительно снестись с Вами. Коллегиальный арбитраж они отводят по условиям дела и работы. Оporочением же своим крайне тяготятся, считая это вопросом чести, в *данном* случае неподдающимся *дуэльному* разрешению в силу *условий дела* и в интересах единства фронта.

Повторяю, ответа я им не дал и имею целый ряд оснований для отказа. Не потому, чтобы я считал их дело дурным или темным; и не потому, что они дурные люди. Совсем нет. Но потому, что это может оказаться несовместимым с другими, лежащими на мне делами и обязательствами. И тем не менее я очень прошу Вас сообщить мне *Ваши отношение* к этому делу, причем *о нем* я предварительно не сообщу никому.

Душевно Вас обнимаю.

Ваш
Петя Синичкин

1927.XI.29.

¹ Текста объявления в архиве нет.

² Братство Русской Правды — боевая антибольшевистская организация, действовавшая подпольными методами. Верховный Круг этой организации просил Ильина быть арбитром в связи с тем, что в печати появились статьи, в которых говорилось о проникновении большевистской агентуры в ряды этой организации.

57.

1927.XII.22.

Дорогой Петр Бернгардович!

Недавно я получил письмо от Н. Н. Львова,¹ который, уведомляя меня о том, что вступил сотрудником в Возрождение (под редакцией Семенова²) и раскрывая мне чисто идейные мотивы своего решения, звал меня (по уполномочию) вернуться в Возрождение для ревизии газеты белому делу.

Я считал и считаю правильным подходить к этому вопросу *sine ira et studio*.³ Ибо иметь эту газету в белых руках чрезвычайно важно, если не просто необходимо. А рыцарственная кристаллическая личность нашего Н. Н. внушала и внушает мне всегда безусловное доверие.

Однако я не счел возможным ответить ему непосредственным согласием. С одной стороны я полагаю, что необходимы редакционные гарантии — и вообще, и для меня лично в частности. Слухи, доходившие до нас, сообщали другое: а именно, будто Н. Н. вступает *редактором* или хотя бы ответственным за политическое направление председателем редакционного комитета. С другой стороны я просил Н. Н. известить меня, как вскрылся и обговорился вопрос о его вступлении в Возр. между ним и Вами.

Я глубоко убежден, что весь этот вопрос мы все — и Вы, и он,

и я, и все наши друзья — *обязаны* ставить исключительно с точки зрения *русского национального интереса*, отодвигая им *все* личное, вплоть до полной жертвенности включительно. И я никогда не забуду того момента, когда Вы, будучи редактором Возрождения, соглашались отойти в почетные сотрудники при *идейно-белом* и *авторитетном* редакторе. Такую позицию я считаю единственно верной — и национально, и лично.

Но именно с точки зрения целесообразности в национальной борьбе мне *неясно* — следует или не следует Николаю Николаевичу начинать борьбу за ревиндикацию Возрождения со вступления в него *сотрудником*. Быть может это — первая ступень к редакторству; тогда его поступок не только жертвенен, но и победоносен. А может быть и нет? Тогда его поступок будет жертвенен, но может оказаться напрасен. Учесть всю эту сторону возможной целесообразности я издала не могу и считаю здесь правильным аскез силы суждения.

Другое дело, что касается *меня*. Я подробно описал Николаю Николаевичу, до какой степени мне, *заглавному* сотруднику, необходимо *доверие* к редактору; и еще, до какой степени это необходимо *мне* при *моем способе жить и писать*. Я написал ему, что считаю *свое* вступление в Возр. без *его редакторства* — совершенно *бесцельным*: вступить, чтобы *не* писать; вступить, чтобы расплесться; вступить, чтобы с треском уйти?!.. Семенов, осложненный Гепеусихой?!⁴ При чем тут я?! В порядке *крайнего, жертвенного* нажима на себя — я бы мог *временно* потерпеть, что в *авгиевой конюшне* из под Львова рядом с Гепеусихой и ее упражнениями — было напечатано несколько моих статей... Но без *его* гарантии — я там ненужен и вступление мое было бы просто вредно.

Вчера В. Ф.⁵ прочел мне Ваше письмо к Н. Н. Львову и письмо «божественного быка» (собств. «овце-быка») к Вам. Первое мне понравилось и меня порадовало. Гарантия «долгосрочного контракта» — не берусь судить о его безусловной необходимости — была бы превосходна; но, может быть, в порядке жертвенности Н. Н. мог бы и без нее обойтись; однако гарантия *его редакторства*, кажется мне, просто насущной. Письмо премоудрого «овцебыка» меня позабавило своею пророчесственной глупостью; *удивило* меня не оно, а то, что *Вы его тогда* звали... С него взятки гладки: «потерявши вещи эти, надобно терпети»...

Я, к сожалению, не дождался Вашего письма ко мне и решил вопрос о Бр. Р. П.⁶ до него. Они торопили. Я *отказал* по соображениям, изложенным в № 1 Р. Кол. (как хранить тайну).⁷

Передайте пожалуйста Нине Александровне, что Лева⁸ обе книжки посланы.

Душевно Ваш

И.

С наступающими праздниками!

¹ Николай Николаевич Львов — давнишний друг и единомышленник Струве, разошедшийся с ним в вопросе о коллективном уходе из *Возрождения*. Выступил против Струве в печати. Впоследствии раскаивался в своем поведении.

² Ю. Ф. Семенов.

³ *Sine ira et studio* (лат.) — без гнева и пристрастия.

⁴ Гепеусиха — Зинаида Николаевна Гиппиус. Тут и дальше — игра на фонетической близости и соединении двух слов: Ге-пе-у (ГПУ) и Гиппиус. (Это именно игра — отображающая не какие-либо подозрения политического порядка, а лишь общее отрицательное отношение Ильина к Гиппиус, ее идеям и общественному поведению).

⁵ В. Ф. — В. Ф. Гефдинг.

⁶ Бр. Р. П. — Братство Русской Правды, руководители которого обратились к Ильину с просьбой взять на себя единоличный арбитраж (см. письмо № 56 от 29 ноября 1927 г.).

⁷ Старый политик, «Как хранить тайну (Правила и советы)», — *Русский колокол* № 1, 1927 г., стр. 70-80. «Старый политик» — один из псевдонимов И. А. Ильина.

⁸ Нина Александровна — жена, Лева (Лев Петрович) — сын Петра Бернгардовича Струве.

Основные принципы поэзии Гумилева К столетию со дня рождения

*Олег Ильинский**

Есть Бог, есть мир, они живут вовек,
А жизнь людей мгновенна и убога,
Но все в себе вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога,
(«Фра Беато Анжелико»)¹

Шестьдесят пять лет со дня смерти Гумилева — достаточный срок для того, чтобы творчество его могло предстать в исторической перспективе и — что еще более важно — чтобы возникла возможность такой оценки поэта, которая воспринимается на фоне литературной культуры в целом, а не только в рамках его эпохи, как это часто делается по отношению к современнику. Гумилев — поэт очень большого масштаба. Тем самым он как бы выходит за рамки своей школы (акмеизма) или даже — за пределы художественной проблематики русской поэзии XX в. Да и сам акмеизм может сегодня рассматриваться несколько иначе, чем в первые десятилетия после смерти поэта. Хотя тут стоит вопрос не столько о переосмыслении наследия Гумилева, сколько об уточнении основных смыслов его художественного мышления,

* О. П. Ильинский — литературовед и поэт. Учился в Мюнхенском университете и принимал участие в конференциях христианского студенчества в Германии, Голландии и Швейцарии. Окончил Нью-Йоркский университет (Ph.D. 1970) и читал там лекции по русской литературе. Автор пяти книг стихов и ряда литературоведческих статей.

¹ Все цитаты из стихотворений Гумилева даются по: Н. Гумилев, *Собрание сочинений* в 4-х тт., под редакцией проф. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова (Вашингтон: В. Камкин, 1962-65).

подведение некоторых итогов не только возможно, но и необходимо.

В связи с этим, стоит поставить вопрос о корнях художественного мышления Гумилева, а одновременно — и всей школы акмеизма. Художественные принципы акмеизма безусловно следует искать не только за пределами XX в., но и за пределами тех художественных явлений XIX в., с которыми Гумилева обычно связывают (французская поэзия: Теофиль Готье и многие другие). В своей статье «Наследие символизма и акмеизм» (*Аполлон*, № 1, 1913), имеющей, как известно, значение манифеста, Гумилев на одно из первых мест ставит Шекспира, среди других предшественников акмеизма называет Ф. Вийона и Раблэ. Не случайно, эти поэты принадлежат эпохе Возрождения. Если вспомнить, кроме того, что Данте занимает в художественном сознании Гумилева одно из центральных мест, а стихотворение «Фра Беато Анжелико», носящее несколько программный характер (в сборнике *Колчан*), посвящено этому великому художнику раннего Возрождения, то становится очевидным несомненный интерес Гумилева именно к этому периоду в развитии мировой культуры. В этом стихотворении, между прочим, упоминается и ряд художников эпохи Возрождения: Рафаэль, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Челлини. Предпочтение поэт отдает, как известно, Фра Анжелико, а заключительная строфа, поставленная эпиграфом настоящей статьи, не только блестяще суммирует отношение поэта к искусству этой эпохи, но и дает как бы последний обобщенный смысл творчества самого Гумилева.

Можно несколько уточнить: Гумилева особенно интересует эпоха раннего Возрождения. Его остро интересует тот период, когда в Возрождении еще сильна память о Средневековьи, когда этика и религиозная мысль Средневековья еще не только мощно воздействует на художественное миросозерцание человека и художника, но и лежит в основе многих философских и художественных концепций. Как известно, культура Средневековья и раннего Возрождения — это мир христианской мысли и религиозной этики. Кроме того, это мир, обладающий колоссальной волей к художественному воплощению и к художественным формам. Это воля к тому, что и выражается самим понятием «акмеизм» — напряжение сил, высшая степень, цветущая пора.

Религиозно-христианское миросозерцание Гумилев, как известно, пронес через всю жизнь. Вполне естественно, поэтому, что для своей поэзии он искал опоры в той эпохе, которая именно это мировоззрение так или иначе воплощала в искусстве. Иерар-

хизм мироздания, художественное мастерство, религиозное горение, исключительная красочность мировосприятия и форм искусства, высота нравственных и религиозных поисков, дантовский и иной платонизм — все это чрезвычайно характерно как для творчества Гумилева, так и для эпохи Средневековья и раннего Возрождения. А изобразительное искусство во всех его формах (включая архитектуру) было, пожалуй, ближе Гумилеву, чем кому-либо из русских поэтов. В связи с этим, корни художественной психологии Гумилева, да и всего акмеизма, естественно искать прежде всего именно в христианской культуре Средневековья и раннего Возрождения.

Очень важно и даже несколько парадоксально то, что такого рода идейно-художественная установка возникает на фоне русской поэзии начала XX в. Таким образом, культура Средневековья и раннего Возрождения увидена глазами русского поэта, глазами эпохи, близкой к нам во времени. Необходимо также учитывать, что литература и, в частности, поэзия возникает и существует в формах конкретного языка; вне языка она превращается в чистую абстракцию. Возникая на русском языке, художественная образность отдаленной эпохи чрезвычайно освежается и приобретает новую жизнь.

Все это следует помнить при постановке вопроса о влияниях одного поэта на другого или даже поэзии одной страны на поэзию другой. Как школа акмеизма в целом, так и художественный мир Гумилева сложно и многообразно связаны со всей мировой поэзией и, в частности, с теми явлениями французской поэзии XIX в., на которые есть достаточно указаний в литературе о Гумилеве и в его собственных высказываниях. Не менее важны и воздействия английской поэзии. И все же, связь с Данте, готикой и традицией трубадуров — много важнее, а изобразительное искусство занимает в мире образности Гумилева одно из центральных мест.

Основным моментом при любых условиях является, конечно, художественная воля самого Гумилева и его устремленность в христианскую традицию художественной культуры. В связи с этим стоит процитировать высказывания как самого Гумилева, так и Осипа Мандельштама. В упомянутой выше программной статье Гумилев пишет: «Здесь этика становится эстетикой, расширяясь до области последней. Здесь Бог становится Богом Живым потому, что человек признал себя достойным такого Бога...» И далее: «детски-мудрое, до боли сладкое ощущение собственного незнания — вот, что нам дает неведомое». И еще:

Для нас иерархия в мире явлений — только удельный вес каждого из них, причем вес ничтожнейшего — все же неизмеримо выше отсутствия веса и потому, перед лицом небытия все явления — братья... Мы не решились бы заставить атом поклониться Богу, если бы это не было в его природе. Но ощущая себя явлением среди явлений, мы становимся причастны мировому ритму, принимаем все воздействия на нас и в свою очередь — воздействуем сами. Наш долг, наша воля, наше счастье — и наша трагедия — ежедневно угадывать то, чем будет следующий день для нас, для нашего дела, для всего мира и торопить его приближение. (*Аполлон*, № 1, 1913).

Несмотря на некоторую сбивчивость фразеологии, общий смысл и общая направленность этих строк достаточно ясны. Характерно, что подчеркнута не только общая религиозная установка, но и воля, динамический порыв и слияние этики с эстетикой. Это последнее — в соединении с иерархией в мире — и есть, между прочим, тот самый платонизм, о котором мы уже упоминали выше. Добавим, что платонизм Гумилева вообще выступает в очень разнообразных формах.

А в № 4 того же журнала *Аполлон* (1913) О. Мандельштам писал:

Разве готика — не торжество динамики? Еще вопрос, что более подвижно, более текуче — готический собор или — океанская зыбь? Чем, как не чувством архитектоники является даже равновесие стропы... Это — архитектурно обособанное восхождение, соответствующее ярусам готического собора... Средневековый человек считал себя в мировом здании столь же необходимым, как любой камень в готической постройке... Служить — значило не только быть деятельным для общего блага. Бессознательно, средневековый человек считал службой, своего рода подвигом... факт своего существования.

Далее Мандельштам замечает, что Франсуа Вийон оказался невосприимчивым к этической стороне Средневековья. Добавим, что Гумилев, в противоположность Вийону, не только постоянно мыслил именно этическими нормами Средневековья, но и построил на них целую образно художественную систему, а в своих главных драмах — трагически их заострил.

Эти программные высказывания вождей акмеизма чрезвычайно характерны. В 1913 году Гумилеву предстояло еще восемь лет интенсивной творческой работы; за это время границы его поэзии расширились, но в программной статье была уже намечена та линия, которой поэт остался верен до конца. Дело не в том, что у акмеистов теория предвосхищала практику, а в том лишь, что рамки акмеизма оказались достаточно вместительными для всего

разнообразия поэзии Гумилева, да и не его одного. Творческая психология раннего Возрождения настолько созвучна Гумилеву, что некоторые определения, связанные с этой эпохой, могут быть привлечены для характеристики творчества самого Гумилева.

Известный исследователь культуры А. Ф. Лосев пишет в своей книге *Эстетика Возрождения*: «Эстетика Ренессанса чрезвычайно многомерна и многопланова. И эта многомерность обнаруживается прежде всего в огромном напряжении индивидуально-человеческого самочувствия и в то же самое время в его безысходности и трагизме...»² Далее, характеризуя средневековый платонизм (неоплатонизм), Лосев говорит: «Средневековый неоплатонизм в первую очередь теологичен, и при том абсолютно персоналистически теологичен, и, наконец, возрожденский неоплатонизм антропоцентричен, причем этот «антропос» мыслится там не просто индивидуалистически, но именно артистически-индивидуалистически» (стр. 94-95). Кроме того, соглашаясь с мыслями французского исследователя А. Шастёля, Лосев замечает: «Устремления Ренессанса... в значительной мере обнаруживают потребность *овладеть пространством* и, если можно так сказать, 'проявить' его; орудия, отвечающие этому стремлению, все относятся к технике 'зримо́го': образ, форма играют здесь господствующую роль» (стр. 74).³ Одновременно Лосев, на протяжении всей книги, подчеркивает в эпохе Возрождения наличие религиозного наследия Средневековья (готическую архитектуру Лосев также трактует в составе раннего Возрождения и, в связи с ней, опять-таки, выделяет и подчеркивает религиозное единство между Средневековьем и ранним Возрождением). Еще одна цитата из Лосева: «Но обосновать материальный мир значило для возрожденческой эстетики представить его в максимально одушевленном, максимально красочном и увлекательном для зрения и слуха виде» (стр. 86).

К этому стоит добавить, что мир гумилевского акмеизма до мелочей совпадает с той характеристикой Возрождения, которую дает в своей книге Лосев. Таким образом, творческие принципы Гумилева на фоне эстетики Возрождения не только проясняются, но и получают углубленную базу. Связь Гумилева с Возрождением вполне естественна, как естественно и совпадение его основной религиозной (христианской) установки с религиозным устремлением, характерным для Средних Веков. Можно утверждать, что соединение трагизма с религиозным оптимизмом так же

² А. Ф. Лосев, *Эстетика Возрождения* (М.: «Мысль», 1978), стр. 64.

³ Отсюда и «Муза Дальних Странствий» Гумилева.

прекрасно вписывается в эпоху Возрождения, как и в идейно-художественные принципы Гумилева.

Поэзия Гумилева на русском языке чрезвычайно оригинальна: поэт очень скоро приобретает свободу от влияний своих русских современников. Кроме своей сюжетности и фантастики, его поэзия еще характеризуется высотой нравственных поисков вместе со стремлением художественным. Нравственность, как осознанная тема поэзии, постоянно используется им в его художественной проблематике. Образная ткань Гумилева — предметна. Женский облик его лирики рождается из конфликта, часть которого — несовпадение идеи и реальности. Именно любовная лирика Гумилева часто отличается трагическими чертами. Художественно преломленная действительность приобретает платонические обертона, в характерном соединении с гумилевской предметностью.

Гумилеву жить интересно, Божий мир им глубоко осмыслен, поэтому трагическая нота у него никогда не приводит к распаду; его ирония всегда направлена на небытие, на отрицание, и в его мире царствует дисциплина и целеустремленность. Характерная черта гумилевского платонизма — его влюбленность в скульптурные формы бытия. Тут — характерное для него соединение динамики и статики. В своей статье, «Наследие символизма и акмеизма», которая имеет значение манифеста, Гумилев писал, что для акмеизма характерно движение по линии наибольшего сопротивления. Этой мыслью пронизана вся поэзия Гумилева. В поэзии он постоянно мыслит категорией должного, в чем тоже можно усмотреть связь с платонизмом. В поэзии Гумилева идея неотделима от действительности и вместе с ней служит утверждению высшей правды бытия.

Как на ярусах готического собора иерархически расположены статуи святых, пророков и ветхозаветных царей, а кроме того — аллегорические изображения бесов в виде чудовищ, как соборная архитектура включает растительный и даже животный орнамент, символизирующий полноту природы и мира, так и поэзия Гумилева в сложном сплетении акмеистической образности показывает трагическую ситуацию человека в мире, но трагичность эта не безнадежна потому, что в мире есть Бог. Героическая смерть у Гумилева всегда окрашена в религиозные тона. Именно эпоха позднего Средневековья и раннего Возрождения давала ему ту образную и идейную среду, где он находил элементы для построения своего художественного здания.

Проследить развитие и становление гумилевской поэзии не

является задачей настоящей работы. Это увело бы нас от непосредственной темы. В этой работе нас интересует художественное кредо зрелого Гумилева. Поэтому мы останавливаемся ниже на ряде стихотворений, где поэт говорит в полный голос. Нам важно выделить и подчеркнуть некоторые его основные художественные мысли.

Одной из характерных тем акмеизма можно считать тему Адама. В связи с этим стоит напомнить, что при зарождении школы акмеизма ее иногда именовали «адамизмом» — название это не привилось, но образ Адама не только прямо, но и косвенно остался одним из центральных. В связи с этим, мы выскажем ряд соображений относительно стихотворения «Сон Адама» из сборника *Жемчуга* (1907-1910). Это стихотворение написано в 1909 году, когда поэту было 23 года.⁴ Его можно было бы назвать одним из манифестов акмеизма. Более того, здесь соединяются различные линии: ощущается могучее дыхание эпохи Возрождения, молодое чувство полноты художественных сил автора, то характерное слияние трагизма с конечным оптимизмом, о котором мы уже говорили, и наконец, художественное истолкование судьбы человека и его культуры. Мы не можем привести стихотворение целиком, поэтому ограничимся выдержками:

От плясок и песен усталый Адам
Заснул, неразумный, у Древа Познания.

Уже первые строки вводят нас в основную полубиблейскую, полумифологическую атмосферу стихотворения.⁵ Спящий Адам вписан поэтом в райскую природу, сон его легок и чист. Символический смысл образа почти обнажен — Адам засыпает у Древа Познания, причем сам он характерно назван «неразумным», т.е. еще до разума, наивным. Именно это соединение райской символики с темой земного бытия придает атмосфере стихотворения особую характерность и прелесть. И как бы незримо присутствует тот платонизм, который чувствуется и на фреске Микеланджело. Но на этом райском фоне возникает и тема труда и трудностей жизни, которые подстерегают Адама (напомним, что Адам видит во сне весь будущий путь человечества):

⁴ Отмечаем тут его возраст только в связи с содержанием и характером стихотворения.

⁵ Мифологизм характерно связан со всей именно художественной традицией изображения Адама в искусстве. Вспоминается фреска Микеланджело «Сотворение Адама» на потолке Сикстинской капеллы в Риме.

Обитель труда и болезней . . . Но здесь
Впервые постиг он с подругой единство.
Подруге — блаженство и боль материнства,
И заступ ему, чтобы вскапывать весь.
Служеньем Иному прекрасны и грубы,
Нахмурены брови и стиснуты губы.

Эта тема упорного труда и преодоления трудностей проходит через все стихотворение, через весь сон. Портрет и характер Адама вырисовываются именно в преодолении трудностей, возникают искушения (тема искушений именно как таковых, у Гумилева достаточно сильна), в мир входит преступление, райское бытие нарушено. С предельной краткостью и художественной силой в двух строках нарисованы характеры Каина и Авеля: «За вепрями сильный охотится Каин, / И Абель собирает маслины и мед». Но вся жизнь Адама как бы освещена изнутри «служеньем Иному»: «Но Бог охраняет его виноградник». Вот эта работа в винограднике во имя «Иного» и есть в творчестве Гумилева последний смысл жизни человека и его культуры на земле. Адам стремится к сохранению красоты и равновесия в Божьем мире. Осторожно вводится тема культуры: «Покорны и тихи, хранят ему книги / Напевы поэтов и тайны религий». Читая это стихотворение, необходимо учитывать его сложный и стилизованный характер. Библейская стилизация не только выступает здесь на фоне художественной культуры Возрождения, и не только принципы акмеизма получают здесь блестящее применение. Здесь учтен и опыт русского символизма и традиции романтической поэзии. Адам показан в эстетическом контексте создаваемой (и созданной) им культуры. В самом Адаме и в культуре подчеркнуты художественные черты:

Он любит и скрежет стального резца,
Дробящего глыбистый мрамор для статуй,
И девственный холод зари розовой,
И нежный овал молодого лица, —
Когда на холсте под ударами кисти
Ложатся они и светлей, и лучистей.

Религиозная тема естественно проходит через все стихотворение. «Святыми ночами, спокойный и строгий / Он клонит колена и грезит о Боге». Тут же намечена тема искушения: «кроткая Ева, игрушка богов» (фразеология Возрождения, а не

библейской стилизации) обнаруживает двойственность и лукавство своей натуры. Эта двойственность женского характера тоже обычна в поэзии Гумилева. Символически во сне проходят перед Адамом все основные движения и явления культуры. В конце стихотворения, пробуждаясь, Адам снова возвращается в рай, тем самым все перепетии земного бытия как бы превращаются в сон. Он снова среди цветущей райской природы, где Ева встречает его; она — символ вечной радости и наивности земного райского бытия. Молодость Адама, неискушенная простота его мироощущения в раю (ведь Адам просыпается еще до грехопадения), богатство его возможностей в будущем — все это передано Гумилевым с исключительной яркостью и живописным мастерством. Эта полнота молодости тоже символична, не только для этого стихотворения, но и для всей гумилевской поэзии. Стилизация здесь — условие раскрытия райской темы.

Характерно, что поскольку Адам представлен еще до грехопадения, т.е. лишен опыта греха, вся история человечества представляется ему во сне хотя и трудной и томительной, но лишенной трагизма и пугающей остроты. Эта психологическая деталь подмечена очень точно, и гармония самоощущения Адама нигде не нарушена. От этого стихотворения остается впечатление силы, свободы, легкости и красоты. Религиозная тема подана строго и глубоко. Заключительная строка стихотворения — слова Евы «Ты спал и проснулся... Я рада, я рада!» — как бы суммируют весь смысл райской темы. А сквозной ситуацией «жизнь — как сон, сон — как жизнь» Гумилев входит в одну из основных традиций мировой литературы, получившую особое распространение в эпоху Возрождения и романтизма.

Одновременно тема Адама, со всеми своими сложными ассоциациями и со своей значительной идейной и художественной нагрузкой, является как бы автобиографической темой самого Гумилева, а значение ее для всего акмеизма мы уже отмечали. Эпоха раннего Возрождения была, как известно, эпохой надежд и открытий. Но, кроме того, она была сильна идеей религиозной культуры, которую она унаследовала от Средневековья. Двадцатитрехлетний Гумилев на этом и построил своего Адама. А. Ф. Лосев писал:

Средневековый неоплатонизм обслуживает не только природу и природного человека и не только космос в целом, но прежде всего теорию абсолютной личности, существующей выше всякой природы и наоборот, являющейся творцом всякого бытия и жизни из ничего... Средневековая неопла-

тоническая эстетика есть оправдание и выражение монотеизма. Следовательно, в основе своей она не космологична, но теологична (стр. 93).

Это и есть тот мир, в котором живет гумилевский Адам; и сам поэт живет в том же мире — и дает вещам названия, как Адам.

Приблизительно в том же плане, как и «Сон Адама», представляет интерес стихотворение «Потомки Каина», тоже включенное в сборник *Жемчуга* (впервые появившееся в *Аполлоне*, №. 3, 1909). Сонетная форма тяготеет к созданию острых интеллектуальных ситуаций и формулировок, к постановке проблемы, требующей если не разрешения, то, по крайней мере, строгой завершенности. Композиция стихотворения заставляет вспомнить Данте и Петрарку. Приводим его полностью:

Он не солгал нам, дух печально-строгий,
Принявший имя утренней звезды,
Когда сказал: «Не бойтесь вышней мзды,
Вкусите плод и будете, как боги».

Для юношей открылись все дороги,
Для старцев — все запретные труды,
Для девушек — янтарные плоды
И белые, как снег, единороги.

Но почему мы клонимся без сил,
Нам кажется, что Кто-то нас забыл,
Нам ясен ужас древнего соблазна,

Когда случайно чья-нибудь рука
Две жердочки, две травки, два древка
Соединит на миг крестообразно?

В этом стихотворении также звучат отголоски библейской стилизации. (В основном, тут конечно стилизация под произведения раннего Возрождения). Центральная тема искушения характерно преломляется здесь сквозь обе традиции и, кроме того, она чрезвычайно типична для самого автора. Несмотря на совершенно иную форму, связь со «Сном Адама» тут налицо. Суть поставленной проблемы здесь в том, что согрешившему человеку дьяволом подсказан путь от дьявольской «правды» к свободе, которая оборачивается соблазном и, как видно из следующей строфы, чувством богооставленности и собственного бессилия. В

концовке с огромной силой раскрывается смысл стихотворения: вся предыдущая жизнь человечества оправдывается и раскрывается Искуплением. Тема искупления чрезвычайно тактично введена в стихи: «Когда случайно чья-нибудь рука / Две жердочки, две травки, два древка / Соединит на миг крестообразно». Прикровенность ввода в высшей степени обостряет силу образного воздействия.

В отношении религиозно-эстетической проблематики, в том же сборнике очень интересен сонет «Дон-Жуан» (впервые опубликованный в *Аполлоне*, № 3, 1909). Тема Дон Жуана, так же как тема Адама, достаточно характерна для Гумилева; по существу, она примыкает к его лирике и вырастает из нее. Интересно, что стихотворение «Дон-Жуан» — тоже сонет, что опять-таки, связывает его с традициями эпохи Возрождения.

Моя мечта надменна и проста:
Схватить весло, поставить ногу в стремя
И обмануть медлительное время,
Всегда лобзя новые уста;

А в старости принять завет Христа,
Потупить взор, посыпать пеплом темя
И взять на грудь спасающее бремя
Тяжелого железного креста!

И лишь когда средь оргии победной
Я вдруг опомнюсь, как лунатик бледный,
Испуганный в тиши своих путей,

Я вспоминаю, что, ненужный атом,
Я не имел от женщины детей
И никогда не звал мужчину братом.

Сонет — консервативная форма. Форма сонета здесь оправдана тем, что поэт как бы включается в одну из основных тем христианской культуры. Стихотворение «Дон-Жуан» не случайно написано от первого лица. Мотив Дон Жуана вообще очень близок Гумилеву (в «Отравленной тунике» этот мотив включен в завязку трагедии). В этом стихотворении Дон Жуан осмысляет свою жизнь как подвиг и покаяние. Этим трактовка Гумилева отличается от многих других разработок этой темы. Первая строфа построена как экспозиция жизни Дон Жуана — это почти

обычная в мировой литературе версия. Вторая строфа: «Взять на грудь спасающее бремя / Тяжелого железного креста!» — уход от мира с целью монашеского подвижничества. В последних двух строфах строгий суд над самим собой кульминируется в исключительной по силе выразительности концовке: «Я вспоминаю, что, ненужный атом, / Я не имел от женщины детей / И никогда не звал мужчину братом». Совершенно особая смысловая нагрузка этих слов здесь говорит за себя. Дон Жуан в конце жизни судит себя за то, что по существу он был на земле призраком, а не человеком, и нравственная проблематика жизни осталась ему чужда. Поскольку это говорит монах-подвижник, то этим последним судом над самим собой его жизнь уже как бы оправдана. Если мы предположим, что это одновременно суд художника над собой, то стихотворение переносится в субъективный план, что придает ему новую глубину. В этом стихотворении также очень силен элемент стилизации, но такое соединение стилизации с лиризмом широкого дыхания вообще чрезвычайно характерно для гумилевской поэзии. Собственно говоря, так или иначе, вся поэзия Гумилева есть результат стилизации, и вполне естественно, что лиризму это не мешает. Строгая традиционность этого и многих других стихотворений Гумилева есть часть их образного строя и объясняется соотносительностью с самыми крупными явлениями мировой культуры.

В том же сборнике *Жемчуга* обратим внимание на стихотворение «Орел». Приводим из него две строфы — первую и последнюю:

Орел летел все выше и вперед
К Престолу Сил сквозь звездные преддверья,
И был прекрасен царственный полет,
И лоснились коричневые перья.
.....
Не раз в бездонность рушились миры,
Не раз труба архангела трубила,
Но не была добычей для игры
Его великолепная могила.

Суггестивная сила этого стихотворения, взятого целиком, очень велика. Тема тут — смерть. Строка «И умер, задохнувшись от блаженства» имеет здесь особое значение и особую смысловую нагрузку в связи с двумя другими строками, открывающими стихотворение. Религиозная направленность этого стихотворения

совершенно ясна. По тону оно близко стихотворению «Слово» из сборника *Огненный столп* (1918-21), в котором мы читаем:

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо Свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города

И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.

И тут же читаем: «И в Евангелии от Иоанна / Сказано, что Слово это Бог». Напомним также, что орел — символ и иконографический атрибут именно Евангелиста Иоанна. Введением «орла» оба стихотворения связаны между собой дыханием христианского платонизма, о чем в стихотворении «Орел» косвенно свидетельствует выражение «К Престолу Сил» и, до известной степени, «умер, задохнувшись от блаженства». Платонизм Гумилева подчеркивает божественную и творческую суть мира и человека. Возможно, полет орла символизирует движение души к высшему блаженству.

И наконец, приведем заключительные строки стихотворения «Заводи» из сборника *Жемчуга*:

Я один остался на воздухе
Смотреть на сонную заводь,
Где днем так отрадно плавать,
А вечером плакать,
Потому, что я люблю Тебя, Господи.

Здесь выражение религиозного чувства звучит как лирический монолог.

Как видим, религиозная тема в сборнике *Жемчуга* очень активна. Это очень важно для характеристики поэта, так как *Жемчуга* — первый по-настоящему зрелый его сборник. Кроме стихотворений, приведенных из этого сборника, религиозной теме посвящены стихотворения «Ворота рая», «Христос» и некоторые другие. А тема «Адама» получает здесь свое дальнейшее осмысление.

Гумилев — поэт многотемный, часто в границах одного

стихотворения он дает целую связку тем. Поэтому, изучая творчество поэта, приходится выискивать у него доминанты, на которых построена его поэзия. Религиозная тематика является одной из центральных тем поэта. Именно эта тема дает основное истолкование проблемам места человека в мире и вскрывает основной смысл его существования. Она же мощно воздействует на эстетику Гумилева. К религиозному истолкованию мира восходит все: предметность художественного мышления, иерархизм в структуре мироздания, стремление к объективизму, этическая норма, идеи рыцарского служения, общие принципы любовной лирики — все это так или иначе восходит к центральной доминанте. В смысле мировоззрения Гумилева характерно, что платонизм его совершенно иной, чем платонизм символистов. Платонизм Гумилева ведет его именно к конкретности, яркости и пластичности художественного образа, к объективности видимого мира. Платонизм символистов, напротив, тяготеет к некоторой расплывчатости и к субъективизации. Философскую причину этого несомненно следует искать именно в религиозно-христианском истолковании платонизма у Гумилева: мир, созданный Богом, не есть мир иллюзий и обманов, он в высшем смысле конкретен и реален.

Тема культуры также очень характерна для поэзии Гумилева. Она для поэта совершенно неотделима от темы изобразительного искусства, от истории, от памяти. Поскольку зрительный образ занимает главное место в его поэзии, естественно, что поэт постоянно живет формами изобразительного искусства. Думается, именно они и подсказали ему объективно-предметный, ответственно-дисциплинированный подход к художественной образности. Искусство и культура в той или иной степени присутствуют в очень многих произведениях поэта. Отметим, что через память, через воспоминание, искусство и культура естественно переводятся в план личного опыта, и поэт как бы приобретает над ними права авторства. Микеланджело, Шекспир и Фра Анжелико уже неотделимы от голоса самого поэта, готическая архитектура становится выражением его собственной дисциплины и художественного самоопределения.

В плане уже сказанного естественно, что культура у него тоже соотнесена с религиозным смыслом. В некоторых случаях эта соотнесенность религии с культурой может привести к острому конфликту, как например, в стихотворении «Отрывок» (сборник *Чужое небо*, 1910-1912), которое мы приводим полностью;

Христос сказал: убогие блаженны,
Завиден рок слепцов, калек и нищих,
Я их возьму в надзвездные селенья,
Я сделаю их рыцарями неба
И назову славнейшими из славных...
Пусть! Я приму! Но как же те, другие,
Чьей мыслью мы теперь живем и дышим,
Чьи имена звучат нам, как призывы?
Искупят чем они свое величье,
Как им заплатит воля равновесья?
Иль Беатриче стала проституткой,
Глухонемым — великий Вольфганг Гете
И Байрон — площадным шутком... о ужас!

Здесь сталкивается несколько острых тем, и задан вопрос, оставленный без ответа. В начале звучит религиозная тема, она же — и тема этическая. Здесь изображены два пути: путь религиозно-нравственного совершенства и путь творчества ценностей культуры. Эти пути противопоставлены друг другу. Кульминация приходится на последние строки. Проблема, поставленная здесь поэтом, занимала и занимает очень многих. Кроме основных тем, здесь введена тема рыцарства, а кроме того, упоминается имя Беатриче. Не есть ли это имя для поэта наряду с прочими значениями — символ христианской культуры? Во всяком случае, упоминание о Беатриче здесь связывает тему культуры с любовной лирикой, что в плане художественного мировосприятия Гумилева представляет интерес.⁶ Повторяем: заданный здесь вопрос оставлен без ответа, но все творчество Гумилева есть именно попытка ответа на этот вопрос. В наиболее обобщенной форме ответа следует искать в четверостишии, взятом эпиграфом к настоящей работе. Тема христианской культуры звучит у Гумилева постоянно. Кроме уже упомянутых стихов, напомним лишь некоторые другие: «Вечное», «Ангел хранитель», «Андрей Рублев», «Падуанский собор», «Я, что мог быть лучшей из поэм...», «Канцона вторая», «Заблудившийся трамвай» и др.

Что касается собственно любовной лирики Гумилева, ее довольно трудно выделить в отдельную группу, так как она перекликается с тем, о чем мы уже говорили выше и составляет единство со всем творчеством поэта в целом. Кроме того, она

⁶ В том же отношении характерен цикл стихотворений «Беатриче».

неотделима у него от темы искусства или от темы преображения жизни через искусство, которая вообще характерна для русской поэзии начала XX в. Здесь Гумилев близок символистам. Добавим к этому, что тема переживания женственности у него вообще неотделима от культуры и от самого процесса творчества (см., например, «Вот, почему, мечтая о тебе, / Я говорю и думаю ритмически», из стихотворения «Уста солнца» в сборнике *К синей звезде*). Женский облик в поэзии Гумилева несет, по крайней мере, двойную функцию: он дает выход эмоции огромного напряжения, а кроме того, властно, ярко и пластично преображает мир вокруг себя. В этом смысле он способен вместить в себя любые реалии, любое художественное содержание. Любовь к женщине есть для него одновременно и любовь к жизни и сам процесс переживания жизни в художественном образе и соотносённость с космосом:

Я чувствую огромные моря,
Коллеблюмые лунным притяжением,
И сонмы звезд, что движутся горя,
От века предназначенным движением.
(«Уста солнца»)

Психологическая глубина женского портрета в поэзии Гумилева тем значительнее, что в ней звучат трагические тона. Женственность — не только источник художественной образности и гармонии, она же и область искушения и конфликта. Одновременно, женский облик, созданный Гумилевым, психологически близок ему самому; можно даже говорить о своеобразном «сестренстве» между поэтом и созданным им обликом. Для Гумилева кульминацией женственности является Беатриче. Но есть у Беатриче и своеобразный темный двойник (Лера в «Гондле», Феодора и даже Зоя в «Отравленной тунике»). Между этими полюсами разыгрывается вся динамика эмоционального напряжения.

На фоне сказанного, особо ярко звучат строки:

Но поет мне голос настоящий,
Голос жизни близкой для меня,
Звонкий, словно водопад гремящий,
Словно гул растущего огня:

«В этом мире есть большие звезды,
В этом мире есть моря и горы,

Здесь любила Беатриче Данта,
Здесь ахейцы разорили Троию!
Если ты теперь же не забудешь
Девушку с огромными глазами,
Девушку с искусными речами
Девушку, которой ты не нужен,
То и жить ты, значит, не достоин».
(«Последнее стихотворение
в альбоме»)

Это стихотворение очень типично для Гумилева. Принадлежит к области любовной лирики, оно, однако, включает многие основные его мотивы: здесь есть и тема мироздания, и большие пространства, и Беатриче, и древний мир; есть и тема смиренного, но одновременно волевого, и в этом смысле — целеустремленного, отречения от того, что встает на пути к его последней цели. Тон любовной лирики Гумилева обычно несколько приподнятый, облик женщины у него носит отпечаток изящной «старинности», который тоже стилизован: часто ему приданы несколько сказочные черты, как например, в поэме «Капитаны». Женственность у Гумилева по существу — вневременна:

Мне книга скажет, что любовь одна
В тринадцатом столетии, как в этом,

Печальней смерти и пьяней вина,
И, бархатные лепестки целуя,
Быть может, преступленья не свершу я?
(«Роза» из сборника *Костер*)

Поэмы Гумилева (мы остановимся на трех из них: «Блудный сын», «Капитаны» и «Открытие Америки») можно определить как лирико-романтические. Принцип их построения тот же, что и в других стихах поэта. Тут и приключенческий элемент, и тяга в даль, и Муза Дальних Странствий, и великолепное изображение психологии полнокровной и талантливой молодости. Все три поэмы, о которых здесь идет речь — великолепно вписываются в тот веселый и цветистый порыв эпохи Возрождения, который мы уже отмечали. Поэма «Блудный сын» (сборник *Чужое небо*) особенно выделяется своим «ренессансным» характером. Здесь пересказ евангельской притчи и связанная с ним религиозная тема трактуются как поэзия молодости, как желание изведать мир в его увлекательном, красочно-художественном аспекте:

Весь мир для меня открывается внове,
И я буду князем во имя Господне...
О счастье! О пенье бунтующей крови!
Отец, отпусти меня...завтра...сегодня!..

Как розов за портиком край небосклона!
Как веселы в пламенном Тибре галеры!
Пуускай приведут мне танцовщиц Сидона
И Тира и Смирны... Во имя Венеры

В момент написания «Блудного сына» Гумилеву было двадцать четыре года. Эта бьющая через край динамическая живописность, словно сошедшая с полотен Тьеполо, эта воля к жизни, это приятие мира — естественны; щедрость мировосприятия, дыхание классического мира в ренессансном преломлении — все это блестяще удалось поэту. Это щедрое богатство составляет главную прелесть поэмы. Желание быть «князем во имя Господне» представляется одним из взлетов именно эпохи Возрождения. В момент ухода от отца, Блудный сын живет предчувствием красоты, которая ему откроется в мире. Здесь можно видеть тему искушения именно красотой. Характерно, что и Адам и Блудный сын изображены поэтом как люди огромной художественной одаренности. Как видим, в гумилевской трактовке человека, тема искусства занимает одно из главных мест. Но не только для «пенья бунтующей крови» находит тут поэт нужные слова. Здесь и «страна далече», и отрезвление:

За ригой есть куча лежалого сена,
Быки не едят его, лошади тоже:
Хозяин, твои я целую колена,
Позволь из него приготовить мне ложе.

Усталость — работнику помощь плохая,
И слепнут глаза от соленого пота,
О, день, только день провести, отдыхая...
Хозяин, не бей! Укажи, где работа.

И, наконец, еще две строфы из той же поэмы, великолепная концовка с мастерским использованием зрительно-живописного образа. Одновременно — здесь счастливая художественная мысль, подытоживающая всю поэму:

Там празднество: звонко грохочет посуда,
Дымятся тельцы и румянится тесто,
Сестра моя вышла, с ней девушка-чудо,
Вся в белом и с розами, словно невеста.

За ними отец... Что скажу, что отвечу,
Иль снова блуждать мне без мысли и цели?
Узнал... Догадался... идет мне навстречу...
И праздник, и эта невеста... не мне ли?!

Притча превращена в романтическую новеллу. Может быть, это и рискованно, но таков художественный мир двадцатичетырехлетнего поэта. Возможно, эта блестяще написанная новелла имела для него автобиографический смысл. Гумилев — мастер точных и ярких образных формулировок; стих его афористичен, мысль — красочна, легка, часто иронична. Поэма «Блудный сын» занимает в русской поэзии уникальное место.

Одно из самых известных произведений Гумилева — поэма «Капитаны» (сборник *Жемчуга*). Задача этой поэмы особая. Это яркий, чистый и веселый простор мальчишеских фантазий о морях и путешествиях. Естественно, что это произведение насквозь стилизовано, оно именно в таком виде великолепно вписывается в эпоху «изобретения компаса и пороха», оно превращает жизнь в приключенческую сказку. Талантливые и увлекательные мальчишеские фантазии получили в нем свое классическое выражение. Поставленная поэту удалась. Да, эта поэма, пожалуй, действительно написана для гимназистов, как иногда говорят, но написана она исключительно удачно, и гимназисты могут быть благодарны поэту за то, как он сумел их понять. Поэма лишь условно может быть отнесена к какой-либо определенной эпохе (при хорошо выдержанном историческом колорите) так как по существу она сказочно-фантастична. Стоит добавить, что в поэму намеренно введены литературные ассоциации — ведь именно этими ассоциациями питается мальчишеская фантазия.

И кажется — в мире, как прежде, есть страны,
Куда не ступала людская нога,
Где в солнечных рощах живут великаны
И светят в прозрачной воде жемчуга.

И дальше —

Темнокожие мулатки
И гадают и поют
И несется запах сладкий
От готовящихся блюд.

И, наконец, — осторожно введенный отзвук «Старого Моряка» Колриджа:

Как смерть, бледны его товарищи,
У всех одна и та же дума.
Так смотрят трупы на пожарище,
Невыразимо и угрюмо.

Поэма состоит из отдельных главок, причем каждая главка по содержанию резко отличается от предыдущих и написана иным размером, что создает впечатление раздвижения в пространстве. Бессюжетность поэмы нисколько не мешает, здесь важно настроение и напряженное ощущение подхватывающего движения.

Той же самой теме «дальних странствий» посвящена поэма «Открытие Америки» (сборник *Чужое небо*), но тональность ее иная. «Муза Дальних Странствий», один из главных персонажей поэмы, переносит поэму почти в область любовной лирики:

Что же, Муза, нам с тобою мало,
Хоть нежны мы, быть всегда вдвоем!
Скорьбь о высшем в голосе твоём:
Хочешь, мы с тобою уплывем
В страны нарда, золота, коралла
В первой каравелле Адмирала?

Ведь даже в теме Музы Дальних Странствий важен не столько географический или приключенческий момент, сколько чисто лирическая тяга к тому, чтобы подчинить себе пространство, встать, так сказать, на гребне волны полного художественного всеединства. Муза Дальних Странствий в чем-то безусловно сродни Беатриче. В этом символе, с такой же огромной глубиной выражен тот порыв молодости, мастером которого был Гумилев.

Лишь когда в сады спустилась мгла,
Стало тихо и прохладно стало,
Муза тайный долг свой угадала,
Подошла и властно адмирала,

Как ребенка, к славе увела
От его рабочего стола.

Вневременность можно считать одной из характерных особенностей поэзии Гумилева. Такая вневременность никак не противоречит вниманию к деталям и, как мы видели, умению создавать ощущение времени и места. Но это именно *ощущение* времени. Гумилев постоянно символичен. Ощущение, скажем, древней Греции или Рима — это часть символа, только и всего. Время тут не причем.

Есть область, в которой Гумилев не имеет конкурентов на русском языке. Я имею в виду его африканскую лирику. В отношении этнографии, истории и фольклора Африки, Гумилев обладал обширными специальными знаниями, в его африканских стихах постоянно встречаются намеки на конкретную историческую эпоху. Но убедительные, словно выросшие из почвы, художественные картины Африки Гумилев создает благодаря огромной и напряженной, пластически выразительной и объективной фантазии. Его Африка убедительна именно потому, что мифологична. А раз мифологична, следовательно и вневременна. Как известно, поэт неоднократно бывал в Африке. Он гениально схватил ее колорит, она получилась у него шире и глубже любых, хотя бы и очень точных, непосредственных впечатлений. Произошло чудо: черный континент буквально загудел в русском стихе. Гумилев и экзотика — об этом много говорилось. Но Африка Гумилева значительно шире экзотики не только потому, что поэту близка всякая стихия и всякая культура (это ведь пушкинская черта), а еще потому, что и здесь Гумилев ищет и находит возможность соотнести Африку с христианской религиозной культурой. Африка занимает определенное место не только в художественном, но и в религиозном мирозерцании поэта. Вот несколько строф из вступления к сборнику *Шатер* (1907-1913):

Оглушенная ревом и топотом,
Облеченная в пламя и дымы,
О тебе, моя Африка, шопотом
В небесах говорят серафимы.

И твое раскрывая Евангелье,
Повесть жизни ужасной и чудной,
О неопытном думают ангеле,
Что приставлен к тебе, безрассудной.

Про деянья свои и фантазии,
Про звериную душу послушай,
Ты, на дереве древнем Евразии
Исполинской висящая грушей.

Вот она, так сказать, центральная подоплека Африки, вот ее братство со всем миром и место ее в нем, вот огромное, почти мифологическое обобщение. Африка поручена «неопытному ангелу». В Африке Гумилева, несмотря на темную стихию, слышатся отзвуки рая, только Адам в ней темный и «безрассудный». В Африке видится Гумилеву детство человечества. Это выражение следует понимать совершенно символически. Художественный миф поэту необходим. Не следует видеть в Африке Гумилева отзвуки руссоизма — поэт вовсе не наивен. Он знает, чего он хочет. Гумилев обладал сильным чувством природы, в своей Африке он вписывает человека в природную стихию, он наделяет его первобытной наивностью. И через эту-то первобытную наивность поэт раскрывает себя самого и чувствует свое братство с этим черным Адамом. Он ведь и себя вписывает в африканский пейзаж:

И последняя милость, с которою
Отойду я в селенья святые,
Дай скончаться под той сикоморою,
Где с Христом отдыхала Мария.

Для Африки Гумилева характерны библейские ассоциации:

И ты помнишь, как, только одно из морей,
Ты исполнило некогда Божий закон,
Разорвало могучие сплавы зыбей,
Чтоб прошел Моисей и погиб Фараон.

Итак, Африка глубоко осмыслена — и художественно, и метафизически. Отсюда — стремление проникнуть в мир черного континента, понять его изнутри, преломить через себя, стать органической частью этого мира. В «Абиссинских песнях» поэт с легкостью воспроизводит фольклорные мотивы («Пять быков», сборник *Чужое небо*). Здесь соединяются элементы наивности и коварства, незадачливой судьбы и естественности. Четыре быка погибли,

Заколот последнего я сам,
Чтобы было, чем попировать
В час, когда пылал соседский дом
И вопил в нем связанный сосед.

В нашу задачу сейчас не входит рассмотрение разнообразных приемов поэта при изображении черного континента. Палитра Гумилева очень богата оттенками: для каждой африканской области, для каждой страны она находит свои краски, свои слова и звуки. Можно лишь подчеркнуть, что Африка — настоящее открытие Гумилева на русском языке. Ссылки же на иностранных предшественников, как было отмечено выше, ничего не объясняют. Стоит лишь напомнить «о львах, что стоят над деревнями / И хвостом ударяют о ребра», или африканскую ночь, где «за рекой неизвестное племя / Зажигая костры, шумит». Можно вспомнить и стилизованный облик путешественника, от имени которого ведется рассказ: «Я бельгийский ему подарил пистолет / И портрет моего государя». В смысле построения, африканские стихи сделаны так, что их нельзя причислять к лирике; это скорее части романтической поэмы или небольшие новеллы в стихах. Они пронизаны действием, поиском, острым интересом к людям.

С Гумилевым вошел в русскую поэзию совершенно новый тип художественного зрения. Тут поэт-созерцатель одновременно является активным действующим лицом, он — первооткрыватель новой художественной области. Нужно ли напоминать о том, что в пределе поэзия стремится охватить как можно бóльший материал, а русский язык в особенности стремится впитать в себя как можно больше красок, стран, культур. В этом — международная устремленность именно русской поэтической традиции. По этой линии, как и по некоторым другим, Гумилев перекликается с Пушкиным. Поэзия Гумилева по-пушкински классична. Гумилев вообще тяготел к подвигу — это было его отличительной особенностью, как человека. Это наложило характернейший отпечаток на всю его поэзию и, в частности, на его стихи об Африке. В Гумилеве не было ни грана нигилизма; в поэзии он ищет и находит глубокое объективное осмысление, без которого жизнь для него пуста.

Та тяга к эпической объективности, к смысловой насыщенности и обобщенности, которая вообще характерна для творчества Гумилева, получила особое преломление под конец его сравнительно краткой жизни в его трагедиях. Тут имеются в виду

«Гондла» и «Отравленная туника». Обе трагедии построены на том же, на чем строится и все остальное его творчество, но здесь все это предстает в сжатом и обостренном виде. Можно сказать, что обе трагедии строятся вокруг мотива безнадежной борьбы и героической гибели. Такой мотив вообще основной признак этого жанра, но Гумилев потому и обращается к трагедии, что именно этой тематикой и определяется многое в его творчестве, даже в лирике. Характерно, что поэт, в ряде стихотворений как бы предвидел свою собственную гибель, на которую он сознательно шел.

Фабула обеих трагедий двойственна. Их центральные герои гибнут при сходных условиях: Гондла — в борьбе за христианство против язычества, Трапезундский Царь — в результате сложной любовно-политической интриги при Византийском дворе. В обеих трагедиях есть также центральная тема обманутой любви. Лера-Лаик двойственностью своего имени как бы символизирует ту двойственность женского облика, которую мы уже отметили в «Сне Адама», и которая была стержневой для всей любовной лирики поэта (см. например, его «Пятистопные ямбы»). В обеих трагедиях центральные герои кончают самоубийством; однако, моральная красота их обликов настолько значительна, что они воспринимаются как мученики (особенно Гондла), а смерть их есть нравственная победа. В земном плане торжествует сильный и ловкий проходимец: царица Зоя в «Отравленной тунике» становится жертвой авантюриста и виновницей смерти Трапезундского Царя, как, впрочем, и его соперника Имра. Но в высшем плане победителями являются Гондла и Трапезундский Царь. Королевское же достоинство Гондлы есть, в частности, символ его христианства и его героической смерти.

По трагедиям Гумилева можно изучать мотивы его любовной лирики, т.к. между тем и другим существует органическая связь. Женственность выражена не только Беатриче, но и Лерой-Лаик, и порочной интриганкой Феодорой, и наивной Зоей, и даже «женщиной с кошачьей головой». Трагедия «Отравленная туника» особенно удачна благодаря блестящей стилизации; в ней Византия и мусульманский Восток буквально сияют и переливаются богатством и яркостью своих исторических красок и огромной выразительностью стиха. Именно здесь Гумилев перекликается с Шекспиром.

Подчеркиваем, что Гумилев — поэт объективных художественных форм. При всей напряженности художественного мышления, он постоянно поддерживает дистанцию между собой и своей

поэзией. Иногда эта дистанция достигается самоиронией («Я вежлив с жизнью современной»), иногда именно стремлением к художественной законченности и объективности. Сама напряженность идейного поиска и религиозного утверждения как бы тяготеет к художественной ответственности и дисциплине. Жизненный подвиг Гумилев не отделяет от художественного, в этом опять-таки сказывается его религиозный платонизм, преломленный сквозь эпоху Возрождения, но не ограниченный ею. Сама эпоха Возрождения нужна ему, в первую очередь, как школа и простор художественных форм: его религиозная мысль все время помнит о Средневековьи (см. стихотворение с этим названием). Гумилев «любит мир и верит в Бога». Эта любовь к миру есть любовь к творению Божьему и доверие к Творцу. Постоянную мысль о смерти Гумилев превратил в оптимистическую тему, смерть трактуется им как преодоление смерти.

Гумилев сравнительно мало писал о России, хотя его военные стихи безусловно одна из вершин его поэзии. В полном соответствии с принципами Средневековья и раннего Возрождения, создание полноценного художественного произведения Гумилеву важнее собственных жизненных переживаний и конфликтов. Объективности художественного мышления он учится у живописца, скульптора и архитектора. Гумилев знает искушения, но в высшей степени владеет искусством художественно и религиозно их преодолевать. В конечном счете, они у него не трагичны. Его «возрожденческий» и религиозный принцип преломлен сквозь русскую поэзию XX в. Такая концепция не сковывает его, а освобождает. В этом и есть значение поэзии Гумилева.⁷

⁷ При работе над статьей, помимо указанной в тексте литературы, были использованы следующие труды:

— Гумилев, Н. С. *Избранное*. Предисловие и редакция Н. Оцуа. Париж, 1959.

— Иванов, Г. «Блок и Гумилев». *Возрождение* [Париж], тетрадь 6-я (1949), стр. 113-126.

— Маковский, С. К. «Николай Гумилев по личным воспоминаниям». *Новый журнал* [Нью-Йорк], кн. 77 (1974), стр. 157-189.

— Одоевцева, И. *На берегах Невы*. Вашингтон: В. Камкин, 1957.

Из архива Зинаиды Гиппиус

О В. В. Розанове

Публикация Темиры Пахмусс*

Публикуемая ниже статья З. Н. Гиппиус (1869-1945), написанная по поводу выхода в 1939 г. книги М. М. Спасовского *В. В. Розанов в последние дни своей жизни*,¹ интересна не только тем, что в ней выражены мысли Гиппиус об известном писателе и философе, но и тем, что в ней мы находим отображение весьма привлекательной личности самой Гиппиус. Главной чертой в отношениях поэта ко всем ее друзьям и близким ей по духу людям была ее постоянность, верность и «неизменность» к ним, что она сама отмечала в своих письмах² и стихотворениях, как например, «Предверник» (1938):

«...О, старик! В измене
Я был невинен на земле.

Пусть это мне и не в заслугу,
Но я Любви не предавал,
Ни Ей, — ни женщине, ни другу —

* Temira Pachmuss — Professor of Russian literature at the University of Illinois, Urbana-Champaign. Author of *F. M. Dostoevsky: The Dualism and Synthesis of the Human Soul* (1963), *Zinaida Hippus: An Intellectual Profile* (1971) and *A Russian Cultural Revival: A Critical Anthology of Emigré Literature before 1939* (1981).

¹ Берлин: Русское Национальное Издательство, 1939. 2-е издание, исправленное и дополненное, вышло в 1968 г. (Нью-Йорк: Всеславянское Издательство).

² См. ее письма в книге Temira Pachmuss, *Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus* (Munich: Wilhelm Fink Verlag, 1972).

Я никогда не изменял!
Быть может, надо на пороге [Рая]
В томленьи ждать еще века —
Лишь об измене нет тревоги,
Лишь от нее душа легка;
К суду готовлюсь — за другое,
И будь что будет впереди!»

Но он, дрожащею рукою,
Дверь оттолкнул передо мною:
«Суда не будет. Проходи.»

Май 1938
Париж³

Этим постоянством отличается и ее дружба с Розановым, верность к которому она пронесла через всю свою долгую жизнь.

Гиппиус познакомилась с В. В. Розановым в конце девятнадцатого века. Как она повествует в своей книге воспоминаний *Живые лица*,⁴ у нее тогда зародилась мысль о создании Религиозно-философского общества в Петербурге. К этой мысли «Розанов сразу отнесся очень горячо», вспоминает Гиппиус, чем весьма обрадовал ее. Заинтересовался он сразу и беседами Мережковских о «Тайне двух» в новом переживании любви. В письме от 11-го марта 1905 г. Дмитрию Владимировичу Филосову, долготелному близкому другу Мережковских и верному соратнику в их «Деле»,⁵ Гиппиус пишет из Ялты:

Помнишь наши разговоры втроем, каким образом будет феноменально проявляться в грядущем любовь двух в смысле пола, и может ли остаться акт при (конечно) упразднении деторождения? Помнишь твои слова, подтвержденные Дмитрием, что, если акта не будет, то он должен замениться каким-то другим, равным по силе ощущения соединения и плотскости, другим общим, единым (вот это заметь) актом? Помнишь, наконец, вечно-насмешливый вопрос Розанова, перед которым мы смущались вечно и немели: «Нет, да вы скажите, что же этим двум *делать* вместе? Как они будут? Вот это они будут делать? А вот это нет?»

³ З. Н. Гиппиус, *Стихотворения и поэмы*, в 2-х томах. First comprehensive edition, compiled, annotated, and with an introduction by Temira Pachmuss (Munich: Wilhelm Fink Verlag, 1972), II, section II, 168-9.

⁴ Прага: Пламя, 1925.

⁵ См. Temira Pachmuss, *Zinaida Hippus: An Intellectual Profile* (Carbondale: Southern Illinois University Press, 1971), pp. 103-165; ee же *Between Paris and St. Petersburg: Selected Diaries of Zinaida Hippus* (Urbana: University of Illinois Press, 1975), pp. 101-178.

И, видишь, мне показалось на мгновение, что Розановский вопрос — пустой для нас вопрос, и наши рассуждения выше — фальшивы и внерегиозны, потому что мы в них сошли с базы, на которой, между прочим, стоим и с которой ни в чем сходить нельзя. По старой, *родовой* психологии, по-прежнему силились решить, новое вино захотели влить в старые меха. Мы забыли, мы отвернулись на это мгновение от личности, решая, гадая о двух — упустили сохранение единого, единственности... Мы хотели сделать новое похожим на старое. Реформировать что-то. Один закон сменить другим. Смущались перед Розановым, когда он коварно спрашивал нас об этом новом законе. Когда я пишу это — мне даже стыдно прежней слепоты...⁶

Эти «интимные разговоры» в тесном кругу друзей касались также соображений Гиппиус и Мережковского о создании Новой, Вселенской Церкви, которая должна была возникнуть в начале века общими усилиями духовно-устремленных представителей русской интеллигенции в период русского религиозного возрождения. В дневнике *О Бывшем* есть следующая запись Гиппиус от 1899 г.: «Розанов все потерял, кроме жизни, *искал*, но не знал, хотел ли принять Христа». (Поиски происходили в салоне Мережковских в Петербурге.) В 1900 г. Гиппиус записывает: «*Было нас людей, о том [о новой Церкви] говоривших в самом начале семеро: мы двое, Философов, Розанов, П. Перцов, Бенуа и Гиппиус [Владимир, двоюродный брат Зинаиды Гиппиус]... Во время встреч Розанов думал о семье, поле, и Божескую боль хотел утолить кумиром*».⁷

Уже в те ранние дни молодая Гиппиус всматривалась с большим вниманием в душу «исключительного» Розанова с характерными антиномиями во всех его метафизических и религиозных взглядах. Восхищаясь его «неповторимостью», она пригласила Розанова участвовать в журнале Мережковских *Новый Путь* (Петербург, 1903-1905), где он вскоре стал печатать свои статьи в разделе «В своем углу». Перечитывая их много лет спустя, Гиппиус признается в письме Георгию Адамовичу от 8-го августа 1927 г.: «‘Угол’ Розанова — какой блеск! Не говоря о содержании — захватывает просто по языку, по его какой-то волшебной убедительности... неожиданное лицо, сквозь слова... странно! странно!»⁸ На возражения Адамовича она отвечает 15-го августа 1927 г.:

⁶ *Intellect and Ideas in Action*, pp. 64-5.

⁷ *Between Paris and St. Petersburg*, pp. 52-4. Объяснительные слова, приведенные в квадратных скобках, — мои. Т.П.

⁸ *Intellect and Ideas in Action*, p. 361.

Я очень «слышу», что вас отталкивает от Розанова. Это не те или другие его «мысли», (о, менее всего!) это не «пол», не плюханье в особый дето-родительный пол, это даже не общее его «разнаствывание», античеловеческое «рассечиванье»; это — вся сокровеннейшая материя его существа, уловимая разве по запаху и неопределимая словами. Она — конгломерат всего, вышперечисленного, вплоть до «мыслей». Она же, в иной категории, может быть названа его *волей*.

Так мне кажется. Я, по крайней мере, тут где-то нахожу свою точку отталкивания, хотя у *меня* есть еще и другие, разумные, умственные резоны.

Любопытно, между прочим: статья, блеском которой я недавно увлеклась (и писала вам), была, по содержанию, вернее по теме, — необыкновенно близка к попутным мыслям вашего письма. Это о христианстве и о Евангелии, в том смысле, что, конечно, оно бы провалилось, еслиб Христос «хохотал», или даже радовался. Что «соблазн» печали Евангелия так велик, что вот и он, Розанов, тут же — чуть заглянул — уже соблазнился... Но это воистину «соблазн», самый ужасный... Словом, выводы, («воля») наоборот, защита евреев, «плоти» пожирнее, кровки покраснее, хохота погромче... и.т.д., что вы легко можете вообразить.

Если же это отрезать — и отрезать ваши выводы («грубость», вами отрицаемая, им утверждаемая) — то оценка, или просто взгляд на Евангелие, и вот такой-то взгляд на понимание христианства, у вас будет общий, — правильный, т.е. фактически (или «исторически») верный.

Я невольно подумала, читая ваше письмо (невольно в голову пришло), что вы по материи, или по «уклону» — типичный «христианин». Гораздо более, чем я. (Мы не говорим о «вере», мы сейчас о другом). Так бы сказал о вас и Розанов. Но Розанов бы этого вашего «уклона» тотчас же, во всех деталях, не принял, а я (в этом и вся разница) напротив, целиком бы приняла, как принимаю христианство во всей его истории и во всех отражениях, но... Впрочем, опять не «но», а «и»; опять это же самое христианство принимая, это же самое, *в том же толковании*, я принимаю и с ним что-то еще, его ушிரяющее (тем изменяющее).⁹

Имя Розанова встречается в других публикациях и письмах Гиппиус, например, к сестре Анне Николаевне (известной под литературным псевдонимом Анны Гиз).¹⁰ Розанову посвящена длинная глава «Задумчивый странник» в *Живых лицах*.

Как мы видим, Гиппиус была одним из первых русских писателей, заметивших и отметивших «розановскую исключительность». «Прилагать к Розанову общечеловеческие мерки и обычные требования по меньшей мере неразумно», предостерегала Гиппиус. «Он есть редкая личность, но, чтобы увидеть это, надо переменить точку зрения. Иначе ценность явления пропадает». ¹¹ И дальше: «В розановской душе оба понятия, совершенно

⁹ *Ibid.*, pp. 367-8.

¹⁰ См. *Intellect and Ideas in Action*, pp. 518-530.

¹¹ *Живые лица*, II, 10.

необычно, сливались и жили в *единстве*. Это Бог и пол. ... От этих двух понятий он танцевал, как от печки».¹²

В *Живых лицах* Гиппиус также отмечает сложное отношение Розанова к евреям:

Всю жизнь Розанова мучали евреи. Всю жизнь он ходил вокруг да около них, как замороженный, прилипал к ним — отлипал от них, притягивался — отталкивался. ...

Евреи, в религии которых для Розанова так ощутительна была связь Бога с полом, не могли не влечь его к себе. Это притяжение — да поймут меня те, кто могут — еще усугублялось острым и таинственным ощущением их чуждости.

Он был к евреям «страстен» и, конечно, пристрастен: он к ним «вожделел»... Еврейская «миква», еврейский религиозный обычай, для внешних неважный и непривлекательный, — его умиляла и трогала. Его потрясал всякий знак «святости» пола у евреев.¹³

Но затем следует внезапное отталкивание Розанова от них, как замечает Гиппиус:

И вдруг, и вдруг... словно чья-то тень — тень Распятого? — проходила между ним и евреями. Он оглядывался на нее — и пугался, но уже не феноменальным, а «ноуменальным» (любимое его слово) страхом. Вдруг — «болит душа! болит душа! болит душа!» и — потерявшись — он становится резок, почти груб... к евреям. Мне приходилось слышать его в эти минуты, но я расскажу о них его собственными словами, будет яснее.

«...Как зачавками губами и идеалист Борух, и такая милая Ревекка Юна, друг нашего дома, когда прочли «Темн. Лик». Тут я сказал себе: «Назад! Страшись!» (мое отношение к евреям).¹⁴

Аналогичные конфликты и противоречия Гиппиус видела во всех книгах Розанова — и принимала их, видя в них такого же человека, как и в жизни:

Был в них весь: с Богом и полом, с Россией, которую чувствовал изнутри, как самого себя, и любя, и ругая; с евреями, его притягивающими и отталкивающими; и даже с трагично выплывшим поверх других «ощущений» — ощущением смерти, холода.¹⁵

Выступления Розанова против евреев (после «дела Бейлиса») не были в глазах Гиппиус сплошь «погромными», потому что он «никогда не переставал страстно, телесно, любить евреев».¹⁶

¹² *Ibid.*, II, 20.

¹³ *Ibid.*, II, 39-41.

¹⁴ *Ibid.*, II, 45.

¹⁵ *Ibid.*, II, 74.

¹⁶ *Ibid.*, II, 75.

Влюбленное его притягивание к евреям никогда не оставляло его. Может быть, нагляднее всего восприятие Зинаидой Гиппиус мироощущения Розанова может быть иллюстрировано ее стихотворением «Электричество» (1901):

Две нити вместе свиты,
Концы обнажены.
То «да» и «нет» — не слиты,
Не слиты — сплетены.
Их темное сплетенье
И темно и мертво.
Но ждет их воскресенье,
И ждут они его.
Концов концы коснутся —
Другие «да» и «нет»,
И «да» и «нет» проснутся,
Сплетенные сольются,
И смерть их будет — Свет.¹⁷

Розанов подходил с одинаковой пылкостью к фактам, явлениям и убеждениям с противоположных сторон, чтобы в конце концов составить наиболее полное и верное представление, «обрести здравый смысл», приблизиться к той последней истине, которая находилась для него далеко за пределами позиций различных лагерей русской интеллигенции. Именно таким образом «кощунствующий язычник» Розанов открыл в Русской церкви самое святое и сокровенное в ней — любовь и сострадание Богоматери ко всем страдальцам и мученикам, или, выражаясь словами Гиппиус, «жизненную, действенную, трепетную тайну».

Неудивительно, поэтому, что в 1939 г., в статье о книге Михаила Спасовского, Гиппиус, со всей горячностью своей дружбы и верности к Розанову, выступила против досадных упрощений — плода досужих вымыслов, жертвой которых стала во многом и она сама — тех критиков, которые видели в Розанове «антисемита», «мракобеса», Иудушку Головлева, или, как его называет современный ученый-критик, Жорж Нива, «расиста» и «реакционера».¹⁸

В свете этих предварительных замечаний и следует читать эту краткую статью Гиппиус¹⁹ на возмущившую ее книгу «неиз-

¹⁷ З. Н. Гиппиус, *Стихотворения и поэмы*, т. I, Раздел «Собрание стихов: 1899-1903», стр. 92.

¹⁸ «Тайный лик Розанова», *Русская мысль*, 6-е сентября 1985 г.

¹⁹ В сокращенном виде и с рядом существенных изменений в тексте, эта

вестного автора», с которым она не намерена была и разговаривать в печати. Статья предназначалась исключительно для возможного читателя этой книги М. М. Спасовского, искажившей, по мнению Гиппиус, образ Розанова как писателя и религиозного мыслителя.

Текст печатаемой статьи находится в хранящихся у меня архивах Гиппиус и Мережковского.

*
* * *

Антон Крайний
(Зинаида Гиппиус)

Германец, если он «наци», может не возбуждать в нас никаких особенных чувств. Другое дело, когда таким «националистом» становится русский, вбирая в себя (искренно или притворно, все равно) характерные черты известной «идеологии». Заранее можно сказать, что такой русский или вообще не способен относиться с вниманием к нашим культурным ценностям или потерял способность всякого их понимания. Он, естественно, не может питать (к ним) никакого уважения; явления и люди годятся ему лишь для того, чтобы, при случае, «использовать» то или другое имя, искажив образ человека, его носившего.

Таким делом кажется мне книжка-брошюрка неизвестного русского автора о Розанове. В ней, с пагубной для автора легкостью, доказывается, что «Розанов — наш!», потому что был яростным антисемитом и «православным» (в том, вероятно, смысле, в каком автор понимает «православие»).

С автором я разговаривать не намерен и хочу обратиться к тем (немногим, надеюсь) людям, которым попадет в руки эта книжка. Они о Розанове знают, может быть, мало — по теперешним временам, кое-что знают! — и вот их-то я и хочу защитить от искаженного образа Розанова — одного из гениальных наших писателей. И самого из них своеобразного.

Мы его знали близко в течение двадцати лет — до его последних дней. (Кстати, именно о «последних днях» в данной

статья появилась в *Современных записках* [Париж], кн. LXIX (1939), 397-8, за подписью Антона Крайнего, одного из литературных псевдонимов Зинаиды Гиппиус.

книжке сказано так скудно и смутно и скучно, что лучше бы уже и не упоминать о них.)

Почти невозможно в нескольких строках рассказать о таком сложнейшем явлении, как Розанов. Между тем, если не понять его из глубины, не знать хотя бы главных его свойств, редкая ценность его теряется, и он делается, по его словам, «не нужен» (разве для того или другого «использования», чего он, конечно, не предвидел). Ограничусь самым главным: это был человек величайших и самых резких *антиномий*. А так как писанье у него было не писательством, а, по его словам, «функцией, подобно дыханью», и «выговариваньем» каждой своей минуты в ее ощущении (это надо запомнить), то ясно, что подбором цитат можно сделать из него кого угодно. Вот хотя бы еврейский вопрос. Всю жизнь Розанов ходил вокруг евреев. Глубоко религиозный, он жил только Богом и миром, Его плотью, Его теплотой. В религии евреев Розанов пронзительно ощущал связь Бога с плотью мира, с полом, с рождением. Еврейская «миква», и та его умиляла и трогала. Он был к евреям «страстен» и, конечно, пристрастен...

А Христос? Розанов и к Нему был страстен. Только Он, казалось Розанову, чем-то обидел людей, отнял у мира его светлость и теплоту. Выгнал из дома в стужу: иди, не оглядывайся, оставь жену, мать, детей... Отсюда его христорборческий *Темный Лик*.

Ко Христу он так же, как к евреям, то прилипал — то отталкивался; почти не рассуждая, а во всю глубину ощущений (антиномии). Православие? Духовные отцы считали его «еретиком», даже «безбожником»; но так как он любил плоть церкви (обряды, когда случится), то смотрели на него благодушно.

Я с полным правом утверждаю, что таким, каким был Розанов всю жизнь — таким и остался, до своей последней минуты раздираемый внутренними противоречиями мира. Жизнь не щадила его, не говоря уже о нашей общей русской катастрофе, которая в конце концов, и убила его. Но и личная жизнь вела его «долиною смертной тени»: долгая, страшная болезнь жены, смерть единственного сына-юноши, уход в монастырь одной дочери, самоубийство другой... Но внешние катастрофы, потрясая его, только углубляли внутренний трагизм этой души. Что могла тут сделать Лавра, или умный и жестокий о. Флоренский («в нем что-то ползучее» ... написал однажды Розанов), или шапочка Митрофания, которую положили на умирающего?

Для тех, кто склонен поверить, что Розанов был «когда-то» за евреев, но в последние годы покался, изменился, перешел в

православие и сделался убежденным антисемитом, гонителем евреев, я привожу два свидетельства, два «выговариванья» его души:

«Услуги еврейские, как гвозди в руки мои, ласковость еврейская, как пламя обжигает меня. Ибо, пользуясь этими услугами, погибнет народ мой, опьяненный этой ласковостью, задохнется и сгинет мой народ».

Не написано ли это после «раскаяния», в Лавре? О, нет! До войны, до Флоренского, в самый разгар того, что звали розановским юдофильством. В Лавре же, в последние месяцы, вот что писалось-выговаривалось:

«Евреи — самый утонченный народ в Европе. Все европейское как-то необыкновенно грубо, жестко сравнительно с еврейским... И везде они несут благородную и святую идею 'греха' (я плачу), без которой нет религии... Они. Они. Они. Они утерли соплю пресловутому человечеству и всунули ему в руки молитвенник — на, болван, помолись. Дали псалмы. И чудная Дева из евреек...» Социализм? Но «ведь социализм выражает мысль о братстве народов, и они в него уперлись...»

Что же, переменялся Розанов? Автор книжки *Розанов в последние годы* не приводит, конечно, этой цитаты последних месяцев. Ему, для его цели, нужна первая. Ему нужен Розанов-юдофоб; вернее — ему нужна юдофобия, а если удастся подпереть ее каким-нибудь «именем» — тем лучше. Это я и называю «использованием» русских культурных ценностей, — явлений и людей, — и хорошо, что таких книжек, как эта, берлинская, у нас пока еще не так много.

В заключение повторю: о явлении, подобном Розанову, почти нельзя говорить «рецензентски»; и в моей длинной статье о нем сказано было далеко не все. Даже о вопросе, которым я здесь ограничился — об отношении Розанова к еврейству — и о нем следовало бы говорить подробнее. В свое время кто-нибудь этим добросовестно займется.

1939 г.

Epiphany of Evil in the Apocalyptic City (Mikhail Bulgakov's *The Master and Margarita*)

George Krugovoy*

Comparing the confrontation between the metaphysical combatants on the carnivalized stage of the Moscow chapters with the solemn procession of events in the somber mystery play in the Yershalaim plot, the actors appear before the eyes of the spectators with the signs of their symbolic signification reversed. In the Judean chapters, the forces of good personified in Yeshua Ha-Notsri are clearly in the foreground. The forces of the metaphysical evil remain largely invisible, though not completely backstage. Their active presence can be established indirectly by decoding the built-in structural motifs and symbols. In the Moscow chapters, on the other hand, the agents of metaphysical evil assume human or animal shape and the invisible metaphysical good must be detected through a decoding process.

As far as the unfolding of the novel's plot is concerned, this reversal of narrative techniques and patterns is well motivated and functionally justified. Soviet Moscow, visited by Woland and his demonic triad on the anniversary of Yeshua's crucifixion, represents a society in which the very notion of the supernatural has been thoroughly discredited by the efforts of a militantly atheistic and materialistic state. Without harming his own cause, Woland can enjoy the satanic pleasure of trying to persuade Berlioz that Jesus did, in fact, exist. He is well aware that he will not be believed, anyway. It seems, therefore, that Woland's domination over the world cannot

* George Krugovoy, born in Kharkov, Ph.D. from the Philosophical Institute in Salzburg, Austria (1953). Taught at Syracuse, NYU, Princeton, Middlebury, Bryn Mawr. Presently, Professor of Russian at Swarthmore College. This article represents a chapter of a book on Bulgakov's *The Master and Margarita* currently being prepared for publication.

be challenged anymore and the victory of evil, not yet complete in the Yershalaim chapters, has now become an established fact.

Of course, external appearances may be deceptive. This is especially true of Bulgakov's ironic universe. Yet the steady demonization of the terrestrial space-time continuum in *The Master and Margarita* can be observed by studying the stages by which Bulgakov arrived at his final choice of the time parameters in the Moscow chapters of the novel. It appears that the idea of relating events in Moscow to the last four days of the Passion week and correlating them with the events in Yershalaim, that is, correlating the liturgical Good Friday with the day of Yeshua's execution, did not occur to Bulgakov at the time of the novel's inception. The reconstruction of the first draft, which may be dated as early as 1929, allows one to establish two dates pertinent to the action in the novel: 1927 and June 14, 1935.¹ The year 1927 points to the events of the immediate past seen by the narrator in retrospect. This enables Bulgakov to conduct narration in the *skaz* style similar to that of Chaianov's *Venediktov* and of Dostoevskii's *Possessed*.² After all, these novels have for subject the intrusion of demonic forces in the lives of their principal personages.

The second date, June 14, 1935, represents a projection into the not so distant future, probably not unlike the author's earlier attempt at a futuristic satire in *Fatal Eggs*. Thus, from the very beginning, a clear distinction between Past, Present, and Future appears somewhat blurred, anticipating the compressed time of the final version. On the other hand, the events in Moscow in the first draft had not yet been structurally correlated with those in Jerusalem and were not integrated into the liturgical Easter cycle of Jesus' death and resurrection. The correlation must have become both feasible and necessary with the emergence and increasing importance of the theme of the Master and his beloved. It is the first appearance of the title protagonists in the third draft that sets Bulgakov on his search for the semantically and compositionally effective dates within which the events in Moscow could take place.

Though the present state of Bulgakov research does not permit any definite conclusions about Bulgakov's perception of literary time in the first stages of his work on the novel, it is hardly appropriate to consider the timing of the events in the Moscow chapters as "entirely arbitrary."³ Already, the first date, June 14, 1935, coincides with the day of the week

¹ M. Chudakova, "Arkhiv M.A. Bulgakova," *Zapiski otdela rukopisei*, Lenin Library, 37 (1976), p. 71.

² L. Belozerskaia-Bulgakova, *O, miod vospominanii* (Ann Arbor: Ardis, 1979), 123-4; M. Chudakova, "Tvorcheskaia istoriia romana M. Bulgakova 'Master i Margarita' ," *Voprosy literatury*, 1976, No. 1, p. 220.

³ M. Chudakova, "Arkhiv M.A. Bulgakova," p. 71.

which will reappear in all subsequent versions of the novel: Friday. Unquestionably, from the very beginning, this day in the Moscow plot must be related to the day of Yeshua's execution in Yershalaim.

The Friday symbolism is even more explicit in the third draft, completed in 1933-34. Here, the "poet" and Margarita are mentioned for the first time. The witches' sabbath that results in Margarita's reunion with her lover takes place on Friday night from June 24 to June 25.⁴ Identification of the first date with Friday permits one to pinpoint the possible years of the sabbath: 1932, as the year in the immediate past, and 1938, as the year in the near future. Thus, the sharp perception of the strictly monodirectional flow of time is further diffused, making possible a symbolic transcendence of its one-dimensionality in the subsequent redactions.

Even more conclusive is the observation that the date of June 24 offers better opportunities both for the symbolic signification and a stricter unification of the plot than was the case with Friday, June 14, 1935. In the church calendar, June 24 is the feast day of John the Baptist, the precursor of Christ. Thus the prophetic significance of John the Baptist's testimony and the ministry of Jesus as fulfillment of the prophecy is present in the combination of Friday with the date of June 24. The christological idea of the redemptive sacrifice is encoded in the choice of the day and the date. Both the eventual decapitation of John and the crucifixion of Jesus reveal the mystical meaning of the respective historical events. On the other hand, in the complex symbolic context of the novel, the date itself displays antinomic features.

In the Russian folk festivities connected with numerous survivals of the pre-Christian agrarian and fertility rites, the day of John the Baptist, or Ivan Kupalo of folklore, was also associated with various kinds of witchcraft and magic. With the passage of time, the epithet *Kupalo*, the Baptist, detached itself from the name of the prophet and became synonymous with a pagan deity, a demon, the worship of whom was incompatible with Christian teaching.⁵ Consequently, the night on the eve of John the Baptist Day was believed to be a night when the demons and witches were especially active.⁶

The date selected by Bulgakov to encode the meaning of the climax of the third draft of the Moscow narrative possessed obvious advantages. In a single structural motif, the date antinomically contains the idea of the confrontation between the forces of divine light and those of demonic evil. Compositionally, the date represents an attempt to establish a functional link between the Yershalaim story and the plot in the Moscow chapters. In addition, it makes possible the antinomic relationship between the behead-

⁴ *Ibid.*, p. 108.

⁵ Iu. Sokolov, *Russkii folklor* (Moscow, 1941), p. 452.

⁶ V. Propp, *Russkie agrarnye prazdniki* (Moscow, 1963), p. 64.

ing of John the Baptist, the precursor of Christ, and the decapitation of Berlioz, the precursor of Woland, thus pointing by means of a parody to the true nature of Satan as a perverse imitator of God. The decapitation motif can be further connected to that of the witch drinking her victim's blood at a demonic sabbath in Gogol's *Evening on the Eve of Ivan Kupalo*.⁷ In fact, Bulgakov blends both motifs in the concluding episode of Satan's Great Ball, at which Margarita drinks the blood of Baron Maigel from Berlioz' skull.

The second date, Saturday, June 25, also possesses an important compositional and semantic function. This is the day of the two apocryphal Russian saints: Peter and Fevronia of Murom. Their *Vita*, one of the most poetic creations of Russian medieval literature, is a worthy counterpart to the Western Tristan and Iseult legend.⁸ It tells the moving story of Prince Peter of Murom and his love for the commoner Fevronia, who heals him from the wounds inflicted by the poisonous blood of a dragon. Like Margarita in Bulgakov's novel, Fevronia is the stronger partner in the union. It is her ability and willingness for sacrifice which makes their love so strong that even death cannot part them, and they proceed to enter the Kingdom of Heaven together. In the third draft, on Saturday, June 25, Margarita and her lover receive their eternal reward.

Bulgakov integrated most of these structural motifs and narrative patterns in the final version of *The Master and Margarita*. However, the date in the third draft has a serious drawback. Friday, June 24, the day of the summer solstice, though preferential in its formal and semantic expressiveness to the date in the first draft, cannot be functionally as effective as Good Friday, which, as part of the Easter cycle, is related both to the solar spring equinox and the vernal full moon. Bulgakov was aware of the problem and, eventually, also gave up this date. The first chapter of the novel in its eighth and final draft informs the reader that Woland met Berlioz and Ivan Bezdomnyi in the Park at Patriarch's Ponds on a "hot spring day in May."⁹ This was the time of the vernal full moon.

Of course, one can question whether or not Bulgakov was fully conscious of all the expressive capabilities of the new date structure, because in 1938, while jotting down the notes to the sixth and seventh drafts, he finally selected the month of May as the time frame of the Moscow plot.¹⁰

⁷ N. Gogol, *Polnoe sobranie sochinenii*, 16 vols. (M., 1934-52), I, 47.

⁸ G. Krugovoy, "The Tristan and Iseult Theme in The Tale of Peter and Fevronia of Murom," *Canadian Slavonic Papers*, 18, No. 4 (1976), pp. 379-399.

⁹ M. Bulgakov, *Romany* (Moscow, 1973), p. 423. All subsequent quotations from this volume are indicated in the text with the page number in parentheses. All translations are mine.

¹⁰ M. Chudakova, "Tvorcheskaia istoriia romana M. Bulgakova 'Master i Margarita'," p. 247.

Yet the number of plausible and plainly demonstrable links between the real events in the Soviet political and intellectual history of the time and some of the pivotal episodes in the Moscow chapters seems to be sufficiently impressive to warrant a closer look at the matter, the legitimacy of possible skeptical objections notwithstanding.

It is generally taken for granted that Friday night, which is the night of the full moon and the anniversary of Yeshua's crucifixion, and Saturday, on which the lovers are granted the peace of their Eternal Refuge, coincide with the Jewish feast of Passover. Actually, they do not. To begin with, the 14th day of Nisan in the Jewish calendar never falls on a night of full moon in May. Still, the question of why Bulgakov did not select a Passover date in March or April which would have served the symbolic context of the novel and effectively correlate the Yershalaim and Moscow parts of the plot is a legitimate one. The answer may be that Bulgakov was interested in achieving something more than a motivationally convincing presentation of his compositional techniques.¹¹

The Western paschal calculations do not contribute to a better understanding of the issue either, because, like Jewish Passover, Easter is never celebrated during May in Western Christendom. Luckily, the situation is different in the Orthodox Church. In the twenties and the thirties of this century, four Easter holidays have been celebrated in the fifth month: May 2, 1926; May 5, 1929; May 1, 1932 and May 2, 1937, New Style. One must examine which of these four dates can be considered functional in the narrative texture of the Moscow chapters.

The conversation between Ivan Bezdomnyi and Berlioz on the topic of the antireligious poem commissioned by the editor, the appearance of the mysterious professor who disclosed to the poet and the editor the circumstances of Yeshua's trial, the decapitation of Berlioz and the pursuit of the strangers by Ivan, all took place on a hot Wednesday in May. Among the Easter dates mentioned above only one satisfies the required condition. The fateful Wednesday which set in motion all of the subsequent events in Moscow occurred on May 1, 1929.

From the view point of the formal organization of the narrative this date represents a very important development. Once the correlation between the Jewish lunar calendar in the Yershalaim chapters, with Yeshua's execution on the 14th of Nisan, and the Nicean calculations of Good Friday were

¹¹ Gasparov's assumption that Bulgakov's choice of the month of May was determined by its symbolic function as a variation of the magic "five" is plausible insofar as this number signifies *condition humaine*. However, the hypothesis is not productive in explaining structural relationship between historical, mythical and sacred time in the Yershalaim and Moscow plots (B. Gasparov, "Iz nabliudenii nad motivnoi strukturoi romana M.A. Bulgakova 'Master i Margarita'", *Slavica Hierosolymitana*, 1978, No 3, p. 213).

established, the structural and symbolically meaningful parallelism between the Judean and Moscow plots was achieved. The apocalyptic vision of history, manifested earlier in *The White Guard*, could thus be forcefully reaffirmed in *The Master and Margarita*.

Moreover, the expressive capacity of the date reaches beyond its compositional and symbolic function of correlating the Yershalaim and Moscow plots on the level of their transhistoric universal message. The date also reflects the hard reality of the stifling control of arts and scholarship in post-revolutionary Russia. 1929 was the year in which the militantly ideological leadership of RAPP dictatorially imposed the principle of "social command" on Soviet literature. Berlioz' instructions to Ivan Bezdomnyi, reflecting the methodology of dialectical materialism, can be viewed as Bulgakov's satirical comment on the principle of "social command" in action. Thus, the date of May 1, 1929 can serve both as a symbolic and realistically motivated point of departure, *terminus a quo* in the Moscow plot of the novel.

Similarly, the second Easter date, May 1, 1932, gives the final accord to the RAPP theme in the novel. On April 23, 1932, RAPP was disbanded by the decision of the Central Committee of the All-Union Communist Party, and the formation of the Union of Soviet Writers was announced. In *The Master and Margarita*, MASSOLIT is gutted by the demons on the day which would correspond to April 30, 1932. Though the two dates do not agree completely, both events are linked to each other by the same day: Saturday. Pointedly, Woland predicts the construction of a new building which will be "better than the old one" (778).

The use of a pun permits Bulgakov to drive the point of his message even closer to home. In the course of narration he places the episodes of the Torgsin and MASSOLIT destruction next to each other. This enables him to establish an indirect association between these two episodes and the Mephistopheles theme in Goethe's *Faust*. The role of the *besovschina* in creating the intolerable and intolerant mood of the thirties could be thus effectively emphasized. On the level of structural motifs, Koroviev's provocative speech in the Torgsin store, causing a riot and followed by a fire, corresponds to Mephistopheles' politically subversive song in the *Auerbach Keller* which produces somewhat similar results. In both cases, the demons act as supernatural *agents provocateurs*. Now, while the official Russian designation of the store as *magazin Torgsina* can be adequately expressed through a rather colloquial synonym of *lavka Torgsina*, MASSOLIT as a satirical equivalent for RAPP can be figuratively called *lavochka Averbakha*, that is, clique or cabal of Averbakh. Leopold Averbakh was the Secretary General of RAPP and the editor of its ideological journal *Na literaturnom postu*. A narrow-minded and dogmatic theoretician of

proletarian art, he was a real-life champion of the kind of virulent criticism which was unleashed against the Master by the critics of MASSOLIT.¹²

Significantly, the third Easter date of May 2, 1937 was not utilized by Bulgakov as a concluding date for the Moscow chapters. This inconsistency can be satisfactorily explained in the historical context of the thirties. Unlike the first two Easter dates already discussed, the third date cannot be correlated with any specific, spectacular event reflecting the terrifying and mind-boggling spirit of the time.

In August 1936 and January 1937, the first show-trials of the Lenin guard were conducted in Moscow. Most of the accused men, charged with high treason and participation in a Trotskyite conspiracy, were sentenced to death and executed. In June 1937, Marshall Tukhachevskii and a number of prominent military commanders and commissars were shot. Finally, in March 1938, the third Trotskyite trial took place in Moscow. None of these trials can be brought into chronological proximity of the third Easter date. Yet the last trial and some of its repercussions found their way into Bulgakov's novel and were preserved on the pages of *The Master and Margarita*. The clue is artfully woven into the description of the two last "newcomers" to Satan's Great Ball, whose names Koroviev politely refuses to divulge to Margarita. As the demon explains to her, pointing to one of them: "Azazello called on him once and suggested, over a glass of cognac, how to get rid of a man whose disclosures would harm him very much. So he made a man he knew, and who was under obligation to him, to spray the other man's office with poison" (686).

These two "newcomers" into Woland's realm of shadows can be identified. Put on trial on March 2, 1938, Genrikh Yagoda, the former People's Commissar of Internal Affairs, had been accused, among other things, of giving orders to his secretary Bulanov to spray the office of another prominent leader of the Soviet political police, Nikolai Yezhov, with poison.¹³ Incidentally, Yagoda was also the brother-in-law of Averbakh. Therefore, the theme of the abuse of police power in a despotic state, and that of the ideological control and political abuse of art by the same state, can be effectively linked in the narrative and projected into the theme of the Master's tribulations.

¹² For additional associations between MASSOLIT, on the one hand, and RAPP and Averbakh, on the other, see Gasparov, *Ibid.*, p. 212.

¹³ *Report of Court Proceedings in the case of the Anti-Soviet "Bloc of Rights and Trotskyites," heard before the Military Collegium of the Supreme Court of the USSR, Moscow, March 2-13, 1938* (Moscow, 1938), pp. 559-61. The first scholar in the West to establish this connection was Federica Lamperini at the Bulgakov symposium held on September 17-22, 1984, in Gargnano del Garda, Italy. The first Soviet readers who had got behind Bulgakov's code were the censors of the *Glavlit*. They deleted the entire passage from the 1967 publication of *The Master and Margarita* in the journal *Moskva*.

The appearance of Yagoda with his subordinate at Satan's ball should, therefore, be correlated with the Easter date, not in 1937, but in 1938. During this year, Easter was celebrated on April 28. Both men were executed on March 15. Appearing, for the first time, at Woland's annual ball at the stroke of midnight (or in terms of terrestrial time, between Friday, April 26 and Saturday, April 27) they could, indeed, be called "newcomers." Thus Saturday, April 27, 1938, is the *terminus ad quem* of the Moscow plot.

The "inspiring" role of Azazello in the assassination attempt casts additional light upon the dialectics of evil in Bulgakov's metaphysics. The demons do not punish the wicked for being bad. What at first glance appears to be just punishment meted out to the trespassers of moral law reveals itself, on a deeper level of contemplation, as an obsessive urge for indiscriminate and yet calculated destruction of friends and foes alike. Ultimately, evil is the will for nothingness.

It is this perception of the reality of evil that imparts a shade of horror even to the most hilarious episodes in the Moscow chapters. The horror is, however, tempered by hope. The message of deliverance is encoded in the Easter dates constituting the time parameters of the Moscow plot. In the Moscow story, the days of the Passion week signify concrete instances of terror or of thought and creativity suppression, while Sunday points to the promise of mercy and spiritual rebirth. On Sunday, the lovers enter the realm of Eternal Refuge. On Sunday, Pilate resumes his conversation with Yeshua on their walk to Heavenly Jerusalem.

From the very inception of the novel, Bulgakov made use of what may be called "compressed" or "telescoped" time. In the final version of the novel, ten turbulent years of Russian history have been compressed in the four days of the literary time. These four days prove to be amazingly capacious. As Gasparov has shown, Bulgakov integrated, within the space-time confines of the Moscow plot, an incredible amount of historic and artistic material. This links the Soviet Moscow of his time to Russia's prerevolutionary past and, beyond that, to the complex imagery which established the theme of the apocalyptic relationship between Moscow, Rome and Jerusalem.

In the process, Moscow's literary time became a mythical time that can be structurally correlated with the mythical time dimension in the Yer-shalaim chapters. The historical and fictional aspects in the Judean and Russian plots were placed in a dynamic relationship both to the sacred time in the eternity of Yeshua's Heavenly Jerusalem and to the infinite duration of the infernal time in Woland's hell. The apocalyptic unity of the overall plot was thus established.

The Easter dates provide a meaningful frame of reference for linking

Moscow's mythical time to the events in Yershalaim. The crucifixion and the implied resurrection of Yeshua, and the historical time of the Yershalaim chapters is dissolved in the sacred time of Heavenly Jerusalem. Structurally, Bulgakov's perception of the sacred, mythical, historical and infernal dimensions of time constitutes a closely knit system of symbols and imagery which contributes to the overall aesthetic impact of the novel. This is only one formative aspect in the structural organization of the narrative. While the metaphysical forces of good and evil act themselves out in time, they materialize themselves in space.

*
* *
*

Bulgakov's historical time receives its real meaning in transhistory. Past, Present and Future are forever present in the eternal "Now." For these reasons, the literary time in *The Master and Margarita* can easily adapt itself to the relativistic time-space speculations in Florenskii's metaphysics.¹⁴ Compared to his dynamic and modernistic perception of time, Bulgakov's approach to the problem of literary space appears at first glance to be rather static. It strikes one as an old-fashioned Euclidian space, as one largely circumscribed in terms of the stage of pre-Meyerhold theater.

There is nothing surprising or strange in Bulgakov looking at the literary space with the eyes of a stage-manager. After all, he was a playwright in his own right, a theater consultant, a translator of Moliere's and Shakespeare's plays and a script writer who adapted Gogol's *Dead Souls* and Cervantes' *Don Quixote* for the stage. Though critical of and impervious to Meyerhold's innovations, Bulgakov had experimented with the technique of a "play within a play" in his comedy *Crimson Island*. This was written and staged two years before he started work on his *opus magnum*, which was eventually to become a novel within a novel. In Bulgakov's *Theatrical Novel*, Maksudov, a fiction writer and playwright, explains in detail how an object of creative imagination goes through a process of stage-like actualization in an author's mind before he writes it down in the novelistic genre.

Most major episodes in *The Master and Margarita* are structurally organized as dramatic acts consisting of several scenes. As the actors enter and exit, the action necessitates a change of stage sets. The chapter "Pontius Pilate" can be viewed as an act consisting of three scenes: the interrogation of Yeshua by Pilate in the *praetorium*, the confrontation with Kaifa in the

¹⁴ M. Chudakova, "Usloviia sushchestvovaniia," *V mire knig*, 1974, No 12, p. 80; B.A. Beatie and Ph.W. Powell, "Bulgakov, Dante, and Relativity," *Canadian-American Slavic Studies*, 15, No. 2-3 (1981), pp. 250-69.

palace garden, and the proclamation of the verdict from the stone platform outside the palace. In the Moscow narrative, the chapter "Luckless Visitors" is presented as a dramatic sequence of four scenes: Poplavskii's encounter with the demons in Apartment No. 50, Sokov's conversation with Woland in the same apartment, and the two subsequent scenes in Professor Kuzmin's office.¹⁵ Some scenes testify to Bulgakov's superb expertise in handling the imaginary stage in its relationship to the spectators. Thus a desirable aesthetic impact is achieved by means of dramatic gestures or the shift of perspective.

In the magnificent final scene of the chapter "Pontius Pilate," readers cannot see the surging and roaring crowd impatiently waiting for the procurator's verdict. They see only the procurator stepping on the sunlit platform. They perceive the crowd through Pilate's sense of hearing. The procurator, a tragic actor, stands there alone in complete solitude, tormented by the sun burning upon him and his conscience within him. His real mood is betrayed by the fact that Pilate avoids looking at the prisoners to his right. Pilate, though he is a brave military commander and experienced administrator who knows how to handle difficult external situations and manipulate masses, cannot master his own fear of the Caesar. This distant and yet omnipresent ruler is present in Pilate's fear, personifying the awesome mystique of the absolute state.

Visible to everyone in his white cloak with blood-red lining, Pilate may pose as a symbol of self-confident authority and personal power. Yet by the time he exclaims, raising his arm in the stiff Roman salute: "In the name of Caesar the Emperor," and the soldiers, shaking their spears and raising ensigns, respond with a "fearful cry: Long live Caesar!" the readers know that Pilate has just committed an irrevocable act of cowardice and injustice. The procurator's fate will now begin its irreversible course. The readers are now transported into the very crowd surging around the stone cliff upon which the procurator stands. At that moment, having become part of the crowd, they may leave the place with all the other idle onlookers who did not want to miss an exciting show. They may share the views of Kaifa and approve, albeit with some reservations, of Pilate's verdict. They may also leave the place of judgment knowing that Yeshua was innocent, yet feeling a certain compassion for the procurator as a victim of forces beyond his control. They may experience a sort of catharsis as envisioned by the rules of classic tragedy. In this latter case, however, there may be a shade of difference in their response as compared with the spectators of ancient Athens. While the hero in the classical tragedy was the powerless toy of an impersonal fate and his doom was inexorably pre-ordained with even the

¹⁵ On Bulgakov's use of the cinematographic techniques of the collage see Gasparov, *op.cit.*, p. 216, n. 21.

gods powerless to change it, Pilate, in *The Master and Margarita*, has the freedom to chart the course of his life. He thus becomes the co-author of his own destiny. And, at the end of the novel, Yeshua extends to Pilate the act of mercy which the procurator was reluctant to grant to him. Pilate, a man of classical antiquity, is elevated by Bulgakov to express the tragic sense of life not of the Greco-Roman but of the European civilization. Bulgakov's Pilate is a tragic hero within the frame-work of Judaeo-Christian values. Together with Levii Matvei, he remains Yeshua's elect, his momentous and fatal failure of judgment notwithstanding.

Similarly, in the chapter "Black Magic and its Full Exposé," the readers may view mankind with the deceitfully tolerant yet essentially merciless contempt of Woland. Or, finding themselves as part of audience, they may join the exciting fun and applaud the demonic performers on the stage. They may also leave the theater with Gogol's "invisible tears behind the visible laughter." Readers of *The Master and Margarita* are not permitted by the author to remain detached spectators pronouncing their "objective" judgment either in the function of the chorus in the classical tragedy of Antiquity or in that of the reasoner in the classicist European comedy. They also share in the burden of Pilate's decision. Like the Muscovites, they follow their own sense of values and respond to the temptations of Woland.

This specifically Bulgakovian dramatization of novelistic fiction accounts for the differences in the manner of presentation of the Yershalaim and Moscow chapters. It seems that Bulgakov revived Lomonosov's theory of the "three styles," which, far from being archaic, appears very much alive and modern. The objectively detached and elevated style of the Yershalaim story agrees with the specification of dramatic genres in neoclassical theory.

The Yershalaim narrative viewed as a whole is, in fact, divided compositionally into four chapters which correspond to the five acts of the neoclassical tragedy. The first act—"Pontius Pilate"; the second—"Execution"; the third—"How the Procurator Tried to Save Judas." The fourth—"The Murder of Judas"—and the fifth—"Pilate Meets Levii Matvei"—compose two parts of chapter 25 ("Burial"). The unity of time, action and geographic locale constitutes the formal compositional determinants of the Yershalaim chapters.

By comparison, the satirical Moscow plot with its rich colloquialisms, which satisfy the Lomonosovian requirements of the "low style," but lack the strict formal characteristics of the neoclassical "three unities," can be classified as belonging to the post-classical, Gogolian tradition of Russian comedy.

This use of dramatical techniques within the novelistic genre permits Bulgakov to achieve a singular artistic effect. In *The Master and Margarita*,

the archetypal “divine comedy” of Yeshua and Pilate, with its universal and tragic ramifications, is pitted against the Gogolesque epitome of banality which exposes the degeneration of the “human comedy” in a satanic farce.

In addition to Lomonosov’s theory of the “three styles,” Bulgakov applies an even more ancient technique of classical poetry to his prose in which the last line of a strophe is also used as the first line of the next stanza. Bulgakov employs this device to establish structural and semantic connections between the Yershalaim and Moscow narratives. Again, the emphasis is less on formal experimentation with literary time and space and more on the artistic actualization of the transrational “eternal” meaning of the novel. In a sense, Bulgakov breaks the “time barrier” and destructures his literary space. The Past lives on and operates in the Present, determining the latter both formally and in its content. The spiritual factors of the Yershalaim events are at work in the peripeteia of the Moscow story. The hierarchical compositional design is not abolished, but, far from becoming ossified and static, it remains forever fluid and dynamic. The multidimensional structures reveal their mutual semantic and thematic permeability. Bulgakov’s universe is ultimately perceived through its paradoxality. In terms of Florenskii’s philosophy, it is antinomical. Thus the theatrical space ceases to be exclusively stage-like and strictly three-dimensional. In the process of narration, it transforms itself into the mythical and apocalyptic space that blends effortlessly with the mythical and apocalyptic time, creating a uniquely Bulgakovian literary time-space continuum.

The alternations within the novel between the dramatical techniques of classical tragedy and those of Gogolian comedy permit not only a transition from the larger than life Yershalaim figures to the one-dimensional puppet-like actors of the Moscow scene, but also necessitate significant changes in the presentation of the epiphany of evil. While in the Yershalaim tragedy the active presence of satanic forces is alluded to indirectly in the biblical and mythical imagery, in the Moscow comedy, the evil powers materialize themselves as a motley assembly of actors in an itinerant circus-like company equipped with special supernatural effects. Theirs is a demonic *balagan*, a Russian term denoting both a cheap farce and a make-shift theater established at town market places to please the shallow tastes of a vulgar crowd. The demons are placed by Bulgakov within a largely Gogolesque framework. They are purveyors of banality.

The largely operatic Woland is repeatedly called *artist*, that is, an actor. Koroviev pointedly wears a circus-like attire (794). Azazello, with a derby on his fiery red head (500) or dressed in black tights (617) fits the same picture. The term *ryzhyi*, the “red head,” denotes in Russian a circus clown. The performing cat, in his own right an infernal buffoon (795), completes the team. They all contribute to the carnivalized mood of a demonic farce,

poking humiliating fun at the expense of the unsuspecting mortal spectators.

Similarly, the places infested by the demons in their Moscow sojourn are strongly associated with the somewhat similar places in Gogol's and Dostoevskii's apocalyptic Petersburg. It is certainly no mere accident that the house at 302-bis and the Variety Theater are located on Sadovaia Street.¹⁶ Looked at realistically, both addresses are impeccably motivated. They even carry some biographical associations with Bulgakov's places of residence in Moscow: In 1921-23 he resided in the house at 10 Bolshaia Sadovaia not very far from the present-day Theater of Satire.

But as it is also the case with the topographical details in the Yershalaim chapters, Sadovaia Street is not just a realistic prop on the stage of Bulgakov's comedy of errors. It is also a "literary fact" which serves as an apocalyptic symbol in Russian nineteenth-century literature preoccupied with the darker metaphysical aspects of Petersburg. In Gogol's "The Nose," Collegiate Assessor Kovalev occupies an apartment on Sadovaia Street.¹⁷ The devil's involvement in the "major's" predicament is attested to by Kovalev himself through his use of the colloquial expressions "the devil knows it," "the devil played a trick on me," etc.¹⁸ Indirectly, the devil is implicated in the "theft" of Kovalev's nose by the fact that the nose reoccupied its natural place on his face after the lapse of thirteen days.¹⁹ Thirteen is the "devil's dozen." The grotesque scene of the nose wearing the State Councillor's uniform and piously praying on March 25, that is, on the Day of the Annunciation, in the *empty* Kazanskii Cathedral clearly represents a satanic mockery of the incarnation of the Redeemer promised by God.²⁰ The emptiness of the cathedral testifies to the people's indifference to the divine promise. Instead, the Petersburg populace flocks to Nevskii Prospekt.

In Dostoevskii's *The Idiot*, Rogozhin's house is located on the corner of Gorokhovaia and Sadovaia.²¹ It is the house where the inhabitants are obsessed with greed and where a picture of the dead Christ dominates the big reception room. In this house, Rogozhin loses his faith and murders Nastasia Filippovna. The gloomy house of Rogozhin is as symbolic of the "vulgar materialism" of bourgeois Petersburg in the mid-nineteenth century as the

¹⁶ D.M. Bethea, "History as Hippodrome: The Apocalyptic Horse and Rider in *The Master and Margarita*," *The Russian Review*, 41, No. 4 (1982). p. 388.

¹⁷ N. Gogol. *op. cit.*, III, 53.

¹⁸ *Ibid.*, pp. 54, 55, 60, 71. After Gogol, this device to indicate the presence or involvement of the devil in human affairs or as an invocation of him, has also been widely used by Dostoevskii, Belyi and Bulgakov.

¹⁹ *Ibid.* p. 73

²⁰ N. Ulianov, "Arabesk ili apokalipsis?" *Novyi zhurnal*. 57 (1959), pp. 127-8.

²¹ F. Dostoevskii, *Sobranie sochinenii*, 10 vols. (M., 1956-58), VI, p. 231.

House 302-bis is a symbol of the “dialectically materialistic” Soviet Moscow of the thirties.

The gloomy background of Bulgakov’s apocalyptic space does not imply that the earth has been abandoned by God and that there is no hope. In contrast to the scheming and manipulative demons who are constantly changing their shape to deceive mortals, the supreme symbol of divine omnipotence on all levels of the narrative remains sovereignly constant, thus asserting the immutability of God’s judgment. The dominant motif correlating the conclusion of the Yershalaim story with that of the Moscow plot is built into the episode of the thunderstorms prior to the demons’ departure. The “heavenly fire” beats down upon the “outer darkness” which, following the execution of Yeshua, had rolled over Yershalaim and frightened all living creatures (714, 715). The scene is neither an allusion to the historical destruction of Jerusalem in 70 A.D. by the Romans nor an elemental, natural thunderstorm. As is explicitly stated in the epilogue, such storms happen only at moments of world catastrophes (811).²² The imagery carries, therefore, definite eschatological overtones and must be interpreted as the battle of the forces of God against the satanic chaos trying to envelop the world. The military terminology employed by Bulgakov to describe the storm and its effects and the clearly symbolic use of geography serve as a case in point: “The thunderbolts and flashes grew less frequent. What floated over Yershalaim now was no longer a blanket of violet edged with white, but an ordinary gray rear-guard cloud. The storm was now moving toward the Dead Sea” (716). In the novel, “violet” is the color emblematic of demons. This is the color of Koroviev in his true shape (794). Furthermore, *kromeshnaia t’ma*, meaning “pitch darkness” in modern Russian, denotes the infernal state of damnation in the Church Slavonic text of the New Testament (Matt. 8:12; 22:13; 23:30). Thus, the lightning and thunderbolts beating back the “outer darkness” of *bezdna*, the bottomless pit of hell, is the weapon of Yahweh. Bulgakov’s imagery bears resemblance to

²² The impending destruction of Jerusalem by Titus in 70 A.D. is built into the novel’s narrative in Pilate’s prophetic invective during the procurator’s confrontation with Kaifa. The clue toward decoding the meaning of the passage is the Twelfth Legion, qualified by Bulgakov with the symbolically relevant adjective *fulminata*, or fulminant (435, 453). In times of peace the Twelfth Legion was stationed in the Mid-Eastern provinces of the Empire. Thus Pilate’s reference to this Roman military formation is realistically motivated. Together with three other legions brought by Vespasian to Judea after the outbreak of hostilities in 66 A.D., the Twelfth Legion played an active role in the siege of Jerusalem (See Josephus Flavius, *De bello judaico*, V, 1, 6; VII, 1, 3). At the same time, Pilate’s prophecy in the novel represents Bulgakov’s dramatization of Jesus’ words in the Gospels (Matt. 23:37-39; Luke 19:41-44).

that used by Milton in his description of the primordial War in Heaven in the First Book of *Paradise Lost*.²³

However, the lightning in the Yershalaim chapters is not only the weapon of Yahweh against the rebellious Lucifer. It is also a symbol of Yeshua's victory over death. In the very place in the garden of the Palace of Herod where Pilate caved in to the pressure of Kaifa and made his decision to condemn Yeshua, "a burst of thunder like a cannon shot broke a cypress, as though it were a reed" (715). In the context of the episode, a cypress, related in Greek and Roman mythologies to the underworld deities, is a symbol of death.

The symbolic and structural relationship between the lightning and the victorious epiphany of Jesus is once more re-asserted in the episode of the storm over Moscow prior to Woland's departure. "A single fiery thread ran across the sky, then the city was rocked by a clap of thunder. Then came another and the storm began. Woland ceased to be visible in its haze" (779). As Zerkalov pointed out, the concluding passage relates to a text in the Gospels: "For as the lightning, that lighteneth out of the one part under heaven, shineth unto the other part under heaven, so shall be the Son of Man in his day" (Luke 17:24).²⁴ In other words, the theme of the triumphant Yeshua, both the Son of God and the Son of Man, determines the structural unity of the apocalyptic space in Yershalaim and Moscow and constitutes the main semantic structure of the novel.

Yet the people who despiritualize their existence by embracing an exclusively materialistic life create a spiritual void into which Woland can step in. Therefore, the "lilac horses with Assyrian manes" depicted on the vaulted ceiling of Griboedov's restaurant (472) and "which come to life" (476) during the orgiastic dance that occurs to the tune of a blasphemous "Halleluiah," constitute an apocalyptic symbol²⁵ foreshadowing the impending day of reckoning. The "lilac" color as a variation of "violet" is semantically functional, since it puts the horses painted on the ceiling of the

²³ "But see the angry Victor hath recall'd
His ministers of vengeance and pursuit
Back to the Gates of Heav'n: the Sulphurous Hail
Shot after us in storm, o'erblown hath laid
The fiery Surge, that from the Precipice
Of Heav'n receiv'd us falling, and the Thunder,
Wing'd with red Lightning and impetuous rage,
Perhaps hath spent his shafts, and ceases now
To bellow through the vast and boundless Deep"

(John Milton, *Paradise Lost*, I. 1.1. 168-77)

²⁴ A. Zerkalov, *Evangelie Mikhaïla Bulgakova* (Ann Arbor: Ardis, 1984), p. 197.

²⁵ Bethea, *op. cit.*, p. 387

restaurant in a direct relationship to the demonic “violet horseman” Koroviev. The vaulted ceiling reminds one of a tomb and the dance on the hell-like Wednesday evening is a terrestrial counterpart of Satan’s infernal Great Ball on Good Friday night. The imagery is undeniably biblical and can be placed in a prophetic context: “O Assyrian, he is the rod and the staff of my anger, and my indignation is in their hands. I will send him to a deceitful nation, and I will give him a charge against the people of my wrath, to take away the spoils, and to lay hold on the prey, and to tread them down like the mire of the streets” (Isa. 10:5-6).²⁶ An evil society creates the conditions for the demonization of its existential space. It literally invites evil to arrive, even if it does not believe in the devil’s existence. It is thus that Woland comes to Moscow.

²⁶ The implicit biblical reference in *The Master and Margarita* has an explicit parallel in *The White Guard*: “He left for the kingdom of the antichrist in Moscow to give the signal and to lead the hordes of fallen angels against this City as a punishment for the sins of its inhabitants. As in the times past, with Sodom and Gomorrah” (257). The apocalyptic perception of history in both novels is manifest.

Рецензии

Nickolas Lupinin. *Religious Revolt in the XVIIth Century: The Schism of the Russian Church*. Princeton, N.J.: The Kingston Press, 1984. 227 pp.

Interest in the Old Believers is not slackening in the academic community, witness the session on the Old Believers at the Third World Congress for Soviet and East European Studies (Washington, 1985) and the International Symposium scheduled for April-May 1986 at Heidelberg University entitled "Sprache, Literatur und Geschichte der Altgläubigen." In the Soviet Union, a number of interesting journal articles and monographs have appeared in recent years, in most cases dealing with the *starovery* as "*starozhily*," or with their connection to old or popular Russian literature.

Over the years it has been difficult to find a good English-language introduction to the Old Believers and the Schism of the Russian Orthodox Church. Besides the articles in MERSH (to which N. Lupinin has contributed), Robert Crummey's study on the Vyg Community was usually mentioned. We now have such a concise and well-grounded introduction in Dr. Lupinin's recently-published work.

One positive feature of the book is the amount of space devoted to the background of the events which took place in mid-seventeenth century Russia. This material is especially important for English-language readers. The role and position of the Church and the power of popular religiosity are each treated in individual chapters. The Church is shown as a builder (200 new monasteries founded in the 17th century) and a major landowner (some 120,000 *dvory*). Lupinin also shows the way in which the Church and the lay world were extensively and intimately intertwined. In addition to ministering to religious needs, the Church had its own courts of law, provided social aid, bought and sold goods, etc.

In the chapter on popular religiosity, Lupinin dwells on the motivations of those choosing to enter monasteries. He describes the "religious world" of Russia with its icons, holy fools, pilgrimages, and church calendar. In the same section, referring to the material support of religious institutions, he makes a statement that can also be applied to describe the relationship between ritual and spiritual needs: "What is at center here is an attitude, a frame of mind, a will to have an external, physical manifestation of one's inner beliefs and motives" (p. 45).

The growing influence of Western technology and thought, as well as that of Kievan and Greek scholars, is well demonstrated. Patriarch Nikon himself fought against musical instruments and "Frankish" icons. There is a brief and interesting discussion concerning the value of books and book learning.

In the chapter on Patriarch Nikon, the author gives a rather sympathetic portrait of a man who tried to broaden the authority of the Church, reform church service books, and give the Russian Church a more pan-Orthodox character.

The Old Believers are seen principally as a religious movement, though socio-political elements within it are acknowledged. In discussing the relationship

between ritual and the spirit, Lupinin cites Khomiakov and the Old Believer writer A. Mel'nikov. Protopop Avvakum is seen as the embodiment of the Old Belief. One line of presentation is the changing attitude of the Old Believers towards the Tsar — from symbol of last recourse to personification of the Antichrist.

Political and religious stability was the exception rather than the rule throughout seventeenth-century Europe, and Lupinin's work confirms this to have also been the case in Russia.

This work, which is a slightly modified version of the author's 1973 dissertation, is supplemented by a useful chronology, a glossary, concise biographical entries (from Aleksandr, Bishop of Viatka and Veliko-Permsk, to Arsenii Sukhanov), and an index.

Anton S. Beliajeff

Nicholas V. Riasanovsky. *The Image of Peter the Great in Russian History and Thought*. New York and Oxford: Oxford University Press, 1983. 331 pp.

Not many historians would have been able to write a work dealing with the image of Peter the Great in Russian history and thought, for the task requires not only an excellent knowledge of Russian history and historiography, but also a profound understanding of Russian thought and a wide acquaintance with Russian literary sources. Riasanovsky has demonstrated his penetrating grasp of Russian history in his *History of Russia*, now the most popular textbook on the subject in the United States. His numerous other works on Russian intellectual history, particularly in the nineteenth century, prepared him for documenting the reactions of Russian thinkers to the life, times, and reforms of Peter the Great.

Riasanovsky divides his discussion into four major eras of modern Russian history: (1) the age of Enlightenment; (2) the age of Idealistic Philosophy and Romanticism; (3) the age of Realism and Scholarship; and (4) the Soviet period. Thus his survey covers the views held by many Russians about their first emperor from the time of Peter's contemporaries to the most recent times. In the age of Enlightenment, positive — or rather, enthusiastic — evaluations of Peter the Great were almost unanimously voiced. His collaborators eulogized him as Russia's greatest ruler who had transformed a weak, "backward" Russia into a great modern European power, thereby radically altering the course of Russian history. Scholars and poets continued to glorify him in subsequent reigns. Only a few historians, such as Boltin and Shcherbatov, expressed reservations about some of the means by which Peter's reforms had been carried out. The most severe criticism of Peter dating from that period can be found in the memoirs of Princess E. Dashkova, but her writings, published only in mid-nineteenth century, did not alter the near-unanimity of Peter's eighteenth century eulogists.

In the second period, called by Riasanovsky the age of Idealistic Philosophy and Romanticism (1826-1860), the majority of Russian writers and thinkers also held the emperor in the highest esteem. Probably the most representative and best known of these was Pushkin, who glorified Peter in several of his poems. However,

thinkers of that period were far from unanimous in their judgment of Peter the Great. Most Westernizers — such as Herzen and Belinsky — praised Peter for turning Russia toward Western Europe and for his radical transformation of old Russian culture into a modern Western one. Their opponents, the Slavophiles, however, were more cautious. While acknowledging Peter's importance as the statesman who had brought Russia into the European family of nations and made it one of the major participants in European politics, they believed that as far as Peter's cultural reforms were concerned, he had acted too precipitously in arresting the development of old Russian culture and that, furthermore, many of the changes he introduced into Russia's social and political structure were unnecessary.

A more even-handed approach to Peter, his reforms and achievements came in the age of Realism and Scholarship (1860-1917). Solov'ev, in his monumental *History of Russia* (in twenty-six volumes), demonstrated the attainments of pre-Petrine times, in particular the significance of the policies of Ivan III and Tsar Aleksei Mikhailovich. Indeed, the establishment of contacts with Western Europe and the penetration of Western ideas into Russia were by no means limited to Petrine and post-Petrine times as had been assumed. As soon as Russia was able to shake off the Mongol yoke, Ivan III started bringing Western technicians and architects to Russia, and himself married the niece of the last Byzantine emperor, Sophia Paleologue, who, by her upbringing, was actually more an Italian princess than an heir to the Byzantine tradition.

Riasanovsky provides the reader with long excerpts from the works of Russian historians and writers in his own translation, thus making his book not only a survey of Russian thought, but in a sense also a most useful anthology of the views of Russian scholars, thinkers and authors concerning Peter. Certainly some of them — for instance, P.N. Miliukov — sharply criticized Peter, claiming that in bringing Russia “to the position of a European power he completely ruined the Russian economy.” Still, remembering Miliukov's irresponsible and sinister attitude in 1916-1917, one cannot believe that he had any understanding of Russia's evolution or any qualifications to discuss changes in Russia's economic and political system.* Much more reliable in this reviewer's opinion was the view of the historian S.F. Platonov, who, while favorably inclined toward Peter's reforms, still reminded us that a considerable part of these had actually been prepared by Peter's father, Tsar Aleksei. Pointedly enough, Platonov concludes one of his works on Tsar Aleksei Mikhailovich with the words of Peter's forthright aide, Prince Iakov Dolgorukov. Responding to Peter's question, “Who did more for Russia, I or my father?” Dolgorukov said: “Sovereign, in some respects you, in some respects your father deserves the greater praise and gratitude (of Russia).”

Pre-revolutionary Marxist thinkers did not articulate a clear or definite attitude toward Russia's great reformer. Marx and Engels, as they are quoted by Riasanovsky, held Peter's work in high regard, while G.V. Plekhanov, the founder of Russian Marxism, unreservedly praised Peter for his reformist activities. On the other hand, the first major Russian Marxist historian, M.N. Pokrovsky, could detect

*Many specialists would dispute this harsh evaluation of P.N. Miliukov's stature as historian and scholar. *Eds.*

no benefit from Peter's reforms; in his opinion the reforms were undertaken for the sole purpose of furthering the interests of the "exploiting" classes — the merchants and the nobility. A similarly negative attitude can be found in the early writings of Soviet historians. But with time, particularly in the years just prior to World War II when the study of history was reintroduced as a compulsory discipline in Soviet public schools, historians became more and more favorably inclined toward Peter, the organizer of the Russian army and the victor over Sweden, a country which, in Peter's time, had been regarded as an invincible military power. Soviet writers of today share this more moderate approach toward events of the first quarter of the eighteenth century and very often contribute greatly to our understanding of Peter I.

In this nearly all-encompassing work on the image of Peter I and his reforms, Professor Riasanovsky makes no mention of Peter's attitude toward the Russian Orthodox Church and omits any discussion of Peter's religious policies by Russian Church historians, especially those of the twentieth century. Peter removed from positions of power most representatives of the Great Russian (Muscovite) hierarchy of the Russian Church, replacing the bishops of the old Muscovite school with more pliable and more Westernized ecclesiasts who had been educated in the Theological Academy of Kiev. Unfortunately for Russia and for Kiev, the Kievan Academy had patterned its theological studies after the Jesuit schools of Poland. In order to further their education, many of its graduates (for instance, Stefan Javorsky) travelled to the West and embraced either Catholicism or Protestantism — or, in the case of Feofan Prokopovich, even both — and then returned to Orthodoxy to occupy leading positions in the Russian Church. They were certainly not true Orthodox believers, but were oriented either toward Roman Catholicism (Javorsky), or Protestantism (Prokopovich). When, in the 1720s, Peter forbade Great Russians (Muscovites) to become bishops or even, with some exceptions, to join monasteries, he completely demoralized the leadership of the Russian Church. At the same time, despite Peter's enthusiasm for enlightenment, the literacy rate of the Russian population decreased sharply because the monasteries ceased acting as schools. The Church thus fell under the control of Protestant- or Catholic-oriented theologians, former students of the Kievan Academy, who shared very few of the spiritual values of Great (Muscovite) Russia. Precisely at that time began the secularization of the upper strata of Russian society, as well as the growth of a spiritual and cultural gap between the upper classes (including the upper clergy) and the common man. The results of these developments are still being felt today.

This omission aside, Riasanovsky has performed a great pioneering task, elucidating both the historical significance of Peter the Great and the views held by Russians throughout the years about the emperor and his reforms. Riasanovsky's book is so rich in the discussion of these views that it is not possible to do justice to it in a short review. Let us hope that this excellent book will soon be translated into Russian, so that Russian readers everywhere might gain a clearer understanding of their first emperor.

Serge Zenkovsky
Professor Emeritus, Vanderbilt University

Vladimir E. Alexandrov. *Andrei Bely: The Major Symbolist Fiction*. Cambridge, Mass. and London, England: Harvard University Press, 1985. Russian Research Center Studies, 83. 221 pp.

Проф. Владимир Александров написал очень интересную и содержательную книгу (по-английски) об основных прозаических произведениях Андрея Белого, творчество которого привлекает в последние годы все растущее внимание, особенно на Западе. Для того, чтобы писать о Белом как прозаике, Александрову пришлось изучить обширный материал и в других областях, в которых проявил себя Белый: в поэзии, литературной критике, истории и философии культуры, теории символизма, мемуаристике и т.п., а также и критическую литературу о Белом на разных языках.

Надо отметить, что автор книги превосходно справился со своей задачей. Он убедительно доказал, что Белый представлял символизм, прежде всего, как новый вид познания, направленного в область непознаваемого, трансцендентного. Александров характеризует все ранние произведения Белого как поиски метафизического абсолюта (с. 174) и абсолютного единства, что, однако, не исключает двойственности. Александров использовал теоретические и критические статьи Белого («Формы искусства», «Критицизм и символизм», «Символизм, как миропонимание», «Священные цвета» и даже целый его трактат «Эмблематика смысла» и др.), чтобы лучше подготовить читателя к пониманию порою очень сложных литературных построений Белого. Автор книги изложил также философские, антропософские и даже оккультные идеи, привлекавшие Белого, нередко пользуясь для этого первоисточниками (сочинениями Ницше, Рудольфа Штейнера, Канта, Шопенгауэра и др.). Такие произведения Белого как *Котик Летаев* или *Крещеный китаец* не могут быть вполне поняты и оценены читателем, если он не знаком с их антропософской подоплекой. Александров посвящает *Котику Летаеву* и *Крещеному китаюцу* отдельную главу (IV). Остальные главы посвящены *Симфониям* (I), *Серебряному голубю* (II) и *Петербургу* (III). Небольшое вступление и заключение обрамляют книгу, снабженную кроме того примечаниями и указателем.

Автор старается снять внешние оболочки и покровы, чтобы раскрыть творческий мир Белого. Каждый, кто знаком с творчеством нашего «русского Джойса», согласится, что этот мир чрезвычайно сложен и состоит не только из различных измерений и уровней, но и содержит большое количество противоречий. Однако, их интерпретация в изложении Александрова отличается ясностью и простотой, без упрощенчества. Так, например, четыре симфонии Белого, в которых, как известно, он старался применить к прозе музыкальные правила гармонии и контрапункта (В. Пяст) и которые он сам называл «эзотерическими», получили в книге Александрова вполне адекватное изложение, чему не мало способствуют прекрасные английские переводы автора книги наиболее важных фрагментов.

Александров искушен в «науке медленного чтения» и стилистического микроанализа. Он особенно хорошо раскрывает отношения между автором-рассказчиком, действующими лицами и читателем, порой чрезвычайно сложные или даже невыдержанные у раннего Белого. Александров прослеживает возникновение этих отношений в *Симфониях*, выделяет также важнейшие символы, которые потом становятся «протекающими» и даже «навязчивыми», чтобы затем блеснуть превосходным анализом всевозможных точек зрения Белого в *Серебряном голубе* и *Петербурге*, обращая внимание читателя на их преемственность.

Александров проявляет на протяжении всей книги прекрасную осведомленность в области «беловедения», включая и новейшие сравнительные труды. Он убедительно обосновывает свое согласие или несогласие с различными оценками Белого, которые он сам иногда дополняет или изменяет (ср. 203, 217, 218 и др.). Александров соглашается с Жоржем Нива, что в *Симфониях* важен космический аспект и что отсутствует в них фабула в общепринятом смысле. В *Серебряном голубе* он выделяет тему о космическом назначении России и подчеркивает, что зло окрашивает оккультные устремления «серебряных голубей», чающих обновления России.

Космизм играет большую роль в *Петербурге*, которому, как отмечает Александров, посвящено подавляющее количество критических работ. В этом романе сам город является символом космоса. Персонажи в *Петербурге* не действуют по своей собственной воле: мысли, чувства, даже память приходят к ним извне, так как они зависят от космических сил. Мне кажется, что интерпретация «мозговой игры» — которая служит одной из чрезвычайно важных пружин книги — прекрасно удалась Александрову.

Котика Летаева можно тоже назвать «космическим». Тут сам Котик является символом космоса, в который он вкоренен. Вся история мироздания дана через сознание «двуликого» рассказчика, а фазы развития ребенка параллельны фазам развития космоса. Александров отмечает, что и в *Петербурге*, и в *Котике Летаева* снова встают проблемы, не перестававшие занимать Белого до конца его жизни и творчества: особенно проблемы восприятия и познания, тесно связанные с символизмом.

Задача предельно ясного и простого изложения и объяснения такого сложного писателя как Белый, конечно, выполнена автором не всегда. Иногда, несмотря на всю свою эрудицию и интуицию, он принужден вообще отказать от интерпретации. Иногда интерпретация ведет к «переинтерпретации». Например, Барс Иванович, один из героев *Первой Симфонии* Белого ассоциируется у Александрова через барса с тигром Диониса, а через него — с Ницше, как предшественником Владимира Соловьева... (с. 36). Проф. Д. И. Чижевский, издавший *Симфонии* и снабдивший их предисловием, предполагает, что Барс Иванович — русский философ Н. Ф. Федоров или один из его последователей.

Думаю, что этот взгляд гораздо больше подходит к контексту Симфонии.

Другое критическое замечание касается тоже *Симфонии*, на этот раз *Четвертой*, в которой большую роль играет сложный символ лебеда (с. 64). «Лебедь» не ассоциируется только со Светловой, героиней *Симфонии*. Он связан и со Странником (тоже ипостасью героя *Симфонии*), и с метелью (протекающий образ-символ) и даже с «образом мира». В данном контексте, который пытается объяснить Александров, привлекая Тютчева, это «лебедь вознесения» (*Четвертая Симфония*, с. 136) и даже воскресения, предзнаменование «чуда», окончательной победы любви над смертью. Такой лебедь скорее ассоциируется с Вагнером, особенно с *Лоенгрином*, лебедям которого Белый посвятил стихи.

Однако эти замечания не умаляют достоинств этой отличной книги. Хорошо было бы издать ее и по-русски для всех тех, кто по какой-то причине — скорей всего из-за отрицательного отношения к нему советской критики — «пропустил» Белого и, таким образом, не знаком с самым значительным звеном между русским символизмом и авангардом.

Зоя Юрьева
Нью-Йоркский Университет

Валентина Синкевич. *Цветенья трав*. Филадельфия, 1985. 75 стр.

Мир стихов Валентины Синкевич — это призрачный, крайне динамичный и даже как бы условный в своей призрачности мир трудных буден, забот, поисков, напряжений, усталости и одновременно — преодоление этой усталости через искусство. Прозрачность, в характерном сочетании с зеркальностью, — одна из основных характеристик художественного почерка поэта. Реалии, художественные образы (что почти одно и то же) в этом мире как бы смотрят друг через друга, пересекаются, находят друг на друга. В этом мире всё одновременно, так как времени, по существу, нет, а предметы, их отблески и отражения, как бы существуют на равных правах. Такого рода ненавязчивый сюрреализм характерен для художественной манеры В. Синкевич. Эта способность вещей всё в себе отражать, любые черточки быта, любые движения чувств, любой световой рефлекс — художественно преобразовать — придает миру поэта характер фантастический, при всем умении автора остро и чутко мыслить объективными зрительными образами. Жизнь поэта проходит как бы одновременно в двух планах: сквозь субъективно преломленный и отраженный мир сегодняшнего дня проглядывает другой мир — мир художественной памяти, в частности — памяти о России и русском детстве. Этот второй план буквально светится сквозь

ткань преобращенного искусством сегодняшнего дня. Эта двухплановость — источник многих удач автора. Поэт ищет, вернее — создает смысл в мире, где всё прозрачно и призрачно, где каждый кусочек смысла дается в результате целеустремленного напряжения и художественного успеха. Осмысление мира и себя в мире — дело сложное, к разрешению этой задачи поэт подходит чутко и тонко. Этому можно было бы привести много примеров.

Отрывочные цитаты нарушают логику стихотворной ткани... И все же — берем отрывки почти наугад — приведем, например, заключительные строфы стихотворения «Новогоднее»:

Огонь колдовал в камине, —
правнук степного костра —
чтоб не было даже в помине
холода до утра.

Запах сладок хлебного духа,
хвои, праздника и вина.
И в небе, подарком для слуха,
колыбельную пела луна.

Здесь и тепло, и свет, и краски новогоднего празднества и особый его уют. Но специфическая удача этих стихов в том, как последняя строчка сопоставлена с предыдущими, а может быть и со всем стихотворением. Для этих строк характерна конкретная образность, по преимуществу — зрительная, а в заключительной строчке — очень вместительный слуховой образ. «Колыбельную пела луна» — великолепная аллитерация! Одновременно, благодаря «луне», образ полностью сохраняет свое яркое зрительное значение. Эта луна, поющая колыбельную песню, не только художественно убедительна, но и свежа и одновременно уютна. Можно сказать, что поиски уюта в неуютном мире дают одну из сквозных тем поэзии В. Синкевич.

Но много внимания поэт уделяет и страшноватым в своей призрачности явлениям — отрицанию всякого уюта. Вот отрывок:

Большая ночь
на разбитой стене
повторяет в окне
тысячу раз
трещины губ и глаз.
А в страницах Багдада
золотая Шехерезада.
Только это обман:
ничего больше нет.
Лишь осколки,
острые, колкие,
превращаются в бархат.
Черный неотражающий свет.

(«Зеркало»)

Так, сказочная тема Шехерезады мастерски вписывается в сюрреалистический контекст (но и в нем сохраняется единство сказки). Эта тема служит изображению той пустоты, которая так часто мерещется в урбанистических джунглях современности.

В этом же отношении (безликая пустота), характерны строки из стихотворения «Дома»:

.....
бегает шум назойливых бед
по комнате серым,
голосом несмелым
скрипя названья дверей,
.....

Тут же — стремление к уюту:

.....
есть и радостный дом.
Чувства его не растеряны,
окна глядят уверенно,
за дверьми и губами — смех.
.....
И каждый день дважды
дом выходит гулять.

Также, очень хорош и образ «дом, сидящий у себя на крыльце».

Тема России постоянно мелькает в стихах сборника. В этом отношении интересно стихотворение «Сёстры». Характерно и то, что тема России проходит как бы стороной, проглядывает в контексте — и в то же время дает контраст с этим контекстом, увеличивая перспективу художественного мышления:

Граница России. Страница Германии.
Столицы отчаянья. Вербки восстания.
(«Городу детства Остру»)
Мой бедный друг, я выросла в Остре,
(«Вл. Ш.»)

За стихами В. Синкевич чувствуется катастрофичность момента, трудности бытия, то, что К. Ясперс назвал «пограничными состояниями». Именно этим и определяются общие закономерности творчества В. Синкевич.

Как призрачно их бытие —
одновременно огонь и пепел.
(Лучистой не спастись ладье,
хоть путь ее и светел.)
(«Нэле Берман»)

Одновременно в стихах ощущается искание религиозной темы:

Повремени, зачем гнездо ломать?
Еще ты мать,
еще так мало и так много
в тебе, чтоб выйти на дорогу
в ночи, без фонаря и Бога,
иголку счастья в темноте искать.

(«Ане»)

Но религиозная тема пока еще только нащупывается. Наряду с этим, в этих стихах заключена значительная, чисто психологическая удача.

В задачу рецензии не входит перечисление художественных удач, особенно когда удач в книге много. Важнее обрисовать общий облик поэта, его почерк. В этом плане хочется обратить внимание на то, что В. Синкевич постоянно стремится расширить рамки стиха, сделать стих вместительнее, просторнее, пронизать его воздухом и светом. Интересен ритмический рисунок, широко и удачно используются аллитерации. Реальность часто показана с двух точек зрения одновременно (стихотворение «7:30 утра»). Всё это делает стихи по-настоящему современными. Стихи В. Синкевич напоминают сон — не то переходящий в явь, не то эту явь вспоминающий. Задача рецензента — побудить читателя к тому, чтобы он прочел книгу. Читая ее, он, быть может, найдет в ней самого себя.

Олег Ильинский

Казимеж Вежинский. *Избранное*. Перевод с польского Зои Юрьевой. Введение Збигнева Фолевского. Под. ред. Валерии Филипп. Нью-Йорк: Мост, 1985. 96 стр.

Казимеж Вежинский (1894-1969) является одним из выдающихся поэтов польской группы «Скамандер». Так назывался и журнал (1920-1928), в котором печатались стихи этих поэтов. Определенной программы у них не было, но характерной чертой их поэзии был т.н. «витализм», т.е., прославление всех аспектов жизни. Это была поэзия, посвященная обычным, «ежедневным делам», но в ней звучали и патриотические темы. Она соответствовала духу Польши, воскресенной по окончании Первой мировой войны.

Первый сборник стихов Вежинского, который отражал это жизне-радостное настроение, назывался *Wiosna i wino* (Весна и вино), 1919. Его характеризовали те черты, на которые Иосиф Виттлин обратил внимание в своем некрологе, посвященном Вежинскому в лондонской газете *Wiadomości* от 29 июня/ 6 июля 1969 г.: «Своим примером, ты возбуждал во мне чувство нехитрой жизнерадостности и опьянял меня поэзией — своей собственной и поэзией Тувима, Северянина и Блока. Тогда, на варшавских улицах как раз слышался запах лип; и этот запах до сих пор связан в моей памяти с тобой и с зарей новой Польши».

Зоя Юрьева, которая выбрала и перевела на русский язык семьдесят одно стихотворение из очень богатого поэтического наследия Вежинского, привлекла к сотрудничеству крупного польского ученого Збигнева Фолеевского. В своем введении к сборнику, Фолеевский обсуждает поэзию Вежинского в связи с группой «Скамандер», как в Польше; так и зарубежом, в эмиграции, на протяжении пятидесяти лет. Любителю и преподавателю польской поэзии будет полезно ознакомиться с этим кратким обзором творчества Вежинского.

Сама же переводчица не воспользовалась возможностью дать вступительное слово, где могла бы объяснить свой выбор стихов и растолковать трудности перевода. Из ранних произведений Вежинского она приводит характерную группу стихов, написанных до 1954. Однако ее выбор позднейшей поэзии, за годы 1960-1969 — богаче. Половина переведенных стихов (36) взята из сборников *Ткань земли* (1960), *Сундук на плечах* (1964), *Черный полонез* (1968) и *Сно-видение* (1969).

Ранняя поэзия Вежинского характеризуется т.н. «ярким классическим стилем», оптимизмом и жизнерадостностью. Поздние его стихи отражают более мрачное настроение и уклон в экспериментирование над разными стихотворными формами. Удачным выбором стихов Юрьевой удалось продемонстрировать развитие таланта Вежинского.

Перевод стихов не каждому по силам, будь то поэт или ученый. Рильке переводил Валери, Мечислав Яструн переводил Рильке и Хельдерлина, Брюсов переводил Верхарна, Бунин — Лонгфелло, а Тувим — Пушкина. Зоя Юрьева показала себя одаренной переводчицей и замечательным знатоком русской и польской поэзии. Она писала о поэзии Вежинского несколько десятилетий тому назад в своей статье, озаглавленной «О поэзии Казимира Вежинского» (*Новый журнал* [1953], № 33, стр. 168-175). Потом, в 1973 г., она опубликовала монографию о Иосифе Виттине, в которой разбирала его поэзию. В приложении она поместила несколько стихотворений Виттина, переведенных на английский язык разными лицами. В своем предисловии, Фолеевский отмечает глубину анализа у Юрьевой, указывая на то, что она «обладает редким даром проследить определенные характерные мотивы, которые она трактует как архетипы» (стр. 13). У Вежинского таким архетипом является луна, которая встречается во многих из его стихотворений.

Хотя Юрьева стремится к наиболее верному переводу, она отказывается от «рабского» способа переводить строка в строку, способа не признанного Драйденом, но провозглашенного Набоковым своим главным принципом перевода (см. Vladimir Nabokov, "The Servile Path". *On Translation*, ed. Reuben A. Brower [Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1959], pp. 97-110). Юрьева не передает стихи прозой, а создает их вновь. Трудность такого подхода очевидна. Звучание польской строки никак нельзя передать по-русски. Тут дело не только в различной системе ударений и в отсутствии мужских рифм в польском языке, но и в т.н. «звуковой ткани», которая в этих языках различная. Это можно показать тремя примерами. Следующая четырехстопная трохеическая строка (с

добавочным пеонимом и с женской рифмой) из третьего четверостишия стихотворения «Слово» (*Róża wiatrów*, 1942) в переводе превратилась в шестистопную ямбическую строку с четырьмя ударениями без цезуры и кончающуюся мужской рифмой:

Z ziemi powstałem, w nią się zmienię.
Я вышел из земли и в землю превращусь

Цезура после запятой в польской строке является эффектным звуковым и семантическим приемом, между тем как союз «и» в русском тексте этого эффекта не производит. Пострадала тут звуковая выразительность.

Другим примером может послужить польское стихотворение “Rzeczownik” (Имя существительное). Употребление этого слова как анафоры придает строке в русском переводе совсем другой звуковой колорит:

* * *

W zamkniętym kręgu
Ulepić komory
Miód fabrykować
Rzeczownik pszczoły

Kiedyś mówiono
Miód dobry na serce
Na sen i na spokój
Rzeczownik matka

Potem wstawiono
Ul szklany w okno
Dla obserwacji
Rzeczownik wiedza

* * *

* * *

В закрытом круге
Печатать соты
Делать мед
Существительное пчелы

Когда-то верили
Что мед лечит сердце
Приносит покой и сон
Существительное мать

Потом поставили
Стекланный улей в окно
Для наблюдений
Существительное знание

* * *

Наконец, в стихотворении «Na gałęzi» употребляется повторение *Tylko ty na gałęzi nie*, которое превращается в русском переводе в «Только не мы — на ветке». Неправильный синтаксис в польском оригинале, результат экспериментирования ради поэтического эффекта, превращается в русском переводе в грамматически правильную строку, но теряет «игривость» оригинала. Однако эти замечания не следует принимать за критику. Вряд ли кто-либо другой мог бы достичь лучших результатов, а наши замечания скорее подчеркивают невозможность перевода стихов, который был бы во всех отношениях совершенным. Вывод из этого тот, что лучше не сравнивать перевод с оригиналом: надо забыть, что это перевод, и просто наслаждаться новым стихотворением. Вот пример:

Не пой на мосту

Не пой на мосту с балюстрады,
Вдруг поскользнешься и что?

Прилив бывает в полночь,
Темно, безлюдное дно.

Даже чайку не испугаешь,
Вместо пения крик и озноб,
Утром отлив, ил, среди ила
Онемевших губ гроб.

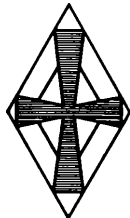
(*Ткань земли*, 1960)

Успех перевода в конце концов не зиждется на удачной передаче единичной строки или четверостишия, а в интуитивном освоении поэтической системы подлинника и как можно лучше воспроизведении ее в иной языковой обстановке. С этой проблемой сталкивался поэт, критик и переводчик Мечислав Яструн. Он писал: «Одно не подлежит сомнению: переводчик должен переводить только такие произведения, которые он ощущает силой своего собственного воображения» (*Poezja i rzeczywistość* [Warszawa: Czytelnik, 1965], p. 68).

Искусство Вежинского близко поэтическому таланту Юрьевой, и по прочтении стихов, включенных в этот небольшой сборник, у чуткого читателя создается впечатление, что он познакомился с выдающимся поэтом. Заслуга Юрьевой заключается не только в том, что ей удалось расширить круг читателей польского поэта, но и в том, что она внесла свой вклад в высокое искусство стихотворного перевода, перешагнув через барьер, разделяющий два сродных славянских языка.

Иоаким Бэр
The University of North Carolina
at Greensboro

Из жизни Русской Академической Группы

Н. С. Тимашев

(К столетию со дня рождения)

1. Жизненный и академический путь

Николай Сергеевич Тимашев родился в Петербурге 9/21 ноября 1886 г. в старинной и заслуженной дворянской семье. Тимашевы значились среди бояр еще во времена Ивана Грозного. В 19 в. один из предков Н. С. был министром при Николае I; дед его, ген.-майор И. И. Тимашев, был командиром одного из пехотных полков, оборонявших Севастополь в Крымскую войну. Отец его, Сергей Иванович, был при Николае II управляющим Государственным банком (1903-1909), а затем, по рекомендации П. А. Столыпина, был назначен министром торговли и промышленности и пробыл на этом посту — при премьер-министрах Столыпине и гр. Коковцове — шесть лет (1909-1915), после чего был пожалован редким званием статс-секретаря Его Императорского Величества, назначен членом Государственного совета и, во время Первой мировой войны, включен в состав Особого совещания по обороне государства в качестве председателя Артиллерийской комиссии, работавшей в тесном сотрудничестве с Главным артиллерийским управлением. В числе предков и родственников Николая Сергеевича было много лиц, отличившихся и в области юриспруденции. Эта государственно-служилая и правовая семейная традиция имела огромное значение в формировании характера, интересов и взглядов также и старшего из четырех сыновей Сергея Ивановича — Николая Сергеевича.

Н. С. учился в 1-ой С.-Петербургской классической гимназии и в Императорском Александровском лицее и слушал лекции в Страсбургском университете. Хотя оконченный Николаем Сергеевичем Александровский лицей был привилегированным высшим учебным заведением, лицей не имел права присуждать ученые степени и, чтобы делать академическую карьеру, Н. С. должен был сдать государственные экзамены в университете и быть оставленным при университете для подготовки к профессорскому званию. Н. С. прошел все эти испытания

без затруднений и в 1914 г. был удостоен С.-Петербургским университетом степени магистра права, а в следующем году был приглашен читать в университете лекции.

В годы Первой мировой войны Н. С. сочетал свою научную работу с работой государственно-практической — в качестве личного, доверительного секретаря своего отца — сперва министра, а потом члена Особого совещания по обороне государства. Эта работа дала молодому ученому уникальный опыт непосредственного участия в деятельности двух отраслей огромной имперской государственной машины, в самом ее центре.

Н. С. проявил большую энергию и способности, успешно продвигаясь одновременно и на академическом поприще. В 1916 г. С.-Петербургский (Петроградский) университет удостоил его степени доктора прав. В том же 1916 году Н. С. стал доцентом Петроградского Политехнического института, где в 1918 г. был избран экстраординарным, а впоследствии и ординарным профессором Экономического отделения этого Института. Тут Н. С. создал курс, посвященный исследованию права с социальной точки зрения. Такого академического предмета тогда еще не существовало. Таким образом, Н. С. стал одним из основателей той области науки, которая получила название социологии права. Одно время Н. С. был также деканом Экономического отделения — и продолжал свою академическую деятельность до 1921 г., когда над ним в связи с так называемым Таганцевским заговором, нависла угроза ареста. Н. С., вместе с женой и младшим братом, бежал в Финляндию.

Как и у многих других представителей русской интеллигенции в ту пору, первым значительным этапом жизни Н. С. в эмиграции была Германия. Он сотрудничал в берлинской газете *Руль* и в других изданиях того времени, в том числе иностранных, но мечтал о продолжении научной работы. В 1922 г. он был приглашен в Прагу, где стал профессором Русского Юридического факультета и был также сотрудником Русского Экономического кабинета, во главе которого стоял проф. С. Н. Прокопович.

В 1927 г. Н. С. переехал в Париж, где был помощником редактора газеты *Возрождение* и профессором Франко-Русского института (1927-1936), а с 1931 г. также и Славянского института Сорбонны.

В начале 30-х гг. Н. С. стал сотрудничать с проф. Питиримом Александровичем Сорокиным в предпринятом тогда Гарвардским университетом коллективном труде о динамике социального и культурного развития. Сотрудников было несколько десятков человек — американских и европейских ученых, в том числе и весьма крупных. Вклад Н. С. был такого высокого качества, что именно его пригласили потом в Гарвардский университет. В сентябре 1936 г. Н. С. переехал в Америку. Годичное приглашение от Гарвардского университета было продлено ему на пять лет, но в 1940 г. Н. С. решил принять другое приглашение — в Школу аспирантуры Фордэмского университета. Тут он занял с течением времени приблизительно такое же положение, какое П. А. Со-

рокин занимал в Гарварде. Н. С. стал фактически создателем отдела социологии и читал в нем самые различные курсы, относящиеся к этой общей научной дисциплине. Администрация университета не захотела отпускать Н. С. на покой и тогда, когда он достиг предельного по тем временам возраста. В конце концов, в 1958 г., Н. С. вышел в отставку со званием заслуженного профессора.

Но педагогическая деятельность Н. С. на этом не прекратилась. Еще в 40-х гг., будучи профессором Фордэмского университета, Н. С. начал преподавать социологию также в Мэримаунтском колледже в Манхаттане. Он продолжал преподавать в нем и дальше, а кроме того, с 1958 г. стал каждое лето преподавать в новосозданном Институте советоведения при Русской школе Миддльберийского колледжа в Вермонте. Эта преподавательская деятельность Н. С. продолжалась несколько лет — до тех пор, пока он был еще физически в состоянии это делать.

Представление об академических заслугах Н. С. будет неполным без хотя бы краткого упоминания о следующем. Помимо регулярной университетской работы, послужной список Н. С. включает еще и эпизодическую: его приглашали на отдельные семестры — в Калифорнийский университет в Беркли, в Радклиффский колледж при Гарвардском университете, в Нью Скул оф Сошиал Рисёрч и др. высшие учебные заведения. Целый академический год (1955-56) Н. С. провел в Голландии в очень ценимом звании «Фулбрайт экскэндж профессор»-а. Он читал курсы по социологии и смежным дисциплинам в Гронингенском университете и изучал на месте голландскую систему условного осуждения (и впоследствии помог привить ее принципы в С.Ш.А.).

Будучи в Голландии, Н. С. ездил, по приглашению, читать лекции и в других европейских университетах, в том числе в парижской Сорбонне. Подобных научных докладов по специальному приглашению Н. С. прочел сотни — в американских и канадских университетах, в научных обществах, в клубах, на особых собраниях. Кроме того, Н. С. принимал участие во многих научных съездах и специальных тематических конференциях.

Прочно войдя в американскую академическую среду, Н. С. продолжал активно участвовать и в жизни русской эмиграции. В частности, он был постоянным сотрудником и — долгое время — председателем корпорации и членом редколлегии (1959-1966) *Нового журнала*.

Н. С. умер 9 марта 1970 г., на 84 году жизни, после продолжительной и тяжелой болезни.

2. Печатные труды

Печатное наследие Н. С. не менее внушительно, чем его академически-педагогическое. Полного списка того, что Н. С. опубликовал за свою долгую жизнь, пока еще не существует. Но предварительная,

неполная библиография была в 1965 г. составлена его дочерью, Татьяной Николаевной Бобринской. Библиография занимает 16 страниц мелкого шрифта.¹ А между тем, как указывает составительница, в библиографию не вошли газетные статьи, большая часть небольших статей в не-научных журналах и около 300 рецензий на книги в американских и европейских (не-русских) изданиях. Что касается газетных статей, то их было около двух тысяч. К сожалению, в 60-х годах сам Н. С. потерял интерес к своим газетным статьям и их выбросил. А ведь очень многие из них, несомненно, содержали немало ценных сведений и мыслей!

Умственные интересы Н. С. были многообразными, ему были чужды установки узких специалистов, и он всегда искал путей, которые позволили бы перебросить мосты между отдельными академическими специальностями, относящимися к одной общей области знания, а также между разными областями знания, в особенности в пределах социальных наук. Таким образом, основная установка его была «междисциплинарная». Начав свою академическую карьеру в качестве правоведа и сохраняя верность этой науке, он перешел к социологии права и все более становился социологом. Не потому ли, что социология, вбирая в себя данные других академических дисциплин, более всего благоприятствовала пользованию «междисциплинарными» методами? Кроме того, начав свою сознательную жизнь с изучения права и государства и с участия в работе государственного аппарата Российской Империи, Н. С. всю жизнь продолжал заниматься вопросами, относящимися к России и к сменившему ее на многие десятилетия Советскому Союзу. Вот почему печатные труды Н. С., — при всем том, что они нередко «междисциплинарного» характера, — можно условно отнести к трем главным областям: право, социология и России- и советоведение. Что касается основного печатного наследия Н. С. — его *восемнадцати книг*, то, в зависимости от того, какой элемент является в них доминирующим, они могут быть распределены между этими тремя областями следующим образом:

К области *права* надо отнести восемь книг: *Условное осуждение* (С.-Петербург, 1914), *Преступное возбуждение масс* (Петроград, 1916),² *Преступления против религии* (Петроград, 1916), *Право советской России* (Прага, 1925; два тома, в сотрудничестве с восемью другими учеными; то же на немецком языке: *Das Recht Sowjetrusslands* (Tübingen, 1925), *Grundzüge des Sowjetrussischen Staatsrechts* (Mannheim, 1925), *Введение*

¹ Т. Н. Бобринская, «Печатные труды проф. Н. С. Тимашева», в кн.: *На темы русские и общие: Сборник статей и материалов в честь проф. Н. С. Тимашева*, под почетной редакцией проф. П. А. Сорокина, под редакцией проф. Н. П. Полторацкого (Нью-Йорк: «Общество друзей русской культуры», 1965), стр. 55-70.

² Поскольку в этой двухтомной докторской диссертации Н. С. Тимашева рассматривалась, с правовой точки зрения, подрывная антигосударственная деятельность революционеров, неудивительно, что эта работа была потом уничтожена большевиками.

в изучение уголовно-судебного права (Прага, 1925), *One Hundred Years of Probation, 1841-1941* (2 vols.; New York, 1941-1943) и *Probation in the Light of Criminal Statistics* (New York, 1949).

К области *социологии* непосредственно относятся семь книг: *An Introduction to the Sociology of Law* (Cambridge, Mass., 1939; франц. издание: *Introduction à la sociologie juridique* [Paris, 1939]; есть и японский перевод), *Three Worlds: Liberal, Communist, and Fascist Society* (Milwaukee, 1946), *Sociology: An Introduction to Sociological Analysis* (in collaboration with Paul W. Facey; Milwaukee, 1949), *Sociological Theory, Its Nature and Growth* (Garden City, 1955; книга стала одной из главных в этой области и была переиздана четыре раза — в последний раз в 1976 г., вместе с George Theodorson; есть и испанское и португальское издания), *General Sociology* (in collaboration with Paul W. Facey and John Schlereth; Milwaukee, 1959), *The Sociology of Luigi Sturzo* (Baltimore, 1962) и *War and Revolution* (New York, 1965).

России и Советскому Союзу, помимо книг указанных в двух предыдущих разделах, права и социологии, специально посвящены еще три других книги: *L'Organization politique et sociale de la Russie Soviétique. La Russie sous le régime communiste* (Paris, 1926; *Политическое и административное устройство СССР*, Париж, 1931), *Religion in Soviet Russia, 1917-42* (New York, 1942; книга переведена на испанский, португальский, шведский, датский и китайский языки) и *The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism in Russia* (New York, 1946; переведена на португальский, шведский и китайский языки).³

3. Воззрения

Переходя к краткому изложению воззрений Н. С., отметим прежде всего, что свое общее понимание *права* Н. С. сжато и точно выразил еще в ранней своей работе «Право как коллективно-психологическая реальность»⁴, в которой он сопоставляет свои воззрения по вопросам права с отдельными воззрениями Петражицкого, Меркеля, Штамллера, Б. Кистяковского, Кельсена, Бирлинга, Михайловского, Сорокина, Франка, Краббе, Шейна, Гумпловича и других. В отличие от Петражицкого, Н. С. воспринимает право не как индивидуально-психологическую силу, а как коллективно-психологическую реальность, как одну из коллективно-психологических атмосфер. Право характеризуется двойствен-

³ Дополнительные сведения о печатных трудах Н. С. Тимашева читатель найдет в кн.: *The Works of Nicholas S. Timasheff: An Annotated Bibliography*, ed. Joseph F. Scheuer, Department of Sociology and Anthropology, Fordham University, A LePlay Research Monograph (New York, 1965). Проф. Шойер отмечает участие в подготовке этой аннотированной библиографии следующих лиц: Н. П. Полторацкого, Джорджа Л. Яней, Марианны Яценко, А. С. Тимашева, Бэрри Янга и Т. Н. Бобринской.

⁴ *Труды русских ученых за границей*, т. II, 1923 г., стр. 212-230.

ностью специфических признаков: этико-нормативного элемента должностности и реально-психологического момента властности. Из трех категорий норм — логических, этических и эстетических — непосредственное отношение к праву имеют нормы этические. Действующие этические нормы становятся обязательными для членов данной общественной группы либо прямо, либо косвенно. Для бытия права, помимо признания чего-либо в качестве нормы поведения внутри данной социальной группы, требуется еще и наличие поддержки со стороны власти. В результате признания властью определенных категорий этических норм, коллективно-психологические атмосферы этики и властвования дают начало той атмосфере, которая именуется правом. Право является самой мощной из действующих в обществе организованных сил. Таким образом, право есть особая коллективно-психологическая реальность, в которой индивидуальные психики связаны известной коллективно-психологической атмосферой, представляющей собой сочетание нераздельных и одинаково важных атмосфер этики и властвования. Право есть реальность, проникнутая властностью этики или, что то же, этизированной власти.

Анализируя вклад Н. С. в социологию, Бэрри Янг и Джозеф Шойер⁵ относят социологические работы Н. С. к четырем основным областям: 1) методология социологии, 2) социальные системы и процессы, 3) социология права и 4) политические системы. По мнению Шойера и Янга, Н. С. сделал важный вклад в социологическую теорию применительно к каждой из этих четырех областей. В соответствии с их подходом, некоторые основные идеи Н. С. могут быть сведены к следующим положениям.

Определяя социологию как науку, Н. С. считал, что предмет социологии есть «социус» («the socius» — социальный индивидуум) как продукт взаимодействия человеческих существ. Задача социологии — теоретическое (обобщенное) научное познание общественного поведения; изучение общества в его деталях недостаточно для теоретического познания общества.

Разбирая природу социологической теории, Н. С. указывал, что поиски обобщений, научных законов касательно общественного поведения крайне трудны вследствие методологических требований научного анализа и самой природы человека как общественного существа. Общественное поведение никогда не может быть полностью объяснено детерминистической причинностью; его следует воспринимать как неопределимый до конца комплекс, который человек лишь усматривает, уточняет и осмысляет в известных пределах. Вместе с тем, каждое проявление общественного поведения есть результат предшествующего

⁵ См.: Barry Young and Joseph Scheuer, "The Sociological Theoretical Contributions of Nicholas S. Timasheff", *Записки Русской Академической группы в С.Ш.А.*, том IV (Нью-Йорк, 1970), стр. 203-210. См. также: Joseph F. Scheuer, "Nicholas S. Timasheff and the Sociology of Recurrence", *Thought* (Autumn 1965), pp. 432-448.

процесса и, следовательно, в отношении социальных изменений социальная причинность есть не исключение, а норма. Статистические данные суть не более, чем количественно общие знаменатели для качественно различных явлений, а потому статистическое знание нельзя отождествлять с обобщенным, теоретическим или научным знанием.

Говоря об отношениях индивидуума и общества, Н. С. считал, что общество есть самоопределяющаяся реальность, а не нечто, определяемое извне. По своей структуре и по протекающим в них процессам человеческие общества коренным образом отличаются от всех других животных обществ или нечеловеческих формирований. Каждый отдельный человек одновременно и индивидуален и социален, он соотносителен с другими индивидуумами и обществом в целом, и эта соотносительность представляет собой известный процесс, в ходе которого один индивидуум оказывает влияние на другого. Таким образом, человек есть одновременно и некое индивидуальное единство, и часть социального порядка. Социальный порядок проявляется в сходных нормах поведения членов одного и того же общества. Право, общество и культура взаимосвязаны. Подобно этому и государство есть феномен, основанный не на голой силе, а на соотношении властного авторитета и права, связанных с социальным и культурным порядком. Политические системы в наше время теснейшим образом связаны еще и с идеологиями.

Тут нет возможности сколько-нибудь подробно излагать взгляды Н. С. не только в отношении права и социологии, но и в отношении *России и Советского Союза* — изучением которых он занимался всю свою долгую жизнь. Отмечу все же хотя бы некоторые из его идей.⁶

В исторической поступи России, в ее государственно-территориальном росте Н. С. выделяет четыре основных направления или процесса: 1) колонизация, 2) этническое и династическое объединение, 3) имперское расширение территории и 4) движение к открытому теплomu морю. В первых трех процессах ничего специфически русского не было: они характерны и для других народов и государственных образований. Четвертый процесс был сугубо русским. Однако это движение к открытому морю — Балтийскому на севере, Черному на юге — означало лишь возврат на земли, искони составлявшие ось русской истории. Таким образом, говорить о каком-то особом русском империализме, якобы далеко оставляющем позади империализмы британский, португальский, испанский, французский, голландский, бельгийский и другие, — исторически просто нелепо.

Уточняя далее вопрос о взаимоотношении России и Европы, Н. С. отвергает нашу мещую в эмиграции теорию евразийцев, сблизивших Россию с Азией, а не с Европой, и видит немало слабых мест также и в давнем споре западников со славянофилами. Основы цивилизации и

⁶ Несколько подробнее об этих — и соседствующих с ними — взглядах Н. С. говорится в моей статье «Проф. Н. С. Тимашев о путях России», напечатанной в *Новом журнале*, № 84 (сентябрь 1966 г.), стр. 255-267.

культуры у России и у Западной Европы были в главном общими не только в петербургский период, но и в первые века русской истории. Различия начинаются лишь со времени татарского ига. Однако и татарское влияние не изменило основ, на которых строилась духовная жизнь русского народа, его религия, нравы и главные представления. Разбирая конкретно эти и связанные с ними вопросы русского исторического развития, Н. С. приходит к заключению, что в политическом, хозяйственном и культурном отношениях Россия есть та же Европа, хотя и Восточная, — но ни в коем случае не Азия.

Выясняя общий ход русской истории и положение России накануне революции 1917 г. и захвата власти большевиками, Н. С. приходит к выводу, что революция не была ни необходимой для прогресса страны, ни неизбежной. В России ощутимо подготавливалось иное, демократическое, а не коммунистическое будущее. Однако, в результате затяжной и неудачной войны, ряд старых конфликтов, не разрешенных в свое время полностью (в особенности конфликтов, связанных с крестьянским землеустройством), снова всплыл на поверхность, и пересечение разных неблагоприятных линий развития привело к революции 1917 г.

Анализируя положение России при большевиках, Н. С. расходится с теми историками и социологами, которые во всякой революции выделяют две фазы, разрушительную и созидательную. Даже за одну только первую четверть века существования советского строя можно говорить о четырех фазах или периодах. Это: военный коммунизм (1917-1921), НЭП (1921-1928), период второго социалистического наступления (1929-1934) и период великого отступления, начавшийся в 1934 г. Из этих четырех фаз в истории советского режима две — восходящие к коммунизму, а две — нисходящие. Эта концепция была подробнее всего разработана и документирована Н. С. в его английской книге *Великое отступление (The Great Retreat)*, законченной в сентябре 1945 г., — т.е. до ждановщины, холодной войны, Коминформа, борьбы против космополитизма, нового наступления на религию и т.д. Н. С. внимательно следил за всеми этими и последующими явлениями в самых различных областях жизни Советского Союза: внутренней и внешней политики, идеологии, религии и церкви, народного образования, демографических процессов, административного устройства и права и пр. — и результаты своих наблюдений и размышлений доводил до сведения русского и иностранного читателя.

Но мысль Н. С. была направлена не только на прошлое и настоящее России и Советского Союза, но и на будущее. Он ставил вопрос: есть ли та меняющаяся свои обличия и конкретное содержание амальгама из марксизма-ленинизма-сталинизма и элементов русского культурного и национально-патриотического прошлого, которая стала устанавливаться с 1934 года, — окончательная форма исторического бытия России, или же возможен еще какой-то другой исторический поворот? Н. С. считал, что возможен, — что будет новая, пореволюционная Россия.

Наряду с официальной, казенной коммунистической идеологией марксизма-ленинизма в России существует также подпольная, вольная

идеология. Она определяется тем, что население недовольно советскими порядками в целом ряде областей, которые Н. С. сводит к пяти основным. Отсюда и пять основных элементов положительной программы этой вольной идеологии: 1) частная собственность на землю или хотя бы свобода в выборе форм землепользования, 2) экономическая свобода, хотя бы в форме частного предпринимательства в розничной торговле и в легкой промышленности, обслуживающих потребителя, 3) свобода личности от произвола властей, 4) свобода научного, литературного, музыкального и иного творчества и 5) свобода религии и церкви. И хотя в массах не видно широкого стремления к формальной демократии, существует явное отталкивание от органов и учреждений, характерных для коммунистической диктатуры. Это отталкивание, в соединении с пятью главными элементами вольной идеологии, может привести к тому, что — при вероятных в стране резких политических сдвигах — подпольная идеология получит широкое признание и станет основой для нового социально-экономического, политического и культурного порядка.

4. Место и значение

При объективно несомненном вкладе Н. С. в развитие социологии как академической дисциплины вообще — и в Фордэмском университете и в Соединенных Штатах в частности, и при его многочисленных солидных печатных трудах в этой области, большое значение которых было отмечено многими крупными специалистами,⁷ Н. С. все-таки не получил в Америке достаточно широкого, адекватного признания своих заслуг как социолога. Профессор Ньюйоркского университета Роберт Бирстедт, называя Н. С. «одним из самых недооцененных современных социологов»,⁸ объясняет это положение тремя причинами.

Первая причина связана с необыкновенной обширностью социологических интересов Н. С., который «с легкостью передвигался от социологии права до социологии войны в одной области и от истории социологической теории до методологии этой науки — в другой; от многочисленных статей о пореволюционной России к отдельным статьям, посвященным отдельным ученым (Токвиллю, Конту, Петражицкому, Ковалевскому, Эрлиху, Гумпловичу, Парето, Сорокину) в еще иной отрасли науки». Вторая причина заключается в том, что Н. С. не только

⁷ В своем «Предисловии» к сборнику статей в честь проф. Тимашева я привожу хвалебные отзывы о его книгах таких американских специалистов, как профессора Н. Kantorowicz, Н. J. Morgenthau, John B. Donovan, Robert M. MacIver и др. (*На темы русские и общие*, стр. 4-5).

⁸ Роберт Бирстедт, «Н. С. Тимашев (1886-1970). К годовщине смерти», *Новое русское слово*, № 22183 (9 марта 1971 г.). Эта статья является переводом с английского оригинала: Robert Bierstedt, "Nicholas S. Timasheff 1886-1970", *The American Sociologist* (August 1970), pp. 290-291.

жил в разных странах, но и печатался все время на разных языках, — языках, американским ученым нередко малоизвестным или вовсе неизвестным. И так как печатные труды Н. С. никогда не были собраны и представлены читателю как нечто единое, на одном языке, мало кто вообще в состоянии полностью узнать и оценить его научное наследие.⁹ Третья причина недооцененности Тимашева как социолога в Америке связана с тем, что «Тимашев провел большую часть своей американской академической жизни в католическом университете и, как бы это ни было огорчительно, в США (в особенности в сфере социальных наук) есть недостаток общения между светскими и католическими университетами; между Американской Социологической ассоциацией и Американским Католическим социологическим обществом; между католическими журналами и теми, которые читает большинство из нас». И хотя Н. С. не католик, а православный, и печатался он в журналах как католических, так и светских, это характерное для Америки разделение сказывалось и на академической репутации Н. С.

Думается, что к указанным проф. Бирстедтом трем причинам неадекватного признания заслуг Н. С. как социолога в этой стране следует добавить еще четвертую причину: как это по другому поводу отмечает и проф. Шойер, Н. С. не выдвинул какой-либо одной всеобъясняющей и поражающей воображение формулы, концепции или теории общественного развития.¹⁰ В самом деле, в своем анализе эмпирических данных Н. С. исходил не из заранее установленной формулы или теории, а из самих этих данных, из их внутренней логики, взаимосвязей и общей направленности. Он был не дедуктивен, а индуктивен, т.е. предметен. Думается, что в этой его предметности, конкретности и объективности и состоит прежде всего его огромная заслуга как ученого.

Но это, конечно, не значит, что Н. С. ограничивался описательным подходом и не приходил к определенным обобщающим выводам. Напротив, даже из того немногого, что здесь было сказано о правовых, социологических и советоведческих воззрениях Н. С., можно ощутить не только многосторонность (даже всеохватность), но и единство тимашевского подхода. Это единство связано с его общей, постепенно вырабатывавшейся, социологической и философско-исторической концепцией, которая сочетает в себе принципы детерминизма и индетерминизма. Сочетание этих двух принципов выражается у Н. С. в понятиях вероятности и тенденции общественного развития. Чистый детерминизм, вытесняемый даже из точных наук, в особенности неприменим в

⁹ Будем надеяться, что когда-нибудь еще будет подготовлено собрание печатных трудов Н. С. Для начала, надо было бы подготовить одноязычные сборники его избранных разноязычных статей, по трем основным категориям: право, социология, советование. Если и это сейчас невозможно, то в крайнем случае — хотя бы один сборник избранных статей.

¹⁰ См.: Joseph F. Scheuer, "Nicholas S. Timasheff and the Sociology of Recurrence", *Thought* (Autumn 1965), p. 432.

общественных науках, в которых исследователь имеет дело с наиболее сложной, неустойчивой и окончательно неустановимой величиной — человеческим существом. Вот почему Н. С., признавая рабочую ценность и законность оперирования причинными рядами (причина-следствие), в то же время утверждает, что во всяком состоянии есть обычно несколько возможностей, которые, становясь вероятностями, превращаются в тенденции общественного развития. Какие из этих тенденций общественного развития осуществляются, а какие не осуществляются, предвидеть с абсолютной уверенностью невозможно. Все зависит от того, как на деле сложится конъюнктура, т. е. от того, как именно встретятся одни тенденции развития с другими. В своем поступательном движении человеческое общество проходит через ряд колебательных, а не только прямолинейных процессов, и индивидуальной человеческой воле в этих процессах принадлежит гораздо более крупная роль, чем это допускалось старой эволюционной теорией.

Такой подход Н. С. к общественному и историческому развитию представляется правильным и ценным и в чисто научном, исследовательском плане, и в плане этическом, действенном. Он ближе всего к христианскому отношению к жизни и ее процессам и требованиям. Ибо только в этом случае можно говорить о личной нравственной ответственности каждого человека за то, что происходит в нем и вокруг него.

Общий подход Н. С. к явлениям социального, государственного и культурного развития теснейшим образом сближает его и с тем направлением русской общественно-политической мысли, главными выразителями которого в 19 веке были кн. П. А. Вяземский и Б. Н. Чичерин, а в 20 веке — П. Б. Струве. Это есть направление консервативного либерализма или либерального консерватизма, представителям которого одинаково дороги начала свободы и права — и исторической традиции, преемственности и порядка. Таким именно либеральным консерватором и был профессор Николай Сергеевич Тимашев.¹¹

Н. Полторацкий

¹¹ Я мог коснуться тут только «объективной» стороны дела. Что касается «субъективной» стороны, т.е. моих личных впечатлений и воспоминаний, то ей была посвящена моя статья, написанная под свежим впечатлением от известия о смерти Н. С.: «Памяти профессора Н. С. Тимашева», *Новое русское слово*, № 21832 (23 марта 1970 г.). Отмечу только, что мне посчастливилось быть младшим коллегой Н. С. в Институте советоведения в Миддльбери, где я в конце 50-х гг. был помощником директора Института и преподавал вместе с Н. С., а также в — некогда очень активном, но теперь уже несуществующем — Обществе друзей русской культуры в Нью-Йорке, на собраниях которого я неоднократно выступал с публичными лекциями. (Председателем Общества был самоотверженный и заслуженный общественный деятель Г. И. Новицкий; Н. С., по своей обычной скромности, предпочитал быть вице-председателем).

N.S. Timasheff. *War and Revolution: A Sociological Analysis*. New York: Sheed & Ward, 1965.

Professor Nicholas B. Timasheff was born in St. Petersburg, Russia, where he received his Doctorate of Law in 1914 from the renowned University of St. Petersburg. During his distinguished academic career in sociology and political science in Europe and the U.S., Timasheff, together with Pitirim Sorokin (with whom he often worked closely), has had an immense impact on the development of social studies in America. He is the author of a number of books in sociology, of which his *Introduction to the Sociology of Law* (Cambridge, Mass., 1939), *Sociological Theory, Its Nature and Growth* (New York, 1955) and *The Sociology of Luigi Sturzo* (Baltimore, 1962) are considered classics.

In his last book, *War and Revolution*, Timasheff uses the inductive method (or, if one prefers, the “scientific” method) to examine the causes of the outbreak of wars and revolutions, an approach never previously used. The book is thoroughly up-to-date. Timasheff sees the world threatened not only by a nuclear war that may result in its total annihilation as we know it, but also by a new type of revolution, or revolutions, in which existing governments may be overthrown in a series of small wars and subversive actions, such as are now taking place in Central America, Afghanistan and Vietnam, for the purpose of establishing a world communist empire. Throughout this remarkable work, Timasheff demonstrates his sense of history and draws a clear picture of the interrelation of war and revolution.

Wars are conflicts **between** states; revolutions are conflicts **within** states. Timasheff, therefore, sees many similarities between them. The two may indeed become one, as in the case of the civil war in Russia (1917-1922). World War I was the major cause of the February Revolution and the overthrow of the Tsarist regime; then, when Lenin took control of the government by a *coup d'état* in a totally disorganized Russia in November of 1917, a civil war was precipitated which lasted until the end of 1922.

Timasheff was the first to argue that war and revolution are kindred or related phenomena, and he discusses in detail the monistic theories of their causation. He first examines and rejects the fatalistic approach adopted by Leo Tolstoy in the philosophical passages of *War and Peace*, and turns next to the “great men” theory originally formulated by Carlyle and later developed by Ortega y Gasset, using Hitler, Mussolini, Lenin, Stalin and Mao Tse Tung as examples. Timasheff concludes that this theory is based not on logic, but on a highly personal interpretation of history.

After considering in succession the decision theory, the biological theory, the psychological, demographic, economic or Marxist theories and, finally, the morbid national culture theory, he asserts that each of these involves but a single factor approach. Rather, he argues, wars and revolutions are the result of several conditions, always the same but present in different forms in different periods.

Timasheff also studies the probability of revolutions in Europe, the Soviet Union, the Arab countries, South Africa and the South American countries. He concludes that revolution in Europe would be possible only through some sort of “Finlandiza-

tion” imposed by the Soviet army. In Latin America, on the other hand, he sees many conditions which favor revolution, since these countries are all relatively unstable. However, some lean toward democracy and their future depends on the attitude of the United States and its willingness to help.

In the final chapter of *War and Revolution*, Timasheff suggests means of preventing both war and revolution which rest on logic and practical experience. He believes that a general mechanism, such as the United Nations, is necessary to exercise a measure of control over factors promoting war: in Korea, for example, the war was localized and did not develop into a world-wide conflict even though the major powers — the U.S., the European states, China and the U.S.S.R. — were all involved. Moreover, economic conflicts that result from the unequal distribution of markets and raw materials could also be resolved by measures undertaken under the auspices on an international body.

The prevention of revolution is similar to the prevention of war. Experience shows that revolution is an extremely costly means of bringing about social change, as exemplified by the prohibitive cost of the Russian Revolution in terms of money and human life. It must also be remembered that many revolutions have occurred, stemming from foolish ideas totally incompatible with human needs, yet powerful enough to motivate people to revolt. Many democratic governments have been seen to succumb to anti-democratic revolutions. In Timasheff’s view, if governments are not to perish, they must defend themselves through positive leadership and — if necessary — the use of coercive measures.

Timasheff gives us an example of his own sad personal experience in 1917. The Provisional Government had appointed him a member of the commission for the adaption of the Russian Penal Law to the exigencies of the new democratic regime. Timasheff was entrusted with the preparation of the draft of a section against subversive propaganda — a project on which he had been working for several years. The draft was submitted to the Provisional Government, but was not accepted because a Menshevik member objected to it on the grounds that it was anti-democratic. Indeed, it was similar to the U.S. Smith Act of 1940.

Thus, the lack of any legal constraint against open Bolshevik propaganda for the overthrow of the Provisional Government contributed to the Bolshevik takeover. Democracy fell and a group of professional revolutionaries, together with Lenin and Trotsky, seized control of the government on November 7, 1917.

Alexis Sherbatow

Памяти ушедших

С.А. Панин

Скончавшийся 3 декабря 1985 г. Сергей Александрович Панин был прекрасным лингвистом, опытным преподавателем русской фонетики и весьма музыкальным человеком. Всегда вежливый и трудолюбивый, он был ценным сотрудником отдела русских письменных переводов в ООН, где я с ним познакомился в 1950-х годах. До этого времени он преподавал на военных курсах в Монтерее в Калифорнии, а впоследствии состоял профессором русского языка и фонетики при кафедре славянских языков в Нью-Йоркском штатном университете в Албани.

Когда мы с проф. М. А. Полторацкой организовали летнюю Школу русского языка и литературы в Вермонте, мы пригласили туда и С. А. Панина. В течение многих лет он там с большим успехом преподавал язык и фонетику. Однако, с середины 1970-х годов, сердечная болезнь помешала ему продолжать работу. Помню, как С. А. любил петь и выступать на наших концертах и вечерах.

В молодости С. А. жил на Кавказе. Во время Второй Мировой войны он поехал в Минск, затем ему удалось перебраться в западную Европу, а оттуда — в США. В последние годы его жизни, музыка составляла главный интерес для С. А. и доставляла ему много радости. С. А. Панин был долголетним членом Русской Академической Группы в США и в течение нескольких лет состоял в ее правлении.

Н. В. Первушин

Марк Шефтель (1902-1985)

31 мая 1985 г. в городе Сиатль, шт. Вашингтон, скончался известный историк русского государства и права проф. Марк Шефтель.

М. Ш. родился на юге России, в Староконстантинове. Десятилетним мальчиком он переехал с семьей в Люблин, находившийся тогда в австрийской Польше, где он и окончил гимназию. Высшее образование он получил сначала в Варшавском университете на историческом и философском факультетах, затем в Бельгии, в Брюссельском Свободном университете который присудил ему докторскую степень в 1939 г.

Когда над Европой разразилась Вторая Мировая война, проф. Шефтелю удалось покинуть Бельгию и перебраться на юг Франции, затем — через Испанию — в США. В 1945 г. он стал преподавать историю в Корнельском университете, а в 1961 г. был назначен профессором ранней русской истории в университете шт. Вашингтон в Сиатле. Проф. Шефтель не раз ездил по особым приглашениям в Англию читать лекции в Оксфорде и Кембридже.

Преподавательская карьера проф. Шефтеля прекратилась в 1972 г., зато научная его деятельность продолжалась вплоть до последних месяцев жизни. За свою долгую академическую карьеру, он опубликовал или выпустил под своей редакцией ряд обширных работ на разных языках. Широко известен сборник его статей *Russian Institutions and Culture up to Peter the Great* (1975), а также *Documents de droit public relatifs a la Russie médiévale* (1963), *Russia (Before 1917)* и его капитальный труд, *The Russian Constitution of April 23, 1906* (1976).

Перебравшись в Америку, Марк Шефтель одно время был близким сотрудником всемирно известного филолога Романа Якобсона. Вместе с ним Шефтель работал над аннотацией и переводом *Слова о полку Игореве*, опубликованным как *La Geste du Prince Igor* в 8-м томе (1948) *Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves*. Главный его вклад в этот труд было составление исторического комментария к тексту *Слова*, в подлинности которого он не сомневался.

Либерал по своим политическим убеждениям, Марк Шефтель был серьезным умеренным и беспристрастным специалистом по русской истории, одним из тех историков, увы, теперь уже редко встречающихся, которые смотрят на исторические события предельно объективно, рационально и без предвзятости.

Помимо других профессиональных обществ — таких, как AAASS и Société Jean Bodin — Шефтель также состоял членом Русской Академической Группы в США и проявлял большой интерес к ее деятельности. Он предполагал написать для настоящего исторического выпуска *Записок* оригинальную работу об Основных Законах Российской империи от 23 апреля 1906 г., но смерть помешала ему выполнить этот проект. В память проф. Марка Шефтеля редакция *Записок* помещает в настоящем номере цикл его недавних работ, появившихся в русском переводе в парижской газете *Русская мысль*.

Мир праху его.

Н. Ж.

Юрий Павлович Иваск (1907-1986)

13 февраля 1986 года скорпостижно скончался Юрий Павлович Иваск. С ним ушел один из последних замечательных представителей русской культурной эмиграции. Поэт со своим особым голосом и выдающийся литературовед с широким кругозором и безошибочным вкусом, Юрий Павлович оставил ценное наследие и как стихотворец, и как научный исследователь.

Ю. П. Иваск родился 12 ноября 1907 года в Москве. Долгое время он жил в Эстонии, где закончил университетское образование в Тарту на юридическом факультете. Когда советские войска вторично заняли Эстонию, Юрий Павлович сперва попал в беженский лагерь под Гамбургом. В Гамбурге он посещал

университет, но занимался не юриспруденцией, а своим настоящим призванием: славянской филологией, особенно русской литературой, и философией. В 1949 году он переехал в США и скоро поступил в Гарвардский университет на славянское отделение. Здесь он получил докторскую степень, написав отличную диссертацию *Вяземский — литературный критик* (1954), — труд уже зрелого ученого. Юрий Павлович преподавал русскую литературу в Канзасском, Вандербильтском и Вашингтонском университетах. Окончательно обосновался он в Амхерсте, получив приглашение занять кафедру в Массачусетском университете. Под его руководством написано несколько диссертаций на темы, касающиеся русской эмигрантской литературы. Его выдающиеся качества сказались и в его педагогической деятельности. Студенты вспоминают о нем как о вдохновляющем учителе.

Его глубокие литературные познания отразились в многочисленных статьях, эссе и рецензиях на литературоведческие темы. Довольно часто упоминает он в них о искусстве, которое знал и понимал не хуже литературы. Он гордился тем, что мог «читать» картины.

Его главный научный труд, книга *Константин Леонтьев. Жизнь и творчество* (Берн, 1974), — «творческая биография» этого парадоксального, но захватывающе-смелого мыслителя и писателя. Его жизнь Иваск истолковывает «в мифах Нарцисса, Алкивиада и евангельского Бога-юноши», не забывая при этом, что Леонтьев не укладывается целиком в эту мифологию. Но — «дробь человеческой личности часто существенней круглых чисел, и этим дробям я уделял больше внимания, чем единицам», говорит Иваск в предисловии; и результат этого подхода — блестящий жизненный очерк очень незаурядного человека, написанный очень «личным», далеко не академическим стилем конгениального ему автора.

С 1955 по 1958 гг. Юрий Павлович редактировал журнал *Опыты* (тт. 4-9). Здесь опять проявляется его вкус и также его умение привлекать выдающихся сотрудников: среди них были Адамович, Вейдле, Зайцев, Георгий Иванов, Маковский, Набоков, Ремизов, Чиннов, — это только несколько из прославленных имен. Юрий Павлович знал многих замечательных людей. Его архив представляет немалую ценность. Из него назову лишь переписку с Цветаевой.

Под его редакцией вышли также отлично подобранные антологии: *На западе. Антология русской зарубежной поэзии* (Нью-Йорк, 1953) и *Антология петербургской поэзии эпохи акмеизма* (Мюнхен, 1973).

Помимо этого, Юрий Павлович был также сотрудником *Записок Русской Академической Группы, Русской мысли, Нового русского слова и Нового журнала*. В последние годы особенно примечательна была серия его статей в *Н.Ж.* под общим названием «Похвала Российской поэзии».

Поэт Иваск выпустил пять сборников стихов: *Северный берег* (1938), *Царская осень* (1953), *Хвала* (1967), *Золушка* (1970) и *Завоевание Мексики* (1984), сборник, содержащий «сказ раёшника» — довольно оригинальное сочетание русского и мексиканского народного духа — и ранее напечатанные «мексиканские» стихи. В 1973 году вышла автобиографическая поэма Иваска «Играющий человек» (*Возрождение*, №№ 240-242). Из нее можно много узнать о духовном и литературном развитии поэта.

В Советском Союзе, где Иваска высоко ценят «в подполье», появился в Самиздате сборник *Поэмы и стихотворения (1933-1978)* (Москва, 1979). Иваск очень дорожил этими связями с незабвенной Россией и за год до смерти побывал в Советском Союзе.

Поэзия Иваска не легко доступна. В ткани ее явно выступает его любовь к

трем поэтам, названным в *Завоевании Мексики*. Это — Гонгора, Донн и Мандельштам. К ним еще можно было бы прибавить Державина, Анненского, Цветаеву, Одена и Йетса.

Иваска всегда пленяло барокко: смесь высокого и низкого, резкие контрасты, неожиданные метафоры и сравнения и то, что он называл «торжественной какофонией». Но в то же время его стихи точно продуманы: бросая свои импрессионистические мазки, он никогда не теряет из виду картину целого, что особенно сказалось в стихах о его любимой Мексике, об Испании и Португалии. Нельзя забывать и о его преклонении перед золотой и багряной Византией, и отсюда — перед православием, хотя не меньше привлекал его и блеск католичества.

Он хочет верить в неподдающуюся точному определению высшую духовную игру, «игра — это творчество», игру «энных возможностей». Игрой создавалась культура, создавалось требовательное искусство. С ним создавалась радость жизни, заслуживающая «хвалы». «Ад невечен. Вечен рай», — один из эпиграфов его «Играющего человека», дающий ключ к этому необычному «жизнеописанию».

Отрадно было общаться с Юрием Павловичем как человеком. Его врожденное благородство, его отзывчивость, его жизнерадостность, его чувство юмора, его веселая, благодушно ироническая беседа с «блестками» ума и понимания жизни и людей — незабываемы.

Но при всей своей благожелательности к людям, он был непреклонен, когда дело касалось его убеждений и верований в области искусства: глаза его сверкали гневом, когда он, например, высказывал Синявскому свое мнение о его *Прогулках с Пушкиным* ...

Мне кажется, отлично схвачено его мировоззрение в четверостишии из *Хвалы*:

Братья, скрывайте сущую правду,
Звезды и бездны — небытие.
Будьте приветливы, здоровы и праздно,
Дурочку жизнь, полюбите ее!

Юрий Павлович любил жизнь. Он много взял от нее — и много дал нам.

В. Сечкарев

Роман Борисович Гуль (1896-1986)

Ушел от нас на 91-м году жизни Роман Борисович Гуль — один из последних, если не действительно последний из той плеяды, колоритных творческих фигур, которыми была насыщена т.н. «первая волна», ушедшая из России если не с оружием в руках, то, во всяком случае, в ситуациях, близких к этому.

Роман Гуль соединял в себе ряд качеств, которые делали его необыкновенным человеком всю его жизнь. Начал он жизнь, как он сам ее описывал в *Коне Рыжем* и других автобиографических произведениях, в патриархальном,

традиционном быту семьи одного из пензенских уездных предводителей дворянства, внуком которого он был. Но пыльные, широкие, ровные пензенские улицы, которые Гуль часто с любовью вспоминал, ему пришлось скоро покинуть — вначале он поступил в университет, на юридический факультет, а затем в школу прапорщиков и — на фронт.

Отвоевав на германско-австрийских фронтах и не приняв большевистского режима, Гуль присоединился к добровольческим частям и с ними совершил знаменитый Первый Ледяной поход. Но виденное и испытанное в эти трагические, но судьбоносные месяцы, описанные им в его одноименной автобиографической повести, вызвало у него чувство острого морального неудовлетворения, и он решил, что с белыми, как и с красными, ему не по пути. Тут сказались в нем иные качества, не те, которые ему дало его воспитание в традициях провинциального помещичье-дворянского быта, с его крепкими патристическими и почвенными устоями, — и не менее принципиальное, ригористичное, на цивильном и естественном праве основанное, российское юридическое образование.

Наряду с этой почвенно-классической закваской, в Романа Борисовиче развивается острое и на всю жизнь его больше не покидающее чувство личной моральной ответственности за свою жизнь, что ложится и в основу его творчества, как бы становясь у него тем толчком, который направляет его на путь творца-художника. Он чувствует, он переживает, он болеет. Он верит в свободу личности, в ее автономию и ответственность перед высшим началом. Это делает его часто в личном обращении человеком необыкновенным, — для некоторых, даже загадочным, — сложным и трудным. Впрочем, он с этим мало считается. Его характер остается непоколебим: «Таков я, таким можете меня принимать или не принимать, но меняться я не собираюсь», — как бы все время повторяет он.

Пережив ужасающий эпизод «сидения» в Педагогическом музее в Киеве, Гуль чудом сумел эвакуироваться с уходящими немецкими войсками. Он попал в Германию, где начался следующий отрезок его жизни, в котором обнаружился и расцвел его литературный талант. Начав с работы дровосека (физический труд на лоне природы — важный и повторяющийся момент в биографии Гуля), он быстро освоился в литературно-журналистическом мире русского Берлина, главного заграничного центра русской эмигрантской культуры начала 20-х гг.

Там же он вновь встречается со своей прежней подругой юности и будущей женой Ольгой Андреевной Новохацкой. Она становится верной спутницей его жизни и разделяет с ним все перипетии эмигрантского существования. Всю свою жизнь она была для Р. Б. любящей и заботливой женой и иногда даже до крайности лояльным союзником. Ее смерть в Нью-Йорке в 1976 г. причинила ему большое горе, от которого он так и не оправился. Его автобиографическая трилогия, о которой еще пойдет речь, посвящена ее памяти.

Творчество Романа Гуля трудно охарактеризовать просто и коротко. Художественная литература на автобиографической, а затем биографической основе, становится его главной темой, его творчеству присущ некоторый налет «очеркизма», несколько в стиле Константина Паустовского, а это потом переходит у него в своеобразный жанр художественного полемического журнализма, которым характеризуются последние годы его творчества. Чистой беллетристики у Р. Б. почти не найти. Она всегда у него связана с конкретными личностями, — своей или же какого-то избранного им исторического лица, или, наконец, — с событиями, течениями, тенденциями.

В Берлине Р. Б. открывает ту литературную золотую жилу, которая затем долгие годы питает его темами и сюжетами. Эта жила расходуется в двух направлениях — автобиографическом и биографическом. Личные переживания во время Кубанского похода Добровольческой армии, а затем пребывания в Киеве и эвакуации оттуда в Германию, получают отличную художественную обработку в двух его ранних произведениях: *Ледяной поход*, который сразу же сделал Гулю литературное имя по обеим сторонам российского «чертополоха», и *Жизнь на Фукса* — ряд автобиографических зарисовок, охватывающих последующую часть гражданской войны и первые шаги зарубежом.

Столкнувшись в Германии с рядом самых различных, но — каждый в своем роде — примечательных лиц, выброшенных за границу волной войны и революции — случайно оказавшихся за границей, бежавших, эмигрировавших, высланных, сочувствующих большевикам или просто выжидающих выяснения обстановки в России, — Гуль находит, что почти все они имеют нечто интересное поведать о себе, о своей недавней деятельности до и после крушения империи или, наконец, о своей новой жизни за рубежом. Знакомство, а затем долготелетняя дружба с «одержимым коллекционером» всякого материала о русском прошлом меньшевиком Б. И. Николаевским, бывшим революционером-народником В. Л. Бурцевым, обличителем Евно Азефа, именитыми эсэрами Борисом Савинковым, В. М. Зензиновым, А. Ф. Керенским и Виктором Черновым, десятками молодых белых офицеров, коллег или однокашников по корпусам и училищам ранних советских военачальников (и чекистов), — принесли Роману Гулю лавину документального, сырого литературного материала, только нуждавшегося в художественной обработке. Несмотря на то, что превращение этих уже почти готовых сюжетов и фабул в литературные произведения не требовало особого напряжения творческого воображения, литературный талант Гуля нашел себе достойное применение в области умозрительной и, конечно, стилистической.

Позже, после того как у Р. Б. Гуля установилась репутация блестящего рассказчика и стилиста, к нему стали обращаться лица, имеющие *что* рассказать, но не знающие *как* сделать это в надлежащей литературной форме, с просьбой записать и художественно обработать их изложение. Так, Гуль становится пересказчиком по крайней мере двух тогда весьма острых эмигрантских сенсаций: об убийстве в 1920 г. в Константинополе ген. И. П. Романовского, начальника штаба добровольческих войск ген. Деникина, пор. М. А. Харузиным (и о возможном участии в этом б. жандармского чина Г. Курлова, замешанного также и в дело об убийстве П. А. Столыпина в 1911 г. в Киеве) и о придворных отношениях вел. кн. Михаила Александровича в изложении гр. Л. Н. Воронцовой-Дашковой, жены его близкого друга. Но помимо сенсаций, были и просто интересные материалы. Например, *Белые по черному* — очерки о жизни русских, попавших в Африку, написанные по рассказам жившего там эмигранта, *В рассеянии суице* — роман из жизни русской эмиграции в Германии в начале 20- гг., серия статей в газете *Последние новости*, появившаяся уже под конец пребывания Р. Б. в Германии и озаглавленная «Прыжок в Европу», в которой описывались приключения бывшего советского беспризорника, пробравшегося на поездах «зайцем» через Прибалтику в Германию. Все эти вещи были основаны на рассказах посторонних лиц и превращены в художественные произведения Романом Гулем.

В Берлине же Гуль издает свой первый исторический роман — двухтомный *Генерал БО* — из жизни двух легендарных членов эсеровской Боевой Организации: Евно Азефа и Бориса Савинкова, — произведение, которое потом сыграв

ет роковую роль в жизни автора. Вскоре затем выходят две его книги, посвященные советским военачальникам — *Тухачевский* и *Красные маршалы* (Котовский, Блюхер и др.). Тяга Р. Б. к колоритным персонажам снова проявляет себя в еще одном историческом романе *Скиф* — об анархисте-революционере Михаиле Бакуине в эпоху царствования имп. Николая I. Еще находясь в Германии, Гуль начинает работать над циклом биографий вождей красного террора (Дзержинский, Менжинский, Лацис, Петерс, Ягода), задуманным им в широком историческом плане начиная с 1917 г. Эта книга, под заглавием *Дзержинский*, вышла уже после переезда Гуля во Францию.

Произведения Р. Б. Гуля пользовались большой популярностью как среди русской эмиграции, так и у иностранных читателей, жаждавших понять, что собственно говоря происходит на далеких, сумбурных и экзотических окраинах Европы. Так, *Ледяной поход* выдержал три издания, в том числе и одно советское, *Генерал БО* — четыре издания (из коих последние два вышли под измененным названием *Азеф*) и десять переводов на иностранные языки, *Красные маршалы* — три издания и шесть переводов; *Скиф* (он же *Бакуин*) вышел в трех изданиях, *Дзержинский* и *Котовский* — в двух и одном переводе.

Литературная работа, сотрудничество в ряде русских газет и журналов в Берлине, встречи и дружба с рядом будущих советских русских писателей-возвращенцев, как Алексей Толстой, «сменовеховцев» и просто «советских», как Константин Федин — резко прекратились после ареста Р. Б., который был посажен в первый гитлеровский концентрационный лагерь Ораниенбург, откуда Р. Б. опять-таки удалось буквально чудом вырваться и после долгих мытарств — переехать во Францию.

Арест Р. Б. был недоразумением: неопытный нацистский следователь посчитал, что слова «роман одного террориста» относятся не к заглавию немецкого перевода *Генерала БО* Гуля, а к его... автору. Такая, казалось бы, смехотворная ошибка могла стоить Р. Б. жизни, так как даже первые нацистские концлагеря начала 30-х гг. вовсе не были курортами, и потребовались долгие хлопоты и, конечно, большая доля счастья, чтобы его жене удалось его оттуда вытащить.

Но, как говорят, нет худа без добра. Хотя та гласность, которой Р. Б. предал свой вынужденный отдых в гостях у «третьего райха» (см. его *Ораниенбург. Что я видел в гитлеровском концентрационном лагере*) и заставила его стараться не попадаться немцам на глаза в оккупированных районах Франции во время войны, его лагерный стаж у нацистов закрепил за Р. Б. справедливую репутацию анти-гитлеровца.

Если раньше Р. Б. был известен благодаря своим антибольшевистским произведениям как антикоммунист, то теперь к этому прибавилось еще одно бесспорное реноме — антифашист. А это очень помогло ему в то сумбурное и, для некоторых, трагическое раннее послевоенное время, когда многие русские эмигранты-антибольшевики оказались между Сциллой обвинений в «коллаборации» с немцами (с чем новые французские власти часто смешивали принципиальный антибольшевизм) и Харибдой «совпатриотизма», подчас принятого, чтобы оградить себя от возможных репрессий за свои антикоммунистические настроения.

Пребывание во Франции представляет собой третью долгую часть жизни Р. Б., которую он описал во втором томе своей автобиографической трилогии *Я унес Россию*. Как и в Берлине, Р. Б. быстро вошел в русскую литературную жизнь во Франции, но Париж 30-х гг. было не сравнить с Берлином начала 20-х,

где русская культурная жизнь, по ряду свидетельств, была ключом. Пытаясь получить право на въезд во Францию для своей матери, которую он был вынужден оставить в Германии, Р. Б., чтобы получить нужные связи во французских влиятельных кругах, вступает в... русскую масонскую ложу в Париже, чем вызывает большое недовольство среди тех русских за рубежом, которые усматривают в «свободных каменщиках» организацию, как было принято говорить, «погубившую Россию».

В общем, «масонский эпизод» в жизни Романа Гуля весьма напоминает схожие приключения Пьера Безухова в *Войне и мире*: никакой возвышенной мистики, никакого пути к высшему разуму и никакой въездной визы для матери. Только разговоры, разговоры и пустая трата времени. Тем не менее, уже без участия масонов, Гулю все же удается организовать для матери въезд во Францию, и уже перед самой войной они получают в пользование маленькую ферму на юго-западе Франции, где проводят военные годы, работая как обыкновенные фермеры.

В течение почти всего своего пребывания во Франции, Р. Б. продолжал записывать, обрабатывать и публиковать рассказы ряда очевидцев и участников российского безвременья. Среди них были б. флигель-адъютант имп. Николая II, служивший на императорской яхте «Штандарт», Н. П. Саблин и б. нарком Петроградской коммуны, «старый большевик» А. Д. Нагловский. Сотрудничая в *Современных записках* в Париже, а до того — в *Новой Русской Книге* и «Литературном приложении» к газете *Накануне* в Берлине, Р. Б. набирается опыта работы в толстых журналах, что подготавливает его к руководству *Новым журналом* в Нью-Йорке.

Во Франции Гуль удачно переделывает своего *Азефа* в пьесу для сцены, которая затем успешно ставится Русским Театром в Париже. Пьеса имеет успех у критиков и публики, представления идут «с аншлагом». Другую экскурсию в мир театрального искусства Гуль делает почти перед самой войной, когда британский постановщик Александр Корда и режиссер Жак Фрейдер приглашают его в качестве технического советника в «британский Холливуд» — Дэнэма на постановку фильма по сюжету из времен русской революции, с Марленой Дитрих и Робертом Донат, которых Р. Б. смело наряжает в толстовки, косоворотки и красные сарафаны. Именно эти заработанные в Лондоне деньги помогают Р. Б. с женой, матерью и братом с семьей «сесть на землю» на юге Франции и заняться сельским хозяйством.

Вернувшись в Париж по окончании войны, Р. Б. сразу же возвращается к политической и журналистской деятельности, но видит, что ее центр перекочевал за океан — в США, куда в 1950-м г. устремляется и он сам. Тут начинается последняя четверть его творческой жизни — самая публицистическая, полемическая и обобщительная по своему характеру. Гуль участвует в ряде антибольшевистских политических начинаний, долгое время сотрудничает на радио «Свобода» и, конечно, отдает последние тридцать пять лет своей жизни *Новому журналу*, единоличным редактором которого он являлся с 1959 г. Тут он пишет свои главные публицистические и автобиографические произведения и временами почти совершенно один, без всякой посторонней помощи ведет *Новый журнал*, старейший русский литературный и общественно-политический журнал за рубежом и второй по старшинству на русском языке — в мире.

До переезда в Америку Гуль производит еще одну удачную «пробу пера» и публикует свою первую систематическую автобиографию — *Конь Рыжий*, которая потом ложится в основу его следующего и капитального автобио-

графического труда — задуманной им трилогии *Я унес Россию*, из которой пока что вышли первые два тома. В них Гуль продолжает то, что ему так хорошо удавалось раньше: на канве своей жизни описывать события огромного масштаба и исторического значения, равно как и людей в них участвовавших, с которыми ему приходилось встречаться или о которых — слышать. Поэтому, *Я унес Россию* не столько автобиография Р. Б., сколько история жизни русской эмиграции в Германии, во Франции и — будем надеяться — в США, или, вернее, той части ее, с которой он был связан.

В Америке Р. Б. возобновляет свою литературно-критическую работу (наряду с многочисленными статьями по литературным вопросам, Гуль, еще в начале 20-х гг., опубликовал критический труд о произведениях Андрея Белого) и пишет ряд обширных остро полемических статей, напечатанных как в *Новом журнале*, так и в двух сборниках, озаглавленных *Одвуконь* и *Одвуконь-Два*. Состоя долготлетним членом Русской Академической Группы в США, Гуль в 1974 г. принимает участие в симпозиуме, посвященном творчеству А. И. Солженицына, и его доклад публикуется в VIII т. (1974) *Записок Русской Академической Группы в США*.

Именно в этот последний период мне выпала высокая честь быть сотрудником и, надеюсь, другом Романа Борисовича. Это был редкий, прямой, честный человек, посвятивший всю свою жизнь творческому труду на ниве слова, в лучших традициях русской бесребренической интеллигенции. Роман Гуль был воплощением всего самого лучшего, что характеризовало русскую интеллигенцию. Он обладал крепким историческим столбовым дворянским закалом, ригористично выпестованным, логически действующим, просвещенным рассудком и индивидуалистическим — одновременно острокритическим и в то же время глубоко этически укорененным — моральным чувством.

Инстинкт писателя-художника и интерес к сюжетам, построенным на всякого рода превратностях судьбы, как и острое чувство юмора, не покидали Романа Борисовича даже под самый конец. В один из наших последних разговоров ему вдруг припомнился сюжет, видимо слышанный на киносъёмках в Лондоне. К старому недоверчивому британскому лорду нанимается на работу молодой разбитной камердинер, который постепенно входит к своему хозяину в доверие, и лорд в нем просто души не чаёт. В конце концов, лорд не только усыновляет его, но и переписывает на него все свое состояние, после чего тот — в благодарность — выгоняет лорда вон из дому, пускает его по миру и проматывает все его состояние. Роман Борисович особенно смаковал такую концовку, и у меня не было сил сказать ему, что такой фильм был уже в 60-х гг. поставлен одной из британских киностудий и что жизнь, вообще, часто подражает искусству.

Ушел от нас выдающийся человек, — все меньше и меньше остается таких в эмиграции. Да будет легка Роману Гулю свободная американская земля, и пусть та Россия, которую он унес с собой и проносил всю свою жизнь, — как и наша память о нем, — сохранилась навеки.

Е. Л. Магеровский

Лев Флорианович Магеровский (1896-1986)

Утром 8-го июля 1986 г. у себя дома во Флашинге, Нью-Йорк, тихо скончался на 91-м году жизни известный общественный деятель и научный труженик Российского Зарубежья, участник Первой мировой войны, Белый воин и кадровый офицер российской императорской артиллерии, доктор прав Лев Флорианович Магеровский.

Лев Флорианович родился 18-го февраля (ст. ст.) 1896 г. в Одессе. Среднее образование он начал в Ришельевской гимназии-лицее, но затем был переведен отцом на стипендию Каменец-Подольского потомственного дворянства (в шестой книге которого он был записан) во Владимирский Киевский кадетский корпус, который и окончил с отличием весной 1914 г., а затем записался на юридический факультет Киевского Университета Св. Владимира. Однако, война определила ему другой путь — в Михайловское артиллерийское Училище в Санкт-Петербурге, которое он окончил в 1915 г. в составе последнего кадрового выпуска и был отправлен на Юго-Западный фронт. Одним из первых офицеров императорской артиллерии он там прошел школу стрельбы по воздушным целям и последним Высочайшим приказом, опубликованным уже 4-го марта 1917 г., был произведен в поручики с назначением в 8-ую Армию командующим 74-ой зенитной батареей. По открытии Александровской Военно-Юридической Академии в Петрограде, Л. Ф. держал туда конкурсный экзамен и выдержал его вторым по списку. Большевистский переворот застал Л. Ф. слушателем Академии в Петрограде, который ему пришлось покинуть в декабре 1917 г.

Вернувшись в Киев и возобновив занятия в Киевском Университете, Л. Ф. сразу же включился в Белую борьбу, принимал участие в ряде конспиративных антибольшевистских акций, включая т.н. «Азбуку», организованную бывшим членом Государственной Думы В. В. Шульгиным. Примерно в то же время Л. Ф. сотрудничал в газете *Киевлянин*.

После эвакуации Одессы в январе 1920 г., Л. Ф., совместно с еще ранее знакомым ему по Петрограду В. Л. Бурцевым, которому ген. Врангель поручил заграничную организацию службы прессы и информации Белого правительства в Крыму, начал создавать каналы для передачи европейской прессе и телеграфным агентствам достоверных сведений о том, что происходит в России. Так были положены начала издания *Общее дело* Бурцева в Париже и связанного с ним пресс-агентства «Руссунион», созданного Л. Ф. в Праге. Оба эти начинания пережили конец Белого Движения и ряд лет продолжали служить делу антибольшевистской борьбы, снабжая западную прессу и службы информации достоверными данными о происходящих в Советской России событиях и комментариями, объясняющими их значение для западного мира. Так, «Руссунион» просуществовал почти до самого начала Второй мировой войны, когда в связи со все ухудшающейся международной обстановкой, Л. Ф. пришлось его закрыть.

Еще будучи кадетом в Киеве, Л. Ф. познакомился там со своей будущей женой Ольгой Николаевной Мерклинг, внучкой знаменитого киевского профессора медицины, непревзойденного в те до-рентгеновские времена диагностика Евгения Ивановича Афанасьева и ген.-майора Николая Мерклинг, ранее командовавшего лейб-гвардии Кирасирским Ея Величества полком (т. н. «синими кирасирами»). Одна из его дочерей, Любовь Николаевна, приходящаяся

О. Н. теткой, была замужем за известным адмиралом Балтийского флота фон-Эссен. Следующая встреча Л. Ф. и О. Н. произошла уже на войне, в 8-ой Армии, где О. Н. служила полевой операционной сестрой милосердия. Пожились они на фронте, в Черновицах, и с тех пор и до самой своей смерти в 1973 г. О. Н. была его верной спутницей жизни, соратницей и сотрудницей в антибольшевистской борьбе и безропотной помощницей в эмиграции.

Обосновавшись в Чехословакии, Л. Ф. смог закончить при Карловом Университете прерванное Гражданской войной высшее образование и начать тот самоотверженный труд, которому он посвящает почти всю остальную жизнь — созданию хранилища для документации событий русской революции, гражданской войны и установления советского режима на территории бывшей Российской империи. Так, при содействии Земгора, а затем — чехословацкого правительства, Л. Ф., работая под руководством выдающихся представителей русской исторической науки, участвует в организации в 1921-1923 гг. Русского Заграничного Исторического Архива в Праге, состоит членом его Ученого Совета, занимает должность одного из заместителей директора Архива и бесценно заведует одним из четырех его главных отделов.

До немецкой оккупации Чехословакии Л. Ф. также принимает деятельное участие в общественной жизни в Праге, является сотрудником д-ра Карела Крамаржа, автора т.н. «русской акции» чехословацкого правительства, участвует в ряде чехословацких правительственных учреждений, состоит в руководстве таких организаций, как «Русский Сокол», «Союз русских писателей и журналистов» и др. Пока продолжалась «русская акция», Л. Ф. читал еженедельные обзоры международной политики для русских студентов, живущих в пражском общежитии «Свободарна», а его статьи о международных отношениях печатались во многих русских зарубежных газетах — от прибалтийских до южно-американских и дальневосточных.

Канцелярия прессагентства «Руссунион» служила как бы первой остановкой за границей для многих, кому удавалось выбраться из советской России, а также и отправляющихся туда, т.к. у Л. Ф. можно было получить самые «свежие» сведения о положении в СССР. Среди таких был, например, В. В. Шульгин, когда, попавшись на удочку «Треста», он безуспешно ездил в советскую Россию искать своего сына, равно как и другие путешественники, пользовавшиеся всякими «зелеными дорожками». Были, конечно, и попытки провокаций.

Метод борьбы Л. Ф. с такими господами был чрезвычайно прост: он созывал для них пресс-конференцию, где им предоставлялась полная свобода говорить все, что им заблагорассудится. Если они отказывались выступать или отзывались о советском строе слишком тепло, то в глазах русской эмиграции и антибольшевистских кругов иностранной прессы — они проваливались, и их дальнейшее пребывание за границей становилось бессмысленным. С другой стороны, если ради того, чтобы войти в доверие тех же кругов, они либо говорили правду о положении в СССР, либо даже представляли его в более сгущенных красках, чем оно было в действительности, то этим только содействовали успеху антибольшевистской акции, которая тогда проводилась «Руссунионом»

Трудно перечислить всех российских и иностранных общественных деятелей, с кем Л. Ф. в те годы приходилось иметь связи на журналистическом, международно-политическом и научном поприщах. Тут были все — от Масарика, Бенеша, Пашича, Клемансо и будущего папы Пия XIII — до Кондакова, Струве, Анрэ Мазона, Милюкова, Бунина, Цветаевой, членов ряда владель-

ных династий Европы и многих, многих других, независимо от национальности, религии, области деятельности и идеологии — конечно, исключая товарищей в кожаных куртках и господ в цветных рубашках.

Во второй половине 1930-х гг. история Европы — а потом и всего мира — вступила в новую кризисную эпоху, когда, ввиду появления и постепенного торжества новых политических сил, прежние формы борьбы с большевиками сильно усложнились и затруднились. Поэтому Л. Ф. считал нужным перейти от борьбы тактической к борьбе стратегической и стал отдавать все свои силы созданию фонда исторической документации того, как большевики пришли к власти в России и какими мерами они ее удерживали и расширяли. Перейдя теперь полностью на работу в Архив, Л. Ф. занялся видом исторических источников, на которые до тех пор исследователи обращали мало внимания, — газетным и летучечно-информационным фондом, в научное использование и методы хранения которого ему удалось сделать оригинальный вклад.

Во-первых, благодаря его усилиям, оба вида исторического материала из единовременной или часто-выходящей периодической печати, которым ранее пренебрегали исследователи, как репортажно-фактического, так и обобщающе-дискуссионного порядка, заняли, с некоторыми специальными оговорками, свое справедливое место среди других видов исторических источников эпохи Российской революции и гражданской войны. В 1939 г. Л. Ф. выпустил первую обобщенную библиографию русской периодической печати за 1917-1921 гг., хранящейся в фондах Р. З. И. Архива в Праге.

Во-вторых, Л. Ф. нашел, что фолианты газет, напечатанных на тогда весьма распространенном виде плохой бумаги, — быстро выцветающей, высыхающей и крошащейся («ломающейся») при обращении, — лучше сохраняются в условиях сырого, темного и прохладного хранения, чем в сухих, солнечных, натопленных помещениях большинства библиотек и других хранилищ. Это значительно удлинит срок первоначального пользования этими коллекциями — до того, как они бы нуждались в очень кропотливой и дорогой операции покрытия их полиэтиленом или, как в наши дни, их микрофильмирования. Однако, часто при микрофильмировании одной стороны листа все равно надо было укреплять обратную его сторону, чтобы он не рассыпался при перелистывании для того, чтобы заснять и ее на фотопленку. Поэтому, продление срока нормального пользования такими матерьялами было делом весьма важным.

После всех тягот немецкой оккупации и войны, Л. Ф. с семьей удается буквально чудом вырваться из Праги в мае 1945 г., уже после окончания Пражского восстания и вхождения туда советских войск (а вместе с ними — и частей СМЕРШ, которые, как стало позже известно, сразу же начали охоту за Л. Ф., чтобы свести с ним старые счеты), и добраться — благодаря содействию американских военных властей — до города Регенсбурга в американской зоне оккупации Германии.

Там Л. Ф. снова принимается за общественное служение: увидев почти безнадежное положение находящихся в северной Баварии бывших советских военнопленных, «остарбайтеров» и влосовцев, над которыми нависла угроза насильственной репатриации в СССР, Л. Ф. спешно создает, совместно с другими представителями первой, «Белой» эмиграции, организацию, именуемую Греко-православной церковной общиной, которая не только была способна «документировать» несколько тысяч людей и этим оградить их от неустанного преследования советскими репатриационными комиссиями, но даже, когда это

оказывалось возможным, отстаивать перед американскими военными учреждениями их права и интересы на основании общепринятых норм международного права.

Приехав в Нью-Йорк в 1948 г., Л. Ф. опять берется за помощь ближнему и, при деятельном участии в те годы возглавлявшего Американскую Митрополию Митрополита Феофила, немедленно организует при ней Комитет помощи беженцам, оставшимся еще в Европе, и сотни семей, как служителей церкви, так и мирян, получают возможность начать новую жизнь в Америке. В то же самое время, Л. Ф. стремится сразу возобновить связи с ранее знакомыми ему по Пражскому Архиву деятелями американского научного и политического мира — Хербертом Хувером, бывшим Президентом США и главой АРА, профессорами Ф. Е. Мозли и Дж. Т. Робинзоном, дипломатом, будущим послом Джорджем Кеннаном и др. — и вновь отдает все свои силы на воссоздание в безопасных условиях свободной Америки переданного большевикам в 1945 г. правительством оккупированной Красной армией Чехословакии Русского Заграничного Исторического Архива в Праге.

При участии бывшего посла Российского Временного Правительства в США Бориса Бахметьева, организатора известного «Хьюмэнитиз» («Бахметьевского») фонда и профессора гидравлики Колумбийского Университета, президента Университета и будущего Президента США ген. Двайта Д. Эйзенхауэра, директора-основателя Русского Института Колумбийского Университета проф. Дж. Т. Робинзона и неустанныго поборника почти всех русских и восточно-европейских культурных и научных начинаний в США, профессора (позже — декана) Филиппа (Е.) Артуровича Мозли, в июне 1951 г. открыл свои двери Архив Русской и Восточно-Европейской Истории и Культуры при Колумбийском Университете (позже, в 1972-73 г., после передачи Колумбийскому Университету почти всех оставшихся средств «Бахметьевского» фонда и ликвидации последнего, переименованный в «Бахметьевский»). Л. Ф. был назначен его «куратором» а Ф. Е. Мозли — его «директором» и председателем административного комитета, представлявшего университетские власти. По примеру Пражского Архива, Л. Ф. настоял на том, чтобы и здесь был создан особый попечительский комитет из представителей русской культуры зарубежом. Этот комитет возглавлялся профессором русской истории М. М. Карповичем, и в него входили А. Л. Толстая, писатели М. А. Алданов и Нобелевский лауреат И. А. Бунин, общественные деятели В. А. Маклаков и Б. Н. Николаевский.

Пользуясь доверием русских людей самых различных политических взглядов — от легитимистов-монархистов до социалистов-антикоммунистов — Л. Ф. создал в течение 26-ти лет (1951-1977) напряженного жертвенного труда второе в свободном мире по значению и объему хранилище архивных материалов, документирующих недавнее российское прошлое, Белую борьбу, а также почти все антибольшевистские движения во всем их многообразии. К концу 1977 г. в Архиве собралось около 600-т коллекций, содержавших более 2-х миллионов архивных единиц. При этом надо подчеркнуть, что это было достигнуто при самом скромном — нищенском — бюджете и отсутствии иного служебного персонала, кроме одного Л. Ф. Только в ведении английской переписки и некоторых других архивных делах ему периодически и безвозмездно помогал его сын Евгений. Л. Ф. держал связь с потенциальными вкладчиками во всех концах свободного мира и, особенно после ухода из жизни членов попечительского комитета, был действительно представителем Русского Зарубежья при бурном росте архивных материалов из года в год.

Л. Ф. понимал, что еще сохранился целый ряд лиц, как участников, так и наблюдателей исторических событий, которые своими воспоминаниями и мелкими личными архивами могут еще как-то восполнить те изъяны в исторической документации, которые образовались вследствие исчезновения или уничтожения бесспорных первоисточников. Попавшие в Праге в советские руки материалы восстанавливались при помощи черновиков, мемуаров и воспоминаний, казалось, мало что представлявших собой в отдельности, но становившихся ценнейшими источниками, когда их брали вместе.

Более того, Л. Ф. удалось разыскать некоторых бывших агентов — представителей Пражского Архива, уцелевших после войны, и быстро создать из них готовую сеть опытных представителей для нового архива. Если раньше упор делался на поиски эпистолярных и документальных коллекций, то теперь выискивались возможные свидетели исторических событий и составлялись ценнейшие коллекции из бумаг, буквально выброшенных на улицу из квартир одиноких эмигрантов, ушедших в лучший мир. Часто лица передавали матерьялы под личную опеку Л. Ф. или лица им назначенного. К сожалению, теперь части таких коллекций публикуются без разрешения их законных опекунов в различных зарубежных русских изданиях.

К 1977 г., на основании одних только опубликованных или письменно выраженных ему благодарностей, Л. Ф., за всю свою работу в Архиве, — вплоть до своей вынужденной отставки на 82-м году жизни, — способствовал написанию и опубликованию нескольких десятков книг и монографий, около сотни диссертаций и обширных научных статей и неисчислимого количества магистерских тез, статей и рефератов. Созданный Л. Ф. Бахметьевский Архив является ценнейшим вкладом в американскую и мировую историческую науку, его можно было бы не только справедливо называть «бесценным алмазом в короне богини Колумбийского Университета», как его и охарактеризовал один из благородных американских ученых, но и считать вечным памятником российской культуре зарубежом. До 1978 г. было невозможно предпринять какую-либо серьезную исследовательскую работу о недавнем российском прошлом без того, чтобы не воспользоваться хранящимися в Архиве материалами и, конечно, щедрыми указаниями о них от Льва Флориановича.

В связи с изменениями в режиме Архива, происшедшими после его ухода, в которых Л. Ф. и целый ряд поддерживающих его лиц и организаций, в том числе и Русская Академическая Группа в С.Ш.А., — как вкладчиков материалов, так и представителей свободной русской культуры за рубежом, — видели нарушения «джентельменского соглашения» между университетом и Российским Зарубежьем, выразившиеся в том, что русская антибольшевистская эмиграция больше не участвует в ведении дел Архива, Л. Ф. почти все последнее десятилетие вел неустанную борьбу, напоминающую единоборство Давида с Голиафом, за восстановление прежнего порядка и вновь допуска компетентных представителей российской антибольшевистской культуры за рубежом к участию в делах, в общем — эмиграцией же созданного, Бахметьевского Архива. Следует надеяться, что эта борьба будет продолжаться и дальше — до полного успеха. Даже в самые последние часы своей жизни Л. Ф. продолжал горько переживать, как он сам часто говаривал, «совершенно ненужный, бесславный конец» своего детища — Бахметьевского Архива, созданного и более четверти века блестяще прослужившего науке на основании «джентельменского соглашения» между российским антибольшевистским зарубежьем и администрацией Колумбийского Университета. К сожалению, эпоха джентельменов, видимо, безвозвратно

прошла. По свидетельству членов семьи Л. Ф., Колумбийский Университет, на благо и успех которого Л. Ф. жертвенно проработал свыше 25-ти лет, даже не удосужился ни как таковой, ни в лице кого-либо из его служащих, хотя бы формально отметить кончину Л. Ф.

Проведши почти всю первую половину своей жизни на людях, в круговороте общественной и политической деятельности, Л. Ф. в дальнейшем предпочитал продолжать свое служение русскому делу так, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания, и поэтому избегал прямого участия в различных организациях. Тем не менее, он продолжал активно помогать развитию российской культуры за рубежом. Будучи хорошо знаком с русским заграничным академическим миром и в частности — с проф. Спекторским, Флоровским и др., Л. Ф. способствовал учреждению Св. Владимирской Духовной Академии (по-английски — семинарии), консультируя митрополитов Феофила и Леонтия по этому вопросу. Примерно в то же время, действуя со свойственной ему тактичной, мягкой настойчивостью, Л. Ф. привел к тому, что российские трехцветные полотнища заняли свое теперь привычное место на клиросах многих храмов. Позже, когда кн. С. Трубецкой стал разбирать архивы Американской митрополии, чтобы создать из них единый фонд материалов Православной Церкви в Америке, он часто прибегал к помощи и компететным советам Л. Ф. Лев Флорианович был также большим другом и доброжелателем Русской Академической Группы в США с самого ее образования и в ряде дел помогал ее основателю и долголетнему возглавителю проф. К. Г. Белоусову, с которым у него были теплые, дружеские отношения с давних, «заокеанских» времен.

Долгий, нелегкий жизненный путь Л. Ф. был исполнен самоотверженностью и глубокой принципиальностью. Он провел его в служении ближнему, служении исторической правде и бескомпромиссном антибольшевизме. Особенно следует отметить то, что в страшную первую четверть века российского рассеяния, когда почти каждого русского эмигранта повсюду поджидало несчетное множество всяких моральных и политических искушений и обольщений, играющих как на его недавно погранных самых заветных чувствах, так и на его насущных каждодневных житейских нуждах, Л. Ф. сумел, часто ценою собственного благосостояния и безопасности для себя и своей семьи, не поступиться своей честью и своими высокими моральными идеалами.

Мир его праху.

В. Б. Лембер

Оповещение от Главного Правления Конгресса Русских Американцев

Медаль в ознаменование тысячелетия Крещения Руси

Главное правление Конгресса Русских Американцев выпустило настольную памятную медаль в ознаменование 1000-летия Крещения Руси святым равноапостольным князем Владимиром.

На лицевой стороне медали изображен св. равноапостольный князь Владимир. Обратная сторона посвящена 1000-летию Крещения Руси. Вокруг православного креста помещены следующие символы: слева — трезуб, родовой знак св. Владимира и Рюриковичей, сверху — образ Нерукотворного Спаса, который изображался на знаменах древней Руси, с которыми воины древней Руси шли в бой против нашествий с востока, запада и юга, справа — герб императорской России, внизу — терновый венец, символ страданий русского народа и мученичества православной церкви под игом марксизма-ленинизма.

Эта памятная медаль останется в каждой семье в течение будущих поколений. Наши далекие потомки будут ею гордиться. Ее будут ценить коллекционеры. Заказывайте медаль для себя, ваших детей и внуков, для ваших друзей. Дарите медаль представителям власти, законодателям, духовным лицам, вашим друзьям-учителям и журналистам. Пусть медаль будет нашим вестником и свидетельством 1000-летней истории христианства в России.

Диаметр медали — более трех дюймов (77 мм). Выпущены медали трех видов: бронзовые, бронзовые посеребренные и бронзовые позолоченные. Заказы на медали принимаются по прежним ценам: 30, 35 и 40 долл. за бронзовые, посеребренные и позолоченные, соответственно, включая пересылку. Заказы следует посылать с соответствующим чеком на имя Конгресса Русских Американцев по адресу: Congress of Russian Americans, P.O. Box 818, Nyack, N.Y. 10960. Медаль из чистого серебра такого же размера как и бронзовая (77 мм диаметром) стоит 250 долл.; золотая медаль весом в одну унцию (диаметр 1 дюйм — 22 мм) с содержанием золота 75% — 500 долл., а с 92% — 600 долл.; серебряная медаль весом в 1 унцию — 50 долл.

Просьба выписывать чеки на Congress of Russian Americans. Чеки, при-
сылаемые из-за границы, должны быть в американских долларах.

Медали также распространяются в приходах православных церквей с благословения иерархов.